КН

НЕ КОПИРОВАТЬ

С. К. ГОГЕЛЬ

Прив.-Доцентъ ИМПЕРАТОРСКАГО СПБ. Университета

Профессоръ Психо-Неврологическаго Института.

КУРСЪ

УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ УГОЛОВНОЙ СОЦІОЛОГІЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910.

ЧИТАЛЬНЯ ИМЕНИ И. С. ТУРГЕНЕВА

10к

КН

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

227
31

Типографія А. Г. Розена—Спб. Театральная пл., 2.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Введеніе стр.

Содержаніе и задачи науки уголовной политики 1
Основное различіе между уголовнымъ и гражданскимъ правомъ 11
Позитивный методъ изслѣдованія преступности . . 20
Ростъ преступности въ европейскихъ государствахъ . . 32
Порядокъ собиранія статистическихъ данныхъ о преступности 54
Обзоръ литературы по уголовной соціологіи и уголовной политики. Прошлое и настоящее 62
Чезаре Беккаріа 63
Джонъ Говардъ 72
Современная литература 77

II. Ученіе о факторахъ преступности 83

А. Индивидуальные факторы 87

Уголовно-антропологическая школа 90
Другія ученія объ индивидуальныхъ факторахъ преступности 105
Ученіе моралистовъ 113

Б. Внѣшніе факторы 119

Факторы экономическіе 121
Соціальные факторы 125
Общіе выводы о факторахъ преступности 160

III. Ученіе о мѣрахъ борьбы съ преступностью 163

Репрессія и превенція 167

А. Мѣры репрессивныя:

Значеніе тюремнаго заключенія въ прошломъ и настоящемъ 188

стр.
Реформы въ области уголовнаго законодательства. . 201
Проектъ швейцарскаго угол. ул. 203
Норвежское угол. ул. 22 мая 1902 г. 239
Коренное измѣненіе основныхъ началъ въ постановкѣ мѣръ репрессіи. Опозореніе и устраненіе личности преступника въ прошломъ и возрожденіе личности преступника въ наше время. Психологическое принужденіе 249
Условное досрочное освобожденіе. 256
Условное осужденіе. 278
Реабилитація 320
Мѣры борьбы съ дѣтскою преступностью. Принудительное воспитаніе 351
Неопредѣленные приговоры. Сохраненіе. Принудительное воспитаніе для взрослыхъ. Реформаторіи 399
Роль общества въ примѣненіи новыхъ мѣръ борьбы съ преступностью 407

Б. Мѣры превентивныя:

Общая характеристика этихъ мѣръ 440
Характеристика современнаго союзнаго движенія и значенія этого движенія для борьбы съ преступностью . 443
Союзы экономически и нравственно здоровыхъ личностей, ограждающіе честь и нравственнное достоинство своихъ сочленовъ 464
Союзы нравственно и экономически здоровыхъ личностей, приходящіе на помощь лицамъ съ пошатнувшимся экономически и нравственно положеніемъ (филантропическіе) 481

I. ВВЕДЕНІЕ.

Содержаніе и задачи науки уголовной политики.

Наука уголовной политики новая, преподаваніе ея введено всего лишь два года въ русскихъ университетахъ. Понятно, поэтому, что взгляды на содержаніе и задачи этой науки еще не вполнѣ установились. Наиболѣе распространеннымъ, однако же, должно быть признано мнѣніе, въ силу котораго эта новая наука является какъ бы прикладной къ догмѣ уголовнаго права. Такой взглядъ долженъ быть признанъ, однако, совершенно невѣрнымъ, какъ основанный на неправильномъ взглядѣ на задачи и содержаніе основной науки. Въ качествѣ таковой основной науки никоимъ образомъ не можетъ быть признана догма уголовнаго права, которая и сама является ничѣмъ инымъ, какъ прикладной наукой-систематизаціей одного изъ видовъ мѣръ борьбы съ преступностью – репрессіи.

Стремленіе создать особую науку политики, какъ прикладную, особенно ярко проявилось въ области нѣмецкой науки государственнаго права уже лѣтъ 40 тому назадъ, и тогда же далъ соотвѣтственную и правильную оцѣнку всему этому движенію В. И. Сергѣевичъ въ своемъ неустарѣвшемъ и до нынѣ изслѣдованіи „Задачи и методъ государственныхъ наукъ“ (1871 г.). Онъ совершенно вѣрно выяснилъ, что такая настоятельная потребность въ образованіи особой новой науки „политики“ ощущается только нѣмецкой наукой, но не англійской и французской, и причина этого въ глубокомъ различіи постановки основной науки въ Германіи съ одной стороны, и Франціи и Англіи съ другой. Въ этихъ послѣднихъ странахъ, прежде всего и главнымъ образомъ, изучаютъ дѣйствующій въ разныхъ государствахъ государственный строй и дѣйствующее законодательство, здѣсь дѣлаютъ обобщенія на основаніи фактическаго матеріала какъ зако-

нодательнаго, такъ и бытового, здѣсь дошли уже до соціологіи. Наоборотъ, въ Германіи того времени наука всецѣло оставалась еще на почвѣ ученій естественнаго права, теорій отвлеченныхъ, построенныхъ по чисто раціоналистическому, дедуктивному методу. При такихъ условіяхъ дѣйствительная жизнь забывалась совершенно. А между тѣмъ государственный строй измѣнился, рѣзкое различіе между печальною дѣйствительностью и идеалистическими построеніями естественнаго права значительно сгладились. Относиться къ жизни и дѣйствительному положенію вполнѣ отрицательно, игнорировать ихъ, становилось совершенно невозможнымъ; и вотъ, какъ уступка жизни, и явилось желаніе образовать новую науку, куда бы немного получила доступъ жизнь, но въ видѣ прикладной, вспомогательной. Черезъ 27 лѣтъ послѣ сочиненія Сергѣевича вышла въ свѣтъ работа профессора Страсбургскаго университета Фрица ванъ Калькера „Политика какъ наука“ (1898), и въ ней признается, что къ наукѣ политикѣ относятся съ громаднымъ недовѣріемъ; ея цѣли, содержаніе и задачи не опредѣлились и до сихъ поръ. По мысли одного изъ самыхъ выдающихся защитниковъ политики какъ науки Фр. ф. Гольцендорфа, автора сочиненія „Основы политики“ (1877), предметомъ науки политики должно быть изученіе реализаціи государственныхъ цѣлей. Черпая данныя изъ основной науки, наука политики должна явиться путеводителемъ и наставникомъ реальной политики во всѣхъ ея отрасляхъ.

Догма уголовнаго права, вся построенная по системѣ гражданскаго права, изслѣдующая не явленія дѣйствительной жизни, а лишь юридическія формы этихъ явленій, забывающая, поэтому, о дѣйствительной жизни, оказывается несостоятельной для освѣщенія существующей преступности, ея причинъ, конечно, и мѣръ борьбы съ преступностью. Понятна поэтому потребность и здѣсь въ какой то новой наукѣ. Но можетъ-ли эта новая наука явиться въ качествѣ дополнительной къ догмѣ съ одной стороны и въ качествѣ верховнаго указчика въ дѣлѣ борьбы съ преступностью съ другой стороны, какъ этого требуютъ многіе современные ученые?

И то и другое совершенно невѣрно. Новая наука не можетъ быть прикладной къ догмѣ, потому что ей нечего отъ

послѣдней заимствовать, ей надо изучать дѣйствительную реальную преступность и ея причины, а не юридическія формы таковой въ современномъ законодательствѣ. Это первое; съ другой стороны, несомнѣнно, никакая наука, за исключеніемъ чисто техническихъ, не призвана быть непосредственнымъ указчикомъ и руководителемъ практической дѣятельности государства и общества въ той или другой области.

Поэтому новая наука, распадаясь, если угодно, на уголовную соціологію (вмѣстѣ съ уголовной антропологіей) и уголовную политику, должна изучать въ первой части преступность и ея причины, а во второй—примѣняемыя уже нынѣ мѣры борьбы съ преступностью, какъ репрессивныя, такъ и превентивныя. Оцѣнивать мѣры борьбы съ преступностью уголовная политика можетъ только съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ и цѣлесообразности ихъ для борьбы съ тѣмъ зломъ и его причинами, которыя выясняетъ уголовная соціологія. Такимъ образомъ, уголовная политика, являясь или неразрывнымъ цѣлымъ съ уголовной соціологіей или прикладной наукой къ основной позитивной наукѣ — уголовной соціологіи, представляетъ собою ученіе о существующихъ уже нынѣ мѣрахъ борьбы съ преступностью. Не занимаясь вовсе юридическими формами преступности, она удѣляетъ и мѣрамъ репрессіи, соотвѣтственно съ признаннымъ нынѣ малымъ удѣльнымъ вѣсомъ ихъ для борьбы съ преступностью, меньше значенія, чѣмъ мѣрамъ превентивнымъ и, главнымъ образомъ, должна подробно выяснять происходящій въ настоящее время крутой поворотъ въ постановкѣ мѣръ репрессіи, изъ коихъ новѣйшія могутъ быть причислены къ репрессивнымъ мѣрамъ только номинально.

Оставляя догматическое изученіе, надо прежде всего отказаться отъ пріемовъ догматической школы и сосредоточить свое вниманіе на другихъ предметахъ, а не на томъ, на чемъ сосредоточивала свое вниманіе догматическая школа. Все же вниманіе догматической школы было сосредоточено на преступномъ дѣяніи, какъ продуктѣ преступной воли; съ этою свободною, какъ она всегда думала, волею она и предлагала бороться карою-возмездіемъ. Отъ преступнаго дѣянія она уже восходила къ преступнику,

какъ автору дѣянія и носителю злой воли, другихъ свойствъ у преступника не было. Что же выходило?—то, что это дѣяніе являлось какъ deus ex machina, какъ единичное, случайное, произвольное явленіе, котораго ни предвидѣть, ни предупредить нельзя было, и сколько бы такихъ явленій ни было, они между собою ничего общаго не имѣли. Удивительно, какъ еще могли думать при такихъ условіяхъ бороться съ преступниками, да еще къ тому же общими мѣрами, однѣми для всѣхъ. Это было положеніе безнадежное. Но еще безнадежнѣе оно было въ научномъ отношеніи; что изучать, какія научныя обобщенія возможны въ такихъ случаяхъ, если не вдаваться исключительно въ область науки психологіи. Какъ можетъ въ сущности существовать самое понятіе преступнаго дѣянія, какъ общаго понятія, для этого ряда произвольныхъ случайныхъ дѣяній? — единственное начало, объединяющее—это воля, непокорная воля, взятая въ самомъ общемъ смыслѣ, какъ одна изъ способностей человѣка. Но вотъ „мечтатели“ стали давно, уже съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, сомнѣваться въ томъ, чтобы преступныя дѣянія были такъ разрознены между собою и представляли такія произвольныя, случайныя явленія. Статистикъ Кетле сталъ усматривать извѣстную связь между ними, сталъ доказывать, что общая волна преступленій повышается и понижается въ зависимости отъ какихъ то общихъ причинъ, а при неизмѣнности причинъ число преступленій остается то же изъ года въ годъ. Статистика стала развиваться, стали сравнивать данныя, получавшіяся въ разныхъ странахъ и въ разное время, приводить въ связь съ тѣми или другими соціальными, физическими причинами (неурожая, временъ года) и т. д., и оказалось, что существуетъ не куча разрозненныхъ дѣяній, а нѣчто общее, въ видѣ преступности даннаго народа въ данную эпоху, въ видѣ общей суммы преступленій.

Дальнѣйшія изслѣдованія пошли дальше, и оказалось, что и преступника тоже недостаточно изучать только какъ носителя воли и что тѣ же общія причины, которыя объединяютъ всѣ преступленія, совершаемыя въ данномъ народѣ и въ данную эпоху, въ одно цѣлое, вліяютъ и на образованіе различныхъ типовъ преступниковъ и въ этомъ смыслѣ,

напр., проф. Фойницкій въ своемъ „Ученіи о наказаніи“ говоритъ о преступности, какъ о личномъ состояніи, скорѣе какъ о преступныхъ наклонностяхъ. Пришлось такимъ образомъ сосредоточить вниманіе и заняться изученіемъ не того, что изучала классическая догматическая школа, пришлось изучать преступность, причины преступности (факторы) и преступника.

Пришлось отказаться и отъ метода догматической школы—дедуктивно-юридическаго. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь была поставлена задача—изученіе забытой жизни во всемъ ея разнообразіи, богатомъ разнообразіи. Ибо преступность—одно изъ самыхъ сложныхъ явленій соціальной жизни, это явленіе несомнѣнно соціальное, но, какъ и вся соціальная жизнь и всѣ ея явленія, оно опредѣляется и вызывается цѣлымъ рядомъ причинъ и чисто внѣшнихъ, природы, хотя бы климата, времени года, плодородія почвы и т. д. и цѣлаго ряда антропо-біологическихъ причинъ, коренящихся въ устройствѣ, наклонностяхъ, характерѣ людей данной расы, народа, мѣстности, наконецъ, причинъ, коренящихся въ исторіи и всемъ соціальномъ и политическомъ строѣ народа. Конечно, здѣсь не можетъ быть и мысли о единомъ догматическомъ началѣ, изъ котораго выводятся всѣ остальныя понятія, о волѣ или о чемъ либо другомъ. Здѣсь много началъ, много причинъ, много явленій, какъ волнъ въ морѣ. Это общее понятіе преступленія, какъ призракъ, разбилось на кусочки и изъ каждаго кусочка выросла гора громадная, на обслѣдованіе которой надо потратить много времени. Да, одного начала недостаточно: вѣдь нельзя же брать частичку человѣка—его волю, когда въ преступленіе онъ вкладывается весь, со всѣми его способностями душевными, умственными, физическими, со всѣмъ прошлымъ своимъ личнымъ и своего народа.

Итакъ, методъ въ первой части, въ области уголовной соціологіи, другой—методъ наблюденія, индукціи; конечно, здѣсь невозможны опыты, какъ въ естественныхъ наукахъ, но эти опыты за науку и какъ бы для науки производятся самими народами, и вотъ сравненіе того, что происходитъ въ разныхъ народахъ и послѣдовательность явленій даетъ прочную почву для обобщеній и выводовъ. Изучая такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію въ солидарности,

въ зависимости одного явленія отъ другого, въ сосуществованіи явленій, въ аналогичности чертъ, характеризующихъ ихъ, и затѣмъ въ причинности, т. е. въ послѣдовательности, въ томъ, что ближайшей причиной каждаго соціальнаго явленія слѣдуетъ признавать всегда соціальное состояніе, предшествовавшее ему. Въ основу, въ уголъ всего изученія, становится положеніе, добытое тоже опытнымъ путемъ и общепризнанное, неоспоримое, о существованіи здѣсь, во-первыхъ, закона причинности и, во-вторыхъ, объ однообразіи путей, избираемыхъ природой какъ внѣшней, такъ и соціальной въ своихъ созданіяхъ.

Эти законы неизмѣнны, ихъ законодатель измѣнить по своей волѣ не можетъ, съ ними онъ долженъ сообразоваться; но не слѣдуетъ забывать, что однимъ изъ факторовъ соціальныхъ явленій всегда является цѣлесообразная, сознательная человѣческая дѣятельность.

Конечно, во второй части нашей науки — уголовной политикѣ методъ позитивный (индуктивный) непримѣнимъ въ такой же мѣрѣ, какъ и въ первой. Эта вторая часть, если ее разсматривать какъ самостоятельную науку, является прикладной въ отношеніи къ первой и, какъ всякая прикладная наука, исходитъ изъ положеній основной науки, которыя принимаются уже здѣсь какъ безспорныя начала, какъ исходная точка. Если основная наука, напримѣръ, пришла къ заключенію, что главной причиной значительной части преступленій является особое состояніе заброшенности, одиночества, отдѣльной человѣческой личности, явленіе соціальное—то уголовная политика, изучая тѣ мѣропріятія, которыя современнымъ культурнымъ человѣчествомъ примѣняются въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ, оцѣниваетъ ихъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, т. е. того, въ какой мѣрѣ они ослабляютъ вредныя послѣдствія этого соціальнаго явленія.

Но возможно, въ извѣстной мѣрѣ, примѣненіе и другихъ пріемовъ, чрезвычайно приближающихся, или даже тождественныхъ, съ методомъ индуктивнымъ. Такъ поступилъ напримѣръ нашъ извѣстный даровитый криминалистъ Кистяковскій въ своемъ выдающемся „Изслѣдованіи о смертной казни“. Онъ оставилъ въ сторонѣ оцѣнку этого наказанія

съ точки зрѣнія цѣлесообразности, онъ посмотрѣлъ на смертную казнь, какъ на явленіе соціальное, и прослѣдилъ въ исторіи, при какихъ условіяхъ примѣненіе этого наказанія учащается, а равно послѣдовательно установилъ эволюцію вымиранія смертной казни; это соціальное явленіе вымиранія находится въ несомнѣнной внутренней связи съ ростомъ другихъ соціальныхъ явленій, среди которыхъ повышеніе культурнаго строя и уравненіе въ правахъ сословій играютъ выдающуюся роль. Можно изучать ту же смертную казнь тоже какъ соціальное явленіе, разсматривая ее при томъ не какъ послѣдствіе другихъ соціальныхъ явленій, а какъ причину въ свою очередь другихъ явленій, напримѣръ, установить путемъ статистическихъ и другихъ данныхъ, что при учащеніи примѣненія смертной казни, учащается совершеніе въ странѣ насильственныхъ противъ личности преступленій и вообще происходитъ ожесточеніе нравовъ.

Вопросъ о примѣненіи того или другого метода въ области науки, изучающей преступность, ея причины и борьбу съ ними, привлекаетъ особенно близкое вниманіе всѣхъ современныхъ научныхъ школъ [1]). Въ существѣ дѣла, однако, едва ли имѣются серьезныя основанія для того горячаго спора, который ведется по этому поводу. Весь онъ скорѣе обусловливается стремленіемъ объединить въ одну науку, какъ занимающую нынѣ господствующее положеніе, догму уголовнаго права, изучающую, какъ сказано выше, исключительно юридическія формы явленій и оперирующую совершенно правильно для своихъ задачъ при помощи метода дедуктивнаго, съ новыми науками, уголовной соціологіей и уголовной политикой, изъ которыхъ первая, конечно, можетъ прибѣгать только къ методу позитивному. Едва ли, однако, настало время для такого объединенія; едва ли слѣдуетъ тратить научныя силы на споры объ удѣльномъ вѣсѣ, о мѣстѣ и значеніи, которое получитъ въ общемъ дворцѣ науки догма дедуктивная и соціологія позитивная. Важно то, что число защитниковъ исключительно догматическаго

---

[1]) Подробнѣе по этому вопросу см. М. Н. Гернетъ. Соціальные факторы преступности, 1905, стр. 1—28; М. П. Чубинскій. Очерки уголовной политики, passim и др.

изученія преступности, какъ справедливо говоритъ Гернетъ, крайне быстро рѣдѣетъ. Важно то, что подорвано убѣжденіе, будто бы репрессія есть единственное средство въ борьбѣ съ преступностью и догма, систематизирующая мѣры репрессіи и изучающая лишь юридическія формы проявленій преступности, единственная дѣйствительная наука, все же остальное—всѣ уголовно-соціологическія и уголовно-политическія изслѣдованія—или не научны или относятся къ области біологіи, антропологіи или даже публицистики. Время дѣлаетъ свое: съ постепеннымъ упадкомъ значенія репрессіи, съ постояннымъ упрощеніемъ уголовныхъ кодексовъ, все меньше придаютъ значенія и большинству догматическихъ доктринъ. Время и, можетъ-быть, неотдаленное будущее опредѣлитъ точнѣе и дѣйствительное значеніе какъ науки догмы уголовнаго права, развившейся изъ глоссы, т. е. простого комментированія и толкованія дѣйствующихъ законовъ. Одно можно сказать и теперь уже, что объединеніе подъ однимъ общепринятымъ, только для одной догмы, названіемъ науки уголовнаго права и самой догмы и новыхъ наукъ безусловно нежелательно, ибо ведетъ, въ особенности въ умахъ изучающихъ еще только науку, къ смѣшенію и совершенно различныхъ предметовъ изслѣдованія и совершенно различныхъ методовъ изслѣдованія.

Есть, однако, и теперь одно отношеніе, одинъ элементъ юридическій, но въ сущности вовсе не уголовнодогматическій, который долженъ быть принятъ въ серьезное вниманіе при построеніи науки уголовной политики. Какъ сказано уже выше, наука уголовной политики, хотя и является наукой прикладной, не можетъ претендовать на положеніе какого-то верховнаго указчика для законодателя, судьи и администратора. Она не можетъ уподобляться чисто техническимъ прикладнымъ наукамъ, не можетъ давать даже законодателю такихъ непосредственныхъ практическихъ совѣтовъ. Это даетъ ей несомнѣнно нѣкоторую свободу въ ея предположеніяхъ, избавляетъ ее отъ обязанности принимать непремѣнно во вниманіе возможность на практикѣ немедленнаго осуществленія ея предположеній. Но, однако же, эта свобода предположеній ограничивается однимъ требованіемъ. Какъ наука прикладная, предлагающая мѣры для борьбы съ

соціальными бѣдами современныхъ культурныхъ народовъ, она должна считаться съ общимъ культурнымъ строемъ этихъ народовъ и прежде всего съ тѣмъ, что всѣ они въ настоящее время пользуются, такъ называемымъ, правовымъ государственнымъ строемъ, при которомъ права человѣческой личности представляются благомъ ненарушимымъ, ограждаемымъ основными законами. Поэтому, исходя изъ положеній уголовной соціологіи о наличности извѣстнаго соціальнаго зла и строя по соображеніямъ цѣлесообразности свои предположенія въ устраненіе или ослабленіе этого соціальнаго зла, она не можетъ никоимъ образомъ принимать во вниманіе только одни соображенія цѣлесообразности и считать, что все, что цѣлесообразно, вмѣстѣ съ тѣмъ и допустимо и можетъ быть предложено. Она должна безусловно считаться съ требованіями правового государственнаго строя и прежде всего съ правами человѣческой личности. Поэтому являются недопустимыми такія, напримѣръ, предположенія. Уголовно-антропологическая школа въ первоначальномъ періодѣ своего развитія, придя къ заключенію о наличности большого числа прирожденныхъ, неисправимыхъ преступниковъ, рекомендовала широкое примѣненіе смертной казни, какъ единственно цѣлесообразнаго средства борьбы съ преступниками. Такъ далѣе, еще недавно американскій ученый Бойесъ [1]) въ своемъ, далеко нелишенномъ научныхъ достоинствъ, трудѣ рекомендовалъ, какъ единственно практическую цѣлесообразную мѣру въ борьбѣ съ половыми преступленіями—кастрированіе преступниковъ, совершающихъ подобныя преступленія. Подобныя предложенія роняютъ достоинство науки, допуская въ ея область плоды необузданной фантазіи, а не того научнаго воображенія, о которомъ такъ прекрасно говорилъ знаменитый англійскій естествоиспытатель Джонъ Тиндаль.

Но такое ограниченіе указываетъ на необходимость считаться не съ требованіями догмы уголовнаго права, а съ тѣми требованіями правового строя, съ которыми считаются и всѣ юридическія дисциплины. Для того же, чтобы яснѣе представилось различіе новыхъ наукъ отъ догмы уголовнаг

[1]) Boies. The Science of Penology, 1901.

права, а равно стала бы понятнѣе настоятельная необходимость, вызвавшая образованіе уголовной соціологіи и уголовной политики, необходимо остановиться на вопросѣ о недостаточности одного чисто юридическаго изслѣдованія преступности, а для разрѣшенія этого вопроса необходимо точное выясненіе коренного различія, существующаго между чисто юридической дисциплиной гражданскаго права и уголовнымъ правомъ.

Основное различіе между уголовнымъ и гражданскимъ правомъ.

Защитники догмы уголовнаго права, какъ единственной науки о преступности, утверждали до послѣдняго времени, что для борьбы съ преступностью есть только одно средство—репрессія, что систематическое изложеніе мѣръ репрессіи, научная систематизація положеній уголовныхъ кодексовъ, въ которыхъ перечислены преступныя дѣянія и наказанія за нихъ, и есть единственное, дѣйствительно научное, ученіе о преступности.

Систематизація эта производилась юридически по системѣ гражданскаго права со временъ первыхъ глоссаторовъ 13-го вѣка. Глоссируя, т. е. разъясняя для современныхъ юристовъ постановленія римскаго гражданскаго права и найдя въ Дигестахъ двѣ главы, посвященныя уголовному праву, глоссаторы и ихъ по своему, по ихъ воззрѣніямъ, „научно“ обработали и, конечно, по той же системѣ гражданскаго права—главной юридической дисциплины. И съ тѣхъ поръ ученіе о преступности стало обрабатываться по системѣ гражданскаго права. Субъектъ, объектъ, сдѣлка, какъ актъ волеизъявленія въ гражданскомъ правѣ, въ уголовномъ правѣ, какъ актъ злой воли и неизбѣжныя, съ опасностью въ противномъ случаѣ, что рушится весь правовой строй, юридическія послѣдствія сдѣлки. Все просто, прочно, повидимому, логично; прямо, казалось, дѣлать нечего, и потому юридическая догматическая школа занялась филигранными работами, къ которымъ она унаслѣдовала вкусъ все отъ тѣхъ же глоссаторовъ среднихъ вѣковъ. Такъ потрачено было много труда на вопросы о вмѣняемости, пока, наконецъ, врачи признали, что такого опредѣленія быть не можетъ; все старались дать опредѣленіе понятія покушенія, пока, наконецъ, было признано, что точнаго опредѣленія дать нельзя, и кодексы но-

вѣйшіе удовлетворились словами „начало дѣйствія“, дать опредѣленіе понятія единства дѣйствія, пока оказалось, что такого понятія въ дѣйствительности и не существуетъ; и вѣдь на это потрачена масса труда, проходили десятки лѣтъ, написаны десятки тысячъ томовъ чисто компилятивныхъ работъ. Средневѣковая крѣпость догмы держалась прочно, никакія бури, ни нападенія гуманистовъ 18-го столѣтія: Беккаріи, Монтескье, Вольтера, Говарда и т. д. не оказали вліянія. Нужны были жестокости, и жестокости получали обработку въ трудахъ Карпцова, нужны были болѣе мягкія наказанія послѣ великой французской революціи и это было возможно, лишь бы въ цѣлости оставалась суть—репрессія, какъ единственное средство, мѣра борьбы съ преступностью и систематизація мѣръ репрессіи по трафарету гражданскаго права. И вѣдь надо же признать, что и до сихъ поръ въ юридической литературѣ, въ которой можно найти разсужденія по разграниченію различныхъ научныхъ дисциплинъ, о различіи между гражданскимъ правомъ и уголовнымъ говорится очень мало, вопросъ прямо обходится, а между тѣмъ различіе яркое, несомнѣнна рѣзкая противоположность обѣихъ дисциплинъ совершенно непримиримыхъ. Что составляетъ въ самомъ дѣлѣ основу всей дисциплины гражданскаго права и науки соотвѣтственной — строгая дедукція. Въ основу всей дисциплины положено одно основаніе—воля частнаго лица. Какъ истинные раціоналисты, тоже слѣдовавшіе строго дедуктивному методу, цивилисты взяли одно изъ свойствъ человѣка — его волю, и затѣмъ вся система строго логически выведена изъ этого основанія и предназначена для огражденія этой воли, волеизъявленія, т.-е. съ одной стороны направлена къ точному удостовѣренію, что такое волеизъявленіе послѣдовало и затѣмъ, съ другой стороны, къ тому, чтобы разъ волеизъявленіе послѣдовало, за нимъ неумолимо строго неизбѣжно наступали всѣ послѣдствія, предусмотрѣнныя въ законѣ. Не даромъ Іерингъ говоритъ, что римское гражданское право было остро отточеннымъ ножомъ, который былъ незамѣнимъ въ рукахъ опытнаго человѣка, но который, правда, могъ и легко поранить неумѣлаго. Знакомясь съ римскимъ правомъ, а на немъ и вообще съ гражданскимъ правомъ, невольно восхищаешься

этою удивительною, до красоты стройной логической системой. Правда, это красота машины, здѣсь столько же винтовъ и всѣ они, такъ-же согласно, какъ и въ машинѣ, и такъ-же неизбѣжно, дѣйствуютъ и такъ-же маленькіе винтики строго проводятъ силу, которая имъ передается однимъ общимъ проводникомъ. Это—машина; человѣку здѣсь остается только надавить пружину, и все придетъ въ движеніе и все произойдетъ само собою. Самъ онъ, его личность тутъ вовсе не при чемъ. Гражданское право и гражданскій процессъ имѣютъ задачею — огражденіе гражданскаго оборота и они его прекрасно ограждаютъ. Безъ этого былъ бы хаосъ, здѣсь же внесенъ порядокъ, конечно, при основномъ данномъ строѣ экономическомъ, при существованіи частной собственности. Разъ существуетъ частная собственность, то все остальное логически вытекаетъ изъ этого принципа, воля частнаго собственника и есть то давленіе пружины, которая приводитъ затѣмъ въ движеніе всю машину. Но затѣмъ не все-ли равно, кто этотъ частный собственникъ, живой-ли человѣкъ. или юридическое лицо, hereditas jacens и т. д. А тѣмъ болѣе не все ли равно, если это живое лицо, кто оно, явно ли безнравственный или честный человѣкъ, это вѣдь алгебраическая формула, это не дѣло гражданскаго права, лишь бы формальности были соблюдены, а формальности необходимы, онѣ установлены для того, чтобы удостовѣрить существованіе волеизъявленія частнаго собственника. Ибо иначе отъ этого волеизъявленія не осталось бы и слѣдовъ, вѣдь это волеизъявленіе проявляется не въ чемъ-либо реальномъ, въ какомъ-либо измѣненіи въ реальномъ мірѣ существующихъ реально предметовъ, нисколько. Но всякое ли волеизъявленіе будетъ имѣть юридическія послѣдствія, иначе говоря, можетъ ли самъ волеизъявляющій произвольно дать содержаніе своей волѣ. Конечно, нѣтъ. Содержаніе это опредѣляется закономъ и только постольку, поскольку „гражданинъ“, частный собственникъ, пожелаетъ въ своемъ волеизъявленіи дать то или другое содержаніе, допускаемое закономъ, только постольку это волеизъявленіе и повлечетъ за собою юридическія послѣдствія. Незаконныхъ волеизъявленій не можетъ быть, могутъ быть только развѣ недѣйствительныя или такія, отъ которыхъ и слѣ-

довъ никакихъ не останется, ибо, повторяю, это только волеизъявленіе, а не приведеніе воли въ исполненіе въ реальномъ мірѣ; волензъявленія съ натяжкою могутъ быть названы дѣйствіями, но не дѣяніями, оставляющими слѣдъ въ реальномъ мірѣ.

И вотъ, эта стройная логическая система, которая готова уже была въ римскомъ правѣ, и была положена первыми глоссаторами, а затѣмъ и ихъ преемниками, современными догматиками, въ основу разработки, т.-е. научной систематизаціи уголовнаго права. Много, такъ сказать, внѣшнихъ причинъ побуждали къ тому: и болѣе позднее происхожденіе по сравненію съ гражданскимъ уголовнаго права и въ послѣдніе вѣка благородное желаніе поставить обвиняемаго въ положеніе субъекта въ гражданскомъ правѣ, т.-е. лица правомочнаго, какимъ онъ долженъ оставаться и до суда и на судѣ до послѣдняго обвинительнаго приговора. А кромѣ этого и сама дисциплина гражданскаго права является—и это совершенно несомнѣнно—однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній человѣческаго ума. Все, казалось, говорило за правильность такого „усвоенія". И вотъ матеріалъ уголовнаго права былъ распредѣленъ такъ же, какъ и въ гражданскомъ правѣ. Тамъ субъектъ правъ, тутъ субъектъ преступнаго дѣянія. Тамъ объектъ, на которомъ проявляются правомочія субъекта, обладающаго ими, тутъ объектъ, надъ которымъ совершается преступленіе. Тамъ субъектъ входитъ съ другимъ субъектомъ въ правовыя отношенія, его волеизъявленіями создаются извѣстныя правовыя отношенія, влекущія за собою извѣстныя юридическія послѣдствія. Здѣсь преступное дѣяніе создаетъ тоже между двумя субъектами извѣстныя правоотношенія или, по крайней мѣрѣ, извѣстныя отношенія, имѣющія юридическія послѣдствія. Тамъ волеизъявленіе является юридическимъ дѣйствіемъ, влекущимъ извѣстныя юридическія послѣдствія, здѣсь волеизъявленіе, проявившееся въ преступленіи, тоже влечетъ извѣстныя юридическія послѣдствія. Такъ все казалось полно аналогіи, такъ несомнѣнно примѣнима одна система къ другой, а главное такъ удобно, удобно не только воспользоваться готовой трафареткой, но удобно для истинно научныхъ, отвлеченныхъ, размышленій и выводовъ. Можно

совсѣмъ не стѣсняться этимъ живымъ, бьющимъ фонтаномъ разнообразія жизни, можно спокойно примѣнить дедуктивный методъ и, главное, въ неприкосновенности сохранить и примѣнить тонкую юридическую дедуктивную логику. Мы оперируемъ съ субъектомъ преступленій, подъ это понятіе подойдутъ всѣ преступники. Это—алгебраическая формула, и мы можемъ спокойно обсуждать важные вопросы объ отношеніяхъ преступника къ государству, къ частнымъ лицамъ и т. д. Но кто же это преступникъ? А такъ-же, какъ въ гражданскомъ правѣ, субъектъ, располагающій свободною волею, здравымъ разумомъ, твердой памятью, носитель воли. И здѣсь, и тамъ въ основѣ воля — единое начало, безъ котораго невозможна дедукція, ибо дедукція не терпитъ множества началъ, она непримѣнима при множествѣ началъ. И если въ гражданскомъ правѣ основное положеніе: всякое формально удостовѣренное волеизъявленіе влечетъ извѣстныя юридическія послѣдствія, такъ и здѣсь, всякое волеизъявленіе, нарушающее юридическую норму въ ея реальномъ бытіи, влечетъ за собою извѣстныя юридическія послѣдствія, т. е. кару. Это—краеугольный камень и той и другой дисциплины, основа всей стройной логической системы; отказаться отъ примѣненія этого основного начала, хотя бы въ одномъ случаѣ, невозможно,—это значило бы отказаться отъ неумолимой логики, т.-е. отъ всей системы. И это точное выполненіе силлогизма и есть задача и цѣль уголовнаго правосудія. И оно, это начало, такъ несомнѣнно нерушимо, что не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ. Какъ безжизненно логически стройно и какъ, повидимому, совершенно аналогично! И догматики показывали видъ до послѣдняго времени, что убѣждены въ совершенной аналогичности дисциплинъ. Но вѣдь стоитъ немного подумать, чтобы признать, что это не болѣе, какъ схоластическій рядъ натяжекъ, до того произвольныхъ, игра словами настолько несогласная съ наукой, принципомъ и знаменемъ которой можетъ быть только истина, что даже непонятно, какъ эта игра все-таки такъ долго могла продолжаться.

Вѣдь основной характеръ гражданскаго права—его формализмъ; но почему этотъ формализмъ здѣсь возможенъ,

умѣстенъ и даже желателенъ? Да потому, что задачею гражданскаго права является огражденіе, такъ называемаго, гражданскаго оборота, т.-е. въ сущности упорядоченіе движенія имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и закрѣпленіе таковыхъ въ какихъ-либо рукахъ. Здѣсь на первомъ планѣ вовсе не интересы живыхъ людей, а упорядоченіе передвиженія неодушевленныхъ предметовъ (за отмѣною рабства, я не говорю о скотѣ, хотя и живомъ, но неодушевленномъ). Важно въ интересахъ общества, чтобы существовалъ и поддерживался извѣстный порядокъ этого передвиженія, и этотъ порядокъ передвиженія и является главною задачею; чтобы порядокъ соблюдался, надо установить и точно формулировать рядъ формальныхъ требованій и допускать укрѣпленіе и переходъ, когда всѣ формальности соблюдены, иначе будетъ безпорядокъ, конечно, такія формальности разъ навсегда установлены для всѣхъ, кто только участвуетъ въ этомъ гражданскомъ оборотѣ реально-ли или путемъ фикціи, какъ hereditas jacens, какъ юридическое лицо, или наиболѣе часто, какъ живой человѣкъ—это совершенно безразлично. Для всѣхъ, конечно, установленъ одинъ и тотъ-же порядокъ оборота. Кто въ немъ участвуетъ безразлично, если еще здѣсь что-либо живое, такъ это сами формы, виды укрѣпленія и перехода имуществъ, но и то только, такъ сказать, въ историческомъ, доправовомъ періодѣ образованія, когда ихъ создаетъ жизнь, а разъ онѣ омертвѣваютъ путемъ законодательства, то въ нихъ вкладывается одна основная идея, соотвѣтствующая ихъ цѣли, а все остальное чистая дедукція изъ этой идеи.

Возможенъ-ли тотъ-же формализмъ въ уголовномъ правѣ? Можно-ли и здѣсь, какъ въ гражданскомъ правѣ, взять за основаніе не всего цѣлаго человѣка, а одну лишь изъ его способностей волю и совершенно игнорировать личность человѣка. Да на это можно сразу-же отвѣтить другимъ вопросомъ: а можетъ-ли юридическое лицо или hereditas jacens совершить преступленіе? Это вызываетъ улыбку, но и все построеніе можетъ точно также вызвать только улыбку. Вѣдь вотъ въ основу гражданскаго права положено волеизъявленіе субъекта правъ и здѣсь говорятъ все о юридическихъ дѣйствіяхъ и чуть-ли не смѣшиваютъ ихъ съ пре-

...ЧНАСТ... АКАДЕМ...

ступными дѣяніями. Вѣдь волеизъявленіе есть самое большее —дѣйствіе, но никакъ не дѣяніе: оно не производитъ, какъ всякое преступное дѣяніе (истребленіе имуществъ, убійство, тѣлесныя поврежденія и даже кража) какихъ-либо измѣненій въ внѣшнемъ мірѣ. Самое содержаніе волеизъявленія заранѣе опредѣлено закономъ, и своего содержанія субъектъ правъ въ это волеизъявленіе внести не можетъ, ибо оно не будетъ имѣть никакого значенія, а преступникъ производитъ дѣяніе, давая ему ту форму и содержаніе, которыя желаетъ. Уже по этому одному, какъ можно все строить на волѣ въ уголовномъ правѣ и выдѣлять изъ человѣка только эту способность, онъ весь вкладывается въ свое дѣяніе со всей своей душой, со всѣмъ своимъ характеромъ, умомъ, нравственностью и т. д. и создаетъ свое и оригинальное произведеніе, создаетъ то, что ему хочется, а не закону. Но можно-ли виновника преступнаго дѣянія превращать въ алгебраическую формулу и не интересоваться его личностью? Да вѣдь одно и то-же дѣяніе можетъ быть совершено по разнымъ мотивамъ, и есть мотивы и обстоятельства совершенія такіе, при которыхъ даже современный уголовный законъ долженъ допускать нелогичность и отказываться отъ кары. Но, вѣдь, разрѣшая вопросъ о виновности, даже не говоря уже о опредѣленіи наказанія, не только судья, но и законъ должны требовать полнаго всесторонняго выясненія личности обвиняемаго, степени его закоренѣлости въ преступныхъ наклонностяхъ, мотивовъ преступленія и т. д. Вѣдь кромѣ сумасшедшихъ и выродковъ среди преступниковъ мы встрѣчаемъ много разновидностей, а среди дѣяній не менѣе видовъ,—къ чему-же можетъ привести общее трактованіе?

Еще менѣе научно производимое догматической школой изученіе преступныхъ дѣяній, какъ кучи разрозненныхъ проявленій какой-то злой воли, ничего общаго между собою не имѣющихъ, а не общаго, чисто соціальнаго явленія преступности, имѣющей тѣсную связь съ экономическимъ, соціальнымъ, умственнымъ и нравственнымъ строемъ даннаго народа и въ данную эпоху. Всякія научныя обобщенія при такихъ условіяхъ совершенно произвольны. Такимъ образомъ въ дѣйствительности не только не было науки,

Гчит... ...Н

но и не допускалось образованія какой-либо настоящей науки.

И вотъ въ этотъ юридическій замокъ догмы уголовнаго права со средневѣковыми преданіями и традиціями, міръ, тѣсно закупорившій себя отъ всякаго соприкосновенія съ живою жизнью, явились ученые новаго направленія и однимъ изъ первыхъ Ломброзо; они заявили догматикамъ, что тѣ забыли о живомъ человѣкѣ и, разбивъ общую алгебраическую формулу понятія преступника, показали воочію, что существуетъ не одинъ преступникъ, а много и прирожденныхъ, и случайныхъ, и убійцъ, и воровъ, и что ничего общаго между собою они не имѣютъ, а что объединять ихъ въ одномъ общемъ понятіи нарушителей нормъ недопустимо. Другіе ученые стали изучать тѣ жизненныя живыя условія, подъ вліяніемъ которыхъ образуются эти разнообразные типы преступниковъ. Выяснено было значеніе факторовъ, причинъ преступности, внутреннихъ—индивидуальныхъ, лежащихъ въ природѣ человѣка и внѣшнихъ—климатическихъ, расовыхъ, экономическихъ, соціальныхъ. Эти идеи проникли въ общество, и послѣднее, опережая и науку и законодателя, само выступило на борьбу съ преступностью, поставивъ эту борьбу на реальную почву предупрежденія и предотвращенія тѣхъ вредныхъ условій, при которыхъ вырабатываются различные типы преступниковъ.

Въ дальнѣйшемъ, при изложеніи ученія Ломброзо, будетъ указано, при какихъ условіяхъ онъ, главнымъ образомъ, совершилъ этотъ переворотъ въ наукѣ; но уже и теперь понятно, почему догматическое дедуктивное изученіе преступника не въ цѣломъ, а лишь какъ носителя воли, не давало понятія о дѣйствительномъ преступникѣ, а тѣмъ болѣе о преступникахъ, какъ живыхъ представителяхъ преступности коллективной всего даннаго народа въ данную эпоху и тѣмъ менѣе объ условіяхъ, при которыхъ складываются такіе преступные типы, о причинахъ преступности. При такихъ условіяхъ наука не давала необходимыхъ данныхъ, а практика, не имѣя этихъ данныхъ, обратилась на основаніи грубыхъ, чисто эмпирическихъ пріемовъ не къ цѣлесообразной борьбѣ съ преступностью, путемъ устраненія или ослабленія причинъ, вызывающихъ преступность, а къ

карѣ, въ основѣ которой лежала первобытная индивидуальная месть, чувство мести, не достойное коллективной величины народа и государства. Какъ это покажетъ послѣдующее изложеніе, эти кары оказались безцѣльными, преступность росла и растетъ невѣроятно быстро. И потому и во имя научныхъ требованій и во имя жизненныхъ требованій борьбы съ преступностью оказалось необходимымъ обратиться къ новымъ путямъ—болѣе глубокимъ, болѣе соотвѣтствующимъ, болѣе охватывающимъ изучаемый предметъ.

Позитивный методъ изслѣдованія преступности.

Первые шаги въ проложеніи новыхъ путей изслѣдованія были сдѣланы гораздо ранѣе того открытія живой личности преступника, которое можетъ быть въ значительной степени приписано Ломброзо. Эти шаги были сдѣланы еще во второй четверти 19 столѣтія математиками по профессіи, положившими основаніе новому статистическому методу въ области соціальныхъ наукъ. Во главѣ этого направленія, хотя у него и были предшественники, стоитъ несомнѣнно бельгійскій знаменитый ученый Адольфъ Кетле (математикъ, физикъ и астрономъ), выпустившій въ свѣтъ въ 1835 г. свое сочиненіе „Физика соціальная"; продолженіемъ этого изслѣдованія должно быть признано изслѣдованіе того-же автора „Соціальная система", появившаяся въ 1848 г.

Насколько все это направленіе исходило отъ математиковъ и коренилось въ математическихъ теоріяхъ, лучше всего показываетъ то, что предисловіе ко второму изданію „Соціальной физики" написано знаменитымъ англійскимъ астрономомъ Гершелемъ, который говоритъ здѣсь о примѣненіи математической теоріи вѣроятностей въ области соціальныхъ наукъ.

Какъ показываютъ уже самыя названія сочиненій Кетле, исходная точка Кетле, его сподвижниковъ и послѣдователей была другая, чѣмъ у современныхъ ученыхъ итальянцевъ-психіатровъ, во главѣ съ Ломброзо. Послѣдніе исходятъ какъ и юристы-догматики, изъ отдѣльной личности, но берутъ не часть ея, какъ юристы,—одну волю,—а всю личность въ совокупности со всѣми ея анатомическими, физіологическими и психологическими особенностями; у нихъ, такъ сказать, основа біологическая. Наоборотъ, болѣе раннее направленіе статистиковъ-математиковъ поставило сразу-же болѣе широкія основы методовъ изслѣдованія, оно предло-

жило разслѣдовать преступленія не на почвѣ біологіи только, а какъ преступность, какъ явленіе соціальное; при такой постановкѣ біологическое, или, какъ говорятъ, біо-индивидуальное изслѣдованіе представляется недостаточнымъ и подобно тому, какъ соціологія основана на біологіи и въ своихъ конечныхъ выводахъ основывается и поглощаетъ выводы біологіи, такъ и болѣе широкая соціологическая школа Кетле, изслѣдуя преступность, какъ соціальное явленіе, несомнѣнно должна принимать во вниманіе и біологическія данныя о преступникахъ, но ими никоимъ образомъ не ограничиваться, какъ совершенно недостаточными для выясненія преступности и ея причинъ. Если біологически-антропологическая школа итальянская прежде соціологической вступила въ столкновеніе съ классической догматической школой и одержала въ этомъ столкновеніи побѣду, доказавъ несовершенство и недостаточность методовъ догматической школы для истинно научныхъ цѣлей, то это произошло именно только благодаря почти полному тождеству объекта изслѣдованія въ обѣихъ школахъ: личности преступника—въ части или въ цѣломъ,—а вовсе не потому, чтобы біологически-антропологическая школа дѣйствительно могла создать въ будущемъ науку о преступности. Такая наука можетъ быть только создана соціологической школой (включающей и данныя біологіи) и если пока на этой почвѣ научной мы располагаемъ только прочно разработаннымъ методомъ и нѣкоторыми отдѣльными изслѣдованіями, а не цѣльнымъ строемъ науки, то это объясняется не несовершенствомъ метода, а громадностью поля изслѣдованія и недостатками въ способахъ собиранія данныхъ, или даже, лучше сказать, пробѣлами въ отдѣльныхъ отрасляхъ собиранія данныхъ. Но эти пробѣлы съ каждымъ годомъ пополняются, грандіозное зданіе новой науки уголовной соціологіи или соціальной патологіи несомнѣнно постепенно, можетъ быть медленно, но за то прочно, уже благодаря широтѣ и прочности фундамента—метода изслѣдованія—будетъ возводиться рядомъ поколѣній ученыхъ. Не слѣдуетъ забывать, что „Соціальная физика“ Кетле была написана всего черезъ 9 лѣтъ послѣ того, что впервые въ Европѣ французскимъ правительствомъ были собраны и напечатаны

(1826) статистическія данныя о преступности и образовано особое учрежденіе для собиранія этихъ данныхъ.

Методъ догматической школы останется только для цѣлей юридической систематизаціи одного изъ видовъ мѣръ борьбы съ преступностью—мѣръ репрессіи, но совершенная непригодность этого метода для научнаго изслѣдованія преступности, ея причинъ, а слѣдовательно и для цѣлей правильной и всесторонней постановки мѣръ борьбы съ преступностью послѣ вышеприведенныхъ соображеній не можетъ вызывать сомнѣній. Съ другой стороны, основательность новаго соціологически-статистическаго позитивнаго метода не можетъ подлежать сомнѣнію въ виду слѣдующихъ соображеній.

Преступленіе можетъ быть совершено не личностью, взятою внѣ времени и пространства, какъ полагаетъ догматическая школа, а лишь личностью соціальной, т. е. живущей въ общеніи съ другими людьми и, притомъ, общеніи, организованномъ, хотя сколько нибудь. Вѣдь совершенно кажется несомнѣннымъ, что прежде должно въ той или другой мѣрѣ съорганизоваться какое нибудь совмѣстное обитаніе людей, затѣмъ въ этомъ уже организовавшемся общеніи должны установиться извѣстныя отношенія между людьми и тогда только возможно образованіе извѣстной общественной совѣсти, общественной нравственности, представителями которой являются законъ, хотя бы въ видѣ обычая, и судъ, въ какой бы примитивной формѣ онъ ни осуществлялся, хотя бы общимъ собраніемъ всѣхъ гражданъ, тутъ же приводящихъ свои приговоры въ исполненіе (избіеніе камнями и т. п.). Нашъ соотечественникъ извѣстный ученый Е. де-Роберти [1]) справедливо говоритъ, что если надъорганическое явленіе и слѣдуетъ за біологическимъ фактомъ, оно всегда предшествуетъ факту психологическому,—такъ что только изъ глубины соборной или коллективной души можетъ выйти и выдѣлиться общественная особь или нравственная личность.

Понятно поэтому, что при изученіи преступности нельзя исходить изъ какого-то вѣчнаго начала, изъ какой то аб-

---

[1]) Новая постановка вопросовъ соціологіи. 1909. Спб., стр. 19 и др.

страктной личности, обладающей свободной волей. Правда, наука гражданскаго права изучаетъ начала, установленныя въ этомъ правѣ болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ еще до Рождества Христова римлянами. Но вѣдь и это—не болѣе какъ кажущаяся вѣчность, объясняемая столь продолжительнымъ существованіемъ института частной собственности; но вѣдь и послѣдній институтъ—не болѣе какъ историческая категорія, которой предшествовало общее, или племенное, родовое совладѣніе и которая, въ свою очередь, можетъ смѣниться другою формою владѣнія. Въ области преступности никакого такого, даже относительно вѣчнаго, института мы не встрѣчаемъ,—здѣсь все находится въ области общественной, исторической эволюціи и, притомъ, въ двоякомъ отношеніи. Эволюціонируютъ преступныя дѣянія; мы присутствуемъ при постепенномъ переходѣ отъ грубыхъ насильственныхъ преступленій надъ личностью и имуществомъ къ болѣе тонкимъ, обманнымъ, дѣяніямъ. Еще большая эволюція должна быть отмѣчена въ области запрещеннаго. Если у первобытныхъ дикарей освящалось вѣрой и предписывалось убивать престарѣлыхъ родителей и съѣдать ихъ, то въ настоящее время это является тягчайшимъ преступленіемъ. Если же оставить запреты закона, основанные на велѣніяхъ нравственности и перейти къ такъ называемымъ формальнымъ нарушеніямъ, всецѣло вытекающимъ изъ потребностей соціальной жизни въ данномъ народѣ и въ данную эпоху, то съ какимъ рядомъ поразительно быстро смѣняющихся и взаимно противорѣчивыхъ постановленій мы встрѣтимся. Какое же значеніе можетъ имѣть изученіе преступника и преступленія внѣ времени и пространства, путемъ искусственнаго вынесенія ихъ изъ той соціальной среды, изъ тѣхъ условій соціальнаго общежитія, при которыхъ они только и могутъ имѣть мѣсто и съ которыми они стоятъ въ органически неразрывной связи. Въ области науки—это, въ сущности, совершенный отказъ отъ дѣйствительнаго научнаго изученія, въ области практической борьбы съ преступностью—это отказъ отъ такой борьбы и довольствованіе осуществленіемъ діалектическаго закона Гегеля, въ силу коего преступленіе есть отрицаніе права, а наказаніе есть примиреніе этихъ антитезъ. Другой цѣли наказанію, какъ

мѣрѣ борьбы съ преступностью, ставить нельзя; но вѣдь для этого было бы достаточно одного осужденія, порицанія преступнаго дѣянія въ судѣ представителями общественной совѣсти. И не въ одномъ діалектическомъ смыслѣ такое осужденіе должно быть признано возстановленіемъ того нравственнаго порядка, который нарушенъ преступленіемъ. Но возстановленіе, вполнѣ конечно необходимое, нравственнаго порядка одно, а борьба съ преступностью и ея причинами цѣлесообразными средствами—другое дѣло.

Итакъ, преступленіе есть явленіе соціальное, но мыслимо ли соціальное явленіе въ отдѣльности, можетъ ли оно находиться внѣ связи съ другими соціальными явленіями, одновременно существующими? И безъ уподобленія народа въ его соціальномъ бытіи физическому организму, какъ это дѣлаетъ Спенсеръ, приходится признать за общественностью, за соціальнымъ строемъ извѣстное органическое существованіе, извѣстную организацію, извѣстную жизнь со всѣми необходимыми при всякой жизни процессами взаимодѣйствія и взаимнаго проникновенія отдѣльныхъ элементовъ. И если мы обратимся къ исторіи, то мы и замѣтимъ непремѣнно, что эволюція всего соціальнаго строя есть фактъ несомнѣнный; но такъ же несомнѣнно, что эволюціонируютъ и отдѣльныя стороны этого строя, отдѣльныя соціальныя явленія и, притомъ, несомнѣнно не въ разныхъ, а въ одномъ и томъ же направленіи. Мы видимъ, какъ послѣдовательно измѣняются религіозныя и нравственныя воззрѣнія народа, его нравы, его обычаи, степень его умственнаго развитія, наклонность его къ войнамъ или къ мирнымъ занятіямъ, какъ постепенно онъ побѣждаетъ природныя условія и затрудненія, какъ онъ постепенно богатѣетъ или бѣднѣетъ, какъ степень его экономическаго благосостоянія, какъ порядокъ распредѣленія этого благосостоянія между отдѣльными классами и личностями, отражается на всей его жизни, на всѣхъ отдѣльныхъ процессахъ этой жизни не только физическихъ но и нравственныхъ. Какъ въ искусствѣ мы можемъ говорить для извѣстнаго времени объ извѣстномъ стилѣ, такъ и всѣ другія явленія соціальной эпохи отличаются тоже извѣстнымъ стилемъ.

Отсюда два неизбѣжныхъ вывода.

Во-первыхъ, поле изслѣдованія чрезвычайно расширяется; конечно, не все то, что входитъ въ область соціологіи, входитъ и въ отдѣльную ея отрасль—уголовную соціологію. Но несомнѣнно, что успѣшность работъ—а тѣмъ болѣе выводовъ—зависитъ всецѣло отъ хода работъ въ другихъ областяхъ: здѣсь та же зависимость, какъ и въ самой соціальной жизни между отдѣльными ея явленіями. Чтобы изучать не преступленіе, а преступность цѣлаго народа, какъ соціальное явленіе, надо изучать или пользоваться, по крайней мѣрѣ, данными и выводами другихъ наукъ, изучающихъ вліянія всѣхъ входящихъ въ соціальную жизнь элементовъ на строй самой этой жизни. Сюда войдутъ, конечно, и данныя біологіи и антропологіи, изучающихъ человѣка какъ главный элементъ соціальной жизни въ его разновидностяхъ—расовыхъ и племенныхъ, въ его нормальномъ, здоровомъ и болѣзненномъ состояніи; сюда войдутъ и данныя о вліяніи условій внѣшней природы—климата, временъ года, плодородія почвы и богатства или бѣдности урожая на строй соціальной жизни; сюда войдетъ, наконецъ, изученіе всего богатаго разнообразія чисто соціальныхъ явленій и вліяніе ихъ другъ на друга. Понятно поэтому, что съ такимъ чрезвычайнымъ по сравненію съ догматической школой и, притомъ, какъ указано выше, сравнительно весьма недавнимъ, съ небольшимъ полстолѣтія, расширеніемъ объекта изслѣдованія, о какихъ либо прочныхъ общихъ выводахъ еще говорить преждевременно; но важно для науки больше всего и прежде всего установить правильно методъ разслѣдованія и поле разслѣдованія,—а это сдѣлано окончательно и прочно.

Но имѣется и другой не менѣе важный выводъ, и этотъ выводъ сдѣланъ былъ уже первыми піонерами нашей науки Адольфомъ Кетле и др. Если для правильнаго изученія преступности оказалось необходимымъ отказаться отъ алгебраическаго изученія преступности, отъ выводовъ изъ одного узкаго основанія воли преступника и значительно расширить область разслѣдованія, то вмѣстѣ съ тѣмъ не только пришлось, но и оказалось возможнымъ, даже при скудныхъ данныхъ при основаніи науки, отказаться отъ другого базиса догматической школы—свободной воли преступника или, лучше сказать, произвольности появленія

тѣхъ дѣяній, которыя считаются преступными. И здѣсь, съ примѣненіемъ положительнаго, реальнаго и охватывающаго область изслѣдованія метода, оказалось возможнымъ признать наличность и въ соціальномъ мірѣ, какъ и въ органическомъ мірѣ, существованія извѣстной законосообразности въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ естественныхъ наукахъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Ферри [1]), по мѣрѣ повышенія уровня научнаго разслѣдованія, постепенно это чисто научное стремленіе открыть законы, управляющіе явленіями, постепенно охватывало одну область за другою. Когда вмѣстѣ съ Галилеемъ это стремленіе проникло въ астрономію, то оно вызвало цѣлую общественную бурю; теперь оно захватываетъ область надъорганическую (начиная съ Конта, Спенсера, Вундта и др.) и вызываетъ не меньшее волненіе и даже негодованіе, обвиненія въ ненаучности и т. д. А между тѣмъ это поступательное движеніе вполнѣ естественно.

Уже родоначальникъ движенія Кетле въ своей „Соціальной физикѣ“ считалъ возможнымъ отмѣтить извѣстное постоянство при нормальномъ теченіи народной жизни цифръ, опредѣляющихъ число браковъ, рожденій, смертей, отмѣчалъ вліяніе на рождаемость климата, временъ года, времени вступленія въ бракъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчалъ и особыя причины, нарушающія нормальное теченіе жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянство цифръ; тутъ принималось во вниманіе и различіе религіозныхъ вѣрованій и различіе профессій.

Касаясь преступленій, Кетле ставитъ себѣ задачей [2]) установить вліяніе, которое климатъ, полъ и возрастъ оказываютъ на наклонность къ совершенію преступленія и выяснить, въ какой мѣрѣ такая наклонность и такое вліяніе можетъ быть выражено въ цифрахъ на основаніи теоріи вѣроятностей. Только на основаніи данныхъ французской статистики за годы 1826—1829 онъ утверждаетъ [3]), что французскій народъ выполняетъ свой бюджетъ жертвъ на эшафотъ, каторгу и тюрьмы, неизмѣннѣе и неуклоннѣе, чѣмъ

[1]) Sociologie criminelle. Изд. 5, стр. 10—12.

[2]) Physique sociale. t. II. p. 249.

[3]) Тамъ-же, стр. 252.

свои повинности по государственной росписи,—такъ неизмѣнно повторяются однѣ и тѣ же цифры.

Оставляя въ сторонѣ, въ какой мѣрѣ скудныя первоначальныя статистическія данныя давали основаніе Кетле дѣлать подобные выводы, слѣдуетъ замѣтить, что и самъ Кетле не приходилъ къ вполнѣ фаталистическимъ выводамъ. Онъ не считаетъ, что приведенныя имъ цифры будутъ повторяться и должны повторяться, и человѣкъ не въ состояніи бороться съ этимъ налогомъ въ пользу преступленія. Въ своей „Соціальной системѣ“, являющейся продолженіемъ „Соціальной физики“, онъ утверждаетъ [1]), что „количество преступленій и самоубійствъ разнится въ различныхъ странахъ. Конечно достаточно было бы измѣнить основанія, на которыхъ покоится нашъ соціальный строй, чтобы измѣнить тѣ печальные результаты его въ видѣ преступленій и самоубійствъ, которые мы отмѣчаемъ. Это было бы слѣпымъ фатализмомъ думать, что факты, которые повторяются съ такою неизмѣнностью, не могутъ подвергнуться измѣненіямъ, если будутъ улучшены общественная нравственность и государственныя учрежденія; но для того чтобы достигнуть дѣйствительно замѣтныхъ результатовъ, надо дѣйствовать на массы, а не на отдѣльныя личности, которыя входятъ въ составъ массъ“. Эти послѣднія слова выражаютъ великую мысль, полагаемую нынѣ въ основу современныхъ мѣръ борьбы съ преступностью. При такихъ возрѣніяхъ понятно, что Кетле возлагалъ особыя надежды на законодателя.

Авторъ извѣстнаго сочиненія о нравственной статистикѣ и ея значеніи для соціальной этики Александръ-фонъ-Эттингенъ находитъ тоже, что Кетле вовсе не проводилъ фаталистическихъ взглядовъ, не допускающихъ той степени свободы самоопредѣленія и дѣйствія, которую предполагаетъ христіанская религія. Главное, по его мнѣнію [2]), это то, что, благодаря нравственной статистикѣ, мы получаемъ возможность наблюдать и изучать человѣка съ точки зрѣнія его нравственности не въ качествѣ отдѣльной уединенной

[1]) Système sociále, 1848, p. 88.
[2]) Moralstatistik. 1882, стр. 15.

единицы, а въ качествѣ члена человѣческаго общенія. Божій міръ,—говоритъ тотъ же авторъ,—какъ въ части органической, такъ и надъ органической, не представляетъ собою кучи случайно другъ надъ другомъ витающихъ атомовъ и самостоятельныхъ совершенно отдѣльныхъ существованій, а твердо установленный строй, постоянное чередованіе и продолженіе явленій: было бы невозможно, если бы каждый дѣйствовалъ за себя только и по собственному произволу. Нравственность при такихъ условіяхъ представляется не частнымъ дѣломъ, но жизнью въ обществѣ при условіи возможнаго другъ на друга вліянія. Но, говоря о статистикѣ и статистическомъ методѣ, надо имѣть въ виду, что такое представляетъ собою статистика. Это не индивидуальное, а какъ говорятъ и Эттингенъ и Листъ [1]), массовое наблюденіе, зарегистрированіе явленій человѣческой жизни въ обществѣ. Статистическій методъ состоитъ въ непрерывномъ постоянномъ собираніи и систематическомъ объединеніи рядовъ однородныхъ фактовъ; при примѣненіи его получается возможность установить постоянство извѣстныхъ вліяній и причинъ тамъ, гдѣ въ смѣнѣ отдѣльныхъ явленій на первый взглядъ нельзя усмотрѣть никакой однородности.

Для вѣрности и правильности статистическихъ вычисленій необходимо установленіе цѣлой сѣти наблюдательныхъ органовъ и періодичность подсчетовъ. Рядомъ съ подсчетомъ и опредѣленіемъ явленій, характеризующихъ нынѣшнее положеніе какой-нибудь отрасли соціальной жизни (статика), необходимо наблюденіе и за движеніемъ этихъ явленій, ихъ развитіемъ (динамика). Но кромѣ того, если не желаютъ ограничиться опредѣленіемъ одного размѣра распространенія даннаго явленія, но желаютъ выяснить и степень напряженности даннаго явленія, то приходится прибѣгать къ вычисленіямъ пропорціональнымъ. Конечно, прежде всего,—такъ какъ мы имѣемъ въ виду жизнь въ обществѣ и отдѣльныя ея проявленія—необходимо періодическое, разъ навсегда установленное, счисленіе населенія (перепись).

При исполненіи всѣхъ условій, статистическій методъ

---

[1]) Задачи уголовной политики. 1895, стр. 24.

является какъ бы суррогатомъ, замѣняющимъ чисто индуктивный методъ естественныхъ наукъ. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что все же этимъ путемъ наблюдаютъ исключительно массовыя явленія; между тѣмъ изученіе жизни особи чрезвычайно важно, ибо эта особь со всей своей физической и духовной жизнью входитъ въ общій концертъ силъ, участвующихъ въ общественной жизни,—и для этого должны служить данныя біологіи и антропологіи.

Съ другой стороны всестороннее, углубленное изученіе исторіи народовъ, не ограничивающееся внѣшними фактами, а скорѣе такъ сказать соціологическое изученіе этой исторіи и безъ статистическихъ данныхъ, собираемыхъ лишь въ недавнее время, замѣняетъ въ значительной степени тѣ опыты, которые возможны въ естественныхъ наукахъ и невозможны здѣсь. Данныя исторіи даютъ намъ возможность сравнивать общественное состояніе при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ и даже устанавливать съ извѣстною точностью, какъ привхожденіе въ жизнь народа того или другого внѣшняго условія или перемѣны во внутреннемъ строѣ приводило народъ и его соціальный строй къ тѣмъ или инымъ послѣдующимъ явленіямъ. Достаточно, хотя бы, вспомнить великіе законодательные акты Императора Александра II: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, введеніе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. При всемъ томъ, что эти великія дѣянія и до сихъ поръ не увѣковѣчены и не освѣщены въ должной мѣрѣ въ русской наукѣ, значеніе ихъ для всѣхъ послѣдующихъ перемѣнъ не только въ государственномъ строѣ Россіи, но въ ея соціальномъ строѣ, для культурнаго и нравственнаго строя русскаго народа внѣ всякихъ сомнѣній. Ростъ идеи человѣческой личности, необходимости оказанія ей уваженія, безотносительно къ ея матеріальному и соціальному положенію, и безъ особаго собиранія фактическихъ данныхъ, могутъ быть приведены въ связь съ этими великими актами, привзошедшими въ соціальную жизнь русскаго народа. Въ связи съ этими послѣдними явленіями стоитъ несомнѣнно рядъ явленій въ области народной этики и даже преступности: началось съ того, что съ 1861 г. исчезли безобразныя преступленія помѣщиковъ и крестьянъ

въ отношеніи другъ къ другу. Такихъ явленій, такую причинность въ послѣдовательной смѣнѣ явленій соціальной жизни можно прослѣдить при внимательномъ изученіи исторіи весьма много, и поэтому понятно, что исторія и историческіе факты являются важнымъ, готовымъ опытнымъ полемъ для соціолога вообще, и для уголовной соціологіи въ частности. Но, конечно, настоящее и будущее современной преступности, съ дальнѣйшимъ продолженіемъ быстраго развитія статистики, будетъ изучаться главнымъ образомъ при помощи статистическаго метода. Оно дало возможность Эттингену, его предшественникамъ и преемникамъ, отмѣтить и установить размѣръ такихъ явленій изъ области народной жизни, спеціально народной этики, какъ заключеніе браковъ, внѣбрачная жизнь, незаконныя дѣти и ихъ положеніе, проституція, размѣры преступности и ея отдѣльныхъ видовъ, самоубійства, распространеніе религій, явленія религіозно-общественной жизни и т. д.

При такомъ значеніи статистическаго метода для изученія современной преступности необходимо остановиться ближе на организаціи самаго собиранія и систематизированія данныхъ уголовной статистики въ современныхъ культурныхъ государствахъ, а равно на одномъ явленіи, которое уже удалось статистикѣ, при всѣхъ несовершенствахъ ея постановки современной, выяснить, а именно на ростѣ преступности; такое спеціальное сосредоточеніе вниманія на одномъ явленіи облегчитъ ознакомленіе съ статистическимъ методомъ.

Органами собиранія данныхъ, собственно уголовной статистики, являются всюду главнымъ образомъ суды и другіе судебные органы. Всѣ данныя, со всей страны, стекаются въ центральныя управленія судебной частью въ странѣ, въ которыхъ особыя статистическія отдѣленія по установившемуся трафарету систематизируютъ эти данныя. Но на первыхъ же порахъ встрѣчается крупное препятствіе. Какъ уже сказано выше, преступность есть одно лишь изъ явленій, характеризующихъ соціальную жизнь народа, и притомъ находится въ неразрывной органической связи и взаимодѣйствіи съ другими явленіями той же жизни; между тѣмъ эти явленія регистрируются и систематизи-

руются далеко не въ такой степени, какъ дѣянія преступныя, а въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ въ Россіи, нѣтъ даже періодическихъ народныхъ переписей; уже это одно, если не совсѣмъ, то въ значительной мѣрѣ, лишаетъ значенія данныя уголовной статистики, которыя не могутъ быть должнымъ образомъ сопоставлены и освѣщены.

Ростъ преступности въ европейскихъ государствахъ.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ за послѣднія 25—30 л. ведется оффиціальными учрежденіями болѣе или менѣе правильная статистика преступности [1]). Эта статистика ведется, если можно такъ выразиться, „вѣдомственно“ или, лучше сказать, ремесленно и узко. Въ основу ея пока еще не положены широкія научныя начала. Она представляетъ собою скорѣе отчеты о дѣятельности судебныхъ установленій той или другой страны и оперируетъ исключительно, какъ справедливо замѣтилъ уже давно Листъ [2]), съ теоретическиюридическими понятіями преступленія, какъ таковыя опредѣляются дѣйствующимъ въ данной странѣ уголовнымъ кодексомъ. Болѣе обширныхъ задачъ статистика оффиціальная себѣ не ставитъ. Поэтому, понятно, она вовсе не отвѣчаетъ требованіямъ ученаго соціолога, стремящагося къ изученію преступленія какъ явленія соціальнаго, помимо формулировки его мѣстнымъ кодексомъ, а главное—въ связи съ другими соціальными явленіями и условіями.

---

[1]) Оффиціальныя изданія, которыя имѣются въ Петербургѣ, слѣдующія. *Германія:* 1) Deutsche Justiz-Statistik, 2) Deutsche Kriminalstatistik; *Австрія:* Oesterreichische Statistik. *Франція:* Compte general de l'administration de la justice criminelle, особенно важенъ за 1909 г., гдѣ приведены сравнительныя данныя за 20 л. съ 1881—1900; *Италія:* Statistica Giudiziaria penale; *Англія:* 1) Iudicial Statistics of England, 2) Reports of the Comiss, of prisons and the Directors of Convict prisons; *Россія:* сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ съ 1872 г. Весьма точныя, подробныя и новѣйшія свѣдѣнія, въ видѣ выдержекъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ какъ относительно перечисленныхъ государствъ, такъ и относительно Бельгіи, Швеціи, Даніи, сообщаются, между прочимъ, Revue penitentiaire.

[2]) Kriminalpolitische Aufgaben, Zeits. f. die ges. Strafrechtswissenschaft, B. 9, стр. 474.

Но даже и въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ, оффиціальная статистика имѣетъ много недостатковъ.

Она прежде всего крайне неполна даже въ тѣсныхъ, поставленныхъ ею самою, рамкахъ. Такъ дѣянія менѣе важныя, хотя и вовсе не маловажныя, вовсе ею не регистрируются.

Съ этимъ мы встрѣчаемся въ статистикѣ германской, которая ограничивается статистическими данными о преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ въ нарушеніе общегерманскаго уголовнаго кодекса (дѣйств. съ 1 января 1872 г.). Между тѣмъ, какъ видно изъ ст. 2 и 5 Einführungsgesetz 31 мая 1870 г., за отдѣльными нѣмецкими государствами, входящими въ составъ Германской имперіи, оставлена обширная законодательная власть. Они могутъ издавать карательныя постановленія съ назначеніемъ тюрьмы до 2 лѣтъ за нарушеніе правилъ о печати, законовъ о налогахъ, о таможенныхъ сборахъ, о собраніяхъ, о лѣсорубкахъ, о похищеніи лѣса и др. По приблизительному подсчету Bosco [1]), которому принадлежитъ новѣйшее статистическое изслѣдованіе о преступности въ Европѣ, присоединеніе совершенныхъ тѣми-же германскими подданными дѣяній въ нарушеніе мѣстныхъ уголовныхъ законовъ удвоило-бы общіе итоги, даваемые германской статистикой. Кромѣ того, въ германской статистикѣ вовсе не отмѣчено число уголовныхъ дѣлъ, разрѣшенныхъ въ административномъ порядкѣ (§ 453 герм. уст. угол. судопр.). Съ тѣмъ-же явленіемъ мы встрѣчаемся и въ русской статистикѣ, которая изъ громадной юрисдикціи мировыхъ судей и учрежденій, ихъ замѣняющихъ, регистрируетъ лишь дѣянія, караемыя тюремнымъ заключеніемъ.

Ни въ русской, ни въ германской статистикѣ не отмѣчается число дознаній, прекращенныхъ прокурорскимъ надзоромъ за необнаруженіемъ виновныхъ.

Подобныхъ крупнѣйшихъ пробѣловъ еще много.

Ни въ одной статистикѣ не отмѣчается отмѣна новыми уголовными законами старыхъ и выведеніе, такимъ путемъ, ряда дѣяній изъ числа наказуемыхъ и возведеніе тѣми-же законами цѣлаго ряда дѣяній въ преступныя, причемъ

[1]) La delinquenza in vari stati di Europa, 1903.

весьма часто эти дѣянія и по существу являются новыми, вызываемыми новыми способами передвиженія (велосипедъ и т. д.) напр. въ области полицейскихъ нарушеній. Произвести учетъ при такихъ условіяхъ чрезвычайно трудно. Германскій ученый Scheel [1]) попытался произвести такой подсчетъ и утверждаетъ, что благодаря новымъ законамъ за время съ 1882 по 1896 г. численность преступныхъ дѣяній, отмѣчаемыхъ германскою статистикою, повысилась всего на $^2/_9$ процента.

А какъ учесть усиленіе и ослабленіе дѣятельности органовъ полиціи, на которыхъ во всѣхъ странахъ лежитъ, главнымъ образомъ, обнаруженіе и преслѣдованіе преступныхъ дѣяній.

Нельзя наконецъ, къ сожалѣнію, не отмѣтить и нѣкотораго искусственнаго направленія дѣятельности статистическихъ органовъ, благодаря которому нѣкоторыя явленія и данныя замалчиваются и въ общемъ получаются выводы черезчуръ благопріятные и даже просто невѣрные. Блестящимъ примѣромъ этого является Compte general de l'administration de la justice criminelle за 1900 г., который, подводя итоги французской уголовной статистики за 20 л., приходитъ къ самымъ благопріятнымъ выводамъ объ уменьшеніи преступности во Франціи. Нужны были всѣ огромныя, чисто спеціальныя въ этой области, свѣдѣнія покойнаго Габріэля Тарда, много лѣтъ завѣдывавшаго статистическимъ отдѣленіемъ французскаго министерства юстиціи, чтобы если не разрушить, то значительно ослабить благопріятные выводы оффиціальной статистики [2]). Изслѣдователь, не посвященный въ „мѣстныя“ тайны и тонкости, оказывается, разумѣется, совершенно во власти оффиціальныхъ статистиковъ.

Но еще болѣе приходится принимать на вѣру выводы и сопоставленія неоффиціальныхъ изслѣдованій. А здѣсь между тѣмъ несомнѣнно играетъ роль точка зрѣнія автора на способъ обработки статистическихъ данныхъ.

---

[1]) Die Ergebnisse der deutschen Kriminalstatistik 1882 — 1899. Jahrbücher f. Nationaloekonomie u. Statistik, 22 Band, стр. 123.

[2]) Revue penitentiaire, 1903, p. 158.

Я ограничусь однимъ примѣромъ. Большинство статистиковъ, начиная съ знаменитаго Эттингена [1]), оперируетъ главнымъ образомъ не съ числомъ преступныхъ дѣяній, а съ числомъ осужденныхъ за преступныя дѣянія. Между тѣмъ отъ того, что преступникъ не обнаруженъ, или будучи обнаруженъ, по недостатку уликъ, не осужденъ, преступное дѣяніе, разъ совершенное, не перестало существовать и по прежнему должно фигурировать при характеристикѣ преступности, а конечно въ смыслѣ вѣрности общей картины размѣровъ преступности въ данной странѣ разница громадная. Къ этому способу прибѣгаетъ, напримѣръ, въ своемъ въ высшей степени добросовѣстномъ и капитальномъ изслѣдованіи и новѣйшій изслѣдователь Августо Боско. Между тѣмъ, при сравненіи числа осужденныхъ въ Италіи за 1899 г. съ числомъ преступныхъ дѣяній, которыя подверглись въ томъ-же году обсужденію итальянскихъ судовъ на основаніи оффиціальной statistica guidirziaria penale за тотъ-же годъ (1903 стр. XIV) оказывается, что на 100.000 жителей приходилось осужденныхъ 1811,9, а преступныхъ дѣяній 2579,26.

При всей неполнотѣ статистическихъ данныхъ, не вполнѣ передающихъ дѣйствительные размѣры зла, всѣ они невольно приводятъ послѣдователей самыхъ различныхъ научныхъ взглядовъ къ одному и тому же выводу, въ прочности котораго при такихъ условіяхъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, сомнѣваться невозможно.

И этотъ выводъ состоитъ въ томъ, что преступность, измѣняясь въ своихъ формахъ и проявленіяхъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, хотя и не въ одинаковыхъ размѣрахъ, за послѣднія десятилѣтія значительно возросла.

Для обоснованія этого вывода необходимо остановиться на статистическихъ данныхъ по отдѣльнымъ государствамъ и начать съ Германіи, гдѣ этотъ ростъ преступности выразился въ особенно грозныхъ цифрахъ.

Kriminalstatistik für das Jahr 1896, подводя подъ общее наименованіе „Handlungen“ преступленія, проступки и нарушенія, опредѣляетъ сумму всѣхъ этихъ преступныхъ дѣяній

[1]) A. v. Oettingen. Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung f. eine Socialethik, 3. Aufl., 1882.

въ 1882 г. — въ 456.636 и соотвѣтственно же въ 1896 г.— 682.117. Останавливаясь только на преступленіяхъ и проступкахъ, оффиціальная статистика даетъ слѣдующія цифры: для малолѣтнихъ въ возрастѣ 12—18 л. вмѣсто 30719 дѣяній въ 1882—44275 дѣяній въ 1896 г. или, принимая во вниманіе населеніе того же возраста (по даннымъ переписи 1895 г.), на 100.000 малолѣтняго населенія число преступныхъ дѣяній повысилось съ 568 на 702, а для взрослыхъ, т. е. старше 18 л. съ 299.242 на 412.705 т. е. 1.137—1.356 на 100 тысячъ населенія, т. е. дѣтская преступность возрасла неизмѣримо больше.

Но для выясненія германской преступности на общихъ цифрахъ дѣяній останавливаться трудно. Какъ я уже указалъ выше, только нѣкоторая, и при томъ ничтожная, часть нарушеній карается по общегерманскому уголовному кодексу, а большая часть карается по мѣстнымъ законамъ и въ общегерманскую статистику не включается. Особо, внѣ общихъ цифръ, въ статистикѣ отмѣчаются частно-уголовныя дѣла, которыя, напримѣръ, увеличились съ 73.347 въ 1881 г. на 113.864 въ 1901 г. Такъ же особо показываются ходатайства къ амтсрихтеру о постановленіи судебнаго приказа (сокращенный порядокъ производства), которыя уменьшились съ 607.843 на 494.942 въ 1901 г.

Въ общемъ, въ статистическомъ отчетѣ, изданномъ Rechtsjustizamt за 1901 г. (1903), указывается, что по разсчету на 100.000 населенія съ 1881 по 1901 г.г. число преступленій и проступковъ (безъ нарушеній), бывшихъ въ *разсмотрѣніи судовъ*, повысилось съ 112 на 118 (т. е. на 100.000 жителей съ 1120 на 1180). Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что здѣсь вовсе не приняты во вниманіе цифры дѣлъ, прекращенныхъ за необнаруженіемъ виновныхъ, и дознаній о преступныхъ дѣяніяхъ, прекращенныхъ прокурорскимъ надзоромъ.

Въ общемъ, по той же статистикѣ, тогда какъ населеніе увеличилось на 15%, преступленія (Verbrechen) повысились за указанное время съ 37.544 на 50.538, т. е. на 34,6%, а проступки съ 306.538 на 416.500, т. е. на 35,9%.

И это увеличеніе идетъ прогрессивно, хотя, разумѣется, и съ нѣкоторыми вспышками. Такъ только за два года (1899—1901) число проступковъ увеличилось на 6%, а число преступленій даже на 11,5%.

Если остановиться на цифрѣ Vorverfahren, т. е. судебныхъ дознаній, въ отличіе отъ Voruntersuchungen, т. е. предварительныхъ слѣдствій, такъ какъ эта цифра болѣе вѣрно отражаетъ собою число дѣйствительно совершенныхъ преступныхъ дѣяній [1]), то оказывается, что въ 1881—85 гг. дознаній было въ среднемъ 429.451 въ годъ, а въ 1905—754.735, т. е. общая сумма увеличилась на 75%.

Если теперь обратиться къ общему числу осужденныхъ за время съ 1882 по 1899 г.г., то это число увеличилось вообще съ 725 на 825 на 100 т. населенія, а если принять во вниманіе [2]) только важныя преступныя дѣянія (Verbrechen—Vergehen), то увеличеніе для взрослыхъ выразится въ суммѣ 44,7% (не считая осужденныхъ за дѣянія по новымъ, изданнымъ за это время законамъ), тогда какъ взрослое населеніе за это время увеличилось всего на 22%.

Преступность малолѣтнихъ въ возрастѣ 12—18 л. возрасла еще больше—на $54^{2}/_{3}$%, а по сравненію съ соотвѣтствующимъ населеніемъ на 37%.

Рецидивъ растетъ тоже параллельно. На 100 т. населенія рецидивистовъ было въ 1882 г.—190,5, а въ 1899 г.—349,7, а по разсчету на 100.000 населенія соотвѣтственныя цифры 26,2—34,9 [3]).

Рецидивъ среди малолѣтнихъ, по вычисленіямъ Эдгара Ленинга [4]), выразился въ 1889 г. въ цифрѣ 5.570, а въ 1886 г.—8.316, т. е. считая на 1000 осужденныхъ съ 158 повысился до 188.

Расчленяя эти общія цифры по отдѣльнымъ родамъ преступленій, приходится придти къ заключенію, что формы преступности мѣняются. Болѣе грубые виды—въ категоріи преступленій противъ личности убійства, въ отдѣлѣ преступленій противъ имущества грабежи и вымогательства—или уменьшились (убійство Mord, Todtschlag съ 2, 7 случаевъ на 100.000 населенія упали на 2,1), или почти не

---

[1]) Тарновскій. Движеніе преступности въ Германіи за 1882—1901 гг. Журн. Мин. Юст. 1904, № 1, стр. 28.

[2]) Scheel указ. выше статья.

[3]) Augusto Bosco, ук. соч.

[4]) Edgar Loening, Jahrbücher f. Nationaloekonomie ü. Statistik 22. B. Die zwangs erziehung Minderjährigen nach den deutschen Reichs und Landesgesetzen.

измѣнились, грабежи и вымогательства, напримѣръ, за время съ 1882 по 1899 г.г. повысились всего съ 894 на 1068, т. е. съ 1,9 на 2,0 на то же населеніе. Въ то же время отдѣлъ менѣе важныхъ преступныхъ дѣяній противъ личности представленъ болѣе многочисленно. Такъ, тѣлесныя поврежденія съ 62.443 дошли до 111.067 (82—99 гг.), а по разсчету на 100.000 населенія съ 134,8—216,9. Клевета и оскорбленіе съ 40.589—54.907; а пропорціонально 87,6 — 107,6. Оскорбленія должностныхъ лицъ съ 23,3 на 31,0 на 100 т., а преступленія противъ нравственности съ 6,9 на 9,4.

Въ отдѣлѣ преступленій противъ имущества произошло еще одно видоизмѣненіе, кромѣ почти полной остановки роста насильственныхъ видовъ, именно кражи во всѣхъ видахъ уменьшились немного: 105.352—101.080 по разсчету на населеніе съ 227,4 на 188,9, но зато болѣе современные въ смыслѣ соотвѣтствія условіямъ коммерческой дѣятельности и многообразію экономическихъ оборотовъ, обманы увеличились за то же время съ 28.984 на 45.196, т. е. болѣе чѣмъ на 50%, а по разсчету на населеніе составляли не 62,5, а 84,5. Если сложить за соотвѣтственные годы цифры кражъ и обмановъ, то окажется, что въ 1882 г. было совершенно въ совокупности этихъ дѣяній 134.336, а въ 1899—146.276.

Отлагая приведеніе данныхъ о распредѣленіи преступности въ Германіи, такъ сказать по мѣстамъ и занятіямъ, до отдѣла о факторахъ преступности, я не могу не отмѣтить, что приведенныя уже выше данныя устанавливаютъ съ несомнѣнностью громадный, чрезвычайный ростъ преступности въ Германіи. Къ этому выводу приходили всѣ безъ исключенія новѣйшіе изслѣдователи. Но уже Эттингенъ въ своей Moralstatistik, вышедшей третьимъ изданіемъ въ 1882 г., отмѣчая чрезвычайное усиленіе тѣлесныхъ поврежденій, назвалъ это явленіе одичаніемъ нравовъ. Новѣйшія статистическія данныя разрушаютъ оптимистическіе взгляды Штарке (Verbrechen und Verbrecher in Preussen 1854—1878, изд. 1884 г.), который по весьма почтеннымъ патріотическимъ побужденіямъ пытался объяснить замѣченный и имъ уже ростъ преступности различными такъ сказать внѣшними причинами: усиленіемъ дѣятельности органовъ полиціи,

временнымъ возвышеніемъ цѣнъ на продукты первой необходимости и т. д., только бы доказать, что установившійся послѣ патріотической войны 1870 г. внутренній соціальный строй не является одной изъ причинъ роста преступности, а самое увеличеніе преступности есть не болѣе какъ одно изъ колебаній въ размѣрахъ преступности, замѣчавшихся и прежде.

Италія. Hall въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о преступленіи и соотношеніи преступности съ соціальнымъ прогрессомъ [1]) указываетъ, что число преступниковъ, судившихся во всѣхъ судахъ Италіи и присужденныхъ къ лишенію свободы за время 1881—85 г.г., въ среднемъ ежегодно составляло 367.570, а за 1896 — 97 г.—527.694, и такимъ образомъ преступность не только увеличилась соразмѣрно съ увеличеніемъ населенія, но значительно обогнала ростъ населенія, такъ какъ въ 1881 — 85 г.г. осужденныхъ по разсчету на 100.000 населенія приходилось 1291,3 а въ 1896—97 г.—1614.

Итальянецъ Боско опредѣляетъ ростъ преступности въ Италіи за время съ 1883—1899 г.г. включительно, тоже въ числахъ осужденныхъ, слѣдующимъ образомъ. За общія преступленія (reati communi): было осуждено въ 1883—85 г.г.—236,067, что составляетъ 810,7 на 100.000 нас., а въ 1896—98 г.г. 303.268 или по разсчету нас. 966,3.

Нарушеній въ тѣ же годы 113.599—265.399 или по разсчету на 100.000 нас. 390,1—845,6. Такимъ образомъ общее число осужденныхъ составляло въ 1883 г.—1142,6 и въ 1899 г.—1811,9, на 100 т. насел. Но общее число преступныхъ дѣяній, какъ свидѣтельствуетъ Statistica giudiziazia penale въ 1899 г. было 2579.26 на 100.000 нас., т. е. еще значительно больше. Въ 1901 г., какъ видно изъ оффиціальной итальянской статистики, изданной въ 1903 г., общее число преступныхъ дѣяній на 100.000 нас. было нѣсколько меньше, чѣмъ въ 1899 г. именно 2478.40. Не желая смягчать впечатлѣнія приведенныхъ имъ до 1899 г.—цифръ ужасающаго роста преступности, Bosco отмѣчаетъ, что хотя въ указанное время и были изданы нѣкоторые новые законы, но, напримѣръ, въ Италіи еще не дѣйствуетъ законъ, подобный англійскому, о взыска-

[1]) Arthur Cleveland Hall. Crime in its relations to social progress. 1902.

ніяхъ за нарушеніе закона объ обязательномъ обученіи, который даетъ въ Англіи около 70.000 осужденій, и законъ о правилахъ работы на фабрикахъ, который даетъ въ Германіи приблизительно 100.000 осужденій.

Что касается до отдѣльныхъ категорій преступленій, то въ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ личности послѣдовало значительное уменьшеніе убійствъ, а именно съ 11,7 на 100 т. нас. на 6,6. Но все еще Италія занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ по числу убійствъ, и даже въ Испаніи приходится всего 4 на 100 т. нас.; уменьшились, если не по общей суммѣ, то пропорціонально съ населеніемъ, тѣлесныя поврежденія (215,6 на 100 т. нас.—213,3), но зато диффамаціи и оскорбленія увеличились съ 24.701—66.458, т. е. 83,2 на 100 т. — на 192,6, болѣе чѣмъ на 130%, сопротивленія и оскорбленія властей пропорціонально къ населенію выразились цифрами 35,2—43,5.

Преступленія имущественныя всѣ увеличились, не измѣнившись въ своихъ формахъ, какъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Даже грабежъ перешелъ отъ 725—1.306 т. е. 2,5—4,2; за кражи было осуждено въ годы 1888 по 99—48.608—61.158, т. е. пропорціонально населенію 169,1—195,5; обманы дали осужденныхъ вмѣсто 6.601—11.453, т. е. 25,6—37,8.

Къ сожалѣнію, статистика итальянская менѣе разработана чѣмъ другія и я лишенъ возможности дать болѣе подробныя данныя.

Австрія. Преступность въ этой странѣ тоже крайне усилилась за послѣднія 25 л., какъ удостовѣряетъ оффиціальная Oesterreichische Statistik für das Jahr 1899 (изд. 1903). Число преступленій (Verbrechen) было въ 1876—80 г.—39.651, а въ 1899 г.—46.768; соотвѣтственныя цифры для Vergehen, 2.753—20.411 Uebertretungen 517.474 (86—90)—613.488. Число осужденныхъ за всѣ роды преступныхъ дѣяній въ 1874 г. составляло 308.605 и въ 1899 г.—586.833, т. е. на 100 т. нас. 1.510 — 2.267. Собственно увеличеніе числа нарушеній можетъ быть объяснено изданіемъ новыхъ законовъ о бродяжествѣ (1873—1 885), которые дали около 100.000 осужденныхъ въ годъ, закона о заразныхъ болѣзняхъ на животныхъ—около 30.000 осужд. Число рецедивистовъ, осужденныхъ за Verbrechen, увеличилось съ 35,8—42,3 на 100 осужденныхъ

(XLVIII), а за Vergehen и Uebertretungen (Oest St. Ll.) съ 17,5—29,8, что на 100 осужд. составляетъ не 17,5, а 22,8.

Затѣмъ въ Австріи можно отмѣтить тотъ же процессъ измѣненія формъ преступленія, какъ и въ другихъ странахъ: убійства пропорціонально населенію выразились вмѣсто 2—1,6. Зато тѣлесныя поврежденія вмѣсто 39.935 (75 г.) дали 78.069 (1899), т. е. съ 192,6—309,9, клевета и оскорбленіе съ 52.804—72.460, т. е. съ 254,6—287,6. Сопротивленіе и оскорбленіе власти съ 12.013—17.929, т. е. 59,9—71,2.

Что касается до преступленій имущественныхъ, то и здѣсь мы отмѣчаемъ уменьшеніе грабежей съ 0,6 на 0,4. Простыя кражи пропорціонально росту населенія нѣсколько уменьшились: съ 461,1 на 441,3 на 100 т., но безотносительно къ населенію общая цифра простыхъ кражъ увеличилась съ 83.172 до 111.178. Кражи съ усиливающими вину обстоятельствами тоже возвысились съ 11.600—14.285, а пропорціонально населенію уменьшились съ 60,4 на 56,7. Зато обманы и банкротства съ 12.018, въ 75 г. дошли до 20.955 въ 1899, т. е. съ 37,9—83,2.

Россія. Что касается до состоянія нашей отечественной преступности, то, по моему крайнему разумѣнію, состояніе русской статистики настолько неудовлетворительно и даже хаотично, что не даетъ возможности дѣлать какихъ-либо сколько-нибудь обоснованныхъ выводовъ о развитіи преступности. Прежде всего исторію русской уголовной статистики слѣдуетъ раздѣлить на два періода; до закона 12 іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ и волостномъ судѣ и послѣ.

Первый періодъ отличается тѣмъ, что это періодъ постепеннаго введенія судебныхъ уставовъ 1864 г., а только съ этого времени и начинается правильное веденіе статистики (Правила 11 ноября 1871 г.) Только по 6 судебнымъ округамъ имѣются свѣдѣнія съ 1874 г., да и то не вполнѣ, ибо Прибалтійскія губерніи были включены лишь съ 1890 г., Кіевскій округъ вошелъ въ статистику съ 1884 г., окраинныя губерніи (Астраханская, Оренбургская, Уфимская, Олонецкая) лишь съ 1894 г. Свѣдѣнія по Варшавскому округу не включались въ статистику также до 1894 г. При такой чрезвычайной неполнотѣ, можно-ли давать общее представленіе о преступности въ Россіи?

Далѣе, уже съ самого начала отъ статистическаго зарегистрированія была устранена вся мировая юстиція, за исключеніемъ дѣяній, караемыхъ тюрьмой. Такимъ образомъ вся область нарушеній весьма многообразныхъ, въ томъ числѣ напр. и всѣ побои, оскорбленія, клеветы и рядъ преступленій противъ нравственности, которымъ придается такое важное, какъ мы видѣли выше, значеніе въ европейской статистикѣ, былъ устраненъ изъ статистическаго обзора! Кромѣ того самый объектъ регистрированія—преступныя дѣянія, ихъ оцѣнка и ихъ наказуемость подвергались сильнымъ колебаніямъ. Достаточно въ подтвержденіе этихъ соображеній указать хотя бы на законъ 18 мая 1882 г. о кражѣ—дѣяніи, составляющемъ около 25—30% общаго числа преступныхъ дѣяній. Этимъ закономъ не только измѣнена подсудность, но измѣнены и самое понятіе, составъ и наказуемость этого преступленія. Нельзя далѣе не указать на вліяніе Манифеста 15 мая 1883 г., которымъ не только осужденные освобождались отъ наказанія, но виновные освобождались отъ преслѣдованія и дѣянія ихъ исчезали изъ статистики (въ особенности дѣянія, о которыхъ дѣла еще не были возбуждены); достаточно въ этомъ отношеніи хотя бы обратить вниманіе на число возникшихъ дѣлъ (Итоги русской угол. статистики за 20 л. 1874—1894. Оффиц. изд. подъ ред. Тарновскаго, стр. 101). Съ 1883 г. происходитъ внезапное пониженіе числа возникшихъ дѣлъ и это пониженіе длится нѣсколько лѣтъ; можно ли это длящееся пониженіе приписать Манифесту и въ какой мѣрѣ, а между тѣмъ несомнѣнно, что невозбужденіе преслѣдованія прямо нарушало вѣрное изображеніе дѣйствительной преступности.

Но если даже остановиться на цифрахъ дѣяній, подсудныхъ общимъ судебнымъ установленіямъ, наиболѣе повидимому несомнѣнныхъ, то и тутъ мы найдемъ весьма существенный недостатокъ статистики. Въ числѣ дѣлъ, возникшихъ и зарегистрированныхъ въ дѣятельности судовъ, отмѣчались и отмѣчаются и нынѣ дѣла, прекращенныя судомъ производствомъ; такія дѣла въ европейской статистикѣ по разнымъ процессуальнымъ основаніямъ въ общее число дѣлъ не включаются. Но у насъ эти дѣла не только

включались и включаются, но до послѣдняго времени, до отчета за 1902 г., вышедшаго въ 1905 г., включались подъ общею рубрикою: прекращены по 227 ст. уст. угол. суд. Между тѣмъ, въ порядкѣ ст. 277 прекращаются дѣла о дѣяніяхъ, въ коихъ не усмотрѣно признаковъ преступленія. Несомнѣнно, что такія дѣла должны быть исключаемы изъ общей статистики. А въ какой мѣрѣ число подобныхъ дѣлъ велико, это явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ. Свода стат. свѣд. за 1902 г. (изд. 1905 г., 1 ч., стр. 50). Изъ 225938 дѣлъ, оконченныхъ въ отчетномъ году въ окружныхъ судахъ, 41094, т. е. почти $^1/_5$ ч., были прекращены судами за необнаруженіемъ признаковъ преступленія. Какія же возможны правильныя, обоснованныя, сравненія и выводы съ недавними еще годами, когда этой рубрики не существовало! Кто и на какихъ основаніяхъ можетъ удостовѣрить, что именно такихъ дѣлъ въ прошлые годы не было вдвое больше или вдвое меньше противъ 1902 г.

Законъ 12 іюля 1889 г. привелъ не только русское правосудіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и русскую статистику въ вполнѣ хаотическое состояніе, въ которомъ правосудіе и статистика пребываютъ и до настоящаго времени. Достаточно вспомнить, что въ силу ст. 17 Временныхъ правилъ о волостномъ судѣ въ вѣдѣніе этого суда передана почти вся подсудность мировыхъ судей, въ томъ числѣ и дѣянія, облагаемыя тюрьмою, а именно: прошеніе милостыни по привычкѣ съ дерзостью, допущеніе въ видѣ ремесла къ прошенію милостыни дѣтей (49—51 ст. уст. о нак.), кражи, мошенничества, обманъ, укрывательство краденаго (169, 170, 172 — 174 уст.,) если цѣна похищеннаго или присвоеннаго не превышаетъ 50 р. Кто повѣряетъ эту оцѣнку? При такихъ условіяхъ кража—одно изъ самыхъ распространенныхъ преступленій, одинъ изъ важнѣйшихъ показателей преступности для $^9/_{10}$ населенія исключена была до самаго недавняго времени изъ статистики; о какой статистикѣ можно говорить при этомъ? Включеніе въ своды свѣдѣній о юстиціи административно-судебныхъ органовъ (земскихъ начальниковъ и городскихъ судей), имѣющихъ въ своемъ вѣдѣніи обрывки мировой юстиціи, является съ научной точки зрѣнія совершенно необъяснимымъ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что этимъ

органамъ административно-судебной юстиціи подсудно то же населеніе, которое и волостному суду, но лишь случайно, по исключенію: дѣло крестьянина съ помѣщикомъ, дѣло крестьянина, усадьба котораго въ городской чертѣ и т. д. О какомъ рецидивѣ возможно говорить, когда правилами о волостномъ судѣ нарушаются всякія понятія рецидива? Но и кромѣ того, понятіе рецидива за время съ 1889 г. было кореннымъ образомъ преобразовано по закону 3 февраля 1892 г., что, разумѣется, внесло большое потрясеніе въ нормальное регистрированіе. Не слѣдуетъ также забывать о рядѣ Всемилостивѣйшихъ Манифестовъ, начиная съ 1881 г. тоже, очевидно, подобно Манифесту 1883 г., вполнѣ поколебавшихъ правильное воспроизведеніе регистраціи дѣйствительной преступности.

При такихъ условіяхъ, мнѣ кажется, можно лишь желать скорѣйшаго упорядоченія и объединенія какъ нашего правосудія, такъ и статистики, а до того времени необходимо отказаться отъ всякой обработки того статистическаго матеріала, который даютъ намъ своды. Всякіе выводы и обобщенія такого матеріала могутъ только подтвердить доводъ о непригодности нашего русскаго статистическаго матеріала для научной обработки.

Я позволю себѣ въ подтвержденіе моихъ соображеній сослаться на труды единственнаго почти нашего русскаго статистика по уголовнымъ дѣламъ Е. Н. Тарновскаго, столь справедливо пользующагося за свои талантливыя научныя изслѣдованія извѣстностью и у насъ и заграницею.

Въ № 8 „Журнала Министерства Юстиціи“ за 1905 г. имъ помѣщена статья „Движеніе преступности по окружнымъ судамъ Европейской Россіи“. Изучаемый матеріалъ касается 9 судебныхъ округовъ и времени съ 1883—1903 г.г. Приступая къ изложенію своихъ выводовъ, г. Тарновскій дѣлаетъ нѣкоторыя оговорки. А именно, что изъ области мировой юстиціи въ статистику попадаетъ всего 10—15% общаго числа дѣлъ и лицъ, судившихся органами мировой юстиціи и учрежденіями ихъ замѣняющими; что Высочайшіе Всемилостивѣйшіе Манифесты уменьшаютъ въ годы ихъ воспослѣдованія (только-ли)? число осужденныхъ на 20% и что, наконецъ, изъ числа дѣлъ, вступающихъ въ окружные

суды, около 55% прекращаются ими. Я бы все-таки позволилъ себѣ еще сдѣлать двѣ маленькія оговорки. Изслѣдуется преступность за 20 л. съ 1884 по 1903 г., въ томъ числѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ и округѣ Варшавской палаты (постоянныя и прямыя цитаты судовъ); между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, Прибалтійскіе суды попали въ общую статистику лишь въ 1890, т. е. черезъ 6 л. послѣ начала изслѣдуемаго періода, а Варшавскій округъ, даже лишь въ 1894 г., т. е. черезъ 10 л.

По этой-ли, или вслѣдствіе другихъ, указанныхъ выше, причинъ, но результаты получились и неожиданные и необъяснимые.

Съ одной стороны было обнаружено чрезвычайное увеличеніе числа возникшихъ дѣлъ, именно общее число увеличилось за 20 лѣтъ на 57%, т. е. больше, чѣмъ населеніе, которое, по вычисленію г. Тарновскаго, увеличилось за это время всего на 30%.

По отдѣльнымъ родамъ преступленій число дѣлъ увеличилось: убійствамъ на 34%, тѣлеснымъ поврежденіямъ—206%, разбою и грабежу 58%, кражѣ 74%.

Каково-же удивленіе, когда, оказывается, что общее число лицъ, осужденныхъ за это время, осталось *безъ всякихъ измѣненій*. Въ 1884—6 было 43, 142, а въ 1903—43185. При разслѣдованіи числа осужденныхъ по отдѣльнымъ преступленіямъ выяснилось, что только число осужденныхъ за тѣлесныя поврежденія повысилось, по всѣмъ-же остальнымъ преступленіямъ число подсудимыхъ *уменьшилось*.

Никакого объясненія этого невѣроятнаго явленія мы въ статьѣ уважаемаго Е. Н. Тарновскаго не находимъ. Между тѣмъ явленіе совершенно необычайное, вполнѣ неизвѣстное европейской статистикѣ. Трудно его объяснить. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ предположить, что полиція послѣ 20 лѣтней работы при новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ впала въ полное невѣжество и совершенно забыла первоначальныя понятія состава преступленій, или что суды наши вдругъ заразились чрезвычайною наклонностью къ оправданію и прекращеніямъ.

Но можетъ быть это явленіе, столь невиданное въ евро-

пейской статистикѣ о преступности, указываетъ на новое направленіе преступности нашей родины?

Для устраненія правильности такого предположенія однако, достаточно обратиться къ русской статистикѣ за прежнее а отчасти и за *изслѣдуемое* время, къ указанному уже выше обширному оффиціальному изданію, разработанному какъ сказано въ заглавіи, при ближайшемъ участіи Е. Н. Тарновскаго.—„Итоги русской уголовной статистики“ 1874—1894 г., при чемъ оказывается (стр. 110), что на 100.000 жителей въ общемъ приходилось уголовныхъ дѣлъ въ 1874 г.—169, а въ 1894 г.—179, а число осужденныхъ тоже и при томъ совершенно аналогично и послѣдовательно уменьшилось немного, а именно на 100 т. въ 1874 приходилось 102 осужденныхъ, а въ 1894 г.—100.

Франція. Въ 1902 г. Статистическое бюро Французскаго Министерства Юстиціи издало Compte general de l'administration de la justice criminelle за 20 л. 1880—1900.

Цифры, приведенныя въ отчетѣ, указывали на замѣтное уменьшеніе преступности, число лицъ судившихся судомъ присяжныхъ (accusés) уменьшилось съ 1668—1330, а prevenus въ судѣ исправительной полиціи нѣсколько повысилось съ 83.729 на 91.517, но противъ ближайшихъ предшествующихъ годовъ понизилось.

Даже число дѣлъ въ tribunaux de simple police уменьшилось съ 383.949 на 378.905.

Боско, выражая преступность въ цифрахъ на 100 т. населенія, отмѣчаетъ, что crimes et delits вмѣстѣ въ 1861—65 г.г. было 3.335, а въ 1896—99 г.г. 322, а contraventions соотвѣтственно 1367—1307. Даже рецидивъ уменьшился съ 106.234 въ 1881—85 г.г. до 86.027 въ 1900 г.

Обращаясь къ отдѣльнымъ преступленіямъ, французская статистика, искусно группируя ихъ, тоже отмѣчаетъ уменьшеніе.

Начнемъ съ рецидива: кажется, это дѣйствительно—признакъ уменьшенія преступности, но какъ уже справедливо замѣтилъ Тардъ въ своемъ докладѣ Societé generale des prisons—La criminalité en France dans les vingt dernières années [1]),

[1]) Revue penitentiare. 1903, стр. 158.

забываютъ о релегаціи, которая вывезла изъ предѣловъ европейской Франціи къ отчетному времени болѣе 10.000 самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Что съ ними дѣлается на мѣстѣ ссылки, объ этомъ намъ сообщилъ на страницахъ „Журнала Министерства Юстиціи“ (1897) нашъ соотечественникъ Д. А. Дриль. Если понятіе Франціи, какъ страны, не ограничивать только континентомъ европейской территоріи, тогда вѣроятно выводы получились-бы совершенно другіе, а при такомъ ограниченіи, если не Франція и французская преступность, то французская статистика, не распространяющаяся на мѣста ссылки, была очищена. Едва-ли что-либо можно прибавить къ такому искусственному обѣленію.

Далѣе, уменьшеніе числа accusés, т. е. судившихся судомъ присяжныхъ, объясняется ни чѣмъ не сдерживаемой корректіонализаціей (т. е. передачей дѣлъ въ судъ безъ присяжныхъ, для чего прокуратура предъявляетъ менѣе строгое обвиненіе, чѣмъ слѣдовало бы), которая напримѣръ, въ сосѣднемъ государствѣ Бельгіи довела число дѣлъ подсудныхъ присяжнымъ до 100 на всю страну. Но Тардъ обратилъ вниманіе и на другіе факты, указывающіе на невѣрность общаго изображенія преступности. Число дѣлъ не уменьшается, а увеличивается, за 20 л. оно повысилось съ 422.983 до 514.761.

Куда же эти дѣла дѣваются?

Тардъ отвѣчаетъ: число дѣлъ, прекращенныхъ за отсутствіемъ признаковъ преступленія, возросло за отчетное время съ 105.714 до 131.167 (можетъ быть тоже, какъ и у насъ, надо объяснять невѣжествомъ полиціи?)

Число дознаній, прекращенныхъ прокурорскимъ надзоромъ: 1) по неважности самихъ обвиненій при полномъ составѣ преступленія (opportunitáts princip) возросло съ 23.796 до 39.907 и 2) за необнаруженіемъ виновныхъ съ 64.112 на 92.074. Число delits, оставленныхъ безъ преслѣдованія за неразысканіемъ преступника, съ 94.853—114133. Кто бы ни былъ виноватъ въ этомъ явномъ ослабленіи обвиненія: чины прокурорскаго надзора, находящіеся подъ сильнымъ вліяніемъ политическихъ партій, агенты ли полиціи, одно ясно, что въ суды попадаетъ и разрѣшается значи-

тельно меньше дѣлъ, чѣмъ должно бы, и статистика оффиціальная невѣрно отражаетъ дѣйствительное состояніе преступности.

Но и по отдѣльнымъ видамъ преступленій слѣдуетъ отмѣтить усиленіе преступности.

Если число убійствъ вообще уменьшается, то число убійствъ съ корыстною цѣлью увеличилось: moeurtres съ 14—21% общаго числа, assassinats съ 25 на 43%.

Contraventions, направленныя противъ личности, увеличились съ 26.607 до 32.179. Bosco, обозначивъ этотъ родъ дѣяній lesioni personale, опредѣляетъ число ихъ въ 1861—65—18919 и въ 1896—99 въ 33264, что составляетъ на 100 т. насел. повышеніе съ 50,3 на 86,7. Если кражи съ осложняющими обстоятельствами уменьшаются, то кражи простыя увеличиваются, по разсчету Bosco (1884—1899), на населеніе съ 88.8 на 101,9, а мошенничества съ 26,4 на 35,5. Если же взять число кражъ въ 1833—35 г. и сравнить, то окажется, что вмѣсто 46 кражъ на 100 тысячъ жителей въ тридцатыхъ годахъ, приходится около 120 кражъ въ девяностыхъ годахъ. По справедливому замѣчанію Тарновскаго [1]), это уменьшеніе приговоровъ, а не преступности. Преступность дѣтская увеличивается несомнѣнно, Bosco за время 1881—99 даетъ слѣдующія цифры: число малолѣтнихъ преступниковъ не достигшихъ 16 л. увеличилось съ 6298 на 6938, а въ возрастѣ 16—21 л. съ 22.100 на 34.328; на 100 обвин. несовер. до 21 г. съ 16,0—на 18,3. Въ докладѣ Societé generale des prisons подъ названіемъ „Les causes de la criminalité de l'enfance" Jules Joly [2]) отмѣчаетъ, что несовершеннолѣтніе въ возрастѣ 16—21 л. давали въ 1831—10% общаго числа обвиняемыхъ, въ 1881—15%, а въ 1901 г.—17%. За время съ 1881—1901 г.г. рецидивъ среди малолѣтнихъ (envoyés en correction) возвысился съ 11%—16% для мальчиковъ и съ 9%—14% для дѣвочекъ.

Но для того, чтобы выяснить ходъ французской преступности и одновременное „усовершенствованіе" ея оффиціаль-

---

[1]) Тарновскій. Измѣненіе преступности во Франціи по различнымъ группамъ департаментовъ, Ж. М. Ю., 1904, № 4.

[2]) Revue penit. 1904, p. 662.

ной статистики и дѣятельности органовъ преслѣдованія и обвиненія, надо обратиться къ болѣе раннему времени.

Извѣстный выдающійся (Doyen de la faculté, членъ института, предсѣдатель Societé generale des prisons одно время) Henri Joly въ своемъ сочиненіи „La France criminelle", вышедшемъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ въ 1889 г. (которымъ я пользовался), подводя къ этому времени итоги французской уголовной статистики, отмѣчаетъ уже въ то время то явленіе, которое 14 лѣтъ спустя для своего времени отмѣтилъ, какъ указано выше, Тардъ,—чрезвычайный ростъ дѣлъ, прекращенныхъ за необнаруженіемъ виновныхъ, именно съ 12.000 до 74.000. За время съ 1826 по 1880 г.г. кражи увеличились, по вычисленіямъ Joly, во Франціи на 238%, обманы и мошенничества на 323%, abus de confiance 60%. Съ 1838 г.,—говоритъ Joly,—населеніе увеличилось на 51%, а корысть на 69%, число рецидивистовъ во Франціи съ 1860 г. до 1887 г. по отношенію къ общему числу обвиняемыхъ (accusés et prevenus) возросло съ 31% до 54%.

Тотъ же Joly въ статьѣ „Les associations et l'État dans la lutte contre le crime" [1]) отмѣчаетъ, что хотя съ 1860 до 1891 г. число дѣтей вообще во Франціи уменьшилось на 226.000, число обвиняемыхъ дѣтей въ возрастѣ до 16 л. возросло съ 5.400 до 7.000, а въ возрастѣ 16—21 г. съ 16.000 до 31.000.

Вышеприведенныя данныя указываютъ, что ростъ преступности во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, очень великъ, но что по политическимъ или другимъ соображеніямъ и основаніямъ преслѣдованіе все болѣе и болѣе ослабляется, а отчеты статистики допускаютъ умолчаніе о самыхъ серьезныхъ явленіяхъ преступности, о преступности релегированныхъ.

Англія. Въ 1877 г. была совершена въ Англіи тюремная реформа, весь строй тюремный былъ преобразованъ на новыхъ началахъ, и съ тѣхъ поръ англійскія тюрьмы должны быть признаны наиболѣе отвѣчающими всѣмъ современнымъ пенитенціарнымъ требованіямъ изъ всѣхъ мѣстъ заключенія

[1]) Revue politique et parlementaire, 1895, стр. 430.

всего міра. Рядомъ съ этимъ, частная иниціатива широко развила дѣло патроната для выходящихъ изъ тюремъ, реформаторій и индустріальныхъ школъ для малолѣтнихъ. Черезъ годъ послѣ тюремной реформы населеніе тюремное стало значительно убывать. Это уменьшеніе числа арестантовъ шло неизмѣнно, послѣдовательно и быстро. Еще въ 1878 г. *среднесуточный* составъ каторжныхъ и мѣстныхъ тюремъ выразился въ цифрѣ 20.833 человѣкъ, въ 1879 г. было всего 19.818, черезъ 10 лѣтъ въ 1889 г. всего 14.758 и въ 1892 г. среднесуточный составъ тюремнаго населенія выражался въ цифрѣ 12.663. Затѣмъ, правда, тюремное населеніе стало медленно увеличиваться, въ 1901 г. оно равнялось уже 14.739. Это увеличеніе продолжается и въ слѣдующіе годы и, притомъ, идетъ чрезвычайно быстро: въ 1901 г. всего было присуждено къ содержанію въ каторжныхъ и мѣстныхъ тюрьмахъ 166.79 4 чел. [1]) въ 1902—3 г.г.—196.144, въ 1903—4 г.г.—210.482 [2]).

Одновременно уменьшилось и общее число осужденныхъ за inditcable offences, т. е. наиболѣе важныя преступленія (безразлично, къ какимъ наказаніямъ присуждены). Еще въ 1878 г. число осужденныхъ за inditcable offences при разсчетѣ на 100 тысячъ населенія составляло 217, въ 1893 г.—194 [3]), въ 1901 г. оно состовляло уже всего 170 чел., правда въ 1902 г. оно дало 173 и все увеличивается.

Совпаденіе уменьшенія тюремнаго населенія, а за тѣмъ и числа осужденныхъ съ тюремной реформой вселило въ англичанъ, при всей ихъ безукоризненной добросовѣстности и неумолимой строгости къ своимъ порядкамъ, вполнѣ понятную гордость и увѣренность, что ими открыто средство успѣшной борьбы съ преступностью.

Эта увѣренность за послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ какъ тюремное населеніе стало вновь увеличиваться, сильно поколебалась. Но такъ какъ все-таки увеличеніе числа осужденныхъ отставало отъ роста населенія и даже про-

---

[1]) Report of the Commis. of prisons and directors of Convict prisons for the year, ended the 31 Marth 1901, p. 6—7.

[2]) Revue penit., 1905 p. 278.

[3]) Report from the Departemental Commitee on prisons, 1895, стр. 4.

проціональное отношеніе измѣнялось до послѣднихъ 3 лѣтъ въ благопріятномъ смыслѣ, то и въ Англіи и среди ученыхъ иностранцевъ утвердилось убѣжденіе, что преступность въ Англіи уменьшается и, притомъ, значительно.

Но это убѣжденіе не раздѣляется уже и въ самой Англіи многими весьма компетентными лицами.

Уже въ 1895 г. парламентская коммисія, образованная для изслѣдованія тюремныхъ порядковъ подъ предсѣдательствомъ сына Гладстона Герберта, замѣтила между прочимъ [1]), что „уменьшеніе тюремнаго населенія не можетъ быть признано вѣрнымъ показателемъ уменьшенія преступности. Причины, которыя вызываютъ измѣненія въ размѣрѣ преступности, часто весьма тонки, сложны и неуловимы. Измѣненія въ уголовной статистикѣ часто являются прямымъ результатомъ измѣненія въ матеріальномъ уголовномъ правѣ или процессѣ, которые не состоятъ въ непосредственной связи съ тюремнымъ режимомъ. Законы о реформаторіяхъ и индустріальныхъ школахъ, законъ о сокращенномъ судопроизводствѣ (Summary Jurisdiction Act) и расширеніе полномочій судей по назначенію срока каторжныхъ работъ въ значительной степени освободили тюрьмы отъ ихъ населенія“. Эти замѣчанія чрезвычайно компетентнаго англійскаго тюремнаго комитета весьма вѣрны. Къ нимъ только надо добавить, что эти законы въ особенности Summary Jurisdiction Act 1879—42 & 43 Vict [2]), не только уменьшили населеніе тюремное, но вообще уменьшили *число осужденныхъ*, приговариваемыхъ къ другимъ наказаніямъ, кромѣ тюремнаго заключенія. Въ самомъ дѣлѣ, законъ о сокращенномъ производствѣ въ судахъ малыхъ сессій мировыхъ судей и полицейскихъ—число коихъ въ Англіи приблизительно можно опредѣлить въ 700 [3])—создалъ для этихъ судовъ весьма широкую компетенцію: 1) относительно дѣтей до 12 л. всѣ преступленія кромѣ убійства, если родители согласны не подвергать, въ случаѣ важныхъ преступныхъ

[1]) Report from the Depart. Com. on pris, 1895, стр. 4.

[2]) The public general statute, 1879. стр. 236—264.

[3]) Подробныя свѣдѣнія о судахъ сокращеннаго производства у Comte de Franqueville, Le systeme judiciaire de la Grande Bretagne. 1893, t. 1, p. 265—t. II, p. 286.

дѣяній (indictable offenses), суду присяжныхъ (Sh. 10)—наказаніе тюрьма до 1 м.; 2) малолѣтніе отъ 12 — 16 л. въ случаѣ indictable offenses, при ихъ согласіи (Sh. 11) взамѣнъ суда присяжныхъ, причемъ судъ можетъ назначить наказаніе до 3 м. тюрьмы. Преступленія, перечисленныя въ особомъ спискѣ; сюда входятъ кражи безъ ограниченія цѣны похищеннаго, домашнія кражи и рядъ весьма разнообразныхъ преступленій; не только non indictable, но и indictable, 3) наконецъ взрослые, если они въ предѣлахъ компетенціи указанной въ п. 2, признавая себя виновными, просятъ объ осужденіи взамѣнъ длинной процедуры суда присяжныхъ или если, и не признавая себя виновными, соглашаются на замѣну суда присяжныхъ сокращеннымъ производствомъ и при этомъ, по мнѣнію судей, цѣна похищеннаго или присвоеннаго не превышаетъ 40 шиллинговъ (Schedules Second Column), наказаніе тюрьма до 6 мѣсяцевъ. Уже ознакомленіе съ этими постановленіями вполнѣ поясняетъ, какое ослабленіе репрессіи, кромѣ быстроты процесса, было такимъ образомъ достигнуто. Не слѣдуетъ забывать, что кража и приравниваемыя къ ней преступленія составляютъ значительную часть общаго числа преступныхъ дѣяній, почти 30%, что вмѣсто наказанія за innictable offense—penal servitude т. е., заключенія въ каторжную тюрьму даже взрослый, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ отдѣлаться тюремнымъ заключеніемъ не свыше 6 мѣсяцевъ. Но не въ этомъ еще главное значеніе Summary Iurisdiction Act. Въ силу ст. 16 этого закона судъ сокращеннаго производства, если найдетъ, что хотя виновность и доказана но дѣяніе столь ничтожно (the offense was in the particular case of so triffling a nature), что непрактично назначать какое-нибудь наказаніе, можетъ освободить виновнаго, подвергнувъ его, *если признаетъ нужнымъ*, платежу судебныхъ издержекъ или представленію поручительства. И это дѣйствительно относительно *всѣхъ* подсудныхъ этому суду лицъ. Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, я думаю, будетъ вполнѣ понятно *значеніе* указанія судебнаго отчета за 1902 г. (Judicial Statistics of England and Wales, 1902, Criminal statistics p. 49), что за 10 лѣтъ съ 1893 по 1902 г.г. число лицъ, освобожденныхъ судами сокращеннаго судопроизводства отъ наказанія

по ст. 16, по разсчету на 1.000 обвинительныхъ приговоровъ возросло съ *386* до *557*; такимъ образомъ *болѣе половины* оставляется безъ наказанія и осужденія. Если къ этому прибавить, что дѣйствіе закона 1879 г. совпало какъ разъ съ началомъ сокращенія тюремнаго населенія, то станетъ ясно, гдѣ лежитъ дѣйствительная причина уменьшенія тюремнаго населенія и числа осужденныхъ: въ уменьшеніи-ли преступности, благодаря благотворному вліянію тюремъ или въ искусственномъ, путемъ законодательныхъ мѣропріятій, сокращеніи числа осужденныхъ. Въ томъ-же судебномъ отчетѣ (стр. 13) указывается, что въ 1893 г. сокращеннымъ порядкомъ разсмотрѣно 434.791 дѣлъ. Что касается до. расширенія права судей назначать каторгу въ предѣлахъ minimum 3 л. а не 5 л., то этотъ законъ очевидно долженъ былъ повліять на сокращеніе среднесуточнаго состава арестантовъ.

Наконецъ, если число арестантовъ въ тюрьмахъ сократилось, то за то, какъ видно изъ Report for the Jear 1902 of the Inspector of Reformatory and Industrial Schools число дѣтей содержащихся въ индустріальныхъ школахъ возросло съ 1.668 въ 1864 г. до 23.369 въ 1902 г.

Я нисколько не думаю отрицать благотворности всѣхъ англійскихъ реформъ. Не довѣряя вовсе тюрьмѣ, какъ мѣрѣ исправительной, даже тюрьмѣ англійской, я думаю, что англійскій законодатель изъ двухъ золъ—тюрьма или оставленіе безъ наказанія — выбралъ меньшее. Но только это все-таки никоимъ образомъ не можетъ свидѣтельствовать *пока* объ уменьшеніи преступности. А пессимистическіе судебные и тюремные отчеты послѣднихъ лѣтъ и сами не выражаютъ надежды, что увеличеніе числа осужденныхъ явленіе преходящее. Я думаю, что даже мы съ бо́льшимъ правомъ можемъ заключить о ростѣ преступности, такъ какъ общее число преступныхъ дѣяній увеличивается, дѣтская преступность, судя по числу отправляемыхъ въ реформаторіи и индустріальныя школы, сильно увеличивается, а рецидивъ растетъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы имѣемъ свидѣтельство такого компетентнаго лица, какъ Регльль-Брайзъ, предсѣдатель совѣта тюремныхъ инспекторовъ Англіи, который

удостовѣряетъ въ докладѣ брюссельскому тюремному конгрессу, что если въ 1877 г. 39% тюремнаго населенія являлось рецидивистами, то въ 1898 году рецидивисты составили уже 58% этого населенія. Въ 1902 г. рецидивъ дошелъ уже до 62% [1]).

Общее движеніе преступности въ Англіи и Уэльсѣ за десятилѣтіе 1893—1902 по даннымъ Iudicial Statistics за 1902 (стр. 32—34) въ цифрахъ осужденныхъ:

Indictable offences 57.357—57.060; пропорціонально населенію на 100 т. 189.85—170.48.

Non indictable offen. 604.310—730. 613, на 100 т. 2.069—2.236.

Заключенныхъ въ тюрьмахъ 183.143—207.384.

Преступленія, соединенныя съ насиліемъ 1.559—1.705.

Зато assault въ сокращенномъ производствѣ 75.862—61.422 (въ виду освобожденія отъ наказаній 56% едва-ли что-либо доказываетъ).

Burgarly and Hausbreaking 7.572—8.791.

Убійства уменьшились 263—245, но offennces maliciously wounding 723—771.

Obtainig property by false-pretences 954—1.695.

Порядокъ собиранія статистическихъ данныхъ о преступности.

Въ заключеніе обзора статистическаго метода и его примѣненія къ изученію преступности, необходимо отмѣтить тѣ вопросы, которые включаются въ листки, дающіе свѣдѣнія о личности осужденныхъ; отвѣты на вопросы отмѣчаются въ листкахъ судами, разсматривающими дѣло по существу.

Въ этомъ отношеніи русскіе статистическіе листки заключаютъ въ себѣ наибольшее число вопросовъ, по сравненію съ статистическими листками другихъ странъ. Вопросы эти слѣдующіе:

---

[1]) Bulletin de la commission pénitentiaire internationale. Vol. 2 Livr II 1900, p. 206.

1) Возрастъ осужденнаго (во всѣхъ странахъ), 2) мѣсто рожденія (тоже), 3) мѣсто приписки (только еще въ Австріи), 4) постоянное мѣсто жительства (всюду за исключеніемъ Англіи), 5) званіе или сословіе (только у насъ), 6) рожденіе брачное или внѣбрачное (еще въ Италіи, Франціи, Бельгіи), 7) народность (только у насъ), 8) религія (Германія, Австрія и Венгрія), 9) образованіе (всюду кромѣ Германіи), 10) семейное положеніе (всюду за исключеніемъ Англіи), 11) занятіе (всюду), 12) недвижимое имущество (только еще въ Австріи и Венгріи), 13) подверженъ ли привычному пьянству (только еще въ Бельгіи), 14) преступное дѣяніе, въ которомъ обвиняется (нигдѣ), 15) преступленіе или проступокъ, за который осужденъ (всюду), 16) преступленіе совершено гдѣ (всюду за исключеніемъ Австріи и Италіи), когда (за исключеніемъ Австріи всюду); единолично или въ сообществѣ (еще Италія, Франція, Венгрія), въ состояніи опьяненія (нигдѣ), 17) было ли сознаніе на судѣ (нигдѣ), 18) къ чему приговоренъ (всюду), 19) отношеніе осужденнаго къ потерпѣвшему (нигдѣ), 20) свѣдѣнія о прежней судимости (всюду). При сравненіи приняты во вниманіе статистическіе листки Германіи, Австріи, Италіи, Франціи, Англіи, Венгріи, Бельгіи. Это небольшое сравненіе показываетъ, въ какой мѣрѣ неполны статистическія записи въ другихъ странахъ. Но и въ нашихъ листкахъ есть много пробѣловъ, а между тѣмъ Министерствомъ Юстиціи въ порядкѣ верховнаго управленія только что—Высочайше утверждены 20 мая 1909 г. (Собр. узак. ст. 584)—изданы новыя правила, въ измѣненіе правилъ 11 ноября 1871 г.: въ нихъ не прибавлено новыхъ вопросовъ, но выкинуты изъ приведеннаго перечня пункты 3, 13, 17, 19.

Криминологическая секція Петербургскаго Психо-Неврологическаго Института, какъ ученое учрежденіе, въ составъ коего входятъ психіатры, юристы, теоретики и практики, и статистики, задавшись мыслью посвятить свои нужды изученію русской преступности, не могла не остановиться съ самаго же начала на недостаточности и несовершенствѣ тѣхъ фактическихъ данныхъ о русской преступности, которыя должны послужить матеріаломъ для научныхъ обобщеній, въ виду того что они не содержатъ самыхъ существенныхъ свѣдѣній о личности преступника, его психическомъ состояніи и соці-

альномъ положеніи. Желая въ своихъ изслѣдованіяхъ слѣдовать методу позитивному, Криминологическая секція, прежде всего, обратилась къ даннымъ нашей уголовной статистики и въ этомъ отношеніи, считаясь конечно въ полной мѣрѣ съ невозможностью разсчитывать на сколько нибудь значительное увеличеніе производимыхъ нынѣ на этотъ предметъ затратъ, ограничилась лишь предположеніями самыхъ немногихъ и особо по ея мнѣнію настоятельныхъ измѣненій и дополненій въ порядкѣ собиранія статистическихъ данныхъ.

I. Останавливаясь на статистическомъ листкѣ объ осужденныхъ, Криминологическая секція приняла во вниманіе, что пунктъ 11 старой редакціи (п. 10 новой редакціи) касается семейнаго положенія малолѣтняго осужденнаго. Несомнѣнно, что семейное положеніе и безпризорность въ различныхъ ея видахъ являются главной причиной дѣтской преступности. Это, конечно, признается и Министерствомъ Юстиціи, хотя бы напримѣръ въ законопроектѣ о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ, коимъ предположено допустить въ эти заведенія дѣтей и не совершившихъ преступленія, разъ они оказываются безпризорными. При такихъ условіяхъ, конечно, чрезвычайно важно имѣть точныя статистическія данныя о количествѣ среди преступниковъ дѣтей съ пошатнувшимся семейнымъ положеніемъ или вовсе безпризорныхъ. Въ этихъ видахъ Криминологическая секція полагала бы пунктъ 11 изложить такъ (конецъ): если малолѣтній, то живетъ ли при родителяхъ, сирота, пріемышъ, безпризорный и въ тоже время указать въ инструкціи, что здѣсь главнымъ образомъ надлежитъ выяснить вопросъ о томъ, состоитъ ли ребенокъ на попеченіи и подъ надзоромъ какихъ либо взрослыхъ лицъ, или фактически, хотя бы и не-юридически, онъ оставленъ вовсе безъ призора.

Переходя затѣмъ къ п. 12 (нов. ред. п. 11), Криминологическая секція нашла, что предлагаемый въ этой статьѣ вопросъ долженъ служить къ выясненію главнымъ образомъ характера занятій, т. е. постоянныя ли это занятія, или временныя, или случайныя. Выясненіе этого обстоятельства важно, ибо современный ростъ преступности въ особенности въ части имущественныхъ преступленій въ

значительной степени объясняется случайностью, или, по крайней мѣрѣ, непостоянствомъ, временнымъ характеромъ занятій. Какъ показываютъ статистическія данныя западноевропейскія, ростъ преступности особенно повышается въ промышленныхъ округахъ, гдѣ по условіямъ производства всегда имѣется запасная армія рабочихъ и гдѣ происходятъ чрезвычайныя колебанія въ спросѣ на трудъ, въ нѣкоторыхъ спеціальностяхъ, доходящая до разницы по годамъ почти въ 70% наличнаго состава рабочихъ данной отрасли промышленности. А потому слѣдовало бы изложить этотъ пунктъ такъ: „постоянныя, временныя или случайныя занятія".

Пунктъ 13 (12) ставитъ вопросъ только о недвижимомъ имуществѣ осужденнаго. Въ такой редакціи: несомнѣнно этотъ вопросъ не можетъ послужить къ выясненію экономическихъ причинъ преступности, ибо онъ даетъ отвѣтъ только относительно одного изъ видовъ имущества, а потому предпочтительнѣе его выразить въ такой редакціи: „постоянныя средства существованія".

Пунктъ 14, выпущенный совершенно въ новой редакціи, несомнѣнно былъ изложенъ неудовлетворительно и можетъ быть именно поэтому, не давая сколько нибудь цѣнныхъ данныхъ, и признанъ нынѣ подлежащимъ упраздненію. Между тѣмъ въ статистическомъ листкѣ нѣтъ въ сущности другого пункта, въ которомъ бы содержались данныя по такому первостепенной важности вопросу, какъ вопросъ о психическомъ состояніи осужденнаго, о степени его нервной уравновѣшенности. Вполнѣ понимая, что подробное выясненіе на судѣ этого вопроса могло бы повести, быть можетъ, къ неосновательному возбужденію другого вопроса о вмѣняемости, своевременно на предварительныхъ стадіяхъ процесса не возбуждавшагося, Криминологическая секція поэтому полагала бы во всей полнотѣ подвергнуть этотъ вопросъ разслѣдованію на предварительномъ слѣдствіи, здѣсь же въ листкѣ объ осужденномъ ограничиться вопросомъ въ такой редакціи: „Не страдалъ ли психическими и нервными болѣзнями (содержаніе въ соотвѣтственныхъ лечебныхъ заведеніяхъ, припадки, алкоголизмъ и т. д.)".

II. Обращаясь затѣмъ къ стадіи предварительнаго

слѣдствія, Криминологическая секція находила, что въ этомъ отношеніи въ порядкѣ собиранія и систематизаціи статистическихъ данныхъ былъ сдѣланъ весьма существенный шагъ впередъ въ 1902 г., такъ какъ съ этого года изъ общей цифры, указывающей число прекращенныхъ слѣдствій (по 277 ст. уг. суд.), были выдѣлены въ особую графу дѣла, прекращенныя за отсутствіемъ признаковъ преступленія. По этому пути желательно было бы сдѣлать еще одинъ важный шагъ, а именно выдѣлить еще одну графу для опредѣленія числа дѣлъ, прекращенныхъ по 356 ст. уст. уг. суд., т. е. въ виду признанія окружнымъ судомъ обвиняемаго душевно-больнымъ. Для того чтобы было возможно выполненіе этого пожеланія, необходимо было бы введеніе для этой сравнительно все-таки весьма небольшой категоріи обвиняемыхъ особыхъ статистическихъ листковъ, въ которые были бы включены общіе вопросы, содержащіеся въ листкѣ объ осужденномъ, и кромѣ того особыя свѣдѣнія, характеризующія душевную болѣзнь обвиняемаго, а именно желательно было бы включеніе слѣдующихъ вопросовъ:

а) характеристическія особенности совершеннаго преступленія (жестокость, обдуманность или, наоборотъ, немотивированность, способъ совершенія и т. д.);

б) наслѣдственность;

в) алкоголизмъ;

г) признаки вырожденія;

д) форма душевнаго разстройства.

Отвѣты на эти послѣдніе вопросы могъ бы давать одинъ изъ приглашенныхъ врачей во время самаго свидѣтельствованія въ распорядительномъ засѣданіи суда.

III. Наконецъ, казалось бы чрезвычайно существеннымъ привлечь большее, чѣмъ нынѣ, вниманіе къ вопросамъ о психическомъ и нервномъ состояніи обвиняемаго и слѣдственной власти. Въ этой стадіи процесса это дополнительное разслѣдованіе уже никоимъ образомъ не могло бы быть признано колебаніемъ правильнаго хода правосудія и даже, наоборотъ, избавляло бы процессъ отъ неожиданныхъ открытій и необходимости откладывать начатое уже слушаніемъ дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это дало бы богатый матеріалъ для выясненія индивидуальнаго состоянія преступника (инди-

видуальныхъ факторовъ преступности). Между тѣмъ въ настоящее время это индивидуальное состояніе обвиняемаго подвергается обслѣдованію только въ случаяхъ, когда или уже имѣются признаки явнаго полнаго душевнаго разстройства въ моментъ допроса, или на ненормальность психическую обвиняемаго указываютъ судебному слѣдователю родственники обвиняемаго или даже самъ обвиняемый. Не можетъ быть сомнѣній, что эти послѣднія указанія весьма часто оказываются вымышленными и, однако же, съ ними считаться признается для слѣдователя обязательнымъ. А между тѣмъ, при отсутствіи соотвѣтственнаго разслѣдованія, даже психическое разстройство во время совершенія преступленія, если таковое не проявляется рѣзко въ моментъ допроса (eplelepsia larvata и т. д.), можетъ и, вѣроятно, часто и въ дѣйствительности остается безъ всякаго выясненія на предварительномъ слѣдствіи. Если къ этому еще добавить не только недопущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи и еще болѣе важное слишкомъ частое въ провинціи отсутствіе защиты у обвиняемыхъ даже на судѣ, то станетъ совершенно ясно, что какой нибудь коррективъ долженъ быть внесенъ въ это дѣло въ интересахъ какъ русскаго правосудія, такъ и русской науки.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Криминологическая секція считала необходимымъ, чтобы слѣдователемъ при допросѣ каждаго обвиняемаго вносились бы въ протоколъ отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1. Рѣзкія особенности въ строеніи черепа и лица (ассиметрія, рубцы и т. п.);

2. Уродливости въ строеніи тѣла (зобъ, горбъ и т. д.);

3. Состояніе общаго питанія (упитанность или истощенность);

4. Характеръ рѣчи (заиканіе, запинаніе, дѣтская рѣчь);

5. Замѣтныя двигательныя разстройства (параличи, судороги);

6. Не было-ли передъ совершеніемъ преступленія какихъ-либо рѣзкихъ измѣненій въ матеріальномъ, семейномъ, нравственномъ положеніи;

7. Не страдалъ-ли психическими и нервными болѣзнями

(содержаніе въ соотвѣтственныхъ лечебныхъ заведеніяхъ, припадки, алкоголизмъ);

8. Нѣтъ-ли признаковъ умственной ненормальности;

9. Не было-ли въ кровномъ родствѣ случаевъ сумасшествія, нервныхъ болѣзней или алкоголизма.

IV. Изученіе душевнаго строя и его особенностей у преступниковъ имѣетъ огромное значеніе не только въ цѣляхъ изслѣдованія развитія въ человѣкѣ преступныхъ наклонностей, но и въ цѣляхъ профилактическихъ.

Изученіе же преступника во время содержанія его въ тюрьмѣ и, притомъ, въ различные моменты, въ особенности же при вступленіи и передъ освобожденіемъ, имѣетъ громадное значеніе для выясненія вліянія тюрьмы на физическое и психическое состояніе преступника. Поэтому Криминологическая секція считала необходимостью установленіе особаго медицинскаго листка для тюремнаго врача, слѣдующаго содержанія.

Медицинскій листокъ для тюремнаго врача.

Имя, отчество и фамилія;

Лѣта;

Національность;

Вѣроисповѣданіе;

Выписка изъ судебнаго приговора съ точнымъ обозначеніемъ, въ чемъ именно признанъ виновнымъ;

Особенности внѣшняго вида (выраженіе лица, походка, характеръ тѣлодвиженій и т. п.);

Физичекіе признаки вырожденія (строеніе головы, зубовъ; щитовидная железа; уродства и т. п.);

Слѣды травматическихъ поврежденій, въ особенности на головѣ;

Состояніе общаго питанія и уклоненія со стороны внутреннихъ органовъ;

Вѣсъ тѣла при поступленіи;

„ „ при выпискѣ.

Изслѣдованіе нервной системы.

Рѣчь (шепелявость, заиканіе), кожная чувствительность, рефлексы, зрачки;

Двигательная сфера (параличи и судороги; косоглазіе), сосудодвигательныя явленія (дермографизмъ), трофическія измѣненія;

Органы высшихъ чувствъ (острота или тупость ощущеній, способность улавливать незначительныя разницы въ ощущеніяхъ).

Психическая сфера.

Состояніе сознанія (ясность или спутанность сознанія, способность оріентировки);

Интеллектуальная дѣятельность: общее умственное развитіе (слабоуміе), легкость и плавность рѣчи;

Идеи бреда и ихъ характеръ;

Обманы чувствъ;

Настроеніе духа и его постоянство (веселое, довольное, благодушное, мрачное, злостное, грустно-подавленное, спокойное, равнодушное и т. п.);

Поведеніе (малоподвижность, молчаливость, словоохотливость, суетливость, безпокойство и т. п.;

Анамнестическія данныя (наслѣдственность, предшествующія душевныя и нервныя заболѣванія, алкоголизмъ, сифилисъ и т. п.).

Примѣчаніе. Изслѣдованіе отбывающихъ тюремное заключеніе лицъ по приведенной программѣ необходимо производить при ихъ поступленіи въ тюрьму и при ихъ выпискѣ изъ нея.

Въ случаяхъ продолжительнаго срока заключенія изслѣдованіе производится черезъ каждые шесть мѣсяцевъ. Желательно также, чтобы при малѣйшемъ сомнѣніи въ нормальности умственныхъ способностей заключеннаго, врачъ удѣлялъ ему большее вниманіе, чѣмъ другимъ заключеннымъ и соотвѣтственно, по своему усмотрѣнію, дополнялъ листокъ замѣчаніями о своихъ наблюденіяхъ.

Обзоръ литературы по уголовной соціологіи и уголовной политикѣ. Прошлое и настоящее.

Въ тѣсныхъ предѣлахъ настоящаго учебника едва ли имѣются основанія подробно останавливаться на прошломъ, въ особенности отдаленномъ, уголовной соціологіи и политики. Уже выше, въ отдѣлѣ о методѣ, подробно изложено ученіе Кетле, положившаго основаніе уголовной соціологіи; труды послѣдователей Кетле принадлежатъ современной литературѣ. Что касается до уголовной политики, то въ этомъ отношеніи какъ будто дѣло обстоитъ иначе: мы знаемъ изъ исторіи политическихъ ученій, что большинство мыслителей, создававшихъ философскія системы, касались и области уголовнаго права и процесса, и это дало возможность М. П. Чубинскому написать прекрасное сочиненіе „Очерки уголовной политики", имѣющее чисто историческій характеръ. Конечно, ознакомиться съ этимъ сочиненіемъ весьма полезно и не только для задачъ нашей науки, но и въ общеобразовательномъ смыслѣ. Но собственно прямого непосреднаго отношенія къ современной уголовной политикѣ эти ученія не имѣютъ. Всѣ эти ученія не выходятъ изъ области теоріи репрессіи и главнымъ образомъ имѣютъ въ виду обосновать цѣли и право наказанія на какихъ-либо общихъ непреложныхъ основныхъ соображеніяхъ о сущности всего существующаго. Мы встрѣчаемся здѣсь и съ соображеніями Платона о томъ, что преступленіе нарушаетъ и мировую гармонію и внутреннюю гармонію, въ человѣкѣ и наказаніе возстановляетъ эту гармонію, и съ ученіемъ Гегеля о діалектическомъ законѣ развитія всего существующаго, въ силу коего наказаніе является естественно необходимымъ моментомъ въ развитіи идеи права, необходимымъ въ такой же степени, какъ и другіе моменты въ развитіи всего міросданія. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что всѣ

эти философскія системы въ сущности не имѣютъ никакого отношенія къ современной уголовной политикѣ, какъ наукѣ.

Послѣдняя основывается и можетъ основываться не на отвлеченныхъ общихъ соображеніяхъ, а на положительныхъ данныхъ, получающихся при изученіи реальной преступности. Она не только не имѣетъ цѣлью обосновать репрессію, но, относясь на основаніи совершенно положительныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ къ репрессіи, какъ одному лишь изъ средствъ борьбы съ преступностью, и, притомъ, негодность коего вполнѣ уже обнаружилась, отрицательно,—никоимъ образомъ не можетъ исходить изъ мысли о первенствующемъ и непреложномъ значеніи репрессіи. Эти ученія—это прошлое, отъ котораго современная наука отказывается, оставляя ихъ всецѣло догмѣ уголовнаго права; прошлое, которое ни въ какомъ отношеніи не подготовило настоящаго. Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что большинство мыслителей вообще занимались преступностью между прочимъ, какъ однимъ изъ второстепенныхъ звеньевъ ихъ философскихъ системъ. Въ этомъ отношеніи крупнымъ исключеніемъ являются два мыслителя—Беккаріа и Говардъ, имена которыхъ должны быть чтимы представителями всѣхъ направленій науки о борьбѣ съ преступностью и во всѣ времена. Они не только всецѣло посвятили свои мысли и свою дѣятельность дѣлу борьбы съ преступностью, но своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ репрессіи ихъ времени—конца 18 столѣтія—и своимъ служеніемъ высокимъ задачамъ и принципамъ, поставленнымъ ими для борьбы съ преступностью и не осуществленнымъ въ полной мѣрѣ и въ настоящее время, они въ значительной степени могутъ считаться предтечами современнаго научнаго движенія въ наукѣ о борьбѣ съ преступностью.

На ихъ твореніяхъ и дѣятельности остановиться ближе необходимо.

Чезаре Беккаріа.

Сочиненіе „Dei delitti e delle pene“ („О преступленіяхъ и наказаніяхъ“), прославившее имя Чезаре Беккаріа, вышло въ свѣтъ въ 1764 г. Оно вдохновляло всѣхъ гуманныхъ за-

конодателей послѣдующихъ за этимъ временъ, а такъ какъ оно почти въ равной мѣрѣ касается какъ уголовнаго матеріальнаго права, такъ и уголовнаго процесса, то неудивительно, что многія идеи Беккаріа нашли себѣ осуществленіе въ нашихъ судебныхъ уставахъ 20 Ноября 1864 г., въ томъ великомъ памятникѣ русскаго законодательства, который сразу же поставилъ наши суды на равную высоту съ лучшими образцами судебнаго строя въ самыхъ культурныхъ государствахъ. Одинъ изъ главныхъ составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 г. и, несомнѣнно, главный вдохновитель всей нашей судебной реформы Сергѣй Ивановичъ Зарудный (онъ вмѣстѣ съ тѣмъ—одинъ изъ видныхъ дѣятелей и крестьянской реформы), въ 1879 г. выпустилъ въ свѣтъ прекрасный русскій переводъ сочиненія Беккаріа, отмѣчая вліяніе его на судебные уставы. Но Беккаріа своимъ сочиненіемъ оказалъ еще ранѣе нѣкоторое вліяніе на русское законодательство: Екатерина II, составляя наказъ для созванной ею законодательной Коммисіи (Коммисія о сочиненіи проекта новаго уложенія 1764 г.) включила въ него цѣлый рядъ параграфовъ изъ сочиненія Беккаріа. Поэтому Зарудный сопоставляетъ многія мѣста сочиненія Беккаріа съ наказомъ Екатерины II.

Сочиненіе Беккаріа въ такой степени и до настоящаго времени сохранило всю свѣжесть первоисточника великихъ идей, одушевляющихъ и въ настоящаго время лучшихъ дѣятелей въ области борьбы съ преступностью, къ тому же оно такъ невелико, что прочтеніе его для каждаго юриста, имѣющаго претензію быть образованнымъ, совершенно *обязательно*.

Все значеніе Беккаріа — въ этомъ сочиненіи; написано оно было имъ на 26 году жизни. Своимъ принципамъ и взглядамъ онъ остался вѣренъ въ теченіе всей своей скромной жизни въ качествѣ профессора политической экономіи въ Миланѣ и въ качествѣ члена законодательной комиссіи по составленію новаго австрійскаго уголовнаго уложенія, въ которой онъ отстаивалъ идею упраздненія смертной казни, какъ наказанія [1]).

---

[1]) Ср. Зарудный, стр. X.

Несомнѣнно, что Беккаріа принадлежалъ къ числу тѣхъ выдающихся геніевъ, которые появляются въ теченіе вѣковъ и такъ же рѣдко, какъ рѣдко находятъ особой, чрезвычайной величины драгоцѣнные камни. Но, если даже для этихъ камней, предметовъ неодушевленныхъ и вѣчныхъ, для опредѣленія ихъ значенія, игры, важное значеніе имѣетъ оправа, свѣтъ, при которомъ разсматриваютъ, то тѣмъ большее значеніе для оцѣнки произведенія мысли имѣютъ условія, при которыхъ авторъ произведенія жилъ и, притомъ, въ двоякомъ отношеніи—какъ внѣшнихъ условій (въ томъ числѣ и государственнаго и соціальнаго строя)—и внутреннихъ, такъ сказать, т. е. того умственнаго наслѣдія, того умственнаго богатства, которое было накоплено къ его времени предшествовавшими ему мыслителями; сознательно или безсознательно, но этимъ духовнымъ наслѣдіемъ, а тѣмъ болѣе произведеніями современниковъ, онъ пользуется.

Въ этомъ отношеніи время выступленія Беккаріа на научное поприще несомнѣнно было очень благопріятно для тѣхъ идей, которыя онъ проводилъ; это было время рѣзкаго и рѣшительнаго протеста противъ существовавшаго государственнаго строя во всѣхъ его частяхъ, въ томъ числѣ и въ области борьбы съ преступностью, того идейнаго протеста, который подготовилъ великую французскую революцію. Наиболѣе солиднымъ всестороннимъ критикомъ этого строя въ цѣломъ явился несомнѣнно Монтескье, сочиненіе котораго—„Духъ законовъ“, всецѣло основанное на изученіи передового англійскаго государственнаго строя, вышло въ свѣтъ въ 1748 г., т. е. за 16 лѣтъ до выхода въ свѣтъ сочиненія Беккаріа, послѣдній, такъ сказать, воспитался на этомъ сочиненіи и называетъ автора его „безсмертный“ президентъ Монтескье (стр. 9, пер. Заруднаго). Съ другой стороны, на сочиненіе Беккаріа былъ написанъ комментарій другимъ великимъ философомъ и поэтомъ, принадлежавшимъ къ той же фалангѣ протестующихъ современниковъ—Вольтеромъ. Таковы условія, въ которыхъ приходится всегда оцѣнивать великихъ мыслителей, которые и не могутъ родиться какъ рѣдкіе камни, совсѣмъ одиноко, внѣ связи съ предшественниками и преемниками. Условія

эти несомнѣнно болѣе сложныя, болѣе строгія для оцѣнки; авторское право въ смыслѣ не права на доходы, а въ смыслѣ исключительной духовной собственности на тѣ или другія мысли, установить труднѣе и въ полной мѣрѣ возможно лишь въ отношеніи произведеній совершенно выдающихся и къ таковымъ, несомнѣнно, произведеніе Беккаріа и принадлежитъ.

Несомнѣнно, что имъ приняты во вниманіе общія требованія Монтескье отъ государственнаго строя, на который тотъ не смотрѣлъ, какъ на свободное поле для произвола законодателя, въ который онъ стремился внести упорядоченность, соотвѣтствіе съ духомъ народа, умѣренность и соразмѣрность во всѣхъ законахъ и мѣропріятіяхъ, какъ это и подобаетъ основателю того, что мы называемъ теперь правовымъ строемъ.

Несомнѣнно также, что Беккаріа, какъ человѣкъ своего времени, не могъ не имѣть въ виду, прежде всего этого своего времени и его бѣдъ, того ужаснаго положенія борьбы съ преступностью, которое выражалось въ чрезвычайномъ примѣненіи смертной казни, какъ наказанія за всѣ сколько нибудь важныя преступленія, въ примѣненіи пытки до суда и послѣ суда для обнаруженія соучастниковъ, въ жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, въ произволѣ законодателя, суда и администраціи. Поэтому понятно, что первымъ дѣломъ Беккаріа стремился внести въ это дѣло борьбы съ преступностью ту умѣренность и упорядоченность, которыя необходимы во всякомъ истинно государственномъ дѣлѣ. Но онъ пошелъ и гораздо дальше своего времени и поставилъ принципіально на основаніи отвлеченныхъ соображеній жизни въ государствѣ и обществѣ, которая основана будто-бы на договорѣ, такія требованія, которыя на основаніи положительныхъ научныхъ данныхъ выставляются и нынѣ, почти черезъ 150 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Беккаріа.

Я повторяю, сочиненіе Беккаріа подлежитъ изученію цѣликомъ, а здѣсь могутъ быть указаны главнѣйшіе элементы этого сочиненія.

Беккаріа, прежде всего, возставалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ смертной казни. Его голосъ былъ

первый, который поднялся противъ нея и осмѣлился требовать *полнаго упраздненія этого наказанія*. Ставя себѣ въ началѣ § XVI вопросъ, „полезна-ли и справедлива-ли смертная казнь въ хорошо устроенномъ государствѣ“, онъ даетъ на этотъ вопросъ рѣшительный отрицательный отвѣтъ, находя, что права государства и требованія интересовъ общественности не могутъ заходить такъ далеко и въ такой степени принижать значеніе отдѣльной человѣческой личности, у которой однако отнимаютъ право на самоубійство. „Смертная казнь,—говоритъ онъ,—и не необходима и не полезна. Если опытъ всѣхъ вѣковъ, въ теченіе коихъ смертная казнь никогда не отвлекала рѣшительныхъ людей отъ нарушенія правъ общества, если примѣръ римскихъ гражданъ и двадцать лѣтъ царствованія русской Императрицы Елисаветы, подавшей отцамъ народовъ этотъ знаменательный примѣръ, равный, по крайней мѣрѣ, многимъ побѣдамъ, купленнымъ цѣною крови сыновъ родной земли, не убѣдили людей, слушающихъ съ подозрѣніемъ каждое разумное слово, а повинующихся только приказанію,— то слѣдуетъ только вникнуть въ природу человѣка, чтобы понять, что я говорю правду. Не строгость наказанія имѣетъ большое вліяніе на душу человѣка, а продолжительность его; жертвоприношеніе людей было общимъ обычаемъ почти всѣхъ государствъ, но кто же осмѣлится оправдывать этотъ обычай“? „Съ какими чувствами смотритъ каждый изъ насъ на смертную казнь? Мы узнаемъ это изъ того негодованія и презрѣнія, съ которымъ каждый смотритъ на палача, а между тѣмъ этотъ послѣдній все же ничто иное, какъ невинный исполнитель воли общества“.

Не надо, кажется, прибавлять, что и до настоящаго времени требованіе Беккаріа осуществлено только въ немногихъ государствахъ. Отвергая смертную казнь, какъ наказаніе и пытку, столь часто близкую по своимъ послѣдствіямъ къ смертной казни, какъ процессуальное средство обнаруженія истины по дѣлу, Беккаріа, конечно, первымъ требованіемъ при постановкѣ наказанія ставилъ его умѣренность (§ XV). „Страны и столѣтія самыхъ лютыхъ казней были всегда поприщемъ самыхъ кровавыхъ и безчеловѣчныхъ преступленій, потому что тотъ же духъ сви-

рѣпости, руководившій законодателемъ, руководилъ рукою отцеубійцы и разбойника". „По мѣрѣ того, какъ увеличивается суровость казней и человѣческая душа, какъ жидкость, которая всегда стремится къ общему уровню, ожесточается, и живая сила страстей приводитъ къ тому, что по истеченіи цѣлаго вѣка лютыхъ истязаній, колесованія устрашаютъ столько-же, сколько прежде устрашала тюрьма". Въ приведенныхъ соображеніяхъ Беккаріа далеко возвышается надъ чисто теоретическими соображеніями и надъ уровнемъ современныхъ ему научныхъ взглядовъ; онъ, какъ настоящій соціологъ, разсматриваетъ наказаніе, не какъ произвольное оружіе въ рукахъ законодателя, а какъ соціальное явленіе, являющееся причиной другихъ соціальныхъ явленій и, прежде всего, огрубѣнія, ожесточенія нравовъ; этотъ выводъ сдѣлалъ бы честь любому современному соціологу. Въ томъ же параграфѣ мы встрѣчаемся и съ другими соображеніями, тоже соціологическаго характера, въ которыхъ Беккаріа, благодаря своему геніальному уму, опережая на столѣтіе свое время, отдаетъ должное идеѣ эволюціи, столь чуждой для догматической школы. Онъ говоритъ: „Строгость наказанія должна соотвѣтствовать состоянію самого государства; на очерствѣлыя души народа, едва вышедшаго изъ дикаго состоянія, нужно дѣйствовать впечатлѣніями болѣе сильными и чувствительными, нуженъ ударъ грома, чтобы поразить льва, ибо выстрѣлъ изъ ружья можетъ только раздразнить его; но по мѣрѣ развитія народа въ условіяхъ общежитія, возрастаетъ и впечатлительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ должна ослабляться строгость наказаній, если только мы желаемъ поддерживать постоянныя правильныя отношенія между предметомъ и его впечатлѣніемъ на человѣка".

Какъ бы въ поясненіе начала умѣренности наказаній, выставляетъ Беккаріа требованія дополнительныя о размѣрахъ наказанія; въ § II онъ говоритъ, между прочимъ: „наказанія, превосходящія необходимость оградить *хранилище общественнаго благосостоянія*, несправедливы по своей природѣ"; подъ словами „хранилище общественнаго благосостоянія" Беккаріа понимаетъ условія, безъ которыхъ невозможно существованіе общества, жизнь въ обществѣ.

Затѣмъ, конечно, наказаніе должно быть *соразмѣрено* съ тяжестью преступленія; если смертная казнь,—говоритъ онъ (§ XXIII),—назначается одинаково и за убійство фазана, и за убійство человѣка, и за подлогъ какого нибудь важнаго документа—то кто станетъ дѣлать различіе между этими преступленіями".

Кромѣ этихъ требованій, онъ выставляетъ еще два другихъ требованія для правильной постановки наказанія: *неизбѣжность* наказаній и ихъ *быстроту*.

Въ § XX онъ говоритъ: „не жестокость наказаній, но неизбѣжность ихъ налагаетъ крѣпкую узду на преступленіе; слѣдовательно необходима ежеминутная дѣятельность и строгость неумолимаго судьи, а для того, чтобы она была полезною добродѣтелью, ее нужно руководить милосерднымъ законодательствомъ". И далѣе, поясняя слово милость, онъ высказывается противъ помилованія преступниковъ и говоритъ, что милость подлежала бы исключенію при самомъ лучшемъ законодательствѣ, установившемъ и умѣренныя наказанія и судъ скорый и справедливый". Что могутъ сказать, если Государь изливаетъ свою милость, т. е. отдаетъ общественное спокойствіе во власть частнаго лица, и, такимъ образомъ, частное событіе неразумнаго благодѣянія превращаетъ въ общественное разрѣшеніе безнаказанности.

По поводу второго требованія—быстроты наказанія,—онъ высказывается, между прочимъ, въ § XIX такъ: „Замедленіе наказанія только разъединяетъ эти два понятія—преступленіе и наказаніе; и хотя послѣднее производитъ нѣкоторое впечатлѣніе, но скорѣе какъ зрѣлище, а не какъ наказаніе, и, притомъ, производитъ это впечатлѣніе въ такое время, когда ужасъ, возбужденный преступленіемъ, уже ослабѣлъ въ сердцахъ зрителей,—а именно этотъ ужасъ и усиливалъ бы впечатлѣніе наказанія".

Наконецъ, Беккаріа останавливается на томъ безчестіи, которымъ сопровождается наказаніе (§ XVIII). Онъ говоритъ: „безчестье есть клеймо общественнаго позора, лишающаго виновнаго уваженія общества, довѣрія отечества и того почти братскаго чувства, которое связываетъ всѣхъ членовъ общества".

Оно *не зависитъ отъ закона*; поэтому необходимо, чтобы

признаваемое закономъ безчестье истекало изъ самой природы вещей и внушалось бы или всеобщею нравственностью или же нравственностью, зависящею въ данной мѣстности *отъ общественнаго мнѣнія,—этого законодателя общепринятыхъ въ государствѣ понятій. Въ противномъ случаѣ или законъ лишается общаго уваженія или же самыя понятія о чести и нравственности ослабляются, несмотря на разсужденія, всегда уступающія примѣрамъ*".

Таковы взгляды Беккаріа на наказаніе; несомнѣнно, что въ этихъ предѣлахъ они не вполнѣ еще осуществлены и нынѣ и, во всякомъ случаѣ, долго служили идеаломъ для законодателя и содѣйствовали той эволюціи въ области репрессіи, о которой говорится ниже, и которая выражается въ чрезвычайномъ ея смягченіи, а теперь и вымираніи.

Но нельзя отрицать, что всѣ приведенныя разсужденія Беккаріа покоятся какъ будто на твердомъ убѣжденіи, что главное, если не единственное, средство въ борьбѣ съ преступностью—это наказаніе.

Конечно, какъ ни великъ былъ умъ Беккаріа, онъ не могъ избѣгнуть того, чему подчиняются самые крупные геніи: быть человѣкомъ своего времени. Какъ человѣкъ своего времени, онъ мыслилъ и умственными категоріями своего времени; онъ принималъ почти навѣру, не входя въ подробное обсужденіе и провѣрку положеніе, выставлявшееся не однимъ Руссо, а всѣми мыслителями того времени, что началу человѣческаго общежитія положилъ основаніе особый договоръ. Такъ точно онъ и въ области борьбы съ преступностью исходилъ изъ непоколебимаго въ то время убѣжденія, что почти единственнымъ средствомъ въ борьбѣ съ преступностью является наказаніе. Но это не было *его* убѣжденіемъ. Онъ вынужденъ былъ стать на эту точку зрѣнія еще и потому, что въ своемъ изслѣдованіи онъ преслѣдовалъ извѣстныя практическія цѣли. Какъ глубоко гуманный человѣкъ, справедливо возмущенный всѣми безполезными и безчисленными чрезвычайными жестокостями своего времени, унаслѣдованными отъ среднихъ вѣковъ, онъ заканчиваетъ введеніе въ свое сочиненіе слѣдующими словами: (§ 1) „но если, защищая этимъ путемъ общечеловѣческія права и требованія непобѣдимой истины, я могу спасти отъ

ужасовъ и мученій смерти хотя одну несчастную жертву жестокости и невѣжества, одинаково безпощадныхъ, то слезы и благословенія, вырвавшіяся изъ груди невиннаго въ порывѣ восторга, вознаградятъ меня за презрѣніе толпы".

Но ни цѣль сочиненія, ни условія и взгляды времени не могли конечно сковать такого генія, какъ Беккаріа. Его независимый духъ прорывается сплошь и рядомъ, и въ такихъ мѣстахъ онъ является современнымъ соціологомъ, дающимъ въ руководство уголовной политикѣ то же основное начало, которое дается и современной соціологіею, что кары безсильны,—надо и можно преступленія предупреждать.

Уже въ предисловіи, обращенномъ къ тому, кто читаетъ, Беккаріа отказывается отъ всякаго преклоненія передъ существующимъ закономъ—того преклоненія, изъ котораго исходитъ догматическая школа; онъ называетъ существовавшіе въ его время законы „отрепьемъ дикихъ временъ". Становясь, какъ въ случаѣ указанномъ выше, когда онъ разсматриваетъ вліяніе жестокихъ наказаній на нравы, на чисто эволюціонную точку зрѣнія, онъ говоритъ: „справедливость человѣческая или государственная, будучи ничто иное, какъ отношенія между дѣйствіемъ и *измѣняющимся состояніемъ* общества, можетъ измѣняться по мѣрѣ необходимости или пользы для общества отъ этого дѣйствія".

„Свойство этой справедливости можно опредѣлить только строгимъ разборомъ сложныхъ и измѣняющихся отношеній гражданскихъ столкновеній... Слѣдовательно, понятіе о государственной добродѣтели можно назвать *измѣнчивымъ*, не заслуживая никакого упрека". Эти слова конечно были отвѣтомъ и на унаслѣдованное отъ среднихъ вѣковъ смѣшеніе божественной и человѣческой справедливости, которое вызывало также чрезвычайное усиленіе наказаній за всѣ преступленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они, конечно, являются и рѣшительнымъ отказомъ отъ того начала неподвижности и неизмѣнности, на которомъ строитъ свою систему догматическая школа.

Ставъ на точку зрѣнія эволюціонную, естественно было для него сдѣлать и еще одинъ шагъ, и онъ его сдѣлалъ, какъ бы для себя, не для современнаго человѣчества, которое, можетъ быть, его не поняло бы. Онъ заговорилъ о при-

чинахъ преступленій и призналь важное первенствующее значеніе предупрежденія, превенціи передъ карою въ борьбѣ съ преступностью.

Свой взглядъ на значеніе и дѣйствительность наказанія въ борьбѣ съ преступностью онъ выражаетъ рѣзко въ § XV. „Можетъ ли государственное учрежденіе, которое, дѣйствуя вдали отъ всѣхъ страстей, должно быть спокойнымъ укротителемъ частныхъ страстей,—можетъ ли оно укрываться за этою ненужною жестокостью, можетъ ли оно быть орудіемъ ярости или изувѣрства, или же орудіемъ слабыхъ своевольныхъ властителей?

„Вопли несчастныхъ могутъ-ли вырвать изъ времени, которое ничего не возвращаетъ, дѣйствіе уже совершившееся“?

Подъ несчастными онъ имѣетъ въ виду осужденныхъ. Болѣе ярко выраженнаго сомнѣнія въ полезности наказанія, казалось, никто до него не выражалъ.

Вотъ почему въ введеніи онъ говоритъ: „Счастливы тѣ немногія государства, которыя не ожидали, чтобы медленное движеніе взаимныхъ общечеловѣческихъ отношеній и превратностей жизни повлекло за собой сначала господство зла, а потомъ уже и постепенное развитіе добра, но ускоряли мудрыми законами водвореніе добра“. А говоря о дѣтоубійствѣ (§ XXXVI), онъ прямо уже высказываетъ такое мнѣніе: „нельзя назвать справедливымъ (т. е. необходимымъ) наказаніе преступленій, до того времени, пока законъ не установитъ для ихъ предупрежденія лучшихъ и, притомъ, возможныхъ въ исполненіи средствъ въ данныхъ обстоятельствахъ государства“.

Только дѣйствительно великіе мыслители могутъ такъ опережать и условія современнаго имъ государственнаго и соціальнаго строя и цѣлыя поколѣнія ученыхъ и давать указанія, которымъ вполнѣ своевременно слѣдовать и черезъ 150 лѣтъ послѣ ихъ провозглашенія.

Джонъ Говардъ.

Современникъ Беккаріа, онъ, однако же, никоимъ образомъ не можетъ быть сопричтенъ къ числу „протестующихъ безбожниковъ“, въ родѣ Вольтера, энциклопедистовъ и т. д.

И по способностямъ своимъ онъ—не геній, и полетъ его мыслей болѣе близокъ къ землѣ. Онъ—христіанинъ, квакеръ, свободный отъ средневѣковаго смѣшенія божественныхъ и земныхъ дѣлъ, но именно поэтому, стоя прочно на истинно-христіанскомъ, а не средневѣковомъ, ученіи, онъ именно съ этой христіанской точки зрѣнія подвергнулъ критикѣ все дѣло борьбы съ преступностью, какъ оно по наслѣдію отъ среднихъ вѣковъ было поставлено въ 18 столѣтіи, причемъ оказалось, что вся постановка этого дѣла у христіанскихъ народовъ, кичащихся своею принадлежностью къ послѣдователямъ Христа, стоитъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ основными требованіями христіанской вѣры о любви къ ближнему, о подачѣ помощи узнику, о призрѣніи бѣдныхъ, и, наоборотъ, представляетъ, по выраженію Беккаріа, отрепье дикихъ временъ, временъ, во всякомъ случаѣ, до-христіанскихъ, изъ которыхъ средневѣковая церковь и заимствовала главную часть своего каноническаго права. Если Беккаріа сосредоточилъ свое вниманіе на двухъ составныхъ элементахъ всякой борьбы съ преступностью: уголовномъ правѣ и вообще мѣрахъ борьбы и на уголовномъ процессѣ, то Говардъ избралъ третій составной элементъ — выполненіе наказанія. И здѣсь онъ, прежде всего, явился свидѣтелемъ, честнымъ, неподкупнымъ, но въ то же время неутомимымъ свидѣтелемъ. Въ то время не было того общенія спеціалистовъ всѣхъ странъ, которое теперь прочно установилось, а онъ объѣхалъ всѣ страны Европы нѣсколько разъ, посѣщая тюрьмы и больницы, и о видѣнномъ свидѣтельствовалъ. Свидѣтельствовалъ и у себя въ Англіи, гдѣ онъ занималъ почетную должность шерифа, предъ парламентомъ, описывая видѣнное имъ въ англійскихъ тюрьмахъ; это вызвало назначеніе особой коммиссіи для разслѣдованія и рядъ законодательныхъ мѣръ. То же самое дѣлалъ онъ всюду—и въ Вѣнѣ, и на островѣ Мальтѣ, и въ Россіи; и всюду онъ имѣлъ смѣлость являться вторично, чтобы посмотрѣть, сдѣлано-ли что-либо изъ того, на чемъ онъ настаивалъ. Результаты своихъ наблюденій онъ, при содѣйствіи своего друга, изложилъ въ особомъ сочиненіи, дополненномъ потомъ при вторичныхъ путешествіяхъ, новыми свѣдѣніями. Оно называется „The state of prisons“ (состояніе

тюремъ)[1]) и вышло въ свѣтъ въ 1777 году. Это сочиненіе было признано открытіемъ невѣдомаго міра. Такое открытіе новыхъ Америкъ бываетъ и нынѣ; такое, конечно приблизительное, открытіе сдѣлано Максимомъ Горькимъ въ его драмѣ „На днѣ", обошедшей театры чуть не всѣхъ странъ культурныхъ и не благодаря своимъ литературнымъ достоинствамъ, а благодаря описанію такого міра, который никогда до того не описывался, міра, находящагося не за тридевять земель, а среди насъ, но отъ котораго мы отворачивались, не зная, или показывая видъ, что вовсе не знаемъ его. И вотъ заслуга Говарда состоитъ прежде всего въ его честномъ, добросовѣстномъ, чисто эпическомъ, свидѣтельствѣ, о мірѣ осужденныхъ, о томъ, что́ такое наказаніе и мѣста отбыванія наказанія не въ теоріи, а на практикѣ. Изъ этого свидѣтельства сразу стало ясно, въ какой мѣрѣ не только не по христіански, не только нечеловѣчно забывать и отворачиваться отъ этого міра, но въ какой мѣрѣ непростительно, невѣжественно и нецѣлесообразно отворачиваться отъ этого міра, показывая видъ, что его не знаютъ. Ибо этотъ міръ, какъ бы мы отъ него ни отворачивались, находится посреди насъ, и при такихъ условіяхъ, въ какихъ онъ былъ тогда, онъ являлся источникомъ физической заразы, всѣ эпидеміи заводились въ тюрьмѣ, распространялись оттуда на свободное населеніе; это бываетъ, къ сожалѣнію, иногда и теперь, когда совершенно забываютъ о вмѣстимости тюремъ. Этотъ міръ служилъ и продолжаетъ служить источникомъ нравственной заразы и въ наше время. Говардъ указалъ, что человѣкъ въ нихъ не можетъ оставаться здоровымъ. Это были зданія, лишенныя свѣта, свѣжаго воздуха, сырыя; пропитаніе и содержаніе арестантовъ сдано съ торговъ начальникамъ тюремъ, которые, конечно, преслѣдуютъ свою личную выгоду. При такихъ условіяхъ богатые могутъ пировать въ тюрьмахъ, а бѣдные умирать съ голода. Все населеніе тюремное содержалось даже безъ раздѣленія по поламъ, и ужъ

[1]) Имѣется у насъ французскій переводъ 1780 г. Есть выпускъ библіотеки Павленкова, посвященный Говарду. Въ трудахъ Петербургскаго международнаго тюремнаго конгресса 1890 г. имѣются доклады о Говардѣ Гриффитса, Казалета и Ривьера (томъ V трудовъ); наиболѣе важенъ послѣдній докладъ.

конечно безъ раздѣленія подслѣдственныхъ отъ осужденныхъ, важныхъ преступниковъ отъ содержавшихся за долги. Здѣсь все смѣшивалось, казалось, для одной цѣли—выработки, при этихъ условіяхъ постояннаго общенія и взаимнаго развращенія, наиболѣе безнравственныхъ и закоренѣлыхъ преступниковъ. Самъ Говардъ подошелъ къ этому міру главнымъ образомъ какъ филантропъ, какъ человѣкъ дѣйствительно съ чрезвычайною добротою. Но, конечно, его филантропія была не тою неразборчивою подачею милостыни, которая такъ долго была единственною формою помощи неимущимъ, а тою разумною систематическою дѣятельностью, которая стремится бороться не съ явленіями, а съ причинами и, удаляя причины нужды, ставитъ нуждающагося, какъ можно скорѣе, на его собственныя ноги, а не на общественные костыли. Но дѣятельность Говарда, а равно трудъ, обозрѣвающій плоды этой дѣятельности, имѣли и имѣютъ и донынѣ значеніе, далеко переходящее за предѣлы чистой филантропіи и при томъ по многимъ основаніямъ Значеніе это даже не сразу сказалось, слишкомъ время Говарда было жестокое—это было время и Беккаріа;—потребовались крупныя политическія бури, чтобы сократить непомѣрное примѣненіе смертной казни, членовредящихъ и другихъ наказаній. Только послѣ этого сѣмена, посѣянныя Говардомъ, стали приносить плодъ, сначала тотъ, который только и имѣлъ въ виду Говардъ—измѣненіе тюремнаго режима, а потомъ и другіе, которые, такъ сказать, развились логически-естественно на почвѣ, подготовленной Говардомъ, но имъ самимъ даже и не были предвидѣны. Что касается до плана самого Говарда объ измѣненіи тюремнаго режима, то онъ излагается ниже, въ отдѣлѣ о мѣрахъ борьбы съ преступностью, въ главѣ о тюремномъ заключеніи. Изъ послѣдствій, которыя Говардъ не предвидѣлъ и самъ, слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ.

Говардъ открылъ новый міръ, который современное ему человѣчество не хотѣло знать; послѣ Говарда это стало невозможно. Пришлось познакомиться съ этимъ міромъ и юриспруденціи въ лицѣ догматической школы и юристамъ практикамъ. Была открыта такимъ путемъ новая и вполнѣ реальная причина преступности—нравственное зараженіе, осуществляемое на государственныя средства. Но главное—не въ

этомъ. Юристы формально приняли, какъ будто бы, во вниманіе эти новыя данныя, но проникнуться естественно вытекающими изъ нихъ началами чистые догматики не хотятъ и до нынѣ.

И для юристовъ-догматиковъ и для юристовъ-практиковъ слишкомъ увлекателенъ логическій силлогизмъ: преступленіе должно быть наказано. Ихъ не интересуетъ, они отворачиваются—прежде открыто, теперь втайнѣ,—отъ того, что дальше происходитъ съ осужденными; они не допускали мысли, чтобы силлогизмъ могъ быть поколебленъ какими либо практическими соображеніями цѣлесообразности, соображеніями о томъ, ограждаютъ или не ограждаютъ-ли общество эти мѣры отъ преступности или нѣтъ. И это такъ: это взгляды не только теоретиковъ, но весьма почтенныхъ судей практиковъ. Они не могутъ не только усвоить, но даже допустить значенія за этими данными, ибо имъ пришлось бы признать, что они въ значительной мѣрѣ дѣлаютъ дѣло безцѣльное, безрезультатное, сажая въ силу своихъ приговоровъ преступниковъ въ тюрьмы.

Конечно мысли Говарда въ отношеніи постановки гигіены въ тюрьмахъ до извѣстной степени осуществлены, но въ смыслѣ приданія тюремному режиму дѣйствительно исправительнаго характера предположенія Говарда въ большинствѣ тюремъ оказалось невозможнымъ осуществить.

Но мало-по-малу въ этотъ строй чисто дедуктивнаго мышленія догматической школы уголовнаго права проникали новыя идеи цѣлесообразности наказанія; и именно отъ лицъ, стоящихъ близко къ тюремному режиму, исходитъ, напримѣръ, въ Англіи одна реформа за другой, которыя, какъ напримѣръ новый англійскій законопроектъ о предупрежденіи преступленій, внесенный въ парламентъ въ концѣ 1908 г., доводятъ „малолѣтство“, избавляющее отъ тюремнаго заключенія, до 26 лѣтъ; изданъ и рядъ другихъ законовъ, какъ, напримѣръ, законъ 21 Августа 1907 г., въ силу коего судъ, въ случаѣ если подсудимому не грозятъ каторжныя работы, можетъ и взрослыхъ освобождать отъ наказанія и такихъ лицъ, напримѣръ, насчитывалось въ одномъ 1902 г. свыше 45.000 ч. [1]). Здѣсь достаточно указать

[1]) См. подробно мою статью Журн. Мин. Юст. 1909 г. Февраль.

направленіе, которое вынуждены были избрать преемники и поклонники Говарда, его же соотечественники. Отъ него же несомнѣнно ведутъ начало и другія близкія теченія; отъ него ведетъ начало и новое средство борьбы съ преступностью, выросшее на почвѣ Говардовской разумной филантропіи, называемое патронатомъ. Оно вначалѣ ограничивалось чисто филантропическими заботами о заключенныхъ, но мало по малу перенесло свои попеченія на устройство судьбы выпускаемыхъ изъ тюремъ, на попеченіе объ условно досрочно освобождаемыхъ, объ условно осуждаемыхъ и, наконецъ, о лицахъ, вовсе не бывшихъ въ тюрьмѣ, но нуждающихся въ опекѣ, въ виду пошатнувшагося ихъ положенія нравственнаго и близости ихъ къ преступленію.

Наконецъ, и ученіе о причинахъ преступности и необходимости бороться съ этими причинами, а не только съ проявленіями преступности, бороться предупредительными мѣрами, само собою вытекало изъ данныхъ, получающихся и полученныхъ уже при изученіи преступнаго люда въ тюрьмахъ самимъ Говардомъ и его послѣдователями. Да, Говардъ не парилъ своими идеями, но онъ парилъ своею великою душою, своею рѣдкою въ исторіи, доказанною на дѣлѣ, любовью къ человѣчеству, и дѣло, начатое имъ, все разрастается и нынѣ.

Современная литература.

Въ современной наукѣ о борьбѣ съ преступностью различаютъ, или скорѣе различали еще недавно, нѣсколько рѣзко расходившихся между собою школъ. Такъ, Ванъ-Канъ, ученикъ Ванъ-Гаммеля, выпустившій въ свѣтъ 6 лѣтъ тому назадъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Les causes économiques de la criminalité“, представляющее въ сущности наиболѣе полное обозрѣніе всей литературы нашей науки, различаетъ слѣдующія современныя школы: итальянскую (уголовно-антропологическую), французскую, третью школу, соціалистическую, патологическую, эклектизмъ, спиритуализмъ, статистическую. Можетъ быть, въ цѣляхъ лучшаго и подробнаго обозрѣнія такъ и слѣдовало сдѣлать. Во всякомъ случаѣ,

такое состояніе науки свидѣтельствавало о ея младенчествѣ, о томъ состояніи, которое описывалъ Ал. Толстой въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи „Правда“, когда 7 братьевъ, отыскивая правду, подъѣхали къ ней съ 7 концовъ и увидѣвъ ее съ 7 сторонъ, клялись, корились и рубились между собою и тоже самое завѣщали своимъ потомкамъ. Несомнѣнно, не образоваться большой рѣкѣ безъ ряда притоковъ, но если бы эти притоки не слились, то и большой рѣки не было бы. Къ счастью для нашей науки, это время быстро проходитъ. Виднѣйшіе представители итальянской уголовно-антропологической школы, Ферри и даже Ломброзо (начало біологическое) написали крупныя сочиненія въ области уголовной соціологіи: Ферри „Уголовную соціологію“, вышедшую уже пятымъ изданіемъ на французскомъ языкѣ и переведенную теперь и на русскій языкъ, Ломброзо—сочиненіе „Преступленіе“, тоже въ сокращенномъ видѣ переведенное на русскій языкъ. Въ обоихъ сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ уже данныя соціологіи, наряду съ данными антропологіи.

Несомнѣнно, первоначальное разнообразіе школъ было полезно для начала, ибо такимъ образомъ были полнѣе опредѣлены съ одной стороны тѣ поля, которыя подлежатъ изслѣдованію нашей науки—область разслѣдованія; а съ другой стороны, тѣ методы, а не одинъ методъ, примѣненіе которыхъ необходимо—имѣнно біологически-наблюдательный для отдѣльныхъ особей, статистическій для массъ и опытно-историческій для прочнаго обоснованія общихъ выводовъ. И для такого сліянія мало-по-малу были отброшены слишкомъ рѣзкіе, основанные на примѣненіи одного какого-либо метода, выводы. Для такихъ рѣшительныхъ, окончательныхъ выводовъ не наступило еще время, не собрано и не разработано еще достаточно матеріала. При такихъ условіяхъ въ сущности могутъ остаться только двѣ школы: дедуктивно-догматическая, не касающаяся нашей науки, и школа позитивная для нашей науки. Всякій эклектизмъ, какъ стремящійся объединить хотя бы формально эти двѣ школы, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга и по области разслѣдованія и по методу разслѣдованія,—явленіе несомнѣнно временное. Представителями его являются ученые классической догматической школы, которые, воспитавшись и выросши на прин-

ципахъ этой школы, остаются всецѣло на почвѣ этой школы, но, какъ живые люди, не могутъ совсѣмъ закрывать глаза на все происходящее вокругъ нихъ, на громадное движеніе въ области современнаго законодательства, все болѣе отказывающагося отъ репрессіи, на громадное движеніе въ обществѣ, которое само взялось за борьбу съ преступностью на новыхъ чисто позитивныхъ началахъ превенціи, борьбы съ причинами преступности. Эти классики въ небольшихъ работахъ позволяютъ себѣ нѣкоторыя „вольности“ или, какъ говорилъ въ свое время Р. ф. Моль, „мечтанія“; но крупные труды ихъ—чисто догматическаго характера и въ нихъ и слѣда нѣтъ новыхъ вѣяній. Виднѣйшимъ представителемъ этого преходящаго направленія является, конечно, берлинскій профессоръ Листъ, въ многочисленныхъ изданіяхъ учебниковъ уголовнаго права котораго нѣтъ и слѣдовъ новыхъ направленій или хотя бы даже тѣхъ мыслей, которыя высказаны были имъ въ „Задачахъ уголовной политики“. Основанный имъ Международный союзъ криминалистовъ все болѣе переходитъ на своихъ съѣздахъ къ обсужденію вопросовъ процессуальныхъ, какъ стоящихъ пока вполнѣ въ сторонѣ отъ новыхъ научныхъ столкновеній и споровъ. Я говорю: пока,—потому что вопросы, выдвигаемые движеніемъ дѣтскихъ судовъ и примѣненіемъ опеки взамѣнъ репрессіи, а равно такъ называемыхъ неопредѣленныхъ приговоровъ, несомнѣнно выдвинутъ въ ближайшемъ будущемъ рядъ первостепенной важности вопросовъ въ области процесса, въ связи съ новыми теченіями науки.

Въ области русской литературы мы встрѣчаемся пока, главнымъ образомъ, тоже съ эклектизмомъ, съ „грѣхами молодости“ ставшихъ потомъ извѣстными на почвѣ догматики ученыхъ.

Такъ, Н. А. Неклюдовъ, лучшій знатокъ нашего уголовнаго законодательства, прославившійся такими капитальными трудами, какъ „Руководство къ особенной части уложенія о наказаніяхъ“ и „Мировой Уставъ“. Выпустилъ въ свѣтъ, въ 1865 г. до другихъ своихъ трудовъ, свою магистерскую диссертацію: „Уголовно-статистическіе этюды; этюдъ первый“. Послѣдующихъ не было.

Профессоръ М. В. Духовской въ 1872 г. въ своей работѣ

„Задача науки уголовнаго права“ настаивалъ на расширеніи предѣловъ этой науки, на включеніи въ нее изученія причинъ преступности, на превенціи, рядомъ съ репрессіей. Проф. И. Я. Фойницкій въ своихъ раннихъ работахъ (Сборн. „На досугѣ“) останавливался на вопросахъ объ этіологіи преступности (причинахъ). Но авторитетная русская наука, продолжающая твердо стоять на почвѣ нѣмецкой классической науки догмы уголовнаго права, относилась неизмѣнно враждебно къ подобнымъ произведеніямъ, считая ихъ даже „ненаучными“,—вѣдь извѣстно, что догма уголовнаго права еще отъ глоссаторовъ въ 13 вѣкѣ получила патентъ на исключительное владѣніе областью борьбы съ преступностью. Такъ была встрѣчена въ свое время работа Неклюдова, потомъ Дриля, а по поводу моей работы о „Роли общества въ борьбѣ съ преступностью“, положенной въ основу настоящаго учебника, одинъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ юристовъ не-криминалистовъ сказалъ мнѣ съ твердымъ убѣжденіемъ въ правильности своего взгляда, что „новаторовъ надо бить“.

Въ числѣ „ненаучныхъ“ произведеній оказываются произведенія Ферри, Ломброзо, Лакассаня, Тарда, Жоли, Ванъ-Гамеля и его учениковъ, Принса, Штоса и т. д. и т. д. Какъ, право, жалко, что нельзя подыскать другихъ именъ, столь же знаменитыхъ, взамѣнъ ихъ! Эта чрезвычайная отсталость нашей науки отражается и въ области законодательства. Мы все еще не ввели, какъ „новое“, Уголовное уложеніе 22 марта 1903 г., являющееся осколкомъ составленнаго нѣмцами 38 лѣтъ тому назадъ на спѣхъ уложенія признаваемаго ими же самими нынѣ совершенно устарѣвшимъ.

А между тѣмъ произведеніе Неклюдова „Уголовно статистическіе этюды“ хотя и написано давно, не потеряло еще значенія и нынѣ. Авторъ стремится образовать новую науку „философію преступленія, какъ дѣянія“, которая будетъ черпать свои матеріалы изъ статистики преступниковъ и ихъ преступленій; она будетъ имѣть своею цѣлью „изслѣдованіе причинъ возникновенія преступленій, условій ихъ существованія и видоизмѣненій, какъ количественныхъ, такъ и качественныхъ“. Имѣя своею цѣлью служить помощни-

цею или правой рукою уголовной политикѣ государства, объективная философія преступленія ставитъ себѣ задачею, руководясь статистическими данными, собранными самимъ государствомъ, содѣйствовать отправленію уголовной политики чрезъ указаніе, какія мѣры должны быть приняты и какія изъ предпринимающихся наиболѣе сродны къ пресѣченію преступленій“ (стр. 1 и 2). Возражая Кетле и производя подчисленіе цифръ французской статистики, данными коей пользовался Кетле, Неклюдовъ доказываетъ, что во французской преступности можно установить не повтореніе однѣхъ и тѣхъ же цифръ и неподвижность, какъ думалъ Кетле, а наоборотъ движеніе, ростъ и временныя вспышки; объясняя эти вспышки, Неклюдовъ приводитъ ихъ въ связь съ различными политическими и соціальными данными изъ исторіи Франціи. Собственно самъ этюдъ посвященъ выясненію, на основаніи статистическихъ данныхъ, количественнаго и качественнаго вліянія возрастовъ человѣка на совершаемыя имъ преступленія; это вліяніе прослѣжено и на общихъ данныхъ преступности и на отдѣльныхъ видахъ преступленій. Если бы было побольше такихъ работъ, русская наука и вся вообще наука о преступности за время съ 1865 г. двинулась бы значительно дальше.

Изъ современныхъ русскихъ ученыхъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ представителей новаго направленія, Д. А. Дриля въ его работахъ о малолѣтнихъ преступникахъ, о психофизическихъ типахъ преступности; М. Н. Гернета, въ его работахъ: „Соціальные факторы преступности“, „Уголовное право и соціализмъ“; А. А. Піонтковскаго, который, кромѣ трудовъ объ условномъ осужденіи и условномъ досрочномъ освобожденіи, въ своей работѣ „Наука уголовнаго права“ дѣлитъ эту науку, называемую имъ криминологіей, на уголовную соціологію, уголовную политику и уголовную догматику. На этихъ произведеніяхъ подробнѣе авторъ останавливается въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Нельзя не отмѣтить также ряда прекрасныхъ работъ нашего единственнаго статистика-моралиста Е. Н. Тарновскаго, помѣщаемыхъ преимущественно въ Журналѣ Министерства Юстиціи.

Какъ пособіе при изученіи нашей науки, могутъ быть

особенно рекомендованы: *Ферри*, Уголовная соціологія; *Ломброзо*, Преступленіе; *Ванъ-Канъ*, „Les causes économiques de la criminalité; *Кистяковскій*, Изслѣдованіе о смертной казни (классическое произведеніе нашей литературы); *Беккаріа*, О преступленіи и наказаніи, пер. Заруднаго; М. П. *Чубинскій*, Очерки уголовной политики (по исторіи уголовно-политическихъ ученій).

II. УЧЕНІЕ О ФАКТОРАХЪ ПРЕСТУПНОСТИ.

Соображенія, изложенныя въ отдѣлѣ I, выяснили предметъ и методъ науки. Ученіе о мѣрахъ борьбы съ преступностью можетъ быть основано только на позитивномъ изученіи самой преступности. Въ настоящемъ отдѣлѣ и дается краткій очеркъ выводовъ, къ которымъ пока пришла уголовная соціологія; эти выводы и должны быть положены въ основу ученія о мѣрахъ борьбы съ преступностью. Но при этомъ надо отдавать себѣ ясный отчетъ о современномъ положеніи уголовной соціологіи.

Какъ указано было уже и въ первомъ отдѣлѣ, новый методъ изслѣдованія, позитивный, усвоенъ наукой недавно; долгое время, да и нынѣ, многія силы отвлекались въ общепризнанную догматическую школу. Да и необходимость примѣненія одновременно всѣхъ трехъ методовъ—біологически-наблюдательнаго надъ особями, статистическаго для массъ и опытно-историческаго для общихъ выводовъ—была сознана лишь въ самые послѣдніе годы. Со сліяніемъ методовъ, съ устраненіемъ крайностей, наука уголовной соціологіи только въ настоящее время выходитъ изъ младенчества, только теперь можно ждать уже законченныхъ трудовъ въ этой наукѣ, дѣйствительно прочно обоснованныхъ выводовъ, полученныхъ при строгомъ примѣненіи научныхъ методовъ. Тѣ же труды, которые имѣются, относятся, несомнѣнно, еще ко времени младенчества науки, когда недостаточность собираемаго матеріала, односторонность избраннаго одного лишь изъ трехъ указанныхъ выше методовъ, вынуждала, а иногда и поощряла, дополнять пробѣлы въ матеріалахъ для постройки цѣлаго зданія науки по одному избранному методу научными гипотезами. Несомнѣнно, было сдѣлано много преждевременныхъ выводовъ, дѣлать которые состоя-

ніе науки еще не позволяло. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что все же эти выводы дѣлались хотя и односторонне, и преждевременно, но авторы ихъ исходили не изъ произвольныхъ какихъ-либо чисто раціоналистическихъ общихъ положеній о существѣ всего существующаго, а изъ положительныхъ данныхъ, которыя имъ, при всѣхъ препятствіяхъ, при всемъ несовершенствѣ и количественномъ недостаткѣ аппаратовъ собирающихъ, удалось собрать. При такихъ условіяхъ, ихъ гипотезы являются дѣйствительно научными, онѣ—плодъ того научнаго воображенія, которое даже и такой строгій естествоиспытатель, какъ Джонъ Тиндаль, признавалъ животворящей, необходимой, созидающей силой въ наукѣ. Такія гипотезы, при дальнѣйшемъ, болѣе усовершенствованномъ разслѣдованіи, если и не всегда подтверждаются, то за то освѣщаютъ дальнѣйшій путь разслѣдованія и большею частью, если не все, то хоть часть зерна правды содержатъ въ себѣ.

А между тѣмъ, дѣйствительно, нельзя же было и провѣрить совершенство избраннаго метода, не приступивъ къ изученію одного изъ вопросовъ уголовной соціологіи. И такимъ вопросомъ вполнѣ естественно былъ избранъ важнѣйшій вопросъ этой науки: о факторахъ преступности, т. е. о причинности явленій преступности. Въ самомъ дѣлѣ, главнѣйшимъ и самымъ существеннымъ шагомъ въ сторону отъ догматически-юридическаго изученія формъ преступныхъ дѣяній было признаніе, что преступныя дѣянія—не куча ничего общаго между собою не имѣющихъ произвольныхъ дѣяній, а нѣчто цѣлое, имѣющее такое цѣльное, особое, самостоятельное существованіе, какъ и другія соціальныя и бытовыя явленія, эволюціонирующія подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ, въ томъ или другомъ направленіи. Но открыть причины преступности, значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прочно обосновать самое положеніе о существованіи извѣстной законосообразности такого явленія какъ преступность. Не можетъ быть, конечно, сомнѣній, что въ виду несовершенствъ методовъ, а главное недостатка учрежденій, собирающихъ данныя, всѣ причины и первопричины, основныя причины хотя бы движенія преступности, если не самой преступности, установить окончательно не скоро еще удастся. Но шаги

въ этомъ направленіи очень существенные сдѣланы уже разными школами.

Но что считать факторомъ преступности, ея причиною? При нынѣшнемъ состояніи науки сдѣлать точное перечисленіе такихъ причинъ, а тѣмъ болѣе дать опредѣленіе ихъ удѣльнаго вѣса, ихъ относительнаго значенія, невозможно. Но можно сказать съ увѣренностью, что всѣ тѣ явленія, всѣ тѣ факты, всѣ тѣ условія, какъ изъ природы и жизни самого человѣка, такъ и изъ природы его окружающей и изъ жизни общества, которыя могутъ вліять на поведеніе человѣка, живущаго въ обществѣ, могутъ быть на первыхъ порахъ отнесены къ числу причинъ преступности. Быть можетъ, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ окажется, что нѣкоторыя изъ нихъ являются ближайшими, непосредственными, другія отдаленными; нѣкоторыя изъ нихъ вліяютъ только на движеніе преступности (динамика), повышеніе и пониженіе; возьмемъ для примѣра хорошій или дурной урожай хлѣбовъ въ преступленіяхъ противъ имущества, хорошій или дурной урожай винограда въ преступленіяхъ противъ личности. Другія причины, наоборотъ, являются болѣе постоянными, всегда дѣйствующими, какъ организація самого человѣка, соціальный строй, въ которомъ онъ живетъ. При такихъ условіяхъ понятно, что, напримѣръ, Эттингенъ (цит. соч., стр. 454) даетъ такое перечисленіе факторовъ преступности: *факторы внѣшней природы*, мѣняющіеся по мѣстамъ—климатъ, время года, цѣны на хлѣбъ, эпидеміи; *соціальные факторы*—густота населенія (въ особенности населенія, находящагося въ возрастѣ, когда человѣкъ способенъ совершать преступленія), экономическое положеніе—бѣдность и богатство, пауперизмъ и роскошь, миръ и война, жизнь въ городѣ и въ деревнѣ, вліяніе школы, церкви, печати, значеніе явленій народной безнравственвости—алкоголизмъ, увеличивающаяся половая безнравственность въ видѣ проституціи, наклонности къ разводамъ, числа незаконныхъ рожденій; наконецъ, *факторы индивидуальные*—возрастъ и полъ, наслѣдственность, здоровье и болѣзнь, образованіе и спеціальность, занятіе. По этому поводу можно сказать, что всѣ эти факторы, какъ и вообще другія соціальныя явленія, находятся въ извѣстномъ соотношеніи другъ съ другомъ и

раздѣлить ихъ, выдѣлить вліяніе одного фактора и устранить хотя бы мысленно въ изслѣдованіи другіе, почти невозможно; можно выяснить только преимущественное вліяніе того или другого фактора въ извѣстномъ направленіи.

Для ближайшаго разсмотрѣнія этихъ многообразныхъ факторовъ и ученій о вліяніи каждаго изъ нихъ наиболѣе правильно раздѣлить факторы на: 1) *индивидуальные*, *біологическіе*, лежащіе въ самой природѣ человѣка, къ нимъ же отнеся и расовыя вліянія; и 2) *внѣшніе*, куда будутъ отнесены и внѣшніе природные факторы—климатъ, время года и т. д. и соціальные.

А. Индивидуальные факторы.

Какъ указано уже выше, индивидуальными факторами считаются тѣ изъ причинъ, вліяющихъ на поведеніе человѣка, которыя находятся, такъ сказать, въ немъ самомъ. Но такое опредѣленіе, конечно, недостаточно,—оно совершенно неопредѣленно.

Человѣкъ представляетъ собою сложный микрокосмъ, организмъ. Мы знаемъ, что уже догматическая школа уголовнаго права, выдѣливъ одну изъ способностей человѣка—его волю и придавъ ей эпитетъ злой, сдѣлала изъ этой злой воли единственную причину всей человѣческой преступности. Съ такимъ же правомъ другая школа, о которой сказано ниже, школа моралистовъ, выдѣлила нравственность и заявляетъ, что нравственность испорченная есть причина всѣхъ преступленій. Въ первой половинѣ 19 столѣтія существовала школа френологовъ, которая, по устройству головы, заключала о способностяхъ человѣка, въ томъ числѣ и о его наклонности къ преступности; была и существуетъ и донынѣ школа, которая сводитъ индивидуальную преступность человѣка, т. е. его наклонность къ совершенію преступленій, къ какому либо изъ видовъ психическаго разстройства.

Не вдаваясь пока въ оцѣнку ни одной изъ эихъ школъ, нельзя не остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Отрицать вполнѣ значеніе за индивидуальными факторами, заложеными въ самой природѣ отдѣльнаго человѣка, совершенно невозможно,—въ концѣ концовъ всякое преступленіе выполняется отдѣльнымъ живымъ человѣкомъ; но признавать первенствующее значеніе за ними или даже считать ихъ единственною причиною человѣческой преступности, значитъ въ сущности оперировать не съ человѣкомъ,

а съ идеею, съ понятіемъ человѣка, или человѣческимъ организмомъ, какъ таковымъ, а не съ человѣкомъ, какъ членомъ общества, признаннымъ еще Аристотелемъ ζῶον πολιτικόν. Между тѣмъ, мы видѣли уже выше, что, конечно, преступность мыслима лишь въ обществѣ и, притомъ, имѣющемъ какую-либо организацію.

Далѣе, возможно-ли выдѣлять какую-либо изъ способностей человѣка, видѣть въ ней единственную причину преступности? Вѣдь человѣкъ, какъ уже указано выше, вкладывается весь въ преступное дѣяніе, ему принадлежитъ и мысль (умыселъ); воля, какъ орудіе, приводитъ въ дѣйствіе его физическую силу и получается дѣяніе, реальное дѣяніе, реальное измѣненіе въ внѣшнемъ мірѣ. Можно ли сказать, что кромѣ ума, воли и рукъ, которые являются главнымъ физическимъ исполнителемъ, на преступномъ дѣяніи не отражается характеръ человѣка, его нравственность? Но не измѣняется ли все это въ зависимости отъ индивидуальныхъ условій пола, возраста, внѣшнихъ условій временныхъ и постоянныхъ? Съ другой стороны, не находятся ли всѣ эти физическія и духовныя силы и способности человѣка въ неразрывной связи между собою, связи, выражающейся въ зависимости функціонированія одного органа, одной способности, отъ функціонированія другихъ, выражающейся во взаимномъ вліяніи состоянія одного органа на состояніе другого? Конечно, не можетъ быть сомнѣній, что если брать весь организмъ человѣка, всего человѣка, да еще какъ члена соціальнаго единенія, то задача опредѣленія степени значенія силъ и способностей этого человѣка для преступности значительно усложняется. И, наоборотъ, задача крайне упрощается, если искусственно, мысленно, выдѣлить одну изъ способностей, дать ей общее опредѣленіе и затѣмъ на этомъ фундаментѣ строить все ученіе о преступности. Такъ поступила догматическая школа уголовнаго права, такъ поступили и другія школы, хотя и не такъ послѣдовательно. Логически такая система можетъ быть и красива, но что она никуда не годится и преступности не объясняетъ, это тоже совершенно несомнѣнно. Это несомнѣнно, какъ въ силу предыдущихъ соображеній, такъ и въ виду слѣдующаго весьма важнаго соображенія. Когда

такимъ путемъ выдѣляется одна какая-либо способность, то въ сущности о владѣльцахъ этой способности забываютъ, эта способность представляется какъ бы самостоятельно существующей и, конечно, всегда одной и той же, одинаковой. При такихъ условіяхъ случается то, что и случилось съ догматической школой: забывается живая жизнь со всѣмъ ея разнообразіемъ, проявляющимся въ безконечномъ разнообразіи сочетанія различныхъ способностей и силъ человѣка, въ безконечномъ числѣ человѣческихъ индивидуальностей. А вѣдь онѣ то только въ дѣйствительности дѣйствуютъ какъ преступники, съ ними только и надо и можно считаться и при изученіи преступности и при борьбѣ съ нею.

Итакъ, для изученія надо брать человѣка всего цѣликомъ и при томъ не какъ отдѣльную особь, гдѣ то въ пространствѣ существующую, а какъ члена организованнаго общенія.

Задача очень сложная. Надо собирать еще много матеріаловъ, установить много наблюденій, пока удастся ее разрѣшить. Но пытливый человѣкъ не можетъ такъ долго ждать, и нашелся мыслитель, создавшій цѣлую школу, которая попыталась теперь же, при нынѣшнемъ состояніи науки, разрѣшить этотъ вопросъ и дать категорическіе выводы. Я говорю о Цезарѣ Ломброзо, какъ основателѣ итальянской уголовно-антропологической школы.

Уголовно-антропологическая школа.

Цезарь Ломброзо, врачъ—психіатръ по спеціальности, началъ печатать свое сочиненіе о преступномъ человѣкѣ (L'uomo delinquente) еще въ годы 1871—1876. Онъ сообщилъ въ этомъ сочиненіи ученому міру свое открытіе, состоящее въ томъ, что существуетъ типъ *прирожденнаго преступника*, т. е. такого человѣка, который, благодаря анатомическимъ, физіологическимъ, патологическимъ и нравственнымъ своимъ, полученнымъ при рожденіи, особенностямъ не можетъ не совершать преступленія,—его поведеніе ими *предопредѣляется*. Такой типъ среди преступниковъ чрезвычайно распространенъ; только впослѣдствіи Ломброзо опредѣлилъ, что среди преступниковъ всего 40% такихъ прирожденныхъ. Было выставлено и объясненіе такого явленія природы: оно приписывалось Цезаремъ Ломброзо атавизму, переживанію, т. е. онъ предполагалъ, что въ современномъ человѣчествѣ рождаются типы людей съ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ складомъ суровыхъ и жестокихъ временъ первобытнаго состоянія человѣчества. Со времени перваго изданія своего сочиненія о преступномъ человѣкѣ и до настоящаго времени Ломброзо съ тѣми измѣненіями и уступками, о которыхъ будетъ сказано ниже, продолжаетъ твердо стоять на идеѣ о существованіи прирожденнаго преступника; возлѣ него образовалась цѣлая школа многочисленныхъ ученыхъ, среди которыхъ выдѣляются Гарофало, Ферри и рядъ другихъ.

Образовалось громадное научное движеніе, оцѣнить значеніе котораго подробно совершенно необходимо. Не можетъ быть сомнѣній, что если-бы открытіе подтвердилось, то оно вызвало-бы цѣлый переворотъ и въ наукѣ и въ

практической борьбѣ съ преступностью и въ судебномъ мірѣ. Въ упоеніи своимъ открытіемъ Цезарь Ломброзо въ началѣ и предъявилъ соотвѣтственныя требованія весьма крупныхъ реформъ.

Дѣйствительно, задачи науки упрощались чрезвычайно; почти половина всей человѣческой преступности получала себѣ окончательное объясненіе. Не могло быть сомнѣній, что и относительно второй половины этотъ чисто индивидуальный факторъ (напримѣръ хотя-бы не всѣ, а нѣкоторыя привычки прирожденнаго преступника) игралъ-бы первенствующее значеніе. Весь судебный строй, вся практическая борьба съ преступностью совершенно-бы переворачивалась сверху внизъ и, притомъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Въ настоящее время преступникомъ называютъ только лицо, совершившее преступленіе, да еще за него осужденное компетентнымъ судомъ. Этотъ судъ состоитъ изъ опытныхъ юристовъ, а по дѣламъ важнѣйшимъ имъ придается коллегія представителей общественной совѣсти—присяжныхъ засѣдателей. Они тратятъ много времени на оцѣнку всѣхъ фактическихъ уликъ для разрѣшенія вопроса о виновности. Этотъ послѣдній вопросъ они разрѣшаютъ не прежде, какъ прочно установивъ фактъ преступнаго дѣянія. Наконецъ, наказанія соразмѣрены со степенью тяжести преступнаго дѣянія. Все это, при новыхъ условіяхъ, при открытіи новаго признака, по которому возможно обнаруживать преступника, оказывалось-бы не только ненужнымъ, но и неумѣстнымъ.

И Ломброзо и его послѣдователи на первыхъ порахъ смѣло предъявили требованіе объ упраздненіи суда присяжныхъ, суда юристовъ, о замѣнѣ ихъ судомъ врачей экспертовъ, преимущественно изъ психіатровъ. Важно не дѣяніе и доказанность его, а наличность прирожденнаго преступника. Разъ такая наличность установлена, неважно, что обладатель этихъ прирожденныхъ особенностей пока совершилъ пустое нарушеніе, онъ неизбѣжно совершитъ рядъ другихъ тяжкихъ преступленій; онъ—выродокъ рода человѣческаго и въ огражденіе законнѣйшихъ интересовъ общества его надо убивать или пожизненно заключать въ особые маникоміи, тюрьмы для сумасшедшихъ. Въ сущности, при такой постановкѣ слѣдовало-бы подвергать обслѣдованію

и оскультированію и вовсе не совершившихъ пока преступныхъ дѣяній. Какая мрачная картина, грозящая полнымъ уничтоженіемъ всѣхъ гарантій человѣческой свободы: одно признаніе наличности признаковъ прирожденнаго преступника и—не надо ни доказательствъ, ни уликъ: вся судьба человѣка разрушена.

Таковы послѣдствія этого важнаго открытія, таково былобы торжество авторитета науки, если-бы наука давала достаточно данныхъ для выводовъ, сдѣланныхъ Ломброзо.

Прежде разбора этого ученія, отмѣтимъ, хотя бы въ краткихъ чертахъ, ходъ мыслей и данныя, приводимыя Ломброзо въ своемъ изслѣдованіи о преступномъ человѣкѣ. Онъ начинаетъ съ описанія того, что возрождается въ прирожденномъ преступникѣ, т. е. съ первобытнаго міра. Тутъ фигурируетъ и описаніе быта звѣрей, среди которыхъ бываютъ совсѣмъ дикіе, непокорные, неуживчивые экземпляры, которыхъ представители той же породы наказываютъ и истребляютъ. Бытъ даже современныхъ дикихъ народовъ представляется Ломброзо въ крайне мрачныхъ краскахъ. Преступленіе не порицается у нихъ,—не даромъ и слово „crimen“ значитъ собственно дѣйствіе. Рядъ любопытныхъ примѣровъ, которые могли бы навести автора на совершенно другія мысли, приводится имъ. Такъ, въ цѣломъ рядѣ племенъ женщины, изъ кокетства, чтобы не стариться, а равно въ виду недостатка предметовъ питанія, практикуютъ въ широкихъ размѣрахъ искусственные выкидыши. По случаю смерти и похоронъ царя производятся массовыя убійства. Каннибализмъ распространенъ въ большихъ размѣрахъ, дѣти убиваютъ своихъ престарѣлыхъ родителей и съѣдаютъ ихъ. Въ самомъ племени общность собственности, а у враждебныхъ народовъ воровство, дозволено.

Не оставляется авторомъ и дѣтскій возрастъ современнаго человѣчества, возрастъ, напоминающій первобытный періодъ и тутъ авторъ отмѣчаетъ преступныя наклонности: вспыльчивость, наклонность ко лжи, жестокость въ отношеніи къ животнымъ и т. д.

Итакъ, вотъ что возрождается. Тѣ типы, въ которыхъ это прошлое возрождается, отличаются главнымъ образомъ слѣдующими признаками. Во первыхъ, признаки анатоми-

ческіе, отступленія отъ нормальнаго анатомическаго устройства. Убійцы отличаются брахикефаліею, коротко-головіемъ; воры, наоборотъ, доликефалы, т. е. длинно-головые. У преступника ростъ большой, онъ тяжеловѣсенъ, но не силенъ. Вѣсъ мозга его меньше, чѣмъ у нормальнаго человѣка. У убійцъ короткій лобъ и выдвинутыя челюсти, у воровъ лобъ покатый. Нерѣдко замѣчаются сращеніе швовъ черепа, утолщеніе костей, ассиметрія глазныхъ впадинъ. Черепа доисторическихъ людей и современныхъ схожи. Средняя затылочная ямка у непреступныхъ людей встрѣчается всего у 5%, у преступныхъ у 16%, а у доисторическихъ у 14%.

Патологическіе признаки: подверженъ болѣзнямъ сердца, дальтонизму, страбизму, сильная наклонность къ мигренямъ (17%), наконецъ у 35% преступниковъ признаки одного изъ видовъ эпилепсіи.

Физіологическіе признаки: малая чувствительность къ холоду, къ болевымъ ощущеніямъ; этою послѣднею особенностью объясняется наклонность къ татуировкѣ, которая сильно распространена среди преступниковъ, хотя и сопряжена съ болевыми ощущеніями. Наоборотъ, у нихъ сильная чувствительность къ электрическимъ токамъ.

Въ нравственномъ отношеніи преступникъ крайне хвастливъ, любитъ внѣшній блескъ, игры, кутежъ, страшно расточителенъ.

Таковъ діагнозъ, поставленный лично Ломброзо, но и онъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, дополнялъ и измѣнялъ его въ теченіе 40 лѣтъ своей научной дѣятельности. Его сотоварищи по школѣ останавливались на другихъ признакахъ, основываясь при этомъ на своихъ личныхъ наблюденіяхъ. Какую степень научной достовѣрности имѣютъ эти наблюденія Ломброзо,—таковъ первый, вполнѣ естественный, вопросъ.

Первоначальные выводы Ломброзо основаны на измѣреніяхъ всего—3839 преступниковъ живыхъ и 383 череповъ умершихъ. Увлекаясь сдѣланной имъ гипотезой, увлекаясь совершенно добросовѣстно, Ломброзо выхватываетъ изъ другихъ наукъ, преимущественно естественно-историческихъ, а равно изъ путешествій, въ которыхъ описывается бытъ первобытныхъ народовъ, отрывочныя данныя внѣ связи съ

другими данными, искусственно можно сказать заставляя ихъ служить въ подкрѣпленіе своей гипотезы. Личныя его наблюденія въ указанныхъ выше размѣрахъ были недостаточны; правда, на антропологическомъ конгрессѣ 1896 г. онъ уже говорилъ о 50000 наблюденіяхъ, но его же сотоварищъ по школѣ Ферри указываетъ, что въ значительной степени это—не наблюденія, а данныя изъ оконченныхъ судебныхъ дѣлъ, преимущественно изъ актовъ судебно-медицинскаго осмотра. Данныя эти, очевидно, предназначались для другихъ цѣлей и не такъ собирались и отмѣчались, чтобы служить цѣлямъ Ломброзо. Уже изъ введенія мы знаемъ, что въ тюрьмахъ Россіи только предполагается ввести (возбуждено ходатайство) листки, отмѣчающіе психическое и физическое состояніе арестантовъ, но и то безъ измѣреній, каковыхъ нигдѣ, даже въ образцовыхъ англійскихъ тюрьмахъ, не производится. А Ломброзо дѣйствовалъ одинъ, съ немногими развѣ учениками; можно-ли при такихъ условіяхъ было ему располагать прочно обоснованными данными?

Эти пробѣлы, непрочность данныхъ, не по винѣ Ломброзо, повели однако къ тому, что почти ни одинъ изъ спеціальныхъ выводовъ Ломброзо объ отличительныхъ признакахъ преступниковъ отъ здоровыхъ людей не остался безъ вѣскихъ возраженій со стороны спеціалистовъ той или другой области.

Такъ, основное его различіе между брахикефалами (воинственными и убійцами) и доликефалами (ворами), оспаривается на основаніи данныхъ Катрфажа о первобытныхъ народахъ; брахикефалы изъ Лессъ самые мирные, а доликефалы изъ Канстада самые воинственные. Какъ справедливо замѣчаетъ Тардъ, у женщинъ голова значительно меньше, чѣмъ у мужчинъ, а преступность ихъ въ четыре раза меньше мужской. Вѣсъ мозга преступника, по мнѣнію Ломброзо, Бенедикта, Ферри, меньше чѣмъ у здороваго человѣка, а по мнѣнію Бордье, Хегера и др—больше.

Относительно тождества череповъ преступниковъ и доисторическихъ народовъ Лайелль говоритъ, что это можно было предполагать, но этого нѣтъ; и дѣйствительно, найденный въ 1833 г. въ пещерѣ Энжисъ черепъ доисторическаго человѣка вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ у здоровыхъ людей.

Затылочная ямка, которая, по словамъ Ломброзо, встрѣчается такъ часто только у преступниковъ (16%) и у дикихъ (14%), въ дѣйствительности встрѣчается еще чаще у нѣкоторыхъ народовъ, напримѣръ, у евреевъ (22%). Другіе спеціалисты, желая провѣрить выводы Ломброзо, обратились тоже къ измѣреніямъ и получили совершенно иные результаты. Такъ, румынъ врачъ Миновичи, произведя измѣренія 7217 преступниковъ, нашелъ только нѣкоторые отдѣльные признаки, указанные Ломброзо, и то у весьма немногихъ, а татуировку, на которой такъ настаиваетъ Ломброзо, у 102 изъ общаго числа 7217. Къ тѣмъ-же выводамъ пришли и нѣмецкіе антропологи и психіатры. Но вѣдь Ломброзо не ограничился констатированіемъ сдѣланныхъ имъ наблюденій, онъ сразу же изъ этихъ наблюденій сдѣлалъ нѣсколько выводовъ.

Онъ заключилъ, во-первыхъ, что замѣченныя имъ особенности предопредѣляютъ обладающаго ими къ совершенію преступленія. Но вполнѣ естественно, по поводу этого вывода возникаетъ слѣдующій вопросъ: если придавать такое чрезвычайное значеніе чисто физическимъ, индивидуальнымъ факторамъ, превращая преступниковъ какъ бы въ особую расу, съ своими расовыми признаками, то мыслима-ли раса, не всѣ представители которой имѣли бы расовые признаки, а только 40 или болѣе процентовъ? Иначе говоря: если видѣть основныя причины преступности во внѣшнихъ условіяхъ, которыя представляютъ безконечное разнообразіе сочетаній во времени и пространствѣ, то можно допускать и самыя разнообразныя условія для преступности. Но если причина преступности коренится въ физическомъ устройствѣ человѣка, то, повидимому, слѣдовало-бы заключить, что какъ человѣкъ не можетъ отправлять тѣхъ или другихъ функцій безъ соотвѣтственнаго органа, такъ онъ не можетъ совершать преступленій безъ извѣстныхъ аномалій въ организмѣ.

Далѣе остается совершенно открытымъ вопросъ, въ какой мѣрѣ наблюденные Ломброзо признаки являются дѣйствительно аномаліями, распространенными только среди преступниковъ, и встрѣчающимися такъ рѣдко среди здоровыхъ. Для этого послѣдняго сравненія, конечно, произведено слишкомъ мало наблюденій.

Таково положеніе вопроса о прирожденномъ преступникѣ. Понятно, что гипотеза Ломброзо и въ цѣломъ встрѣтила самыя рѣшительныя возраженія и прежде всего со стороны лицъ, наиболѣе близкихъ по своей спеціальности къ ученію Ломброзо—антропологовъ. На антропологическомъ конгрессѣ въ Римѣ 1885 г. Ломброзо и представители его школы торжествовали; на конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 г. ему пришлось выслушать самыя рѣшительныя возраженія со стороны медицинскихъ свѣтилъ Франціи Бруарделя, Манувріе и другихъ; на конгрессъ 1892 г. Ломброзо и его сотоварищи не явились, а на конгрессѣ въ Женевѣ, въ 1896 г. указанный выше Миновичи и психіатры нѣмецкіе, съ Некке во главѣ, отрицали самое существованіе типа прирожденнаго преступника.

Но, какъ указано выше, Ломброзо не только не удовольствовался констатированіемъ отмѣченныхъ имъ особенностей, не только сдѣлалъ выводъ о существованіи типа прирожденнаго преступника, но одновременно и попытался объяснить появленіе такого типа переживаніемъ (атавизмомъ) и въ то же время надѣлилъ прирожденнаго преступника въ большинствѣ случаевъ эпилепсіею. Между тѣмъ, въ сущности, такимъ образомъ тутъ допускается сліяніе признаковъ самыхъ разныхъ временъ: признаковъ доисторическихъ временъ и явленія новѣйшаго времени, ибо эпилепсія, идя рука объ руку съ дегенераціей, особенно развивается въ послѣднее время. Но не въ этомъ смѣшеніи главное. Что особенно вызвало сильные нападки ученыхъ различныхъ спеціальностей на Ломброзо,—это самая мысль объ атавизмѣ, какъ причинѣ преступности.

Въ самомъ дѣлѣ. въ этой мысли заключается предположеніе, что возраждается доисторическая *преступность*, но вмѣстѣ съ тѣмъ значитъ этимъ самымъ утверждаютъ, что то, что считается преступнымъ нынѣ, считалось преступнымъ и въ доисторическое время и наоборотъ. Такое положеніе въ сущности приводитъ къ полному отрицанію той эволюціи во внутреннемъ строѣ народовъ, которая представляется, на основаніи точныхъ и многочисленныхъ историческихъ данныхъ, совершенно неопровержимой аксіомой. Въ самомъ дѣлѣ, остановимся на нѣкоторыхъ примѣрахъ Ломброзо.

Общій мрачный взглядъ Ломброзо на нравственность

первобытныхъ народовъ рѣшительно опровергается такими знатоками этого быта, какъ Реклю, Крапоткинъ и др. Есть вполнѣ мирные первобытные народы.

Можно-ли видѣть въ убійствѣ престарѣлыхъ родителей и ихъ съѣденіи, освящаемомъ религіей, преступленіе?—вѣдь лица, совершавшія это, дѣйствовали такъ подъ вліяніемъ самыхъ высокихъ религіозныхъ побужденій, думая угодить своимъ богамъ; вѣдь это, во всякомъ случаѣ, были люди не преступные, а исполнявшіе свой долгъ, какъ они его понимали; то-же самое—съ закапываеніемъ вдовъ. Частые аборты вслѣдствіе недостатка пищи,—да какая же тутъ преступность и гдѣ же можно найти болѣе яркій примѣръ вліянія соціальныхъ, а никакъ не индивидуальныхъ, факторовъ? Воровство у *чужихъ* племенъ,—да какъ же можно это считать преступнымъ въ первобытный періодъ исторіи, когда цивилизованные народы не стыдятся грабить во время войны, а вѣдь тогда была настоящая война между племенами.

Наиболѣе сильную критику гипотезы объ атавизмѣ и прирожденномъ преступникѣ далъ Габріель Тардъ въ своей „Сравнительной преступности“ (Criminalité comparée). Онъ приводитъ на справку Моисеево законодательство (стр. 27). Вотъ тѣ 10 преступленій, которыя признавались, какъ удостовѣряетъ Тониссенъ, еврейскими законами наиболѣе тяжкими и карались побиваніемъ камнями: идолопоклонство, подстрекательство къ этому преступленію, жертвоприношенія Молоху, чародѣйство, вызываніе духовъ, упорное неповиновеніе родителямъ, несоблюденіе праздника субботы, богохульство, изнасилованіе чужой невѣсты, дурное поведеніе дѣвушки, удостовѣряемое отсутствіемъ дѣвственности въ моментъ брака. Изъ этихъ преступленій только изнасилованіе и карается въ наши дни, да и то совсѣмъ въ иной постановкѣ. Чему же тутъ переживать и возрождаться?

Такихъ историческихъ примѣровъ, установленныхъ научно, Тардъ приводитъ много. Понятно, что эта критика создала громадную брешь въ системѣ Ломброзо. И вотъ одинъ изъ ближайшихъ къ Ломброзо представителей уголовно-антропологической школы, юристъ, занимающій высокій постъ въ итальянскомъ судебномъ вѣдомствѣ, Гарофало въ своей „Криминологіи“ попытался задѣлать эту брешь и

создалъ для этого новое ученіе. Онъ признаетъ, что такихъ дѣяній, которыя бы признавались за преступленія во всѣ времена, не было, но утверждаетъ, что, будто бы, всегда были чувства благоволенія и состраданія съ одной стороны и справедливости и честности—съ другой стороны, что мы можемъ говорить о естественномъ преступленіи. Первое чувство-благоволенія удерживало отъ насилій, второе—честности—отъ завладѣнія чужимъ имуществомъ. Весь же историческій процессъ эволюціи состоялъ въ томъ, что постепенно расширялся кругъ лицъ, въ отношеніи къ которымъ эти чувства признавались обязательными. Къ сожалѣнію, баронъ Гарофало не подтверждаетъ историческими данными свою красивую теорію.

Конечно, эта красивая теорія не могла спасти мало обоснованнаго ученія объ атавизмѣ.

Удары не ослабили энергіи Ломброзо, но вынудили его дѣлать уступки, одну за другою.

Онъ началъ съ того, что сталъ признавать, что въ общемъ не болѣе какъ у 40% общаго числа преступниковъ имѣются признаки прирожденности, у остальныхъ 60% таковыхъ не имѣется вовсе, или они имѣются въ очень слабой степени, во всякомъ случаѣ здѣсь предопредѣленія къ преступности нѣтъ. Уступка громадная, почти совсѣмъ подрывающая всѣ выводы, потому что не можетъ быть расы, у 60% представителей которой нѣтъ расовыхъ особенностей. Не могутъ быть физически-анатомическія аномаліи устройства человѣка не только единственнымъ или главнымъ, но даже важнымъ факторовъ преступности, когда большинство преступниковъ дѣлаются преступниками безъ анатомическихъ аномалій.

Сдѣлана была Ломброзо вполнѣ естественно и слѣдующая уступка: онъ сталъ признавать и цѣлый рядъ другихъ факторовъ преступности, внѣ преступника лежащихъ, и посвятилъ имъ большое и обстоятельное изслѣдованіе (этіологія преступности) „Преступленіе“, вышедшее въ свѣтъ на французскомъ языкѣ въ 1899 г. Здѣсь мы встрѣчаемся и съ вліяніемъ расы, климата, густоты населенія, экономическаго и соціальнаго строя и степени цивилизаціи и т. д.

Наконецъ, въ новыхъ своихъ работахъ, вышедшихъ въ свѣтъ

въ 1907 г. „Neue Verbrechersstudien“ онъ дѣлаетъ рядъ новыхъ уступокъ, не только подрывающихъ ученіе о прирожденности преступника, но представляющихъ, можетъ быть, и не вполнѣ сознательную, жестокую критику этого ученія. Уже въ предисловіи онъ самъ констатируетъ рядъ сдѣланныхъ имъ уступокъ. Онъ говоритъ (стр. IV): „такимъ образомъ новая школа, которая вначалѣ исходила только изъ идеи прирожденнаго преступника, тотчасъ же послѣ того, что Ферри высказалъ свои соображенія, признала свои ошибки, расширила свои изслѣдованія на типы преступниковъ по страсти, случайныхъ, она измѣнила свои первоначальныя, черезчуръ рѣзкія требованія въ области общественныхъ учрежденій, она стала допускать неопредѣленные приговоры, она не упорствовала въ своихъ пробѣлахъ“.

Въ началѣ книги мы встрѣчаемъ очеркъ о положеніи борьбы съ преступностью въ Австраліи, и уже этотъ очеркъ показываетъ, какое громадное значеніе авторъ придаетъ правильно поставленной борьбѣ съ другими, преимущественно соціальными, факторами преступности.

Но затѣмъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи, Ломброзо хотя и продолжаетъ настаивать на идеѣ прирожденнаго преступника, но допускаетъ при этомъ такія исключенія изъ общаго правила и даетъ такія объясненія, которыя въ конецъ подрываютъ его ученіе о прирожденномъ преступникѣ. Такъ, ссылаясь на труды Фено по изученію преступности въ Индіи, онъ отмѣчаетъ, что у низшихъ классовъ судровъ никакихъ признаковъ преступности нѣтъ, а, наоборотъ, у браминовъ есть въ значительномъ количествѣ. Объясненіе такого явленія, по мнѣнію Ломброзо, надо искать въ дегенераціи высшихъ классовъ. По поводу этого объясненія можно замѣтить только, что причемъ же здѣсь прирожденность и атавизмъ? Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь оказывается преимущество на сторонѣ мало одаренныхъ и мало развитыхъ классовъ. И вдругъ, рядомъ съ этимъ мѣстомъ, мы встрѣчаемся съ утвержденіемъ Ломброзо (стр. 116), что преступные геніи или геніальные и высокоодаренные преступники представляютъ только изрѣдка признаки преступнаго типа. Ломброзо при этомъ утѣшается соображеніемъ, что и вообще-то высоко одаренныхъ людей мало, а среди преступ-

никовъ и еще меньше. Если такіе даровитые люди окружены грубою средой, то тогда ихъ преступность не болѣзненная а физіологическая (стр. 118). Поэтому-то атаманы шаекъ въ Сициліи, Калабріи, Сардиніи не имѣютъ признаковъ преступности. Отсутствіе у обманщиковъ и совершителей подлоговъ признаковъ преступности объясняется тѣмъ, что необходимо имѣть для ихъ ремесла воспріимчивую, толковую натуру, у политическихъ преступниковъ—тѣмъ, что они представляютъ прогрессъ современной преступности. Наконецъ, ссылаясь на Анденеро, Ломброзо признаетъ, что зародыши преступности могутъ быть заронены весьма часто, когда преступники уже сложились физически.

Что осталось отъ чрезвычайныхъ претензій перваго времени: найти въ физической природѣ и даже въ анатомическомъ укладѣ человѣка объясненія и, притомъ, исключительныя такого чисто соціальнаго явленія, какъ преступность? Ничего, рѣшительно ничего.

Ну, что же, слѣдовательно, надо выбросить Ломброзо за бортъ, признать его чудакомъ, фантазеромъ и сдать его въ архивъ, подобно многимъ другимъ френологамъ? И такъ вѣдь поступали и поступаютъ многіе русскіе ученые. Прежде чѣмъ сдѣлать какой-либо шагъ, не слѣдуетъ ли остановиться хотя бы и на личности Ломброзо? Это—человѣкъ, который вотъ уже 40 лѣтъ бьется за идею, за то, что онъ считаетъ истиной, не теряетъ духа, несмотря на всѣ нападки и все попрежнему утверждаетъ, какъ когда-то его знаменитый соотечественникъ Галилей: „а все-таки земля вертится“. Вѣдь въ нашъ оппортунистическій, практическій вѣкъ это—большая рѣдкость; вѣдь, очевидно, у него громадныя, нравственныя, умственныя, силы, и хоть изъ уваженія къ Ломброзо, какъ человѣку, не слѣдуетъ такъ торопиться. Быть можетъ, это промедленіе въ рѣшеніи судьбы Ломброзо будетъ полезно, ибо иначе мы бы проявили полное незнакомство съ современнымъ положеніемъ практической борьбы съ преступностью, какъ она ставится въ настоящее время у всѣхъ культурныхъ народовъ, и съ научными новыми ученіями объ этой борьбѣ. Мы бы проявили незнакомство еще съ тѣми задачами, которыя ставятъ себѣ современныя научныя изслѣдованія, и съ тѣми препятствіями, съ кото-

рыми новаторамъ пока приходится считаться, благодаря отсутствію подготовленныхъ для работы людей, несовершенству аппаратовъ разслѣдованія. Чтобы выяснить значеніе Ломброзо для *современной* (я подчеркиваю это слово) науки и для современной практической борьбы съ преступностью, такъ какъ онѣ, т. е. и наука и практика развились и опредѣлились имено въ теченіе тѣхъ 40 лѣтъ, что дѣйствуетъ на научномъ поприщѣ Ломброзо, придется коснуться смежной области и посмотрѣть, какъ тамъ стоитъ дѣло.

Остановлюсь на самой близкой къ ученію Ломброзо области, области, имѣющей задачею выясненіе соотношенія преступности и душевныхъ болѣзней. Съ одной стороны, распространено мнѣніе, поддерживаемое отчасти и Ломброзо, что среди преступниковъ очень много душевно-больныхъ, что индивидуальное состояніе преступности имѣетъ много общаго съ душевною болѣзнью. Даже врачи-спеціалисты говорятъ намъ, что общаго опредѣленія невмѣняемости дать нельзя, вопросъ можно рѣшить только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и то привлекая въ значительной степени данныя, рисующія внѣшнее поведеніе человѣка. Съ другой стороны, среди русскихъ людей нашелся смѣлый и безспорно талантливый юристъ С. С. Хрулевъ, который не побоялся проникнуть въ ту область, у входа въ которую написаны слова: „душевно-больные—конечно невмѣняемые“. Его сочиненіе, основанное и на серьезныхъ научныхъ данныхъ, и на обобщеніяхъ большого числа отдѣльныхъ практическихъ случаевъ и носящее названіе: „Характеръ преступныхъ дѣяній душевно-больныхъ“, проливаетъ свѣтъ и въ этой повидимому запретной, чуждой уголовному правосудію, области. Въ конечномъ выводѣ онъ утверждаетъ, что въ большинствѣ случаевъ можно говорить о невмѣненіи душевно-больнымъ не всѣхъ ихъ преступныхъ дѣяній, а только части дѣяній и, именно, только такихъ, которыя соотвѣтствуютъ по своему характеру постигшей ихъ душевной болѣзни. Поясню для краткости всего однимъ примѣромъ. Есть такъ-называемая epilepsia larvata, довольно распространенная болѣзнь. Одержимые этою болѣзнью иногда въ теченіе долгаго періода, длящагося много мѣсяцевъ, не

подвергаются припадкамъ болѣзни и кажутся всѣмъ совершенно здоровыми людьми.

Самый припадокъ выражается большею частью въ потерѣ сознанія на нѣсколько минутъ и судорогахъ, иногда же сопровождается и буйными дѣйствіями. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, что окончится припадокъ, больной ничего уже не помнитъ о томъ, что съ нимъ было. Въ моменты такихъ припадковъ больные проявляютъ иногда чрезвычайную и совершенно ничѣмъ немотивированную жестокость и истребляютъ близкихъ имъ людей, противъ которыхъ они ничего не имѣли. По окончаніи припадка, они снова входятъ въ нормальную жизнь и живутъ, какъ всѣ люди, принимая участіе во всякихъ работахъ (даже съ успѣхомъ въ общественной дѣятельности). Ну, вотъ, если такой субъектъ въ періодъ между припадками совершитъ самую простую кражу, причемъ отберетъ наиболѣе цѣнныя вещи и затѣмъ продастъ ихъ совершенно разумно, дѣйствуя подъ вліяніемъ мотива преступной корысти,—какъ быть съ нимъ? Когда онъ совершитъ безпричинное и немотивированное убійство во время припадка, мы освобождаемъ его отъ наказанія; когда онъ совершитъ совершенно разумно и послѣдовательно въ здоровомъ состояніи кражу, мы его накажемъ. Таковъ взглядъ г. Хрулева.

Но, все таки, нѣтъ-ли точныхъ данныхъ, какъ велико число душевно-больныхъ среди преступниковъ? Вотъ что даетъ оффиціальная статистика. Въ русской оффиціальной статистикѣ данныхъ по этому вопросу нѣтъ, только въ отчетахъ Главнаго Тюремнаго Управленія имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія; за 1905 г. для петербургскихъ мѣстъ заключенія такія цифры: перебывало заключенныхъ за годъ 27779 человѣкъ, изъ нихъ душевно-больныхъ всего 36 чел. За 1906 г. перебывало во всѣхъ мѣстахъ заключенія 960.050 чел. изъ нихъ оказалось душевно-больныхъ 1106 чел., т. е. всего 0,11%. Во французскомъ Compte gener. de l'adm. crim. за 1905 г. имѣются такія указанія: accusés et prévenus вмѣстѣ за годъ 192.390, и изъ нихъ умалишенныхъ 2294, т. е. не болѣе $1^1/_4$%. Но отчетъ прибавляетъ, что такой подсчетъ умалишенныхъ произведенъ впервые. А вѣдь статистика французская самая старая. Можно-ли теперь, при

такомъ несовершенствѣ разслѣдованія, когда даже спеціальные органы собиранія статистическихъ данныхъ въ области уголовнаго правосудія опускаютъ данныя по этому вопросу, дѣлать какіе либо точные окончательные выводы, можно ли сказать, что насъ не ждутъ открытія въ этой области?

Этотъ примѣръ лучше всего выясняетъ ошибку Ломброзо. Въ сущности Ломброзо, взявъ вопросъ еще болѣе широкій — о значеніи физическаго индивидуальнаго элемента вообще, какъ фактора преступности и работая сначала лишь съ нѣсколькими друзьями, конечно, былъ поставленъ въ еще болѣе неблагопріятныя условія для разслѣдованія. Онъ сдѣлалъ важное открытіе извѣстнаго значенія физическаго устройства человѣка, какъ одного изъ факторовъ преступности. И ошибка его состоитъ лишь въ томъ, что, увлекшись значеніемъ того открытія, которое имъ сдѣлано, онъ поторопился сдѣлать выводы, для которыхъ и теперь еще не наступило время, такъ какъ не собрано еще для этого достаточно научныхъ данныхъ и таковыя недостаточно еще разработаны Но ошибка или, лучше сказать, увлеченіе не умаляетъ громадной заслуги Ломброзо. И заслуга эта состоитъ въ томъ, что онъ *открылъ живую личность преступника и ея значеніе для ученія о преступности и борьбы съ нею.* Это—открытіе громадное. Оно вызвало цѣлый переворотъ въ наукѣ о преступленіи и борьбѣ съ нимъ, наукѣ, которая до того была исключительно представлена юридическо-догматической школой.

А эта догматическая школа, какъ мы видѣли выше, забывая о коренномъ различіи между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ, совершенно оставила безъ вниманія эту живую, цѣльную личность преступника и условія внутреннія и внѣшнія, при которыхъ образуются типы преступниковъ. Съ Ломброзо собственно стали признавать наличность не одного типа преступника, а нѣсколькихъ—и съ природными физическими и психическими аномаліями, и преступника по страсти, и преступника ремесленника, и преступника случайнаго. И для всѣхъ нихъ понадобились различныя мѣры, которыя уже отчасти намѣчены, отчасти даже приводятся въ исполненіе. Стоитъ вспомнить въ этомъ отношеніи хотя-бы слѣдующія мѣры: сохраненіе рецидивистовъ—

ремесленниковъ, условное осужденіе для случайныхъ преступниковъ, реформаторіи для подающихъ надежды на исправленіе и т. д. Открытіе Ломброзо велико, оно наглядно показало и необходимость того изученія массовыхъ явленій, на которомъ настаивали еще ранѣе статистики, ибо это изученіе выясняетъ условія, при которыхъ складываются эти различные типы преступниковъ и при которыхъ имъ приходится дѣйствовать.

Да, конечно, школа Ломброзо позволила себѣ слишкомъ поспѣшные выводы. Да, по всей вѣроятности, главнѣйшими факторами преступности являются факторы внѣшніе и, преимущественно, соціальные. Но послѣ ученія Ломброзо не можетъ не быть признано грубѣйшей ошибкой полное отрицаніе значенія индивидуальныхъ факторовъ. Уже теперь, и безъ всякихъ правильно установленныхъ наблюденій, мы знаемъ, въ какой мѣрѣ вліяютъ эти факторы на характеръ преступныхъ дѣяній. Характеръ человѣка, горячность его темперамента, конечно, непосредственно отражается на характерѣ преступленія, на его обдуманности, на совершеніи его по страсти, по легкомыслію и т. д.

А сколько чисто-физическихъ причинъ вліяетъ на раздражительность, на страстность человѣка; достаточно вспомнить страданіе печени — для раздражительности, страданія половыхъ органовъ (воспаленіе предстательной железы и т. д.), навѣвающія постоянно сладострастныя мысли. Какъ вліяетъ на поступки и характеръ таковыхъ, рѣшительность характера съ одной стороны и, наоборотъ, вялость, нерѣшительность? какъ рѣшительность и нерѣшительность мѣняются подъ вліяніемъ той или другой пищи и того или другого питья? Такіе тонкіе психологи-романисты, какъ Гюго, Гюи-де-Мопассанъ и др. даютъ подробные психологическіе анализы, какъ у героевъ ихъ улегались или, наоборотъ, возгорались страсти и замыслы подъ вліяніемъ успокоительнаго или раздражительнаго вліянія пищи и питья. О вліяніи алкоголя на преступность имѣется уже цѣлая литература.

Не можетъ быть также сомнѣній, что живая человѣческая личность съ правильно дѣйствующимъ разсудкомъ не является простымъ автоматомъ, простою пѣшкою въ столкно-

веніи съ внѣшними вліяніями. Мы можемъ констатировать, какъ тѣ или другіе внѣшнія причины вліяютъ на повышеніе или пониженіе общаго числа преступленій, но для выясненія, почему именно тѣ или другія отдѣльныя особи своими дѣяніями содѣйствуютъ общему повышенію уровня преступности, приходится несомнѣнно обратить серьезное вниманіе на личные факторы. Да и въ самомъ преступникѣ, стоя на прочной почвѣ естественно-историческихъ наблюденій, а не абстрактныхъ теорій о свободѣ воли, мы должны признать вмѣстѣ съ такимъ детерминистомъ, какъ Варга [1]), наличность борьбы между общими идеями (принципами долга, общими соображеніями объ обязанностяхъ и правахъ и т. д.), такъ-называемыми кортикальными мотивами, такъ какъ они заложены въ мозговой оболочкѣ (корѣ), и мотивами субкортикальными, чувственными, заложенными въ самомъ существѣ мозга.

Условія изслѣдованія сложны, дѣлать выводы объ удѣльномъ вѣсѣ индивидуальныхъ факторовъ преждевременно; надо установить правильное, государственное наблюденіе и изслѣдованіе всѣхъ преступниковъ (см. выше пожеланія Криминологической секціи Психоневрологическаго Института), но сомнѣваться въ значеніи индивидуальныхъ факторовъ, въ необходимости внимательнаго научнаго изслѣдованія ихъ, послѣ ученія Ломброзо, нѣтъ никакихъ основаній.

Другія ученія объ индивидуальныхъ факторахъ преступности.

Ферри въ своей уголовной соціологіи, классифицируя ученіе объ индивидуальныхъ факторахъ преступности, объединяетъ ихъ на общемъ началѣ „біологической ненормальности“ [2]).

Какъ подвиды этого общаго родового признака онъ отмѣчаетъ: 1) *атавизмъ* органическій и психическій (Ломброзо, Курелла), только психическій (Колаяни), *патологическое*

---

[1]) Die Abschaffung der Strafknechtschaft.

[2]) Франц переводъ, 5 изд., стр. 112.

состояніе нервной системы (Далли (Минцловъ, Маудсли, Виргиліо, Іельгфема, Блейеръ); *неврастенія* (Бенедиктъ, Листъ, Варга); *эпилепсія* (Ломброзо, Левисъ, Ронкорини); *дегенерація* (Морель, Серги, Фере, Цуккарели, Маньянъ, Корръ, Лоранъ); *недостатокъ питанія центральной нервной системы* (Марро); *ненормальность нравственная* (Деспинъ, Гарофало).

Я привожу этотъ списокъ для желающихъ ближе ознакомиться съ ученіями объ индивидуальныхъ факторахъ преступности, хотя классификація Ферри, надо сказать, далеко не точна. Въ предѣлахъ же настоящаго учебника нѣтъ не только возможности, но и надобности останавливаться на всѣхъ этихъ теоріяхъ, сказавъ о каждой по нѣсколько словъ. Объ однихъ экономическихъ факторахъ преступности существуетъ столько ученій, что Ванъ-Канъ, при чисто-конспективномъ изложеніи, написалъ громадный томъ. Но, въ сущности, нѣтъ надобности въ такой подробности останавливаться на каждой изъ этихъ теорій въ отдѣльности и потому, главнымъ образомъ, что ихъ въ сущности, какъ видно и изъ классификаціи, даваемой Ферри, раздѣляютъ оттѣнки, нисколько не измѣняющіе общей имъ всѣмъ сущности. А сущность эта состоитъ въ слѣдующемъ.

Только немногіе современные ученые, во главѣ которыхъ стоитъ опять-таки тотъ же Ломброзо, рѣшаются отождествлять индивидуальную преступность, т.-е. наклонность человѣка къ совершенію преступленій съ душевнымъ разстройствомъ. Мы видѣли выше, насколько несовершенные, пока правда, способы наблюденія за душевнымъ состояніемъ преступниковъ мало подтверждаютъ добытыми этимъ путемъ данными подобное отождествленіе. Для него, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время нѣтъ никакихъ положительныхъ научныхъ данныхъ.

Всѣ остальныя ученія, внѣшне по крайней мѣрѣ, существенно отличаются отъ школы Ломброзо. Я говорю „внѣшне“, потому что по существу если вдуматься въ нихъ и подвергнуть логической повѣркѣ съ болѣе точной, чѣмъ у авторовъ этихъ ученій, формулировкой ихъ-же собственныхъ выводовъ, то прійдется признать, что выводы ихъ не такъ ужъ разнятся отъ выводовъ школы Ломброзо.

Внѣшнее различіе, о которомъ я упомянулъ выше, состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что эти ученія выставляютъ положенія менѣе рѣзкія, чѣмъ Ломброзо. Они не настаиваютъ на анатомическихъ признакахъ, не смотрятъ на преступниковъ, какъ на совершенныхъ выродковъ, какъ на вполнѣ ненормальныхъ психически людей, не защищаютъ гипотезы объ атавизмѣ. Все это такъ, и, повторяю, внѣшне, какъ будто бы, ихъ ученія глубоко разнятся отъ ученій уголовно-антропологической школы. Но обратимся къ существу; не въ гипотезѣ объ атавизмѣ, не въ анатомическихъ признакахъ заключаются самая важная сторона ученія Ломброзо, важная въ смыслѣ точки зрѣнія на причины преступности. Самое главное въ ученіи Ломброзо состоитъ въ томъ значеніи, которое придается біологическому фактору, или даже, лучше сказать, біологической ненормальности, какъ фактору; эта біологическая ненормальность, какъ бы внѣшнія причины ее ни подготовляли—путемъ-ли наслѣдственности, путемъ-ли послѣдовательно развивающагося вырожденія—является *прирожденной*. Если же видѣть причину преступности главную, ближайшую, въ прирожденной ненормальности, то не все-ли равно, проявляется-ли она въ рѣзкихъ анатомическихъ особенностяхъ, или полномъ душевномъ разстройствѣ, или менѣе рѣзко. Важно то, что и эта уменьшенная ненормальность является главной, въ концѣ концовъ, единственной причиной преступности. А при такихъ условіяхъ человѣкъ съ такой прирожденной ненормальной организаціей не можетъ не совершать преступленій, т.-е., иначе говоря, мы безъ крайностей и рѣзкостей ученія Ломброзо возвращаемся къ той же идеѣ о прирожденномъ преступникѣ, къ детерминистическому взгляду на преступность. Защитники этихъ ученій не договариваютъ, какъ сдѣлалъ это Ломброзо, но суть та-же; всякая борьба съ преступностью, при такихъ условіяхъ, невозможна,—я говорю о преступности настоящей, а не будущаго. Конечно, эти ученія допускаютъ, что если мы совершенно измѣнимъ, съ фундамента и до верху, весь строй современной человѣческой жизни и не только соціальной, но всѣ условія жизни—и скученность въ городахъ, и всѣ вредныя условія этой жизни, вызывающія излишнюю нервность, быстроту,

напряженность этой жизни, да и много другихъ условій—и подготовимъ черезъ нѣсколько поколѣній другія поколѣнія, болѣе здоровыя физически, тогда, можетъ быть, картина измѣнится, но для настоящаго времени, въ сущности, логически исходя изъ ихъ воззрѣній, слѣдуетъ отказаться не только отъ репрессіи, но и отъ превенціи, и, передавъ все въ руки врачей, заняться лѣченіемъ больныхъ, неизлечимыхъ въ сущности. Что можетъ быть печальнѣе этой картины съ точки зрѣнія самыхъ скромныхъ культурныхъ требованій,—я не говорю уже съ точки зрѣнія здравой уголовной политики? Да, эти ученія менѣе рѣзки, чѣмъ ученіе Ломброзо, которое въ его крайностяхъ было такъ легко опровергнуть, но, въ сущности, для выводовъ, къ которымъ приходятъ эти ученія, въ наукѣ пока такъ же мало данныхъ, какъ и для ученія Ломброзо.

Въ самомъ дѣлѣ, все, что касается до выводовъ о неполной вмѣняемости психической наталкивается на полное отсутствіе пока сколько-нибудь полныхъ и точныхъ данныхъ, какъ и въ отношеніи къ полной невмѣняемости (см. выше).

Другое положеніе, которое открыто или скрыто лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ ученій—это объясненіе преступности дегенераціею, вырожденіемъ. Но связи преступности съ вырожденіемъ защитники этихъ ученій ничѣмъ не доказали, а между тѣмъ самое явленіе вырожденія подвергается серьезному и ближайшему изученію современныхъ ученыхъ. И эти ученые [1]) утверждаютъ на основаніи очень обширныхъ и многочисленныхъ наблюденій, что прискорбное явленіе вырожденія въ такой чрезвычайной степени распространено въ современномъ человѣчествѣ, что только 3% всего населенія оказываются свободными отъ всякихъ признаковъ вырожденія. Какъ-же можно ставить въ причинную связь столь распространенное явленіе, поражающее почти все человѣчество, или по крайней мѣрѣ 97% его, съ явленіемъ, которое все таки пока поражаетъ не болѣе 2% (въ среднемъ) этого населенія. Это, конечно, выводъ научно, позитивно, необоснованный.

Точно такъ-же не являются научно обоснованными и столь

---

[1]) Ср., напримѣръ, *Naecke*, Verbrechen beim Weibe и др.

детерминистическіе взгляды на дѣйствія преступника. Наука отвергаетъ свободную волю, но точно такъ-же большинство современныхъ психіатровъ отвергаетъ и взглядъ на человѣка, какъ на автомата, какъ на простое орудіе исполненія похотей и стремленій своей физической природы.

Наконецъ, эти ученія напрашиваются на возраженія весьма аналогичныя тѣмъ, которыя предъявлялись по поводу гипотезы объ атавизмѣ. Какъ гипотеза объ атавизмѣ, въ сущности, отвергаетъ неопровержимую научную аксіому объ эволюціи и вообще, и въ частности въ области запрещаемаго и въ области самой преступности, такъ и ученія о дегенераціи и психическихъ заболѣваніяхъ—явленіяхъ, во всякомъ случаѣ, новѣйшаго времени, оставляютъ безъ отвѣта вопросъ, почему-же совершались преступленія и прежде, когда о вырожденіи говорить было во всякомъ случаѣ нельзя.

Въ русской литературѣ имѣются видные представители этого направленія.

Конечно, первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ Д. А. Дрилю, пользующемуся большимъ и заслуженнымъ уваженіемъ и въ иностранной литературѣ. Въ рядѣ своихъ трудовъ: „Малолѣтніе преступники“, „Преступность и преступники“ и „Психофизическіе типы“, онъ несомнѣнно много вложилъ своего и, конечно, эти труды составляютъ цѣнный вкладъ въ ученіе о личныхъ факторахъ преступности. Но основныя его воззрѣнія все-же имѣютъ чисто детерминистическій характеръ, что подтвердилось и при обсужденіи недавняго его доклада въ Криминологической секціи Психоневрологическаго Института.

Причины преступности онъ въ своихъ трудахъ раздѣляетъ на: 1) ближайшія, непосредственныя, коренящіяся въ порочностяхъ (аномаліяхъ) психофизической организаціи преступника; 2) на болѣе отдаленныя или посредственныя, заключающіяся въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ (главнымъ образомъ, соціальномъ строѣ), подъ вліяніемъ котораго вырабатываются первыя, и 3) на предрасполагающія, подъ вліяніемъ которыхъ дурно уравновѣшенныя натуры наталкиваются на совершеніе преступленій.

Уже изъ этихъ положеній необходимо сдѣлать выводъ, совершенно, казалось бы, отвѣчающій общимъ взглядамъ

автора, т.-е., что какъ бы ни были неблагопріятны внѣшнія условія, они сами по себѣ не могутъ, вліяя на экономическое и соціальное положенія человѣка, разрушая постепенно въ немъ всѣ нравственные устои и даже самое пониманіе значенія чести и уваженія другихъ, довести его до преступленія. Нѣтъ, эти внѣшнія причины прежде должны испортить его психофизическую организацію, сдѣлать его физически неизлѣчимымъ, и только тогда онъ дѣлается преступникомъ. Такъ какъ, очевидно, такъ быстро эти причины не дѣйствуютъ, то, значитъ, надо допустить, что только слѣдующее поколѣніе—дѣти такихъ лицъ, поставленныхъ въ неблагопріятныя условія—могутъ явиться преступниками. Дѣйствительность, устанавливаемая статистическими данными, этого не подтверждаетъ.

Правда, эти внѣшнія причины дѣйствуютъ не моментально; напрасно было бы думать, что плохой урожай создаетъ сразу преступниковъ, но онъ, дѣйствительно, создаетъ преступниковъ изъ тѣхъ, которые, находясь многіе годы подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, дошли до того соціальнаго и нравственнаго состоянія, при которомъ совершеніе преступленія является не катастрофой, а эпизодомъ. Для этого не нужно измѣненія самой физической организаціи дѣятеля, или второго поколѣнія. Заброшенность, отсутствіе нравственнаго надзора и физическаго попеченія о дѣтяхъ и безъ всякой психофизической порочности объясняетъ дѣтскую преступность.

Но что это такое, эта психофизическая порочность? Какъ указано уже выше, здѣсь нѣтъ рѣзкихъ признаковъ, выставляемыхъ Ломброзо. „Понятіе о порочной психофизической организаціи лишь постепенно выдѣлилось изъ понятія о душевной болѣзни, какъ дальнѣйшее развитіе ученія о послѣдней“ [1]).

Между душевно-больнымъ и порочнымъ различіе только въ степени разстройства организма.

По поводу этого опредѣленія можно замѣтить только одно, что если психіатрія въ лицѣ современныхъ лучшихъ ея представителей затрудняется указать точно грань между

---

[1]) Малолѣтніе преступники. Вып. I, стр. 17.

дѣйствительно душевно-больнымъ и душевно здоровымъ [1]), то можно ли считать *главной* причиной преступности такое неопредѣленное, переходное, положеніе?

Въ чемъ же оно проявляется—это состояніе? Въ слишкомъ легкой возбудимости душевныхъ волненій, въ особенностяхъ общихъ чувствъ, въ маломъ развитіи задерживающей силы представленій, т.-е., иначе, вліянія общихъ идей о человѣкѣ, его отношеніяхъ къ другимъ членамъ общества и т. д. Невольно напрашивается къ этому поводу вопросъ: не есть-ли это просто недостатокъ воспитанія умственнаго и нравственнаго?

Намъ говорятъ о неуравновѣшенности, — но развѣ Христосъ, Спиноза и т. д. были натурами уравновѣшенными?

Объясняютъ убійства страннымъ влеченіемъ къ крови и жестокости. Да, у умалишенныхъ,—но у здоровыхъ, дѣйствующихъ планомѣрно и цѣлесообразно?

При всемъ уваженіи къ Д. А. Дрилю, казалось бы, нельзя не признать, что указанныя положенія не могутъ служить для прочнаго обоснованія ученія о причинахъ преступности.

Другіе представители этого направленія въ русской литературѣ не создали себѣ прочнаго личнаго міросозерцанія и, въ сущности, легко впадаютъ въ чистый ломброзіонизмъ.

Такъ, П. И. Ковалевскій въ своей „Судебной психопатологіи“ и многочисленныхъ историческихъ діагнозахъ Іоанна Грознаго и др. лицъ, говоритъ, что въ основѣ преступности лежитъ вырожденіе, которое можетъ выражаться и анатомически, и біологически, и соціально (идіотизмъ, сумасшествіе преступность). Но прирожденные преступники встрѣчаются рѣдко; такимъ образомъ, значитъ, остаются только лица съ неопредѣленными признаками и, тѣмъ не менѣе, совершенно неожиданно предъявляется требованіе полнаго психіатрическаго изслѣдованія всѣхъ подсудимыхъ [2]).

Особенно рѣшительно это требованіе высказывается другимъ представителемъ тѣхъ-же ученій въ Россіи—Л. Е.

---

[1]) См. подр. мою работу „Судъ присяжныхъ и экспертиза въ въ Россіи“, въ „Собр. изслѣд“.

[2]) Судебная психопатологія, стр. 171.

Владиміровымъ, который въ своемъ „Психологическомъ изслѣдованіи въ уголовномъ судѣ“ (стр. 277) говоритъ: „Резюмируя все сказанное, мы получаемъ слѣдующіе положенія: 1) медикопсихологическое изслѣдованіе въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый не признанъ душевно-больнымъ, должно дать медико-психологичическое заключеніе о состояніи психическихъ способностей обвиняемаго и 2) вопросъ, который долженъ быть поставленъ медико-психологическому изслѣдованію, сводится къ вопросу о томъ, обладалъ-ли обвиняемый тою степенью психической сопротивляемости, какая нужна была (?!!) для того, чтобы воздержаться отъ совершенія дѣянія, составляющаго предметъ обвиненія“.

Казалось бы, и безъ всякаго изслѣдованія можно было бы отвѣтить на этотъ вопросъ „нѣтъ“, и все-таки, и даже непремѣнно перейти къ дѣйствительно научному изслѣдованію причинъ преступности и способовъ борьбы съ ними.

Какъ общій выводъ, можно повторить то-же, что уже и говорилось выше. Пока точно установленныя данныя не даютъ никакихъ основаній для подобныхъ ученій. Но именно поэтому теперь пока нельзя категорически опредѣлять удѣльный вѣсъ чисто индивидуальныхъ факторовъ, но, конечно, правильное наблюденіе и регистрированіе соотвѣтственныхъ явленій, въ порядкѣ, указанномъ въ I отдѣлѣ, совершенно необходимо для возможности хорошо обоснованныхъ научныхъ построеній въ будущемъ.

Ученіе моралистовъ.

Къ числу ученій, которыя усматриваютъ главную причину преступности въ индивидуальныхъ, заложенныхъ въ самомъ человѣкѣ свойствахъ, должно быть отнесено и ученіе моралистовъ, которые видятъ въ порчѣ нравственности отдѣльнаго индивида главную причину его наклонности къ совершенію преступленій.

Въ существѣ дѣла здѣсь много общаго, какъ это ни странно на первый взглядъ, съ ученіями другихъ ученыхъ, защищающихъ положеніе, что главная единственная причина преступности заложена во внутреннихъ свойствахъ человѣка.

Даже болѣе—индивидуалистическія ученія, начиная съ Ломброзо, брали, по крайней мѣрѣ, за основаніе всего человѣка въ цѣломъ, со всей его организаціей, со всѣми его свойствами; а вѣдь здѣсь возвращаются въ нѣсколько иномъ видѣ къ пріемамъ догматической школы. Здѣсь берутъ одно свойство человѣка—его нравственность и надо имѣть ясно въ виду, что здѣсь исходятъ не изъ общественной нравственности, какъ соціальнаго явленія, а изъ нравственности отдѣльнаго человѣка и утверждаютъ, что именно порча этой индивидуальной нравственности и есть главный факторъ преступности. Это совершенно аналогично тому, какъ догматическая школа брала за основаніе одну способность человѣка—волю и, притомъ, „злую“ и изъ нея все выводила. Въ сущности „злая воля“ и „злая нравственность“ почти, если не совсѣмъ, одно и то же. И надо, кромѣ того, имѣть въ виду, что тутъ индивидуальная нравственность берется не какъ одинъ изъ проводниковъ внѣшнихъ вліяній: не вызываютъ же они преступныхъ дѣяній, эти вліянія, непосредственно, такъ сказать, автоматически, какъ вліяютъ холодъ

и жаръ на тѣла вообще и на тѣло человѣка въ частности, которое немедленно же сжимается или расширяется; здѣсь, конечно, нуженъ проводникъ въ лицѣ всѣхъ способностей человѣка, въ томъ числѣ и его нравственности, чтобы вызвать тѣ или другія дѣйствія человѣка. Но нѣтъ,—здѣсь именно берутъ нравственность, не какъ проводникъ, а, такъ сказать, саму въ себѣ, какъ нѣчто самостоятельное, изъ себя, извнутри способное исправляться или портиться; однимъ словомъ, примѣняютъ пріемы этики.

И еще можно указать на большое сходство ученія моралистовъ съ ученіемъ, выше разсмотрѣннымъ, о дегенераціи. И тутъ и тамъ для объясненія преступности берется явленіе, неизмѣримо болѣе широкое—испорченная нравственность, которая наблюдается гораздо чаще, чѣмъ преступность.

Здѣсь, конечно, нѣтъ мѣста для подробной характеристики существующаго между преступнымъ и безнравственнымъ соотношенія и различія, но достаточно имѣть въ виду нѣсколько соображеній.

Шопенгауеръ въ своихъ „Grundlagen der Moral“ говоритъ, что о нравственности поступка судятъ по отсутствію всякихъ эгоистическихъ мотивовъ. Но эгоизмъ и злость, какъ противоположность состраданію, однако же, не преступны.

По Вундту („Ethik“) Unsittliche объединяетъ и rechtswidrige (преступное) и unmoralische (безнравственное). Нравственность дѣянія опредѣляется и по цѣлямъ и по средствамъ, а, между тѣмъ, преступное дѣяніе привлекаетъ къ себѣ вниманіе главнымъ образомъ съ точки зрѣнія средствъ.

Wulfen въ своемъ изслѣдованіи „Psychologie des Verbrechers“ различаетъ latente Kriminalität, а Варга—potentielle Verbrecher и утверждаютъ, что всякій человѣкъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ сдѣлаться даже тяжкимъ преступникомъ [1]). Все это, можетъ быть, и совершенно вѣрно, но не объясняетъ причинъ преступности, тѣхъ моментовъ и явленій, которые вызываютъ этотъ переходъ отъ латентности къ реальному дѣянію.

Вульфенъ даже даетъ особый отдѣлъ о Characterologie,

[1]) Vargha. Die Abschaffung der Strafknechtschaft, т. II, стр. 65.

пока мало содержательный; во всякомъ случаѣ, изученіе характеровъ, которое, несомнѣнно, должно быть поставлено научно, можетъ въ дальнѣйшемъ способствовать выясненію зависимости *характера* преступныхъ дѣяній отъ *характера* совершающаго таковыя.

Послѣдователи этихъ ученій, въ сущности не новыхъ, а лишь придавшихъ новую форму воззрѣніямъ и взгядамъ господствовавшимъ издавна, видятъ источникъ преступности, главнымъ образомъ, почти исключительно, въ безнравственности и порочности лицъ, впавшихъ въ преступленіе. Они разумѣется являются страстными противниками суда присяжныхъ, которому, во имя неопровержимыхъ требованій житейскаго опыта, слишкомъ часто приходится признавать, что и люди совершенно нравственные могутъ быть доведены внѣшними условіями до совершенія преступленія и что угрозою уголовной кары нельзя требовать отъ обыкновенныхъ среднихъ людей геройства. Въ числѣ наиболѣе видныхъ современныхъ представителей этихъ ученій, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, должны быть поставлены такіе глубокіе психологи и соціологи, какъ Генрихъ Жоли и Габріель Тардъ. Я высоко ставлю заслуги этихъ двухъ ученыхъ, обогатившихъ область соціологіи весьма важными ученіями. Къ такимъ ученіямъ я причисляю теорію Тарда о подражаніи, теорію Joly, раздѣляемую Тардомъ, о деклассаціи и положенія Жоли о тѣхъ нравственныхъ послѣдствіяхъ, которыя наступаютъ для лица, покидающаго свою родную среду и переселяющагося даже въ сосѣдній департаментъ, городъ, не говоря уже объ иностранномъ государствѣ. На взглядахъ этихъ ученыхъ на деклассацію и нѣкоторыхъ данныхъ, приводимыхъ Жоли о значеніи соціальныхъ условій въ вопросѣ о нравственномъ поведеніи и исправленіи, я еще остановлюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи, но я не могу не отмѣтить, что несмотря на глубокое пониманіе нѣкоторыхъ сторонъ соціологіи, оба эти ученые, въ основу ученія о преступленіи и ростѣ преступности, кладутъ чисто индивидуалистическія воззрѣнія на преступленіе, какъ на грѣхъ, порокъ.

Всѣ ихъ соціологическія соображенія служатъ только для выясненія условій, при которыхъ портится нравствен-

ность отдѣльнаго индивида. Но невольно возникаетъ вопросъ, объясняется ли этимъ не только преступность вообще, но даже и индивидуально путь, по которому человѣкъ въ отдѣльности доходитъ до преступленія.

Я приведу нѣсколько соображеній Joly въ его сочиненіи „Le crime“. Онъ утверждаетъ, что начинаютъ всегда съ порока (le vice) и потомъ переходятъ къ преступленію. Преступниковъ онъ раздѣляетъ на три категоріи (стр. 52). Во-первыхъ, натуры инертныя, т. е. такія, которыя даютъ себя увлекать безъ сопротивленія и безъ возмущенія. Во-вторыхъ, люди вспыльчивые, необдуманные, и, въ-третьихъ, люди нравственно испорченные и порочные, у которыхъ развита любовь къ удовольствіямъ, съ забвеніемъ собственнаго достоинства.

Я не оспариваю, что можетъ быть, и даже несомнѣнно, всѣ эти три категоріи нравственныхъ типовъ встрѣчаются среди преступниковъ, но онѣ несомнѣнно встрѣчаются, какъ это всѣмъ извѣстно, и, притомъ, въ громадномъ числѣ и среди людей непреступныхъ; Жоли и самъ это признаетъ 20 страницами раньше (стр. 31). Какъ-же все-таки доходятъ обыкновенные люди до преступленія? Жоли даетъ, какъ-бы въ отвѣтъ на такой вопросъ, такое опредѣленіе преступника (стр. 29): „Преступникъ это человѣкъ, который желаетъ приспособить, подчинить своимъ желаніямъ и своимъ страстямъ тѣ отношенія, которыя у него возникаютъ съ другими людьми. Но у него нѣтъ ни храбрости для борьбы законномѣрной, честной (loyale), ни терпѣнія“.

Морализируя въ томъ же направленіи въ другомъ своемъ сочиненіи „La France criminelle“ (стр. 346) и упрекая людей, доходящихъ до преступленія, въ непредусмотрительности, онъ вдругъ спохватывается и у него вырывается невольно фраза: „Но въ бѣдномъ человѣчествѣ, кто же не непредусмотрителенъ“?

Оспаривая въ соч. „Le crime“ ученіе итальянцевъ о существованіи особой разновидности человѣка „преступника“, Joly подробно и остроумно и ярко, какъ всегда, описываетъ, сколько вокругъ преступленія и преступниковъ, близко подходя къ нимъ по типу, живетъ людей, всю жизнь остающихся безнаказанными.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько въ жизни мы видимъ лжи,

этого худшаго порока, и какъ мало людей отъ нея воздерживаются? Сколько существуетъ людей, признающихъ однѣ грубыя чувственныя страсти, разоряющихся въ конецъ или умудряющихся пріобрѣтать средства для удовлетворенія своихъ похотей и, однако же, не совершившихъ ни одного караемаго закономъ преступленія? Сколько въ жизни имѣется людей неприспособленныхъ? Быть можетъ, для развитія и возвышенія нравственнаго и умственнаго уровня всего человѣчества ихъ даже слишкомъ мало? Жоли не останавливаютъ даже приведенные имъ примѣры Іисуса Христа, христіанскихъ мучениковъ, Сократа и д.: онъ просто ихъ считаетъ victimes de criminalité collective, самъ не замѣчая того, что вовсе упуская изъ виду вліяніе внѣшнихъ, не индивидуальныхъ, факторовъ преступности, упуская изъ виду вину, въ смыслѣ понятія причинности, самого общества, въ совершающихся въ его средѣ преступленіяхъ, онъ, сразу же, забывая о допускаемой имъ непослѣдовательности, сажаетъ это общество на скамью подсудимыхъ только потому, что нелѣпо же, въ самомъ дѣлѣ, признать Христа и Сократа безнравственными, хотя, можетъ быть, они съ точки зрѣнія юридической того времени, а можетъ быть и нашего, при извѣстномъ политическомъ строѣ были бы преступниками.

Возможно-ли, вообще, ставить на счетъ только однимъ нравственнымъ наклонностямъ человѣка воздержаніе или невоздержаніе отъ того или другого дѣйствія? А разумный эгоизмъ, ничего не имѣющій общаго съ нравственностью и ею строго осуждаемый,—какая это громадная, рѣшающая сила въ области практической дѣятельности человѣка; а преступленіе относится несомнѣнно къ этому виду человѣческой дѣятельности. Для поясненія, въ какой мѣрѣ внѣшнія условія имѣютъ громадное значеніе въ опредѣленіи характера и закономѣрности дѣйствій человѣка, я приведу несомнѣнно весьма дерзкій примѣръ.

Наши дореформенные суды прославились своими непорядками, волокитою, обманами, беззаконностью и взяточничествомъ. Новые суды внушили себѣ уваженіе всего народа, даже реакціонеры говорятъ судебнымъ дѣятелямъ: „у васъ служитъ все чистая публика“ (подлинныя слова одного

извѣстнаго реакціонера). Что же—судебная реформа 1864 г. произвела перерожденіе людей, отлила ихъ по новому патрону? Я горжусь своимъ многолѣтнимъ участіемъ въ судебной дѣятельности, я высоко ставлю многихъ судебныхъ дѣятелей. Но развѣ можно безъ натяжки сказать, что всѣ тысячи современныхъ судебныхъ дѣятелей—перлы, выдающіеся образчики нравственныхъ типовъ? Несомнѣнно, что громадная масса — самые обыкновенные люди, не хуже, но въ большинствѣ и не лучше нашихъ предковъ. А разница, главнымъ образомъ, въ томъ, что были созданы новыя условія дѣятельности, при которыхъ большинство прежнихъ безаконій просто неосуществимо. Такъ широко, многообразно и всесторонне поставленъ контроль и другихъ судебныхъ дѣятелей и высшаго кассаціоннаго суда и близкихъ товарищей, а главное и самого общества, такъ все учрежденіе и порядки проникнуты, уже въ силу закона, духомъ чести, честности и человѣческаго достоинства, что все идетъ безукоризненно хорошо. А если пойти по пути морализированія и забираться въ душу, въ инстинкты и побужденія каждаго въ отдѣльности, мало-ли до чего можно дойти. Вѣдь дошелъ же Толстой въ „Воскресеніи“ до своей картины отправленія у насъ правосудія!

Б. Внѣшніе факторы.

На границѣ между чисто индивидуальными и чисто внѣшними факторами находится вліяніе климата. Это вліяніе само по себѣ внѣшнее, но проявляется оно большею частью не непосредственно, а черезъ вліяніе расы, а это послѣднее вліяніе, конечно, должно быть отнесено къ числу біологическихъ индивидуальныхъ факторовъ.

Здѣсь можно отмѣтить, напримѣръ, разницу въ числѣ убійствъ, совершаемыхъ среди разныхъ расъ, живущихъ въ разныхъ климатахъ. Такъ, въ то время, какъ у сѣверныхъ народовъ на 100.000 населенія приходится ежегодно одно и менѣе убійствъ, въ Испаніи на то же число населенія совершается 4, а въ Италіи даже 6,6. Но тутъ же и на этомъ, повидимому, очевидномъ вліяніи климата, болѣе жаркаго, болѣе возбуждающаго и раздражающаго нервы, мы встрѣчаемся со сплетеніемъ съ другими факторами.

Такъ, въ той же Италіи, послѣ отмѣны смертной казни, благодаря уложенію 1890 г., отмѣнѣ, имѣвшей послѣдствіемъ, какъ и вездѣ, нѣкоторое смягченіе нравовъ, число убійствъ уменьшается, а вѣдь климатъ остается тотъ же.

Болѣе рискованный примѣръ приводитъ Ломброзо въ своемъ „Преступленіи“. Онъ привелъ въ связь съ вліяніемъ климата и расы число революцій, совершающихся у разныхъ народовъ, причемъ, по его вычисленіямъ, въ Греціи за извѣстный промежутокъ времени пришлось 95 бунтовъ на каждые 10.000 человѣкъ, а въ Россіи всего 0,8; очевидно у насъ за послѣднее время климатъ сталъ теплѣе.

Приводятъ въ связь съ вліяніемъ климата и временъ года и наклонность къ совершенію тѣхъ или иныхъ преступленій. Такъ, не говоря о прежнихъ изслѣдованіяхъ по

этому вопросу, нашъ статистикъ Е. Н. Тарновскій [1]) пришелъ къ заключенію, что преступленія противъ личности за мѣсяцы январь—мартъ составляютъ 66—83, а за мѣсяцы іюль — августъ 113—122 на то же число населенія, а, наоборотъ, преступленія имущественныя въ янв.—мартѣ 91—105, а за то въ іюнѣ — августѣ 85—89. И тутъ, конечно, и еще болѣе, мы имѣемъ дѣло со сплетеніемъ разныхъ факторовъ; если еще вліяніе климата, температуры воздуха на степень возбуждаемости человѣка въ преступленіяхъ противъ личности можетъ быть признано до извѣстной степени посредственнымъ, то въ отношеніи преступленій противъ имущества тутъ, очевидно, привходитъ и еще одно условіе не посредствующее—именно дороговизна предметовъ первой необходимости и относительная степень нужды въ топливѣ, въ зависимости отъ времени года.

Вообще по поводу приведенія какого-либо явленія преступности въ связь съ какимъ-либо изъ факторовъ, необходимо имѣть въ виду въ высшей степени вѣрное положеніе Ферри [2]). Онъ говоритъ: „нельзя установить причины отдѣльнаго вида преступности или всей преступности въ цѣломъ, если не имѣть въ виду каждый изъ факторовъ въ отдѣльности и всѣхъ въ совокупности; ибо если мы и можемъ мысленно, въ цѣляхъ изслѣдованія, разсматривать каждый факторъ и его вліяніе въ отдѣльности, то въ дѣйствительности они дѣйствуютъ всегда одновременно и представляютъ собою такое неразрушимое сцѣпленіе, при наличности котораго дѣйствіе всѣхъ ихъ необходимо для появленія преступнаго дѣянія“. Это замѣчаніе относится, конечно, не къ однимъ внѣшнимъ факторамъ, а ко всей совокупности факторовъ, какъ индивидуальныхъ, такъ и внѣшнихъ.

Мало того,—чѣмъ болѣе углубляться въ изученіе факторовъ преступности и характера ихъ вліянія, тѣмъ болѣе приходится убѣждаться, что изъ всей массы факторовъ, нѣкоторые для даннаго явленія представляются непосредственными, другіе только вызывающими эти непосредствен-

---

[1]) Журн. Мин. Юст., 1903.

[2]) Sociologie criminelle, p. 211.

ные факторы, при чемъ роли мѣняются для разныхъ преступленій и при разныхъ условіяхъ. Если при изученіи личныхъ факторовъ неоднократно указывалось, что человѣкъ не является автоматомъ, простой пѣшкой во власти этихъ факторовъ, то въ не меньшей—если не большей—степени это должно быть отмѣчено для факторовъ внѣшнихъ, которые всѣ дѣйствуютъ не немедленно и всѣ при посредствѣ личныхъ факторовъ.

Факторы экономическіе.

Изъ внѣшнихъ факторовъ больше всего привлекали къ себѣ во всѣ времена вниманіе факторы экономическіе. Литература вопроса такъ велика, что Ванъ-Канъ [1]) могъ написать обширное изслѣдованіе, обозрѣвающее эту литературу. Въ существѣ дѣла, однако, это вниманіе объясняется не столько удѣльнымъ вѣсомъ, значеніемъ этихъ факторовъ, сколько другимъ обстоятельствомъ. Въ то время какъ факторы, физическіе и соціальные, мѣняются крайне медленно и потому вліяніе ихъ, въ дѣйствительности (въ особенности вторыхъ) громадное, остается какъ бы скрытымъ, факторы экономическіе — вспомнимъ, напримѣръ, урожай или неурожай хлѣбовъ, винограда и другихъ продуктовъ, спросъ и сбытъ и т. д.—мѣняются крайне быстро и, проявляя свое вліяніе скорѣе въ повышеніи и пониженіи волны преступности, чѣмъ въ вызовѣ самой преступности въ качествѣ основной ея причины, несомнѣнно, рѣзко бросаются въ глаза.

Подъ экономическими факторами имѣютъ въ виду какъ бѣдность и рядъ условій, вызывающихъ таковую, усиливающихъ и уменьшающихъ, такъ и другую противоположность—роскошь, ибо роскошь оказываетъ несомнѣнно сильное вліяніе на нравы и отражается на рядѣ преступленій изъ области утонченнаго и неутонченнаго разврата и т. д. Нужно, однако, имѣть въ виду, что въ настоящій моментъ мы, памятуя указанія Ферри о связи факторовъ преступности между собою, выдѣляемъ, мысленно хотя бы, экономическіе

---

[1]) Les causes économiques de la criminalité.

факторы отъ всякой примѣси соціальныхъ факторовъ, чего въ дѣйствительности почти нѣтъ.

Въ существѣ дѣла значеніе экономическихъ факторовъ признавалось во всѣ времена: еще Платонъ въ Πολιτεία говоритъ, что, благодаря имущественному обезпеченію, мы избавляемся отъ необходимости прибѣгать къ лжи, обманамъ и насилямъ, и въ дальнѣйшей исторіи, не говоря уже о Томасѣ Морусѣ, Овенѣ, энциклопедистахъ и т. д., нѣтъ почти философа, который, удѣляя вниманіе преступности, не останавливался бы, на экономическихъ факторахъ; всѣ школы, всѣ ученые это дѣлаютъ и всѣ, смотря по углу, точкѣ зрѣнія школы, придаютъ этимъ факторамъ болѣе или менѣе сильное значеніе. Конечно, наибольшее значеніе придается этимъ факторамъ соціалистической школой, во главѣ съ Карломъ Марксомъ, Лоріа и др., а изъ криминалистовъ,—Турати, Колаяни и др. Колаяни въ своей „Sociologia criminale“ находитъ, что главный факторъ, первопричина всѣхъ явленій соціальныхъ, политическихъ, религіозныхъ, эстетическихъ и моральныхъ—это факторъ экономическій. Бѣдность вызываетъ и проституцію, и дѣтоубійство, и бродяжество, и рядъ другихъ преступленій. Конечно, другія школы придаютъ меньшее значеніе экономическому фактору, но только одинъ Гарофало, въ связи съ общими началами своего ученія, отвергаетъ всякое значеніе за экономическими факторами. Въ сущности, однако, его доводы мало обоснованы. Онъ ссылается на воспоминанія Льва Толстого по поводу народной переписи, который встрѣтилъ во время переписи только одну женщину, которая два дня не ѣла. Но тотъ же Толстой констатируетъ наличность 20.000 человѣкъ, которые не имѣютъ возможности предохранить себя отъ холода и голода. Гарофало говоритъ далѣе, что хотя, дѣйствительно, въ Италіи изъ 100 совершившихъ преступленіе 83—пролетаріи, но, будто бы, и все итальянское населеніе такъ же раздѣляется. Другой итальянецъ Марро утверждаетъ, однако, что въ итальянскомъ народѣ 60% нуждающихся и 40% богатыхъ.

Варга (н. с., т. II, стр. 293) утверждаетъ, что 89% всѣхъ преступниковъ, 94% всѣхъ воровъ, 79% всѣхъ мошенниковъ не имѣютъ рѣшительно никакого имущества. Для

выясненія значенія приводимой Варга цифры относительно воровъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что болѣе 30% всей массы преступленій составляютъ именно кражи (Варга даже утверждаетъ, что 50%). Интересное подтвержденіе значенія экономическихъ факторовъ преступности даетъ англійская статистика. Тюремное населеніе Англіи, понижавшееся до 1893 г., стало быстро расти съ этого года. Если обратиться къ даннымъ англійской статистики бѣдности [1]), то оказывается, что число бѣдныхъ, воспользовавшихся самою тяжелою формою помощи, принятіемъ въ дома для бѣдныхъ (indoor relief), медленно возраставшее, отставая отъ роста населенія, и увеличившееся за десятилѣтіе съ 1880 по 1890 г.г. всего на 7 тысячъ, за слѣдующее дѣсятилѣтіе съ 1890 по 1900 г.г. возросло сразу съ 187.921 на 215.377, т. е. болѣе, чѣмъ на 27 тысячъ.

Какъ иллюстрація вліянія экономическихъ факторовъ на преступность, въ прежнихъ сочиненіяхъ Штарке, Лакассань въ Archives d'antropologie criminelle (1881 г.) и др. приводились обыкновенно цѣны на хлѣбъ и параллельно число преступленій. Особенно интересно это сопоставлено въ болѣе новомъ сочиненіи Альберта Мейера въ примѣненіи, въ частности, къ швейцарскому кантону Цюрихъ [2]); здѣсь на таблицѣ VII мы видимъ, какъ линія преступленій противъ имущества слѣдуетъ неуклонно параллельно повышенію и пониженію линій, указывающихъ цѣны на предметы первой необходимости (Fruchtmittelpreise). Если вліяніе собственно цѣнъ на хлѣбъ, съ переходомъ къ промышленному строю, оказывается уже меньше, то вліяніе вообще нужды, бѣдности остается въ прежней силѣ; когда въ 1866 г. (Мейеръ, стр. 39) подъ вліяніемъ сильнаго экономическаго кризиса въ кантонѣ Цюрихъ сильно увеличилось число преступленій противъ имущества, то была организована въ большихъ размѣрахъ помощь бѣднымъ и даже просто кормленіе голодающихъ, и число преступленій уменьшилось, а когда въ слѣдующемъ году наступило значительное улуч-

---

[1]) Charles *Henderson*. Modern Methods of Charities, 1904, p. 190.

[2]) Albert *Meyer*. Die Verbrechen in ihrem Zusammenhang mit den wirthschaftlichen und socialen Verhältnissen, 1895.

шеніе экономическаго положенія, то и число преступленій противъ имущества понизилось до нормальнаго уровня.

По поводу вліянія чисто экономическихъ факторовъ преступности, безъ всякой примѣси соціальныхъ факторовъ и другихъ, слѣдуетъ замѣтить, что уже и нынѣ большое значеніе ихъ установлено статистически и стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что горячіе защитники этого вліянія упускаютъ изъ вниманія рядъ соображеній и фактовъ, принятіе которыхъ въ разсчетъ необходимо для надлежащей оцѣнки этого вліянія.

Такъ, прежде всего несомнѣнно, что бѣдность въ чистомъ видѣ, безъ примѣси другихъ факторовъ, не вліяетъ такъ автоматически непосредственно, какъ думается защитникамъ этой точки зрѣнія. Крестьяне, сельскіе жители, несомнѣнно очень бѣдны; однако же, они совершаютъ въ 3—4 раза меньше преступленій, чѣмъ фабричное и городское населеніе. Такъ далѣе бѣдность существовала всегда; однако же, преступность растетъ чрезвычайно именно въ наше время, и одною бѣдностью, безъ примѣси другихъ факторовъ, этого роста объяснить нельзя.

Соціальные факторы.

Статистическія данныя, помимо всякаго освѣщенія ихъ съ какой бы то ни было принципіальной—а тѣмъ болѣе односторонней—точки зрѣнія, съ неумолимою очевидностью указываютъ, что на нашихъ глазахъ происходитъ весьма грозное явленіе. Преступность, хотя и видоизмѣнилась въ своихъ формахъ, выражаясь: въ отдѣлѣ преступленій противъ личности—больше въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, чѣмъ убійствахъ, въ отдѣлѣ преступленій противъ имущества—больше въ кражахъ и обманахъ, чѣмъ разбояхъ и грабежахъ,—тѣмъ не менѣе неуклонно и постепенно увеличивается. Число преступныхъ дѣяній и число осужденныхъ не только увеличивается сообразно съ увеличеніемъ и ростомъ населенія, но значительно и быстро перегоняетъ его. Такъ какъ это явленіе наблюдается уже, хотя и съ нѣкоторыми колебаніями вверхъ и внизъ, около столѣтія, то устраняется всякая возможность считать его временнымъ. Съ другой стороны, при такихъ условіяхъ и въ такой формѣ нельзя причислить вопросъ о ростѣ преступности къ числу тѣхъ вѣчныхъ, роковыхъ вопросовъ, вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе которыхъ очевидно не дано человѣчеству. Это не вопросъ о томъ, почему порокъ и преступленіе всегда были и, вѣроятно, и будутъ всегда среди людей. Это вопросъ, если можно сказать, далеко не такой отвлеченный, болѣе реальный, чѣмъ философскій вопросъ, съ которымъ человѣчеству необходимо и посчитаться и надъ разрѣшеніемъ котораго практически необходимо поработать. Какъ бы ни смотрѣть на отношеніе права и нравственности, какихъ бы воззрѣній ни быть по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ преступность

даннаго народа является достовѣрнымъ указателемъ степени его порочности (Эттингенъ, Моральная статистика и др.), во всякомъ случаѣ отмѣченный чрезвычайный, обгоняющій ростъ населенія, ростъ преступности во всѣхъ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ указываетъ, несомнѣнно, и на быстро растущую деморализацію. Съ такимъ грознымъ явленіемъ человѣчеству современному надо посчитаться. Если знаменитый американскій политико-экономъ Генри Джорджъ въ своемъ сочиненіи „Прогрессъ и бѣдность“ (кн. X Law of human progress), послѣ глубокаго и всесторонняго изученія и сравненія различныхъ цивилизацій, пережитыхъ человѣчествомъ, пришелъ къ заключенію, что и современная цивилизація погибнетъ какъ предыдущія, если не разрѣшитъ соціальнаго вопроса, то тоже самое можно и съ равнымъ основаніемъ сказать и въ отношеніи вопроса о непомѣрномъ увеличеніи преступности, указывающемъ на чрезвычайную и быстро растущую деморализацію.

Едва-ли поэтому къ этому явленію можно отнестись такъ философски спокойно, какъ глава итальянской школы Ломброзо, который въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій [1]) отмѣчаетъ, что „цивилизація не можетъ привести ни къ чему другому, какъ къ измѣненію характера преступности и, быть можетъ, увеличенію числа преступленій и что это фактъ вполнѣ понятный, какъ бы тяжело ни было въ немъ сознаться“; нельзя также удовольствоваться и заявленіемъ Ферри [2]), что цивилизація, какъ и варварство, имѣетъ свою преступность, ей именно свойственную. Г. Тардъ въ „Philosophie penale“ послѣ продолжительныхъ разсужденій, весьма мало убѣдительныхъ и не исчерпывающихъ самую сущность вопроса, приходитъ къ заключенію, что ростъ преступности указываетъ, что цивилизація еще не установилась; когда же цивилизація достигнетъ полнаго развитія и вполнѣ охватитъ человѣчество, ростъ преступности остановится.

Это, во всякомъ случаѣ, совершенно гадательное утѣшеніе,

---

[1]) Cesare Lombroso. Le crime, causes et remedes, 1899, p. 64.

[2]) Enrico Ferri. La sociologie criminelle, фр. пер., 1905, p. 196.

въ вѣроятности котораго не представлено никакихъ доказательствъ.

Еще менѣе можно присоединиться къ теоріи Полетти [1]), подвергнувшейся въ свое время столь заслуженной критикѣ. Теорія эта вовсе не вытекаетъ изъ разсужденій автора въ другихъ частяхъ его сочиненія. Авторъ безъ всякихъ доводовъ и соображеній предлагаетъ (стр. 76) принять на вѣру, что соціальная энергія, дѣятельность (l'attivita sociale) развивается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: съ одной стороны—какъ производительная, управляющая, сохраняющая, моральная и правовая, а съ другой—какъ разрушительная, непроизводительная, безнравственная и преступная. Обращаясь къ статистическимъ даннымъ по исторіи Франціи за время съ 1826—1878 г.г., авторъ находитъ, что вывозъ и ввозъ товаровъ во Франціи за это время увеличился въ пропорціи со 100 на 700, производительность и податная сила увеличились со 100 на 300, а преступность повысилась съ 200 на 254. Такимъ образомъ, положительная сторона соціальной дѣятельности получила большее развитіе, чѣмъ преступная и, слѣдовательно, все обстоитъ благополучно, и можно надѣяться, что, благодаря результатамъ положительной дѣятельности, отрицательная будетъ остановлена въ своемъ развитіи. Какъ извѣстно, предсказаніе не сбылось, ростъ производительности во Франціи сильно замедлился, а преступность все продолжаетъ расти.

Вліяніе соціальныхъ условій мы видѣли уже выше, въ главѣ о ростѣ преступности; подъ вліяніемъ общаго хода цивилизаціи и связанныхъ съ нею условій общежитія, формы преступности мѣняются, убійства уменьшаются, но увеличивается число тѣлесныхъ поврежденій и личныхъ оскорбленій; грубые разбои, нападенія, совершавшіеся прежде въ лѣсахъ и на большихъ дорогахъ, становятся невозможными. Умственное развитіе и коммерческіе обороты способствуютъ переходу отъ немудренаго преступленія кражи къ болѣе тонкимъ обманамъ, злостнымъ банкротствамъ т. д.

Въ числѣ соціальныхъ факторовъ преступности Г. Тардъ

[1]) Francesco Poletti. Il sentimento nella scienza del diritto penale 1882, гл. VIII, Di una legge empirica della criminalita, p. 69—93.

въ своихъ двухъ сочиненіяхъ, особенно извѣстныхъ „La criminalité comparée“ и „La philosophie pénale“ (послѣднее сочиненіе, какъ примѣненіе къ выясненію соціальнаго явленія преступности его обще-философскаго ученія, изложеннаго въ сочиненіи „Les lois d'imitation“) указываетъ и придаетъ особенное значеніе наклонности человѣчества къ подражанію и обращенію преступленія въ ремесло, какъ-бы въ особое производство, наряду съ другими.

Что касается до перваго фактора, то вліяніе его Тардъ преувеличиваетъ чрезвычайно. По его мнѣнію, вся цивилизація въ хорошихъ и дурныхъ ея сторонахъ распространялась путемъ подражанія. Въ частности, что касается до преступленій, то, какъ заключаетъ Тардъ, достаточно, чтобы въ одномъ городѣ обманутая женщина вылила на невѣрнаго любовника сѣрной кислоты и объ этомъ было сообщено въ газетахъ, чтобы вслѣдъ за этимъ цѣлый рядъ женщинъ въ разныхъ сторонахъ Франціи поступили бы такъ-же. Но достаточно-ли этого примѣра, можетъ быть и вполнѣ правильнаго, чтобы дѣлать общіе выводы. А общее заключеніе Тарда таково, что нынѣ совершаемыя преступленія, нападенія, даже разбои, всякія половыя и другія насилія, безграничное пьянство, съ сопровождающими его буйствами, все это характеризовало въ прежніе вѣка нравы высшихъ сословій и постепенно, путемъ подражанія, перешло къ низшимъ, и въ то время какъ высшіе классы, благодаря культурѣ, освободились отъ этихъ недостатковъ, низшіе, какъ менѣе культурные, предаются имъ. Въ послѣднее время, взамѣнъ знати, законодателями моды стали города, а въ области созданія вредныхъ и безнравственныхъ примѣровъ они имѣютъ громадное значеніе. Касаясь даже преступности въ департаментѣ Herault, гдѣ съ неимовѣрною быстротою развилась промышленность и люди случайно и неожиданно достигаютъ громадныхъ богатствъ, Тардъ и тутъ находитъ подтвержденіе своей теоріи. По мнѣнію его, такія внезапно разбогатѣвшія лица, выбитыя изъ своей нормальной колеи, отправляются въ Парижъ, какъ городъ, который манитъ всѣхъ французовъ, и тамъ окончательно развращаются [1]).

[1]) „Philosophie pénale“, 346.

Тардъ доходитъ до такой крайности, что стремится объяснить наклонность жителей Корсики къ убійствамъ тѣмъ, что къ нимъ какъ-нибудь случайно, какъ вредный „микробъ", былъ занесенъ вредный примѣръ [1]). Казалось бы, въ данномъ случаѣ не можетъ быть сомнѣній въ вліяніи совсѣмъ другихъ факторовъ: климата, расы и отсталости культуры.

Что касается до обращенія преступленій въ ремесло, то Тарду (особенно подробно въ „La criminalité comparée") представляется, что преступленіе обратилось въ ремесло, такъ какъ занятіе преступленіемъ, какъ ремесломъ, стало особенно выгодно, благодаря скопленію современнымъ человѣчествомъ огромныхъ богатствъ. Ему кажется даже, что преступники чуть-ли не организовались въ особые цехи. При этомъ, однако, почтенный ученый забываетъ о процвѣтаніи въ прежнее время всякихъ maffia и тому подобныхъ единеній, дѣятельность которыхъ стала невозможной при современной организаціи полиціи.

Всѣ эти объясненія, однако, очевидно недостаточны. Несомнѣнно, чрезвычайный ростъ преступности за истекшее столѣтіе, ростъ непрекращающійся, а, наоборотъ, все дѣлающійся болѣе усиленнымъ, указываетъ на громадный переворотъ, совершившійся въ строѣ цивилизованныхъ государствъ. И такой громадный переворотъ, какъ извѣстно, дѣйствительно совершился. Вмѣстѣ съ политическимъ переворотомъ, начавшимся съ французской революціей, совершился и соціальный переворотъ. Средневѣковой строй, при которомъ личность была прикрѣплена къ мѣсту, къ союзу и корпораціи, къ опредѣленному занятію, гдѣ была исключена всякая конкурренція, гдѣ производство было ограничено и, по самымъ техническимъ условіямъ, давало вполнѣ возможность такого ограниченія, замѣнился строемъ индустріальнымъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, съ полнымъ освобожденіемъ личности отъ всякихъ стѣсненій. Всѣмъ силамъ личнымъ, индивидуальнымъ и общимъ, дана была полная свобода развиваться во всю ширь и отдаваться вполнѣ свободному, ничѣмъ не стѣсняемому, соревнованію. Въ частности, въ области производства, это выразилось въ

[1]) Philosophie pénale, p. 371.

громадномъ ростѣ производства фабричнаго, въ колосальномъ ростѣ капиталовъ и того, что Адамъ Смитъ называлъ народнымъ богатствомъ, ростѣ городовъ, куда стекались и крупнѣйшіе капиталы, гдѣ основывались крупныя фабрики, за которыми потянулось въ городъ и деревенское населеніе. Какъ общій выводъ и какъ главная характеристическая черта новаго періода, въ смыслѣ соціальномъ, личность была предоставлена собственнымъ силамъ,—ни помощи ни надзора.

Вполнѣ естественно между этими двумя самыми выдающимися соціальными явленіями, одновременно и вполнѣ паралельно развивающимися, допустить внутреннее соотношеніе и даже причинную связь.

Разумѣется, всякое подобное предположеніе не лишено произвольности,—въ области соціальныхъ наукъ невозможна провѣрка гипотезы опытнымъ путемъ. Но изученіе современнаго строя соціальнаго и всѣхъ его особенностей, а главное—вліянія этого строя на положеніе той единичной личности, которая и является, въ концѣ концовъ, физическимъ виновникомъ преступности привело уже къ вполнѣ опредѣленнымъ, широко обоснованнымъ выводамъ.

Только по выясненіи во всемъ объемѣ значенія этого соціальнаго явленія для преступности, представится возможность сдѣлать выводы о главномъ источникѣ современной преступности, о томъ измѣненіи соціальныхъ и индивидуальныхъ факторовъ, противъ котораго слѣдуетъ вести борьбу, и, очевидно, только послѣ этого возможно будетъ остановиться и на средствахъ, пригодныхъ для этой борьбы, и на роли, которая не только выпадаетъ при данныхъ условіяхъ на долю новой силы, выступившей на борьбу съ преступностью—общества, но которую само общество, инстинктивно опередя и науку и законодателя, уже въ широкомъ размѣрѣ выполняетъ.

Самъ по себѣ индустріализмъ—явленіе громадное, вызвавшее колоссальную литературу, изучаемое съ различныхъ точекъ зрѣнія, всѣми отраслями политическихъ наукъ.

Выдающіяся черты, рисующія особенности этого новаго соціальнаго строя, выражаются главнымъ образомъ въ слѣдующемъ.

Прежде всего, новая эпоха дала новыя условія произ-

водства и чрезвычайно увеличила количество этихъ произведеній, увеличила то, что принято называть богатствомъ.

Артуръ Голль [1]), основываясь на данныхъ Seignobos, приводитъ слѣдующія цифры, характеризующія приблизительно ростъ богатствъ. Еще столѣтіе назадъ общая ежегодная добыча ископаемыхъ во всемъ мірѣ оцѣнивалась въ 9 милл. фунтовъ, тогда какъ въ 1880—81 годахъ эта добыча давала цѣнностей приблизительно на сумму около 210 милліоновъ фунтовъ ежегодно. Ростъ количества мануфактурныхъ произведеній еще больше. Въ 1880 г. цѣнность всѣхъ такого рода произведеній, изготовленныхъ въ Европѣ и Сѣверо-Американскихъ штатахъ, выражалась въ суммѣ 650 милл. фунтовъ стерл., а въ 1888 г. изготовлено было такихъ произведеній на сумму 4 милліарда 618 милліоновъ фунтовъ!!! Но это грандіозное усиленіе производства, не касаясь уже вопроса о распредѣленіи добытыхъ богатствъ, принесло громадныя бѣдствія большей части населенія цивилизованныхъ государствъ. Какъ справедливо заключаетъ по этому поводу Августъ Кауферъ [2]), большинство смотритъ съ непродуманнымъ восхищеніемъ на эти безпорядочныя превращенія производства и видитъ въ нихъ счастливый и необходимый результатъ прогресса. При этомъ вовсе не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что отсутствіе всякаго нормальнаго порядка производства, всякихъ ограниченій, съ точки зрѣнія нравственной, избытковъ производства, указываетъ на полное забвеніе точки зрѣнія соціальной и на принесеніе въ жертву производителей предметамъ производства.

Та ожесточенная, безпощадная конкурренція, которой предаются и отдѣльныя личности, и цѣлые народы, приводитъ къ эксплоатаціи мужчины, женщины, ребенка; разорительныя потрясенія въ производствѣ вызываютъ экономическіе кризисы и безработицу и, такимъ образомъ, разрушаютъ постоянство заработка, понижаютъ заработную плату и влекутъ за собою послѣдствія моральныя и соціальныя,

[1]) Arthur Cleveland Hall. Crime in its relations to social progress. 1902, стр. 279.

[2]) Exposition universelle de 1900. Congrès international d'education sociale. Auguste Kaufer. L'organisation des travailleurs, p. 228.

весьма тревожныя, разрушая семейную жизнь. Предоставленіе рабочаго своимъ собственнымъ силамъ, его мнимая свобода, ставятъ его, тѣмъ не менѣе, въ положеніе угнетенное, при которомъ ему приходится съ трудомъ бороться противъ всѣхъ соціальныхъ силъ; онъ оказывается въ полной зависимости отъ безпощаднаго закона спроса и предложенія, который ставитъ человѣка въ положеніе низшихъ существъ и, притомъ, не даетъ ему даже надежды на улучшеніе его положенія, благодаря накопленію капиталовъ, такъ какъ это плодъ усилій предыдущихъ поколѣній. Образованіе анонимныхъ обществъ, съ наемными инженерами для веденія всего дѣла во главѣ, порвало всякую связь между хозяевами и рабочими. Образовалась цѣлая пропасть между тѣми и другими, и никакое земное учрежденіе—будь то религіозное, политическое, филантропическое—не имѣетъ достаточно авторитета и вліянія, чтобы вступиться, чтобы установить извѣстныя обязанности, чтобы устранить злоупотребленія, возстановить согласіе между соціальными силами, путемъ болѣе справедливаго распредѣленія выработанныхъ богатствъ.

По вычисленіямъ проф. Геркнера [1]), во всѣхъ большихъ передовыхъ цивилизованныхъ государствахъ рабочіе, какъ особый классъ людей, вмѣстѣ со своими семьями составляютъ 25—30% всего населенія, а изъ нихъ 70%—80% если не всего состава, то способныхъ къ работѣ, являются обыкновенными наемными работниками, т. е. людьми, которые при заключеніи договора находятся въ положеніи человѣка близкаго къ банкротству. До послѣдняго времени на нихъ такъ и смотрѣли, какъ на вполнѣ зависимыхъ людей, и не допускали къ участію въ законодательствѣ.

Для характеристики условій, въ которыхъ имъ приходится работать, Геркнеръ останавливается: 1) на крайне вредныхъ условіяхъ гигіеническихъ; фабричныя зданія строятся какъ можно дешевле, тѣснѣе, лишь бы было мѣсто машинамъ; воздуха и свѣта въ этихъ зданіяхъ совершенно недостаточно, сырость — обычное явленіе; 2) продолжитель-

---

[1]) Heinrich Herkner, prof. in Zurich. Die Arbeiterfrage, 3 Aufl., 1902 г.

ность работы все увеличивается; ночная работа напролетъ вошла въ обычай въ большинствѣ производствъ, точно такъ-же какъ и воскресная; 3) привлекаются къ работѣ и женщины и дѣти, такъ что говорятъ: одни смѣняютъ другихъ въ постеляхъ и послѣднія не успѣваютъ остыть; 4) не слѣдуетъ забывать характера самой работы,—она до того спеціализировалась, что передъ нами не цѣлый сапожникъ, а всего $^1/_{60}$ сапожника; такая работа притупляетъ, отбиваетъ всякую охоту къ работѣ. А если еще этой каторжной работою изготовляютъ предметы пустой прихоти или предметы для введенія публики въ обманъ, тогда нравственнаго удовлетворенія отъ работы быть не можетъ; 5) самая продолжительность и напряженность работы такъ велики, что дѣтямъ не остается времени для ученья, а взрослые до того утомлены, что у нихъ не можетъ быть расположенія къ умственнымъ занятіямъ, и въ праздникъ, или свободное время, они способны только отдаваться самымъ грубымъ удовольствіямъ; 6) для того чтобы работать на фабрикѣ, надо жить по сосѣдству и платить то, что требуютъ.

Общая картина жизни работника представляется Геркнеру (н. с., стр. 31) такъ: „Если, благодаря продолжительности рабочаго времени, отецъ оставляетъ квартиру прежде даже, чѣмъ еще дѣти не проснулись, и возвращается назадъ домой тогда уже, когда маленькія дѣти легли спать; если даже и мать на такихъ же условіяхъ привлекается къ работѣ на фабрикѣ; если благодаря большому разстоянію отъ фабрики родителямъ приходится даже и обѣдать внѣ дома на фабрикѣ или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ трактирѣ; если совсѣмъ непомѣрная высота наемной платы за квартиру заставляетъ пускать жильцовъ или даже просто ночлежниковъ; если дѣти въ возрастѣ 9—12 лѣтъ уже должны зарабатывать свое содержаніе и даже больше, чѣмъ стоило ихъ содержаніе; если поэтому, и часто не безъ основанія, они считаютъ себя предметомъ эксплоатаціи со стороны родителей и оставляютъ послѣднихъ для того, чтобы вести уже ничѣмъ не стѣсняемую жизнь—тогда основѣ всего нашего общественнаго бытія, семьѣ, грозитъ растерзаніе и разрушеніе, а передъ этимъ всѣ другія неблагопріятныя послѣд-

ствія фабричной системы отступаютъ на второй планъ. Послѣдствіемъ столь неблагопріятныхъ жизненныхъ условій является вырожденіе населенія въ фабричныхъ раіонахъ. Такъ, рейнскія провинціи Германіи уже въ 1828 г. не могли дать достаточнаго контингента новобранцевъ. А въ 1886 г. въ Obersachsen Kreise Thone, среди сельскихъ рабочихъ 52% годны въ солдаты, а въ прядильныхъ мастерскихъ—5%, ткацкихъ—12%. Смертность на 10.000 среди сельскихъ рабочихъ въ разныхъ возрастахъ выражается въ цифрахъ 70, 112, 240, а среди шахтовыхъ рабочихъ 97, 196, 443. Весь этотъ новый экономической строй, создавая громадныя богатства, не обезпечиваетъ громадной массѣ, большинству населенія, не только безбѣднаго существованія, но даже постоянной работы, постояннаго заработка. Такъ, Джонъ Гобсонъ („Задачи бѣдности", 1900, пер. Лучицкой, стр. 17) указываетъ, что, напримѣръ, по свѣдѣніямъ оффиціальнаго англійскаго Board of trade, среди рабочихъ кораблестроителей, котельщиковъ, незанятыхъ было въ 1886 г.—28%, 1889 г.—$2^1/_3$%, а въ 1890 г.—89%. Въ Германіи, при переписи 1895 г., оказалось безъ работы въ іюнѣ 179.004 чел., а въ декабрѣ—533.640 чел. Наоборотъ, новый строй превращаетъ большую часть населенія не только въ безработныхъ, но и въ людей неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій.

Любопытныя данныя въ этомъ отношеніи приведены у Гармса, въ его сочиненіи о голландскихъ рабочихъ палатахъ [1]). При народной переписи въ 1899 въ Голландіи было установлено, что изъ общаго числа жителей этой страны, составляющихъ 5.103.979 душъ обоего пола, 3.173.288 не имѣютъ опредѣленныхъ занятій (Beruf, Amt, Betrieb). Какъ на характеристическую черту новаго строя и неизбѣжное, логическое, послѣдствіе привлеченія рабочихъ рукъ къ фабрикамъ и другимъ промышленнымъ капиталистическимъ производствамъ, можно указать на усиленіе городского населенія. Joly, напр., въ сочиненіи „La France criminelle", указываетъ, что городское населеніе быстро сравнивается численностью съ сельскимъ и въ 1886 г. оно составляло

[1]) Harms. Die Holländische Arbeitskammern, 1903.

уже $^1/_3$ всего населенія, а по быстротѣ роста можно предсказать, что въ 1920 г. оно сравняется съ сельскимъ.

Джонъ Гобсонъ [1]) отмѣчаетъ то же явленіе для Англіи. Въ 12 англійскихъ и 8 уэльскихъ графствахъ въ 1861 г. жило въ селахъ 37,7% населенія, а въ 1891 г. только 28,3%; почти весь естественный приростъ сельскаго населенія постепенно поглощается, по мнѣнію Гобсона, городской жизнью. Факторомъ, вызывающимъ это переселеніе, прежде всего является фабричное производство. Первое дѣйствіе машинъ,—говоритъ Гобсонъ (стр. 33 н. с.),—заключается въ доставленіи новаго и могущественнаго импульса централизующему стремленію. Уголь, какъ производитель паровой силы, требуетъ, чтобы промышленность принимала грандіозные размѣры и сосредоточивалась въ опредѣленныхъ центрахъ. Это переселеніе въ города прежде всего отражается на здоровьѣ населенія. Въ то время какъ смертность въ сельскомъ населеніи въ 1890 г. въ Англіи составляла 17,4 на 1000, въ городскомъ населеніи она достигала уже 20,9.

Этотъ новый индустріальный строй, строй свободной конкурренціи, охарактеризованный выше въ самыхъ общихъ чертахъ, создалъ новое явленіе пауперизма. Бѣдность случайная, преходящая, бѣдность физическихъ и умственныхъ инвалидовъ—калѣкъ, явленіе вѣчное. Новый строй создалъ особый классъ: излишекъ рабочихъ рукъ, изъ людей, разумѣется, менѣе ловкихъ, менѣе здоровыхъ, менѣе способныхъ, менѣе удачливыхъ, но, однако же, не инвалидовъ въ полномъ смыслѣ слова. Заработокъ на долю этихъ людей выпадаетъ рѣдко, и бѣдность въ ихъ жизни явленіе не случайное, не преходящее, а постоянное и даже часто наслѣдственное въ силу уже дегенераціи, условій, при которыхъ выростаютъ дѣти и т. д. Безнадежность пауперизма есть главная причина преступленій, по словамъ Эттингена [2]). Связывая явленіе пауперизма съ новымъ индустріальнымъ строемъ, Ванъ-Канъ между прочимъ говоритъ [3]): „Нельзя отрицать общаго улучшенія экономическаго состоянія, поскольку оно дѣйстви-

---

[1]) Джонъ Гобсонъ. Задачи бѣдности, пер. Лучицкой, 1900, стр. 50.
[2]) Moralstatistik, стр. 421.
[3]) Назв. соч., стр. 343.

тельно вызывается чрезвычайнымъ развитіемъ промышленности въ новѣйшія времена. Но это развитіе требуетъ постольку большаго числа жертвъ, поскольку оно дѣлаетъ борьбу за существованіе болѣе трудной и болѣе настойчивой. Слабые обречены на бездѣятельность и безпросвѣтное невѣжество пауперизма: новый громадный классъ былъ созданъ, онъ представляетъ настоящую опасность для общества".

Тѣхъ же двухъ явленій касается и Ферри. Въ послѣднемъ изданіи своей уголовной соціологіи онъ, между прочимъ, говоритъ [1]): „новый индустріализмъ сопровождается двумя соціальными явленіями—непостоянствомъ занятій рабочаго, который переходитъ отъ одной мастерской въ другую, изъ одной провинціи въ другую, и арміею безработныхъ, которая необходима для поддержанія заработной платы на уровнѣ, наиболѣе выгодномъ для капиталистовъ. Отсюда приходится наблюдать въ XIX столѣтіи, что передвиженія рабочихъ и крестьянъ въ предѣлахъ ихъ отечества и за границу дѣлаются все болѣе частыми и болѣе многочисленными. Безработные въ свою очередь дѣлаются тоже все болѣе многочисленными, слѣдуя за развитіемъ машиннаго производства, причемъ они являются жертвами и перепроизводства, и уменьшенія потребленія. Когда такіе безработные нѣсколько лѣтъ тому назадъ направились съ разныхъ сторонъ Сѣверной Америки на Вашингтонъ, въ числѣ до 100.000 человѣкъ,— это было какъ бы живымъ и печальнымъ показателемъ переживаемаго нами патологическаго соціальнаго явленія".

Одна изъ лучшихъ характеристикъ современнаго пауперизма, какъ явленія соціальнаго, дается Карломъ Бутсомъ въ его многотомномъ сочиненіи, посвященномъ описанію жизни и труда населенія Лондона [2]).

Бутсъ послѣдовательно изучалъ различные кварталы Лондона.

Вотъ кварталъ, напримѣръ, въ которомъ живутъ люди съ разнымъ достаткомъ. Изъ 900.000 жителей классъ А—

---

[1]) Стр. 289.

[2]) Charles Booth. Life and labour of the People of London. First Series. Poverty. 1902.

низшій, состоящій изъ лицъ, имѣющихъ, лишь изрѣдка заработокъ (occasional labourers), бродягъ и полупреступниковъ (Semi criminals) — ихъ всего 11.000. Слѣдующій классъ B—лица, имѣющія лишь *случайный* заработокъ, *очень* бѣдныя, ихъ 100.000; классъ C—перемежающійся заработокъ, 74.000; классъ D—малый, но постоянный заработокъ, 122.000; классы C и D—объединяются, однако, авторомъ опредѣленіемъ: „бѣдные“ въ отличіе отъ предыдущихъ очень бѣдныхъ; затѣмъ идутъ классы съ постояннымъ заработкомъ.

Разслѣдуя одинъ бѣднѣйшій кварталъ, въ которомъ приблизительно 303.000 населенія, онъ раздѣляетъ это населеніе на классъ бѣдныхъ—200.000 и на классъ въ 100.000 чрезвычайно бѣдныхъ (Want), изъ которыхъ извѣстный процентъ находится въ отчаянномъ положеніи (in distress). Положеніе этого второго класса въ 100.000 таково, что жизнь ихъ теплится изо-дня въ день съ кускомъ хлѣба, когда Богъ пошлетъ. „Да,—говоритъ Бутсъ (стр. 131),—они въ значительной степени непредусмотрительны, расходуя непроизводительно заработокъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на ихъ долю выпадаетъ заработокъ. Но вѣдь жизнь была бы совсѣмъ невыносима, если бы они всегда только созерцали ту пропасть паденія (destitution), на обрывѣ которой они висятъ“.

Разслѣдуя ближайшимъ образомъ бытъ 4.000 бѣднѣйшихъ жителей Лондона, Бутсъ находитъ въ числѣ ихъ только 60 завѣдомыхъ бродягъ. Большая часть, около 68%, бѣдна въ виду безработицы, неимѣнія заработка, по собственной винѣ, или вслѣдствіе соціальныхъ условій, выражающихся именно въ низкой заработной платѣ и непостоянствѣ работы. Только въ отношеніи 300 человѣкъ изъ 4.000, можно объяснить бѣдность личными пороками: пьянствомъ, неразсчетливымъ образомъ жизни и т. д. Зато, относительно 500 главъ семейства можно сказать, что ихъ бѣдность объясняется, или количествомъ дѣтей, или слабостью здоровья.

„Я думаю, - говоритъ Бутсъ (стр. 154),—что когда нибудь общество, построенное на индивидуалистическихъ началахъ, въ которыя мы такъ вѣримъ, само признаетъ себя вынужденнымъ въ собственныхъ интересахъ взять на себя заботу о

жизни тѣхъ лицъ, которыя по какой бы то ни было причинѣ не въ состояніи сами самостоятельно обезпечить себѣ существованіе, *отвѣчающее извѣстнымъ, достойнымъ человѣка условіямъ*, и общество вполнѣ въ состояніи будетъ это сдѣлать". Общество будетъ вынуждено къ тому ростомъ затратъ и расходовъ на бѣдныхъ, которые оно уже производитъ и нынѣ. Знаменитый филантропъ Сѣв. Амер. штата Мичиганъ, Рандалль приводилъ уже въ 1881 г. на страницахъ „Revue penitentiaire [1]) слѣдующія данныя для Сѣверо-Американскихъ штатовъ:

Въ	1850	насел.	23.191.876	расх.	на	бѣдн.	въ долл.	2.954.868
„	1860	„	31.443.311	„	„	„	„ „	5.445.145
„	1870	„	38.558.371	„	„	„	„ „	10.930.429

Населеніе не удвоилось, а расходы на бѣдныхъ болѣе чѣмъ утроились.

Ростъ числа нищихъ замѣчается повсюду. Такъ во Франціи въ Бордо за время съ 1860 г. по 1880 г. число нищихъ увеличилось съ 12.000 на 19.000 [2]). Болѣе близкое разслѣдованіе нищенства въ Сѣв. Американскихъ Штатахъ дало слѣдующія данныя, представленныя національному конгрессу филантропіи и тюрьмовѣдѣнія въ Буффало [3]). Изъ 27.961 случаевъ разслѣдованныхъ 22,7% должны быть признаны недостойными помощи, 40,4% нуждаются скорѣе въ работѣ, чѣмъ въ помощи, остальные 32,9% нуждаются въ помощи постоянной или временной. Вернеръ по этому поводу замѣчаетъ [4]), что если обобщить результаты этого разслѣдованія для всей страны, то окажется, что $^2/_3$ дѣйствительной или притворной нищеты (собственно нищеты) могло бы быть устранено болѣе правильной организаціей положенія о спросѣ и предложеніи труда. Значительная часть случаевъ впаденія въ нищету можетъ быть объяснена, по мнѣнію Вернера, слабостью физическаго здоровья или умственнаго развитія, переходящими часто въ настоящую болѣзнь. Физическое состояніе пауперовъ характеризуется наблюденіями

---

[1]) 1881, p. 563.

[2]) Rev. penit, 1889 p. 343. Confer. de Georges Picot.

[3]) Amos. *G. Warner*, American charities in Philantropy and economics.

[4]) Н. С. стр 30 и 40.

Іосифа Körези (Mittheilungen über individuelle Mortalität, Beobachtungen. Budapest). Körези сравнилъ продолжительность жизни 1.000 купцовъ, столькихъ же сапожниковъ и столькихъ же поденщиковъ,—послѣдній классъ граничитъ и значительною частью входитъ въ составъ пауперовъ; при этомъ оказалось, что изъ 1.000, отмѣченныхъ въ возрастѣ 25 л., купцовъ достигли 60 л. возраста—587, сапожниковъ только 376, а поденщиковъ всего 255.

Вернеръ вполнѣ присоединяется къ мнѣнію извѣстнаго автора изслѣдованія о пауперахъ (The jukes) Dugdale, что „пауперизмъ есть указаніе на слабость какого либо рода или благодаря дѣтскому или старческому возрасту или болѣзни или для женщинъ рожденію дѣтей. Наслѣдственный пауперизмъ вызывается главнымъ образомъ какою-нибудь болѣзнью и приводитъ въ концѣ концовъ къ угасанію; пауперизмъ можетъ быть опредѣленъ какъ *соціальная форма физическаго вырожденія*".

Такимъ образомъ, рядомъ съ непостоянствомъ заработка, съ тѣмъ, что предложеніе труда чрезвычайно ниже спроса на трудъ, отмѣчается невозможность работать правильно или даже вообще въ виду физической слабости или болѣзни. Для характеристики этой послѣдней причины пауперизма, приведены интересныя данныя у Адольфа Костъ, въ его сочиненіи, посвященномъ современнымъ вопросамъ [1]); на 12 милліоновъ рабочихъ около 2.600.000 заболѣваютъ ежегодно; изъ нихъ только часть получаетъ помощь, а около 700.000 предоставляется собственнымъ силамъ и средствамъ и разоряются, впадая въ долги. Кромѣ того семьи рабочихъ теряютъ ежегодно 34.000 матерей и 80.000 отцовъ,—такія семьи, которыя существуютъ только трудомъ отца или матери. Mors miseriae mater!

Что дѣлается съ дѣтьми такихъ семей? На это даютъ отвѣтъ цифры Assistanée publique во Франціи. До 1890 г. [2]) всего числилось enfants abandonnés et assistés во всей Франціи около 125.000. Уличныхъ бродягъ—дѣтей, такъ называемыхъ арабовъ улицы, до 42.000.

---

[1]) Adolphe *Coste*. Les questions sociales contemporaines. 1886.

[2]) Revue penitentiaire. 1890, p. 174.

Напрасно было-бы думать, что въ этомъ прискорбномъ фактѣ виноваты родители несчастныхъ дѣтей. Теофиль Руссель разслѣдовалъ въ 1894 г. причины, вызвавшія оставленіе на произволъ судьбы тѣхъ 542 дѣтей, которыя въ этомъ году получили помощь отъ Assistance publique, причемъ оказалось [1]), что только $^1/_5$ часть родителей этихъ несчастныхъ дѣтей можетъ быть признана indignes, около $^2/_3$ находятся въ такой нищетѣ, что не въ состояніи содержать своихъ дѣтей, 20 случаевъ смерти родителей, 58 исчезновенія родителей (просто не выяснено,—можетъ быть и умерли) и 74—пороки самихъ дѣтей.

И когда эти несчастныя дѣти доходятъ до исправительной колоніи, вотъ въ какомъ состояніи они поступаютъ; „Нужно видѣть,—говоритъ французскій адвокатъ графъ Курбъ [2]),—этихъ дѣтей, когда они поступаютъ въ колоніи исправительныя въ Лиможѣ и Безансонѣ, чтобы представить себѣ то состояніе нищеты и физическаго ослабленія, въ которомъ находятся въ особенности дѣти, поступающія изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ. Нужно окружить ихъ чисто материнскими заботами, дать имъ возможность ходить побольше на чистомъ воздухѣ, чтобы они могли справиться съ своими прирожденными недостатками. Значительное число среди нихъ—калѣки, съ атрофированными членами, рахитики, золотушные. Тѣмъ, которыя имѣютъ 10 лѣтъ отъ роду, на видъ 6. Ихъ умственное развитіе также отстало, хотя у нѣкоторыхъ развита порочная хитрость“...

Чтобы представить себѣ, до какой полной потери *человѣческихъ условій жизни* доходятъ бѣдняги, слѣдуетъ отмѣтить, что англійское законодательство вынуждено было создать новый проступокъ sleepig out, т. е. исканіе ночлега внѣ какого-бы то ни было крова на улицахъ, подъ мостами. Какъ свидѣтельствуетъ Judicial Statistics за 1902 г. (стр. 15), число лицъ осужденныхъ за это *„преступленіе“* въ 1902 г. было—9598. Не забѣгая впередъ съ ходомъ моихъ разсужденій, я и здѣсь считаю нужнымъ отмѣтить на этомъ чрезвычайно характеристическомъ примѣрѣ, до какого вырожденія, без-

---

[1]) Rev. penit. 1894, p. 839.

[2]) Rev. penit. 1890 p. 448.

смыслицы можетъ дойти уголовное законодательство, свидѣтельствуя только такими подобными мѣрами свою полную негодность въ борьбѣ съ преступностью и ея причинами. Но едва-ли лучше положеніе тѣхъ пауперовъ, которые имѣютъ еще кровъ, ночлегъ. Вотъ какъ описываетъ Альбрехтъ жилище паупера [1]). „Если жилище, въ которомъ онъ работаетъ, или которое его ожидаетъ послѣ работы, представляетъ грязную яму съ зараженнымъ воздухомъ; если въ этомъ помѣщеніи больные, исхудалые, члены семьи стонутъ, если къ тому-же онъ помѣщеніе долженъ еще дѣлить съ посторонними, грубыми, а иногда и преступными, людьми, такъ что ему прямо не остается мѣста, куда преклонить свою усталую голову,—то будетъ-ли онъ, при такихъ условіяхъ, въ такомъ помѣщеніи работать съ радостью? будетъ-ли онъ послѣ работы спѣшить домой въ такое помѣщеніе? а разъ онъ дома, то не будетъ-ли онъ стремиться оттуда уйти? Да, конечно. И куда-же онъ идетъ?—въ трактиръ, въ кабакъ, всюду, гдѣ онъ можетъ замѣнить свой негостепріемный кровъ менѣе отталкивающимъ мѣстопребываніемъ. Если мы часто въ одной квартирѣ, состоящей изъ одной комнаты, находимъ набившимися родителей, дѣтей и, кромѣ того, ночлежниковъ обоего пола, то что можно ожидать въ нравственномъ отношеніи отъ подростающаго поколѣнія? Что тутъ удивительнаго, если въ этомъ общежитіи всякое чувство стыдливости заглушается, проституція и противоестественные пороки должны быть признаны вполнѣ естественными?“ // При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что пауперизмъ влечетъ за собою и сопровождается двумя прискорбными и въ высшей степени важными въ соціальномъ отношеніи явленіями—разрушеніемъ семьи и алкоголизмомъ. /

На разрушеніе семьи, какъ на громадную соціальную язву и какъ на послѣдствіе индустріализма, указываютъ постоянно въ своихъ петиціяхъ и въ постановленіяхъ союзныхъ сами рабочіе. Такъ, рабочіе на конгрессѣ въ Тарагонѣ, въ Испаніи [2]), постановили единогласно, что через-

---

[1]) Dr. Heinrich *Albrecht.* Die Wohnungsnot in den Grosstädten und die Mittel zu ihrer Abhulfe. 1891.

[2]) *Mar. Turmann.* Le catholicisme social. 1900, p. 50.

чуръ продолжительная работа въ мастерскихъ и привлеченіе къ работѣ женъ и дѣтей рабочихъ, въ числѣ другихъ вредныхъ послѣдствій, привели и къ разрушенію семейной жизни.

Въ другомъ ходатайствѣ рабочихъ [1]) сказано: „мать, которая не имѣетъ болѣе времени заниматься своимъ ребенкомъ, оставляетъ его на попеченіе кормилицы, плохо оплачиваемой, или няньки, которая его кормитъ всякими похлебками. Благодаря этому, чрезвычайная смертность, быстро увеличивающееся вырожденіе расы, отсутствіе всякаго нравственнаго воспитанія. Дѣти 3—4 лѣтъ бродятъ по улицамъ безъ всякаго призора".

Мы видимъ, что тяжкія семейныя условія гонятъ рабочаго паупера въ кабакъ. Но тамъ онъ находитъ уже не простое вино, влекущее за собою опьяненіе,—онъ находитъ алкоголь. Алкоголь во всѣхъ его видахъ водокъ, абсентовъ, ликеровъ, вермутъ и т. д., какъ справедливо отмѣчаетъ проф. Видаль [2]),—произведеніе искусственное, содержащее, по изслѣдованію врачей, настоящіе яды. Эти яды вызываютъ конвульсіи, пораженія и разстройства нервной системы, сумасшествія, самоубійства. Но и самыя первоначальныя стадіи опьяненія уже не тѣ, что при прежнемъ винѣ: это опьяненія, вызывающія звѣрскія проявленія, пролитіе крови и т. д.

А пауперъ, чтобы, по выраженію Бутса, не засматриваться постоянно въ ту пропасть, на краю которой онъ виситъ, чтобы забыться, чтобы подбодрить себя для работы, обращается къ единственному доступному для него средству—алкоголю, и алкоголь доканчиваетъ то, что начали соціальныя условія: дегенерацію, одичаніе и т. д.

Такимъ образомъ необходимо признать, что индустріализмъ и свободная конкурренція приводятъ къ крайнему непостоянству заработка, къ пауперизму, какъ безысходной нищетѣ, съ которой не въ состояніи справиться громадныя массы народа и, притомъ, безъ всякой съ ихъ стороны вины, къ дегенераціи, какъ послѣдствію, какъ самой нищеты,

---

[1]) Тамъ-же, p. 55.

[2]) G. Vidal. L'alcoolisme devant la loi pénale. Rev. penit, 1897, p. 1.

такъ и сопровождающихъ пауперизмъ явленій: разрушенія семьи и оставленія на произволъ судьбы дѣтей и алкоголизма. Въ связи, съ индустріализмомъ стоитъ усиленіе населенія городского и пауперизмъ городского населенія. Со всѣми этими явленіями размѣры преступности стоятъ въ непосредственной связи, и эта связь отмѣчается и статистикой. Я начну съ данныхъ, приводимыхъ статистиками, и съ выводовъ, дѣлаемыхъ ими.

Мы прежде всего должны отмѣтить, что, какъ показываетъ статистика, въ тѣхъ странахъ и въ тѣхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, гдѣ развивается индустріализмъ, быстро растетъ преступность.

Такъ—мы видѣли это выше,—въ Германіи преступность растетъ особенно быстро за послѣднія 20 л., гораздо быстрѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и это явленіе и Августъ Боско въ своемъ, указанномъ выше, сочиненіи и Шель приписываютъ именно быстрому, чрезвычайному, развитію индустріализма въ Германіи. Въ глазахъ Шеля [1]) это даже является смягчающимъ обстоятельствомъ. Онъ говоритъ: „не надо думать, что увеличивается Hang nach Verbrechen, нѣтъ, виноваты внѣшнія условія роста промышленности, ростъ городовъ, густота населенія, болѣе частая, благодаря этимъ условіямъ возможность столкновеній и искушеній“.

Ближе къ вопросу подошелъ нашъ статистикъ Е. Н. Тарновскій въ своихъ изслѣдованіяхъ о движеніи преступности въ Германіи, Франціи и Англіи [2]).

Въ Германіи общая картина—увеличеніе преступности. Но если обратиться къ разсмотрѣнію роста преступности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, то оказывается, что въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ и менѣе густо населенныхъ преступность даже уменьшилась; зато въ промышленныхъ и густо населенныхъ областяхъ она увеличилась на 40% и, притомъ, принимая во вниманіе происшедшее за это время увеличеніе населенія. Въ то время, какъ кража, вообще, въ Германіи, по сравненію съ населеніемъ, уменьшилась на 5%, въ промышленныхъ провинціяхъ Рейнскихъ и Вестфаліи,

[1]) Jahrbuch f. Nationaloek. Statistik, 22 Band., стр. 123.
[2]) Журн. Мин. Юст., 1904, №№ 4 и 8.

число кражъ увеличилось на 33 — 36%; мошенничества вообще увеличились на 34%, но въ особенности въ промышленныхъ раіонахъ.

Во Франціи, въ то время какъ убійства во всей странѣ уменьшились, въ промышленныхъ раіонахъ они увеличились. Число кражъ во всей Франціи въ 1833—35 гг. на 100 тысячъ населенія составляло 46, а въ 1893—95 гг.—120, а въ промышленныхъ раіонахъ оно *учетверилось* по сравненію съ населеніемъ. Число coups et blessures въ промышленныхъ раіонахъ за время съ 1881 по 1901 гг. увеличилось съ 98 на 139 на 100 тысячъ населенія. Число дѣлъ въ промышленныхъ раіонахъ увеличилось въ то же время съ 634 на 686 на 100 тысячъ населенія. Мы уже отмѣтили выше оригинальное объясненіе Тарда параллельнаго роста преступности и промышленности (взамѣнъ погибшихъ виноградниковъ, изготовленіе „винъ изъ привозныхъ элементовъ") въ департаментѣ Herault. Joly („France criminelle", стр. 104) объясняетъ иначе. У Жоли вырывается (наз. соч., стр. 139) даже такая фраза: „чѣмъ больше поднимается благосостояніе департамента, тѣмъ больше у него преступниковъ" (только благосостояніе ли это, или увеличеніе производства и богатства?).

Въ то время, какъ, вообще, въ Англіи съ тѣми оговорками, которыя я сдѣлалъ въ главѣ о ростѣ преступности, ростъ преступности понижается, въ округѣ Glamorgan въ южномъ Уэльсѣ, наоборотъ, преступность быстро увеличилась. Въ этомъ округѣ находятся Кардифскія каменноугольныя копи. Въ 1836 — 1876 г.г. онѣ привлекли такъ много народа, что населеніе округа за это время увеличилось въ 5 разъ, тогда какъ во всей Англіи только на 100%. Въ то же время преступленія противъ личности, по разсчету на 100 тысячъ населенія, увеличились съ 5 на 25, а противъ имущества съ 7 на 199.

Въ то время какъ въ 18 графствахъ земледѣльческихъ преступность, вообще, за послѣднія 60 лѣтъ уменьшилась, въ 35 графствахъ промышленныхъ она за то же время увеличилась на 21%.

Но намъ говорятъ [1]): „это не столько ростъ промышлен-

[1]) Hall, наз. соч., стр. 332 и др.

ности, сколько переходъ отъ одного экономическаго строя къ другому, индустріальному". Такое объясненіе въ сущности сведется къ тому, что весь міръ, все переходитъ къ индустріализму, который развивается,—а когда онъ окончательно разовьется и установится, тогда и прискорбныя явленія пройдутъ. Конечно, это не болѣе, какъ ни на чемъ неосновательное гаданіе насчетъ будущаго. Но есть и другіе способы удостовѣриться статистически въ связи преступности съ индустріализмомъ. Такъ Compte general de l'administration de la justice criminelle за 1902 г. для Франціи даетъ слѣдующія данныя о распредѣленіи преступности по занятіямъ. Хотя classe agricole (Rapport, p. XXVII) составляетъ 8.524.000, т. е. почти половину de la population active de la France, тѣмъ не менѣе онъ даетъ всего 8% преступленій (crimes). Les industriels—всего 6.334.000, но они даютъ 24%, всѣхъ crimes, 8% падаетъ на occupations inconnues.

Въ Германіи земледѣльцы даютъ на 100.000 земледѣльческаго населенія 1.208 осужденныхъ за преступленія и проступки, а рабочіе и поденщики на 100.000 соотвѣтственнаго населенія—10.402 осужденныхъ, тогда какъ лица, имѣющія доходъ, представители интеллигенціи, даютъ всего 224.

Къ сожалѣнію, вполнѣ соотвѣтственныхъ данныхъ англійская статистика не содержитъ. Но въ ней мы находимъ такое указаніе [1]): въ среднемъ, за годы 1893—1902, присуждалось въ годъ къ тюремному заключенію 154.130 чел., изъ нихъ на категорію лицъ, обозначаемую подъ общею рубрикою: рабочихъ, поденщицъ и швей, падало 88.609 осужденныхъ. Въ то же время фабричныхъ рабочихъ—6.289 и особая графа Mechanic and skilled workers—21.063. Повидимому, первая категорія объединяетъ собою группу поденщиковъ. Понятно, если присчитать еще цѣлый рядъ группъ лавочниковъ, приказчиковъ и т. д.,—какъ мало останется для лицъ обезпеченныхъ и лицъ интеллигентныхъ. Но численность всѣхъ этихъ классовъ во всемъ народѣ не приведена, и повидимому, какъ видно изъ объясненій, это точно не выяснялось.

Есть и еще одинъ способъ выясненія связи индустріа-

[1]) Judicial Statistics. 1902, p. 39.

лизма съ преступностью. Мы видѣли уже выше, насколько индустріализмъ стягиваетъ населеніе къ извѣстнымъ центрамъ—къ фабрикамъ, къ городамъ. И дѣйствительно, статистика всѣхъ странъ прямо свидѣтельствуетъ о параллельномъ ростѣ преступности и густоты населенія, которые находятъ свой высшій предѣлъ въ городахъ. Ломброзо [1]) приводитъ въ этомъ отношеніи слѣдующія данныя: если мы возьмемъ наиболѣе распространенное преступленіе—кражу, то самая крупная цифра 200 на 100 тысячъ жителей получится для Германіи, 136 для Англіи, 134 для Бельгіи, для Ирландіи уже всего 91, для Испаніи 52 и т. д.

Что касается до крайняго усиленія преступности въ городахъ по сравненію съ селами, то въ этомъ отношеніи статистическихъ данныхъ такъ много [2]) и этотъ фактъ такъ повсемѣстно признанъ, что я ограничусь на выдержку приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ данныхъ: Такъ, Joly [3]) для Франціи разницу эту опредѣляетъ болѣе чѣмъ въ двойномъ размѣрѣ по разсчету на 100 тысячъ населенія: 17 для городовъ, 8 для деревень.

Въ Германіи [4]), считая городомъ поселеніе, вмѣщающее болѣе 2000 жителей, разница по разсчету на 100.000 населенія выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ городахъ 137, внѣ городовъ 98. Въ Берлинѣ эта городская преступность неизмѣримо сильнѣе. За кражи въ Берлинѣ осуждается ежегодно на 100 тысячъ населенія 323, тогда какъ во всей остальной Германіи 188 [5]).

Въ то время, какъ общій процентъ кражъ для всей Италіи, по разсчету населенія 195, въ городахъ [6]) Феррарѣ 518, Венеціи 321, Брешіи 379 и т. д.

Мы видѣли далѣе, что одной изъ типическихъ чертъ пауперизма является неимѣніе крова и опредѣленнаго мѣстажительства. Вотъ, напримѣръ, въ этомъ отношеніи цифры

---

[1]) Le crime, p. 72.

[2]) Ср. Dr. Fr. Prinzing, Sociale Faktoren der Criminalität, Zeitschr. f. d. ges. Strafrw. B. 22, p. 551.

[3]) France criminelle, S. 251.

[4]) Bosco, наз. соч., отдѣл. Германіи.

[5]) Тарновскій и Боско.

[6]) Statistica Giudizlaria penale per l'ann. 1901, p. XIII.

Joly („Fr. crim.“, p. 252): въ 1841—1851 г.г. на 1.000 обвиняемыхъ въ преступленіи было 41 sans domicile ou domicile inconnu, а въ 1889 г. уже 140. Это лучшій показатель того, что дѣлается съ сельскимъ населеніемъ, когда оно оставляетъ свои насиженныя мѣста и направляется въ города. Образуется тотъ классъ бродягъ, на страшное увеличеніе котораго такъ жалуются во всѣхъ странахъ и который даетъ, разумѣется, наибольшую преступность. Такъ по Compte general de l'administration de la justice crim. за 1880 г. въ то время какъ сельское населеніе даетъ 8 преступниковъ на 100 тысячъ, бродяги даютъ 405.

Всякіе подсчеты бродяжества и въ Европейскихъ государствахъ совершенно приблизительны, но уже приведенныя выше цифры по Голландіи о численности населенія, не имѣющаго опредѣленныхъ занятій, указываютъ на численность класса, стоящаго рядомъ и наполняющаго ряды бродягъ. Чрезвычайное усиленіе преступности среди иностранцевъ, относительно котораго приводятъ цифры и Жоли, и Ломброзо, и Тардъ, въ сущности представляетъ развѣтвленіе того же общаго явленія—оторванія населенія отъ родного крова въ деревнѣ, на родинѣ, и невозможность прочно осѣсть на новомъ мѣстѣ.

Собственно о вліяніи пауперизма, какъ бѣдности, въ качествѣ фактора преступности, я тоже уже говорилъ выше; я ограничусь здѣсь приводимыми Ломброзо [1]) цифрами для Италіи, гдѣ 56% преступниковъ—нищіе, а 32,15% имѣютъ только самое необходимое для жизни.

Я остановлюсь здѣсь на другомъ проявленіи пауперизма—на разрушеніи семьи, выражающемся въ дѣтской преступности.

Объ увеличеніи чрезвычайномъ дѣтской преступности и именно въ Германіи, гдѣ индустріализмъ такъ быстро развивается, уже сказано въ главѣ о ростѣ преступности. Тамъ же отмѣчено чрезвычайное усиленіе населенія индустріальныхъ школъ въ Англіи, что указываетъ съ несомнѣнностью на усиленіе дѣтской преступности въ Англіи. Здѣсь интересно указать, въ какой мѣрѣ это явленіе можетъ

[1]) Наз. соч., p. 159.

быть приведено въ связь съ состояніемъ семьи. Jules Joly въ интересномъ докладѣ, представленномъ имъ въ 1904 г.[1]). Société générale des prisons занялся этимъ вопросомъ и вотъ между прочимъ данныя, которыя онъ приводитъ. Изъ 4.258 принятыхъ въ 1901 г. въ colonies penitentiaires во Франціи дѣтей у 907 родители были осуждены за преступленія, у 393 родители—бродяги или проститутки; наконецъ, 1.405 неимѣли отца или матери. Эти данныя,—говоритъ Joly,—доказываютъ съ очевидностью, что главнымъ факторомъ дѣтской преступности является несостоятельность или дезорганизація семьи.

Какъ справедливо замѣтилъ на страницахъ того же журнала [2]) въ докладѣ объ особомъ народившемся видѣ патроната—семейномъ—Georges Bessière, ребенокъ вырождается потому, что низшіе классы, народныя массы, отравляются всякими искусственными препаратами алкоголя по самой дешевой цѣнѣ; ребенокъ дѣлается воромъ или бродягой, потому что необходимость обезпеченія этого куска хлѣба отвлекла отца и мать отъ семейнаго очага. Какимъ образомъ общество, которое является виновникомъ всего этого зла, могло бы возложить на семью обязанность исправленія зла, тогда какъ само же общество дѣлаетъ для семьи невозможнымъ исполненіе этой обязанности. Если главная причина дѣтской преступности въ слабости семьи, надо придти ей на помощь и потомъ уже опираться на семью.

Спутникъ пауперизма—алкоголизмъ; въ своихъ наиболѣе грубыхъ формахъ, допустимый только у людей, окончательно, благодаря нищетѣ, потерявшихъ всякое соціальное положеніе, онъ растетъ, какъ извѣстно, непомѣрно быстро. Его пришлось возвести въ самостоятельное нарушеніе—нарушеніе общественнаго приличія. Какъ показываетъ діаграмма, приведенная на стр. 16 Judicial statistics за 1902 г., въ Англіи за 10-лѣтіе, съ 1893 г. по 1902 г., число осужденныхъ за пьянство (Drunkennes) увеличилось съ 168.927 до 209.908 осужденныхъ.

Потребленіе алкоголя въ Германіи увеличилось съ 87,4 литра на жителя въ годъ въ 1878 г. до 124,1 въ 1898 г.

---

[1]) Revue penit. 1904, p. 662.

[2]) Revue penit. 1901, p. 103.

Это усиленіе потребленія, помимо того что составляетъ само уже по себѣ рядъ преступныхъ дѣяній и не только нарушенія общественнаго приличія, какъ въ Англіи, но и нарушенія обязанностей по содержанію семьи, какъ въ Норвегіи, ведетъ вполнѣ естественно къ усиленію преступленій противъ личности. Усиленіе этихъ преступленій, которое отмѣчено уже нами въ главѣ о ростѣ преступности, идетъ прямо параллельно и пропорціонально увеличенію количества потребляемаго въ той или другой мѣстности алкоголя.

Но и вообще и въ другихъ преступленіяхъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же вліяніемъ алкоголя; какъ отмѣчаетъ проф. Піонтковскій [1]), до 70% всѣхъ преступниковъ, по даннымъ разныхъ странъ, алкоголики.

Мы прослѣдили на предыдущихъ страницахъ неразрывное соотношеніе и даже прямую связь, существующія между отдѣльными проявленіями современнаго соціальнаго строя и преступностью. Эту связь не отрицаютъ даже такіе индивидуалисты-моралисты, стремящіеся видѣть причину различныхъ соціальныхъ золъ въ порокахъ и безнравственности отдѣльныхъ личностей, какъ графъ Оссонвиль. И у него послѣ обозрѣнія данныхъ современной статистики французской (въ 1890 г.), указывающихъ на осужденіе многихъ десятковъ тысячъ лицъ за нищенство, бродяжество, кражи, вырываются такія слова [2]): „Но если, дѣйствительно, желать безпристрастно оцѣнить всѣ эти статистическія данныя, то необходимо задать себѣ вопросъ, а сколько изъ этихъ многочисленныхъ осужденныхъ дошли бы до совершенія тѣхъ же преступленій, если бы они родились и были бы воспитаны въ довольствѣ? Быть можетъ, даже и одинъ на сто не дошелъ бы до этого. Но вѣдь, тотъ же самый вопросъ можетъ быть поставленъ и въ отношеніи болѣе серьезныхъ преступленій. Какъ бы ни возражали, а все-таки преступленія гораздо болѣе рѣдки среди болѣе обезпеченныхъ классовъ. Что же—это можетъ быть объяснено болѣе высокою нравственностью представителей этихъ классовъ? Да, разу-

---

[1]) Ж. М. Ю., 1903, кн. 4, стр. 1.

[2]) Socialisme et charité. 1895, p. 171.

мѣется, но это, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того, что благодаря именно условіямъ обезпеченности они родятся, растутъ и живутъ, вдали отъ тѣхъ многочисленныхъ искушеній, которыя какъ бы создаютъ благопріятныя условія для паденія бѣдныхъ. Поэтому, надо же имѣть мужество признать, что наиболѣе могущественный факторъ преступности есть все-таки нищета". Henri Joly, такой же индивидуалистъ, какъ и Оссонвиль, самъ въ сочиненіи „La France criminelle" приводитъ слѣдующій поразительный примѣръ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, есть много тысячъ заброшенныхъ, морально испорченныхъ, близкихъ къ преступленію, дѣтей. И вотъ установился обычай помѣщать этихъ дѣтей въ семьи крестьянъ департамента Nievre. Этотъ обычай держится уже давно, и многія тысячи выросли въ этихъ новыхъ условіяхъ, сдѣлались истинными гражданами, а преступность населенія этого департамента не повысилась и осталась по-прежнему весьма малой. Joly самъ по этому поводу замѣчаетъ [1]): „Развѣ это не лишнее доказательство вліянія среды и того могущественнаго воздѣйствія, которое среда, въ дурномъ или хорошемъ смыслѣ, оказываетъ на наслѣдственныя наклонности? Потокъ нравственныхъ нечистотъ, который Парижъ изливаетъ на почву департамента Nievre, тамъ всасывается, очищается, какъ воды клоакъ въ Acheres et Genevilliers".

Но если, дѣйствительно, новый экономическій и соціальный строй, выражающійся въ индустріализмѣ, въ свободной конкуренціи, въ полномъ ниспроверженіи всѣхъ узъ, оковывавшихъ личность въ средніе вѣка, такъ несомнѣнно и сильно поднялъ преступность, то не найдемъ ли мы въ характеристикѣ, въ главныхъ особенностяхъ этого строя, объясненія, *что слѣдуетъ признавать вообще главнымъ факторомъ преступности*, по крайней мѣрѣ современной, не уяснится ли тотъ путь, какимъ образомъ этотъ и другіе факторы преступности доводятъ личность до преступленія.

Въ самомъ дѣлѣ—вѣдь все-таки виновникомъ преступленія, какое бы значеніе ни придавать внѣшнимъ факторамъ преступности, всегда является отдѣльная личность. Поэтому, обрисовавъ выше и выяснивъ главныя черты новаго

[1]) France criminelle, p. 200.

экономическаго и соціальнаго строя, необходимо остановиться здѣсь на положеніи личности въ этомъ новомъ строѣ.

Выигрываетъ-ли личность при этомъ новомъ свободномъ строѣ или, лучше сказать, при этомъ строѣ свободнаго соревнованія? Извѣстный экономистъ изъ школы катедеръ-соціалистовъ Адольфъ Вагнеръ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ и указываетъ [1]), что свободная конкуренція ведетъ къ побѣдѣ недобросовѣстныхъ или даже безсовѣстныхъ элементовъ общества. При свободной конкурренціи далеко не всегда побѣждаютъ наиболѣе даровитые индивиды; рядомъ съ ними весьма часто побѣждаютъ менѣе добросовѣстные, въ которыхъ личный интересъ, не сдерживаемый болѣе никакими соображеніями, вырождается въ своекорыстіе. Благодаря такимъ условіямъ, не только менѣе совѣстливые люди становятся смѣлѣе и беззастѣнчивѣе, но и болѣе совѣстливые для огражденія своихъ нитересовъ вынуждены прибѣгать къ тѣмъ же недобросовѣстнымъ пріемамъ, и такимъ путемъ общій уровень общественной нравственности понижается.

Основная черта современнаго строя—развитіе въ личности ничѣмъ не сдерживаемаго эгоизма, господство эгоистическихъ своекорыстныхъ побужденій. Какъ говоритъ Ратцингеръ, авторъ извѣстнаго труда о церковной благотворительности [2]), современныхъ людей не раздѣляетъ болѣе вопросъ о формахъ государственнаго управленія,—его мѣсто занялъ вопросъ соціальный, который сводится къ тому, кто же побѣдитъ: духъ эгоизма или духъ самопожертвованія, будетъ-ли попрежнему общество являться ничѣмъ инымъ, какъ оборотнымъ капиталомъ для сильнѣйшаго, или настанетъ время, когда каждый будетъ посвящать свои силы на служеніе общему благу и, въ особенности, на защиту слабыхъ.

Но это свободное соревнованіе, это освобожденіе личности отъ узъ, а вмѣстѣ и отъ поддержки, приводятъ къ потря-

---

[1]) Adolf Wagner. Lehrbuch der politischen Oekonomie, 2 Aufl. 1879, S. 246.

[2]) Dr. Georg Ratzinger. Geschichte der Kirchlichen Armenpflege. 1884, S. 591.

сенію всего положенія личности,—оно становится шаткимъ, ненадежнымъ.

Сравнивая средніе вѣка съ новымъ общественнымъ строемъ, Ульгорнъ [1]), другъ Флиднера, извѣстнаго основателя той филантропически-религіозной могущественной корпораціи въ Германіи, которая извѣстна подъ общимъ названіемъ „Innere Mission", справедливо обращаетъ вниманіе, что бѣдность и нищета существовали всегда и будутъ, вѣроятно, всегда существовать, но бѣдность и нужда нашего времени носятъ особый характеръ. Онѣ прежде всего захватываютъ особенно большое число лицъ, цѣлыя массы. Затѣмъ онѣ не представляютъ того преходящаго явленія, какъ прежде, которое объяснялось общественными временными бѣдствіями—неурожаемъ, эпидеміями, войной: теперь мы имѣемъ дѣло съ пауперизмомъ, *какъ постояннымъ* явленіемъ. И при этомъ причины этой бѣдности коренятся не столько въ личности, сколько въ общественныхъ условіяхъ, въ экономическомъ строѣ: теперь не естественно а, такъ сказать, общественно-бѣдные люди. Этотъ новый общественный строй—время крупнаго производства, время фабрикъ. Создаются большія богатства, но прямое послѣдствіе этого строя—уменьшеніе числа *прочно обоснованныхъ, обезпеченныхъ* человѣческихъ существованій (weniger fundirte, gesicherte Existenzen). Большое преимущество экономическаго строя среднихъ вѣковъ состоитъ въ томъ, что тогда было гораздо больше обезпеченныхъ человѣческихъ существованій, чѣмъ теперь, и что необезпеченные могли опереться на обезпеченныхъ, крѣпостной на землевладѣльца, работникъ на цехового мастера. Промышленное производство было болѣе упорядочено, производительность была меньше, но постояннѣе, рынокъ меньше, но болѣе знакомый, сбытъ вѣрнѣе.

Къ такимъ же взглядамъ на положеніе личности въ наше время, по сравненію съ средними вѣками, склоняется и знаменитый германскій историкъ Іоганнъ Яннсенъ [2]), который находитъ, что теперь личность не чувствуетъ себя

---

[1]) G. Uhlhorn. Die christliche Liebesthätigkeit. 1895, 2 Aufl., S. 746.

[2]) Iohannes *Iannsen*. Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters, 15 Aufl. 1890, 1 B, S. 73.

болѣе органически самостоятельнымъ членомъ болѣе крупнаго единенія, но представляетъ изъ себя простую цифру, простой *атомъ*.

Это атомизированіе—превращеніе всего общественнаго строя въ безконечное число атомовъ, безформенную массу ничѣмъ между собою не связанныхъ песчинокъ, такъ же какъ песчинки, подвергающихся вліянію малѣйшаго вѣтра.

Этотъ взглядъ на современный строй поддерживаетъ и Александръ Эттингенъ [1]). „Подъ блескомъ произведеній современнаго индустріализма", говоритъ онъ: „скрывается демонъ соціальной нищеты, тотъ пауперизмъ, который находится въ тѣсномъ и совершенно логически необходимомъ соотношеніи съ *атомизированіемъ* нашихъ рабочихъ классовъ. Онъ (пауперизмъ) проявляется собственно не столько въ временной матеріальной нуждѣ, или случайномъ недостаткѣ куска хлѣба, но обнаруживаетъ свою дѣйствительную природу (hippokratisches Antlitz свое искаженное предсмертными судорогами лицо) въ невозможности имѣть опредѣленную спеціальность, въ недостаткѣ работы, въ невозможности зарабатывать хлѣбъ, однимъ словомъ—въ безнадежномъ положеніи!" Да, разрушеніе средневѣковыхъ узъ и всевозможныхъ ограниченій сдѣлало возможнымъ полное примѣненіе великаго фактора человѣческаго прогресса — раздѣленія труда. Но не слѣдуетъ же упускать изъ виду, какъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, посвященномъ раздѣленію соціальнаго труда, проф. Дюркгеймъ [2]), что преступленіе есть дѣяніе, которое порицается большинствомъ, *народною совѣстью*, національнымъ сознаніемъ, чувствомъ солидарности. Но именно эта солидарность разрушается съ развитіемъ раздѣленія труда. Весь ходъ цивилизаціи выражался въ постепенномъ *обобщеніи* при одновременномъ разрушеніи все болѣе и болѣе крупныхъ группъ. Но по мѣрѣ того, какъ мораль, традиціи, религія обобщались, сила ихъ все болѣе ослаблялась и индивидъ получалъ возможность, по своимъ личнымъ взглядамъ, при-

[1]) Alexander von Oettingen. Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung für eine Socialethik. Dritte Aufl. 1882, S. 390.

[2]). Emile Durkheim, prof de sociologie à l'université de Bordeaux. De la division du travail social. 1902.

нимать то или другое; контроль группъ, и въ особенности ближайшихъ, исчезалъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезала и обязательность согласованія своихъ личныхъ поступковъ съ этою обобщенною общественною моральной совѣстью. Выростаетъ, по словамъ Hall [1]), the anti-social individual. Дюркгеймъ приводитъ блестящую иллюстрацію изъ современной жизни, сравнивая жизнь маленькаго провинціальнаго города съ жизнью большихъ городовъ [2]). Въ уѣздномъ городкѣ всякая попытка освободиться отъ обычаевъ, установившихся взглядовъ на поведеніе, положимъ даже—и на мелочныя условія принятаго образа жизни, вызываетъ скандалъ и всеобщія порицанія; не обращать на нихъ вниманія невозможно,—такъ тѣсны рамки жизни. Не то въ большихъ городахъ. Здѣсь толпа, а французская пословица говоритъ не напрасно, что нигдѣ человѣкъ не можетъ такъ хорошо *спрятаться*, какъ *въ толпѣ*.

Но что-же можетъ получиться, если весь строй общественный, соціальный, перешелъ отъ организованнаго, положимъ узко организованнаго, къ строю толпы, гдѣ всѣ другъ другу совсѣмъ чужды, гдѣ никто не считаетъ себя обязаннымъ помогать сосѣду и еще менѣе признаетъ за собою право наблюдать за его поведеніемъ, или предъявлять въ этомъ отношеніи какія-либо требованія.

Что дѣлается съ личностью, которая такимъ образомъ оторвалась отъ прежнихъ своихъ связей по семьѣ (работники, уходящіе изъ семьи), по деревнѣ, по церковной общинѣ, по всякому союзу, въ особенности народному, связывавшему и поддерживавшему ее въ мѣстѣ ея рожденія, воспитаніи и т. д.? Такая личность, попадая въ толпу, какъ фишка, какъ номеръ, становится въ положеніе полнаго уединенія, одиночества, она деклассируется. Явленіе деклассаціи я считаю самымъ типическимъ проявленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ результатомъ современнаго строя и считаю поэтому необходимымъ на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Родоначальникомъ ученія о деклассаціи, является несомнѣнно Corne, французскій адвокатъ, не прославившійся

---

[1]) A. C. Hall. Crime in its relations to social progress. 1902, p. 391.
[2]) H. c., p. 283.

никакими, насколько мнѣ извѣстно, другими учеными трудами, кромѣ разбираемой статьи, помѣщенной въ „Journal des économistes“ еще въ 1868 г. (№ 1). На него ссылаются и Эттингенъ, и Жоли, и другіе; его мысли пожалуй получили въ трудахъ этихъ ученыхъ нѣкоторое дальнѣйшее развитіе, но во всей полнотѣ онѣ не были исчерпаны.

На преступника, большинство въ современномъ обществѣ,— говоритъ Корнъ,—смотритъ такъ, какъ смотрѣли въ древней Греціи и Римѣ на рабовъ, какъ на существо особой, другой, породы, не той, какъ всѣ. Это воззрѣніе очень удобно: оно избавляетъ насъ, людей непреступныхъ, отъ всякой отвѣтственности за преступныя дѣянія, совершаемыя хотя и въ нашей средѣ, но не нами. Установивъ такой взглядъ на преступника, общество надѣляетъ его и особыми качествами: въ немъ видятъ чуть не гиганта съ бурною энергіею, съ избыткомъ жизненныхъ силъ, съ умомъ—какъ торговецъ, онъ обдумываетъ выгоды и невыгоды предпріятія. Можно-ли къ нему относиться иначе, какъ только отрицательно? его нужно подавлять, карать и чѣмъ страшнѣе наказаніе, тѣмъ лучше. Но однако же наказанія ничего не помогли, а лишь повредили, потому что боролись съ призракомъ, съ произведеніемъ воображенія.

Преступникъ вовсе не особенный типъ, понимая подъ этимъ сумму индивидуальныхъ особенностей. Виновата въ преступленіи не особенная природа преступника; весь нашъ строй общественный пораженъ болѣзнью и не наказаніями, а соціальною гигіеною, надо бороться съ преступностью. Стоитъ обратиться къ статистическимъ даннымъ, чтобы сразу разрушилось представленіе о преступникѣ, какъ о силѣ умственной и физической. Они одиноки съ ранняго дѣтства. Изъ 8.006 молодыхъ преступниковъ, содержавшихся 31 декабря 1864 г. [1]) въ тюрьмахъ Франціи, 60% были или незаконными дѣтьми или не имѣли отца или матери, 38% были дѣтьми бродягъ, преступниковъ, проститутокъ. Изъ 4.154, обвинявшихся въ судѣ присяжныхъ въ 1865 г., 37% были уроженцами не того департамента, гдѣ ихъ судили.

---

[1]) Всѣ эти статистическія данныя приведены Корномъ, и я ихъ оставляю на его отвѣтственности, ибо провѣрять, конечно, не могъ.

Изъ числа 25.506, задержанныхъ въ томъ же году въ департаментѣ Сены, только 7.450 были уроженцами этого департамента. Пауперизмъ создаетъ, главнымъ образомъ, тѣ условія, при которыхъ вырабатываются преступники. А пауперизмъ—это хроническая нищета, безъ надежды на достиженіе лучшихъ условій существованія, и безъ воли, необходимой для того, чтобы добиться этихъ условій, это—жизнь изо дня въ день (см. характеристику Бутса, приведенную выше), безъ всякой мысли о завтрашнемъ днѣ, это—голодъ, нечистоплотность и болѣзни, принимаемыя, какъ неизбѣжная судьба, это—атонія, разложеніе тѣла и души. Преступники не *сильнѣйшіе*, а *слабѣйшіе* представители современнаго соціальнаго строя.

На преступника можно смотрѣть, какъ на человѣка, который забрался въ очень опасное мѣсто (ср. опять таки Бутса). Почти неизбѣжно онъ долженъ пасть. Дороговизна предметовъ первой необходимости, или всякія другія случайныя обстоятельства, опредѣляютъ скорѣе путь ихъ паденія, чѣмъ самое паденіе. Основная черта ихъ положенія—*одиночество*. У нихъ не было или нѣтъ никакихъ связей, никакихъ отношеній, имъ не на кого опереться, некому ихъ удержать *при малѣйшей страсти, при малѣйшемъ увлеченіи: малѣйшій толчекъ—и они падаютъ*. И вотъ именно въ городахъ и, въ особенности, въ большихъ городахъ, гдѣ одиночество сказывается особенно сильно, тамъ и отмѣчается особенно большая преступность. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что съ оставленіемъ деревни и переходомъ въ городъ, крестьяне не только теряютъ матеріальную поддержку близкихъ и знакомыхъ,—они теряютъ больше. Деревня представляетъ собою все-таки, хотя и микроскопическое, общество, гдѣ каждый состоитъ подъ невольнымъ и вполнѣ благотворнымъ, въ смыслѣ поддержанія нравственности, наблюденіемъ своихъ односельчанъ. Благодаря такому строю жизни, *складываются репутаціи, и человѣкъ, добившись извѣстной репутаціи, дорожитъ ею*, старается ее поддержать. Въ городѣ никто его не знаетъ и, разумѣется, никто не заботится о его поведеніи и о его репутаціи; при такихъ условіяхъ есть всѣ основанія опасаться, что онъ и *самъ не будетъ заботиться о своемъ поведеніи и репутаціи*, которой у него болѣе нѣтъ.

Я оставляю пока до одного изъ слѣдующихъ отдѣловъ мысли Корна о мѣрахъ борьбы съ преступностью. Но въ изложенныхъ предѣлахъ его ученіе полно, глубоко и всесторонне. Хотя въ немъ не содержится даже самаго слова деклассація — терминъ, придуманный его послѣдователями Жоли Тардомъ и другими,—но у него самое понятіе опредѣлено правильнѣе и полнѣе. Онъ называетъ его одиночествомъ. Это одиночество есть послѣдствіе *атомизированія*, какъ характеристическаго явленія современнаго строя. Но это одиночество, какъ его называетъ Корнъ, складывается изъ слѣдующихъ, главнымъ образомъ, элементовъ. Во-первыхъ, изъ элемента матеріальнаго—отсутствія поддержки, отсутствіе помощи матеріальной со стороны близкихъ, родныхъ, членовъ той же группы, того же села, друзей, знакомыхъ по постоянному мѣсту жительства, которые могли бы доставить работу, а временно, до пріисканія, помочь денежно; *во-вторыхъ*, изъ элемента нравственнаго—благодаря одиночеству не можетъ быть нравственнаго надзора съ одной стороны, не можетъ быть репутаціи съ другой стороны. Общій результатъ—отсутствіе того, что англичане называютъ standard of life—человѣческія, достойныя человѣка условія существованія. При отчутствіи этихъ условій, позволяю себѣ русское выраженіе, можетъ быть, и тривіальное—*все для человѣка дѣлается трынъ-трава*, и преступленіе есть не болѣе какъ эпизодъ въ общемъ, близкомъ къ преступленію, строѣ жизни. *Но эта потеря человѣческихъ условій существованія можетъ, какъ видно, произойти по двумъ причинамъ.* Или, какъ мы видѣли выше, въ силу соціальныхъ условій, въ силу неумолимыхъ жестокихъ требованій индустріализма, свободной конкуренціи и т. д., которыя вырываютъ, дѣйствуя съ неумолимостью законовъ природы, человѣка изъ его родины, деревни, семьи и атомизируютъ его. Или то же явленіе, то же положеніе одиночества, можетъ наступить по винѣ самого попавшаго въ это положеніе, благодаря особенно безнравственному его поведенію или даже совершенному имъ преступленію, которое, какъ осуждаемое народною совѣстью, губитъ его репутацію, отталкиваетъ отъ него даже самыхъ близкихъ къ нему людей. Что же бываетъ чаще? Я думаю, не можетъ быть сомнѣній, что чаще про-

являетъ свое вліяніе первая, соціальная причина, охватывающая громадную часть населенія, приводящая въ это положеніе милліоны людей.

Послѣдователи Корна Жоли и Тардъ — чистые индивидуалисты, глубоко убѣжденные въ томъ, что главнымъ образомъ дѣйствуетъ вторая изъ указанныхъ причинъ; но они не отрицаютъ существованія и первой причины. Самому явленію, столь ярко описанному и впервые указанному Корномъ, они даютъ названіе *деклассаціи*, не входя въ подробное выясненіе самого понятія и не указывая, въ чемъ оно проявляется. Собственно названіе, можетъ быть и мѣткое, совсѣмъ не опредѣляетъ сущности понятія; оно скорѣе указываетъ лишь внѣшній процессъ—выходъ изъ группы. Но къ чему этотъ выходъ приводитъ и въ чемъ состоитъ положеніе вышедшаго и даже почему выходъ приводитъ къ этому положенію, они не объясняютъ.

Тардъ въ своемъ сочиненіи „La criminalité compareé", все сводя, по обыкновенію, къ главному, по его мнѣнію, соціальному фактору—подражанію (н. с, стр. 86 и 93) различаетъ отъ политической революціи революцію соціальную и говоритъ, что rayonnements imitatifs той и другой различны. Что касается до второй революціи, то одно изъ rayonnements (проявленій) второй выражается въ деклассаціи. Подъ деклассаціей надо понимать эмиграцію слишкомъ быструю изъ деревень въ города, внезапныя обогащенія и и внезапныя разоренія, даже слишкомъ быстрый переходъ отъ ничтожества къ крупной политической власти; къ нимъ же онъ причисляетъ даже особую, чисто индивидуалистическую, категорію безпокойныхъ (les agités?!), которыхъ считаетъ разсадникомъ порока и преступности. И больше ничего. Теорія Тарда объ отвѣтственности и неотвѣтственности уголовной („Philos. Pénale", p. 82—223), выясняя фактъ дезассимилированія преступника съ нормальнымъ и общимъ строемъ и взглядами общества, не касается вопроса о причинахъ, вызывающихъ дезассимилированіе и носитъ чисто индивидуалистическій характеръ.

Joly, мнѣнія котораго, какъ глубокаго поклонника вліянія индивидуальныхъ факторовъ преступности, мы приводили выше, не совсѣмъ согласенъ съ выраженными имъ самимъ,

въ другихъ мѣстахъ взглядами. Въ концѣ своего сочиненія о преступности во Франціи „(France criminelle)“, p. 423) Joly заявляетъ, что главнымъ факторомъ считаетъ *деклассацію* и прибавляетъ при этомъ: „человѣкъ нуждается и въ удержаніи (retenue), и въ помощи (soutenue) со стороны той среды, которая его окружаетъ. Семья, община, школа, союзъ, отечество—вотъ группы, которыя, при хорошей организаціи, должны всѣхъ насъ окружать. Все, что въ какомъ бы то ни было отношеніи разрушаетъ одну изъ этихъ рамокъ, въ которыя мы заключены, и допускаетъ выходъ личности изъ группы, дѣлаетъ изъ этой личности деклассированнаго и—почти неизбѣжно—преступника. Это вѣрно, остроумно, но все же касается только внѣшняго процесса и не выясняетъ подробно, какъ у Корна, существа.

Общіе выводы о факторахъ преступности.

Обозрѣніе ученій о факторахъ преступности приводитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Всѣ эти ученія основываются уже на данныхъ позитивныхъ; всѣ они представляютъ собою уже обобщеніе положительныхъ фактовъ и данныхъ, а не умозрительныя теоріи. Конечно, пока данныхъ недостаточно, и научныя гипотезы, исходя изъ того, что имѣется, освѣщаютъ дальнѣйшій путь, многія изъ нихъ недостаточно провѣрены.

Изъ общаго комплекса факторовъ, факторы индивидуальные въ сущности разслѣдованы меньше, чѣмъ факторы внѣшніе и, въ особенности, соціальные. Ученіямъ и разслѣдованіямъ, посвященнымъ соціальнымъ факторамъ, удалось въ значительной мѣрѣ и, притомъ, на основаніи прочныхъ данныхъ, выяснить, по крайней мѣрѣ, причины одного явленія — чрезвычайнаго роста современной преступности.

Выясненіе этого явленія и его причинъ, при несомнѣнно первенствующемъ вообще значеніи соціальныхъ факторовъ, проливаетъ сильный свѣтъ и на причины преступности вообще. Не можетъ быть сомнѣній, что, несмотря на громадное количество труда уже положеннаго, предстоитъ еще много работы, въ особенности на нѣкоторыхъ поляхъ нашей науки. Поэтому выводы, дѣлаемые въ нашей наукѣ, пока далеко не окончательны; наоборотъ, состояніе науки обязываетъ къ большей осторожности. Къ той же осторожности побуждаетъ и другое, весьма важное обстоятельство. Уже и нынѣ вполнѣ установлено наукой, что всѣ факторы, какъ индивидуальные, такъ и внѣшніе, дѣйствуютъ вообще одновременно, что при объясненіи отдѣльнаго явленія преступности, развѣ мысленно, можно выдѣлять вліяніе какого-либо изъ факторовъ; въ дѣйствительности же, находясь въ

неразрывной связи и взаимодѣйствіи другъ съ другомъ, они дѣйствуютъ то въ качествѣ непосредственныхъ, то въ качествѣ производящихъ непосредственные, то просто данное явленіе оказывается въ зависимости отъ нѣсколькихъ факторовъ, среди которыхъ имѣются и такіе, которые пока наукѣ неизвѣстны, или мало ею выяснены.

При такихъ условіяхъ естественно долженъ быть поставленъ вопросъ, въ какой мѣрѣ ученіе о факторахъ преступности можетъ быть положено въ основу ученія о мѣрахъ борьбы съ преступностью, въ какой мѣрѣ уголовная политика можетъ получать отъ уголовной соціологіи сколько-нибудь опредѣленныя указанія, съ какими явленіями ей надо бороться.

На этотъ вопросъ можно дать отвѣтъ и, притомъ, совершенно положительный. Да, уголовная соціологія и при нынѣшнемъ ея состояніи можетъ давать такія указанія уголовной политикѣ и по многимъ основаніямъ.

Прежде всего ею уже вполнѣ прочно установлено, что преступность есть явленіе соціальное, а не куча случайныхъ дѣяній. А это важно, ибо соціальное явленіе наступаетъ, растетъ, или убываетъ не внезапно, а постепенно, какъ послѣдствіе другихъ явленій. Слѣдовательно, надо и можно прежде всего обратиться къ предупрежденію, къ превенціи. Это, такъ сказать, общій руководящій принципъ.

Далѣе, если не всѣ, то многіе изъ факторовъ преступности и характеръ ихъ вліянія уже выяснены; конечно, борьба не со всѣми факторами, а лишь съ нѣкоторыми, не вполнѣ совершенна, но, въ сущности, въ такомъ же приблизительно положеніи находится даже медицина и, однако, это не мѣшаетъ ей приносить громадную пользу человѣчеству.

Наконецъ, если съ точки зрѣнія соціологіи, какъ науки, выясняющей преступность, какъ соціальное патологическое явленіе всѣхъ временъ, еще много имѣется пробѣловъ, то для ученія о мѣрахъ борьбы съ преступностью—конечно современной—уже очень важной опорой и облегченіемъ является выясненіе, хотя и не совсѣмъ полное, но все же значительное, причинъ быстраго роста въ наше время преступности. На эти то причины, конечно, уголовной политикѣ и надо прежде всего направить удары.

Наконецъ, тотъ общій выводъ, который можно сдѣлать изъ всѣхъ ученій о факторахъ преступности, отбросивъ крайности, отъ которыхъ отказываются и авторы ихъ, — что борьба съ преступностью *возможна*, разъ будутъ приняты разумныя, цѣлесообразныя и, главное, своевременныя мѣры,—уже чрезвычайно важенъ и, несомнѣнно, долженъ привлекать на поле уголовной политики—и какъ науки и какъ практической дѣятельности—достойныхъ работниковъ. Здѣсь дѣло идетъ не о чудесахъ, не объ искорененіи совершенномъ преступности, а главное—въ настоящее время—о задержаніи ея дальнѣйшаго роста; а изученіе причинъ преступности даетъ въ этомъ значительную увѣренность.

III. УЧЕНІЕ О МѢРАХЪ БОРЬБЫ СЪ ПРЕСТУПНОСТЬЮ.

Въ основу уголовной политики, какъ науки прикладной, долженъ быть, очевидно, положенъ одинъ руководящій принципъ—принципъ цѣлесообразности, съ тѣми лишь ограниченіями, о которыхъ указано въ введеніи (требованія правового государственнаго строя). Съ точки зрѣнія этого принципа, уголовная политика должна оцѣнивать тѣ мѣры, которыя принимаются для борьбы съ явленіями, признанными уголовной соціологіей причинами современной преступности.

При такомъ взглядѣ на задачи уголовной политики, конечно, прежде всего возникаютъ два вопроса: во-первыхъ, возможна-ли борьба со всѣми факторами преступности и во-вторыхъ, если и возможна, то всѣ ли мѣры борьбы подлежатъ изученію именно въ уголовной политикѣ?

Для правильнаго отвѣта на оба вопроса послужитъ главнымъ образомъ одно и то же начало.

Это начало уже неоднократно указывалось при изложеніи ученія о факторахъ преступности; здѣсь имѣется въ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что факторы преступности дѣйствуютъ всѣ одновременно и, притомъ, не независимо другъ отъ друга, а въ состояніи постояннаго взаимодѣйствія, такъ что развѣ только мысленно, въ видахъ изученія, мы можемъ выдѣлять одинъ изъ факторовъ изъ общаго сцѣпленія, для того чтобы выяснить специфическое вліяніе этого фактора. Но, конечно, было-бы совсѣмъ неправильно идти еще дальше и изобрѣтать спеціальное средство для борьбы съ каждымъ изъ факторовъ въ отдѣльности, средство, которое было бы разсчитано на воздѣйствіе только на этотъ факторъ. Только при этихъ условіяхъ и могутъ оказаться факторы, съ которыми борьба невозможна, хотя эти факторы должны и легко могутъ быть приняты во вниманіе при

совмѣстномъ проектированіи мѣръ для борьбы съ нѣсколькими факторами одновременно. Всегда черезчуръ прямолинейный, Ломброзо и въ этомъ вопросѣ дошелъ до крайностей. Желая найти специфическое средство для борьбы съ такими факторами, какъ климатъ, раса, онъ рекомендуетъ устройство на государственный счетъ холодныхъ ваннъ въ жаркомъ климатѣ.

Предложеніе такой мѣры наводитъ естественно на второй вопросъ. Если бы такая мѣра была принята, являлась ли бы она мѣрой уголовно-политической, подлежащей обсужденію въ уголовной политикѣ?

Конечно, нѣтъ; иначе пришлось бы включить въ область уголовной политики всѣ мѣры полицейскія, въ томъ числѣ и всѣ мѣры полиціи благосостоянія, ибо несомнѣнно онѣ направлены на обезпеченіе лучшихъ условій развитія человѣческой личности и достиженія ею всѣхъ ея существенныхъ, жизненныхъ цѣлей. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ грань? Для установленія такой грани послужитъ то же начало, которое только что указано выше. Всѣ факторы дѣйствуютъ одновременно, всѣ факторы находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи,—но что они такое представляютъ сами по себѣ и почему находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи? Какъ преступность является соціальнымъ явленіемъ, такъ и факторы ея представляются тоже явленіями соціальными; даже такое, повидимому, чисто-біологическое явленіе какъ дегенерація, обусловливаемая главнымъ образомъ условіями общежитія, тоже явленіе соціальное. И вотъ потому, что факторы преступности представляются соціальными явленіями, они, какъ и всѣ другія явленія и элементы соціальной жизни, не отдѣлены другъ отъ друга и находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи.

Поэтому, какъ только мысленно мы можемъ выдѣлять отдѣльный факторъ и его вліяніе, такъ только мысленно мы можемъ выдѣлять извѣстныя мѣры реагированія человѣка на соціальныя явленія въ области уголовной политики, не забывая, однако, что и эти мѣры, какъ и самыя явленія, стоятъ въ неразрывной связи между собою и эволюціонируютъ въ исторіи въ одномъ и томъ же направленіи и въ одномъ и томъ же стилѣ.

И для такого, въ цѣляхъ научныхъ, выдѣленія есть признакъ, который можетъ быть прочнымъ указателемъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи соціальныхъ факторовъ. Но, конечно, нужна и еще одна оговорка. Такъ какъ забывать о родственныхъ мѣрахъ нельзя, то нѣкоторымъ изъ нихъ, ближайшимъ, съ соблюденіемъ перспективы, должны быть посвящены извѣстные небольшіе отдѣлы. Но для выясненія основного признака выдѣленія, возьмемъ наиболѣе трудный примѣръ изъ области превенціи при томъ. Остановимся на современной союзной дѣятельности, на томъ громадномъ союзномъ движеніи, которое складывается изъ дѣятельности милліоновъ союзовъ, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ свою цѣль, а всѣ вмѣстѣ одну общую цѣль—большаго обезпеченія благополучія человѣческой личности, восполненія недостающихъ отдѣльной человѣческой личности силъ. Несомнѣнно, среди этихъ союзовъ есть такіе, которые прямо борятся съ преступностью, ея послѣдствіями и ея причинами—таковы патронаты. Но большая часть союзовъ, конечно, преслѣдуетъ свои цѣли, совершенно спеціальныя, но, между прочимъ, служитъ и цѣлямъ борьбы съ преступностью. Въ такихъ случаяхъ приходится выдѣлять соотвѣтственные элементы, имѣя въ виду главный признакъ для выдѣленія; такимъ признакомъ можетъ служить только прикосновенность къ борьбѣ съ ближайшимъ и главнѣйшимъ факторомъ современной преступности—деклассаціей, одиночествомъ человѣческой личности, одиночествомъ въ той степени его развитія, когда личность близка къ паденію, когда совершеніе преступленія является не катастрофой, а эпизодомъ въ жизни. И вотъ всѣ тѣ мѣры, кѣмъ бы онѣ ни принимались, которыя имѣютъ въ виду не общее обезпеченіе благополучія человѣческой личности, а находятся въ непосредственномъ соотношеніи съ мѣрами по недопущенію такого полнаго одиночества и деклассаціи, или устраненія наступившей уже деклассаціи, и должны подлежать разсмотрѣнію въ уголовной политикѣ.

Но если, дѣйствительно, уголовная политика должна основываться на выводахъ и данныхъ уголовной соціологіи и, слѣдуя принципу цѣлесообразности, оцѣнивать всѣ мѣры съ точки зрѣнія этого принципа, то, конечно, она прежде

всего должна рекомендовать мѣры превентивныя. Таково вѣдь окончательное заключеніе ученія о факторахъ преступности, которое смотритъ на преступность, какъ соціальное явленіе; послѣднее наступающее и развивающееся не вдругъ, не неожиданно, а постепенно, вызывающееся рядомъ или даже сцѣпленіемъ послѣдовательно развивающихся явленій; а съ этими явленіями—причинами можно своевременно бороться цѣлесообразными мѣрами.

Но въ этомъ отношеніи все дѣло борьбы съ преступностью переживаетъ переходное время; даже самое слово и мысль о борьбѣ является новинкою. Здѣсь только карали и, притомъ, quia peccatum. Уголовная политика не можетъ игнорировать этого переходного состоянія, не можетъ поэтому не касаться и мѣръ репрессіи и, въ особенности, степени ихъ примѣненія и той эволюціи, которая происходитъ въ ихъ постановкѣ. Это даже особенно важно, ибо изученіе главныхъ чертъ этого переходного времени, этой эволюціи отъ репрессіи къ превенціи, показываетъ, что мѣры борьбы съ преступностью эволюціонируютъ и именно въ томъ направленіи, въ которомъ это рекомендуется еще столь молодымъ ученіемъ о факторахъ преступности.

Дѣйствительная, фактическая борьба съ преступностью въ жизни перестраивается на новыхъ началахъ, не выжидая, чтобы эти новыя начала были окончательно установлены благодаря уголовной соціологіи. Но направленіе—одно и то же, и потому обозрѣніе и этого перехода и новыхъ жизненныхъ мѣръ еще способствуетъ выясненію и подкрѣпляетъ начала уголовной соціологіи.

Репрессія и превенція.

Репрессія—вѣками испытанное средство. Съ тѣхъ поръ какъ на преступленіе перестали смотрѣть только какъ на нарушеніе даже не правъ, а интересовъ отдѣльныхъ лицъ, и признали, что преступнымъ дѣяніемъ потрясаются самыя условія всякаго правильно организованнаго общества, съ тѣхъ поръ возникло и понятіе репрессіи, осуществляемой отъ имени государства и его органами. Репрессія съ самаго начала и долгое время отождествлялась съ понятіемъ устрашенія. Уже въ „Etablissements de Saint Louis“ было сказано, что наказаніе должно устрашать «pour que les mauvais laissent a mal faire». Еще въ 17 вѣкѣ придавали репрессіи, въ видѣ устрашенія, значеніе какого то возвышеннаго акта правосудія.

Такъ Johannes Jannsen въ цитированномъ уже сочиненіи по исторіи германскаго народа на исходѣ отъ среднихъ вѣковъ [1]) описываетъ, какъ въ 1601 г. великая герцогиня Саксонская Софія приказала для совершенія казни надъ главою кальвинистовъ Крелемъ замѣнить старый эшафотъ новымъ и выстроить этотъ новый эшафотъ такъ, чтобы она вмѣстѣ съ своими придворными дамами могла на близкомъ разстояніи созерцать это жестокое зрѣлище. Во многихъ мѣстахъ начальствомъ дѣлалось распоряженіе, чтобы учащаяся молодежь присутствовала при совершеніи суровыхъ казней и поучалась. Той же цѣли поученія должны были служить и многочисленные рисунки и описаніе самыхъ жестокихъ истязаній и казней, газетныя сообщенія о преступникахъ и пѣсни. Приведя факты, спокойный и безпри-

[1]) 8 томъ, стр. 489.

страстный историкъ добавляетъ: разумѣется, было достигнуто совершенно противоположное,—казни обратились въ ежедневное явленіе, получилось чрезвычайное одичаніе нравовъ и понятная ненависть къ правосудію.

Прошло болѣе двухъ столѣтій, и на второмъ международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ въ Брюсселѣ въ 1847 г. [1]) предсѣдатель кассаціоннаго суда въ Брюсселѣ Van Meenen, 80-лѣтній старикъ, дѣлясь съ слушателями своими многочисленными воспоминаніями въ области отправленія правосудія, въ блестящей рѣчи отмѣтилъ, что ему пришлось еще присутствовать при всѣхъ варварскихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ; великая французская революція потрясла весь дореформенный государственный строй и установила новыя начала для уголовнаго законодательства; доживаютъ свой вѣкъ смертная казнь, la marque, le carcan, la degradation civique, l'interdiction de certains droits. Примѣненіе ссылки стало фактически невозможно. Изъ всей *прежней* лѣстницы наказаній осталась только тюрьма, такъ какъ каторжная тюрьма—только видъ тюремнаго заключенія. Но и этой тюрьмѣ поставляется другая задача—не устрашать, а исправлять.

То, что сказалъ въ своей рѣчи Van Meenen, было не только воспоминаніемъ, но и предсказаніемъ будущаго; но предсказаніе сбылось только отчасти. Дѣйствительно, смертная казнь доживаетъ свой вѣкъ, но однако же еще не дожила. Она исчезла изъ уголовныхъ кодексовъ Румыніи, Португаліи, Голландіи, Италіи, Норвегіи; и въ гражданскомъ и даже въ военно уголовномъ кодексѣ 22 мая 1902 г. ея нѣтъ, какъ нѣтъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи и въ проектѣ общешвейцарскаго уголовнаго уложенія, составленномъ Штоосомъ. Тамъ, гдѣ это наказаніе сохранилось, къ нему сравнительно рѣдко присуждаютъ и еще рѣже исполняютъ приговоры, присуждающіе къ смертной казни, замѣняя это наказаніе другимъ. Такъ во Франціи по даннымъ, заключающимся въ Compte general de l'administration de la justice criminelle (1902 г. пр. XXXVI), за время съ 1881 по 1900 г., было

---

[1]) Debats du congrès penitentiaire du Bruxelles, sessio-n du 1847, 20—25 Sept. Bruxelles. 1847.

присуждено къ смертной казни 533 человѣка и изъ нихъ казнено всего 155 чел. Особенно сильное движеніе за полную отмѣну смертной казни образовалось у насъ въ послѣднее время, въ виду чрезвычайнаго учащенія примѣненія смертной казни нашими военно-уголовными судами. Этому движенію обязаны своимъ происхожденіемъ слѣдующія работы: Сборникъ „Противъ смертной казни“ подъ редакціей Гернета, Гольдовскаго и Сахарова, 1906 г.; Проф. А. А. Піонтковскаго, Смертная казнь въ Европѣ, 1908 г.; „О смертной казни“, мнѣнія русскихъ криминалистовъ, сборникъ, 1909 г.

Исчезли, разумѣется, истязанія и тѣлесныя наказанія изъ лѣстницы наказаній. Доживаютъ свой вѣкъ безсрочныя лишенія и ограниченія правъ. Въ новѣйшихъ кодексахъ такія ограниченія допущены лишь на срокъ, факультативно, по назначенію суда и съ возможностью возстановленія этихъ правъ при хорошемъ поведеніи въ теченіе указаннаго въ законѣ срока. Ссылка осталась только въ немногихъ государствахъ (Франція—релегація; Россія—за весьма немногія преступленія).

Уже при этихъ измѣненіяхъ отождествленіе репрессіи и устрашенія стало невозможно, но и вообще общій взглядъ и законодателя и ученыхъ измѣнился на задачи репрессіи. Не видятъ болѣе въ репрессіи средство отмстить преступнику за совершенное, не имѣютъ въ виду путемъ репрессіи причинить ему зло. Правда, изрѣдка еще слышатся противоположные голоса. Такъ въ 90 годахъ появилось 3-хъ томное изслѣдованіе проф. Гюнтера, посвященное защитѣ идеи возмездія въ уголовномъ правѣ [1]). Авторъ доходитъ до такого экцесса, что восхваляетъ Канта за то, что тотъ въ своемъ ученіи почти полностью возстановляетъ Моисеево законодательство. Не далѣе какъ въ 1901 г. проф. Биркмейеръ по поводу вопроса о пересмотрѣ дѣйствующаго германскаго уголовнаго уложенія заявилъ на страницахъ архива Гольтдаммера [2]), что законное наказаніе путемъ воз-

---

[1]) Dr. L. Günther. Die Idee der Wiedervergeltung in der Geschichte und Philosophie des Strafrechts, посл. вып. 1895 г.

[2]) Archiv für Strafrecht und Strafprocess, 48 Jahrgang, S. 75.

мездія вмѣстѣ съ тѣмъ и самое цѣлесообразное наказаніе. Но для этого оно должно быть прежде всего дѣйствительнымъ возмездіемъ, т. е. быть зломъ, причинять страданіе, какъ отплата за причиненное преступникомъ зло. Но повторяю: такіе голоса единичны, а взгляды проф. Биркмейера носятъ какой-то средневѣковый характеръ, какъ будто-бы рыцарь въ латахъ появился среди современнаго общества; такое появленіе не можетъ вызвать страха, а развѣ смѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ—чѣмъ грозить? Ихъ нѣтъ болѣе уже, тѣхъ угрожающихъ, причиняющихъ вредъ, наказаній, и возстановить ихъ не въ силахъ никакой законодатель цивилизованнаго государства. Наказанія исключаются законодателемъ изъ лѣстницы наказаній тогда, когда они болѣе совершенно не соотвѣтствуютъ взглядамъ и нравамъ общества вслѣдствіе происшедшаго смягченія этихъ нравовъ, не допускающихъ болѣе совершенія жестокостей и насилій ни въ частной, а тѣмъ болѣе въ общественной жизни. Это прекрасно доказано въ извѣстномъ изслѣдованіи покойнаго А. Ф. Кистяковскаго о смертной казни (изд. втор. 1896 г.). Это смягченіе нравовъ выражается, какъ мы уже видѣли, въ главѣ о ростѣ преступности, между прочимъ и въ томъ, что число убійствъ и разбоевъ сокращается. Когда итальянская антропологическая школа выступила съ предложеніемъ о возстановленіи значенія смертной казни, то это предложеніе встрѣтило дружный отпоръ большинства ученыхъ, справедливо отнесшихъ такія предположенія къ числу другихъ крайностей, допускаемыхъ этою школою въ своемъ ученіи.

Но, можетъ быть, въ соображеніяхъ одинокихъ защитниковъ идеи возмездія въ наказаніи скрывается одна небольшая доза истины. Быть можетъ, они правы, что, отказавшись отъ устрашенія, отъ причиненія зла, логически слѣдовало бы отказаться отъ самого наказанія, отъ идеи земной кары. Эта послѣдняя идея все-таки тѣсно связана съ идеею грѣха и нарушенія Божескаго закона, установленнаго для жизни людей на землѣ въ правовыхъ границахъ (Шталь, Де-Местръ и т. д.); между тѣмъ, отъ идеи грѣха отказались совершенно и законодательство и наука.

И дѣйствительно, трудно, я думаю, утверждать, что идеѣ

наказанія, т. е. кары отвѣчаетъ та новая цѣль, которая, какъ справедливо указалъ еще Van Meenen, поставлена теперь репрессіи,—цѣль исправленія преступника. На это новое направленіе репрессіи возлагались, во всякомъ случаѣ, громадныя надежды. Объ этомъ свидѣтельствуютъ труды первыхъ международныхъ тюремныхъ конгрессовъ, состоявшихся въ 1847 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Брюсселѣ. Они преисполнены самыхъ лучшихъ надеждъ на вновь выдвинутое средство борьбы съ преступностью—одиночное заключеніе въ тюрьмѣ. За устраненіемъ другихъ наказаній, тюрьма, въ ея разновидностяхъ (каторжной тюрьмы и мѣстной тюрьмы, а въ нѣкоторыхъ государствахъ еще и третьяго вида исправительнаго дома или исправительныхъ отдѣленій, какъ у насъ, и даже четвертаго, въ видѣ ареста), стала единственнымъ наказаніемъ для всѣхъ сколько-нибудь не только важныхъ, но просто не формальныхъ, не полицейскихъ, преступныхъ дѣяній. Рядомъ съ тюрьмой стоитъ, только главнымъ образомъ для полицейскихъ нарушеній, денежное взысканіе, но и оно, въ случаѣ несостоятельности, замѣняется тѣмъ-же лишеніемъ свободы; а несостоятельность эта обнаруживается въ значительномъ числѣ случаевъ. Такъ, по вычисленію французскаго юриста Boullaire [1]) только 42% присужденныхъ денежныхъ взысканій дѣйствительно взыскиваются; я позволяю себѣ думать, что въ другихъ странахъ этотъ процентъ еще меньше—напримѣръ, у насъ.

Но и безъ этого, по вычисленіямъ германскихъ юристовъ Листа и Розенберга [2]), въ Германіи около 67% всѣхъ наказаній падаетъ на тюремное заключеніе. Среднесуточный составъ тюремнаго населенія колеблется, напримѣръ, въ Россіи, около цифры 100.000, а въ годъ перебываетъ до 700.000 человѣкъ. Содержаніе тюремъ, тюремнаго управленія и тюремнаго населенія обходится около 30 милліоновъ рублей въ годъ. Приблизительно такія же суммы тратятся и другими государствами.

Нужно ли говорить, что надежды на тюрьму не сбылись?

---

[1]) Revue penit. 1893, p. 706.

[2]) Подробнѣе см. мои работы: О желательности и возможности введенія въ Россіи усл. осужд., 1897; „Арестантскій трудъ", 1898.

Казалось бы уже статистическія данныя, приведенныя въ введеніи, даютъ лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Не только не было достигнуто уменьшеніе преступности, но не удалось задержать ростъ этой преступности. Но если общія цифры преступности еще могутъ быть въ значительной степени отнесены на общія же причины, вызывающія усиленіе преступности въ цивилизованныхъ государствахъ, то уже отмѣченное выше громадное увеличеніе числа рецидивистовъ, т. е. лицъ, побывавшихъ въ тюрьмѣ, должно быть признано показателемъ малаго, а можетъ быть и вреднаго вліянія тюрьмы. Вопросъ о значеніи тюремнаго заключенія такъ важенъ, что ему посвящается слѣдующая глава; здѣсь же достаточно отмѣтить, что тюрьма не исполняетъ и не можетъ исполнять своей задачи—исправленія преступниковъ.

Говоря выше о происшедшей во взглядахъ на задачи репрессіи перемѣнѣ, причемъ отъ устрашенія перешли къ исправленію, я не отмѣтилъ другого коренного, болѣе глубокаго, измѣненія въ задачахъ репрессіи, о которомъ большею частью умалчиваютъ.

Репрессія, преслѣдовавшая устрашеніе, была болѣе послѣдовательна. По условіямъ того времени, она смотрѣла на преступника, какъ на парію, на отбросъ,—его надо было выкинуть изъ нормальнаго общества. И дѣйствительно, преступника казнили, калѣчили такъ, что онъ становился болѣе неспособнымъ ни къ какой дѣятельности ни дурной ни хорошей, высылали. Но теперь все это оставлено, все это и неосуществимо. Теперь выбрасывать нельзя и некуда. Теперь задача другая, и исправленіе составляетъ только одинъ изъ элементовъ этой задачи; теперь надо обеззараживать и возвращать назадъ въ ряды нормальнаго общества. И тутъ то проявляется наглядно вся несостоятельность тюремной системы, ибо, по свидѣтельству самыхъ безпристрастныхъ изслѣдователей, тюрьма не только не подготовляетъ людей къ нормальной жизни,—она ихъ, наоборотъ, дѣлаетъ совершенно негодными для этой жизни. Мы видѣли выше, что преступники—вовсе не сильнѣйшіе физически и умственно типы, а наоборотъ, слабѣйшіе. И вотъ тюрьма, и въ одиночной камерѣ въ особенности, и въ общей, разслабляетъ ихъ физически, погашаетъ въ нихъ остатки энергіи. Бѣд-

някъ, живя на всемъ на готовомъ, забываетъ заботы о завтрашнемъ днѣ, о семьѣ и т. д. Въ немъ пропадаютъ остатки энергіи, а когда, наконецъ, тюрьма выпускаетъ его изъ своихъ стѣнъ, то она выпускаетъ его съ клеймомъ тюремнаго сидѣльца. Если совершеніе преступленія, какъ мы видѣли выше, въ большинствѣ случаевъ, есть результатъ и проявленіе совершившагося предварительно ослабленія физическаго и нравственнаго, то клеймо тюремнаго сидѣльца есть оглашеніе всѣмъ и каждому о томъ, что данное лицо вышло изъ рядовъ нормальнаго общества, деклассировалось и послѣ того прошло періодъ общенія съ другими такими же безнравственными элементами. О возвращеніи въ ряды нормальнаго общества и думать трудно.

Какъ же относится законодатель и судъ къ этому явленію полной негодности единственнаго дѣйствующаго средства борьбы съ преступностью?

Законодатель, проникаясь недовѣріемъ къ этому средству, *выводитъ* изъ тюрьмы одну категорію лицъ за другой, такъ что въ общемъ мы присутствуемъ при томъ явленіи, которое я назвалъ въ другомъ мѣстѣ—распаденіемъ тюрьмы.

Прежде всего выводятъ изъ тюрьмы элементы, которые, по испытанію, оказались лучшими; не надѣясь вовсе на пользу пребыванія въ тюрьмѣ ихъ досрочно, условно, освобождаютъ. (ср. изслѣдованіе проф. А. А. Піонтковскаго и др.). Тутъ впервые примѣняется тотъ пріемъ психологическаго принужденія, психической угрозы, который, какъ мы увидимъ ниже, является однимъ изъ главныхъ средствъ борьбы съ преступностью въ рукахъ общества. Это, во всякомъ случаѣ,—отказъ отъ репрессіи и переходъ къ способамъ, примѣняемымъ обществомъ. Но кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что успѣшность примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія и благополучное протеченіе испытательнаго періода всецѣло зависятъ отъ степени организаціи обществъ патроната. Безъ наличности подобныхъ обществъ самый институтъ непримѣнимъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, институтъ условнаго досрочнаго освобожденія есть признаніе несостоятельности репрессіи и передача дѣла борьбы въ руки общества. Далѣе, изъ тюрьмы выводятъ закоренѣлыхъ преступниковъ рецидивистовъ, на исправленіе которыхъ надежды

мало или даже почти нѣтъ. Ихъ присутствіе въ тюрьмѣ считается вреднымъ въ виду возможности ихъ вліянія на товарищей; ихъ присутствіе въ тюрьмѣ считается и безполезнымъ, такъ какъ ни устрашенія ни исправленія ихъ тюрьма достигнуть не можетъ. Въ отношеніи къ нимъ отказываются отъ репрессіи: государство считаетъ возможнымъ ихъ сохранять лишь—verwahren, т. е. держать подъ ключемъ, ибо сомнѣній въ томъ, что, въ случаѣ освобожденія, они немедленно совершатъ новое преступленіе, быть не можетъ. Это—оффиціальное, открыто констатируемое въ законѣ, банкротство дѣйствующей репрессивной системы. По проекту швейцарскаго уголовнаго уложенія, этотъ принципъ сохраненія проведенъ въ полной мѣрѣ, и предположено образованіе особыхъ для этого учрежденій. По дѣйствующему норвежскому уложенію, сохраненіе происходитъ или въ тюрьмѣ или въ рабочемъ домѣ. По французскому закону о релегаціи (27 мая 1885 г.), такія лица навсегда выселяются въ колоніи.

Близко къ этой категоріи лицъ стоятъ алкоголики. Мы видѣли выше, какъ велико число лицъ, совершающихъ преступленія въ состояніи опьяненія, не говоря уже о лицахъ, однимъ ночеваніемъ въ публичныхъ мѣстахъ, въ безобразномъ состояніи опьяненія, оскорбляющихъ нравственность, приличіе и общественную тишину,

Такія лица переводятся или взамѣнъ тюрьмы въ лѣчебныя заведенія (норвежскій кодексъ), или въ особыя реформаторіи, государственныя или частныя, какъ въ Англіи (по закону 1898 г.); при этомъ по англійскому закону могутъ быть помѣщаемы въ реформаторіи даже лица, совершившія въ состояніи опьяненія дѣянія, за которыя грозятъ каторжныя работы [1]). Это, разумѣется, отказъ отъ репрессіи, приблизительно аналогичный отказу отъ репрессіи въ отношеніи душевно-больныхъ, хотя, разумѣется, далеко не тождественный. И здѣсь въ значительной мѣрѣ дѣло передается въ руки общества.

О превентивномъ натронатѣ, взамѣнъ заключенія, для бродягъ говорится ниже.

---

[1]) См. Bull. de la Com. penit. 3 vol. Livr. 1. 1905, p. 9.

Съ другой стороны, изъ тюрьмы выводятся начинающіе преступники.

Прежде всего, малолѣтніе. О необходимости создать особыя мѣры для малолѣтнихъ говорили въ самый разгаръ увлеченія одиночною тюрьмою уже на конгрессѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Какъ извѣстно, въ этомъ дѣлѣ совершенно отказались отъ репрессіи и замѣнили ее воспитаніемъ, въ видѣ отдачи на попеченіе родителей или особыхъ воспитательныхъ заведеній, которымъ даже не желаютъ сохранять названіе, сколько-нибудь напоминающее кару. Законодательство разныхъ странъ стремится продлить срокъ содержанія въ нихъ и повысить возрастъ невмѣняемости, причемъ, напримѣръ, новый англійскій законопроектъ, находящійся на разсмотрѣніи палатъ, продолжаетъ пребываніе „малолѣтнихъ“ въ воспитательныхъ заведеніяхъ Борсталевской системы до 26 лѣтъ! Объ особыхъ судахъ для малолѣтнихъ (juvenile courts) и о мѣрахъ, принимаемыхъ этими судами, говорится ниже, въ главѣ о дѣятельности общества.

Наконецъ большинствомъ современныхъ цивилизованныхъ государствъ принятъ институтъ условнаго осужденія (работы проф. Піонтковскаго, мои и др.), въ силу котораго громадная категорія лицъ не столько выводится изъ тюрьмы, сколько въ нее не впускается вовсе, какъ и малолѣтніе. Здѣсь законодатель, обращаясь опять-таки къ тому же психологическому принужденію, которое составляетъ главное средство, примѣняемое обществомъ, создалъ особый, весьма важный, прецедентъ—осужденія безъ репрессіи. Институту этому по многимъ причинамъ предстоитъ несомнѣнно громадное развитіе, хотя уже и теперь онъ примѣняется въ сотняхъ тысячъ случаевъ. Этотъ институтъ, какъ несомнѣнно рѣзко нарушающій начала репрессіи и подтверждающій несостоятельность таковой, вызывалъ и вызываетъ еще сильные нападки классической школы.

Законодатель не ограничился, однако, и этимъ. Такъ напр., въ Англіи по закону 1891 г. сокращенъ срокъ каторжныхъ работъ. Мы знаемъ правило, усвоенное всѣми современными законодательствами, о расширеніи правъ судьи въ опредѣленіи размѣровъ наказанія и доведеніи такового до минимума. Мы видѣли выше, въ главѣ о ростѣ преступности,

англійскій законъ о Summary jurisdiction, предоставляющій судьямъ въ цѣломъ рядѣ даже важныхъ дѣяній, оставлять осужденнаго совсѣмъ безъ наказанія (см. выше главу о ростѣ преступности).

Насколько же этотъ путь освобожденія отъ тюремнаго заключенія пользуется симпатіями не только судьи и законодателя 1879 г., но и современнаго англійскаго законодателя, а слѣдовательно, и всего англійскаго народа, показываетъ законъ 21 августа 1907 г. (Edw. 7, Chap. 17). Этимъ закономъ, который оставляетъ далеко за собою законъ 1887 г. of first offenders, въ сущности условнаго осужденія, и законъ 1879 г. о судахъ сокращеннаго производства, вводится новый въ Англіи, но пышно развившійся въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ институтъ probation officers, т. е. лицъ, подъ опеку которыхъ взамѣнъ наказанія ставятся осужденные [1]). Но интересно (въ данномъ случаѣ, въ какихъ предѣлахъ расширяется новымъ закономъ право суда освобождать отъ тюремнаго заключенія; здѣсь уже говорится не объ одномъ судѣ сокращеннаго производства съ его компетенціею до 6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія (ст. 1, п. 1), а объ общихъ судахъ и въ п. 2, ст. 1, предоставляется это право примѣнять въ случаяхъ обвиненія съ предварительнымъ преданіемъ суду, если только наказаніе—не каторжныя работы. Судъ можетъ пользоваться этимъ правомъ, если признаетъ, что въ виду характера, предшествующаго поведенія, возраста, здоровья или степени умственнаго развитія обвиняемаго, или въ виду зауряднаго характера совершеннаго дѣянія или особо неблагопріятныхъ для обвиняемаго внѣшнихъ условій, при которыхъ совершено преступленіе, нецѣлесообразно назначать какое либо другое наказаніе, кромѣ номинальнаго. Дальше идти въ отрицаніи цѣлесообразности наказанія и, въ особенности, тюремнаго заключенія, какъ мѣры борьбы съ преступностью, еще, конечно, не отважился ни одинъ законодатель; да и среди теоретиковъ немного сравнительно пока найдется лицъ, которыя бы шли такъ далеко. А между тѣмъ такая оцѣнка значенія

---

[1]) Объ институтѣ probation officers см. ниже, въ главѣ объ участьи общества въ осуществленіи новыхъ мѣръ борьбы съ преступностью.

тюремнаго заключенія дается самыми выдающимися англійскими тюрьмовѣдами. Уже Комитетъ 1894 г. по разслѣдованію положенія англійскихъ тюремъ, который своими постановленіями предопредѣлилъ въ главнѣйшемъ содержаніе разсматриваемаго нынѣ палатами законопроекта о предупрежденіи преступленій, занесъ въ свой отчетъ заявленіе Сэра Годфрея Лешингтона слѣдующаго содержанія (стр. 8 Report): „Я нахожу неблагопріятнымъ для исправленія все положеніе арестанта за все время пребыванія его въ тюрьмѣ,—попраніе чувства самоуваженія, замораживаніе всякихъ чисто нравственныхъ побужденій, какія только у него имѣются, отсутствіе всякой возможности и случая проявить или испытать на себѣ доброту, постоянное общеніе не съ кѣмъ другимъ, какъ только съ преступниками, и то какъ съ разрозненными единицами среди другихъ такихъ же разрозненныхъ единицъ, трудъ по принужденію и отрицаніе всякой свободы; я полагаю, что правильный способъ для исправленія человѣка и возстановленія его положенія въ обществѣ есть какъ разъ противоположное направленіе всѣхъ мѣръ". На эту жестокую, хотя и справедливую критику значенія тюрьмы Комитетъ отвѣчаетъ: „мы думаемъ, что въ основныхъ чертахъ эта оцѣнка справедлива". И вѣдь это все говорятъ не теоретики, а практики, просвѣщенные и неутомимые въ изобрѣтеніи новыхъ мѣръ борьбы съ преступностью практики.

Наконецъ, законодатель дошелъ и до законопроектовъ и мѣръ, нормирующихъ простое прощеніе преступнику его вины. Съ такими законопроектами мы встрѣчаемся во Франціи, гдѣ таковыхъ за послѣднее время былъ цѣлый рядъ [1]). Предложенія исходили и отъ Беранже, который свой первоначальный проектъ объ условномъ осужденіи назвалъ loi du pardon et de sursis и который потомъ предлагалъ ввести sursis на предварительномъ слѣдствіи, т.-е. то же прощеніе, и отъ Magnaud, предсѣдателя суда въ Шато-Тьери, желав-

[1]) Revue penit., 1886, p. 255, 1902, 1903, p. 1460; Журн. Мин. Юст., 1902, 2, стр. 109, статья И. Г. Щегловитова; *Rosenfeld*, Welche Strafenmittel konnen an die Stelle der Kurzeitigen Freiheitsstrafen gesetzt werden. 1890, S. 80.

шаго ограничить сферу примѣненія менѣе важными дѣлами и мотивировавшаго свое предложеніе тѣмъ, что это будетъ проявленіе того милосердія (clemence), которое составляетъ аттрибутъ всякаго правильнаго правосудія (собственно предложеніе Морло); депутатъ Мильеранъ желалъ ограничить примѣненіе судебнаго помилованія случаями крайней необходимости и внесъ соотвѣтственное предложеніе.

У насъ, какъ извѣстно, нѣчто подобное введено циркуляромъ Министра Юстиціи Муравьева, разъяснившаго, что присяжные засѣдатели не лишены права ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о помилованіи.

Я не могу не замѣтить въ заключеніе, что всѣ эти мѣры указываютъ на несомнѣнное недовѣріе законодателя къ существующей карательной системѣ и, въ особенности, къ главному средству—тюрьмѣ (законопроекты объ условномъ осужденіи такъ и мотивировались).

Еще большее недовѣріе къ тюрьмѣ проявляютъ судьи всѣхъ странъ.

Это недовѣріе проявляется въ двухъ направленіяхъ—въ увеличеніи числа оправдательныхъ приговоровъ и въ назначеніи наказанія на минимальные сроки.

Такъ, въ Италіи, какъ указываетъ Statistica giudiziaria penale per l'anno 1901 (1903) за время съ 1881 по 1901 г.г. число оправдательныхъ приговоровъ повысилось по отношенію къ общему числу приговоровъ: для присяжныхъ засѣдателей съ 30% до 37%, для судовъ коронныхъ съ 23% до 31%, для преторовъ съ 28% до 38%. Въ то же время, напримѣръ, изъ числа 128.456 назначенныхъ въ 1902 г. преторами наказаній 73.263 пришлось на detensione, на время менѣе одного мѣсяца.

Приблизительно за то же время (1881 г.—1901 г.) во Франціи число присужденныхъ къ заключенію на время отъ 1 до 2 лѣтъ упало съ 10,2 на 100 до 7,7; на время отъ 2—3 л. съ 2,5 до 1,5 и т. д. Изъ 120.641 присужденныхъ въ 1896 г. на срокъ менѣе года (къ сожалѣнію, французская статистика не даетъ болѣе точныхъ свѣдѣній) 14.520 были присуждены на срокъ менѣе 6 дней [1]). Въ Бельгіи за время

[1]) Louis *de la Hougue*. Des courtes peines d'emprisonnement. 1901, p. 11.

съ 1876 по 1880 г.г. изъ 77.346 случаевъ присужденія къ исправительному тюремному заключенію въ 70.210 случаяхъ заключеніе было назначено до 6 мѣсяцевъ и въ 39.694—до 1 мѣсяца[1]).

Въ Германіи за 1896 г., изъ числа 238.623 присужденныхъ къ тюремному заключенію 50.751 были присуждены на срокъ до 1 мѣсяца [2]).

Въ Австріи, по даннымъ Oesterreichische Statistik за 1899 г. (1903 г.), изъ числа присужденныхъ къ лишенію свободы 85% были присуждены на срокъ до 1 мѣсяца.

Для оцѣнки значенія этихъ цифръ стоитъ вспомнить, что, какъ указываетъ Louis de la Hougue, даже въ Эльмирѣ для достиженія цѣлей исправленія считается необходимымъ содержаніе на срокъ не менѣе года.

Наконецъ мы видѣли, что англійскіе судьи Summary Jurisdiction болѣе половины—557 на 1000—осужденныхъ вовсе оставляютъ безъ наказанія, что составляло въ годъ въ 1893 г. 29.806 чел., а въ 1902 г—45.067 чел.

Но, можетъ быть, можно сомнѣваться насчетъ мотивовъ, которыми руководствуются судьи, постановляя такіе приворы? На это даютъ отвѣтъ сами судьи.

Вотъ, напримѣръ, что еще на пенитенціарномъ конгрессѣ въ Римѣ въ 1885 г. [3]) высказалъ бывшій juge d'instruction Frederic de Perigaux: „Разспрашивая подсудимыхъ,—говоритъ онъ,—я задавалъ себѣ вопросъ, не поступилъ ли бы я такъ же самъ, если бы былъ поставленъ въ тѣ же условія, въ которыя были поставлены разспрашиваемыя мною лица".

То же самое было высказано судьею Aynard [4]) въ 1895 г. въ рѣчи, произнесенной въ Ліонѣ. Aynard отмѣтилъ рожденіе въ бѣдности, дѣтство безъ воспитанія, испытанія послѣдующихъ лѣтъ и закончилъ такъ же, какъ и Perigaux, фразою: „не палъ ли бы я такъ же, какъ и они, и, можетъ быть, еще раньше"?

На страницахъ той же Revue penitentiaire за 1903 г. (р. 84) мы встрѣчаемся съ отзывомъ судьи Louis André,

---

[1]) Тамъ же, p. 13.

[2]) Kriminalstatistik fur das Jahr 1896.

[3]) Actes du Congrès penit. de Rome. 1885, III т., ч. I, p. 641.

[4]) Revue penit., 1895, p. 69.

который удостовѣряетъ, какое громадное число среди бродягъ и нищихъ людей, которые остаются безъ работы, несмотря на все ихъ искреннее желаніе работать. Всѣ писатели отмѣчаютъ наклонность судей къ оправданію. Тардъ (Rev. pen., 1903, № 2) прямо говоритъ: не есть ли это разочарованіе или сомнѣніе въ мѣрахъ борьбы? Достаточно вспомнить, что и Joly, и Тардъ, и Варга, такъ критически относящіеся къ тюрьмѣ,—бывшіе судебные чины. Извѣстный криминалистъ Ламмашъ [1]) справедливо замѣчаетъ, что образованные и добросовѣстные судьи испытываютъ особое безпокойство при исполненіи своихъ обязанностей въ виду соображеній о безполезности наказаній. Ribot, извѣстный политическій дѣятель и юристъ, высказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей [2]), что не недостатокъ или неясность законовъ парализуютъ репрессію, а убѣжденіе судей въ томъ, что во Франціи не существуетъ правильной пенитенціарной системы.

Я не буду приводить многочисленныхъ отрицательныхъ отзывовъ о значеніи тюремнаго заключенія, какъ наказанія, высказанныхъ еще на пенитенціарномъ конгрессѣ въ Римѣ, въ 1885 г.

Въ тюрьмѣ разочаровались всѣ и окончательно: и законодатели и судьи и криминалисты и тюрьмовѣды—это фактъ, который оспаривать нельзя и который имѣетъ громадное значеніе. Не слѣдуетъ забывать, что тюрьма—главная, почти единственная, если не считать денежнаго взысканія, мѣра репрессіи и что всѣ попытки придумать какія-либо другія мѣры, которыя бы сколько-нибудь носили характеръ кары, мѣры репрессивной, оказались, какъ извѣстно, тщетными: и полицейскій надзоръ, выставленный Миттельштедтомъ и Фуромъ, и ссылка, защищавшаяся вновь въ послѣднее время проф. Брюкомъ, давно осуждены.

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что отказъ отъ тюрьмы есть вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ отъ послѣдней мѣры, которою располагала репрессія, какъ-бы ее ни понимать—въ смыслѣ-ли устрашенія, въ смыслѣ-ли мѣры исправительной.

---

[1]) Goltdammer. Archiv., B. 48, S. 69.

[2]) Revue penit., 1904, p. 190 (приведено Joly).

Я не говорю, что тюрьмы закроются завтра,—не дѣло науки заниматься предсказаніями; я отмѣчаю факты, то направленіе, которое ведетъ къ полному исчезновенію тюрьмы. Далѣе, „сохраненіе“ (Verwahrung) неисправимыхъ преступниковъ, которое очевидно неустранимо, неизбѣжно, ничего въ сущности общаго съ репрессіей не имѣетъ. Это, наоборотъ, прямое и открытое признаніе, что ни мѣры устрашенія, ни мѣры исправленія болѣе не годятся. Подобное сохраненіе есть мѣра, слишкомъ имѣющая, къ сожалѣнію, много общаго и съ лишеніемъ свободы буйнаго сумасшедшаго, помѣщаемаго подъ крѣпкіе замки въ домѣ умалишенныхъ, и съ заключеніемъ дикаго звѣря въ клѣтку. Здѣсь уже нѣтъ борьбы, нѣтъ даже превенціи, ибо надо совершить много преступленій и многіе годы ихъ совершать, чтобы дойти до такого положенія. Это, въ сущности, богадѣльня безъ свободы.

Но если наукѣ не слѣдуетъ заниматься предсказаніями, то ея обязанность отмѣтить и выставить въ надлежащемъ свѣтѣ все значеніе переживаемаго нами вымиранія репрессіи и послѣдовательной, медленной, недостаточно поддерживаемой и законодателемъ и наукой, замѣны мѣръ репрессіи мѣрами, которыя принимаетъ общество, въ рукахъ котораго мало по малу и сосредоточивается вся борьба съ преступностью. Этотъ медленный переходъ, въ особенности въ виду чрезвычайнаго усиленія преступности,—явленіе крайне опасное.

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря разочарованію во всѣхъ возможныхъ мѣрахъ репрессіи, благодаря, какъ говоритъ проф. Гарсонъ [1]), энервированію репрессіи, потрясается значеніе самого правосудія. Назначеніе смѣшныхъ наказаній, только чтобы отдѣлаться и формально исполнить наказаніе, не только не достигаетъ цѣли репрессіи, но даетъ возможность сомнѣваться въ болѣе важномъ, въ томъ, признаютъ-ли судьи и самое дѣяніе заслуживающимъ порицанія? Подрывается значеніе генеральной превенціи; покойный Тардъ, участвуя въ засѣданіяхъ societé generale des prisons, по поводу проекта Беранже о прощеніи, замѣтилъ (R. p., 1903 г. p. 1460), что la

[1]) Revue penit., 1904, p. 748.

vraie penalité, comme le vrai gouvernement, étant l'opinion publique, ce qui importe, c'est bien moins l'execution des peines, que leur prononcé judiciaire, т. е. что важно не исполненіе наказаній, а ихъ назначеніе судомъ, какъ представителемъ общественнаго мнѣнія—силы, поддерживающей весь государственный строй. Но если наказанія *назначаются* вовсе не соотвѣтствующія предусмотрѣннымъ въ законахъ мѣрамъ, тогда,—я повторяю,—невольно возникаетъ сомнѣніе, осуждается-ли дѣйствительно данное дѣяніе. А такихъ сомнѣній, разъ дѣло дошло до дѣяній, быть не должно, въ видахъ поддержанія правоваго и нравственнаго строя. Если-бы карательныхъ мѣръ не существовало въ законѣ, то за самымъ осужденіемъ публичнымъ отъ имени всего общества возстановилось-бы все его значеніе. А это осужденіе законнымъ судомъ должно, разумѣется, остаться навсегда незыблемымъ, хотя-бы и при полной замѣнѣ репрессіи превенціей,—тѣмъ болѣе, что жизнь создала уже, какъ увидимъ ниже, цѣлый рядъ мѣръ, осуществляемыхъ совмѣстно правосудіемъ при содѣйствіи общества.

Я не буду касаться вопроса о томъ, суждено ли превенціи по назначенію суда и безъ такового вполнѣ замѣнить репрессію, но я прежде всего не могу не остановиться на одной аналогіи. Роль современной филантропіи, дѣйствующей на тѣхъ новыхъ началахъ, о которыхъ я буду говорить ниже, вся посвящена задачамъ превенціи. Дѣло это громадное и почти всецѣло выполняется обществомъ, частною иниціативою, за исключеніемъ, однако, одной области—области, такъ сказать, неисправимыхъ нищихъ, всевозможныхъ инвалидовъ отъ рожденія и благодаря жизни, а равно неисправимыхъ лѣнтяевъ. Для призрѣнія въ этой области выступаетъ государство со своими учрежденіями или органы самоуправленія. Впрочемъ, разумѣется, и здѣсь частная иниціатива, частныя общества, много дѣлаютъ.

Нѣчто аналогичное,—можно предполагать,—произойдетъ и въ области борьбы съ преступностью, причемъ на государство, очевидно, ляжетъ всецѣло обязанность сохраненія (Verwahrung) неисправимыхъ. Все остальное, взамѣнъ репрессіи, отойдетъ отъ репрессіи къ превенціи и спеціально въ вѣдѣніе частной иниціативы, во исполненіе соотвѣтствен-

наго опредѣленія суда или безъ такового. Въ пользу возможности такого перехода—и, притомъ, полнаго,—отъ репрессіи къ превенціи говорятъ слѣдующія соображенія.

Прежде всего, уже выясненіе дѣйствительныхъ факторовъ преступности указываетъ на одно огромной важности обстоятельство. Совершеніе преступленія въ большинствѣ случаевъ является не случайностью въ жизни отдѣльнаго человѣка, а результатомъ, завершеніемъ, медленнаго и послѣдовательнаго процесса ослабленія экономическаго, физическаго и нравственнаго. Не можетъ быть сомнѣній, я думаю, въ томъ, когда слѣдуетъ выступать съ мѣрами борьбы, тогда ли, когда человѣкъ еще не дошелъ до преступленія или послѣ совершенія. Не можетъ быть сомнѣній, что если при осуществленіи репрессіи теперь требуютъ возможной индивидуализаціи, то въ тѣмъ большей степени нужна такая же индивидуализація въ мѣрахъ превентивныхъ, а осуществленіе требованій индивидуализаціи органамъ правительственнымъ, въ томъ числѣ даже и наиболѣе совершенному суду, недоступно,—для этого нужна дѣятельность частныхъ обществъ и частныхъ отдѣльныхъ личностей.

Съ другой стороны, если цѣлесообразнѣе, съ разсчетомъ на успѣхъ, можно бороться съ порочными и преступными наклонностями въ періодѣ ихъ образованія, до совершенія преступленія, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, вообще всякая борьба съ тѣми же наклонностями послѣ совершенія преступленія уже почти безнадежна. Не только потому она безнадежна, что мы имѣемъ дѣло съ укоренившимися наклонностями, но еще и потому, что совершеніе преступленія есть тотъ Рубиконъ, перейдя который человѣкъ имѣетъ всѣ основанія считать себя вполнѣ потерянным въ глазахъ общества и, несомнѣнно, и въ своихъ собственныхъ. Всякіе вопросы чести, собственнаго достоинства, различеніе нравственныхъ и безнравственныхъ дѣяній — все это мелочи въ сравненіи съ тѣмъ, что имъ совершено, и ему трудно выбросить изъ своей біографіи, изъ своей репутаціи это дѣяніе. Такому человѣку уже вполнѣ естественно море по колѣни. Но и этого мало: совершеніе преступленія, оглашая для всѣхъ степень деклассаціи виновника его, закрѣпляетъ эту деклассацію, это одиночество въ такой степени, что выйти изъ этого одиночества, говоря

языкомъ полицейскихъ дознаній, „бывшему уголовному преступнику“ уже совершенно невозможно: всѣ, самые снисходительные, люди отъ него отворачиваются, отстраняются, не довѣряютъ ему какого-нибудь занятія, опасаются даже его близкаго сосѣдства въ той же квартирѣ, въ томъ же домѣ. Онъ становится прокаженнымъ. Но если борьба вообще почти невозможна, безнадежна, при такихъ условіяхъ даже для общества, то что дѣлаетъ, чего достигаетъ и можетъ достигнуть репрессія? Она является средствомъ, усиливающимъ эту деклассацію, налагающимъ клеймо тюремнаго сидѣльца, лица, побывавшаго въ школѣ преступности. Эти послѣднія положенія настолько общепризнаны, что я не останавливаюсь на ихъ обоснованіи и думаю, что при такихъ условіяхъ вполнѣ естественно неизбѣжно современный цивилизованный міръ ищетъ исхода, другого исхода, кромѣ репрессіи, изъ безнадежнаго современнаго положенія борьбы съ преступностью, и этотъ исходъ, не преувеличивая вовсе его результатовъ,—дѣятельность общества.

Въ связи съ этими соображеніями слѣдуетъ отмѣтить и то направленіе, которое замѣчается и въ практической борьбѣ съ преступностью и въ наукѣ. Оно сводится къ тому, что главное вниманіе переносится съ преступности и преступленій и даже видовъ преступниковъ на этіологію преступленія, на зародыши, факторы преступленія. Признается не только болѣе цѣлесообразнымъ, но совершенно необходимымъ, гораздо важнѣе преслѣдованія цѣлей репрессіи, бороться съ тѣми явленіями, которыя признаются непосредственнымъ источникомъ преступности. Поэтому понятны, напримѣръ, слова проф. Видаля на конгрессѣ въ Антверпенѣ въ 1890 г., что „нельзя достаточно сожалѣть о полной негодности средствъ репрессіи; борьбу съ преступностью надо направить на источники этой преступности“ [1]). Въ томъ же смыслѣ высказался и извѣстный французскій юристъ Cuche въ статьѣ „Будущность устрашенія“ [2]). Если признаютъ необходимымъ,—говоритъ онъ,—бороться путемъ наказанія съ проявленіями преступности, то прежде всего слѣдуетъ бороться съ причинами

[1]) Revue penit., 1892, p. 973.

[2]) L'avenir de l'intimidation. Revue penit., 1894. p. 786.

преступности путемъ всевозможныхъ учрежденій предупреждающихъ, превентивныхъ.

Такой переходъ отъ репрессіи къ превенціи есть въ сущности только дальнѣйшая эволюція, дальнѣйшее продолженіе того ряда послѣдовательныхъ перемѣнъ въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, который наблюдается на протяженіи всей исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были современные взгляды на задачи репрессіи, источникомъ ея все-таки, несомнѣнно, является месть. Послѣдняя, въ свою очередь, ведетъ происхожденіе свое отъ того рефлекторнаго движенія, которое дѣлаетъ всякое живое существо въ защиту отъ непосредственно грозящей опасности. Въ этомъ отношеніи я не могу не присоединиться вполнѣ къ Letourneau [1]) и др. эволюціонистамъ. Только въ мести, кромѣ рефлекторнаго чувства самозащиты, заключается и желаніе удовлетворить чувство личной злобы. По справедливому замѣчанію Кистяковскаго въ его элементарномъ учебникѣ уголовнаго права (изд. 1891 г., стр. 126), „будучи преемницей тѣхъ элементовъ, которые создали уголовное право частной мести, общегосударственная власть во всемъ, что касается *лично ея*, усваиваетъ сначала, безъ всякой перемѣны, правила частной мести". Но, конечно, дальнѣйшая эволюція все это измѣнила. Прежде всего, по мѣрѣ развитія культуры, по мѣрѣ того что область чувствъ человѣкъ научился подчинять велѣніямъ разума, даже отдѣльный человѣкъ пришелъ къ заключенію, что рефлекторныя, насильственныя, дѣйствія допустимы только для *отраженія* и, притомъ, *непосредственно* грозящей опасности; всякія же насильственныя дѣйствія ex post facto не только не хороши съ нравственной точки зрѣнія, но и нераціональны, такъ какъ совершившагося все равно не измѣнишь, а насильственными дѣйствіями, совершаемыми въ отместку, только развѣ озлобишь и вызовешь новыя нападенія. Но это еще все—относительно отдѣльной личности, у которой, какъ у физическаго существа, есть чувства, которыми лишь слѣдовало научиться руководить. Такихъ чувствъ у абстрактной лич-

---

[1]) *Ch. Letourneau*, L'évolution juridique dans les diverses races humaines. 1891.

ности, которая называется государствомъ, нѣтъ и быть не должно. Пока государственная власть находилась въ рукахъ отдѣльнаго класса народа, небольшой кучки людей, эксплоатирующихъ всѣхъ другихъ, весь народъ въ защиту своекорыстныхъ интересовъ, допускались всякія средства. Но какъ уже это блестяще доказалъ въ своемъ изслѣдованіи о смертной казни (изд. 1896 г.) тотъ же Кистяковскій, съ переходомъ государственной власти въ руки всего народа, съ прекращеніемъ эксплоатированія одного класса народа другимъ, съ созданіемъ понятія личности, гражданина, наиболѣе грубыя формы репрессіи совершенно исчезаютъ. Я готовъ допустить, что это явленіе можетъ быть объясняемо развитіемъ гуманности. Но дальнѣйшее вымираніе репрессіи, которое я констатировалъ выше, должно быть объяснено уже болѣе глубокими причинами, а именно тѣмъ же расширеніемъ горизонта, большею правильностью взглядовъ на причины соціальныхъ явленій и на средства воздѣйствія на эти явленія. Съ того времени когда уголовная кара перестала защищать своекорыстные классовые интересы, а судебная власть, вмѣстѣ съ другими прерогативами, перешла къ народу, въ этомъ послѣднемъ стало все больше распространяться убѣжденіе, что не только неумѣстно всякое чувство злобы къ преступникамъ, но что рефлекторныя, въ особенности, не непосредственно, во время совершенія преступленія, предпринимаемыя дѣйствія неразумны, нецѣлесообразны. Мало того, стало все болѣе укореняться убѣжденіе, что въ значительной степени вина въ томъ, что совершаются преступленія, падаетъ не на отдѣльныя личности, а на весь общественный строй, на все общество. И вотъ это-то все болѣе развивающееся сознаніе вызываетъ дѣятельность общества въ борьбѣ съ преступностью, понимая подъ этимъ уже не борьбу съ преступленіями совершившимся, а съ тѣми причинами, которыя побуждаютъ отдѣльныхъ лицъ совершать преступленія.

И именно общество, а не государство, выступаетъ съ этою превентивною дѣятельностью, и это тоже понятно и тоже вполнѣ объясняется исторіею эволюціоннаго движенія въ этомъ направленіи. Даже въ эпохи самаго сильнаго развитія мести, этой основы всей репрессіи, рядомъ съ местью

какъ карою существовала превентивная дѣятельность семьи, рода, потомъ всевозможныхъ свободныхъ единеній и группировокъ въ средніе вѣка.

Съ зарожденіемъ и развитіемъ государства въ современномъ смыслѣ слова, месть, въ видѣ репрессіи, перешла въ руки государственной власти. Превенція, пока существовали остатки средневѣковыхъ единеній, осуществлялась обществомъ въ лицѣ этихъ единеній. Когда всѣ эти группировки были упразднены, превенція перестала дѣйствовать вовсе. Репрессія, выполненіе коей было на обязанности государства, оказалась совершенно безсильна въ борьбѣ съ преступностью, и мало-по-малу репрессія была признана, хотя еще и не окончательно, негоднымъ средствомъ въ борьбѣ съ преступностью. Этотъ моментъ совпадаетъ, однако, съ возрожденіемъ и могущественнымъ развитіемъ союзнаго движенія, которое стремится придти на помощь личности, которой непосильна борьба собственными единичными силами за нормальное существованіе. Понятно уже по этому одному, не говоря уже о самыхъ пріемахъ новой борьбы, которые опредѣляются характеромъ задачъ (индивидуализаціей и т. д.), совершенно непосильныхъ органамъ государственной власти, что это новое могущественное союзное движеніе взяло на себя и превентивную борьбу съ преступностью.

А. Мѣры репрессивныя.

Значеніе тюремнаго заключенія, какъ наказанія, въ прошлое и настоящее время.

Съ тюремнымъ заключеніемъ, какъ наказаніемъ, мы встрѣчаемся въ исторіи сравнительно поздно, не ранѣе половины XVI столѣтія. Оно и понятно. Пока въ началѣ исторической жизни человѣчества господствовала частная месть, пока на общественный строй смотрѣли какъ на установленный богами, а на нарушителя этого строя, какъ на лицо, осквернённое преступленіемъ, до тѣхъ поръ о тюрьмѣ, какъ наказаніи, не могло быть и рѣчи: преступникъ подлежалъ уничтоженію или вѣчному изгнанію, но никакъ не сохраненію и исправленію, а между тѣмъ только двѣ послѣднія цѣли и можетъ преслѣдовать тюремное заключеніе. Правда, мы находимъ тюрьмы уже на зарѣ европейской цивилизаціи въ Греціи и Римѣ, но здѣсь тюрьма служила не цѣлямъ наказанія, а исключительно цѣлямъ предварительнаго ареста до отбытія настоящаго наказанія въ видѣ отравленія (Сократъ), повѣшенія (Лентулъ, сообщникъ Катилины), преданія звѣрямъ на растерзаніе (христіанскіе мученики); тюрьма же являлась средствомъ понужденія къ уплатѣ долга государству (Алкивіадъ). Едва ли поэтому правиленъ взглядъ Letourneau, высказанный имъ въ его сочиненіи „L'évolution juridique“, что Афинская Δεσμὸς (тюрьма) была однимъ изъ видовъ наказанія. Дальнѣйшія поясненія автора только подтверждаютъ правильность отнесенія тюремнаго заключенія въ Греціи къ числу мѣръ предварительныхъ, а не карательныхъ.

Средніе вѣка—время полнаго распаденія государственной власти, господства частной воли и соглашеніи отдѣльныхъ гражданъ. Въ частности, въ дѣлѣ взысканій за совершенное преступленіе—или частная война внѣ суда или судебный поединокъ, которымъ рѣшались всѣ споры не только уголовные, но и гражданскіе, причемъ биться дозволялось не только съ противной стороной, но и съ судьями, вынесшими, по мнѣнію стороны, неправильный приговоръ; побѣжденный на поединкѣ тутъ же подвергался повѣшенію.

Послѣдовавшее затѣмъ закрѣпощеніе большей части свободнаго населенія, ростъ государственной власти и замѣна суда, какъ состязанія двухъ равноправныхъ сторонъ, инквизиціей тоже не могли быть благопріятны для введенія тюрьмы, какъ наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, закрѣпощеніе вызвало полное исчезновеніе идеи гражданина и гражданскихъ правъ въ смыслѣ римскаго права. Высокая идея личности, созданная христіанскою религіею съ ея правами на равное съ другими положеніе, на милосердіе въ случаѣ паденія, какъ будто совсѣмъ затерялась въ это печальное время господства не столько религіи, сколько церкви, которая не только располагала своими собственными особеными судами, но и выработала свое право, основывая его, однако, не на христіанскомъ ученіи, а на Моисеевомъ законодательствѣ. Ростъ государственной власти привелъ, правда, къ созданію понятія преступленія не въ смыслѣ только нарушенія интересовъ отдѣльныхъ лицъ, а въ смыслѣ потрясенія условій общежитія, но зато и наказанію была главнымъ образомъ поставлена цѣль устрашенія, какъ сказано въ Etablissements de St. Louis—„pour que les mauvais laissent à mal faire“. А такъ какъ къ тому же въ основѣ и этого государственнаго наказанія все же лежало чуство мести, то главнымъ достоинствомъ наказанія была степень его жестокости,—а такому требованію тюрьма не удовлетворяла. Инквизиція превратила преступника изъ стороны, изъ субъекта спора въ объектъ, по отношенію къ которому всѣ средства были хороши для раскрытія истины; отсюда—пытка, отмѣненная лишь въ самые послѣдніе годы XVIII столѣтія. Къ этому можно прибавить лишь указаніе на чрез-

вычайное развитіе процессовъ по обвиненію въ колдовствѣ, кончавшихся сожженіемъ виновныхъ, а равно на развитіе символизма въ правѣ, который требовалъ соотвѣтствія избираемаго наказанія характеру совершеннаго преступленія, что приводило ко всевозможнымъ жестокимъ и позорящимъ мѣрамъ. При такихъ условіяхъ, понятно, тюрьма являлась не болѣе какъ мѣстомъ временнаго сохраненія до суда. Какъ говоритъ Dr. Knapp (Alt-Würzburgergefängnisswesen, Archiv. f. Strafrecht u. Strafprocess, 48 B.), только у владѣтельныхъ князей были тюрьмы настоящія: въ городахъ и деревняхъ съ преступниками старались раздѣлаться немедленно, собственно мѣстныя тюрьмы были представлены въ двухъ одинаково несовершенныхъ видахъ—въ видѣ Stock, т. е. мѣста, огороженнаго балками, къ которымъ преступникъ привязывался, и Loch, та же Tulliana—ямы, полной сырости и червей, съ такимъ узкимъ отверстіемъ, что черезъ него съ трудомъ вталкивали преступника.

Лишь въ XVI вѣкѣ проявилось болѣе гуманное теченіе въ отношеніяхъ къ преступнику. Благодаря цѣлому ряду причинъ (чума, войны, освобожденіе крестьянъ), экономическое благосостояніе низшихъ слоевъ европейскаго населенія крайне понизилось, развились въ громадныхъ размѣрахъ такія явленія, какъ бродяжество, нищенство и мелкія кражи. Бороться съ этими явленіями тѣми же мѣрами, какъ и съ болѣе тяжкими преступленіями, было признано жестокимъ и для исправленія этихъ лицъ стали учреждать Zuchthaus, Spinnhaus и т. д., предназначенные, какъ показываютъ самыя названія, главнымъ образомъ для борьбы съ лѣнью. Въ этихъ заведеніяхъ особенно широко были поставлены работы, дававшія государству даже доходъ, и введена была разумная, послѣдовательно выдерживавшаяся, дисциплинарная система, съ разъединеніемъ арестантовъ на ночь. Что именно болѣе гуманное отношеніе къ преступнику вызвало такой поворотъ въ репрессіи, это удостовѣряется приводимымъ Гиппелемъ (Hippel, Beiträge zur Geschichte der Freiheitsstrafe. Zeitschrift f. die gesammte Strafrechtswissenschaft, B. 18) постановленіемъ амстердамскаго магистрата (1596 г.), въ которомъ учрежденіе цухтгауза объясняется особымъ настроеніемъ амстердамскихъ шефеновъ (Weil unsere eingesessenen Bärger so sind),

отказывавшихся присуждать дѣтей за мелкія кражи къ смертной казни и взрослыхъ за бродяжество къ повѣшенію. Несомнѣнно, что при этомъ впервые проявилось сознаніе, что совершеніе преступленія вызывается не одними личными, но и соціальными факторами. Примѣру Амстердама послѣдовали другіе города (въ Лондонѣ цухтгаузъ былъ учрежденъ еще ранѣе); съ теченіемъ времени и кругъ лицъ, заключаемыхъ въ цухтгаузы, сталъ расширяться. Напрасно было бы думать, однако, что съ учрежденіемъ нѣсколькихъ цухтгаузовъ система наказаній измѣнилась или даже, что присужденіе къ заключенію въ цухтгаузѣ заняло видное мѣсто въ современной лѣстницѣ наказаній. Въ этомъ отношеніи любопытны указанія, дѣлаемыя знаменитымъ англійскимъ филантропомъ и первымъ тюрьмовѣдомъ Джономъ Говардомъ въ его сочиненіи „State of prisons“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1780 году (французскій переводъ „l'Etat des prisons“, которымъ я пользовался, сдѣланъ въ 1791 году). Какъ извѣстно, въ одной лишь Голландіи изъ всѣхъ странъ Европы Говардъ нашелъ тюрьмы въ удовлетворительномъ состояніи, и вотъ въ этой то странѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, всѣ сколько-нибудь важныя преступленія карались смертною казнью (н. с. Говарда. т, I, отд. V): за убійство непредумышленное—отсѣченіе головы, за кражи—повѣшеніе, за болѣе тяжкія преступленія преступниковъ или колесовали или распинали на крестѣ, положенномъ плашмя на эшафотѣ. Россія въ исторіи развитія тюрьмы, какъ наказанія, шла по тому же пути, какъ и Западная Европа: хотя о порубахъ и погребахъ мы встрѣчаемъ указанія уже въ договорахъ съ греками въ концѣ XII столѣтія, но впервые о тюрьмѣ, какъ наказаніи, говоритъ лишь Царскій судебникъ 1550 года, а въ Уложеніи 1649 года тюремное заключеніе примѣняется уже въ сорока случаяхъ (сравн. И. Я. Фойницкій, Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ, стр. 314). Періода цухтгаузовъ мы не переживали, а остались при примитивныхъ тюрьмахъ, какъ свидѣтельствуетъ Н. Д. Сергѣевскій въ своемъ сочиненіи „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. 1887 г.“

Только французская революція, сломавъ всѣ сословныя перегородки, уравнявъ всѣхъ передъ закономъ, создавъ

понятіе гражданина и его правъ, личности какъ таковой, безотносительно къ ея общественнымъ, экономическимъ и другимъ преимуществамъ, положила, какъ блестяще доказалъ А. Ф. Кистяковскій въ своемъ „Изслѣдованіи о смертной казни“ изд. 1896 г., начало болѣе гуманному отношенію къ преступнику, въ которомъ стали видѣть человѣческую личность, даже и по совершеніи ею преступленія, способную подняться нравственно и послѣ своего паденія заслуживающую поэтому пощады. Только съ этого времени исчезла пытка въ (1780 г. отмѣнена пытка до суда, а послѣ суда—позже) и стали вымирать личныя наказанія въ видѣ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, уступая мѣсто мѣрамъ исправительнымъ и, прежде всего, тюремному заключенію. Только при этихъ новыхъ условіяхъ могли быть, хотя отчасти, осуществлены требованія Джона Говарда о систематической и въ то же время гуманной постановкѣ тюремнаго заключенія, какъ одного изъ видовъ наказанія. Сочиненіе Говарда, вышедшее за 9 лѣтъ до французской революціи (John Howard, his life by H. Bellows въ Pears, Prisons and reformatorys at home and abraod, 1872 г. докладъ Лондонскому тюремному конгрессу), продиктованное подъ вліяніемъ глубокаго, истинно-религіознаго (пуританскаго, кальвинитскаго, диссидентскаго) убѣжденія въ необходимости и возможности водворенія на землѣ правды и милости Божіей, раскрыло передъ европейскими правительствами и обществомъ истинное состояніе европейскихъ тюремъ, которыя являлись въ то время источникомъ физической и нравственной заразы, мѣстомъ, гдѣ царилъ произволъ тюремщиковъ. Послѣднимъ было сдано на откупъ содержаніе арестантовъ и ввѣренъ весь внутренній режимъ тюрьмы. въ который государство не вмѣшивалось, не тратя вмѣстѣ съ тѣмъ ни копѣйки ни на вознагражденіе тюремнаго надзора ни на содержаніе арестантовъ. Понятно поэтому, что даже оправдательный приговоръ суда не освобождалъ арестанта отъ дальнѣйшаго содержанія въ тюрьмѣ, разъ онъ былъ въ долгу за свое пропитаніе начальнику тюрьмы. Только въ Голландіи дѣло было лучше поставлено и дало возможность Говарду выставить слѣдующія требованія раціональной системы мѣръ борьбы съ преступностью:

1) главная предупредительная мѣра противъ развитія преступности—обученіе дѣтей бѣдныхъ родителей ремесламъ; 2) отказъ отъ ссылки и широкое примѣненіе труда въ тюрьмахъ (знаменитое выраженіе: „сдѣлайте людей трудолюбивыми и вы сдѣлаете ихъ честными"); 3) примѣненіе научнаго и религіознаго образованія, какъ средства подготовить арестантовъ къ жизни на волѣ; 4) отказъ отъ наказаній, лишающихъ арестантовъ надежды на лучшее будущее, а вмѣстѣ съ тѣмъ подрывающихъ всякую возможность достигать ихъ исправленія—таково, напр., пожизненное заключеніе; 5) досрочное освобожденіе для трудолюбивыхъ и хорошо учившихся арестантовъ; 6) возведеніе тюремъ по системѣ одиночнаго заключенія. Эти положенія, впослѣдствіи развитыя и дополненныя, были положены въ основу современной пенитенціарной системы, т. е. системы мѣръ, направленныхъ къ исправленію преступниковъ при посредствѣ особаго тюремнаго режима, дисциплины съ ея наградами и взысканіями. Однако же, непосредственно ученіе Говарда не привело къ реформѣ тюремнаго строя Европы въ предложенномъ имъ направленіи. Реформа эта осуществилась гораздо позднѣе, причемъ главныя ея основанія были позаимствованы изъ Америки. Здѣсь, въ штатѣ Пенсильваніи эти начала выработались на той-же религіозно-диссидентской почвѣ (квакеровъ), на которой выросло и ученіе Говарда. Пенсильванцы исходили изъ того-же убѣжденія въ возможности исправленія и нравственнаго возрожденія преступниковъ, а потому требовали, чтобы наказаніе не было губительно ни для физическаго, ни для моральнаго здоровья арестанта. Уже закономъ 1790 года,—т. е. почти одновременно съ дѣятельностью Говарда (его сочиненіе вышло въ 1780 г.), смертная казнь въ штатѣ Пенсильваніи оставлена была лишь за предумышленное убійство и постановлено было приступить къ возведенію тюремъ по системѣ одиночнаго заключенія, съ заведеніемъ въ этихъ тюрьмахъ тяжкихъ и постоянныхъ работъ. Предположенія закона получили окончательное осуществленіе лишь въ концѣ 20-хъ годовъ XIX столѣтія (въ 1829 г.), когда близъ Филадельфіи было возведено 2 тюрьмы по системѣ одиночнаго заключенія, изъ которыхъ одна, Eastern Penitentiary, особенно удачно построенная по

рисунку вѣера, состояла изъ ряда флигелей, сходящихся въ центрѣ служебнаго и надзирающаго павильона и послужила потомъ образцомъ для тюремъ Европы. Въ другомъ штатѣ Америки, Нью-Іоркѣ, попытались примѣнить ту же систему, считая основнымъ ея принципомъ разъединеніе арестантовъ съ цѣлью предотвратить вредное вліяніе ихъ другъ на друга,—однако на болѣе дешевыхъ основаніяхъ, какъ это отчасти было заведено въ Бельгійской тюрьмѣ въ Гентѣ, открытой въ 1776 г., а именно разъединяя арестантовъ лишь на ночь и заставляя ихъ днемъ работать совмѣстно, но въ полномъ молчаніи. Система эта, называемая Оборнской (тюрьма близь Нью-Іорка), не удалась, ибо молчаніе поддерживалось лишь неограниченнымъ произволомъ тюремныхъ надзирателей въ наложеніи наказаній и арестовъ. За то слава первой системы Пенсильванской такъ быстро росла, что западно-европейскія государства уже въ половинѣ 30-хъ годовъ послали даровитѣйшихъ своихъ людей изучать тюремное дѣло въ Америкѣ: Токвилля, Деметца, Блуэ изъ Франціи, Крауффодра и Росселя изъ Англіи, Юліуса изъ Пруссіи. Это былъ первый, но не послѣдній случай позаимствованія Европою у Америки мѣръ борьбы съ преступностью; въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія зародившійся въ Массачузетсѣ институтъ условнаго осужденія былъ усвоенъ почти всѣми государствами Европы, а въ настоящее время Европа изучаетъ и близка къ принятію системы неопредѣленныхъ приговоровъ для способныхъ къ исправленію и реформаторій, образцомъ которыхъ является реформаторія Эльмира близъ Нью-Іорка. По возвращеніи изъ Америки тюрьмовѣдовъ, высказавшихся рѣшительно въ пользу Пенсильванской системы одиночнаго заключенія, европейскія государства съ начала 40-хъ годовъ XIX столѣтія принялись усиленно за возведеніе одиночныхъ тюремъ; возникли Пентонвилль въ Англіи, Моабитъ въ Пруссіи, Бельгія перестроила всѣ свои тюрьмы по этой системѣ. Система одиночнаго заключенія получила вскорѣ дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе въ такъ называемой Ирландской прогрессивной системѣ, начало коей положено было Вольтеромъ Крофтономъ. Съ принятіемъ этой системы, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, въ большинствѣ Европейскихъ государствъ

мы дѣйствительно можемъ говорить о водвореніи въ тюрьмахъ пенитенціарной системы, какъ совокупности мѣръ, направленныхъ къ нравственному возрожденію преступника, къ подготовкѣ его для возвращенія въ ряды нормальнаго общества въ качествѣ честнаго труженика. Для достиженія этихъ цѣлей, прежде всего принимаются мѣры къ устраненію вреднаго вліянія товарищей по заключенію, такихъ-же преступниковъ, а затѣмъ создается рядъ такихъ мѣръ въ видѣ все увеличивающихся поощреній, а съ другой стороны дисциплинарныхъ взысканій, которыя бы являлись для арестанта стимулами для исправленія и улучшенія, побудительными причинами проявить самодѣятельность въ дѣлѣ своего собственнаго перевоспитанія. Первой задачѣ служитъ одиночное заключеніе, занимающее извѣстную часть, около $^1/_3$ (иногда, какъ въ Англіи, первые три или девять мѣсяцевъ заключенія, смотря по тяжести наказанія) всего срока наказанія. Съ одиночнаго заключенія, производящаго притомъ на арестанта извѣстное моральное воздѣйствіе, обыкновенно и начинается отбытіе наказанія. Въ это время арестанту или вовсе не даютъ работы, или малопроизводительную (что отчасти вынуждено условіями работы), такъ что предоставленіе работы послѣ истеченія этого срока является уже желаннымъ поощреніемъ. Работа занимаетъ большую часть времени арестанта; извѣстное число часовъ, однако, удѣляется на изученіе религіи, посѣщеніе церкви и обученіе грамотѣ и наукамъ арестантовъ, не достигшихъ еще извѣстнаго возраста. На основаніи прилежанія, вниманія, послушанія и общаго поведенія выставляются отмѣтки или выдаются марки. Все населеніе тюремное раздѣлено на классы; переходъ изъ класса въ классъ даетъ арестанту цѣлый рядъ преимуществъ въ смыслѣ питанія, свободы и частоты свиданій съ близкими, размѣра вознагражденія за работу и т. д. Проступки влекутъ дисциплинарныя взысканія, задержку въ переходѣ изъ класса въ классъ и т. д. Но самое серьезное средство въ рукахъ тюремной администраціи для воздѣйствія на арестантовъ и для побужденія ихъ къ исправленію или, по крайней мѣрѣ, къ выполненію всѣхъ обращаемыхъ къ нимъ требованій—это возможность въ награду за хорошее поведеніе освободить арестантовъ до окончанія срока, назначен-

наго имъ судомъ наказанія, съ тѣмъ, что если они на свободѣ будутъ вести себя хорошо, то совсѣмъ избавятся отъ отбыванія этой части наказанія (обыкновенно не болѣе $^1/_3$). Нельзя отрицать большой стройности, логичности, послѣдовательности всей этой системы. Когда она впервые была установлена, увлеченіе лучшихъ европейскихъ мыслителей было громадное; казалось человѣчество нашло могущественное средство бороться съ преступленіями, бороться съ порокомъ. Подъ вліяніемъ этого увлеченія и по предложенію лучшихъ юристовъ и тюрьмовѣдовъ того времени Mittermaier, Ducpetiaux, Obanel и друг., былъ созванъ въ 1846 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ первый международный пенитенціарный конгрессъ для обмѣна мыслей по вопросу о примѣненія одиночнаго заключенія. Небольшой томикъ трудовъ этого конгресса весь преисполненъ надеждъ на блестящіе результаты отъ примѣненія новой системы. Вмѣстѣ съ тѣмъ получился матеріалъ и для научныхъ обобщеній и въ настоящее время „Тюрьмовѣдѣніе“ несомнѣнно является одной изъ видныхъ дисциплинъ юридическихъ наукъ, ему посвященъ рядъ учебниковъ Гольцендорфомъ, Кроне, Лейтмайеромъ, Видалемъ, Дю-Кеномъ, Ашроттомъ, Вайнсомъ, Старке, Теллокомъ, у насъ И. Я. Фойницкимъ (Ученіе о наказаніяхъ въ связи съ тюрьмовѣденімъ), не считая отдѣльныхъ монографій и работъ. Послѣдовавшіе за Франкфутскимъ тюремные конгрессы внесли много улучшеній въ постановку тюремнаго заключенія и, тѣмъ не менѣе, надежды на благотворные результаты примѣненія новой системы не оправдались. Ростъ преступности и, что еще важнѣе, ростъ рецидива, за нѣкоторыми и притомъ весьма сомнительными исключеніями (Англія), крайне велики, несоразмѣрны съ ростомъ населенія. Тюремное заключеніе не задержало этого роста. Возраженія противъ современной системы примѣненія и постановки этого наказанія крайне многочисленны, и я ограничусь только бѣглымъ обзоромъ важнѣйшихъ.

Важнѣе всѣхъ другихъ принципіальныхъ возраженій, по моему мнѣнію,—возраженіе фактическаго, такъ сказать, свойства, указывающее на невозможность примѣненія и на непримѣненіе въ дѣйствительности въ большинствѣ тюремъ раціональныхъ требованій пенитенціарной системы. Объ-

ясняется это чрезвычайной дороговизной постройки: одиночная камера въ общемъ разсчетѣ обходится около 1300 руб. у насъ и соотвѣтственно заграницей (до 3000 франковъ); но это лишь въ общемъ разсчетѣ, при возведеніи большихъ зданій съ многими камерами, а иначе постройка обходится еще дороже. Я не могу здѣсь подробно останавливаться на вопросѣ о постройкахъ, но результатъ этой дороговизны тотъ, что даже самыя богатыя государства могли возвести сравнительно небольшое число одиночныхъ тюремъ. Между тѣмъ возможность ограничиться сравнительно небольшимъ числомъ тюремъ стоитъ въ прямой зависимости отъ размѣровъ территоріи, разстояній между населенными пунктами, развитія желѣзнодорожной сѣти и т. д. Условія эти такъ стѣснительны, что только два государства—Англія и Бельгія могли ограничиться сравнительно весьма небольшимъ числомъ тюремъ: въ Англіи ихъ 63, въ Бельгіи 30. Зато въ другихъ государствахъ рѣзко выдѣлились два типа тюремъ: одинъ—центральная для болѣе важныхъ преступниковъ, такихъ тюремъ немного, въ нихъ болѣе или менѣе проведены начала раціональнаго устройства, онѣ ввѣрены образованному и хорошо поставленному тюремному надзору, объ ихъ дѣятельности печатаются ежегодные отчеты. Другой типъ гораздо болѣе многочисленный,—такъ называемыхъ мѣстныхъ тюремъ; въ Пруссіи ихъ 992, въ Россіи около 850, въ Австріи приблизительно столько-же—гдѣ эти начала вовсе не проведены, гдѣ арестанты содержатся въ общемъ заключеніи, гдѣ работъ никакихъ не заведено [1]) и завести трудно, тюремъ, однимъ словомъ, которыя ни въ какомъ отношеніи не только не могутъ служить цѣлямъ исправленія арестантовъ, а прямо развращаютъ ихъ, объединяя преступные элементы. А между тѣмъ, какъ показали статистическія данныя, представленныя парижскому тюремному конгрессу въ 1895 г. (Statistique penitentiaire, 1895), средне-суточный составъ арестантовъ въ этихъ тюрьмахъ въ $1^1/_2$, 2, 3 раза

---

[1]) Какъ выяснено въ моей работѣ „Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ (1897 г.)“, у насъ въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ трудомъ занято не болѣе 20% всѣхъ содержащихся.

больше, чѣмъ въ центральныхъ. Но если къ этому прибавить, что въ мѣстныхъ тюрьмахъ отбываютъ краткосрочныя наказанія, что благодаря этому въ теченіе года составъ арестантовъ мѣняется 6 и болѣе разъ, то станетъ понятнымъ, что, напримѣръ, въ 1894 г. въ Россіи въ центральныхъ тюрьмахъ (каторжныхъ и исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ) средне-суточный составъ равнялся 22253 человѣкамъ, мѣстныхъ—78659 ч., но въ дѣйствительности въ мѣстныхъ тюрьмахъ за этотъ годъ перебывало 652827 чел. (ср. названную мою работу). А между тѣмъ всѣ начинающіе преступники, не совершившіе тяжкихъ преступленій, впервые знакомятся съ наказаніемъ лишеніемъ свободы въ этихъ тюрьмахъ и не подпадаютъ подъ благодѣтельный режимъ центральныхъ тюремъ тогда, когда еще на нихъ можно воздѣйствовать. Когда же они укоренятся въ преступныхъ наклонностяхъ и совершатъ важное преступленіе, когда, однимъ словомъ, надежды на ихъ исправленіе почти нѣтъ, тогда только они попадаютъ въ центральныя, правильно поставленныя, тюрьмы. Такимъ образомъ тюрьма оказывается не только совершенно безполезнымъ средствомъ въ борьбѣ съ преступностью, но и учрежденіемъ развращающимъ. А между тѣмъ, за упраздненіемъ большинства другихъ наказаній, тюрьма является наиболѣе распространеннымъ наказаніемъ.

Затѣмъ, разумѣется, кромѣ этого фактическаго возраженія, нельзя не считаться и съ принципіальными возраженіями, тѣмъ болѣе что они исходятъ отъ высшихъ авторитетовъ среди ученыхъ тюрьмовѣдовъ, лицъ тюремной администраціи и судей. Такъ, достаточно упомянуть о высказанномъна брюссельскомъ тюремномъ конгрессѣ въ 1900 г. начальникомъ англійскаго тюремнаго управленія Реггль-Брайзъ и бельгійскимъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ мнѣніи, что тюрьма не имѣетъ никакого вліянія на ростъ рецидива, причемъ Реггль-Брайзъ добавилъ, что или надо предположить, что тюрьма вообще не имѣетъ морализующаго вліянія, или что преступленіе вообще дѣлается спеціальнымъ ремесломъ и сосредоточивается въ извѣстномъ классѣ. Реггль-Брайзъ добавилъ лишь, что онъ скорѣе склоняется ко второму мнѣнію (Actes du Congres de Bruxelles, vol III, p. 381; Bulle-

tin, 4 serie, livre. II, 1900, p. 207). Нельзя также не упомянуть о мнѣніи знаменитаго современнаго юриста Лежена, министра юстиціи Бельгіи, той страны, гдѣ одиночное заключеніе наиболѣе послѣдовательно и совершенно поставлено, на конгрессѣ патроната въ Антверпенѣ въ 1890 г. Леженъ, говоря о патронатѣ, выразилъ удивленіе, какъ могло человѣчество додуматься до мысли, что постройкой одиночныхъ келій оно справится съ преступностью. Тѣмъ-же недовѣріемъ къ цѣлесообразности тюремнаго заключенія, скорѣе чѣмъ излишнею гуманностью, слѣдуетъ, несомнѣнно, объяснять чрезвычайную наклонность судей къ назначенію тюремнаго заключенія на короткіе сроки. Такъ во Франціи въ 1896 г. 120.641 чел. были присуждены на срокъ менѣе года, а 14.520—на срокъ немѣе 6 дней. У насъ (ср. мою работу о возможности и желательности введенія въ Россіи условнаго осужденія) въ среднемъ срокъ заключенія отбывающихъ наказаній въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ $1^1/_2$ мѣсяца. Такія краткосрочныя наказанія, очевидно, не достигаютъ уже вовсе никакой цѣли; достаточно вспомнить, какъ справедливо говоритъ Louis de la Hougue въ своемъ сочиненіи „Des courtes peines d'emprisonnement“ (1901), что даже въ Эльмирѣ, американской реформаторіи близь Нью-Іорка, представляющей дорого стоющій идеалъ исправительныхъ заведеній для взрослыхъ преступниковъ, для исправленія большинства арестантовъ необходимо болѣе чѣмъ годовое содержаніе. Понятно при такихъ условіяхъ движеніе въ пользу замѣны краткосрочныхъ наказаній условнымъ осужденіемъ, а тюрьмы вообще другими мѣрами: ссылкой, полицейскимъ надзоромъ и т. д. Во главѣ этого движенія стоятъ Генри Жоли, профессоръ Левелье, Брюкъ, Варга, Миттельштедтъ и др. Въ числѣ наиболѣе существенныхъ возраженій противъ тюремнаго заключенія слѣдуетъ привести: 1) указанія на крайнюю дороговизну этого наказанія, которая не только не допускаетъ широкаго примѣненія системы одиночнаго заключенія, какъ указано выше, или улучшеній по системѣ американскихъ реформаторій, но и, при примѣненіи тюрьмы въ неулучшенномъ видѣ, влечетъ за собою расходы, совершенно недопустимые въ государственномъ бюджетѣ по сравненію съ расходами на обезпеченіе

условій развитія и благосостоянія честныхъ гражданъ: такъ, бюджетъ тюремнаго управленія у насъ, при всемъ несовершенствѣ нашихъ тюремъ, превышаетъ половину бюджета министерства народнаго просвѣщенія; 2) на несостоятельность самого принципа собиранія со всей страны преступныхъ элементовъ въ одно зданіе, въ которомъ или вовсе не достигается разъединеніе ихъ, или не вполнѣ, такъ что подъ вліяніемъ товарищей преступники еще болѣе развращаются. При такихъ условіяхъ одинъ фактъ отбытія наказанія въ тюрьмѣ, безотносительно къ тяжести учиненнаго преступленія, налагаетъ клеймо, препятствующее возвращенію въ ряды нормальнаго трудящагося общества, не желающаго принять бывшаго арестанта обратно въ свою среду; 3) указываютъ, далѣе, на вредъ для физическаго здоровья и въ особенности умственныхъ способностей и воли одиночнаго заключенія на сколько нибудь продолжительный срокъ—человѣкъ не возрождается и не исправляется, а совершенно разслабляется и дѣлается негоднымъ для активной жизни и дѣятельности (le coup de la cellule); 4) тюрьма, говорятъ далѣе, имѣетъ, несомнѣнно, крайне деморализующее вліяніе и въ другихъ отношеніяхъ: предоставляя арестанту все необходимое для его существованія, она избавляетъ его отъ заботы о завтрашнемъ днѣ, усыпляетъ въ немъ ту энергію, которая необходима ему, большею частью бѣдному человѣку, для обезпеченія заработка. Съ другой стороны, разлучая съ семьей, тюрьма пріучаетъ арестанта къ эгоизму, не говоря уже о разореніи семьи; 5) наконецъ указываютъ, что при всей дѣлимости тюремнаго заключенія и возможности поэтому для судьи выбирать между десятками степеней, это наказаніе, по самому существу его организаціи, не даетъ возможности индивидуализировать наказанія сообразно съ недостатками данной разновидности преступниковъ. Поэтому уже большинство современныхъ государствъ вывело или подготовляется къ удаленію изъ тюрьмы малолѣтнихъ, закоренѣлыхъ рецидивистовъ, случайныхъ преступниковъ, алкоголиковъ, лѣнтяевъ и т. д.

Реформы въ области уголовнаго законодательства.

Проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія. Норвежское уголовное уложеніе 22 мая 1902 г.

Подъ напоромъ какъ новыхъ вѣяній въ наукѣ, такъ и, въ особенности, необходимости считаться съ новою постановкою борьбы съ преступностью въ жизни, какъ эта борьба ведется и законодателемъ и судомъ и обществомъ, два видныхъ представителя классической догматической школы составили каждый для своего отечества новые уголовные кодексы: проф. (нынѣ Вѣнскаго университета) Карлъ Штооссъ составилъ проектъ общешвейцарскаго уголовнаго уложенія и проф. въ Христіаніи Гетцъ составилъ проектъ Норвежскаго уголовнаго уложенія, проектъ, обратившійся 22 мая 1902 г. въ законъ.

Оба профессора работали каждый для своего отечества, принимая во вниманіе мѣстныя потребности. Они работали совершенно независимо другъ отъ друга, и неизвѣстно даже, въ какой мѣрѣ каждому изъ нихъ были извѣстны труды другого. А тѣмъ не менѣе, въ обоихъ уложеніяхъ основныя начала общія. Оба уложенія составляютъ, несомнѣнно, послѣднее слово техники въ области уголовнаго законодательства и, притомъ, не только въ смыслѣ новизны, но и въ томъ смыслѣ, что едва-ли и въ будущемъ можно будетъ дальше пойти на этомъ пути систематизаціи и разработки мѣръ репрессіи, не подвергая коренной ломкѣ всю систему репрессіи. Въ этихъ уложеніяхъ—въ особенности въ проектѣ швейцарскаго уголовнаго уложенія, который пред-

ставляетъ собой, благодаря талантливости автора, несомнѣнно совершенно выдающееся произведеніе—сдѣлано все, чтобы приспособить систему репрессіи къ требованіямъ дѣйствительной жизни, чтобы согласовать её съ началами цѣлесообразной борьбы съ преступностью, а не одного безцѣльнаго каранія, чтобы посчитаться съ живою личностью преступника, значеніе коей выяснено наукой. Большее приспособленіе системы репрессіи достигнуто быть не можетъ, и потому познакомиться съ обоими уложеніями, какъ яркими представителями переходнаго времени, необходимо.

Проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія.

Каждый новый уголовный кодексъ, выработанный въ какомъ-либо европейскомъ государствѣ, съ момента появленія его на свѣтъ въ видѣ проекта, сосредоточиваетъ на себѣ больше всякаго другаго законодательнаго акта вниманіе всей Европы и, въ особенности, ея законодателей, политиковъ, ученыхъ и юристовъ.

Какъ справедливо говоритъ извѣстный нѣмецкій юристъ Меркель, „уголовное право всегда остается позади общаго культурнаго уровня страны; не успѣютъ совершить, благодаря выдающимся умамъ, необходимыя реформы, какъ оказывается, что опозданіе опять на-лицо. Причиной такого отставанія является, съ одной стороны, то, что задачи государства въ этомъ отношеніи все усложняются, по мѣрѣ развитія общественныхъ отношеній и жизни, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ усиливается разнообразіе и противоположность различныхъ интересовъ, а слѣдовательно и частота столкновеній противоположныхъ интересоеъ, что является, разумѣется, источникомъ преступленій; съ другой стороны, вмѣстѣ съ развитіемъ науки и гуманности и повышеніемъ значенія низшихъ классовъ общества, усиливается требованіе на болѣе уравнительное правосудіе, большее сожалѣніе къ преступникамъ и усиленіе соціальнаго чувства отвѣтственности за тѣ условія общественной организаціи, которыя сами являются причиной преступленій“.

Но проектъ швейцарскаго уложенія сосредоточилъ на себѣ особенное вниманіе благодаря тому, что авторъ его профессоръ Карлъ Штооссъ является, несомнѣнно, изъ ряда вонъ талантливой личностью, высокимъ, глубокимъ, просвѣщеннымъ умомъ; благодаря талантамъ составителя, и

самое его произведеніе сдѣлалось сразу, съ момента выхода его въ свѣтъ, выдающимся, крупнѣйшимъ общественнымъ явленіемъ, которое заслуживаетъ самаго всесторонняго, внимательнаго изученія. Ученые всѣхъ странъ Европы изучаютъ это замѣчательное произведеніе и все находятъ новыя стороны для изученія; написанъ цѣлый рядъ монографій и статей, громадное большинство, почти всѣ писавшіе объ уложеніи, отзываются о немъ какъ о выдающемся, великолѣпномъ произведеніи; даже тѣ, которые, какъ, напримѣръ, извѣстный издатель *Rivista penale* проф. Luigi Lucchini, далеко не раздѣляютъ взглядовъ на основные вопросы права, осуществленныхъ и проведенныхъ въ новомъ уложеніи, и тѣ признаютъ, что это „importante opera legislativa assaia promettente per il paesa, a cui é destinato“. Громадное же большинство писавшихъ о швейцарскомъ уложеніи несомнѣнно раздѣляетъ взглядъ на этотъ проектъ профессора Ламмаша, который высказалъ слѣдующія соображенія (l. c.): „Какъ пограничные камни на пути историческаго развитія уголовнаго права, стоятъ въ началѣ 19-го столѣтія австрійское уголовное уложеніе 1813 г., code pénal 1810 г. и баварское уголовное уложеніе 1813 г. Надо полагать, что при исходѣ того же столѣтія первое общее для всего швейцарскаго союза уголовное уложеніе въ обработкѣ К. Штоосса и норвежское уложеніе въ обработкѣ Б. Гетца будутъ свидѣтельствовать о прогрессѣ за эти три поколѣнія человѣческихъ знаній, желаній и умѣнья. Законы, которые возникли въ промежутокъ времени между первыми и послѣдними кодексами,—германское уголовное уложеніе, нидерландское и даже итальянское—будутъ, въ сравненіи съ двумя вышеупомянутыми проектами, забыты тотчасъ же, какъ только потеряютъ силу дѣйствующаго закона; продолжительный слѣдъ, во всякомъ случаѣ, они едва-ли оставятъ“.

Такъ выражается нѣмецкій профессоръ, отдавая столь сильное предпочтеніе чужестранному передъ своимъ.

Стремленію не упускать изъ виду жизнь, работать для нея и пригодными, разумѣется, для этого орудіями, съ тѣмъ чтобы въ этой же реальной жизни достичь извѣстныхъ опредѣленныхъ результатовъ, обязано главнымъ образомъ швейцар-

ское уложеніе одною изъ самыхъ крупныхъ, если не самою выдающеюся своею особенностью — тѣмъ духомъ энергіи, борьбы, которымъ оно проникнуто и освѣщено. Этотъ духъ, или чувство энергіи, отмѣчаетъ и нерасположенный къ проекту итальянецъ Луккини, смотря на него по поводу нѣкоторыхъ статей, какъ на увлеченіе. А между тѣмъ это вовсе не увлеченіе, это — сознательное и рѣшительное осуществленіе оригинальныхъ, новыхъ, глубокихъ, взглядовъ на преступленіе и наказаніе, на этотъ фундаментъ всякой теоріи уголовнаго права и всякаго дѣйствующаго уголовнаго кодекса. „Преступленіе должно быть наказано“ — вотъ основное начало положенія дѣйствующей теоріи и дѣйствующихъ кодексовъ, должно быть наказано въ видахъ охраненія правового порядка, въ видахъ того, чтобы не нарушался основной принципъ правоваго государства, въ которомъ преступленія не остаются безнаказаннымп, причемъ задача собственно уголовнаго кодекса, а тѣмъ болѣе теоріи, и состоитъ въ этой логической работѣ, въ поддержаніи силлогизма, въ которомъ первымъ положеніемъ является неподлежащее, повидимому, никакому сомнѣнію и оспариванію требованіе: „преступленіе должно быть наказано“; что затѣмъ происходитъ, за удовлетвореніемъ и выполненіемъ этого силлогизма,—это уже несущественно, во всякомъ случаѣ не относится къ области уголовнаго права и уголовныхъ порядковъ.

Не такъ смотритъ на эти вопросы Штооссъ, онъ самъ говоритъ: „Это (проведенное въ проектѣ) *презрѣніе къ криминалистической школьной премудрости* возбудитъ неодобреніе не одного ученаго спеціалиста. Составитель разсчитываетъ, однако, на сочувствіе тѣхъ, которымъ измѣненіе къ лучшему нашего современнаго положенія въ отношеніи преступности особенно дорого,—однимъ словомъ, на сочувствіе швейцарскаго народа“. Вотъ, кого имѣлъ въ виду авторъ проекта; онъ поставилъ себѣ задачею дать въ руки этого народа орудіе, средство, для измѣненія современнаго положенія преступности въ странѣ къ лучшему, для борьбы. Но съ чѣмъ? Не съ преступленіемъ, разумѣется, съ которымъ въ сущности, какъ съ совершившимся дѣяніемъ, отошедшимъ въ прошедшее и не подлежащимъ ни отмѣнѣ

ни измѣненію, бороться нечего и нельзя (въ сущности и карать его нельзя), а съ живымъ человѣкомъ, который совершилъ преступное, вредное для общества, дѣяніе и представляетъ опасность, зло для этого общества.

При такомъ измѣненіи взглядовъ на преступленіе, преступника и наказаніе, естественно измѣняется взглядъ и на задачи государственной дѣятельности, направленной на борьбу съ преступностью.

И прежде всего признается, что можно бороться съ лицами, совершающими или хотя бы единый разъ совершившими преступленіе, и что государство должно принимать мѣры для огражденія общества отъ этихъ лицъ, какъ представляющихъ опасность, зло, для общества. Но понятно, что если автоматическое и безцѣльное караніе замѣняется борьбой, то всему такъ сказать уголовному аппарату придается движеніе, всякая мѣра получаетъ оцѣнку и освѣщеніе съ точки зрѣнія цѣлесообразности ея; стремятся, а главное надѣются, достигнуть извѣстныхъ цѣлей, а потому и выбираютъ такія мѣры, которыя приводили бы къ намѣченной цѣли. Но цѣль не одна: съ оставленіемъ, какъ предмета каранія, отвлеченнаго понятія преступленія и съ замѣною его живымъ преступникомъ, оказалось, что преступленія совершаются не по однѣмъ и тѣмъ же причинамъ, не въ силу только одной преступности натуры, понятія неопредѣленнаго и въ сущности не передающаго чего-либо въ дѣйствительности существующаго, а въ силу крайне разнообразныхъ причинъ: юношескаго неумѣнья владѣть собой, наклонности къ разгулу, увлеченія, несчастнаго стеченія обстоятельствъ, привычки къ преступленію и т. д.; лѣчить всѣхъ этихъ лицъ однимъ и тѣмъ же лекарствомъ, разумѣется, совершенно немыслимо и вотъ Штооссъ приспособилъ прежнія мѣры для новыхъ цѣлей и ввелъ еще цѣлый рядъ новыхъ мѣръ. Наказаніе въ смыслѣ причиненія внѣшняго матеріальнаго зла путемъ, главнымъ образомъ, однообразнаго, всюду одинаково примѣняемаго, лишенія свободы заняло только извѣстное мѣсто среди ряда другихъ мѣръ. По справедливому замѣчанію проф. Лиліенталя, наказанія лишеніемъ свободы примѣняются въ проектѣ весьма экономно—только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть основанія

ожидать дѣйствительныхъ результатовъ. Объясняя въ комиссіи экспертовъ [1]), разсматривавшей проектъ, предложенную имъ систему наказанія, Штооссъ заявилъ, что онъ изучилъ и литературу по данному вопросу, и швейцарскія мѣста заключенія, и пришелъ къ заключенію, что по устройству и состоянію этихъ мѣстъ въ Швейцаріи можно осуществить только два вида наказанія лишеніемъ свободы: каторжную тюрьму (Zuchthaus) и обыкновенную тюрьму (Gefängniss); чѣмъ больше выставить въ законѣ наказаній, тѣмъ будетъ красивѣе на видъ, но такимъ путемъ будетъ удовлетворена только академическая, теоретическая надобность (Verhandlungen, т. I, стр. 142). Эти замѣчательно трезвыя, жизненныя разсужденія склонили въ пользу Штооссa членовъ комиссіи, изъ которыхъ нѣкоторые мечтали о custodia honesta, для примѣненія которой въ дѣйствительности представляется очень мало случаевъ. Но, ограничившись двумя видами лишенія свободы (кромѣ того для нарушеній установленъ арестъ), Штооссъ настаивалъ, чтобы они отбывались въ различныхъ помѣщеніяхъ; иначе, какъ справедливо замѣтилъ онъ, между этими двумя наказаніями не будетъ различія. Для того чтобы лишеніе свободы въ этихъ мѣстахъ заключенія обезпечивало бы не только запираніе, но достиженіе извѣстныхъ дѣйствительныхъ результатовъ, въ смыслѣ борьбы съ порочными наклонностями заключенныхъ, вводится заключеніе на первые три мѣсяца содержанія въ одиночной кельѣ и, что главное, обязательный трудъ.

Послѣ этихъ мѣръ для поднятія значенія наказанія лишеніемъ свободы Штооссъ измѣнилъ и самый характеръ назначенія этого наказанія; предоставляя судьямъ колоссальный просторъ въ назначеніи размѣра наказанія, Штооссъ, однако, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ признаетъ желательной

---

[1]) Комиссія экспертовъ, созванная союзнымъ департаментомъ юстиціи и полиціи, состояла изъ ряда извѣстныхъ профессоровъ: Фаве, Готье, Гретенера, Цюрхера, самого Штооссa и изъ выдающихся мѣстныхъ судебныхъ и тюремныхъ дѣятелей и засѣдала съ большими перерывами въ 1893, 1894 и 1895 г.г. Протоколы ея засѣданій (1896 г.) весьма интересны.

особенно сильную репрессію, повышаетъ максимумъ размѣра, до котораго можетъ доходить судья, въ такихъ предѣлахъ, которыхъ не знаютъ другія законодательства; при сравненіи швейцарскаго проекта съ другими уложеніями получается такое впечатлѣніе, какъ отъ сравненія писанія съ подчеркнутыми въ извѣстныхъ мѣстахъ словами съ письмомъ ровнымъ, спокойнымъ, безъ подчеркиваній. Такъ, напримѣръ, останавливаясь на укрывательствѣ похищеннаго (все равно—путемъ кражи, грабежа или другаго преступленія) и считая, совершенно правильно, это преступленіе особо опаснымъ (въ дѣйствительности гораздо болѣе опасное, чѣмъ самое совершеніе кражъ, напримѣръ), Штооссъ назначаетъ до 3 лѣтъ цухтгауза за простое укрывательство, до 5 лѣтъ, когда обвиняемый судился за то же преступленіе въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ, то же наказаніе за занятіе укрывательствомъ въ видѣ промысла; въ то-же время итальянское уложеніе (ст. 421) назначаетъ reclusione до 2 лѣтъ, нидерландское (ст. 416)—тюрьму до 3 лѣтъ. Можно было-бы привести еще много подобныхъ же статей—въ особенности, напримѣръ, изъ отдѣла преступленій противъ нравственности, къ которымъ составитель проекта отнесся съ особой строгостью.

Но и эти строгости могутъ не помочь. Авторъ проекта вѣдь рѣшился на борьбу, а не на удовлетвореніе логическаго силлогизма, въ которомъ одно изъ положеній гласитъ „преступленіе должно быть наказано",—онъ поставилъ себѣ задачею принять противъ каждаго вида преступниковъ соотвѣтствующія мѣры. Съ свойственной ему откровенностью и прямотой Штооссъ заявилъ въ комиссіи, что наказаніе лишеніемъ свободы на извѣстные опредѣленные сроки не оказываетъ вліянія на закоренѣлыхъ рецидивистовъ, а безконечный рецидивъ больше всего подрываетъ довѣріе къ правосудію, т. е., иначе говоря, вѣру въ дѣйствительность и полезность тѣхъ мѣръ, которыя принимаетъ правосудіе въ борьбѣ съ преступленіемъ.

Нельзя въ то-же время забывать, что болѣе строгихъ мѣръ, чѣмъ лишеніе свободы, въ проектѣ нѣтъ,—смертная казнь въ проектъ не введена.

Необходимо также принять во вниманіе, что Швейцарія не владѣетъ колоніями, а потому у составителя проекта

уложенія не могло возникать предположеній о введеніи ссылки въ систему мѣръ наказанія.

И вотъ, разрѣшая дилемму, какъ относиться къ рецидиву, который въ Швейцаріи не менѣе развитъ, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, причемъ, какъ показываютъ печатаемыя въ „Zeitschrift f. Schweizer. Strafrecht", издаваемой тѣмъ-же Штооссомъ, статистическія свѣдѣнія, встрѣчаются своего рода знаменитости, судившіяся въ своей жизни до 132 разъ и еще продолжающія дѣйствовать, Штооссъ призналъ, что наказанія лишеніемъ свободы безсильны въ данномъ случаѣ, что надѣяться на устрашеніе, исправленіе, на возвращеніе вообще въ ряды нормальнаго общества нѣтъ основаній [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ общество въ правѣ принять мѣры обезвреживанія на болѣе продолжительные сроки,— этой цѣли и отвѣчаетъ интернированіе, предложенное Штооссомъ (его прежде него предлагалъ Листъ) и введенное имъ въ проектъ; интернированные „сохраняются", содержатся, въ особыхъ заведеніяхъ въ теченіе не менѣе 10 и не болѣе 20 лѣтъ, хотя и для интернированныхъ не потеряна совсѣмъ надежда на освобожденіе; по истеченіи 5 лѣтъ, при добромъ поведеніи и благопріятныхъ условіяхъ, они могутъ быть досрочно, условно освобождены. Одинъ изъ членовъ комиссіи Фаве справедливо замѣтилъ, что основная мысль интернированія та же, что и французской релегаціи.

Члены комиссіи, отнесшіеся къ принципу интернированія вполнѣ сочувственно, настояли, однако, на томъ, чтобы было сдѣлано перечисленіе тѣхъ преступленій, при осужденіи за которыя возможно примѣненіе интернированія.

Несомнѣнно, что интернированіе представляется мѣрою весьма суровою и чрезвычайно рѣшительною, но созданіе ея является только дальнѣйшимъ развитіемъ основной мысли

---

[1]) Были запрошены директора всѣхъ швейцарскихъ тюремъ и всѣ признали, что среди осужденныхъ—преимущественно за кражу, мошенничество и преступленія противъ нравственности—имѣются арестанты, на исправленіе которыхъ разсчитывать трудно, почти 1/4 осужденныхъ принадлежитъ къ этой категоріи; для нихъ необходимо устройство особыхъ мѣстъ заключенія. Revue pénale Suisse, 1893; Dr. L. Guillaume—Les récidivistes et le code pénal Suisse.

проекта, что не можетъ быть общаго, одного средства для борьбы со всѣми преступленіями, со всѣми видами преступниковъ, что для каждаго типа и вида нужно создать соотвѣтствующую мѣру и примѣнять ее только постольку, поскольку она достигаетъ цѣли.

Но не одни рецидивисты выведены изъ общихъ мѣстъ заключенія.

Выведены оттуда и случайные преступники, присужденные впервые къ наказанію лишеніемъ свободы на время не свыше 6 мѣсяцевъ, совершившіе преступленія не изъ низмѣнныхъ мотивовъ,—такія лица условно осуждаются.

Выведены изъ тюрьмы и малолѣтніе,—пребываніе ихъ въ тюрьмѣ было бы явнымъ нарушеніемъ самыхъ скромныхъ требованій правосудія въ борьбѣ съ преступленіемъ, въ особенности при той цѣлесообразной постановкѣ мѣръ борьбы, какая дѣлается проектомъ; для малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ (ранѣе 14-лѣтняго возраста малолѣтніе не преслѣдуются въ уголовномъ порядкѣ) создается совершенно самостоятельное учрежденіе, они помѣщаются или въ особыя исправительныя колоніи, или въ особыя мѣста заключенія, для нихъ однихъ создаваемыя, гдѣ они отбываютъ одиночное заключеніе на сроки отъ 3 дней до 3 мѣсяцевъ. Наконецъ, для нихъ же, въ случаѣ обнаруженія признаковъ особой нравственной испорченности, предполагается устройство особыхъ учрежденій для интернированія подобно интернированію взрослыхъ, на сроки отъ 3 до 15 лѣтъ. Наконецъ, если въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ несовершеннолѣтній попадаетъ въ тюрьму, то въ ней онъ содержится отдѣльно отъ взрослыхъ. Такимъ образомъ, приняты мѣры для предохраненія отъ зараженія въ дурной нравственной обстановкѣ тюрьмы случайно, въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, или по молодости соприкоснувшихся съ преступленіемъ.

Но съ выводомъ изъ общихъ мѣстъ заключенія рецидивистовъ, случайныхъ преступниковъ и малолѣтнихъ, остается все же еще рядъ лицъ, для которыхъ содержаніе въ этихъ мѣстахъ заключенія недостаточно или вовсе излишне; какъ показываетъ практика и жизнь, преступленія, въ особенности извѣстной категоріи, совершаются далеко не исклю-

чительно вслѣдствіе порочности натуры, а также вслѣдствіе наклонности къ разгульной жизни, лѣности, наконецъ, вслѣдствіе пьянства, обратившагося въ привычку, въ болѣзнь, хотя и не сопровождающуюся еще психическимъ разстройствомъ; и вотъ этихъ всѣхъ лицъ надо лѣчить соотвѣтственными ихъ болѣзнямъ средствами; поэтому проектъ предоставляетъ судьѣ наклонныхъ къ разгулу и къ праздности вмѣсто тюремнаго заключенія, или въ дополненіе къ послѣднему, заключать въ рабочіе дома на время отъ 1 до 3 лѣтъ; привычныхъ пьяницъ судья можетъ, въ случаѣ присужденія ихъ къ тюремному заключенію на срокъ болѣе года, по предварительномъ испрошеніи заключенія врачей, послать въ спеціальныя лѣчебницы для пьяницъ на время до 2-хъ лѣтъ.

Выведены, наконецъ, изъ тюрьмы и лица, присуждаемыя взамѣнъ денежныхъ взысканій къ тюремному заключенію, въ виду несостоятельности ихъ къ уплатѣ этого взысканія (штрафы, назначаемые за нарушенія, тоже не замѣняются арестомъ); объясняя эту мѣру въ комиссіи, Штооссъ заявилъ, что при нынѣшней системѣ замѣны денежныхъ взысканій, въ концѣ концовъ, въ мѣстахъ заключенія содержится большее число лицъ присужденныхъ къ денежному взысканію, чѣмъ присужденныхъ къ заключенію; при такихъ условіяхъ наказаніе лишеніемъ свободы теряетъ свое важное значеніе, а отбывающіе наказаніе взамѣнъ денежнаго взысканія принуждаются къ бездѣлью на казенный счетъ. И, такимъ образомъ, наказаніе лишеніемъ свободы, не являясь болѣе цѣлительнымъ средствомъ отъ всѣхъ преступленій, получило характеръ спеціальнаго средства для борьбы съ натурами преступными (а не порочными лишь), но еще окончательно неиспорченными, на исправленіе коихъ можно надѣяться и которыя нуждаются въ устрашеніи путемъ срочнаго заключенія.

Въ то же время и другому виду наказанія—денежному взысканію—возвращено самостоятельное, собственное такъ сказать, значеніе особой мѣры, имѣющей цѣлью спеціально, въ желательномъ для правосудія размѣрѣ, вліять на имущественныя средства осужденнаго, и поэтому прежде всего не указано предѣла, до котораго можетъ идти судья въ

опредѣленіи размѣра денежнаго взысканія, -- послѣднее можетъ и должно быть соразмѣрено со средствами подсудимаго; и здѣсь, такимъ образомъ, приходится отмѣтить эту ноту энергіи, желанія не только исполнить требованіе формальное о наказаніи преступленія, но дать почувствовать и богатому неисполнителю законныхъ требованій государственной власти силу этой власти. Входя опять-таки далѣе въ жизненныя условія и признавая, что, несмотря на соотвѣтствіе назначеннаго взысканія средствамъ осужденнаго, онъ, тѣмъ не менѣе, можетъ быть не въ состояніи сразу выплатить цѣликомъ все взысканіе, проектъ предоставляетъ судьѣ право разсрочивать платежъ. Наконецъ, въ видахъ практическаго, дѣйствительнаго осуществленія этого наказанія, въ случаѣ невозможности для осужденнаго уплатить взысканіе, таковое отработывается осужденнымъ въ особыхъ учрежденіяхъ, безъ лишенія свободы, и то, что назначено, получается. Но и этимъ не ограничивается оригинальность постановки денежнаго взысканія въ проектѣ. Имѣя въ виду, что дѣятельность государства въ борьбѣ съ преступниками ставитъ себѣ задачею оградить различные блага и интересы гражданъ—жизнь, здоровье, честь, имущество и т. д., что между тѣмъ часто государство, выступая, въ виду нарушенія какого-нибудь изъ этихъ благъ, и наказывая преступника денежнымъ взысканіемъ, не принимаетъ почти никакихъ мѣръ для того чтобы заставить преступника загладить то зло, которое имъ причинено потерпѣвшему, и, мало того, бываютъ случаи, когда преступникъ, за уплатой денежнаго взысканія (какъ мѣры наказанія), оказывается въ дѣйствительности не въ состояніи удовлетворить потерпѣвшаго, Штооссъ, не упуская изъ виду жизненныхъ задачъ наказанія, ввелъ въ проектъ правило, въ силу котораго судья, предвидя невозможность полученія съ обвиняемаго особаго вознагражденія за убытки, причиненные потерпѣвшему, можетъ постановить, что часть или даже и все назначенное съ осужденнаго взысканіе поступаетъ въ пользу потерпѣвшаго.

Нельзя не упомянуть еще о нѣкоторыхъ мѣрахъ, которыя судья уполномочивается принимать до совершенія преступленія въ отношеніи лицъ, внушающихъ опасеніе

нарушенія мира. Такъ, прежде всего, судья имѣетъ право обязать лицо, угрожающее совершить преступленіе (если имѣются основанія опасаться осуществленія угрозы), дать обѣщаніе воздержаться отъ преступленія и даже представить особое поручительство, залогъ, въ обезпеченіе вѣрнаго исполненія обѣщанія, который и сохраняется у судьи въ теченіи 2 хъ лѣтъ. Въ случаѣ, если угрожавшій откажется отъ дачи обѣщанія и представленія залога, судья можетъ подвергнуть его задержанію на срокъ до 6 мѣсяцевъ.

Судья можетъ также, въ установленномъ закономъ порядкѣ, распорядиться о помѣщеніи невмѣняемаго вполнѣ или отчасти лица въ больницу для душевнобольныхъ, въ случаѣ если такое лицо представляетъ опасность для общества. Тотъ же судья можетъ наложить на привычнаго пьяницу, совершившаго преступленіе, сверхъ наказанія, запрещеніе посѣщать кабаки на время отъ 1 до 5 лѣтъ. Мѣра эта практикуется уже и нынѣ въ нѣкоторыхъ кантонахъ и собюденіе ея въ небольшихъ центрахъ, повидимому, возможно.

Если остановиться на перечисленныхъ выше мѣрахъ и вспомнить, что проектъ знаетъ особыя мѣры относительно слѣдующихъ видовъ преступниковъ: 1) рецидивистовъ, 2) случайныхъ преступниковъ, 3) малолѣтнихъ, 4) совершающихъ преступленія вслѣдствіе наклонности къ разгулу и праздности, 5) преступниковъ вслѣдствіе наклонности къ пьянству, если вспомнить еще цѣлый рядъ другихъ мѣръ, вновь создаваемыхъ проектомъ, и измѣненій существующихъ въ настоящее время мѣръ, то едва ли останется сомнѣніе, что принципъ цѣлесообразной борьбы съ преступниками проведенъ замѣчательно послѣдовательно и широко. Но что такое весь этотъ рядъ мѣръ? Не слѣдуетъ ли различать среди этихъ мѣръ, наряду съ оставшимися отъ прежняго строя классическими наказаніями лишеніемъ свободы, мѣры „превентивныя“, тѣмъ болѣе, что и самый отдѣлъ называется „Strafen u. sichernde Massnahmen“ [1])?

---

[1]) Ф. Листъ (Archiv f. sociale Gesetzgebung u. Statistik, VI) замѣтилъ по поводу швейцарскаго проекта, что время строгаго различенія между мѣрами предупрежденія и наказанія настолько прошло, что

Вѣрно ли, однако, будетъ считать, что, хотя въ части, но прежнія наказанія лишеніемъ свободы остались? тѣ ли это наказанія,—или только осталось названіе, а самый смыслъ измѣнился? Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить какое громадное число лицъ и, главное, категорій лицъ, содержавшихся до сихъ поръ и нынѣ еще содержащихся въ мѣстахъ заключеній, выводится оттуда благодаря проекту, если имѣть также въ виду, что швейцарскій союзъ уголовнаго права и тюрьмовѣдѣнія, въ своихъ засѣданіяхъ 14 и 15 октября 1895 г. обсуждавшій вопросъ о мѣрахъ, принятіе которыхъ необходимо для осуществленія проекта на практикѣ, въ смыслѣ устройства различныхъ мѣстъ заключенія, не только выразилъ сочувствіе тому предположенному проектомъ процессу, который я назвалъ въ другомъ мѣстѣ „распаденіемъ тюрьмы", но пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи, то станетъ понятно, что лишеніе свободы, въ смыслѣ общаго наказанія за всѣ преступленія или, иначе, въ смыслѣ мѣры кары для всѣхъ, самыхъ различныхъ категорій, преступниковъ, перестало существовать и оставлено только для спеціальнаго вида преступниковъ и въ видѣ, разумѣется, спеціальной мѣры, отвѣчающей, по строго проведенному принципу цѣлесообразности, потребностямъ даннаго случая, данныхъ условій.

Это разнообразіе мѣръ уже само собою предполагаетъ разнообразіе объектовъ, на которые эти мѣры направляются, и указываетъ на совершившійся предъ тѣмъ переворотъ во взглядахъ на преступника; какъ индивидуализація наказанія предполагаетъ распаденіе стараго наказанія—одного цѣльнаго, равномѣрно и равнодушно распредѣлявшагося направо и налѣво, нужно ли или не нужно, такъ и новые взгляды на преступника разрушаютъ прежнее (къ сожалѣнію, существующее еще и доселѣ), такъ сказать, алгебраическое понятіе преступника, которое было удобно для всякаго уравненія, для всякой логической эквилибристики, такъ какъ въ сущности совсѣмъ оставляло безъ выясненія и опредѣленія природу преступника, а тѣмъ болѣе тѣ при-

---

теперь вовсе не удивительно встрѣтить въ уголовномъ кодексѣ мѣры простой полиціи безопасности.

чины и условія, благодаря которымъ преступленія совершаются людьми, и вотъ вторая особенность и въ то же время и громадная заслуга швейцарскаго проекта—въ индивидуализаціи, такъ сказать, понятія преступника, въ выясненіи и попыткѣ опредѣлить въ законѣ значеніе различныхъ индивидуальныхъ особенностей, психическихъ индивидуальностей преступниковъ, для государственной власти, ведущей борьбу съ преступностью въ странѣ, и для судьи, отправляющаго правосудіе,

Уже самое созданіе различныхъ видовъ наказаній указываетъ, что Штооссъ имѣлъ въ виду различныя категоріи преступниковъ и придавалъ этому различію существенное и рѣшительное значеніе. Въ общемъ дѣленіе преступниковъ на виды, положенное имъ въ основу системы наказаній, немногимъ отличается отъ общепризнанныхъ уже въ современной наукѣ съ Вальберга, Ферри, Листа и др. дѣленій. Дѣйствительно, мы видимъ случайныхъ преступниковъ, которые опредѣляются какъ лица, не наказанныя до того ни въ Швейцаріи, ни за границей лишеніемъ свободы, совершившія преступленіе nicht aus niedriger Gesinnung, причемъ niedrig замѣнило прежде стоявшее слово gemein, т. е. не вслѣдствіе низменныхъ побужденій и готовыхъ загладить причиненный ими потерпѣвшему вредъ.

Другая противоположность—это многократно судившіеся, на исправленіе которыхъ надѣяться нельзя. Листъ замѣчаетъ, что и безъ предварительной неоднократной судимости могутъ быть лица, которыя занимаются преступленіемъ ремесленно и прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ выполненія умысла, что не оставляютъ сомнѣнія въ ихъ неисправности; несомнѣнно, однако, что сужденіе о неисправимости, хотя бы даже ремесленно занимающихся преступленіемъ, будетъ преждевременно и менѣе обосновано, чѣмъ принятый въ проектѣ признакъ прежней судимости; къ тому же, какъ говоритъ Штооссъ (въ объяснительной запискѣ къ проекту редакціи 1894 г., стр. 139 и сл.), бродяги, нищіе, публичныя женщины и другіе разгульные, обратившіе разгулъ и бездѣлье въ привычку и даже ремесло, могутъ быть заключены въ рабочій домъ. Въ проектѣ перечислены преступленія, за которыя можетъ быть назначено интерни-

рованіе—это преступленія противъ жизни, здоровья, имущества, нравственности, свободы, подлогъ; преступленія эти, какъ сказано въ объяснительной запискѣ, потому и являются исключительно Verwahrungs-verbrechen, что они причиняютъ тяжкій вредъ и являются прямой опасностью для общества и въ то же время, какъ показываетъ опытъ, совершаются большею частью въ видѣ промысла.

Наконецъ третью группу, для которой предполагаются тюрьма и цухтгаузъ, составляютъ всѣ остальные, т. е. преступники, совершающіе преступленія по самымъ различнымъ мотивамъ, представляющіе весьма разнообразные оттѣнки характеровъ и наклонностей, но которые для государства и государственныхъ цѣлей борьбы съ преступленіемъ могутъ быть объединены въ одну группу лицъ, совершившихъ преступленіе не случайно, не подъ вліяніемъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ, а въ виду несдержанности и порочности своей натуры, однако же, въ то же время не лишающихъ государственную власть надежды на исправленіе ихъ, на введеніе ихъ въ границы, требуемыя общежитіемъ условіями нормальнаго общества. И вотъ на этихъ лицъ предполагается воздѣйствовать двумя видами лишенія свободы—менѣе и болѣе строгимъ; насколько такое воздѣйствіе будетъ успѣшно—это вопросъ другой, но именно для этой стадіи развитія преступности, для этой группы преступниковъ признается необходимой острастка, устрашающе-исправительный режимъ мѣстъ заключенія, который, такъ сказать, получаетъ особую задачу, особую функцію—средства для борьбы съ извѣстнымъ видомъ преступниковъ.

Это тройное дѣленіе преступниковъ—на случайныхъ, неисправимыхъ и среднюю группу—и общепризнано въ наукѣ и имѣетъ за себя, такъ сказать, большой внутренній логическій смыслъ, научность. Но Штооссъ мало стремился заслужить похвалы науки и ея представителей и мало заботился о логической систематизаціи, когда жизнь требовала иного. И вотъ поэтому, рядомъ съ такими глубокими принципіальными различіями, Штооссъ выставилъ еще двѣ группы: людей, совершающихъ преступленія благодаря пьянству, которое у нихъ обратилось въ привычку, и затѣмъ лицъ, совершающихъ преступленія благодаря наклонности къ

праздности, разгулу и нерасположенію къ работѣ; послѣдняя группа очень велика,—въ нее Штооссъ включаетъ бродягъ, нищихъ, публичныхъ женщинъ и другихъ разгульныхъ людей. Несомнѣнно, обѣ группы могли бы быть включены въ ту общую группу, которую я назвалъ выше среднею, а отчасти можетъ быть попали бы и въ группу неисправимыхъ; принципіально онѣ, въ сущности, отъ этихъ группъ не отличаются, но вопросъ вѣдь не въ принципіальной классификаціи для созданія научной системы, а въ организаціи наиболѣе цѣлесообразной борьбы съ преступленіемъ, а это-то соображеніе цѣлесообразности указываетъ на желательность принятія особыхъ мѣръ въ отношеніи двухъ группъ преступниковъ, изъ которыхъ въ каждой стимуломъ совершенія весьма различныхъ преступныхъ дѣяній является одна и та же порочная наклонность, которая и объединяетъ въ отдѣльную группу разнообразныхъ ея представителей. Несомнѣнно, что если начать объединеніе и выдѣленіе въ отдѣльныя группы всѣхъ дѣйствующихъ подъ вліяніемъ одной и той же страсти или порочной наклонности, то средняя группа распадется и образуется много новыхъ; съ точки зрѣнія логической систематизаціи это будетъ правильнѣе, но съ практической стороны это будетъ совершенно безцѣльно, ибо какихъ-либо особыхъ средствъ борьбы для этихъ группъ пока не изобрѣтено.

Итакъ, вотъ подраздѣленія преступниковъ на категоріи, которыя Штооссъ призналъ необходимымъ сдѣлать, такъ сказать, для государства въ видахъ организаціи правильной системы наказаній.

Но несомнѣнно, однако, что судья, примѣняющій законъ и опредѣляющій *размѣръ* наказанія или даже дѣлающій выборъ между тѣмъ или другимъ наказаніемъ, не можетъ удовольствоваться этими подраздѣленіями,—они слишкомъ крупны, въ особенности средняя группа; поэтому въ цѣляхъ правосудія и правильнаго примѣненія общаго закона къ отдѣльнымъ случаямъ необходима дальнѣйшая индивидуализація, дальнѣйшее дробленіе понятія „преступникъ“, необходимо принятіе въ соображеніе тѣхъ многообразныхъ различныхъ „мотивовъ“ дѣйствія, съ перемѣною которыхъ совершенно, въ корень измѣняется значеніе и смыслъ того

объективнаго основанія наказанія преступнаго дѣянія, которое одно только и принималось старой школой во вниманіе.

И вотъ въ области освѣщенія и принятія въ соображеніе мотивовъ, внутренней, нравственной стороны лица, совершившаго преступленіе, проектъ дѣлаетъ громадный скачокъ впередъ, оставляя совершенно позади всѣ дѣйствующіе кодексы уголовные и всѣ другіе проекты.

Какъ замѣчаетъ цитированный уже выше проф. Ламмашъ, „два момента въ особенности выдѣляютъ и выгодно отличаютъ отъ другихъ швейцарскій проектъ: одинъ изъ нихъ внутренній, другой внѣшній. Съ одной стороны, вышедшая изъ употребленія въ современномъ законодательствѣ простота, краткость и народность выраженій, которыя такъ выгодно отличаютъ лучшіе законодательные памятники начала нынѣшняго столѣтія отъ многословныхъ и часто, несмотря на это, ничего не говорящихъ законодательныхъ произведеній послѣдующихъ десятилѣтій, а съ другой стороны—серьезное и увѣнчавшееся успѣхомъ стремленіе привести по возможности въ связь и соглашеніе юридическую квалификацію дѣяній съ нравственной оцѣнкой ихъ и, такимъ образомъ, возвратить уголовному правосудію то высшее значеніе и вѣсъ, которые оно къ вреду для своей дѣйствительности въ жизни потеряло во многихъ отношеніяхъ подъ вліяніемъ законодательства, чуждаго народнымъ воззрѣніямъ“.

На этой второй части замѣчанія Ламмаша о введеніи нравственнаго элемента въ проектъ я теперь же и остановлюсь (къ первой я вернусь еще впослѣдствіи). Дѣйствительно, такой элементъ введенъ и притомъ въ значительной степени. Такъ проектъ говоритъ: „судья опредѣляетъ размѣръ наказанія, указаннаго въ законѣ за данное преступленіе, смотря по степени виновности, а денежное взысканіе и сообразно со средствами обвиняемаго, и кромѣ того выясняетъ и принимаетъ во вниманіе мотивъ совершенія преступленія (Beweggründe), предыдущую жизнь и личныя отношенія обвиняемаго“. Такое постановленіе обращаетъ на себя большое вниманіе своимъ широкимъ указаніемъ судьѣ на необходимость самаго подробнаго выясненія личности обвиняемаго, его характеристики и на значеніе инди-

видуальности обвиняемаго для опредѣленія размѣра назначаемаго ему наказанія. Въ числѣ этихъ личныхъ моментовъ указанъ и мотивъ совершенія преступленія; но затѣмъ, кромѣ этого общаго предписанія, во всемъ проектѣ разсыпаны указанія на значеніе отдѣльныхъ разнообразныхъ мотивовъ для опредѣленія размѣра наказанія. Такъ мы встрѣчаемъ указанія, что наказаніе можетъ быть понижено, когда обвиняемый совершилъ преступленіе по достойнымъ уваженія мотивамъ, когда онъ былъ вызванъ на преступленіе нанесеніемъ ему тяжкаго оскорбленія или насилія, безъ всякаго съ его стороны повода, когда онъ находился въ состояніи законнаго возмущенія по поводу совершеннаго дугимъ лицомъ преступленія. Здѣсь сразу выставленъ цѣлый рядъ новыхъ положеній, въ особенности же указаніе на достойные уваженія мотивы. Это выраженіе встрѣчаемъ мы также въ статьѣ объ убійствѣ, когда убійство совершено по требованію убитаго (наказаніе можетъ быть понижено до 1 мѣсяца тюрьмы), и въ статьѣ о поддѣлкѣ актовъ о состояніи (какъ часто поддѣлываютъ родители, чтобы избавить дочь отъ стыда за прописаніе незаконнаго ребенка и т. д.).

Нельзя также не отмѣтить указанія на мотивы, хотя и не achtungswerthe, но все же дающіе основаніе къ извѣстному смягченію, такъ, напримѣръ, aus Unbedacht, (не подумавъ) aus Mutwillen (особое юношеское легкомысліе, ухарство, необдуманность) и т. д.

Если указанія на отдѣльные мотивы обобщить, то увидимъ, что подъ мотивомъ для совершенія преступленія Штооссъ подразумѣваетъ совсѣмъ не цѣль преступленія, не то, къ чему преступникъ стремится, а натуру самого преступника, его психическія свойства, которыя только въ данномъ отдѣльномъ дѣяніи проявились: благородный характеръ, увлекающійся, злобный, завистливый и т. д. Такимъ образомъ, въ рамкахъ общихъ группировокъ, съ которыми считается государственная власть, предполагается дальнѣйшая индивидуализація, при чемъ оцѣнка индивидуальныхъ достоинствъ происходитъ уже съ точки зрѣнія нравственной.

Тотъ же принципъ—считаться не съ дѣяніями и фактами, а съ лицами, и принимать противъ послѣднихъ мѣры

только въ томъ случаѣ, если дѣяніе является проявленіемъ порочной и опасной натуры, — руководилъ Штооссомъ и при составленіи восьма оригинальной и широко задуманной статьи объ ошибкѣ; въ силу этой статьи судья, оцѣнивая данное дѣяніе, становится на точку зрѣнія лица, совершившаго его, т. е. принимаетъ во вниманіе, какъ этому лицу, въ моментъ совершенія, представлялись фактическія обстоятельства и какъ ему представлялось задуманное имъ дѣяніе съ точки зрѣнія законности его. Въ первомъ случаѣ представленіе лица о фактическомъ положеніи принимается судьей въ основу приговора (развѣ такая оцѣнка была бы неблагопріятна виновному, напримѣръ, въ преступленіи, совершеннномъ надъ негоднымъ объектомъ); во второмъ— незнаніе закона, въ отмѣну прежняго суроваго правила о томъ, что ignorantia juris semper nocet, даетъ основаніе для смягченія наказанія.

Нельзя не отмѣтить мѣръ, содержащихся въ проектѣ, по вопросу, о защитѣ экономически слабыхъ отъ эксплоатированія и даже порабощенія болѣе сильными экономически. Это вполнѣ современная тема, постановка которой на очередь стала и желательной и возможной не только вслѣдствіе увеличенія населенія европейскихъ государствъ и усиленія и обострения вслѣдствіе этого борьбы за существованіе, но и потому, что европейскія государства отказались какъ въ своей внѣшней, такъ и въ своей внутренней политикѣ отъ принциповъ laissez faire, laissez passer и перешли къ соціальному законодательству.

И въ этомъ направленіи швейцарскимъ проектомъ вносится много новаго.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе формулировка статьи о необходимой оборонѣ; только въ швейцарскомъ проектѣ мы встрѣчаемъ такую ограничительную, сравнительно съ другими кодексами, постановку необходимой обороны. Дѣйствительно, здѣсь сказано: „кто настоящее или неминуемо грозящее противозаконное нарушеніе своего права отразилъ *соотвѣтственнымъ* обстоятельствамъ способамъ (in einer den Umständen angemessener Weise)“ и т. д.; Штооссъ обратилъ особое вниманіе комиссіи на такую постановку, а коментаторы справедливо указываютъ, что та-

кой статьею не можетъ защищаться, напримѣръ, хозяинъ, избивающій до полусмерти мальчика, похищающаго у него изъ сада яблоки, и другія лица, переходящія при защитѣ своей собственности всякіе предѣлы необходимаго уваженія къ чужой жизни, здоровью и другимъ благамъ. Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить статью, впервые появляющуюся въ уголовныхъ кодексахъ и носящую заглавію „о злоупотребленіи силами лицъ зависимыхъ", читается она такъ: кто злоупотребитъ до излишняго напряженія силами малолѣтняго или женщины, которыя ему подчинены въ качествѣ работника, ученика, слуги, воспитанника или опекаемаго, и притомъ въ такой степени, что здоровье этихъ лицъ пострадаетъ или даже будетъ серьезно повреждено тотъ...

Если же это излишнее напряженіе произошло благодаря преступному равнодушію хозяина, то.... (наказаніе все-таки строгое, до 5 тысячъ франковъ). Не менѣе оригинальны статьи 128 и 131 (ред. 1903 г.). Онѣ гласятъ: первая—кто воспользуется нуждою или зависимостью женщины для того, чтобы склонить ее къ сожитію, тотъ карается тюрьмой, и вторая: кто доставляетъ женщину для разврата, тотъ карается цухтгаузомъ (далѣе отягчающія обстоятельства): дѣяніе это названо — торговля дѣвушками (Mädchenhandel) — преступленіе составляетъ несомнѣнную, а не отошедшую въ исторію (какъ упоминаемая до сихъ поръ нѣкоторыми кодексами торговля рабами) злобу дня въ наше время, но преслѣдуется, однако, къ сожалѣнію, не всѣми еще кодексами.

Ст. 93 предусматриваетъ случай, когда кто-либо, пользуясь затруднительнымъ матеріальнымъ положеніемъ, непониманіемъ, слабостью характера, легкомысліемъ, неопытностью или зависимостью другого, увлечетъ послѣдняго въ биржевую или другую азартную игру. Почти такъ же въ предыдущей статьѣ редактировано ростовщичество.

Несомнѣнно, вышеприведенными статьями не регулирована вся широкая область соціальнаго законодательства; но проектъ указалъ впервые нѣсколько пунктовъ, подлежащихъ, прежде другихъ, регулированію и вызывающихъ вмѣшательство со стороны государственной власти.

Перехожу къ выясненію самой крупной типичной особенности проекта швейцарскаго уложенія—его простотѣ по

содержанію и формѣ—той простотѣ, которой отличаются только выдающіяся произведенія человѣческаго ума и человѣческаго творчества вообще. Это—та же простота, которая поражаетъ васъ при созерцаніи художественной вазы, высѣченной изъ мрамора: никакихъ украшеній, простота, доведенная повидимому до бѣдности и сухости, и въ то же время глазъ нельзя оторвать,—такъ глубоко гармоничны, симетричны линіи контура, такое получается сильное наслажденіе и удовлетвореніе заложеннаго въ душѣ каждаго чувства изящнаго, гармоничнаго.

Уже самые размѣры уложенія указываютъ, что произведено громадное упрощеніе и соотвѣтственное сокращеніе: въ проектѣ всего 274 статей, сюда включены и общее уложеніе, и отдѣлъ о нарушеніяхъ, и правила объ отвѣтственности редакторовъ и издателей за несоблюденіе различныхъ предписаній (полицейскаго характера); въ сравнительно наиболѣе короткомъ германскомъ уложеніи 370 статей, въ нидерландскомъ—479, въ итальянскомъ—498, въ нашемъ новомъ уголовномъ уложеніи (22 Марта 1903 г.) 687. Для того чтобы достигнуть такого сокращенія, необходимо было произвести громадныя упрощенія, какъ по содержанію, по внутренней разработкѣ и постановкѣ различныхъ институтовъ уголовнаго права, такъ и по формѣ, въ изложеніи. По замѣчанію профессора Ламмаша (l. c., p. 129), „все показываетъ, что проектъ поставилъ себѣ задачей не разрѣшеніе по извѣстнымъ знаменитымъ образцамъ, перешедшихъ къ намъ отъ предшественниковъ, школьныхъ (въ смыслѣ научномъ) споровъ, но что цѣль его—создать законъ, отвѣчающій потребностямъ практики“.

Другой критикъ, профессоръ Лиліенталь (l. c., p. 316) замѣчаетъ: „какъ общая, такъ и особенная часть проекта отличаются стремленіемъ къ общепонятности и содержательной краткости. Ясныя, основныя идеи и какъ можно меньше казуистики; такимъ путемъ достигается наказаніе дѣйствительно опасныхъ для общества дѣяній, и, тѣмъ не менѣе, размѣръ законопроекта остался въ такихъ предѣлахъ, которые дѣлаютъ возможнымъ переходъ его въ плоть и кровь народа“.

Уже эти два заключенія извѣстныхъ нѣмецкихъ крими-

налистовъ указываютъ на тотъ путь, который Штоосъ избралъ, чтобы достигнуть и упрощенія и сокращенія.

Это упрощеніе по содержанію и по формѣ можно прослѣдить и въ общей части уложенія на основныхъ, большой теоретической важности, вопросахъ и въ особенной, въ характеристикахъ того или другаго преступленія.

Прежде всего, въ самомъ раздѣленіи преступныхъ дѣяній швейцарскій проектъ отступилъ отъ сложнаго дѣленія французскаго на три вида и—подобно уложеніямъ нидерландскому, итальянскому, невшательскому и проекту норвежскому—усвоилъ двухчленное дѣленіе. Принципъ двухчленнаго дѣленія былъ принятъ въ комиссіи экспертовъ, разсматривавшей проектъ, единогласно, какъ предложеніе, не вызывающее никакихъ сомнѣній. Такъ какъ нарушенія выдѣлены въ особый отдѣлъ, особый уставъ, то все швейцарское уложеніе, собственно, посвящено одному и единственному виду преступныхъ дѣяній; такимъ образомъ, достигается, несомнѣнно, простота и устраняется лишній совершенно поводъ для затрудненія и смущенія судей.

Если этотъ вопросъ внѣшняго, такъ сказать, распорядка былъ разрѣшенъ комиссіей легко и единогласно, то другія предложенія Штоосса болѣе внутренняго характера вызвали горячіе споры, въ особенности предложеніе, которымъ проектъ въ правѣ гордиться, какъ громаднымъ и выдающимся упрощеніемъ и устраненіемъ излишней казуистики; опредѣленіе невмѣняемости было принято лишь послѣ горячихъ и долгихъ дебатовъ, но и послѣ принятія самый горячій въ комиссіи противникъ предложенія Штоосса, профессоръ бернскаго университета Гретенеръ написалъ цѣлую книгу „Die Zurechnungsfähigkeit als Gesetzgebungsfrage“, 1897, въ которой силился доказать неправильность—принципіальную и практическую—принятаго комиссіей опредѣленія невмѣняемости.

Ст. II проекта (въ ред. 1896 г.)[1] читалась такъ: „Кто во время совершенія преступнаго дѣянія былъ душевно боленъ,

[1] Къ сожалѣнію, въ редакціи проекта 1903 г. статья эта нѣсколько осложнена.

или слабоуменъ, или въ безсознательномъ состояніи, тотъ ненаказуемъ.

„Если душевное здоровье или сознаніе виновнаго только поколеблено, или если онъ умственно недоразвитъ, то судья смягчаетъ наказаніе по усмотрѣнію".

Главныя возраженія были направлены противъ первой части этой статьи; Гретенеръ и сочувствовавшіе ему находили, что мало назвать состояніе обвиняемаго, необходимо еще указать и въ чемъ оно еще проявлялось, т. е. непониманіе значенія совершаемаго, невозможность руководить своими поступками и т. д.

Для того чтобы яснѣе было, для чего именно Гретенеру нужны эти добавленія (онъ, впрочемъ, и самъ не скрываетъ), полезно сравнить разбираемую статью съ соотвѣтственными статьями другихъ уголовныхъ кодексовъ:

Нидерландскій (ст. 37) говоритъ: „ненаказуемъ тотъ, кто совершаетъ дѣяніе, которое ему не можетъ быть вмѣнено, въ виду недостаточности развитія или болѣзненнаго пораженія его умственныхъ способностей"...

Итальянскій (ст. 46): „ненаказуемъ тотъ, кто въ моментъ совершенія преступленія былъ въ такомъ состояніи болѣзненнаго нарушенія душевныхъ способностей (Zustand von Geisteskrankheit), что онъ былъ лишенъ сознанія или свободы (?) дѣйствій".

И, наконецъ, германское уложеніе (ст. 51) говоритъ: „дѣяніе ненаказуемо, когда виновникъ во время совершенія дѣянія находился въ состояніи безсознательности или болѣзненнаго пораженія душевной дѣятельности, благодаря каковому состоянію не могло быть у него свободнаго направленія воли".

Я нарочно поставилъ статью германскаго кодекса въ концѣ, такъ какъ въ ней уже вполнѣ ясно выражено то понятіе „свободной воли", которое только чувствуется въ статьяхъ нидерландскаго и итальянскаго кодексовъ; а безъ свободной воли, по мнѣнію Гретенера и сочувствующихъ ему, не можетъ быть вмѣненія, а, слѣдовательно, не можетъ быть и наказанія, опять-таки въ томъ классическомъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Гретенеръ, т. е. въ смыслѣ возмездія, кары. Такимъ образомъ, подъ требованіемъ о введеніи, по-

видимому, несущественнаго дополненія скрывается горячая принципіальная борьба двухъ школъ: свободной воли и возмездія съ одной стороны, и цѣлесообразности наказанія, какъ мѣры огражденія,—съ другой. Борьба эта длится уже довольно давно и не разрѣшена и посейчасъ окончательно, хотя побѣда клонится на сторону отрицающихъ свободу воли, на сторонѣ которыхъ всѣ представители естественныхъ наукъ. Вопросъ во всякомъ случаѣ сложный, запутанный, и едва ли уголовному кодексу слѣдуетъ вмѣшиваться въ его разрѣшеніе въ томъ или другомъ направленіи. Въ этомъ смыслѣ и понялъ свои обязанности Штооссъ, заявивъ въ комиссіи, что напрасно считаютъ, что тотъ, кто за проектъ, тотъ противъ свободы воли; онъ указалъ на важныя неудобства, признаваемыя и Гретенеромъ, отъ введенія психологическаго момента въ опредѣленіе и на полную возможность обойтись безъ введенія дополненій. При этомъ Штооссъ сослался на авторитетное мнѣніе швейцарскихъ психіатровъ, обсуждавшихъ на съѣздѣ въ Chur (22 и 23 мая 1893, напечатано въ Revue pénale Suisse, 7-й томъ), вмѣстѣ съ Штооссомъ, вопросъ о вмѣняемости и о томъ, какъ формулировать таковую въ проектѣ; съѣздъ призналъ предложенную Штооссомъ редакцію правильной и высказалъ при этомъ, что всякое введеніе психологическаго момента и опредѣленій о процессахъ психологическихъ, вызывающихъ и сопровождающихъ состояніе невмѣняемости, всегда будутъ неточны съ научной точки зрѣнія и вызовутъ возраженія ученыхъ медиковъ и психіатровъ и юристовъ-практиковъ.

Нельзя не отмѣтить далѣе еще одного упрощенія — именно отказа швейцарскаго проекта опредѣлить, что такое покушеніе на преступленіе; ст. 21 (ред. 1903 г.) гласитъ: „кто покушается на совершеніе преступленія“ и т. д. Несомнѣнно, покушеніе—понятіе совершенно ясное, которое можетъ быть только, какъ и понятіе о вмѣняемости, затемнено всякими опредѣленіями. Еще германское уложеніе (въ ст. 43) содержитъ въ себѣ подробное опредѣленіе покушенія; всѣ же послѣдующіе кодексы и проекты все больше устранялись отъ такихъ опредѣленій, но швейцарскій проектъ пошелъ въ этомъ направленіи значительно дальше другихъ.

Постановленія проекта объ отвѣтственности малолѣтнихъ

преступниковъ выгодно выдѣляютъ его среди другихъ кодексовъ именно по своей простотѣ. Остановившись на вполнѣ ясной и простой мысли, что при сужденіи о поступкахъ малолѣтнихъ вопросъ идетъ вовсе не о discernement, умѣньи различать добро отъ зла, которое рѣдко у кого изъ дѣтей отсутствуетъ, въ особенности послѣ достиженія ими 14-лѣтняго возраста, а о зрѣлости характера, о степени, въ которой ребенокъ пріучился уже руководить своими поступками—способность, которая и у вполнѣ развитого и нормальнаго человѣка развивается постепенно, съ годами,—Штооссъ совершенно правильно призналъ, что лицъ незрѣлыхъ карать, наказывать въ особенности современными, безчестящими наказаніями не слѣдуетъ: ихъ слѣдуетъ отдѣлить отъ взрослыхъ и, по возможности, перевоспитать. Эта простая и вѣрная мысль дала Штооссу возможность избѣгнуть тѣхъ многообразныхъ подраздѣленій возраста, которыя знаютъ другіе кодексы (хотя-бы, напримѣръ, итальянскій въ ст. 54, 55), и установить ясную систему мѣръ, а въ то-же время избавить судей отъ разрѣшенія всякихъ непосильныхъ и ненужныхъ задачъ.

Нельзя не замѣтить и значительнаго упрощенія сравнительно съ другими кодексами лѣстницы нормальныхъ наказаній, предположенной проектомъ: въ ней всего два вида лишенія свободы, и судьѣ нечего ломать голову надъ оттѣнками, въ дѣйствительности не существующими и не имѣющими никакого значенія.

Наконецъ, въ пользу достигнутаго проектомъ упрощенія говоритъ статья объ участіи и въ особенности статья о рецидивѣ, вводящая для преступленій, караемыхъ цухтгаузомъ или тюрьмой (для болѣе легкихъ нѣтъ вовсе рецидивовъ), такъ называемый общій рецидивъ: совершеніе преступленія—все равно, какого—въ извѣстный срокъ послѣ отбытія наказанія лишеніемъ свободы (не менѣе 6 мѣсяцевъ), между тѣмъ какъ большинство европейскихъ кодексовъ устанавливаетъ систему повторенія тождественнаго или чаще однороднаго преступленія, причемъ для опредѣленія, что должно считать однородными преступленіями, тратитъ, какъ, напримѣръ, итальянскій кодексъ, 5 статей (80—85) и болѣе 80 строчекъ! Вотъ одно изъ объясненій, какимъ обра-

зомъ достигается упрощеніе и сокращеніе. Нельзя, къ тому же, сказать, чтобы понятіе общаго рецидива, при своей простотѣ, было неправильно: совершеніе новыхъ преступленій послѣ отбытія наказанія за прежнія и, притомъ, наказанія лишеніемъ свободы, указываетъ съ совершенною несомнѣнностью, что правосудіе имѣетъ дѣло съ натурою, не умѣющей и не желающей подчиняться существующему въ государствѣ строю и не понимающей въ достаточной мѣрѣ значенія государственнаго запрета.

Въ этомъ смыслѣ разрѣшилъ вопросъ о рецидивѣ и парижскій тюремный конгрессъ, который признавалъ возможнымъ допустить спеціальный (т. е. требованіе повторенія того-же дѣянія) рецидивъ только для совсѣмъ маловажныхъ нарушеній.

Для того, чтобы яснѣе представить себѣ, какимъ путемъ Штооссъ достигъ въ проектѣ упрощенія и сокращенія, необходимо остановиться на особенной части уложенія; она начинается, вопреки примѣру другихъ кодексовъ, съ отдѣла о преступленіяхъ противъ жизни и здоровья (собственно gegen Leib u. Leben); въ немъ мы встрѣчаемъ всѣ тѣ же положенія, какъ и въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ другихъ кодексовъ. Какъ отличіе и, притомъ, въ смыслѣ упрощенія, можно указать на то, что проектъ не различаетъ и не квалифицируетъ преступленія по жертвамъ убійствъ, вовсе не перечисляя ихъ, какъ дѣлаютъ другіе кодексы. Въ комиссіи Штооссъ заявилъ, что, по его мнѣнію, нѣтъ основаній усиливать наказаніе за убійство родителей, чиновниковъ и т. д.: въ Швейцаріи нѣтъ чиновниковъ, какъ особаго класса, который бы слѣдовало особо ограждать (чиновники всѣ выбраны на срокъ), а нѣкоторые родители обращаются со своими дѣтьми такъ безсердечно, что совершенно уничтожаютъ всякій нравственный союзъ.

Когда при обсужденіи статьи о дуэли, Гретенеръ настаивалъ на включеніи особаго упоминанія объ американской дуэли, то Штооссъ возразилъ—и съ нимъ согласилась комиссія,—что случаи американской дуэли чрезвычайно рѣдки, и что поэтому не стоитъ безцѣльно загромождать законопроектъ ненужными подробностями.

Упрощеніе, далѣе, особенно замѣтно на перечисленіи слу-

чаевъ квалифицированныхъ кражъ. Въ то время, какъ другіе кодексы—напримѣръ, итальянскій—знаютъ до 20 квалифицирующихъ обстоятельствъ, швейцарскій проектъ ограничивается указаніемъ въ той же статьѣ на совершеніе кражи въ видѣ промысла шайкою или опаснымъ и дерзкимъ способомъ, и ничего больше; нѣтъ даже указаній на цѣну похищеннаго (какъ въ германскомъ и нидерландскомъ).

Заслуживаетъ особаго вниманія статья 141 (ред. 1903 г.): „Родители, отчимъ и мачиха, усыновители, опекуны и воспитатели, которые совсѣмъ не заботятся о порученныхъ ихъ попеченію и воспитанію дѣтяхъ или обращаются съ ними жестоко, наказываются тюрьмой не ниже 1 мѣсяца. Если, благодаря этому, здоровье или развитіе ребенка серьезно пострадало или даже подверглось опасности, то—цухтгаузъ до 5 лѣтъ".

„Если ребенокъ умеръ вслѣдствіе лишенія необходимаго ухода или жестокаго обращенія и виновный могъ предвидѣть такой исходъ, то—цухтгаузъ до 10 лѣтъ".

„Судья предлагаетъ администраціи помѣстить ребенка куда-нибудь въ другое мѣсто, обвиняемый лишается родительской или опекунской власти на время отъ 10 до 15 лѣтъ".

Эта статья тоже могла бы быть зачислена въ соціальное законодательство современнаго государства, понимающаго свои интересы въ правильной постановкѣ воспитанія и вообще выращиванія дѣтей, будущихъ гражданъ, и признающаго за собой право регламентировать даже и эту сферу, считавшуюся до сихъ поръ сферой чисто-личнаго индивидуальнаго вліянія.

Особенно выдѣляетъ швейцарскій проектъ изъ ряда другихъ уголовныхъ кодексовъ постановка отдѣловъ о преступленіяхъ государственныхъ, о преступленіяхъ, нарушающихъ политическія права гражданъ, противъ государственной власти и, наконецъ, преступленіяхъ, нарушающихъ правильное отправленіе правосудія. Эти отдѣлы поражаютъ своею краткостью, при совершенно исчерпывающей данный матеріалъ полнотѣ. Разница въ этомъ отношеніи между проектомъ и другими кодексами громадная: въ швейцарскомъ проектѣ 4 отдѣла, состоящихъ всего изъ 25 статей

на 7 страничкахъ, тогда какъ въ итальянскомъ кодексѣ 75 статей, столько же приблизительно въ германскомъ кодексѣ, а въ нидерландскомъ, въ общемъ, можетъ быть, и меньше статей, но изложенъ онъ дробно. Надо при этомъ замѣтить, что такая краткость проекта вовсе не можетъ быть приведена въ связь съ республиканской формой правленія швейцарскаго союза: такимъ путемъ можетъ быть объяснено отсутствіе двухъ-трехъ статей, остальной весь матеріалъ на-лицо и въ швейцарскомъ проектѣ, но конечно, онъ иначе распредѣленъ и иначе формулированъ.

Отдѣлъ о преступленіяхъ должностныхъ тоже выгодно выдѣляетъ проектъ среди другихъ уголовныхъ кодексовъ благодаря тому, что автору проекта удалось найти такую объединяющую, общую редакцію, которая сразу дѣлаетъ излишними рядъ статей и пунктовъ, на которые разбитъ тотъ же матеріалъ въ другихъ кодексахъ, причемъ, въ концѣ-концовъ, всякія дробныя перечисленія являются менѣе исчерпывающими матеріалъ, чѣмъ статьи съ обобщенной редакціей.

Въ отдѣлѣ имѣется всего 10 статей и, кромѣ того, положеніе о растратѣ должностной вынесено въ видѣ особаго, отягчающаго момента въ общую статью о растратѣ.

Особенно оригинальны и широки въ отдѣлѣ двѣ статьи:

Ст. 215: „чиновникъ, который умышленно злоупотребляетъ ввѣренной ему властью“...

Ст. 216: „чиновникъ, который своекорыстно извлекаетъ выгоды (собственно, ausbeutet—эксплоатируетъ) изъ своей должности“...

Какъ много выражено въ этихъ двухъ статьяхъ: въ концѣ-концовъ, ст. 215 такъ хорошо редактирована, что она могла бы совсѣмъ замѣнить отдѣлъ о должностныхъ преступленіяхъ, ибо всякое должностное преступленіе представляетъ собою злоупотребленіе властью, а виды этихъ злоупотребленій такъ же разнообразны и многочисленны, какъ виды всевозможныхъ отраслей службы, имѣющихъ каждая свои особенности, свои особенно важныя обязанности. Всякія перечисленія нарушеній этихъ обязанностей будутъ прямо затемнять вопросъ, вселяя убѣжденіе, что только эти виды должностныхъ нарушеній караются, и на

службѣ въ другомъ вѣдомствѣ невозможны злоупотребленія; отъ этого недостатка, къ сожалѣнію, не вполнѣ свободенъ даже швейцарскій проектъ, предусматривающій, почему-то спеціально, преступленія чиновниковъ почтовыхъ, телеграфныхъ, телефонныхъ.

Отдѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ въ другихъ кодексахъ поражаетъ своею казуистичностью, дробностью и, поэтому самому, неполнотой. Какъ и всегда, особенные дефекты проявляетъ итальянскій—этотъ громоздкій, „неталантливый" кодексъ. По всему кодексу разбросаны положенія о служебныхъ преступленіяхъ; особый отдѣлъ (ст. 168 и слѣд.) трактуетъ о растратѣ, вымогательствѣ, подкупѣ, злоупотребленіи властью и т. д.; затѣмъ въ отдѣлѣ о подлогѣ, помѣщены статьи о должностномъ подлогѣ (275, 276, 277), кромѣ того, особыя статьи объ особомъ видѣ должностнаго подлога—подлогѣ паспортовъ и подлогѣ свидѣтельствъ (287, 290); далѣе, въ отдѣлѣ о растратѣ предусмотрѣна должностная растрата въ видѣ особо отягчающаго обстоятельства (ст. 419); наконецъ, имѣются еще особыя статьи (150, 151, 152, 153) о преступленіяхъ тюремнаго чиновника по предмету незаконнаго лишенія свободы.

Постановленія германскаго кодекса (331—359) тоже крайне дробны.

Самостоятельный отдѣлъ о нарушеніяхъ существуетъ во всѣхъ новѣйшихъ уголовныхъ кодексахъ—и въ германскомъ, и въ нидерландскомъ, и въ итальянскомъ; образованіе такого отдѣла объясняется опять-таки тѣми жизненными потребностями, которыя Штооссъ не упускаетъ изъ виду и ставитъ на первомъ планѣ. Этого требуютъ соображенія процессуальныя болѣе легкаго, удобнаго и даже необходимаго разграниченія подсудности; этого требуютъ соображенія удобопонятности и легкости разъясненія соотвѣтствующихъ статей и усвоенія родного права, которое, при смѣшеніи въ тѣхъ же отдѣлахъ и даже главахъ серьезныхъ преступленій съ пустыми нарушеніями, положительно теряетъ всякій симметрическій обликъ; наконецъ, этого требуютъ, какъ справедливо замѣтилъ профессоръ Ламмашъ при разсмотрѣніи проекта норвежскаго уложенія Гетца (Zeitschrift f. die gesammte Strafwissenschaft, B. XIV, S. 505),—народныя воз-

зрѣнія, которыя не могутъ помириться съ тѣмъ, чтобы кража дровъ для отопленія, хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ для пропитанія и т. д. наказывались наравнѣ съ различными кражами, какъ серьезное преступленіе. И дѣйствительно, и въ швейцарскомъ проектѣ, какъ и въ норвежскомъ уложеніи, изъ кражи выдѣлены въ отдѣлъ о нарушеніяхъ дѣянія, называемыя въ первомъ проектѣ Entwendungen, въ которыхъ хотя и проявляется намѣреніе присвоить, но нѣтъ и не можетъ быть намѣренія обогащенія, корысти; „кто похититъ,—говоритъ швейцарскій проектъ, предметъ ничтожной стоимости, который принадлежитъ другому, по нуждѣ или юношескому легкомыслію (Mutwillen) или для удовлетворенія каприза“...

Сдѣланный выше бѣглый обзоръ общей и особенной части проекта швейцарскаго уложенія долженъ, я думаю, всякаго безпристрастнаго изслѣдователя привести къ убѣжденію въ полнотѣ этого проекта, въ томъ, что въ немъ не только нѣтъ пробѣловъ сравнительно съ другими кодексами, но что, наоборотъ, онъ предусматриваетъ цѣлый рядъ новыхъ случаевъ, вмѣшивается въ такія сферы, которыя оставались до него безъ регулированія, и при всемъ томъ является кратчайшимъ изъ всѣхъ существующихъ и предположенныхъ къ осуществленію уложеній.

Какимъ путемъ достигается эта краткость, мы тоже видѣли выше: путемъ упрощенія по содержанію и по формѣ. Что касается до упрощенія по формѣ, то послѣднее достигается исключительно благодаря несомнѣнному, громадному, литературному таланту Штоосса, сумѣвшему найти рядъ новыхъ общепонятныхъ и общедоступныхъ выраженій взамѣнъ прежнихъ техническихъ, часто, если не всегда, вымученныхъ и неточныхъ, причемъ эти новыя выраженія гораздо болѣе общи, обнимаютъ больше, менѣе казуистичны, чѣмъ прежнія.

Упрощеніе внутреннее достигается какъ упрощеніемъ основныхъ принципіальныхъ положеній—фундамента всякаго уголовнаго кодекса, такъ и процессомъ обобщенія и воздержанія отъ казуистичности. Этотъ послѣдній процессъ мы могли изучить при ознакомленіи съ общей и особенной частью проекта,—онъ примѣняется очень широко. Опредѣляя

рецидивъ, проектъ довольствуется одной короткой статьей, тогда какъ итальянскій употребляетъ на то же рядъ статей и пунктовъ для подробнаго указанія, какія преступленія должны быть признаны одного и того же рода. При опредѣленіи кражи проектъ довольствуется указаніемъ трехъ квалифицирующихъ обстоятельствъ, въ то время какъ другіе кодексы указываютъ десятки (такъ, итальянскій—до 20). То же самое происходитъ при опредѣленіи убійства: проектъ не указываетъ вовсе существующихъ въ другихъ кодексахъ квалицифирующихъ обстоятельствъ, смотря по жертвѣ преступленія; мы видѣли, какъ на предложеніе внести въ проектъ и спеціально въ статью о дуэли, въ видахъ академической полноты, упоминаніе объ американской дуэли, Штооссъ отвѣтилъ отказомъ, заявляя, что случаи этой дуэли такъ чрезвычайно рѣдки, что не зачѣмъ загромождать законопроектъ. Статьи о должностныхъ преступленіяхъ, опредѣленія злоупотребленія властью и т. д. даютъ яркіе примѣры того, какъ широко примѣнилъ Штооссъ процессъ обобщенія.

Руководствомъ судьѣ является ст. 48, говорящая, что „судья опредѣляетъ размѣръ наказанія, назначеннаго за преступленіе, смотря по виновности (Schuld), а денежное взысканіе и по размѣрамъ средствъ виновнаго, и принимаетъ при этомъ во вниманіе побудительные мотивы, прошедшее и личныя отношенія обвиняемаго“.

Болѣе широкой статьи не содержитъ ни одно уложеніе; проектъ даетъ громадный, не имѣющій до сихъ поръ примѣра, просторъ судьѣ, а слѣдовательно и предполагаетъ совершенную возможность того, что судья—опытный, прекрасный судебный дѣятель, который не нуждается въ указаніяхъ, что достаточно законодателю намѣтить въ общихъ чертахъ свои взгляды и опредѣлить, что желательно карать, а что можно оставить безъ наказанія, и судья уже, примѣняя законъ, разовьетъ этотъ набросокъ въ цѣлую подробную систему тѣсно связанныхъ мѣръ.

Профессоръ Готье, сравнивая два проекта уголовныхъ кодексовъ—швейцарскій и французскій, говоритъ: „французскій проектъ все предвидитъ и регламентируетъ, швейцарскій даетъ громадную свободу судьямъ, вѣритъ имъ,

такъ что французы находятъ, что, связавъ подсудимаго, онъ отдаетъ его судьямъ на полный ихъ произволъ".

Не въ одной редакціи статей проявляется швейцарскимъ проектомъ это довѣріе къ судьямъ. Довѣріе это проявляется въ крайнемъ, чрезвычайномъ расширеніи предѣловъ наказанія: такъ, Zuchthaus назначается на срокъ отъ 1 до 15 лѣтъ, тюрьма на срокъ отъ 8 дней до 2 лѣтъ—,просторъ для судьи громадный; для денежнаго взысканія опредѣленъ только низшій предѣлъ 3 франка. Довѣріемъ могутъ быть объяснены тѣ чрезвычайныя полномочія, которыя даются судьѣ общей частью уложенія: право признать обвиняемаго совершающимъ преступленія по наклонности къ праздности и разгулу и, въ виду такого признанія, назначить ему, сверхъ общаго наказанія, заключеніе въ рабочій домъ на время отъ 1 до 3 лѣтъ; право заключить подъ стражу даже человѣка, не совершившаго никакого преступленія, но внушающаго опасенія своими угрозами или другимъ путемъ въ совершеніи преступленія, въ случаѣ, если это лицо не захочетъ связать себя обѣщаніемъ и не представитъ поручительства въ обезпеченіе добраго своего поведенія въ будущемъ; далѣе, право признанія неисправимымъ (вопросъ, отчасти разрѣшаемый судомъ, отчасти смѣшаннымъ судебно-административнымъ учрежденіемъ) и т. д. Весь проектъ проникнутъ этимъ громаднымъ, неограниченнымъ довѣріемъ къ судьямъ и въ силу этого довѣрія предоставляетъ судьямъ громадныя, неограниченныя права. Несомнѣнно, путь, избранный въ этомъ отношеніи швейцарскимъ проектомъ, есть путь вѣрный, путь, по которому, въ той или другой мѣрѣ, идутъ всѣ законодательства. Путь этотъ извѣстенъ: по мѣрѣ того, какъ отказываются отъ системы предустановленныхъ доказательствъ и признаютъ необходимымъ призвать къ участію въ отправленіи правосудія присяжныхъ засѣдателей, какъ представителей общественной совѣсти, для которыхъ никакая система предустановленныхъ доказательствъ не обязательна, по мѣрѣ того, какъ измѣняется взглядъ на самый объектъ репрессіи и абстрактное дѣяніе замѣняется живымъ лицомъ—преступникомъ, по мѣрѣ роста сознанія, что врагъ не одинъ—преступное дѣяніе, а много различныхъ типовъ преступни-

ковъ, съ которыми можно бороться различными, многообразными мѣрами, предписать которыя заранѣе на всякій данный случай или, по крайней мѣрѣ, за извѣстный родъ дѣяній нельзя, по мѣрѣ, однимъ словомъ, возникновенія потребности въ индивидуализаціи понятія преступника и мѣръ борьбы съ нимъ, центръ тяжести въ борьбѣ съ преступностью переходитъ отъ законодателя къ судьѣ; законодатель все больше сокращаетъ свою дѣятельность, все больше старается дать возможно общую систему, которая бы не стѣсняла судью—дѣйствительнаго и главнаго представителя въ борьбѣ съ преступленіемъ. Но право на такое усиленіе своего значенія судья пріобрѣтаетъ, однако, не въ силу перечисленныхъ выше причинъ: этого бы было мало,—необходимы еще перемѣны въ положеніи самаго судьи. Усовершенствованіе судебнаго устройства обезпечиваетъ мало-по-малу, съ одной стороны, замѣщеніе судейскихъ должностей лицами, стоящими въ умственномъ и нравственномъ отношеніи вполнѣ на высотѣ ихъ труднаго и благороднаго призванія, а съ другой стороны—полную, несомнѣнную независимость этихъ самыхъ судей отъ всякихъ постороннихъ вліяній, такъ что они являются дѣйствительными представителями общественной совѣсти и руководятся исключительно своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, не взирая на лица.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ и усиленіе общественнаго контроля еще болѣе, чѣмъ самая правильная и хорошая организація судебнаго строя, обезпечиваютъ дѣйствительную и нѣсомнѣнную независимость судей отъ самыхъ скрытыхъ, самыхъ „естественныхъ“, постороннихъ вліяній. Но и на самое отправленіе правосудія, на судей сила общественнаго контроля оказываетъ въ высшей степени благодѣтельное вліяніе; дѣйствуя за одно, совокупными силами, хорошій судебный строй и общественный контроль устраняютъ всякую возможность судейскаго произвола въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е., иначе говоря, всякое вліяніе на отправленіе правосудія личныхъ мотивовъ и побужденій, не вытекающихъ изъ общественныхъ интересовъ. Подъ личными мотивами здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать и мотивы личнаго интереса постороннихъ лицъ и самого судьи, и

мотивы личнаго темперамента (не его совѣсти) судьи, которые могутъ оказать нежелательное вліяніе на отношеніе его къ подсудимому, причемъ послѣдній можетъ пострадать не въ мѣру содѣяннаго, не настолько, насколько этого могутъ требовать интересы общества, и не въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ.

И вотъ, когда, благодаря хорошей судебной организаціи, могущественному, установившемуся общественному контролю, отправленіе правосудія достигаетъ того совершенства, при которомъ всякія сомнѣнія въ качествахъ судей, въ ихъ *независимости*, и въ томъ, что они служатъ только интересамъ общества въ предѣлахъ закона, невозможны, и послѣдніе вполнѣ заслуженно пользуются совершенно неограниченнымъ довѣріемъ общества,—тогда только въ полной мѣрѣ возможно осуществленіе всѣхъ новыхъ стремленій къ индивидуализаціи и то громадное, въ сущности, въ будущемъ не имѣющее предѣловъ, расширеніе правъ и полномочій судьи, которое необходимо для осуществленія задачи индивидуализаціи во всемъ размѣрѣ; только при этихъ условіяхъ, при такомъ развитіи силы общественнаго контроля, а вслѣдствіе того и при такомъ законномъ и громадномъ довѣріи къ судьямъ и возможно безъ вреда для общества и правосудія чрезвычайное расширеніе правъ судьи.

Важнѣйшая заслуга Штоосса, несомнѣнно, состоитъ въ томъ, что онъ, въ отступленіе отъ всѣхъ прежнихъ традицій, забывая принадлежность свою къ ученому сословію, вѣрно и правильно призналъ, что уголовный кодексъ не можетъ быть ученымъ и академическимъ произведеніемъ, даже не технически-юридически-спеціальнымъ, что уголовный кодексъ предназначается для практической жизни и долженъ заключать въ себѣ систему мѣръ практической борьбы съ преступленіемъ, что онъ долженъ быть произведеніемъ живымъ, жизненнымъ, народнымъ и только при такомъ условіи онъ будетъ дѣйствительно полезенъ этому народу. Это—глубокая, оригинальная идея, положенная въ основу и опредѣлившая весь стиль, всю систему проекта

Осуществляя эту основную мысль, Штооссъ позаботился передѣлать по своему всю лѣстницу наказаній; въ его про-

ектѣ она уже болѣе не система наказаній въ смыслѣ кары, возмездія за преступленіе, а система цѣлесообразныхъ мѣръ въ борьбѣ съ преступленіемъ; немного осталось въ этой лѣстницѣ отъ прежняго, многое выстроено совсѣмъ заново.

Благодаря той же основной мысли, проектъ совершенно отступаетъ отъ взглядовъ дѣйствующихъ кодексовъ на объектъ карательной дѣятельности государства: не съ преступленіемъ, какъ нынѣ, предполагается бороться въ проектѣ, а съ живымъ преступникомъ во всѣхъ его многоразличныхъ разновидностяхъ, причемъ, насколько только это осуществимо въ уголовномъ кодексѣ, какъ рядъ общихъ, разъ навсегда установленныхъ положеній, судьѣ дана возможность сообразоваться съ каждою такою разновидностью, оцѣнить ее и измѣрить особой мѣркой.

Развитіемъ той же основной мысли являются всѣ измѣненія въ смыслѣ упрощенія внутренняго и въ формѣ. Признавая, что кодексъ не призванъ вовсе разрѣшать теоретическихъ споровъ о свободѣ воли, объ основаніяхъ вмѣненія и другихъ неразрѣшенныхъ наукою, а можетъ быть и вовсе неразрѣшимыхъ вопросовъ и что, мало того, разрѣшеніе этихъ вопросовъ для практическихъ цѣлей кодекса вовсе и не нужно,—Штооссъ смѣло и открыто обошелъ всѣ эти споры, и въ этомъ его громадная заслуга передъ европейскимъ правосудіемъ. Считая далѣе, что кодексъ—не академическое произведеніе, Штооссъ вовсе не заботился объ академической полнотѣ его и даже прямо тщательно устранилъ изъ него всѣ „школьные“ вопросы. А вѣдь ихъ въ теоріяхъ много, да и въ кодексахъ ихъ не мало, въ родѣ невѣроятной статьи итальянскаго кодекса о наказаніи за полученіе ордена отъ той иностранной державы, съ которою отечество получившаго, въ моментъ полученія имъ ордена, воюетъ; такихъ преступленій „умыслить“ можно много и загромоздить ими кодексъ до полной невозможности усвоить его.

Наконецъ, въ удовлетвореніе той же идеи о томъ, что кодексъ долженъ быть произведеніемъ жизненнымъ, живымъ и народнымъ, а не юридическимъ трактатомъ, Штооссъ постарался устранить изъ проекта по возможности всѣ техническія юридическія выраженія, сохраняющіяся въ ко-

дексахъ только, такъ сказать, исторически, и изложить его блестящимъ, народнымъ, общепонятнымъ языкомъ, достигнувъ, благодаря своему личному литературному таланту, несомнѣнно, изъ ряду вонъ счастливыхъ результатовъ.

Сдѣлавъ свое произведеніе живымъ и жизненнымъ, Штоссъ не отвернулся отъ задачъ дѣйствительно живыхъ, жизненныхъ, современныхъ, не отождествлялъ вовсе, какъ это свойственно академическимъ схоластикамъ, въ особенности нѣмецкой школы, современнаго съ незрѣлымъ, не доразвившимся до юридической формулировки; въ его проектѣ современные люди найдутъ лучшее разрѣшеніе задачъ нашего времени, возможное, разумѣется, путемъ уголовнаго законодательства. Во время обзора общей и особенной частей я указалъ на цѣлый рядъ отношеній, которыя до сихъ поръ совсѣмъ не регулировались уголовнымъ законодательствомъ или не въ той мѣрѣ, какъ въ проектѣ: таковы международныя отношенія, соціальныя, экономическія, семейныя и т. д.

Какъ жизненное и народное произведеніе, проектъ отвѣчаетъ, разумѣется, современнымъ взглядамъ общества и не только швейцарскаго, но, за немногими измѣненіями, и общеевропейскаго и, разумѣется, прежде всего взглядамъ этого общества на нравственное и безнравственное. Путемъ такого приведенія въ соотвѣтствіе съ народными возрѣніями разрѣшена одна изъ труднѣйшихъ и наисущественнѣйшихъ задачъ правильной постановки правосудія. Когда уголовный кодексъ перестаетъ отвѣчать взглядамъ общества на преступное,—онъ, въ сущности, перестаетъ дѣйствовать; не въ томъ лишь бѣда, что представители народной совѣсти—присяжные засѣдатели—оправдываютъ и что получается такимъ путемъ съ точки зрѣнія государственной политики нежелательное положеніе, при которомъ дѣяніе, предусмотрѣнное въ уголовномъ кодексѣ, остается безъ наказанія, а въ томъ бѣда, что и обвинительные приговоры судовъ являются въ глазахъ общества не актами правосудія, а актами грубаго насилія, начинается сочувствіе преступникамъ,—явленія, которыя не могутъ и не должны быть терпимы ни въ какомъ здоровомъ государственномъ организмѣ, ибо они совершенно подрываютъ правильное функціонированіе государственной машины.

Обзоръ проекта швейцарскаго уголовнаго уложенія я могу закончить только тѣмъ же положеніемъ, съ котораго я началъ этотъ обзоръ. Произведеніе Штоосса есть дѣйствительно послѣднее слово въ смыслѣ приведенія системы репрессіи, какъ мѣры борьбы съ преступностью, въ соотвѣтствіе съ требованіями жизни и цѣлесообразной борьбы. Большаго приспособленія безъ ломки основныхъ началъ репрессіи и въ будущемъ достигнуть нельзя будетъ. А время ломки, какъ это видно будетъ изъ послѣдующаго, уже настало.

Норвежское уголовное уложеніе 22 мая 1902 г.

Первенство провозглашенія новыхъ началъ во всякомъ случаѣ останется за швейцарскимъ кодексомъ; за нимъ же останется и неподражаемая по простотѣ, ясности и краткости выработка формы, формулировка.

Несомнѣнно однако же, что норвежскій криминалистъ Гетцъ, работая вполнѣ самостоятельно и даже раньше автора проекта швейцарскаго уложенія Штоосса, положилъ въ основу своего труда тѣ же начала, опредѣлилъ такъ-же задачи уголовнаго кодекса и даже остановился почти на тѣхъ же средствахъ борьбы съ преступниками и преступностью, какъ соціальнымъ зломъ, что и Штооссъ. Такое сходство можетъ быть объяснено не только сходствомъ во взглядахъ обоихъ выдающихся мыслителей, но и главнымъ образомъ почти полнымъ единообразіемъ положенія дѣла борьбы съ преступностью во всѣхъ европейскихъ государствахъ въ настоящее время и общимъ реформаціоннымъ движеніемъ въ этой области, которое считаетъ въ своихъ рядахъ всѣхъ наиболѣе выдающихся криминалистовъ-теоретиковъ и практиковъ современной Европы.

Лозунгъ этого движенія въ самой общей его формѣ прекрасно выразилъ авторъ талантливыхъ лекцій въ „Свободной школѣ соціальныхъ наукъ“ въ Парижѣ, Р. Салейль, сказавъ [1]), что „въ настоящее время существуетъ всеобщее движеніе, которое ставитъ себѣ задачею вырвать право изъ отвлеченныхъ формулъ, разобщающихъ его, по крайней мѣрѣ—въ глазахъ лицъ непосвященныхъ, съ жизнью“.

Приблизить право къ жизни, сдѣлать изъ уголовнаго

---

[1]) L'indvidualisation de la peine.

кодекса, который въ большинствѣ случаевъ является до сихъ поръ разбитою на параграфы господствующею въ данное время теоріею, систему практическихъ и цѣлесообразныхъ мѣръ борьбы съ преступниками и преступностью въ данной странѣ—вотъ настоящая, истинная и *современная* задача криминалистовъ всѣхъ странъ.

Въ виду такого опредѣленія самой задачи современнаго законодательства въ уголовномъ правѣ получаетъ громадное, рѣшающее значеніе общая часть уложеній и, въ особенности, статьи, посвященныя лѣстницѣ наказаній и мѣрамъ карательно-предупредительнымъ. Къ особенной части, содержащей въ себѣ опредѣленія отдѣльныхъ преступленій, предъявляется, главнымъ образомъ, одно требованіе—возможно простой, ясной и общей, не дробной формулировки,—требованіе скорѣе литературное. Содержаніе особенной части сравнительно мало измѣняется и во времени, и въ пространствѣ: объемъ запрещенныхъ дѣяній остается почти безъ измѣненій многіе десятки лѣтъ и почти тождественъ (опять-таки за небольшими исключеніями) въ разныхъ государствахъ.

Поэтому понятно, что не въ этой части всякаго новаго уголовнаго кодекса слѣдуетъ искать чего-либо дѣйствительно новаго; не эта часть, какъ бы хорошо она ни была формулирована, можетъ искупить недостатки, промахи, несвоевременность или несоотвѣтствіе жизненнымъ потребностямъ и задачамъ общей части:—эта послѣдняя составляетъ центръ тяжести всякаго уложенія, въ ней осуществляются и проводятся всѣ нововведенія, всѣ оригинальныя и новыя воззрѣнія на задачи уголовнаго кодекса и средства для достиженія этихъ задачъ. Разумѣется, въ виду указанной уже выше задачи новыхъ кодексовъ—сблизить право съ жизнью—,и въ этой общей части особенно важное значеніе имѣютъ жизненность, реальность и осуществимость предположенныхъ средствъ борьбы съ преступленіемъ.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, авторы обоихъ уложеній—швейцарскаго и норвежскаго—пришли совершенно къ однимъ и тѣмъ-же выводамъ. Они отлично поняли, что длинная, состоящая изъ многихъ ступеней, лѣстница наказаній, удовлетворяя, можетъ-быть, академиче-

ской полнотѣ непримѣнима на практикѣ, ибо многообразныхъ мѣстъ заключенія ни въ какомъ современномъ европейскомъ государствѣ не существуетъ, и на устройство такихъ мѣстъ нѣтъ и никогда не будетъ средствъ. Вотъ почему, понятно, Гетцъ—такъ-же, какъ и Штооссъ—, стремясь создать раціональную систему мѣръ борьбы съ преступностью въ странѣ, принялъ во вниманіе не только академическія требованія, но и дѣйствительную наличность существующихъ въ странѣ мѣстъ заключенія и упростилъ донельзя предположенную имъ лѣстницу наказаній; она состоитъ всего изъ трехъ наказаній—тюрьмы, ареста и денежнаго взысканія. Только при условіи *такой полной простоты вся лѣстница наказаній получаетъ дѣйствительное, реальное значеніе.*

Сокращая число видовъ наказанія, норвежское уложеніе—такъ же, какъ и швейцарское—старается зато каждому изъ допущенныхъ видовъ придать особое и притомъ реальное значеніе.

Такъ, прежде всего, для того чтобы судья имѣлъ дѣйствительную возможность соразмѣрить сроки наказанія лишеніемъ свободы со степенью и даже оттѣнками вины осужденнаго, уложеніе указываетъ весьма широкіе предѣлы, въ которыхъ можетъ быть назначено лишеніе свободы: тюрьма отъ 21 дня до 15 лѣтъ, а въ случаѣ совокупности—и пожизненно, а также арестъ отъ 21 дня до 20 лѣтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, заботясь о томъ же реальномъ значеніи вводимыхъ наказаній, норвежскій законодатель одновременно съ проектомъ уложенія выработалъ и особый законъ объ устройствѣ тюремъ и порядкѣ исполненія наказаній лишеніемъ свободы [1]).

Установлены три вида тюремъ: двѣ центральныхъ (Landesgefängnisse) для присужденныхъ къ тюремному заключенію на срокъ болѣе 6 мѣсяцевъ; окружныя (надлежащее число) для присужденныхъ къ заключенію на менѣе продолжительный срокъ; наконецъ, вспомогательныя тюрьмы для окружныхъ, гдѣ это представляется необходимымъ.

---

[1]) Blätter f. Gefängnisskunde, 30 томъ 1896 г., стр. 354 и слѣд. Переводъ сообщенъ главнымъ директоромъ тюремъ въ Христіаніи Вексеномъ.

Арестъ отбывается въ окружныхъ тюрьмахъ. Во главѣ тюремъ поставлены директоры и совѣты; въ составъ послѣднихъ входятъ лица прокурорскаго надзора и судьи.

Арестанты должны постоянно быть заняты работою. При выборѣ работъ принимаются во вниманіе способности и знанія арестантовъ; доходъ отъ работъ поступаетъ въ казну; арестанту же въ награду за особое прилежаніе можетъ быть назначено небольшое вознагражденіе. Арестанты въ возрастѣ до 18 лѣтъ обязательно проходятъ курсъ народныхъ школъ, болѣе возрастные проходятъ этотъ курсъ только въ случаѣ, если въ этомъ представляется надобность. Заключеніе на срокъ менѣе двухъ лѣтъ отбывается въ одиночномъ заключеніи, развѣ бы здоровье арестанта не допускало примѣненія этого вида заключенія. Выработанъ цѣлый рядъ дисциплинарныхъ мѣръ; тягчайшей является тѣлесное наказаніе, которому, однако, могутъ быть подвергнуты только лица, не достигшія 18 лѣтъ или же лишенныя правъ. Какъ эта мѣра, такъ и наложеніе оковъ на арестантовъ, возбудившихъ подозрѣніе въ желаніи бѣжать, могутъ быть примѣнены директоромъ не иначе, какъ съ согласія тюремнаго совѣта. Порядокъ содержанія подъ арестомъ гораздо мягче въ смыслѣ выбора работъ, свиданій и т. д. Введено, наконецъ, условное досрочное освобожденіе для тюремнаго заключенія по отбытіи $^2/_3$ наказанія и не менѣе одного года; отбывшій все наказаніе препровождается на родину, и администрація пріискиваетъ ему занятіе.

Далѣе, норвежское уложеніе, какъ и швейцарское, принимаетъ особыя мѣры для того, чтобы денежное взысканіе было дѣйствительною карою для лицъ, сообразно съ ихъ средствами. Поэтому предѣлы, въ которыхъ можетъ быть назначено денежное взысканіе, крайне широки—отъ 3 до 10000 кронъ при преступленіяхъ и отъ 1 до 5000 кронъ при нарушеніяхъ. Кромѣ того, судьѣ указано опредѣлять размѣръ взысканія такъ, чтобы оно равнялось не менѣе чѣмъ двухдневному и не болѣе чѣмъ трехмѣсячному доходу осужденнаго при преступленіяхъ, и не менѣе чѣмъ полдневному и не болѣе чѣмъ $1^1/_2$ мѣсячному доходу осужденнаго за нарушеніе; при этомъ обращается вниманіе и на размѣры ежедневныхъ расходовъ и на другія жизненныя условія караемаго.

Денежное взысканіе можетъ уплачиваться частями, можетъ отработываться на работахъ въ пользу государства, можетъ пополняться продажею части имущества, безъ нарушенія, однако, возможности зарабатывать средства существованія, или, наконецъ, замѣняться, соотвѣтственно размѣру неуплаченной части, лишеніемъ свободы.

Несомнѣнно, что всѣ созданныя уложеніемъ условія сильно подымутъ значеніе денежнаго взысканія, которое теперь совсѣмъ нечувствительно для богатыхъ, а для менѣе достаточныхъ слишкомъ легко замѣняется лишеніемъ свободы.

Но, опредѣливъ нормальную лѣстницу наказаній, норвежское уложеніе, подобно швейцарскому, не могло не признать необходимымъ считаться съ наличностью особаго вида преступниковъ, отличающихся своею развращенностью и представляющихъ крайнюю опасность для общества. Не создавая, однако, подобно швейцарскому проекту, особаго вида мѣстъ заключенія для „сохраненія“ (Verwahrung) подобныхъ преступниковъ, уложеніе устанавливаетъ для такихъ преступниковъ содержаніе въ общихъ тюрьмахъ, но на *неопредѣленные сроки*, настолько,—говоритъ уложеніе,—насколько это окажется необходимымъ, но во всякомъ случаѣ по отбытіи установленнаго по закону срока не долѣе, какъ на срокъ въ три раза большій, чѣмъ это отбытое наказаніе и не дольше, чѣмъ на 15 лѣтъ по отбытіи нормальнаго наказанія.

Вводя эту мѣру, Гетцъ принялъ во вниманіе [1]), что прежде опасныхъ преступниковъ устраняли очень легко различными тяжкими наказаніями, кончая смертной казнью, нынѣ же наказанія болѣе мягки, и отбывшіе срочныя наказанія особенно серьезные преступники представляютъ часто громадную опасность для общества. Обсуждая признаки, по которымъ преступникъ можетъ быть отнесенъ къ категоріи опасныхъ, авторъ находилъ, что прежняя судимость сама по себѣ не можетъ служить основаніемъ для классификаціи,

---

[1]) Andreas Urbye. Les sentences indéterminées dans le nouveau projet de code pénal norvégien. Revue pénale Suisse, 11 годъ, тет. 1 и 2, стр. 72 и 76.

какъ признакъ формальный: всякое опредѣленіе числа осужденій, при которомъ преступникъ можетъ считаться неисправимымъ, будетъ произвольнымъ. Гетцъ вообще находилъ, что существованіе особаго класса неисправимыхъ преступниковъ едва ли доказано, и приравненіе такихъ преступниковъ къ душевно-больнымъ совершенно неправильно.

Поэтому для признанія преступника опаснымъ уложеніе устанавливаетъ слѣдующія условія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гарантіи интересовъ и правъ преступниковъ.

Согласно § 65, въ случаяхъ, когда подсудимые обвиняются въ тягчайшихъ преступленіяхъ (поджогѣ, потопленіи, учиненіи крушенія судна или желѣзнодорожнаго поѣзда, употребленіи взрывчатыхъ веществъ, отравленіи, убійствѣ, нанесеніи тяжкихъ поврежденій, изнасилованіи, разбоѣ, вооруженной кражѣ, поддѣлкѣ монетъ) и, притомъ, въ совершеніи нѣсколькихъ такихъ преступленій или покушеній на оныя одновременно или послѣ прежней судимости за такія же преступленія,—судъ можетъ поставить присяжнымъ засѣдателямъ вопросъ: не представляетъ ли виновный, въ виду характера учиненныхъ имъ преступленій, мотивовъ, руководившихъ имъ при этомъ, или проявившейся при этомъ безнравственности его взглядовъ, особенной опасности для общества или для жизни, здоровья и благосостоянія отдѣльныхъ личностей? Только въ случаѣ утвердительнаго отвѣта судъ примѣняетъ къ осужденному неопредѣленное наказаніе; такое примѣненіе выражается въ томъ, что судъ присуждаетъ подсудимаго къ нормальному по закону наказанію и оговариваетъ возможность продолженія этого наказанія.

Но присужденіе къ содержанію въ тюрьмѣ на неопредѣленный срокъ не отдаетъ осужденнаго на произволъ тюремныхъ властей. Законъ о порядкѣ исполненія наказаній лишеніемъ свободы устанавливаетъ, что осужденный въ порядкѣ § 65 уголовнаго кодекса по отбытіи той части наказанія, которая въ приговорѣ назначена опредѣленно, можетъ немедленно, если это оправдывается его поведеніемъ въ тюрьмѣ, быть освобожденъ на испытаніе. Въ случаѣ, если въ теченіе 5 лѣтъ освобожденный не бу-

детъ вновь заключенъ въ тюрьму или задержанъ для заключенія, освобожденіе считается окончательнымъ. Въ противномъ случаѣ (т. е. если не освобожденъ по прошествіи 5 лѣтъ) по истеченіи каждаго года возбуждается вопросъ объ освобожденіи на испытаніе. Неосвобожденный по истеченіи 5 лѣтъ можетъ быть заключенъ въ рабочій домъ (Zwangsarbeitshaus).

Норвежское уголовное уложеніе, подобно швейцарскому, знаетъ также превентивныя мѣры. Если судъ найдетъ,—говоритъ уложеніе,—что обвиняемый, который оправданъ или присужденъ къ наказанію въ меньшемъ размѣрѣ, благодаря признанію его находившимся въ моментъ совершенія преступнаго дѣянія (не сдѣлано различія между преступленіемъ и нарушеніемъ) въ состояніи душевнаго возбужденія, опьяненія или вообще въ ненормальномъ душевномъ состояніи, представляетъ, въ виду его состоянія полной или частичной невмѣняемости, опасность для общественаго спокойствія, то судъ можетъ отдать его въ домъ для умалишенныхъ, или въ пріюты для пьяницъ, или въ особыя отдѣленія рабочихъ домовъ. Принятая мѣра отмѣняется административнымъ начальствомъ, если врачи дадутъ заключеніе, что эта мѣра болѣе не нужна. Въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, имъ предлагается соотвѣтственный вопросъ.

Такой же превентивной мѣрой является предоставленіе суду права запретить осужденному вовсе или на опредѣленное время жительство въ извѣстной мѣстности въ томъ случаѣ, если характеръ или мотивы преступленія, совершеннаго осужденнымъ, указываютъ, что пребываніе его въ той же мѣстности связано съ опасностью для личности или имущества извѣстнаго лица.

Такова система мѣръ борьбы съ преступниками, выработанная въ норвежскомъ уложеніи. Она, несомнѣнно, крайне проста и въ то же время чрезвычайно цѣлесообразна и легко и удобно примѣнима на практикѣ. Кромѣ лѣстницы наказаній, объ общей части необходимо отмѣтить, что уложеніе приняло двучленное дѣленіе преступныхъ дѣяній,—это, несомнѣнно, вполнѣ правильное рѣшеніе. Трехчленное дѣленіе отвѣчаетъ развѣ требованіямъ академической пол-

ноты,—никакихъ практическихъ, дѣйствительныхъ удобствъ оно не представляетъ, ибо на практикѣ вовсе не облегчаетъ опредѣленія подсудности. Ни одно изъ дѣйствующихъ законодательствъ, какъ это выяснилось и на парижскомъ тюремномъ конгрессѣ, не проводитъ вполнѣ послѣдовательно распредѣленія подсудности примѣнительно къ трехчленному дѣленію: наоборотъ, допускается очень много исключеній и, такимъ образомъ, практическое значеніе трехчленнаго дѣленія теряется, теоретически же это дѣленіе также признается несостоятельнымъ.

Остановившись на двучленномъ дѣленіи, уложеніе сдѣлало и еще одно весьма существенное упрощеніе въ распредѣленіи всего матеріала, создавъ особый отдѣлъ нарушеній. Эта мѣра въ высшей степени обезпечиваетъ простоту и удобопримѣнимость уголовныхъ кодексовъ, такъ такъ, во-первыхъ, въ каждомъ отдѣльномъ кодексѣ (о преступленіяхъ—одинъ, о нарушеніяхъ—другой) говорится только объ одномъ видѣ преступныхъ дѣяній и, во-вторыхъ, благодаря этому, устраняется въ высшей степени нежелательное смѣшеніе въ одной и той же главѣ тягчайшихъ преступленій съ полицейскими нарушеніями.

Необходимая оборона допускается уложеніемъ въ такихъ же тѣсныхъ предѣлахъ, какъ и швейцарскимъ проектомъ. Въ опредѣленіе введенъ цѣлый рядъ ограничительныхъ выраженій: необходимая оборона допускается,—сказано здѣсь,—если, во вниманіе къ опасности нападенія, къ винѣ нападающаго, а равно во вниманіе къ важности того блага (Rechtsgut), которому угрожаетъ опасность, не должно быть признано безусловно недопустимымъ причиненіе такого большого зла, какъ то, которое должно послѣдовать отъ задуманнаго дѣйствія.

Проф. Ламмашъ [1]), особенно высоко ставитъ такую постановку необходимой обороны, усматривая въ этомъ стремленіе не допустить нарушенія соціальнаго равенства; при такой постановкѣ необходимой обороны собственникъ, въ защиту какого нибудь незначительнаго принадлежащаго ему блага, не въ правѣ прибѣгнуть къ оружію.

---

[1]) l. c.

Тотъ же Ламмашъ признаетъ, что вообще норвежское уложеніе пытается приблизить право къ народнымъ воззрѣніямъ, съ которыми современное законодательство, находящееся подъ сильнымъ вліяніемъ отвлеченныхъ теоретическихъ ученій и взглядовъ, сильно разошлось.

Несомнѣнно, однако, что, въ согласіи и въ этомъ съ швейцарскимъ проектомъ, норвежское уложеніе стоитъ на субъективно-индивидуалистической точкѣ зрѣнія. Оно признаетъ наказуемыми только дѣянія умышленныя,—неосторожныя же дѣянія караются лишь въ видѣ исключенія въ точно закономъ указанныхъ случаяхъ.

Въ согласіи съ этимъ основнымъ положеніемъ—карать только за то, чего дѣйствительно и сознательно хотѣлъ обвиняемый—уложеніе подробно регулируетъ понятіе ошибки въ фактѣ и въ правѣ.

Ошибка при учиненіи извѣстнаго дѣянія относительно обстоятельствъ, которыя обусловливаютъ наказуемость дѣянія или вліяютъ на строгость наказанія, толкуется въ пользу обвиняемаго; если ошибка вызвана небрежностью обвиняемаго и небрежность карается въ данномъ случаѣ, виновный не избавляется отъ нормальнаго наказанія.

Ошибка въ правѣ, т. е. ошибка виновнаго при учиненія дѣянія относительно запрещенности и незаконности этого дѣянія толкуется тоже въ пользу обвиняемаго; если онъ не оправдывается совершенно, то наказаніе ему смягчается.

Обзоръ общей части проекта, такимъ образомъ, приводитъ насъ къ выводу, что Гетцу удалось сдѣлать очень многое для достиженія правильно поставленной цѣли: приблизить уголовный кодексъ къ жизни, сдѣлать его системою мѣръ, вполнѣ осуществимыхъ на практикѣ и, притомъ, цѣлесообразныхъ, такъ какъ онѣ, несомнѣнно, будутъ значительно способствовать осуществленію основной цѣли всякаго уголовнаго кодекса—успѣшной борьбѣ съ преступниками и преступностью.

Обзоръ особенной части и отдѣла о нарушеніяхъ убѣждаетъ, что и здѣсь достигнуты большіе результаты; Гетцу удалось и въ этой части осуществить въ значительной степени основной свой принципъ, высказанный имъ въ объ-

яснительной запискѣ [1]): „избѣгать всего, что могло бы нарушить или ослабить совмѣстное дѣйствіе права и нравственности, такъ какъ это совмѣстное дѣйствіе и составляетъ главную основу правового порядка“. Къ преступленіямъ противъ нравственности, противъ обязанностей семейственныхъ и человѣколюбія уложеніе отнеслось съ особеннымъ вниманіемъ, посвятивъ этимъ преступленіямъ не только два самостоятельныхъ отдѣла, но и много статей въ другихъ отдѣлахъ.

---

[1]) Ламмашъ, l. c., p. 512.

Коренное измѣненіе основныхъ началъ въ постановкѣ мѣръ репрессіи. Опозореніе и устраненіе личности преступника въ прошломъ и возрожденіе личности преступника въ наше время. Психологическое принужденіе.

Въ постановкѣ мѣръ репрессіи, какъ и въ преступности, происходитъ эволюція. Самое введеніе тюремнаго заключеніе, какъ наказанія наиболѣе нормальнаго, составляло эпоху по сравненію съ временемъ примѣненія смертной казни и членовредительныхъ наказаній за сколько нибудь важныя преступленія. Дальнѣйшій переворотъ совершился тогда, когда, по упроченіи за тюремнымъ заключеніемъ значенія нормальнаго наказанія, этому заключенію поставлена была совершенно новая задача—не столько устрашать, сколько исправлять. Какъ указано въ главѣ о тюремномъ заключеніи, эта задача оказалась неисполнимой. Когда это было окончательно сознано законодателемъ и обществомъ, то начался новый, еще не закончившійся, переворотъ—періодъ поисковъ новыхъ репрессивныхъ мѣръ взамѣнъ тюремнаго заключенія. Сначала появилось условное досрочное освобожденіе, которое только сокращаетъ срокъ назначеннаго по суду тюремнаго заключенія. Потомъ было создано и съ страшной быстротой стало распространяться условное осужденіе, уже вовсе устраняющее тюремное заключеніе. Еще раньше условнаго осужденія возникла мысль о замѣнѣ для дѣтей тюремнаго заключенія принудительнымъ воспитаніемъ. Потомъ возрастъ „дѣтскій“ все удлинялся,—съ 10 лѣтъ дошелъ до 17-ти, а по новому англійскому законопроекту уже и до 26 лѣтъ. Наконецъ, открыто былъ выставленъ принципъ

принудительнаго воспитанія и для взрослыхъ въ реформаторіяхъ. Наконецъ, появилась надобность въ возстановленіи и оживленіи древняго, еще римскаго, института реабилитаціи, возстановленія утраченныхъ правъ, для того чтобы смывать съ человѣческой личности, подвергшейся наказанію и лишенію правъ, всѣ послѣдствія судимости.

Только тогда, когда эволюція, такъ сказать внѣшняя, мѣръ репрессіи достигла этой степени развитія, сталъ выясняться громадный внутренній переворотъ, происшедшій въ основныхъ началахъ постановки мѣръ репрессіи, обнаружилось коренное измѣненіе самаго принципа, основного начала, одухотворявшаго мѣры репрессіи въ прошлое и въ настоящее время.

Въ самомъ дѣлѣ, въ прошлое время смотрѣли на преступника, какъ на парію, на человѣка, осквернившаго себя грѣхомъ, какъ лицо, надъ которымъ тяготѣетъ проклятье Божье и человѣческое. При такихъ воззрѣніяхъ и общество и законодатель вполнѣ естественно стояли на одномъ принципѣ, единственно возможномъ при такихъ условіяхъ: преступника, какъ выродка и заразу, надо удалить изъ общества и, притомъ, разъ навсегда. Для того, чтобы вполнѣ примѣнить этотъ принципъ, надо было или истребить преступника или изгнать разъ на всегда, а чтобы такое изгнаніе было прочно и непоколебимо, надо было отмѣтить преступника, заклеймить его физически и нравственно. И его дѣйствительно клеймили, выжигая на лбу буквы „воръ“, отрѣзали ему уши, брили ему половину головы. Давно ли это отмѣнено у насъ!

Одновременно, а отчасти потомъ взамѣнъ, по упраздненіи наружнаго клейменія, прибѣгали, по выраженію извѣстнаго тюрьмовѣда Брауне, къ внутреннему клейменію, выражавшемуся въ цѣлой сѣти дополнительныхъ наказаній и, прежде всего, въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія или только нѣкоторыхъ. Французы прекрасно передали основную мысль этого лишенія правъ, назвавъ его mort civile—гражданскою смертью. Вотъ конечная цѣль, къ которой стремились и законодатель и общество — смерть физическая или гражданская, т. е. изверженіе преступника изъ общества на всегда и какъ средство—полное опозореніе, лишеніе всѣхъ

правъ гражданина, человѣческой личности; вѣдь не надо забывать, что въ лишеніе всѣхъ правъ состоянія входило и входитъ нынѣ и у насъ не только лишеніе политическихъ и спеціальныхъ правъ, но и лишеніе правъ на родовое и пріобрѣтенное имущество и, наконецъ,—и, конечно, это самое ужасное—и лишеніе правъ семейственныхъ, т. е. разрушеніе брака: жена свободна и можетъ выйти замужъ, дѣти могутъ не повиноваться отцу. Только бездушное цивилистически-юридическое или, лучше, уголовно-догматическое мышленіе могло съ такою неумолимою, жестокою, логичностью провести отвлеченный принципъ гражданской смерти.

Но куда же дѣвались эти лица (я не говорю о казненныхъ и замученыхъ), которыя подвергались aquae et ignis interdictioni (идея вѣдь римская)? Они высылались въ „дикія мѣста"; во времена Рима такими „дикими мѣстами" являлись всѣ земли, населенныя нынѣ славянами и даже сравнительно ближайшая—Румынія. Но времена эти прошли безвозвратно. Въ самое послѣднее время по совершенному недоразумѣнію наша Сибирь считалась такимъ дикимъ мѣстомъ, но и это недоразумѣніе устранено въ 1900 г.

Но тогда,—куда же дѣваются эти гражданскіе мертвецы? Они остаются среди того же общества, которое ихъ изгнало изъ своей среды, опозорило, приговорило къ гражданской смерти. Какъ же эти представители другого міра могутъ относиться къ обществу живыхъ, среди котораго имъ нѣтъ мѣста, нѣтъ возможности зарабатывать честно хлѣбъ насущный,—ибо гражданская смерть лишаетъ даже правъ промысловыхъ, ученыхъ званій и т. д.? Повторяю: какъ же могутъ они относиться иначе какъ враждебно, такъ, какъ относилось въ первобытныя времена одно племя къ другому? Но вѣдь это явная опасность; и эта опасность была сознана и обществомъ и законодателемъ и прежде даже, чѣмъ наука установила, что истинная причина преступности въ заброшенности и обездоленности человѣческой личности, соображенія не столько гуманистическія, сколько практическія о собственной безопасности, заставили и законодателя и общество коренным образомъ измѣнить взгядъ на полезность умерщвленія физическаго и нравственнаго преступниковъ. Разъ—самое позднее—по отбытіи наказанія преступники должны вер-

нуться въ ряды нормальнаго общества, то надо ихъ обезвредить, обеззаразить; надо ихъ не разобщать съ этимъ обществомъ, а, наоборотъ, ослабить то разобщеніе, которое уже проявилось въ самомъ фактѣ совершенія ими преступленія, какъ акта враждебнаго въ отношеніи общества. Но для этого надо упразднить прежде всего всѣ тѣ мѣры борьбы съ преступностью, которыя клеймятъ и позорятъ личность и въ конечномъ выводѣ могутъ только приводить къ разобщенію; въ концѣ концовъ надо смывать всѣ, даже малѣйшія, ограниченія и послѣдствія судимости, чтобы бывшій преступникъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ членовъ нормальнаго общества. Самый процессъ этого сокращенія позорящихъ мѣръ и устраненія послѣдствій ихъ изложенъ ниже, въ главѣ о реабилитаціи.

Но это—только первый шагъ. Вѣдь и постановка самихъ наказаній была проникнута тѣмъ же принципомъ опозоренія; не даромъ же Варга [1]) назвалъ тюрьмы „безчестящими казармами“, не даромъ „клеймо тюремнаго сидѣльца“, не менѣе чѣмъ кандалы, служитъ препятствіемъ къ полученію честнаго заработка, къ возвращенію въ ряды нормальнаго общества. И вотъ движеніе, вызванное этими соображеніями—объ ослабленіи по возможности позорящаго характера, присущаго наказанію при современной его постановкѣ—встрѣтилось съ другимъ движеніемъ (см. выше, главу о тюремномъ заключеніи), которое исходило изъ мысли, что современная тюрьма не исправляетъ преступника. Оба движенія слились въ одномъ требованіи возможнаго сокращенія примѣненія тюремнаго заключенія. Мало-по-малу тюрьма стала распадаться, изъ нея стали выводить одну категорію преступниковъ за другою, а взамѣнъ тюрьмы стали возникать тѣ мѣры, о которыхъ говорится ниже—условное досрочное освобожденіе, условное осужденіе, принудительное воспитаніе.

Но мало было замѣнить тюрьму, надо было дать удовлетвореніе теченію въ пользу устраненія позорящаго характера наказанія. Выбрасываніе и опозореніе преступника признано было и неосуществимымъ и нецѣлесообразнымъ.

---

[1]) Указанное выше сочиненіе „Die Abschaffung der Strafknechtschaft“.

И тутъ новый принципъ для новыхъ наказаній былъ подсказанъ практическими дѣятелями въ области борьбы съ преступностью, которые вполнѣ сошлись въ своихъ положеніяхъ съ выводами уголовной соціологіи. Преступникъ—слабѣйшій, а не сильнѣйшій, представитель общества, его надо не угнетать и позорить, а, наоборотъ, еще надо облегчать жизненное его плаваніе, съ которымъ онъ и безъ того справиться не можетъ. Какъ показало совершеніе имъ преступленія, онъ находится въ томъ положеніи соціальнаго, экономическаго и нравственнаго одиночества и заброшенности, когда личность угасаетъ. И вотъ новый принципъ новыхъ наказаній, діаметрально противоположный прежнему, говоритъ: *надо личность преступника возрождать*, а для того чтобы это возрожденіе шло успѣшнѣе, надо призвать его самого, его духовныя силы, на борьбу съ тѣмъ всяческимъ упадкомъ, въ которомъ онъ находится. Вотъ тотъ колоссальный переворотъ, та громадная эволюція, которая произошла въ основныхъ началахъ постановки мѣръ репрессіи, какъ мѣръ борьбы съ преступностью.

Это требованіе о возрожденіи личности преступника, о призваніи ея на борьбу съ самимъ собой нашло себѣ осуществленіе въ примѣненіи такъ называемаго „психологическаго принужденія“.

Отличительной чертой новыхъ наказаній и, вообще, мѣръ борьбы съ преступностью,—ибо въ сущности ни условное досрочное освобожденіе, ни даже условное осужденіе и принудительное воспитаніе, не наказанія въ обыкновенномъ, прежнемъ, смыслѣ слова,—то, что здѣсь непосредственное и немедленное причиненіе вреда лишеніемъ свободы замѣняется одной угрозой будущаго наказанія, будущаго лишенія свободы. Но, что главное, самое наступленіе этого неблагопріятнаго будущаго ставится всецѣло въ зависимость отъ усмотрѣнія самого осужденнаго. Захочетъ онъ вести себя хорошо въ теченіе назначеннаго судомъ или администраціей срока, не совершать новыхъ преступныхъ дѣяній,—и угроза не будетъ приведена въ исполненіе вовсе. Такимъ образомъ, вмѣсто угнетенія и опозоренія, вмѣсто полной безнадежности въ будущемъ, преступника ободряютъ, обнадеживаютъ полнымъ примиреніемъ съ нимъ, полнымъ забвеніемъ его

вины, принятіемъ его обратно въ ряды нормальнаго общества, на равныхъ съ другими членами правахъ.

Здѣсь нѣтъ никакого намека на милость, на помилованіе; милость оказываетъ себѣ самъ преступникъ, и это хорошее поведеніе на свободѣ—не по принужденію въ тюрьмѣ, а по собственной волѣ—несомнѣнно должно нравственно возстановлять его въ глазахъ общества. Такимъ образомъ, довѣріе ведетъ прямымъ путемъ къ возрожденію личности.

Психологическое принужденіе угрозой будущаго играетъ роль, такъ сказать, вспомогательной гарантіи за успѣшность исполненія и подтверждаетъ испытуемому, что отсрочка наказанія—не милость и не слабость правосудія, а лишь разумно предуказанная цѣлесообразная мѣра борьбы съ преступностью.

Но общая картина новыхъ мѣръ борьбы съ преступностью была бы неполна, было бы въ ней слишкомъ много недоговореннаго, если бы не было упомянуто о главной пружинѣ, о главномъ дѣйствующемъ лицѣ, о главной силѣ, благодаря которой новыя, проникнутыя духомъ цѣлесообразности мѣры, всецѣло разсчитанныя на немедленное осуществленіе въ жизни, только и получаютъ реализацію въ дѣйствительности,—я говорю о роли общества въ осуществленіи этихъ мѣръ. Эта роль общества есть новое и самое важное слово въ этихъ мѣрахъ и самая важная отличительная черта ихъ отъ мѣръ репрессіи. Если мѣры репрессіи всегда осуществлялись и будутъ осуществляться органами правительства, то въ новыхъ мѣрахъ роль правительства, включая сюда и суды, ограничивается, главнымъ образомъ, почти исключительно назначеніемъ этихъ мѣръ, а исполненіе передается обществу. Да, общество начало ихъ примѣнять и будетъ примѣнять и безъ назначенія и понятно почему: потому что оно создало, оно—авторъ основнаго начала новыхъ мѣръ—психологическаго принужденія, оно его примѣняетъ, какъ увидимъ ниже въ отдѣлѣ о превенціи, гораздо шире и чаще въ своей превентивной дѣятельности въ борьбѣ съ преступностью.

Какъ указывалось неоднократно выше, отличительной чертой новыхъ мѣръ является преслѣдованіе цѣлей не угнетенія человѣческой личности, а ея возрожденія: личность

не обезнадеживаютъ, а наоборотъ, ободряютъ, обѣщаютъ ей полное примиреніе съ обществомъ. Но кто же можетъ поручиться за исполненіе этихъ обѣщаній, кто даже можетъ въ дѣйствительности давать ихъ, хотя бы при посредствѣ органовъ правительства, какъ не само общество?

Личность предоставляютъ ей самой, призываютъ ее самое на борьбу съ своимъ положеніемъ,—но вѣдь она доказала уже свою слабость, дойдя до преступленія. Какимъ же образомъ эта личность могла бы справиться съ назначеннымъ ей испытаніемъ, если бы общество не приходило ей на помощь? Какъ это происходитъ—объ этомъ говоритъ одна изъ слѣдующихъ главъ. Здѣсь же дана лишь общая характеристика новыхъ мѣръ.

Условное досрочное освобожденіе [1]).

По времени введенія, это—одна изъ первыхъ мѣръ новаго типа. Какъ указано уже выше, въ главѣ о тюремномъ заключеніи, она предложена была еще Говардомъ въ числѣ другихъ предположеній для раціональной новой постановки тюремнаго режима. При такихъ условіяхъ, условное досрочное освобожденіе явилось бы однимъ изъ звеньевъ такъ называемой прогрессивной системы тюремнаго заключенія, которая и описана нами въ той же главѣ. Но въ дѣйствительности эта мѣра получила примѣненіе сначала въ англійской ссылкѣ въ Австраліи,—это была одна изъ послѣднихъ попытокъ спасти отжившую идею ссылки. Когда же таковая была замѣнена въ Англіи въ 1852 г. каторжными работами, то условное досрочное освобожденіе было введено въ этихъ тюрьмахъ. Это было самое раннее осуществленіе идей Говарда; затѣмъ оно было введено въ 1862 г. въ Саксоніи, а нынѣ оно введено во всѣхъ культурныхъ государствахъ и вводится нынѣ и въ Россіи въ силу Высочайше утвержденнаго 22 іюня 1909 г., одобреннаго нашими представительными законодательными учрежденіями, закона [2]). Такимъ образомъ, условное досрочное освобожденіе зародилось какъ дополненіе правильной пенитенціарной системы, какъ награда за хорошее поведеніе въ тюрьмѣ, какъ идеалистическая попытка возродить человѣка въ тюрьмѣ.

---

[1]) У насъ имѣется обширное изслѣдованіе А. А. Піонтковскаго объ этомъ институтѣ (1900 г.).

[2]) Появилось уже и изданіе новаго закона, въ связи со всѣми матеріалами, послужившими къ его выработкѣ (представленіе Министерства Юстиціи, журналы комиссій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, стенографическіе отчеты и т. д.) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ онъ основанъ“, подъ редакціею Статсъ-Секретаря Д. А. Коптева, изд. Г. Г. Ходунова.

И при постановкѣ въ качествѣ одного изъ звеньевъ пенитенціарнаго режима, условное досрочное освобожденіе, какъ справедливо говоритъ Кроне [1]),—не условное помилованіе въ порядкѣ административнаго произвола, не видъ полицейскаго надзора. Главная задача его бороться съ тѣмъ неблагопріятнымъ явленіемъ въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, которое выражается въ недовѣріи общества къ бывшимъ тюремнымъ сидѣльцамъ, въ невозможности для послѣднихъ получить честный заработокъ и, въ конечномъ результатѣ, въ рецидивѣ. Тюремная администрація, признавая возможнымъ освободить преступника ранѣе окончанія срока назначеннаго ему судомъ наказанія, тѣмъ самымъ какъ бы выдаетъ ему особую аттестацію, выдѣляетъ его изъ ряда другихъ и тѣмъ ослабляетъ или совсѣмъ парализуетъ недовѣріе къ нему общества.

Насколько эта мѣра въ дѣйствительности достигаетъ указанной цѣли, показываютъ статистическія данныя. Такъ, въ то время какъ по даннымъ образцовой тюремной статистики англійской даже изъ числа впервые отбывшихъ въ тюрьмѣ наказаніе 30% возвращаются назадъ, а для осужденныхъ два или болѣе раза этотъ процентъ повышается очень быстро, процентъ возвращаемыхъ за дурное поведеніе условно-досрочно освобожденныхъ не достигаетъ 8% (Англія), а въ нѣкоторыхъ странахъ падаетъ даже ниже 4% (Пруссія—3,$_3$%, Бельгія—2,$_{01}$% и т. д.). Въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ вопросъ объ уменьшеніи численности преступныхъ элементовъ въ странѣ, конечно, сокращеніе на 25% имѣетъ громадное значеніе.

Но для того, чтобы досрочное освобожденіе имѣло такое значеніе, конечно, оно можетъ примѣняться только въ тѣхъ случаяхъ, когда тюремная администрація успѣла ознакомиться съ арестантомъ, убѣдиться, что въ случаѣ его освобожденія онъ займется честнымъ трудомъ, получить доказательства его будущаго хорошаго поведенія, въ видѣ хорошаго продолжительнаго поведенія въ тюрьмѣ—прилежанія къ работѣ, спокойнаго характера отношеній къ начальству и товарищамъ и т. д. А какъ логическое послѣдствіе

[1]) Lehrbuch der Gefängnisskunde, S. 260.

этого требованія, примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія во всѣхъ законодательствахъ допускается лишь при отбываніи наиболѣе долгосрочныхъ наказаній, т. е. наиболѣе важныхъ и, наоборотъ, не допускается примѣненіе его при наказаніяхъ краткосрочныхъ.

Условное досрочное освобожденіе въ основныхъ чертахъ во всѣхъ законодательствахъ поставлено почти одинаково. Оно состоитъ въ томъ, что, по отбытіи извѣстной указанной въ законѣ части наказанія (въ Бельгіи $^1/_3$, во Франціи $^1/_2$, въ Венгріи $^2/_3$, въ Германіи $^3/_4$ и т. д.), по представленію тюремнаго начальства, преступникъ освобождается досрочно изъ тюрьмы, но условно. Условность состоитъ въ томъ, что преступникъ обязывается не совершать новаго преступленія или проступка (различныя постановленія въ различныхъ законодательствахъ) въ теченіе времени, на которое онъ условно освобожденъ. Время это или равняется сроку неотбытаго наказанія, или, какъ въ Бельгіи, назначается вдвойнѣ противъ этого срока. Иногда требуется не только не совершать новаго преступленія или проступка, но и вести себя одобрительно (французскій и германскій законы). Если испытаніе выдержано хорошо, то наказаніе и въ части не отбытой признается выполненнымъ. Въ противномъ случаѣ преступникъ вновь заключается въ тюрьму и отбываетъ всю неотбытую часть наказанія, безъ зачета времени, проведеннаго на свободѣ.

Но стоя въ неразрывной связи внѣшней съ мѣрами репрессивными, условное досрочное освобожденіе по духу, по своему характеру, является примѣненіемъ совершенно другихъ началъ, и мнѣ пріятно отмѣтить, что и проф. А. А. Піонтковскій, талантливый и горячій защитникъ въ нашей литературѣ институтовъ условнаго освобожденія и условнаго осужденія, признавая условное освобожденіе конечной стадіей въ отбытіи наказанія[1]), признаетъ этотъ институтъ *спеціальной* мѣрой, приближающей его къ системѣ неопредѣленныхъ приговоровъ, при дѣйствіи которой механическій режимъ воздѣйствія замѣняется психическимъ, открывая широкое поле для самодѣя-

[1]) Проф. А. А. Піонтковскій. Условное освобожденіе. 1900, стр. 148. 136 и др.

тельности. Я позволю себѣ, можетъ быть, рѣзче высказать мысли проф. Піонтковскаго,—можетъ быть, въ дѣйствительности пойти дальше, чѣмъ онъ. Я думаю, что условное освобожденіе не имѣетъ ничего общаго съ карательной системой,—оно связано съ нею такъ же, какъ и всякое другое обѣщаніе лучшаго будущаго, которымъ бы пытались воздѣйствовать на арестанта для того, чтобы добиться его исправленія. Но природа его совершенно иная. Самъ проф. Піонтковскій признаетъ тюремный режимъ областью механическаго воздѣйствія на преступника. Я позволю себѣ прибавить, что, по общему мнѣнію всѣхъ тюрьмовѣдовъ, даже продолжающихъ еще вѣрить въ спасительность тюремнаго режима, онъ вполнѣ подавляетъ личность и ея самодѣятельность, и чѣмъ болѣе совершененъ тюремный режимъ при одиночномъ заключеніи, тѣмъ полнѣе достигается то, что называется le coup de la cellule. Я думаю поэтому рѣшительно, что при подавляющемъ режимѣ о возрожденіи личности не можетъ быть и рѣчи. А между тѣмъ несомнѣнно, что личность преступника нуждается именно въ возрожденіи матеріальномъ и нравственномъ, и институтъ условнаго освобожденія, предоставляя преступнику своимъ поведеніемъ рѣшить свою собственную судьбу, т. е. или совершенно освободиться отъ наказанія или вновь вернуться въ тюрьму, разсчитываетъ именно на такое возрожденіе. Но чудесъ въ природѣ не бываетъ,—самъ по себѣ возродиться человѣкъ, который, благодаря внѣшнимъ или личнымъ, индивидуальнымъ неблагопріятнымъ условіямъ, дошелъ до полнаго паденія экономическаго и нравственнаго, до полной утраты и чести и чувства чести, очевидно не можетъ; онъ нуждается въ помощи матеріальной и нравственной, скажу болѣе—въ благожелательномъ руководствѣ; только тогда, когда у него возродится чувство чести, только тогда собственно и угроза позоромъ наказанія, или, что то же, угроза утратой чести станетъ дѣйствительной, такъ какъ самое совершеніе преступленія доказало уже, что эта угроза никакого впечатлѣнія на него не производила. Поэтому, если внѣшне, „*пока*“ условное освобожденіе есть послѣдняя стадія извѣстнаго карательнаго строя, то внутренне самое введеніе этого института указываетъ на несостоятельность и безрезультат-

ность тюремнаго режима въ смыслѣ исправленія и возрожденія; если бы онъ дѣйствительно сколько нибудь возрождалъ, то отчего бы его не продолжать до конца, или, если бы быть логичнымъ, неопредѣленно, пока не исправится. Я думаю, что можно было бы сомнѣваться, дѣйствительно ли введеніе условнаго освобожденія указываетъ, хотя бы въ самой прикрытой формѣ, на признаніе—хотя бы и не откровенное, можетъ быть, даже и не вполнѣ сознаваемое—несостоятельности тюремнаго режима, если бы институтъ условнаго освобожденія стоялъ особнякомъ: но вѣдь вслѣдъ за нимъ сталъ распространяться другой институтъ—условнаго осужденія, уже совершенно открыто признающій несостоятельность этого режима не только для возрожденія личности преступника, но даже и для поддержанія временно, случайно утратившаго честь. При такихъ условіяхъ полная, естественная, natura rerum, разнородность условнаго освобожденія и карательной системы вполнѣ несомнѣнны.

И дѣйствительно, мы находимъ въ этомъ институтѣ всѣ элементы, которыми характеризуются новыя мѣры. Мы видимъ здѣсь и выраженіе довѣрія, и обѣщаніе хорошаго пріема со стороны общества, и призывъ къ самому преступнику выступить самому на борьбу съ своимъ положеніемъ, и психологическое принужденіе угрозой возвращенія въ мѣсто заключенія, въ случаѣ если испытаніе не удастся. Какъ ни стараются утверждать, что судебный приговоръ—одно, а исполненіе—другое, что измѣненіе въ порядкѣ исполненія нисколько не подрываетъ силы судебнаго приговора, а все же, несомнѣнно, въ этомъ институтѣ имѣется совершенно новое начало, колеблющее, если не правосудіе, то принципъ неизбѣжности кары. Несомнѣнно, принципъ цѣлесообразности въ борьбѣ съ преступностью беретъ верхъ.

Несомнѣнно также, что новый институтъ, предложенный вначалѣ какъ усовершенствованіе тюремнаго строя, содержитъ въ себѣ зерно прямого отрицанія всякаго значенія и полезности этого строя. Не слѣдуетъ забывать, что дѣло идетъ не о начинающихъ и случайныхъ преступникахъ, а о тягчайшихъ и тѣмъ не менѣе, напримѣръ, бельгійскій законъ признаетъ достаточнымъ отбываніе $^1/_2$ назначеннаго судомъ наказанія. Но несомнѣнно и еще одно,—что здѣсь

мы находимся совершенно на грани, на переходѣ отъ репрессіи къ ввѣренію борьбы съ преступностью дѣятельности общества. Не слѣдуетъ забывать, что здѣсь вопросъ идетъ о важныхъ преступникахъ и что, при всемъ добромъ ихъ настроеніи вернуться къ честному труду, испытаніе ихъ можетъ кончиться успѣшно только при условіи, если имъ будетъ оказано содѣйствіе со стороны общества. Какъ увидимъ ниже, такъ оно въ дѣйствительности и есть, и условное досрочное освобожденіе можетъ правильно функціонировать только при широкомъ развитіи обществъ патроната надъ освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія.

О введеніи условнаго досрочнаго освобожденія въ Россіи возникъ вопросъ сравнительно недавно. Въ уголовное уложеніе оно включено не было. Особое присутствіе Государственнаго Совѣта для разсмотрѣнія уголовнаго уложенія поручило министру юстиціи войти въ разсмотрѣніе вопроса о возможности введенія условнаго досрочнаго освобожденія.

Подробно разработанъ былъ вопросъ о желательности и необходимости введенія у насъ этого института русскою группою союза криминалистовъ на двухъ ея съѣздахъ—второмъ въ 1900 г. въ Петербургѣ и третьемъ въ Москвѣ въ 1901 г.; на эти съѣзды были представлены доклады профессорами М. В. Духовскимъ, А. А. Піонтковскимъ, въ томъ же году выпустившимъ въ свѣтъ диссертацію по этому вопросу, и А. А. Жижиленко.

Резолюція второго съѣзда гласитъ:

„По выслушаніи доклада профессора Московскаго Университета М. В. Духовского и послѣ преній по вопросу, предложенному на обсужденіе съѣзда, приняты слѣдующія положенія:

1) Признавая въ высшей степени желательнымъ и необходимымъ введеніе условнаго досрочнаго освобожденія въ Россіи, благодѣтельность котораго доказана опытомъ многихъ государствъ, Съѣздъ находитъ осуществленіе этой мѣры возможнымъ;

2) Право примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія по почину мѣстнаго тюремнаго начальства принадлежитъ мѣстной судебной власти, при участіи прокурорскаго надзора;

3) Прекращеніе условнаго досрочнаго освобожденія принадлежитъ мѣстной судебной власти въ особо установленномъ порядкѣ;

4) Вполнѣ присоединяясь къ предложенію Комитета о необходимости разработки вопроса о введеніи патроната въ нашемъ отечествѣ, Второй Съѣздъ подтверждаетъ постановленіе Комитета о внесеніи этого вопроса въ программу слѣдующаго Съѣзда".

На третьемъ Съѣздѣ было постановлено:

„По выслушаніи доклада профессора А. А. Піонтковскаго и послѣ преній по вопросу о введеніи условнаго досрочнаго освобожденія, Третій Съѣздъ, вполнѣ присоединяясь къ пожеланію, высказанному на Второмъ Съѣздѣ о введеніи досрочнаго условнаго освобожденія заключенныхъ, нашелъ, что примѣненіе такового было бы возможно на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Оно должно быть допущено по отношенію ко всѣмъ лицамъ, приговореннымъ къ лишенію свободы на срокъ не менѣе шести мѣсяцевъ;

2) Для примѣненія условнаго освобожденія необходимо:

а) чтобы приговоренный отбылъ не менѣе $^2/_3$ назначеннаго ему наказанія и, во всякомъ случаѣ, не менѣе шести мѣсяцевъ; для приговоренныхъ къ безсрочной каторгѣ ходатайство объ освобожденіи можетъ быть возбуждено по истеченіи десяти лѣтъ,

б) чтобы приговоренный заслуживалъ таковое своимъ хорошимъ поведеніемъ, свидѣтельствующимъ о возможности примѣненія къ нему смягченія названныхъ наказаній,

в) чтобы приговоренный, по объясненіи ему послѣдствій условнаго освобожденія, выразилъ свое согласіе на примѣненіе къ нему такового;

3) Ходатайство о примѣненіи условнаго освобожденія можетъ быть предъявлено или: а) комиссіею изъ должностныхъ лицъ мѣста заключенія осужденнаго, въ составъ коей входятъ начальникъ заведенія или его помощникъ, тюремный священникъ, тюремный врачъ, завѣдующій или руководящій тюремными работами, лицо прокурорскаго надзора, завѣдующее мѣстомъ заключенія, и два члена попечительства надъ мѣстомъ заключенія, или б) лицомъ прокурор-

скаго надзора, завѣдующимъ мѣстомъ заключенія, или в) мѣстнымъ обществомъ патроната;

4) Обсужденіе мотивированнаго ходатайства, по собраніи, буде потребуется, дополнительныхъ свѣдѣній, принадлежитъ суду, ближайшему къ мѣсту заключенія въ особо установленномъ порядкѣ".

Министромъ юстиціи внесенъ былъ въ Государственную Думу перваго призыва законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи, разработанный на началахъ, близкихъ къ установленнымъ съѣздами русскихъ криминалистовъ, но въ предѣлахъ болѣе скромныхъ: въ проектѣ не было признано возможнымъ примѣнить условное досрочное освобожденіе ни къ каторжной тюрьмѣ ни къ крѣпости, и требовалось отбыть не менѣе $^3/_4$ заключенія. Какъ выгодное отличіе отъ западно-европейскихъ образцовъ, слѣдуетъ отмѣтить приданіе всему институту характера судебнаго института, примѣненіе коего ввѣряется окружнымъ судамъ, между тѣмъ какъ въ иностранныхъ государствахъ этотъ вопросъ разрѣшается окончательно административнымъ порядкомъ въ Министерствахъ Юстиціи или Внутреннихъ Дѣлъ. Русскій проектъ, внося такимъ образомъ извѣстныя гарантіи законности примѣненія, вмѣстѣ съ тѣмъ посчитался и съ нашими разстояніями, настоятельно требующими для своевременнаго примѣненія децентрализаціи всего дѣла.

Комиссія по судебнымъ реформамъ Государственной Думы третьяго созыва, разсмотрѣвъ проектъ министра юстиціи, остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Наше дѣйствующее законодательство допускаетъ досрочное, т. е. до истеченія срока наказанія, назначеннаго судебнымъ приговоромъ,—освобожденіе преступниковъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ (ст. 305 уст. о ссыльн., Св. Зак. т. XIV, изд. 1890 г.) или къ заключенію въ исправительномъ отдѣленіи (ст. 317 уст. о сод. подъ стражей, Св. Зак. т. XIV, изд. 1890 г.), какъ награду за хорошее поведеніе, прилежаніе въ работѣ и покорность начальству. Такое освобожденіе производится по распоряженію начальниковъ мѣстъ заключенія и можетъ быть названо *безусловнымъ*, ибо послѣдующее поведеніе освобожденнаго на свободѣ не можетъ повлечь за собою возвращенія обвиняемаго въ мѣсто заклю-

ченія для отбытія той части наказанія, отъ которой онъ былъ освобожденъ.

Въ настоящемъ законопроектѣ Министерствомъ Юстиціи предлагается введеніе новой мѣры—*условнаго* досрочнаго освобожденія, причемъ условность этого освобожденія состоитъ въ томъ, что (ст. 18 проекта) если досрочно-освобожденный въ теченіе извѣстнаго, закономъ указаннаго, срока по освобожденіи совершитъ новое преступное дѣяніе, то онъ не только отбываетъ назначенное судомъ за это новое преступное дѣяніе наказаніе, но и ту часть прежняго наказанія, отъ которой онъ былъ освобожденъ въ надеждѣ на его хорошее поведеніе, причемъ никакого поглощенія наказанія не допускается. Отсюда ясно, что предлагаемая мѣра исходитъ не столько изъ соображеній гуманности, или, тѣмъ менѣе, желанія ослабить репрессію, сколько изъ вполнѣ правильной мысли—удержать преступника отъ совершенія на свободѣ новыхъ преступленій дополнительной угрозой отбытія неотбытаго еще наказанія. Въ такомъ смыслѣ эта мѣра является, несомнѣнно, шагомъ впередъ по сравненію съ нынѣ примѣняемымъ у насъ безусловнымъ досрочнымъ освобожденіемъ и имѣетъ въ виду болѣе цѣлесообразную постановку борьбы съ тѣмъ грознымъ явленіемъ рецидива (повтореніе преступленія и обращеніе его въ обычное ремесло),—явленіемъ, съ которымъ приходится, къ сожалѣнію, считаться правительствамъ всѣхъ культурныхъ странъ. Надо къ этому еще прибавить, что примѣненіе этой мѣры въ другихъ странахъ имѣетъ уже за себя много десятковъ лѣтъ (въ Англіи—съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Германіи—съ шестидесятыхъ годовъ и т. д.). Такимъ образомъ, предполагаемая нынѣ Министерствомъ Юстиціи мѣра является вполнѣ испытанной на практикѣ, и, конечно, введеніе ея у насъ является и своевременнымъ и желательнымъ. Она будетъ оказывать двойное вліяніе на преступника: съ одной стороны, она, какъ награда, будетъ побуждать его вести себя хорошо въ стѣнахъ тюрьмы, а съ другой стороны, какъ угроза, она будетъ удерживать его по освобожденіи, по крайней мѣрѣ на время испытательнаго періода, отъ совершенія новаго преступленія.

Едва ли имѣются основанія опасаться какихъ либо затруд-

неній въ примѣненіи этой мѣры у насъ, но, конечно, она должна быть поставлена надлежаще, и слѣдуетъ позаботиться объ обезпеченіи тѣхъ условій, при которыхъ вполнѣ можно разсчитывать на успѣхъ.

По этому поводу слѣдуетъ, прежде всего, остановиться на учрежденіи, коему будетъ ввѣрено примѣненіе условно-досрочнаго освобожденія. И въ этомъ отношеніи также нельзя не отмѣтить улучшенія, вносимаго законопроектомъ въ это дѣло. Въ то время какъ примѣненіе по дѣйствующему закону безусловнаго досрочнаго освобожденія ввѣряется тюремной администраціи, по проекту (ст. 5) примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія предоставляется особой комиссіи, состоящей изъ уѣзднаго члена окружнаго суда, начальника мѣста заключенія, духовника, врача и двухъ членовъ общества патроната или директоровъ мѣстнаго отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества. Постановленіе этой комиссіи получаетъ осуществленіе, однако, только по утвержденіи такового мѣстнымъ окружнымъ судомъ въ распорядительномъ засѣданіи. Такимъ образомъ, создаются прочныя гарантіи того, что предлагаемая мѣра будетъ примѣняться только въ заслуживающихъ уваженія случаяхъ.

Что же касается до мѣръ, которыя предположены въ законопроектѣ въ обезпеченіе успѣшности того испытанія, которому подвергается досрочно освобожденный предоставленіемъ ему жить на свободѣ подъ угрозой возвращенія въ мѣсто заключенія, то въ этомъ отношеніи проектъ (ст. 14—17) имѣетъ въ виду поставленіе условно-освобожденныхъ подъ покровительство и надзоръ мѣстнаго общества патроната или отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества, а буде таковыхъ не окажется, или они не имѣютъ возможности оказывать такое попеченіе,—подъ наблюденіе благонадежнаго лица, по выбору мирового или городского судьи или земскаго начальника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проектомъ устанавливается правило объ избраніи условно-освобожденнымъ на время испытанія опредѣленнаго мѣста жительства, и опредѣляются условія отлучекъ съ этого мѣста жительства. Конечно, проектированныя мѣры имѣютъ значеніе, но самая дѣйствительная изъ нихъ—попеченіе обществъ патро-

ната—будетъ имѣть реальное значеніе только тогда, когда и у насъ разовьются эти общества, которыя прочно поставлены во всѣхъ культурныхъ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ институтъ условнаго досрочнаго освобожденія. Хотя введеніе условнаго досрочнаго освобожденія не можетъ быть поставлено въ прямую зависимость отъ возникновенія обществъ патроната у насъ, но, для обезпеченія успѣшнаго функціонированія условнаго досрочнаго освобожденія, необходимо принятіе немедленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ для обезпеченія условій, необходимыхъ для ихъ возникновенія. Задачи этихъ обществъ далеко выходятъ за предѣлы простой благотворительности, ибо, будучи частными обществами, они выполняютъ, тѣмъ не менѣе, и государственныя функціи, оказывая власти могущественную поддержку въ борьбѣ съ преступностью. Опытъ всѣхъ странъ показалъ, что совершеніе преступленія и въ такой же степени самое отбываніе наказанія въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ клеймомъ тюремнаго сидѣльца, лишаютъ бывшаго уголовнаго преступника всякаго довѣрія честныхъ людей, хозяевъ и работодателей, которые отказываютъ въ работѣ такимъ выходцамъ изъ тюрьмы. Лишенные возможности получить честный заработокъ, бывшіе преступники часто даже поневолѣ впадаютъ въ новое преступленіе и, такимъ образомъ, создается то зло рецидива, которое разростается въ наше время въ такихъ широкихъ размѣрахъ и дѣлаетъ безсильной всякую репрессію. Между тѣмъ, борьбѣ именно съ этимъ явленіемъ предназначены служить какъ условное досрочное освобожденіе, такъ и патронатъ. Послѣдній проявляетъ свое участіе въ этой борьбѣ въ томъ, что устраняетъ причины, вызывающія оставленіе бывшаго преступника безъ работы. Изучая преступника въ тюрьмѣ, онъ можетъ выбирать среди тюремныхъ сидѣльцевъ лицъ, которыя по освобожденіи дѣйствительно желали бы заняться честнымъ трудомъ. На основаніи этого ознакомленія, общества патроната имѣютъ дѣйствительно возможность рекомендовать и поручиться хозяевамъ и работодателямъ за избранныхъ ими лицъ и тѣмъ устранить недовѣріе хозяевъ; такой ответственности на себя никто другой, кромѣ общества патроната, взять не можетъ. Съ другой стороны, имѣя въ своемъ составѣ лицъ самыхъ

разнообразныхъ профессій и соціальныхъ положеній, они имѣютъ возможность въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ труда пріискать занятія выходящимъ изъ тюрьмы, а затѣмъ, помѣстивъ ихъ на мѣста, наблюдать и руководить ими. Какъ велики практическіе результаты ихъ дѣятельности, показываетъ примѣръ Англіи, гдѣ особенно прочно поставлено дѣло патроната и гдѣ рецидивъ и ростъ преступности меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Понятно поэтому, что всѣ культурныя государства признали государственное значеніе патроната и выработали особое отношеніе къ нему. Оставляя образованіе ихъ частной иниціативѣ, они въ то же время подвергаютъ ихъ надзору тюремной инспекціи и оказываютъ имъ денежное пособіе,—во Франціи въ размѣрѣ 140.000 фр. въ годъ, въ Англіи въ размѣрѣ 4.600 фунтовъ стерлинговъ, въ Германіи въ размѣрѣ 66.364 марокъ (при общемъ бюджетѣ въ 75.463 м.). Вмѣстѣ съ тѣмъ правительствомъ облегчена частная иниціатива въ этомъ направленіи. Примѣру указанныхъ государствъ слѣдуетъ послѣдовать и намъ, ибо въ то время, какъ напримѣръ, въ маленькомъ Баденѣ 60 обществъ патроната, въ Баваріи 144, а всего въ Германіи 854, въ Англіи при каждой тюрьмѣ по нѣсколько обществъ патроната, во Франціи 103, въ Россіи, при наличности 791 мѣстъ заключенія (Отч. по Главн. Тюр. Управл. за 1905 г., стр. 13), имѣется всего 23 общества патроната.

Для того чтобы вызвать къ жизни и у насъ общества патроната, комиссія признаетъ прежде всего необходимымъ утвержденіе въ ближайшемъ будущемъ, одновременно съ утвержденіемъ законопроекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи, особаго нормальнаго устава обществъ патроната. Утвержденіе такого устава облегчитъ частную иниціативу: дѣло вѣдь скромное, и трудно надѣяться, чтобы люди, полагающіе имъ заняться, имѣли бы возможность выработать и проводить уставъ. Въ этомъ отношеніи тотъ явочный порядокъ, который установленъ новѣйшимъ законодательствомъ, нисколько не устраняетъ необходимости въ изданіи нормальнаго устава. Дѣйствительно, хотя частная иниціатива, какъ уже указано было выше, и необходима для образованія этихъ обществъ—въ этомъ сходятся и опытъ Бельгійскихъ полуоффиціальныхъ обществъ пат-

роната, закрывшихся и замѣненныхъ частными обществами, и печальный примѣръ нашего попечительнаго о тюрьмахъ общества, существующаго только на бумагѣ—,тѣмъ не менѣе относиться къ нимъ, какъ къ чисто частнымъ обществамъ, правительство не можетъ. Для успѣшнаго осуществленія преслѣдуемыхъ ими задачъ представителямъ ихъ необходимо обезпечить свободный доступъ въ тюрьмы, при которыхъ они состоятъ,—а, конечно, такой доступъ долженъ быть обставленъ извѣстными условіями; далѣе, должны столь же точно быть опредѣлены и условія оказанія денежной помощи со стороны правительства и отчетности со стороны обществъ, а также порядокъ надзора за ними.

Слѣдующей мѣрой содѣйствія является назначеніе извѣстной ежегодной субсидіи изъ средствъ казны. Прецедентовъ для этого и въ нашемъ законодательствѣ имѣется много. Такъ, у насъ имѣются возникшія по частной иниціативѣ исправительно-воспитательныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ, въ числѣ 53. Положеніе ихъ нормировано уже дѣйствующимъ закономъ (Уст. Сод. страж., ст 153—167), а нынѣ издается особое нормальное положеніе о нихъ; въ силу ст. 155 Уст. сод. страж., для подкрѣпленія ихъ средствъ отчисляется 10% штрафного капитала, а нынѣ такое отчисленіе предполагается удвоить. Далѣе, въ силу ст. 209 того же устава и примѣчанія къ ней, кормовыя деньги для арестантовъ отпускаются и пріютамъ, принимающимъ на попеченіе дѣтей арестантовъ на время содержанія родителей въ тюрьмѣ. Наконецъ, съ образованіемъ съ 1893 г. въ Петербургѣ и Москвѣ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, имѣющихъ совершенно частный характеръ обществъ патроната и замѣнившихъ собою въ этихъ городахъ признанные вполнѣ неотвѣчающими своей цѣли губернскіе комитеты попечительнаго о тюрьмахъ общества, министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено (Уст. о сод. подъ страж., ст. 62 прим., по прод. 1895 г.) назначать ежегодныя субсидіи этимъ обществамъ въ мѣрѣ дѣйствительной надобности.

Наконецъ, комиссіей было обращено вниманіе и на содѣйствіе, которое всюду въ другихъ государствахъ министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ оказываютъ черезъ

своихъ подчиненныхъ на мѣстахъ къ возбужденію частной иниціативы въ этомъ направленіи.

Остановившись на этихъ соображеніяхъ, комиссія признала необходимымъ включить таковыя въ докладъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи и, во-первыхъ, обратить вниманіе Государственной Думы на желательность ко времени утвержденія законопроекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи разработки и утвержденія министромъ юстиціи по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ (Выс. пов. 28 февраля 1901 г.) проекта нормальнаго устава обществъ патроната и, во-вторыхъ, поручить министру юстиціи внести на разсмотрѣніе Государственной Думы законопроектъ о размѣрѣ и условіяхъ пособія обществамъ патроната изъ средствъ государственнаго казначейства.

Перейдя затѣмъ, послѣ этихъ общихъ сужденій, къ постатейному обсужденію законопроекта, комиссія остановилась прежде всего на отд. II законопроекта и спеціально на вопросѣ о возможности примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія и къ присужденнымъ къ каторжнымъ работамъ. По этому поводу докладчикъ обратилъ вниманіе комиссіи на то, что дѣйствующими узаконеніями (ст. 229 Свода Учр. и Уст. о ссыльныхъ, Св. Зак. т. XIV изд. 1890 г. и ст. 23 Угол. Ул. 22 марта 1903 г.) для лицъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, установлено уже и нынѣ не условное, а безусловное досрочное освобожденіе, причемъ допущено сокращеніе назначенныхъ по суду сроковъ отбытія наказанія въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ предположенное въ настоящемъ законопроектѣ; такъ, напримѣръ, каторжные III разряда, присужденные къ каторжнымъ работамъ отъ 6—8 лѣтъ, по отбытіи всего $1^1/_2$ года, при одобрительномъ поведеніи, переводятся въ разрядъ исправляющихся, а еще черезъ годъ получаютъ возможность жить внѣ острога, въ построенныхъ ими домахъ, обзаводиться семьей и т. д. При такихъ условіяхъ сокращеніе срока каторжныхъ работъ лишь по отбытіи $^3/_4$ наказанія и переводъ въ ссылку, являющійся пока обязательнымъ послѣдствіемъ присужденія къ каторжнымъ работамъ, едва ли явились бы облегченіемъ участи присужденныхъ. Съ своей стороны помощникъ начальника

главнаго тюремнаго управленія к. с. Боровитиновъ удостовѣрилъ, что ст. 299 уст. о ссыльныхъ соблюдается и въ настоящее время; что хотя всѣ 5 пересыльныхъ тюремъ, расположенныхъ въ Россіи, и содержатъ многихъ каторжныхъ, въ виду временнаго переполненія сибирскихъ каторжныхъ тюремъ, за закрытіемъ Сахалина какъ мѣста ссылки,—тѣмъ не менѣе, всѣ содержащіеся въ пересыльныхъ тюрьмахъ каторжные ко времени ихъ перечисленія въ разрядъ исправляющихся переводятся въ сибирскія тюрьмы и тамъ уже поступаютъ въ этотъ разрядъ и затѣмъ на свободу.

Выслушавъ эти соображенія, комиссія признала распространеніе примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія и на присужденныхъ къ каторгѣ въ настоящее время—до реорганизаціи таковой—несвоевременнымъ.

Затѣмъ по докладу комиссіи, законопроектъ былъ одобренъ Государственною Думою. Порученіе, данное Государственною Думою министру юстиціи, въ отношеніи разработки и утвержденія нормальнаго устава обществъ патроната было выполнено послѣднимъ, и 10 сентября 1908 былъ изданъ нормальный уставъ обществъ покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія (патронатовъ). Уставъ этотъ распубликованъ въ собраніи узаконеній. Второе порученіе о выработкѣ законопроекта о матеріальномъ содѣйствіи отъ казны обществамъ патроната не выполнено и остается лишь въ качествѣ пожеланія Государственной Думы, ибо Государственный Совѣтъ не призналъ возможнымъ давать министрамъ законодательныхъ порученій. По одобреніи законопроекта Государственною Думою и Государственнымъ Совѣтомъ, таковой былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ 22 іюня 1909 г. Вотъ подлинный текстъ этого закона.

Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою

Законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

I. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній постановить нижеслѣдующія правила объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

1. Приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ, въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, или въ исправительномъ домѣ, могутъ быть условно освобождены изъ заключенія по отбытіи не менѣе трехъ четвертей опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ срока наказанія, если они пробыли въ мѣстѣ заключенія, во исполненіе приговора, не менѣе шести мѣсяцевъ, безъ зачета въ этотъ послѣдній срока времени, проведеннаго до того подъ стражею.

2. Условное досрочное освобожденіе можетъ быть предоставлено заключеннымъ въ томъ случаѣ, если ихъ одобрительное поведеніе во время заключенія даетъ достаточныя основанія предполагать, что, по освобожденіи изъ заключенія, они будутъ вести добропорядочный образъ жизни.

3. Условное досрочное освобожденіе не примѣняется: 1) къ осужденнымъ за конокрадство и 2) къ тѣмъ изъ заключенныхъ, кои, по отбытіи наказанія срочнымъ лишеніемъ свободы, подлежатъ по закону водворенію въ Якутской области или ссылкѣ на поселеніе.

4. Сроки дѣйствія постановленій объ отдачѣ приговоренныхъ къ срочному лишенію свободы подъ надзоръ мѣстной полиціи и объ ограниченіяхъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства исчисляются со времени условнаго освобожденія осужденнаго.

5. Возбужденіе вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи заключенныхъ принадлежитъ лицамъ прокурорскаго надзора, начальнику мѣста заключенію, директорамъ, директрисамъ и членамъ комитетовъ и отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—благотворительно-тюремныхъ комитетовъ), членамъ мѣстныхъ обществъ патроната и состоящимъ при мѣстѣ заключенія духовнымъ лицамъ и врачамъ.

6. Вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ быть возбужденъ и до истеченія трехъ четвертей опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ срока, но съ тѣмъ, чтобы само освобожденіе было осуществлено не раньше наступленія означеннаго въ статьѣ 1 срока условнаго освобожденія.

7. Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносится начальникомъ мѣста заключенія на обсужденіе Особаго Совѣщанія, подъ предсѣ-

дательствомъ одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, назначаемаго съѣздомъ мировыхъ судей или окружнымъ судомъ, по принадлежности, а въ мѣстностяхъ, гдѣ введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ—мѣстнаго уѣзднаго члена окружнаго суда; Особое Совѣщаніе образуется изъ лицъ прокурорскаго надзора, губернскаго тюремнаго инспектора или его помощника (тамъ, гдѣ должности эти учреждены), полиціймейстера или уѣзднаго исправника или лица, занимающаго соотвѣтствующую должность, или ихъ помощника, начальника мѣста заключенія или его помощника, двухъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, по избранію сихъ установленій (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—двухъ директоровъ или директрисъ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, по избранію правленій сихъ комитетовъ), а гдѣ учреждены общества патроната,—и двухъ членовъ сихъ обществъ, избираемыхъ ихъ правленіями, состоящихъ при мѣстѣ заключенія: духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ коему принадлежитъ заключенный, врача, имѣвшаго надъ нимъ наблюденіе или пользовавшаго его отъ болѣзни и лица, завѣдывающаго школьнымъ обученіемъ заключенныхъ. Для законности состава Совѣщанія необходимо присутствіе предсѣдателя, начальника мѣста заключенія или его помощника, одного изъ директоровъ или директрисъ мѣстныхъ комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—благотворительно-тюремнаго комитета) или одного изъ членовъ мѣстнаго общества патроната.

8. Вопросъ о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія разрѣшается Особымъ Совѣщаніемъ по большинству голосовъ; при равенствѣ голосовъ, мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

9. Постановленіе Особаго Совѣщанія заносится въ протоколъ съ подробнымъ изложеніемъ основаній, по коимъ заключенный признается или не признается заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія. Каждый изъ членовъ Особаго Совѣщанія, оставшійся при особомъ мнѣніи, можетъ представить таковое въ письменномъ изложеніи для пріобщенія къ протоколу.

10. Возобновленіе ходатайства объ условномъ досрочномъ освобожденіи можетъ послѣдовать не ранѣе истеченія трехъ мѣсяцевъ съ того дня, когда состоялось постановленіе о признаніи заключеннаго незаслуживающимъ такого освобожденія.

11. Постановленіе Особаго Совѣщанія о предоставленіи условнаго досрочнаго освобожденія объявляется заключенному начальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за тѣмъ, въ который это постановленіе состоялось, съ предупрежденіемъ, что освобожденіе можетъ послѣдовать лишь съ утвержденія судебной власти. При этомъ начальникъ мѣста заключенія предлагаетъ заключенному дать письменное обязательство въ томъ, что имъ будутъ соблюдаться условія, на коихъ ему предоставляется свобода, а также указать мѣсто жительства, которое онъ желаетъ избрать на время условнаго досрочнаго освобожденія.

12. Постановленіе Особаго Совѣщанія, коимъ заключенный признанъ заслуживающимъ условнаго досрочнаго освобожденія, препровождается начальникомъ мѣста заключенія не позже дня, слѣдующаго за выдачею указаннаго въ предшедшей (11) статьѣ обязательства, вмѣстѣ съ особыми мнѣніями, если таковыя были заявлены, съ подлиннымъ дѣломъ о заключенномъ и другими имѣющимися о немъ свѣдѣніями, черезъ прокурора окружнаго суда, въ округѣ котораго заключенный отбываетъ наказаніе, на разсмотрѣніе сего суда.

13. Окружный судъ, по предложенію прокурора, разсматриваетъ дѣло объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ распорядительномъ засѣданіи въ ближайшій присутственный день. Въ случаѣ надобности, судъ имѣетъ право требовать дополнительныхъ свѣдѣній и вызвать въ засѣданіе для дачи объясненій пребывающихъ въ мѣстѣ нахожденія суда начальника мѣста заключенія, а равно и другихъ членовъ Совѣщанія. Утверждая постановленіе Особаго Совѣщанія, судъ назначаетъ досрочно-освобожденному мѣсто его жительства. Опредѣленія суда по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи не подлежатъ обжалованію и немедленно, по постановленіи, обращаются къ исполненію на общемъ основаніи.

14. По полученіи выписки изъ опредѣленія окружнаго суда о предоставленіи заключенному условнаго досрочнаго освобожденія, начальникъ мѣста заключенія въ теченіе сутокъ приводитъ въ исполненіе означенное опредѣленіе; если же опредѣленіе суда послѣдовало до истеченія трехъ четвертей срока, къ которому былъ присужденъ заключенный,— то въ тотъ же самый день, въ который истекаетъ указанный въ статьѣ 1 срокъ условнаго освобожденія. Въ томъ же случаѣ, когда начальнику мѣста заключенія сдѣлались извѣстными какія либо обстоятельства, которыя могутъ препятствовать предоставленію заключенному условнаго досрочнаго освобожденія и которыхъ судъ не имѣлъ въ виду при разрѣшеніи дѣла объ условномъ досрочномъ освобожденіи, начальникъ, не пріостанавливая исполненія опредѣленія суда, немедленно доводитъ объ открывшихся препятствіяхъ до свѣдѣнія прокурора суда, для предложенія суду о пересмотрѣ постановленнаго имъ опредѣленія.

15. Досрочно-освобожденный передается, при самомъ освобожденіи изъ подъ стражи, на весь оставшійся неотбытымъ срокъ лишенія свободы, назначенный судебнымъ приговоромъ, подъ наблюденіе и на попеченіе мѣстнаго общества патроната или мѣстнаго комитета или отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—благотворительно-тюремныхъ комитетовъ).

Если означенныя учрежденія не признаютъ возможнымъ принять подъ наблюденіе и на попеченіе досрочно-освобожденнаго, или если мѣсто жительства назначено ему внѣ того города, въ которомъ онъ отбывалъ заключеніе, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ ни обществъ патроната, ни комитетовъ или отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ, досрочно-освобожденный поступаетъ на указанный срокъ подъ наблюденіе мѣстнаго мирового, городского или гминнаго судьи или же земскаго участковаго начальника, по принадлежности.

Означенныя должностныя лица могутъ входить въ соглашеніе съ помянутыми учрежденіями, попечительствами о трудовой помощи, приходскими попечительствами при церквахъ и прочими учрежденіями общественнаго призрѣнія и благотворительными обществами, а также заслуживаю-

щими довѣрія лицами о принятіи ими на себя ближайшаго наблюденія надъ досрочно-освобожденнымъ и попеченія о немъ.

16. Досрочно-освобожденный во всякое время до истеченія срока условнаго освобожденія, по уважительнымъ причинамъ, имѣетъ право просить означенное въ предшедшей (15) статьѣ должностное лицо о перемѣнѣ лица, коему поручено надъ нимъ ближайшее наблюденіе и попеченіе.

17. При увольненіи досрочно-освобожденнаго, начальникъ мѣста заключенія дѣлаетъ распоряженія о пересылкѣ денегъ, принадлежащихъ досрочно-освобожденному и находящихся на храненіи у администраціи мѣста заключенія, подлежащему учрежденію или должностному лицу (ст. 15).

Выдача означенныхъ денегъ досрочно-освобожденному производится частями, по мѣрѣ дѣйствительной надобности.

18. По прибытіи досрочно-освобожденнаго въ назначенное ему мѣсто жительства, онъ обязанъ въ теченіе сутокъ явиться въ указанное ему начальствомъ мѣста заключенія полицейское установленіе. Послѣднее немедленно сообщаетъ о прибытіи досрочно-освобожденнаго подлежащему учрежденію или должностному лицу (ст. 15).

19. Въ теченіе срока условнаго освобожденія досрочно-освобожденный не имѣетъ права отлучаться изъ назначеннаго ему мѣста жительства безъ разрѣшенія того изъ указанныхъ въ статьѣ 15 учрежденія или должностнаго лица, подъ наблюденіемъ коего онъ состоитъ, причемъ разрѣшеніе на отлучку выдается по уважительнымъ причинамъ на срокъ не свыше одного мѣсяца. Отлучки на болѣе продолжительные сроки, а также перемѣна назначеннаго для досрочно-освобожденнаго мѣста жительства, допускаются лишь съ разрѣшенія мѣстнаго уѣзднаго члена окружного суда, въ мѣстностяхъ же, гдѣ не введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, — того окружнаго суда, въ округѣ котораго водворенъ досрочно-освобожденный.

20. Если досрочно-освобожденный въ теченіе срока условнаго освобожденія совершитъ какое-либо преступное дѣяніе, за которое будетъ осужденъ приговоромъ суда, или будетъ установлено его порочное поведеніе, могущее угрожать личной или общественной безопасности или порядку

(какъ то: пьянство, распутство, тунеядство, праздношатаніе, общеніе съ порочными людьми и т. п.), или, наконецъ, если досрочно-освобожденный нарушитъ другія условія, на коихъ ему предоставляется свобода, то досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено.

Условное досрочное освобожденіе обязательно подлежитъ отмѣнѣ, если досрочно-освобожденный будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію свыше ареста.

21. О всѣхъ случаяхъ нарушенія досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, учрежденіе или частное лицо, имѣющее надъ нимъ наблюденіе и попеченіе (ст. 15), а также мѣстное полицейское начальство, доводятъ до свѣдѣнія мѣстныхъ мирового, городского или гминнаго судьи или земскаго участковаго начальника, по принадлежности. По полученіи означенныхъ свѣдѣній и, въ случаѣ надобности, по провѣркѣ ихъ, означенныя должностныя лица, черезъ прокурора окружнаго суда, въ округѣ котораго водворенъ досрочно-освобожденный, передаютъ возникшее дѣло, съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе сего суда.

Мировой, городской и гминный судья, а равно земскій участковый начальникъ, по принадлежности, могутъ: а) подвергнуть предварительному задержанію досрочно-освобожденнаго, порочное поведеніе котораго грозитъ личной или общественной безопасности, и б) возбудить дѣло объ отмѣнѣ условнаго досрочнаго освобожденія по непосредственному своему усмотрѣнію.

22. Къ дѣламъ о нарушеніи досрочно-освобожденнымъ условій, на коихъ ему предоставляется свобода, окружнымъ судомъ примѣняются порядокъ и правила, указанные въ статьѣ 13 для дѣлъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

Досрочно-освобожденный, прибывшій въ засѣданіе суда, допускается къ представленію словесныхъ объясненій.

Въ случаѣ надобности, суду предоставляется вызывать въ засѣданіе для дачи объясненій досрочно-освобожденнаго, если онъ имѣетъ пребываніе въ мѣстѣ нахожденія суда; не-

явка досрочно-освобожденнаго не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла.

23. При возвращеніи досрочно-освобожденнаго, на основаніи статьи 20, въ мѣсто заключенія, время, проведенное имъ на свободѣ, въ срокъ наказанія, а равно въ срокъ полицейскаго надзора и другихъ ограниченій (ст. 4), не засчитывается, и срокъ оставшагося неотбытымъ заключенія исчисляется со времени взятія его подъ стражу.

24. Если въ теченіе срока условнаго досрочнаго освобожденія таковое не будетъ на основаніи статьи 20 отмѣнено, то опредѣленное судебнымъ приговоромъ наказаніе почитается отбытымъ.

II. Статью 317 и примѣчанія 1 и 2 къ сей статьѣ Устава о содержащихся подъ стражей (Св. Зак., т. XIV, изд. 1890 г. и по Прод. 1906 г.) и часть 3 статьи 23 Высочайше утвержденнаго 22 Марта 1903 г. Уголовнаго Уложенія—отмѣнить.

Условное осужденіе [1]).

Родиной условнаго осужденія считается городъ Бостонъ, главный городъ Сѣверо-Американскаго штата Массачузетсъ. Еще въ 1869 г. здѣсь была учреждена должность state agent, особаго полицейскаго чиновника для наблюденія за молодыми преступниками и ихъ судьбою. Лицо это, пользуясь довѣріемъ суда, стало брать подъ свою отвѣтственность на испытаніе молодыхъ людей, признанныхъ судомъ виновными, но еще не присужденныхъ къ наказанію. Ревностный чиновникъ заботился объ устройствѣ судьбы молодого преступника, и если поведеніе его оказывалось удовлетворительнымъ, то, по представленію чиновника, судья совсѣмъ освобождалъ молодого преступника, ставшаго честнымъ членомъ общества, отъ наказанія. Въ 1878 году эта система получила законодательную санкцію подъ именемъ probation system—системы испытанія, а чиновникъ получилъ названіе probation officer. Съ тою быстротою, съ какою, вообще, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, благодаря объединенію лучшихъ дѣятелей по тюрьмовѣдѣнію и благотворительности въ особыхъ ежегодныхъ національныхъ конгрессахъ благотворительности и исправленія, въ области борьбы съ преступностью распространяются всѣ нововведенія, учрежденіе probation officer'овъ получило дальнѣйшее развитіе.

---

[1]) Литература вопроса очень велика. Главнѣйшими пособіями могутъ служить: 1) Сводъ иностранныхъ законовъ объ условномъ осужденіи, изд Госуд. Канцеляріи, 1900; 2) Сборникъ изслѣдованій и статей по вопросу объ условномъ осужденіи, изд. Госуд. Канцеляріи 1898 г.—здѣсь помѣщены работы А. А. Піонтковскаго объ условномъ осужденіи или системѣ испытанія, работа А. А. Жижиленко, рядъ моихъ докладовъ и работъ и т. д.

Они стали не полицейскими, а судебными, несмѣняемыми, чиновниками, и—что еще важнѣе—ихъ функціи стали присваивать въ видѣ почетнаго званія дѣятелямъ изъ общества, желающимъ посвятить себя безвозмездно дѣлу борьбы съ преступностью. Функціи ихъ расширились, и значеніе ихъ такъ велико, что объ институтѣ probation officers говорится подробно ниже, въ главѣ объ участіи общества въ осуществленіи новыхъ мѣръ.

Съ 1878 г. система эта стала примѣняться не къ однимъ молодымъ преступникамъ, но вообще ко всѣмъ преступникамъ, разъ ихъ поведеніе рекомендуется чиновникомъ по испытанію и они обвиняются въ преступленіяхъ, за которыя въ законѣ назначается наказаніе не свыше тюрьмы или исправительнаго дома на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ. Какъ говорятъ по этому поводу оффиціальные отчеты [1]), среди населенія Массачузетса распространилась прогрессивная идея, что задачею уголовнаго суда лучше поставить исправленіе, чѣмъ наказаніе; въ теченіе же 1878 г. представители законодательной власти въ республикѣ подготовили путь системѣ испытанія, при которой предсѣдатель уголовнаго суда можетъ пріостановить исполненіе приговора надъ преступникомъ, чтобы дать послѣднему возможность *исправиться помимо наказанія.*

Въ этомъ и состоитъ основная идея: исправиться помимо наказанія. Чиновникъ по испытанію обязанъ просматривать всѣ уголовныя дѣла въ судѣ, при которомъ состоитъ, и относительно тѣхъ преступниковъ, которые по характеру совершеннаго имъ преступленія (вышеуказанные предѣлы грозящаго наказанія) и по личному характеру (прежняя судимость, общее поведеніе и т. д.) даютъ основаніе на удачность испытанія, онъ представляетъ суду, и послѣдній, если признаетъ доводы убѣдительными, отпускаетъ признаннаго виновнымъ безъ присужденія къ наказанію подъ надзоръ и отвѣтственность чиновника по испытанію, назначая преступнику испытательный срокъ отъ 2 до 12 мѣсяцевъ. Если въ теченіе этого срока онъ не совершитъ новаго преступнаго дѣянія и будетъ вести себя вообще хорошо, судъ

[1]) Сводъ иностр. законовъ, стр. 138.

вовсе освобождаетъ или, лучше сказать, не назначаетъ наказанія. Въ теченіе испытательнаго періода отпущенный на испытаніе находится подъ угрозою, въ случаѣ дурного поведенія, быть подвергнутымъ наказанію, съ другой стороны—онъ находится подъ надзоромъ и руководствомъ чиновника, который заботится, иногда вмѣстѣ съ поручившимся за преступника лицомъ; объ устройствѣ его судьбы, пріисканіи ему мѣста и т. д. Въ случаѣ неудачи испытанія, назначается наказаніе по закону. Какъ показываютъ статистическіе отчеты, изъ общаго числа отпущенныхъ на испытаніе не болѣе 8% не выдерживаютъ испытанія.

Въ Европѣ условное освобожденіе впервые было введено въ 1897 году въ Англіи, причемъ было сохранено то изъ положеній Массачузетскаго закона, въ силу коего преступникъ отдается на испытаніе послѣ признанія виновнымъ, но безъ постановленія приговора о наказаніи, который постановляется только въ случаѣ неудачи испытанія. Здѣсь нѣтъ надзора надъ испытуемымъ, какъ въ Массачузетсѣ, но примѣняется древне-англійскій институтъ поручительства, т. е., иначе говоря, или самъ отпускаемый на испытаніе вноситъ залогъ, или за него поручается другое извѣстное судьѣ лицо въ извѣстной суммѣ, которая взыскивается въ случаѣ неудачи испытанія. Въ 1907 г., однако, и въ Англіи введенъ институтъ probation officer'овъ и, такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи англійская постановка института условнаго осужденія получила полное сходство съ Массачузетской.

Разница, однако, между закономъ Массачузетскимъ и англійскимъ существенная, и, притомъ, въ слѣдующихъ отношеніяхъ. Законъ Массачузетскій скромно ограничиваетъ предѣлы примѣненія условнаго осужденія преступленіями, за которыя въ законѣ грозитъ наказаніе не свыше 6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, а англійскій законъ 1887 г. сразу же расширилъ примѣненіе до 2 лѣтъ тюремнаго заключенія; закономъ же 1907 г. и этотъ предѣлъ отодвинутъ и, притомъ, въ такой чрезвычайной степени, что только въ случаѣ угрозы каторжными работами институтъ не примѣнимъ.

Было и другое различіе, которое, повидимому, сохранено и закономъ 1907 г. (см. выше, главу о репрессіи и превенціи):

это именно болѣе точное опредѣленіе лицъ, къ коимъ можетъ быть примѣнено условное осужденіе, — отсутствіе у такого лица прежней судимости (first offenders), а также наличность особыхъ личныхъ качествъ, „юности душевнаго склада, чистоты предшествующей жизни обвиняемаго", незначительности совершеннаго проступка, либо сопровождающихъ оный смягчающихъ обстоятельствъ. Неудачныхъ не болѣе 8%. Для оцѣнки значенія этого процента неудачи, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, по даннымъ англійской статистики, до 30%, впервые осужденныхъ возвращаются въ первый же годъ по освобожденіи обратно въ тюрьму; такимъ образомъ, при примѣненіи условнаго осужденія выигрывается въ борьбѣ съ преступностью 22%. Такова въ общихъ чертахъ система испытанія или условнаго осужденія, установившаяся въ странахъ, населенныхъ англосаксонскимъ племенемъ.

Потребность въ новой мѣрѣ борьбы съ преступностью была не менѣе ощутительна и на континентѣ Европы. Поэтому не удивительно, что въ слѣдующемъ 1888 году она вводится въ Бельгіи, въ 1891 г.—во Франціи и Норвегіи, въ 1892г.—въ Люксембургѣ, въ 1893 г.—въ Португаліи, затѣмъ постепенно она распространяется во всѣхъ почти Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и почти во всѣхъ кантонахъ Швейцаріи, въ 1904 вводится въ Италіи (гдѣ и до того по уложенію 1890 г. существовало нѣчто похожее), а въ прошломъ году комиссіей по судебнымъ реформамъ нашей Государственной Думы принятъ съ измѣненіями законопроектъ министра юстиціи объ условномъ осужденіи, но таковой еще не разсмотрѣнъ Государственною Думою. Но на континентѣ Европы тотъ же институтъ принялъ нѣсколько другія формы. Основныя начала остались тѣ же, т. е. замѣна наказанія угрозой будущаго наказанія и испытательный періодъ, назначаемый судомъ. Но на континентѣ—по крайней мѣрѣ, пока—не могъ еще образоваться весьма важный и вообще для борьбы съ преступностью институтъ чиновниковъ по испытанію, еще менѣе здѣсь было данныхъ для возникновенія древнесаксонскаго института поручительства. Такимъ образомъ, эти гарантіи успѣшности испытанія введены быть не могли. Взамѣнъ этого законодатель призналъ полезнымъ усилить тяжесть угрозы и потому, начиная съ

Бельгійскаго закона, послужившаго образцомъ другимъ континентальнымъ законамъ, не ограничивается, какъ въ Англіи и Америкѣ, признаніемъ обвиняемаго виновнымъ, но требуетъ присужденія его судьею къ наказанію по закону, и уже только исполненіе этого совершенно опредѣленнаго наказанія отсрочивается на время испытательнаго періода. Угроза становится опредѣленнѣе и потому болѣе чувствительной, болѣе ясной для осужденнаго; надежды на успѣхъ и здѣсь вполнѣ оправдались, процентъ неудачныхъ испытаній приблизительно тотъ же, что и въ странахъ, населенныхъ англосаксонскимъ племенемъ, и оффиціальные отчеты министровъ юстиціи продолжаютъ отмѣчать чрезвычайно важное и полезное значеніе института условнаго осужденія для борьбы съ преступностаю. Такой спеціалистъ въ области уголовной статистики, какъ Тардъ, призналъ въ докладѣ Петербургскому международному конгрессу союза криминалистовъ, на основаніи данныхъ о примѣненіи условнаго осужденія во Франціи за 8 лѣтъ 1892—1899 гг., что примѣненіе условнаго осужденія чрезвычайно сократило рецидивъ проступковъ, подсудныхъ судамъ безъ присяжныхъ (Mitt. des Intern. Krim. Verb.,10 Band, Heft 2). Всѣ другія континентальныя государства послѣдовали въ законодательной нормировкѣ условнаго осужденія примѣру Бельгіи, за исключеніемъ Германіи. Здѣсь этотъ институтъ закономъ вовсе не нормированъ, а установленъ циркулярами министровъ юстиціи въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ; условное осужденіе примѣняется только къ малолѣтнимъ въ возрастѣ 12—18 л. по представленіямъ прокуроровъ и другихъ органовъ, исполняющихъ приговоры, въ порядкѣ помилованія монархомъ. Но и въ Германіи все энергичнѣе раздаются голоса въ пользу введенія условнаго осужденія въ формѣ судебнаго института [1]).

Такова внѣшняя обрисовка постановки института условнаго осужденія. Прежде чѣмъ перейти къ предположеніямъ нашего русскаго законопроекта, необходимо остановиться на основныхъ началахъ этого института и его значеніи для борьбы съ преступностью въ настоящее время и въ будущемъ.

---

[1]) См. мою работу: Условное осужденіе въ Германіи. Собр. изсл., стр. 152.

Къ сожалѣнію, названіе, данное институту нѣмцами—условное осужденіе (bedingte Verurtheilung),—которые какъ разъ и не ввели его пока въ общепринятой формѣ, совершенно не соотвѣтствуетъ основнымъ началамъ института; названіе, данное французами и бельгійцами: sursis—отсрочка гораздо ближе подходитъ къ сути дѣла. Съ практической стороны эта мѣра и выражается въ отсрочкѣ наказанія, а ни въ какомъ условномъ осужденіи, ибо осуждаютъ безусловно, преступленіе порицается публично, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ осужденіе сопровождается и внушеніемъ, *и лишь исполненіе наказанія отсрочивается.* Институтъ вовсе не исходитъ изъ ложнаго начала: tout savoir c'est tout pardonner. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, а въ негодности, нецѣлесообразности той мѣры, которая пока назначается закономъ,—тюремнаго заключенія. И оно то замѣняется той системой испытанія, которую создали американцы; дѣйствительно, и самое названіе, данное ими новому институту гораздо вѣрнѣе передаетъ основное начало новой мѣры. На этихъ двухъ положеніяхъ—на негодности тюремнаго заключенія, какъ мѣры борьбы съ преступностью, и на мысли объ испытаніи—слѣдуетъ остановиться подробнѣе какъ для выясненія характера самой мѣры, такъ и для того, чтобы объяснить фактъ быстраго распространенія условнаго осужденія во всемъ культурномъ мірѣ и частаго его примѣненія; въ рѣчи по поводу русскаго проекта объ условномъ осужденіи я могъ отмѣтить еще въ 1904 г., что оно въ Бельгіи примѣнено въ 300.000 случаяхъ, во Франціи въ 185.000 и т. д.

Итакъ главная причина нарожденія условнаго осужденія—негодность самой важной мѣры борьбы съ преступностью—тюремнаго заключенія. Выше, въ главахъ о репрессіи и тюремномъ заключеніи приведены уже общія данныя о значеніи тюремнаго заключенія; здѣсь слѣдуетъ остановиться на другихъ чертахъ, характеризующихъ безполезность этого наказанія.

Такъ, рецидивъ во Франціи повышается: въ 1871—75 г.г. онъ составлялъ всего 47% числа осужденныхъ за „crime", въ 1881—85 г.г.—52%, 1885—1890 г.г.—56%, 91 и 92 годахъ—58%. Число рецидивистовъ, осужденныхъ за преступленія, составляло въ 1888 г.—1.648 м., 86 ж., въ 1892 г.—1.638 м., 92 ж.,

зато осужденныхъ исправительными судами было въ 1880 г.—77.009 и въ 1892 г.—105.380. Въ то же время характеръ наказаній измѣнился такимъ образомъ:

	1880 г.	1892 г.	
Присужд. къ катор. раб.:	72	61	на
Тюрем. закл. менѣе года:	61	80	1.000 осужд.).
Рецидивъ кражи . .	въ 1880 г.—20.146	въ 1892 г.—23.056	
Присужд. на срокъ болѣе года . . .	„ 1880 г. 2.666	„ 1892 г. 1.726	
Дѣтей всего только .	„ 1888 г. 345	„ 1892 г. 688	
Рецид. бродяжества .	„ 1888 г. 13.514	„ 1892 г. 14.551	

Несмотря на уменьшеніе числа заключенныхъ—притомъ послѣдовательное—изъ года въ годъ, рецидивъ въ Англіи несомнѣнно увеличивается, число осужденныхъ *дважды* составило въ 72 г.—27,9; 83 г.—31,5; 93 г.—29,6, осужденныхъ одинъ разъ.

Изъ числа осужденныхъ въ первый разъ не возвращаются 70%; *возвращаются* изъ числа вторично осужденныхъ 48%, третій разъ 64%, четвертый разъ 71%, а пятый разъ 79% (Report from the Departem. Commitee on Prisons 1895).

Говоря о рецидивѣ, нельзя не упомянуть объ интересныхъ данныхъ, сообщенныхъ въ „Revue pénale Suisse“ за 1893 г. на основаніи справокъ о судимости кантона Бернъ; здѣсь встрѣчаются, между прочимъ, знаменитости въ своемъ родѣ, отбывшія наказанія болѣе 100 разъ.

Подобные примѣры доказываютъ, что—по крайней мѣрѣ, на нѣкоторую часть преступниковъ—тюремное заключеніе не дѣйствуетъ вовсе; а такъ какъ рецидивъ все увеличивается, въ нѣкоторыхъ странахъ даже и быстро, то мало-по-малу стало ясно, что одной изъ причинъ рецидива является негодность того средства, которое примѣняется въ борьбѣ съ преступленіемъ, именно тюремнаго заключенія. Признается прямо вреднымъ и несостоятельнымъ самый принципъ тюремнаго заключенія и собранія въ однѣ и тѣ же стѣны преступныхъ элементовъ различныхъ видовъ, причемъ устраняется возможность какой бы то ни было индивидуализаціи наказанія, и случайные преступники отдаются какъ бы въ ученье опытнымъ рецидивистамъ. Какъ справедливо замѣчаетъ

отчетъ вышеупомянутаго англійскаго парламентскаго комитета, наряженнаго для разслѣдованія положенія тюремнаго дѣла—„лучшее средство борьбы противъ рецидива—прекратить тотъ источникъ, изъ котораго рецидивисты пополняются“; для этого члены комитета полагаютъ преступниковъ обычныхъ, во всякомъ случаѣ, отдѣлить отъ другихъ преступниковъ и устроить для нихъ особыя мѣста заключенія; не менѣе необходимо устроить особыя заведенія для алкоголиковъ; надо также молодыхъ, впервые наказанныхъ, преступниковъ обставить въ тюрьмѣ особыми гарантіями, не смѣшивать ихъ никоимъ образомъ съ остальными преступниками. Не надо забывать, что Англія, несмотря на сравнительно съ другими государствами образцовое устройство тюремъ, первая изъ европейскихъ государствъ ввела у себя условное осужденіе (1887).

Если примѣненіе условнаго осужденія въ настоящее время ограничивается пока замѣной только краткосрочныхъ наказаній, то это потому что съ краткосрочныхъ наказаній необходимо было начать: это—самое слабое мѣсто въ нынѣшней неудовлетворительной системѣ наказаній, такое мѣсто, которое представителямъ старыхъ воззрѣній пришлось сдать непріятелю по невозможности дольше защищать, и, во-вторыхъ, потому, что боялись (насколько основательно—это другой вопросъ), чтобы примѣненіемъ этого наказанія взамѣнъ болѣе серьезныхъ наказаній не поколебать правового порядка въ государствѣ, не вызвать волненія среди людей, не понимающихъ смысла и значенія этого института.

Что касается того, что краткосрочныя наказанія представляютъ собой самое больное мѣсто существующей карательной системы, то въ этомъ сомнѣній, кажется, нѣтъ. Въ этихъ наказаніяхъ основной принципъ нынѣшней карательной системы доведенъ до утрировки: какъ справедливо замѣчаютъ, сыпался и сыплется до сихъ поръ цѣлый дождь краткосрочныхъ наказаній. У Листа, а затѣмъ и у Розенфельда приведены любопытныя данныя: въ Германіи 67% всѣхъ наказаній падаетъ на тюремное заключеніе и изъ этихъ послѣднихъ 80% на наказанія тюрьмой на срокъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, а $^1/_3$ наказаній на срокъ, не превышающій трехъ дней; во Франціи 40% всѣхъ присужденныхъ къ тюрьмѣ было

назначено наказаніе на срокъ не свыше 2 недѣль; въ Бельгіи изъ числа 90.000 присужденныхъ къ лишенію свободы въ извѣстный періодъ 72.210 присуждено было къ тюрьмѣ, и изъ нихъ 35.686—къ заключенію на срокъ отъ 8 дней до 1 мѣсяца и т. д. Не можетъ быть сомнѣнія, что такое краткое лишеніе свободы не можетъ имѣть особо устрашающаго значенія и только даетъ случаи осужденному познакомиться и сойтись съ преступнымъ людомъ. Понятно поэтому мнѣніе Листа, который находитъ, что главныя мѣста, гдѣ вырабатываются преступники по ремеслу—это провинціальныя маленькія тюрьмы, кабаки и публичные дома. Какъ говоритъ женевскій профессоръ, Готье (Revue pénale Suisse, 1890), въ статьѣ „A propos de la condamnation conditionnelle", „покарать преступника немилосердно за первое же преступленіе—это значитъ вызвать въ немъ отчаяніе, которое приводитъ къ поступкамъ неблагоразумнымъ, это значитъ толкать его къ неминуемой гибели, тѣмъ болѣе, что, познакомившись съ нашими тюрьмами, онъ перестанетъ ихъ бояться". Понятенъ поэтому и выводъ Готье, который онъ вкладываетъ въ уста одного изъ заключенныхъ: „Лучшее средство сдѣлать тюремное заключеніе дѣйствительнымъ—это сажать въ тюрьмы какъ можно меньше народа". Ту же мысль высказываетъ тюрьмовѣдъ Кроне (цитир. у Aschrott, Ersatz kurzzeitiger Freiheitsstrafe, 1889), который говоритъ: „Мечъ, который употребляютъ для колки дровъ, отказывается служить въ день битвы". Общій характеръ системы краткосрочныхъ наказаній Готье опредѣляетъ такъ: „Мы фабрикуемъ рецидивистовъ путемъ краткосрочныхъ наказаній, расходуя при этомъ на это громадныя средства".

Не можетъ быть, разумѣется, сомнѣній въ необходимости замѣны подобныхъ наказаній, которыя примѣнялись и примѣняются только для удовлетворенія логической послѣдовательности или, лучше сказать, просто научнаго силлогизма: всѣ преступленія должны быть наказаны, данное дѣяніе есть преступленіе, и, слѣдовательно, оно должно быть наказано, хотя бы только для вида. Это—несомнѣнное лицемѣріе, но научная логика торжествуетъ. Не можетъ быть сомнѣній въ полезности при такихъ условіяхъ не примѣнять вовсе наказанія: все равно пользы отъ примѣненія не будетъ, а вредъ несо-

мнѣненъ. Какія статистическія вычисленія точно опредѣлятъ, сколькимъ изъ числа тѣхъ преступниковъ, которые за первое же преступленіе подверглись тюремному заключенію, это заключеніе принесло вредъ, а сколько изъ нихъ и безъ тюрьмы выработались бы въ рецидивистовъ! Всякій расчетъ, подобно приведенному нами выше изъ англійскихъ отчетовъ, указывающій, сколько изъ отбывшихъ впервые наказаніе въ тюрьмѣ не возвращается въ нее болѣе, всегда будетъ приблизителенъ; такъ точно и вліяніе на уменьшеніе рецидива института условнаго осужденія статистически не скоро можно будетъ опредѣлить, въ особенности потому, что ростъ рецидива не есть что-нибудь опредѣленное, постепенное,—слишкомъ часты скачки, а, слѣдовательно, не скоро представится возможность опредѣлить, какъ бы рецидивъ развивался безъ условнаго осужденія, и каково вліяніе послѣдняго? Но и теперь нельзя не признать, что результаты блестящіе: благодаря введенію института обнаружена наличность 93 и болѣе процентовъ случайныхъ преступниковъ, въ отношеніи которыхъ задача государственной власти должна быть, такъ сказать, отрицательная—воздержаніе отъ тѣхъ неудачныхъ карательныхъ мѣръ, которыя изгоняютъ осужденныхъ изъ рядовъ нормальнаго общества и толкаютъ ихъ на путь порока и преступленія.

Громадное значеніе пріобрѣтено этимъ институтомъ при осужденіяхъ за кражи. Преступленіе это, безспорно, незамысловатое: часто совершается оно впервые по неразумѣнію, непониманію важности этого преступленія, по неумѣнію молодого человѣка сдержать себя въ желаніи покутить, столь естественномъ въ ранніе молодые годы, по неумѣнію найти работу. Такое единичное проявленіе невоздержанности, заслуживающее и порицанія и наказанія, тѣмъ не менѣе не свидѣтельствуетъ еще вовсе о преступности натуры, о негодности къ жизни среди нормальнаго общества. Если, благодаря условному осужденію, такой молодой человѣкъ останется на свободѣ въ прежнихъ условіяхъ, то, можетъ быть, и бывшій его хозяинъ сжалится надъ нимъ и проститъ его на первый разъ, можетъ быть близкіе помогутъ пристроиться къ дѣлу; но лицо, отбывшее тюремное заключеніе за кражу, уже не можетъ надѣяться получить

занятіе. Оно всѣмъ внушаетъ недовѣріе, а такъ какъ существовать и кормиться надо, то приходится вышедшему изъ тюрьмы идти въ рабочіе воровского ремесла, становиться въ особую экономическую зависимость отъ мастеровъ-капиталистовъ воровского ремесла, которые, давая такимъ рабочимъ ничтожное вознагражденіе, гораздо меньше чѣмъ то, которое получаютъ честные работники, посылаютъ ихъ совершать кражи, весьма часто указывая и лицъ, которыхъ можно обокрасть. Все похищенное, часто представляющее имущество на большія суммы, переходитъ въ руки мастеровъ, которые и продаютъ похищенное въ свою пользу; ремесло оказывается выгоднымъ для мастеровъ, для рабочихъ же оно недостаточно и для скуднаго пропитанія, какъ показываютъ обыски у подобныхъ воровъ. Такова жизнь. Какъ же относится современное законодательство, напр., нынѣ дѣйствующее уложеніе къ этимъ явленіямъ жизни? Оно караетъ самыми суровыми мѣрами несчастныхъ рабочихъ воровского ремесла подъ видомъ физическихъ виновниковъ и ограничивается весьма слабымъ наказаніемъ относительно мастеровъ, какъ „укрывателей“ преступленія. Мнѣ могутъ возразить, что въ своемъ примѣрѣ я, въ сущности, предусматриваю шайку; но это далеко не такъ,—никакого сообщества нѣтъ, есть отдѣльные „хозяева“, какъ и въ нормальной, частной жизни, и у этихъ хозяевъ можно получить „работу“, и получаютъ ее такъ же поштучно, какъ и въ обыкновенной жизни. А въ концѣ концовъ несомнѣнно, что воровство выработалось въ ремесло, и надо прежде всего прекратить или, по крайней мѣрѣ, затруднить пополненіе состава рабочихъ этого ремесла—не лишать преступниковъ случайныхъ, начинающихъ, заключеніемъ ихъ въ тюрьму возможности находить честный заработокъ и не вынуждать ихъ искать у мастеровъ воровского ремесла работы, какъ единственной имъ, при такихъ условіяхъ, доступной. Вотъ тутъ то и окажетъ неоцѣненныя услуги институтъ условнаго осужденія. Лучшаго средства нѣтъ.

И такъ, вотъ главная причина быстраго распространенія и частаго примѣненія условнаго осужденія: негодность существующей мѣры борьбы съ преступностью—тюрьмы и вообще и, въ особенности, на краткій срокъ.

Между тѣмъ, какъ мы только-что видѣли, такія краткосрочныя наказанія назначаются для особаго вида преступниковъ начинающихъ, которымъ и придано особое названіе „случайныхъ“. Мы знаемъ уже, что заслуга открытія различныхъ типовъ преступниковъ принадлежитъ представителямъ уголовно-антропологической школы: Ломброзо, Ферри и др. Стремились дать точное опредѣленіе этому понятію случайнаго преступника, но, вообще, въ юридическихъ наукахъ, начиная съ самаго понятія права, опредѣленія давать трудно, а между тѣмъ мысль ясна. Случайный преступникъ—это жертва внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, это—человѣкъ не обратившій занятія преступленіемъ въ промыселъ. Человѣкъ этотъ случайно не удержался, оступился,—его надо поддержать, и онъ останется въ рядахъ нормальнаго общества. Заклеймить его съ самаго начала,—значитъ натолкнуть его на то, чтобы первый неудачный шагъ сталъ началомъ преступной карьеры.

Значеніе выгодъ, получаемыхъ при примѣненіи института условнаго осужденія, станетъ еще яснѣе, если принять во вниманіе, что собственно вреда отъ примѣненія его быть не можетъ. Если условное осужденіе примѣнено къ лицу, этого недостойному, то, вѣдь, такое лицо въ свое время, при совершеніи новаго преступленія, не избѣжитъ наказанія и за первое преступленіе,—слѣдовательно, правосудіе будетъ во всякомъ случаѣ удовлетворено, а при такихъ условіяхъ всякое удачное примѣненіе института является уже безспорной и прямой выгодой. прямой побѣдой въ борьбѣ съ преступностью и рецидивомъ. Примѣненіе условнаго осужденія для судьи не обязательно; онъ примѣняетъ его, когда данныя о личности подсудимаго оправдываютъ это.

Но, можетъ быть, удачное примѣненіе института особо трудно, требуетъ отъ судьи какихъ либо особыхъ познаній, способностей? Если видѣть въ условномъ осужденіи помилованіе, то тогда, несомнѣнно, придется признать, что судьѣ ввѣряется чрезвычайная власть, которой далеко не всякій судья достоинъ. Но, какъ справедливо замѣтилъ на Петербургскомъ тюремномъ конгрессѣ Принсъ (Actes, vol. I., p. 163), то же самое можно сказать и о многихъ другихъ законахъ; на такомъ взглядѣ можно настаивать и по поводу голланд-

скаго закона, который даетъ судьѣ просторъ въ назначеніи тюремнаго заключенія на срокъ отъ 1 дня до 24 лѣтъ, по поводу бельгійскаго закона, назначающаго наказаніе за простую кражу отъ трехъ мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и болѣе. Утверждать что-либо подобное—то же самое, что заявлять, что судья не знаетъ или не исполняетъ своихъ прямыхъ судейскихъ обязанностей.

Въ самомъ дѣлѣ,—чѣмъ обязанности судьи, по примѣненію условнаго осужденія сложнѣе другихъ его обязанностей? развѣ не то же ли самое ему нужно при этомъ продѣлать, какъ и при осужденіи и оправданіи обвиняемаго? Вѣдь это въ теоріи говорится, что судьей разрѣшается только вопросъ о доказанности и наказуемости вмѣняемаго дѣянія; въ дѣйствительности всякій, самыхъ заурядныхъ способностей и старательности, судья останавливается въ силу вещей на личности подсудимаго, на его прошлой жизни и прецедентахъ, такъ какъ выясненіе личности служитъ однимъ изъ главныхъ средствъ раскрытія истины и разрѣшенія вопроса о виновности. Но развѣ для примѣненія условнаго осужденія нужны еще какія либо другія данныя и соображенія, кромѣ выясненія личности обвиняемаго и его прецедентовъ?

Примѣненіе условнаго осужденія можетъ быть приравнено по трудности подлежащихъ рѣшенію вопросовъ къ дачѣ снисхожденія и соотвѣтственному уменьшенію наказанія: и здѣсь и тамъ приходится останавливаться на личности подсудимаго и особенностяхъ его характера. Напрасно думать, что судья можетъ проникнуть въ душу судимаго лица и рѣшить вопросъ, выйдетъ ли изъ него преступникъ по ремеслу или оно ограничится только даннымъ преступленіемъ. Это—область предсказаній, а судья судитъ на основаніи фактовъ; и потому, разъ судьѣ точно извѣстно, что подсудимый прежде не судился (преступленія, къ которымъ примѣнимо условное осужденіе, могутъ быть въ законѣ перечислены, съ исключеніемъ нарушеній закона, указывающихъ на занятіе преступленіемъ, какъ промысломъ), что у него было постоянное занятіе и обезпечена возможность полученія такового и въ настоящее время, что отзывы о немъ хозяевъ его, потерпѣвшаго или свидѣтелей, не харак-

теризуютъ его, какъ преступника по ремеслу,—онъ не поступитъ особенно смѣло, если примѣнитъ условное осужденіе. Я долженъ пояснить. Свидѣтели очень ясно отвѣчаютъ на вопросъ, касающійся характеристики подсудимаго, они говорятъ: „нѣтъ, кромѣ этого раза ничего слышно не было, все таки живетъ по близости". Эти слова: „не слышно было"— многозначительнѣе всякихъ справокъ о судимости, всякаго заключенія эксперта.

Такъ просто смотрятъ на примѣненіе института условнаго осужденія и европейскія законодательства. Мы знаемъ, что въ Массачузетсѣ долгое время рѣшающій голосъ принадлежалъ начальнику полиціи, а теперь особымъ чиновникамъ, поставленнымъ въ зависимость отъ суда, но имѣющимъ права чиновъ полиціи; въ Бельгіи, а равно Люксембургѣ, примѣненіе института ввѣрено и судамъ простой полиціи. И никакого волненія примѣненіе института не вызываетъ, не слышно ни нареканій, ни опасеній; послѣднія раздавались только до введенія.

Въ этомъ отношеніи интересно остановиться на Женевскомъ кантонѣ, находящемся въ особыхъ условіяхъ. Какъ замѣчаетъ Эрнестъ Пико въ статьѣ о примѣненіи условнаго осужденія въ этомъ кантонѣ (Revue pénale Suisse, 1896, 1—2 Heft), женевскій законъ объ условномъ осужденіи (29 oct. 1892) не опредѣляетъ точно своего требованія о domicile réel отъ лица, подлежащаго условному осужденію. Поэтому зачастую примѣненіемъ пользуются подданные другихъ государствъ, которые, благодаря малому пространству, занимаемому кантономъ, легко уходятъ за границу; и тѣмъ не менѣе примѣненіе института не только не вызвало волненія среди кантональнаго населенія, а, наоборотъ, съ каждымъ днемъ институтъ становится все популярнѣе, присяжные съ удовольствіемъ примѣняютъ условное осужденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда они желаютъ наказать подсудимаго скорѣе морально, чѣмъ матеріально, и хотятъ избавить его отъ пребыванія въ тюрьмѣ.

Но если примѣненіе условнаго осужденія не можетъ затруднить судьи, имѣющаго возможность въ личномъ разговорѣ и опросомъ свидѣтелей выяснить личность и характеръ подсудимаго, то, съ другой стороны, совершенно ясно, что это

можно сдѣлать только въ условіяхъ судебнаго разбирательства, и что условное осужденіе должно быть судебнымъ институтомъ, а никакъ не разрѣшаться въ канцеляріяхъ Министерства, какъ въ Германіи. Да и здѣсь нѣтъ мѣста милости,— здѣсь не милуютъ, а отсрочиваютъ наказаніе условно, въ надеждѣ, что осужденный самъ исправится и окажетъ себѣ милость.

Если уподобить условное осужденіе помилованію, то придется принять и процессуальную, такъ сказать, сторону помилованія, т. е. разрѣшеніе вопроса о возможности примѣненія условнаго осужденія высшимъ административнымъ учрежденіемъ на основаніи письменныхъ представленій мѣстныхъ органовъ, а между тѣмъ такое разсмотрѣніе именно не соотвѣтствуетъ существу института, который носитъ вполнѣ судебный характеръ. Здѣсь необходима *устность*, личный допросъ осужденнаго, оцѣнка *впечатлѣнія*, производимаго имъ и его отвѣтами; всѣ эти элементы письменнымъ докладомъ переданы быть не могутъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя забывать, сколь велико число случаевъ примѣненія условнаго осужденія, причемъ каждый случай въ отдѣльности не можетъ, разумѣется, заслуживать какого либо особаго вниманія, и можно сказазать то же, что такъ прекрасно сказано редакціонною комиссіею нашего новаго уложенія относительно реабилитаціи: „случаи этого рода едва ли могутъ имѣть столь важное значеніе, чтобы каждый разъ восходить на непосредственное усмотрѣніе власти верховной“ (Объясненія, т. I, стр. 242).

Но, какъ уже сказано выше, основными началами условнаго осужденія является, во-первыхъ, убѣжденіе въ негодности тюремнаго заключенія на краткій срокъ и, во-вторыхъ, надежда на успѣхъ испытанія. Это испытаніе, какъ уже ясно и изъ всего вышесказаннаго, состоитъ въ томъ, что наказаніе преступника откладываютъ, отсрочиваютъ, а самому преступнику предоставляютъ возможность на свободѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, показать себя, яснѣе проявить и для себя и для общества свою внутреннюю природу, испробовать свои силы нравственныя, попытаться жить честно. И если такая попытка увѣнчивается успѣхомъ, то не можетъ быть сомнѣній, что совершенное нѣсколько лѣтъ тому

назадъ не соотвѣтствуетъ внутренней природѣ даннаго лица,—это было простое недоразумѣніе, случайность. Это—своего рода педагогическій пріемъ. Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, въ области воспитанія говорили, что за десять небитыхъ можно дать одного битаго? А теперь подобные взгляды считаются дикими, и педагогія пришла къ убѣжденію, что насильственными мѣрами можно вызвать только озлобленіе, одичаніе. Даже звѣрей дрессируютъ, какъ извѣстно, не нагайкой, а лаской и наградами. Въ отношеніи же къ преступникамъ это категорически установлено еще въ 18 столѣтіи Беккаріа. Оставивъ насильственныя мѣры, педагогія пришла къ убѣжденію, что для исправленія надо прибѣгать къ содѣйствію самого исправляемаго, надо оградить въ немъ и вызвать къ новой жизни понятіе чести, понятіе собственнаго достоинства. Въ области уголовной политики не только условное осужденіе, но и условное досрочное освобожденіе и принудительное воспитаніе малолѣтнихъ,—мѣры, примѣненныя во всѣхъ почти государствахъ всего свѣта,—оставили совершенно репрессію и поставили себѣ задачею ту же педагогическую цѣль: вызвать самодѣятельность преступника, призвать его самого, лучшія его умственныя и нравственныя силы на борьбу съ его же преступными наклонностями. И есть ли основанія по поводу примѣненія этихъ мѣръ говорить о расшатываніи основъ правового строя, о нигилизмѣ? Судъ, тотъ совершенный, современный судъ, результатъ многовѣковой борьбы человѣчества за правильную постановку правосудія, судъ, какъ оплотъ законности, остается нерушимымъ. Какія есть основанія опасаться съ его стороны произвола при примѣненіи этихъ мѣръ? Почему же классики не кричали о произволѣ при присужденіи къ тѣлеснымъ наказаніямъ, при исполненіи которыхъ отъ *палача* зависѣло причинить ли царапину или засѣчь до смерти, или при предоставленіи судьѣ права назначать по своему усмотрѣнію, какъ это дѣлаютъ всѣ новѣйшіе, усовершенствованные уголовные кодексы, тюремное заключеніе на срокъ отъ одного дня до 10 и болѣе лѣтъ? И почему же классики такъ враждебны къ условному осужденію, и такъ легко примирились съ совершенно аналогичными мѣрами условнаго досрочнаго освобожденія? Или, можетъ быть, произволъ и даже ниги-

лизмъ состоитъ во томъ, что преступленіе остается безнаказаннымъ, порокъ чуть ли не поощряется. Да такъ ли это? Дѣйствительно ли, съ ослабленіемъ репрессіи въ смыслѣ причиненія вреда, превенція также устранена? Нисколько она не погибла, а трансформировалась и дошла до дѣйствительнаго и полнаго выясненія основной своей идеи—цѣлесообразной борьбы съ преступностью путемъ правосудія и ряда другихъ мѣръ. Но, въ такомъ случаѣ, какова же задача правосудія? Оно призвано главнымъ образомъ и прежде всего къ огражденію непоколебимости нравственныхъ началъ и того государственнаго строя, который этими началами поддерживается. Важно, чтобы всякое нарушеніе этихъ началъ было признано открыто за таковое, за дѣяніе несовмѣстное со всѣмъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, и подверглось бы публично порицанію лицами, поставленными для охраны законности, представителями общественной совѣсти,—такова задача правосудія. Оно прежде всего устраняетъ возможность *торжества* зла нравственнаго и общественнаго и поддерживаетъ убѣжденіе, что нравственныя начала не могутъ быть безнаказанно нарушены, и что общество, въ случаѣ нарушеній, получаетъ право по опредѣленію правосудія принять мѣры противъ нарушителя. Мѣры эти, согласно основной идеѣ превенціи, разумѣется, должны быть цѣлесообразны; но если, какъ уже доказано выше, условное осужденіе, какъ простая отсрочка наказанія, является удовлетвореніемъ настоятельной потребности въ спеціальной мѣрѣ для борьбы съ особеннымъ видомъ, типомъ преступниковъ, если примѣненіе ея не подрываетъ ни началъ общественной нравственности, ни началъ правосудія, то цѣлесообразна ли она?

Общая угроза закона, обращенная ко всѣмъ гражданамъ, часто даже не всѣмъ имъ вполнѣ извѣстная, замѣняется спеціально угрозою въ отношеніи даннаго лица, и эта угроза оказывается, несомнѣнно, гораздо болѣе доступной пониманію, болѣе чувствительною. Дѣйствительно, если вообще, какъ показываетъ ближайшее изученіе преступниковъ, ихъ быта, нравовъ и возрѣній, ошибочно видѣть въ преступникѣ человѣка, взвѣшивающаго предъ совершеніемъ преступленія, подобно купцу или промышленнику, всѣ выгоды

и невыгоды задуманнаго предпріятія, останавливающагося на тяжести назначеннаго въ уголовномъ кодексѣ наказанія и выгодахъ отъ задуманнаго преступленія, то еще менѣе правильно ожидать такого предварительнаго расчета отъ лица, впервые совершающаго преступленіе, можетъ быть вовсе незнающаго угрожающей ему кары, человѣка совершающаго преступленіе по легкомыслію, въ виду сложившихся обстоятельствъ, по недостатку выдержанности. И вотъ новая мѣра заставляетъ это лицо произвести тотъ разсчетъ, который оно должно было бы произвести до совершенія преступленія и общую, обращенную ко всему населенію, угрозу уголовнаго уложенія замѣняетъ личной угрозой ему самому—въ случаѣ совершенія новаго дѣянія преступнаго отбыть наказаніе и за настоящее дѣяніе; тутъ не принять въ разсчетъ этой угрозы, конечно, нельзя, и, какъ показываютъ статистическія данныя, она дѣйствительно въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ и принимается во вниманіе лицомъ, коему отсрочено наказаніе.

Здѣсь примѣняется взамѣнъ грубаго насилія прежнихъ временъ, позорящаго, клеймящаго, и лишающаго человѣка всякихъ надеждъ на будущее, то психологическое принужденіе, о которомъ говорилось выше, въ характеристикѣ общаго переворота въ мѣрахъ борьбы съ преступностью. Здѣсь призываютъ самого преступника къ участію въ борьбѣ съ его случайною слабостью, здѣсь выражаютъ ему довѣріе и надежду, что онъ справится собственными силами со своимъ временно ухудшившимся положеніемъ. Здѣсь исходятъ не изъ понятія о свободной волѣ, а изъ понятія о той борьбѣ различныхъ мотивовъ и кортикальныхъ и субкортикальныхъ, которая въ дѣйствительности происходитъ въ каждомъ человѣкѣ передъ каждымъ его дѣйствіемъ. Здѣсь создаютъ и усиливаютъ наиболѣе могущественные изъ этихъ мотивовъ, мотивы личной выгоды, личнаго интереса и матеріальнаго и нравственнаго—полнаго сохраненія положенія въ средѣ нормальнаго общества и въ смыслѣ возможности честнаго заработка, и въ смыслѣ уваженія и личной чести среди согражданъ, такъ какъ окончательнымъ освобожденіемъ отъ наказанія преступникъ обязанъ себѣ, своему поведенію.

Институтъ условнаго осужденія основанъ на томъ принципѣ, которымъ проникнуты другіе институты новой системы мѣръ борьбы съ преступностью. Принципъ этотъ есть продуктъ нашего времени и имѣетъ примѣненіе и внѣ системы наказаній. Онъ можетъ быть выраженъ такъ: если мы желаемъ удержать человѣка среди нормальнаго общества, хотимъ, чтобы онъ велъ себя какъ приличествуетъ честному, здоровому члену общества, то прежде всего его не надо унижать, надо къ нему относиться съ уваженіемъ, выказывать, что ему довѣряютъ, и тогда онъ будетъ стараться вести себя такъ, чтобы не потерять этого довѣрія, ему будетъ что́ сохранить; видя, что его уважаютъ другіе, онъ самъ себя будетъ уважать и будетъ признавать извѣстные поступки несовмѣстными съ своею честью. *Надо сохранить въ человѣкѣ уваженіе къ себѣ самому, какъ главный стимулъ порядочнаго поведенія.* Надо сохранить за человѣкомъ довѣріе, вѣру, что онъ будетъ хорошо себя вести въ будущемъ, даже и послѣ того, что онъ однажды нарушилъ законъ, совершилъ преступленіе или проступокъ. Надо допустить, что совершеніе преступленія—въ данномъ случаѣ впервые—не указываетъ на испорченность натуры, а является результатомъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ, которое въ данную минуту оказалось сильнѣе, чѣмъ сопротивленіе, которое могъ, по своему характеру, по размѣрамъ своихъ душевныхъ силъ, оказать преступникъ. Надо, однимъ словомъ, вѣрить и допускать, что мы имѣемъ дѣло съ „случайнымъ преступникомъ“, а не „преступникомъ по ремеслу“, что нѣтъ основаній поэтому опасаться совершенія имъ новаго преступленія, что поэтому его надо сохранить для нормальной жизни и для этого не выбрасывать изъ этой жизни, не клеймить, не позорить наказаніемъ. Среди другихъ институтовъ той же системы институтъ условнаго осужденія имѣетъ своею задачею именно борьбу съ случайнымъ преступникомъ, предназначенъ для наказанія такихъ преступниковъ безъ изъятія ихъ изъ среды нормальнаго общества.

Трудно въ настоящее время опредѣлить, какъ широко понятіе случая, „случайности“ преступленія, насколько вполнѣ нравственный человѣкъ, нормальный, здоровый членъ обще-

ства способенъ, при стеченіи особыхъ обстоятельствъ, совершить преступленіе. Это—громадный вопросъ. Этого вопроса касается отчасти и наше законодательство, освобождая отъ наказанія лицъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи крайней необходимости, уменьшая наказаніе людямъ, совершившимъ преступленіе въ состояніи крайней нужды. Французское законодательство освобождаетъ отъ наказанія за убійство мужа, лишившаго жизни жену, которую онъ засталъ съ любовникомъ. Суды вносятъ коррективъ, оправдывая, напримѣръ, матерей, которыя, волнуемыя стыдомъ и страхомъ, вслѣдъ за родами убиваютъ своихъ незаконорожденныхъ дѣтей и т. д. (подр. см. мое соч. „Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи").

Далѣе, если наука, какъ можно надѣяться, по прежнему не будетъ признавать существованія прирожденныхъ преступныхъ типовъ, то понятіе „случайнаго преступника" будетъ все расти, убѣдятся, что всѣ преступники по ремеслу начали съ того, что были преступниками случайными и, только благодаря неблагопріятнымъ условіямъ, выработались въ ремесленниковъ своего дѣла. А если, какъ я старался доказать выше, однимъ изъ этихъ неблагопріятныхъ условій и, притомъ, самымъ главнымъ является нынѣ существующая система наказаній, то понятно, какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ институтъ условнаго осужденія, который поставилъ себѣ задачей спеціально препятствовать переходу преступника случайнаго въ преступника по ремеслу. Оставляя случайнаго преступника въ нормальныхъ условіяхъ жизни, условное осужденіе достигаетъ этимъ двухъ результатовъ: во-первыхъ, даетъ преступнику возможность поддержать связь съ нормальнымъ обществомъ и спеціально сохранить честный заработокъ и, во-вторыхъ, не допускаетъ этого случайно совершившаго преступленіе до общенія въ тюрьмѣ съ ремесленниками преступленія.

Самую функцію наказанія условное осужденіе, какъ показываетъ опытъ, осуществляетъ великолѣпно. Внушеніе вмѣстѣ съ угрозой вдвойнѣ быть наказаннымъ при оставленіи осужденнаго въ средѣ нормальнаго общества даетъ прекрасные результаты, и число воздержавшихся отъ повторенія преступленія весьма велико. При такихъ условіяхъ не можетъ

быть сомнѣнія въ томъ, что если даже въ условномъ осужденіи откажутся совершенно признавать „наказаніе“ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова—возмездія, причиненія вреда (хотя бы моральнаго, а не матеріальнаго), то нельзя будетъ, тѣмъ не менѣе, не считать условное осужденіе цѣлесообразной и удачной мѣрой въ борьбѣ съ преступностью.

Вопросъ о возможности и желательности введенія условнаго осужденія въ Россіи имѣетъ уже свою, хотя и весьма краткую, исторію. Въ 1897 г., по докладу моему, носившему именно такое названіе, С.-Петербургское юридическое общество, при участіи, между прочимъ, нашего ветерана В. Д. Спасовича, высказалось единогласно за желательность и возможность введенія у насъ условнаго осужденія. Въ 1899 г. первый съѣздъ русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ высказался тоже подавляющимъ большинствомъ за введеніе въ Россіи условнаго осужденія. Наконецъ, въ 1902 г. международный конгрессъ криминалистовъ въ Петербургѣ принялъ резолюцію, рекомендовавшую введеніе условнаго осужденія именно въ качествѣ судебнаго института, а не въ германской полуадминистративной формѣ.

Отношеніе правительственныхъ нашихъ сферъ вначалѣ было скорѣе неблагопріятное введенію. Высочайше утвержденная при Министерствѣ Юстиціи комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части, выслушавъ 7 мая 1898 года мой докладъ, признала введеніе условнаго осужденія преждевременнымъ. Высочайше учрежденное особое присутствіе при Государственномъ Совѣтѣ для разсмотрѣнія проекта новаго уголовнаго уложенія ограничилось предоставленіемъ министру юстиціи разработать вопросъ о включеніи условнаго осужденія въ систему принятыхъ нашимъ законодательствомъ карательныхъ мѣръ. Между тѣмъ несомнѣнно, если принять въ соображеніе всѣ выгодныя стороны этого института, то вполнѣ естественно остановиться на мысли о полезности введенія его въ Россіи. Но, можетъ быть, въ Россіи нѣтъ тѣхъ основаній и причинъ, которыя вызвали описанное нами выше движеніе въ европейскихъ государствахъ и оправдывали появленіе этого института? Быть можетъ, у насъ рецидивъ мало развитъ и не усиливается, къ особо краткосрочному лишенію свободы мы не

прибѣгаемъ и не предполагаемъ прибѣгать, а тюрьмы наши лучше поставлены, чѣмъ въ Западной Европѣ? Предположенія эти не вѣрны; наоборотъ, всѣ тѣ причины, которыя обусловили введеніе условнаго осужденія въ Западной Европѣ, существуютъ и у насъ, и нѣкоторыя даже въ болѣе сильной степени.

Такъ, если остановиться на вопросѣ о размѣрахъ преступности и рецидива въ Россіи, то, поскольку вообще можно основываться на неполныхъ и неточныхъ данныхъ нашей статистики (см. выше главу о ростѣ преступности), можно отмѣтить слѣдующіе факты.

Число осужденныхъ общими судебными мѣстами (окружными судами и судебными палатами) колеблется мало: въ 1888 г. оно составляло 39.000 чел., въ 1889 г.—37.259 чел., въ 1890 г.—38.801 чел., въ 1891 г.—39.241 чел., въ 1892 г. 39.395 чел.; наклонность къ повышенію есть, но неровная; цифры, указывающія число рецидивистовъ (крайне неточныя), не выходятъ, за исключеніемъ 1891 года, изъ 8.800 съ десятками. Повышается, хотя и не особенно значительно, число лицъ, присужденныхъ къ тюрьмѣ (съ ограниченіемъ и безъ ограниченія правъ) въ особенности, если не брать 1888 г., который вообще представляется, повидимому исключительнымъ: въ 1889 г.—10.195 присужденныхъ, въ 1890 г.—10.962, въ 1891 г.—11.280, въ 1892 г.—11.742. Если обратиться къ мировой юстиціи, то здѣсь увеличеніе примѣненія тюремнаго заключенія особенно ярко замѣтно: въ 1888 г. было присуждено къ тюрьмѣ—53.656 чел., въ 1889 г.—57.120 чел., въ 1890 г.—71.543, въ 1891 г.—63.310, въ 1892 г.—73.015 чел. Число рецидивистовъ среди присужденныхъ мировыми судебными учрежденіями къ тюремному заключенію, если не считать 1890 г., замѣтно увеличивается: въ 1888 г.—9.696, въ 1889 г.—10.191 г. въ 1891 г.—11.802, въ 1892 г.—12.797 (въ 1890 г. было 12.965). Вышеприведенныя данныя указываютъ, во всякомъ случаѣ, на несомнѣнное увеличеніе примѣненія тюремнаго заключенія вообще и, въ особенности, тюремнаго заключенія безъ ограниченія правъ, краткосрочнаго, назначаемаго судебно-мировыми учрежденіями. Въ то же время ростъ рецидива—въ особенности среди присужденныхъ къ тюрьмѣ мировыми учрежденіями,—

также несомнѣненъ [1]). Слѣдовательно, явленіе—то же самое, съ которымъ мы встрѣчаемся въ Западной Европѣ, и не надо забывать, что у насъ нѣтъ свѣдѣній вовсе о числѣ присужденныхъ къ аресту, а въ особенности о числѣ отбывавшихъ арестъ, представляющій тоже краткосрочное лишеніе свободы. Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя у меня имѣются за 1895 г., оказывается, что почти $^2/_3$ всѣхъ осужденныхъ мировыми судебными учрежденіями было присуждено къ денежному взысканію, но сколько изъ нихъ отбыло арестъ взамѣнъ денежнаго взысканія—остается неизвѣстнымъ, а между тѣмъ практически извѣстно, что большая часть не уплачиваетъ денежныхъ взысканій и отбываетъ арестъ.

Для разрѣшенія вопроса о краткосрочности назначаемыхъ нашими судами лишеній свободы статистика наша не даетъ никакихъ данныхъ. Я попытался, однако, на основаніи данныхъ отчета по главному тюремному управленію за 1894 годъ, сдѣлать приблизительное вычисленіе средняго срока отбыванія тюремнаго заключенія. Я разсуждалъ такимъ образомъ: средне-суточный составъ *присужденныхъ къ тюремному заключенію* показанъ въ отчетѣ въ 36.373 чел., весь же средне-суточный составъ тюремъ общаго устройства и мѣстъ заключенія Привислинскаго края—78.250 чел., слѣдовательно присужденные къ тюремному заключенію (съ ограниченіемъ и безъ ограниченія правъ) составляли 46 $^1/_2$% всего состава, а такъ какъ въ теченіе года перебывало въ этихъ тюрьмахъ 652.827 чел., то, слѣдовательно, присужденныхъ къ тюремному заключенію всего перебывало 303.564 чел.; если раздѣлить это число на средне-суточный составъ, то окажется, что средне-суточный составъ обновился въ теченіе года $8^1/_5$ разъ, т. е. приблизительно въ среднемъ срокъ тюремнаго заключенія опредѣлился въ 43 дня, т. е. менѣе $1^1/_2$ мѣсяца. Едва-ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что, даже при образцовомъ устройствѣ, въ теченіе 43 дней нельзя исправить арестантовъ, нельзя ихъ научить какой-либо работѣ, а слѣдовательно и приспособить къ какой-нибудь работѣ.

---

[1]) Е. Н. Тарновскій (Журн. Мин. Юст, 1909, февраль) удостовѣряетъ также, что за послѣднее пятилѣтіе 1901—1905 гг. замѣчается увеличеніе рецидива.

Не надо также забывать ту перемѣну въ отношеніи свободы судей въ опредѣленіи размѣра наказанія, которая произойдетъ съ введеніемъ у насъ новаго уголовнаго уложенія. Статьи уложенія (ст. ст. 20 и 21), предоставляющія судьѣ право назначать заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ двухъ недѣль до одного года и арестъ на срокъ отъ одного дня до 6 мѣсяцевъ, несомнѣнно крайне расширятъ права судьи, а слѣдовательно и увеличатъ возможность болѣе частыхъ назначеній краткосрочныхъ лишеній свободы. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что наши судьи вполнѣ заслуживаютъ такого довѣрія, и что, вообще, эта мѣра представляется вполнѣ отвѣчающей современнымъ взглядамъ на отправленіе правосудія; но фактъ возможности увеличенія числа краткосрочныхъ наказаній внѣ сомнѣнія.

Если краткосрочныя наказанія лишеніемъ свободы признаются въ Западной Европѣ, какъ мы видѣли выше, зломъ современной карательной системы, если тюрьмы, несмотря на возможно образцовое устройство ихъ, признаются не полезнымъ средствомъ борьбы съ преступленіемъ, а лишь неизбѣжнымъ зломъ, которое стремятся со всѣхъ сторонъ ограничить,—то что же сказать намъ съ нашими тюрьмами, которыя не могутъ выдержать ни въ какомъ отношеніи сравненія съ западноевропейскими?

Дѣйствительно, нашимъ тюрьмамъ недостаетъ двухъ условій, составляющихъ основу всего западно-европейскаго тюремнаго режима: во-первыхъ, у насъ почти не организованы въ мѣстныхъ, т. е. губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ арестантскія работы, а, во-вторыхъ, у насъ всѣ тюрьмы устроены по системѣ общаго, а не одиночнаго, заключенія.

Первому вопросу объ арестантскомъ трудѣ въ нашихъ и европейскихъ тюрьмахъ я посвятилъ отдѣльную работу и позволю себѣ здѣсь ограничиться только статистическимъ, такъ сказать, сравненіемъ: въ Англіи и Бельгіи въ мѣстныхъ тюрьмахъ работами занято около 75% (въ Бельгіи 78%) всего состава арестантовъ; у насъ же въ губернскихъ тюрьмахъ занято работами изъ общаго числа содержащихся въ нихъ арестантовъ $28^{1}/_{5}\%$, а въ уѣздныхъ $20^{19}/_{20}\%$. Казалось бы, сравненія этого достаточно: оно многое говоритъ—въ особенности, если вспомнить, что весь внутренній пенитенці-

арный строй европейскихъ тюремъ, т. е., иначе, всѣ взысканія и всѣ поощренія арестантовъ пріурочены и основаны на организаціи тюремныхъ работъ.

Несомнѣнно, что хотя на пути организаціи арестантскихъ работъ въ нашихъ тюрьмахъ и возникали до сихъ поръ затрудненія, но ихъ въ значительной степени можно устранить, и организовать работы, которыя займутъ большую часть арестантовъ. Для заведенія ихъ, разумѣется, потребуется извѣстное время, и довольно продолжительное, но все же это вопросъ не столь сложный, какъ второй—о переходѣ отъ системы общаго заключенія къ системѣ одиночнаго. Цифры и здѣсь представятъ намъ яснѣе всякихъ объясненій положеніе дѣла. Въ мѣстахъ заключенія Россіи за послѣдніе годы среднесуточно содержалось не менѣе 100.000 человѣкъ, а одиночныхъ камеръ числилось въ 1906 г. (по послѣднему Отч. Глав. Тюремн. Упр., изд. въ 1908 г.) 8491, тогда какъ всего содержалось въ тюрьмахъ средне-суточно свыше 120.000 человѣкъ. Постройка каждой одиночной камеры обходится намъ дорого, приблизительно отъ 1.500 до 2.000 руб., а на новыя тюремныя постройки ассигнуется ежегодно 500 тысячъ рублей, т. е. 100.000 камеръ можетъ быть отстроено приблизительно черезъ 400 лѣтъ. При несомнѣнной бѣдности Россіи сравнительно съ европейскими государствами, можемъ ли мы мечтать объ устройствѣ особыхъ интернатовъ для рецидивистовъ и другихъ особыхъ видовъ мѣстъ заключенія, когда у насъ нѣтъ домовъ для страдающихъ буйнымъ помѣшательствомъ, для людей, совершившихъ въ этомъ состояніи тяжкія преступленія.

Если, кромѣ того, имѣть въ виду, что, благодаря громадности нашей территоріи и разстояніямъ между городами, приходится содержать чрезвычайно большое число тюремъ, на сокращеніе числа которыхъ, въ виду этихъ условій, а равно и дурныхъ путей сообщенія, разсчитывать нельзя, то станетъ совершенно ясно, что съ нынѣшнимъ состояніемъ тюремъ придется еще долго мириться.

Но если въ тюрьмахъ нѣтъ одиночнаго заключенія и нѣтъ заведенныхъ работъ, если, такимъ образомъ, въ однѣ и тѣ же камеры заключаются и опытные рецидивисты и случайные преступники, если единственнымъ способомъ

заполненія свободнаго времени для заключенныхъ является „обмѣнъ мыслей“, т. е., иначе говоря, обученіе преступному ремеслу опытными неопытныхъ, если при такомъ положеніи нѣтъ и дѣйствительной тюремной дисциплины, которая въ западно-европейскихъ тюрьмахъ основывается, главнымъ образомъ, на организаціи арестантскаго труда,—то, спрашивается, способствуютъ ли наши тюрьмы ослабленію или же, наоборотъ, усиленію преступности въ странѣ, можно ли разсчитывать бороться съ преступностью въ Россіи путемъ тюремъ, или же надо принять всѣ мѣры для возможнаго ограниченія примѣненія этого „неизбѣжнаго“ зла? Могутъ ли наши тюрьмы при такомъ же состояніи, очевидно, всѣмъ извѣстномъ, пользоваться хорошей репутаціей среди русскаго общества, и не накладывается ли тюремнымъ сидѣньемъ такое неизгладимое пятно, которое совершенно исключаетъ возможность послѣдующаго честнаго заработка и принятія обратно въ члены нормальнаго общества? У насъ почти нѣтъ обществъ патроната, но я глубоко убѣжденъ, что если они были бы, то дѣятельность ихъ совершенно парализовалась бы состояніемъ нашихъ тюремъ [1]).

Послѣ всего сказаннаго—я думаю—едва-ли встрѣчу особыя возраженія, если скажу, что, разумѣется, необходимо удалить изъ нашихъ школъ преступности хоть начинающихъ, случайныхъ преступниковъ, и что, слѣдовательно, желательно даже болѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, ввести у насъ институтъ условнаго осужденія—тѣмъ болѣе, что введеніе этого института не только не потребуетъ особыхъ затратъ, но дастъ еще возможность сдѣлать большія сбереженія.

При такихъ условіяхъ, мнѣ кажется, должны существовать какія либо особыя непреодолимыя препятствія для того, чтобы возможно было отказаться отъ введенія института условнаго осужденія. Едва-ли такимъ препятствіемъ можетъ служить трудность примѣненія института

---

[1]) Я не говорю о нашихъ арестныхъ домахъ: они помѣщаются большею частью въ наемныхъ помѣщеніяхъ, вовсе не устроены по типу мѣстъ заключенія и являются скорѣе плохими гостинницами для простого народа.

условнаго осужденія или несоотвѣтствіе этой задачѣ нашей судебной организаціи.

Выше я изложилъ соображенія въ подтвержденіе того, что примѣненіе условнаго осужденія вовсе не можетъ представлять особыхъ затрудненій, что судьѣ вовсе не дается какихъ либо особыхъ правъ выше и больше обыкновенныхъ судейскихъ, и что поэтому нѣтъ основаній бояться судейскаго произвола. Близко зная нашу судебную организацію и нашъ судебный персоналъ, я не сомнѣваюсь въ полной возможности порученія ему примѣненія института условнаго осужденія.

Наши великолѣпные судебные уставы 20 ноября 1864 г., какъ извѣстно, не остались архитектурнымъ планомъ, проектомъ. Наоборотъ, они вошли въ русскую жизнь, матеріализовались, если можно такъ выразиться, нашли достойныхъ исполнителей; на почвѣ судебныхъ уставовъ воспитались и выработались настоящіе судебные дѣятели, создались типы судебныхъ дѣятелей, не уступающіе лучшимъ такимъ же типамъ у другихъ народовъ. Что касается органовъ отправленія правосудія, образованныхъ на основаніи положенія 12 іюля 1889 г.—сельскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ—, то упраздненіе ихъ вопросъ окончательно рѣшенный. Но даже если бы постепенное возстановленіе института мировыхъ судей по уставамъ 20 ноября 1864 г. и потребовало еще нѣсколькихъ лѣтъ (по соображеніямъ финансовымъ), то едва ли это могло бы служить основаніемъ для невведенія условнаго осужденія, въ виду крайней простоты постановки этого института. Слѣдуетъ при этомъ помнить, что земскіе начальники имѣютъ гораздо большія права присуждать къ тюремному заключенію, и, слѣдовательно, временное ввѣреніе имъ примѣненія новаго института будетъ уменьшеніемъ, а не увеличеніемъ зла.

Такимъ образомъ, тѣ же общія причины, объясняющія быстрое распространеніе условнаго осужденія въ другихъ государствахъ, существуютъ и у насъ—и въ неменьшей, а еще въ большей степени. И эти факты стали общеизвѣстными и ясными для всего русскаго общества. Поэтому введеніе условнаго осужденія, несомнѣнно, является удовле-

твореніемъ давно назрѣвшей потребности. Уже болѣе десяти лѣтъ въ разныхъ слояхъ русскаго общества людьми самыхъ разнообразныхъ профессій обсуждается вопросъ о желательности введенія у насъ условнаго осужденія, причемъ всякое обсужденіе этого вопроса приводило всегда къ положительнымъ выводамъ—въ пользу введенія. Въ концѣ концовъ, образовалось совершенно твердо сложившееся убѣжденіе въ необходимости скорѣйшаго введенія этого института. И это общественное, можно сказать, уже народное, правосознаніе проявляется въ рѣшеніяхъ и отзывахъ самыхъ разнообразныхъ учрежденій и лицъ, совершенно независимо отъ тѣхъ или другихъ политическихъ взглядовъ. Такъ, если остановиться на изданномъ Высочайше учрежденной Комиссіей по разработкѣ мѣропріятій, вызываемыхъ введеніемъ новаго уголовнаго уложенія, сводѣ отзывовъ судебныхъ установленій по вопросу о введеніи института условнаго осужденія, то оказывается, что за желательность и возможность такого введенія высказались 11 судебныхъ палатъ, 86 окружныхъ судовъ, 7 прокуроровъ палатъ, 57 прокуроровъ окружнаго суда, 59 съѣздовъ мировыхъ судей и т. д. Если обратиться къ трудамъ Редакціонной Комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, то и тутъ (т. I, 1903 г.) въ проектированномъ этой комиссіей волостномъ уставѣ о наказаніяхъ (ст. 4) мы встрѣчаемся съ условнымъ осужденіемъ. Рядъ заявленій присяжныхъ засѣдателей сессій самыхъ различныхъ окружныхъ судовъ о желательности введенія условнаго осужденія приведенъ въ указанномъ выше сводѣ отзывовъ судебныхъ установленій. За короткое время существованія Комиссіи по судебнымъ реформамъ Государственной Думы третьяго созыва ею уже получено тоже нѣсколько такихъ заявленій со стороны присяжныхъ засѣдателей.

Но не только за условное осужденіе высказываются и на введеніи его настаиваютъ, но его у насъ уже примѣняютъ въ судахъ, гдѣ участвуетъ общественный элементъ, хотя, конечно, и въ несовершенной, недостаточно опредѣлившейся формѣ, съ допущеніемъ извѣстнаго нарушенія дѣйствующихъ законовъ. Такъ, относительно примѣненія условнаго осужденія въ волостномъ судѣ имѣются обширные мате-

ріалы въ трудахъ Комиссіи сенатора Любощинскаго (т. III); изъ ряда рѣшеній, приведенныхъ въ этомъ томѣ трудовъ, усматривается, что волостной судъ, въ особенности въ дѣлахъ частно-уголовныхъ (обидахъ на словахъ и дѣйствіемъ, супружескихъ раздорахъ и т. д.), дѣлаетъ внушеніе съ угрозой, въ случаѣ повторенія, двойного наказанія, или же требуетъ подписки и письменнаго поручительства за виновнаго. Что касается до второго вида участія общественнаго элемента въ отправленіи правосудія, т. е. суда присяжныхъ засѣдателей, то, какъ извѣстно изъ судебной хроники, этотъ судъ не рѣдко превышалъ, до извѣстной степени, присвоенную ему власть: въ случаяхъ оправданія подсудимыхъ, присяжные тутъ же, не расходясь изъ залы засѣданія, дѣлали подсудимому строгое внушеніе, угрожая ему, что, въ случаѣ повторенія, они, присяжные засѣдатели, какъ мѣстные люди, близко знающіе жизнь мѣстныхъ жителей, особенно строго съ нимъ расправятся. Какъ свидѣтельствуютъ присутствовавшія при такихъ вердиктахъ и внушеніяхъ лица прокурорскаго надзора, внушеніе и угроза производятъ потрясающее впечатлѣніе на оправданнаго, а то обстоятельство, что присяжные засѣдатели примѣняютъ въ такой формѣ условное осужденіе только къ лицамъ, впервые совершившимъ преступленіе, относительно которыхъ ихъ бывшіе хозяева даютъ хорошій отзывъ и выражаютъ согласіе взять ихъ обратно на службу, обезпечиваетъ и полный успѣхъ въ примѣненіи этой мѣры.

Всѣ вышеизложенныя данныя убѣждаютъ съ полной несомнѣнностью, что вопросъ о необходимости введенія условнаго осужденія уже твердо рѣшенъ въ правосознаніи русскаго народа.

Мало по малу отношеніе къ условному осужденію въ нашихъ правительственныхъ сферахъ измѣнилось, и въ Государственную Думу перваго призыва былъ внесенъ законопроектъ о введеніи у насъ условнаго осужденія. Проектъ этотъ разсмотрѣнъ и измѣненъ Комиссіей по судебнымъ реформамъ Государственной Думы 3-го призыва въ 1908 г. и, надо надѣяться, будетъ принятъ и Государственною Думою, хотя пока еще и не разсмотрѣнъ ею.

Входя въ обсужденіе вопроса о желательности введенія

у насъ условнаго осужденія, Комиссія по судебнымъ реформамъ рѣшительно подала голосъ за такое введеніе и и высказала по этому поводу, между прочимъ, слѣдующія соображенія [1]).

Министерствомъ Юстиціи предлагается введеніе въ лѣстницу существующихъ у насъ наказаній новой мѣры борьбы съ преступностью—условнаго осужденія.

Мѣра эта предлагается не для всѣхъ преступниковъ, а лишь для совершившихъ менѣе важныя преступленія, за которыя они присуждены къ наказанію не свыше тюремнаго заключенія на срокъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ. Но и въ этой категоріи дѣлается исключеніе, примѣненіе вводимой мѣры допускается, такъ сказать, только къ наименѣе нравственно испорченнымъ изъ этой категоріи лицамъ, совершившимъ преступленіе впервые, не порвавшимъ еще связи съ здоровымъ трудящимся честно населеніемъ. Оно не примѣняется ни къ обратившимъ преступленіе, хотя бы и маловажное, въ промыселъ, ни къ совершившимъ преступное дѣяніе по лѣни и праздности. Только такихъ новичковъ на преступномъ поприщѣ и имѣетъ въ виду законопроектъ, только къ нимъ законопроектъ считаетъ необходимымъ на первый разъ отнестись иначе, чѣмъ къ другимъ преступникамъ, и попытаться удержать ихъ угрозой наказанія, а не самимъ наказаніемъ. Суду вмѣняется въ обязанность выяснить нравственный типъ даннаго преступника и только въ томъ случаѣ, если данное преступное дѣяніе дѣйствительно будетъ признано случайнымъ явленіемъ въ жизни обвиняемаго, судъ *получаетъ право, а не обязывается* примѣнить условное сужденіе. Въ такомъ случаѣ о подсудимомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, составляется обвинительный приговоръ, ему назначается наказаніе, дѣлается публично внушеніе, и только *исполненіе* назначеннаго наказанія отсрочивается. Въ этой отсрочкѣ наказанія и заключается все измѣненіе. Такимъ образомъ, преступленіе не только не прощается, а публично порицается, чего относительно другихъ

[1]) Позволяю себѣ привести эти соображенія изъ доклада Комиссіи, такъ какъ таковой составленъ мною по порученію докладчика Комиссіи.

преступниковъ не дѣлается, и преступникъ не освобождается отъ наказанія, а только исполненіе наказанія отсрочивается. Но и эта отсрочка наказанія обставляется строгими условіями: преступнику вмѣняется въ обязанность вести себя безупречно въ теченіе испытательнаго періода, назначаемаго на срокъ отъ 3 до 5 лѣтъ, смотря по тяжести совершеннаго дѣянія, и только въ томъ случаѣ, если онъ выдержитъ успѣшно испытаніе, онъ, наконецъ, въ дѣйствительности освобождается отъ наказанія; если же онъ совершитъ новое преступное дѣяніе, то онъ наказывается не только за это новое нарушеніе, но и полностью сверхъ того отбываетъ отсроченное наказаніе. При такой постановкѣ, несомнѣнно, создается новая мѣра борьбы съ преступностью.

Останавливаясь на этихъ соображеніяхъ, Комиссія признаетъ, что введеніе у насъ условнаго осужденія является удовлетвореніемъ назрѣвшей у насъ—еще болѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ—потребности, и что эта мѣра, какъ вполнѣ уже усвоенная правосознаніемъ рускаго народа, можетъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ.

Одобряя поэтому основныя начала законопроекта Комиссія находитъ, что и форма, въ которую предполагаетъ Министерство Юстиціи облечь эту мѣру, избрана имъ совершенно правильно. Дѣйствительно, условное осужденіе безъ постановленія приговора и назначенія наказанія, т. е. въ менѣе угрожающей формѣ, какъ оно дѣйствуетъ въ Америкѣ и Англіи, предполагаетъ непремѣнно существованіе дополнительныхъ мѣръ. Такъ, въ Америкѣ существуетъ институтъ такъ называемыхъ probation officers—громаднаго числа добровольцевъ изъ рядовъ общества, назначающихся судомъ, выполняющихъ безвозмездно обязанности попеченія и руководства условно-осужденными и находящихся въ постоянномъ взаимоотношеніи съ судомъ; въ Англіи такой дополнительной мѣрой является давнишній, чисто англійскій, институтъ истребованія денежнаго поручительства. Ни та ни другая изъ этихъ дополнительныхъ мѣръ у насъ не осуществима, и потому болѣе строгая форма бельгійско-французская, принимаемая нашимъ законопроектомъ, при которой судъ осуждаетъ, назначаетъ наказаніе, дѣлаетъ внушеніе и лишь отсрочиваетъ выполненіе наказанія

условно, на извѣстный продолжительный періодъ времени, въ зависимости отъ хорошаго поведенія осужденнаго, вполнѣ отвѣчаетъ нашимъ условіямъ.

Переходя отъ этихъ общихъ сужденій къ постатейному обсужденію законопроекта, Комиссія остановилась на ст. 1, къ коей сдѣлано перечисленіе наказаній, при назначеніи которыхъ возможна отстрочка наказаній. Въ этомъ отношеніи Комиссія не усмотрѣла достаточныхъ основаній для исключенія изъ этого перечня крѣпости. Конечно, крѣпость не является мѣстомъ развращенія—въ большинствѣ случаевъ здѣсь заключеніе одиночное. Но не слѣдуетъ забывать и другой стороны этого вопроса, а именно тяжести этого наказанія, въ особенности для впервые осужденаго молодого человѣка. Конечно, трудно ожидать, чтобы лица, совершившія, напримѣръ, политическія преступленія въ силу твердо сложившихся убѣжденій, измѣнили таковыя, въ случаѣ условнаго осужденія; но есть большія основанія надѣяться на успѣшное примѣненіе этой мѣры къ лицамъ, совершившимъ такія дѣянія въ раннемъ возрастѣ, вовлеченнымъ другими совиновниками, не успѣвшимъ еще и вообще выработать въ себѣ характера и пріобрѣсти установившихся взглядовъ на задачи и способы закономѣрной борьбы—а именно такихъ случайныхъ преступниковъ и имѣетъ въ виду условное осужденіе. Поэтому Комиссія признала правильнымъ включить въ перечень наказаній, даваемыхъ статьею I, и указаніе на заключеніе въ крѣпость.

Остановившись по той же статьѣ на вопросѣ *о примѣненіи условнаго осужденія къ денежнымъ взысканіямъ*, Комиссія признала таковое совершенно правильнымъ, исходя при этомъ изъ того соображенія, что если, какъ указываютъ нѣкоторые писатели французы, даже въ такой богатой странѣ, какъ Франція, въ дѣйствительности денежныя пени взыскиваются не болѣе какъ въ 40% общаго числа приговоровъ, присуждающихъ къ денежнымъ взысканіямъ, а въ остальныхъ 60% наступаетъ замѣняющее денежное взысканіе лишеніе свободы, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ ожидать того же у насъ въ Россіи и, слѣдовательно, начала новой мѣры требуютъ примѣненія ея и въ данномъ случаѣ.

Въ ст. 3 перечисляются дѣянія по размѣру угрожающаго

за нихъ наказанія, хотя и подходящія подъ опредѣленныя въ ст. 1 законопроекта условія, необходимыя для примѣненія условнаго осужденія, но по характеру своему не допускающія такого примѣненія. По этому поводу Комиссія остановилась на вопросѣ, не слѣдуетъ ли включить въ перечень исключаемыхъ дѣяній и всѣ преслѣдуемыя, не иначе какъ по частной жалобѣ, дѣянія (обиды словомъ и дѣйствіемъ и т. п.)—такъ какъ, разъ государство здѣсь отказывается отъ своего права преслѣдованія, то, повидимому, и избавлять отъ наказанія безъ согласія потерпѣвшаго оно не должно было бы. Такое исключеніе, однако, по мнѣнію Комиссіи, было бы едва-ли правильно. Преслѣдованіе дѣяній частно-уголовныхъ потому и предоставляется усмотрѣнію потерпѣвшихъ, что эти дѣянія предстаавляются менѣе важными съ точки зрѣнія общества, но если это такъ, то едва ли будетъ правильно допускать примѣненіе условнаго осужденія къ болѣе важнымъ дѣяніямъ и не допускать къ менѣе важнымъ. Далѣе, не слѣдуетъ забывать, что потерпѣвшій, ищущій нравственнаго возстановленія его чести, а не удовлетворенія, не заслуживающаго особаго охраненія, чувства мести, получаетъ это нравственное удовлетвореніе и при примѣненіи условнаго осужденія, ибо оскорбитель осуждается и предается публичному порицанію. Наконецъ, несомнѣнно, что примѣненіе условнаго осужденія болѣе дѣйствительно, чѣмъ отбываніе наказанія удержитъ обидчика отъ дальнѣйшихъ обидъ. Дѣйствительно, какъ показываетъ знакомство съ дѣлами уголовно-частными, обиды бываютъ часто не только взаимными, но онѣ бываютъ длящимися, затяжными, неудовольствіе за перенесенное наказаніе и, въ особенности, за лишеніе свободы вымещается на потерпѣвшемъ,—а тотъ весьма часто по чувству мести прибѣгаетъ къ личной расправѣ и, такимъ образомъ, враждебныя отношенія затягиваются. Несомнѣнно, условное осужденіе положитъ этому предѣлъ. По этимъ соображеніямъ, Комиссія признала правильнымъ не исключать частно-уголовныя дѣла изъ числа тѣхъ, къ коимъ допускается примѣненіе условнаго осужденія.

Въ ст. 15 дѣлается перечисленіе судовъ, коимъ ввѣряется примѣненіе условнаго осужденія, и въ числѣ таковыхъ названы

и общія судебныя установленія; однако, ни въ этой статьѣ ни въ объяснительной запискѣ не упоминается вовсе о предоставленіи *права примѣненія условнаго осужденія и судамъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей*. Съ своей стороны, Комиссія находитъ, что присвоеніе этого права присяжнымъ засѣдателямъ представляется совершенно необходимымъ. Прежде всего по Бельгійскому образцу, который положенъ въ основаніе настоящаго законопроекта, присваивается такое право присяжнымъ засѣдателямъ, какъ показываютъ статистическіе отчеты о примѣненіи условнаго осужденія. Далѣе, уже изъ приведенныхъ въ началѣ доклада данныхъ явствуетъ, что особенно настаиваютъ на введеніи условнаго осужденія присяжные засѣдатели сессій окружныхъ судовъ, расположенныхъ въ самыхъ различныхъ концахъ Россіи. За предоставленіе этого права присяжнымъ засѣдателямъ высказались и нѣкоторыя судебныя установленія въ своихъ отзывахъ, приведенныхъ въ сводѣ. По мнѣнію Комиссіи, предоставленіе такого права присяжнымъ засѣдателямъ будетъ имѣть весьма важное значеніе не только для правильной постановки условнаго осужденія въ смыслѣ примѣненія его ко всѣмъ лицамъ, подходящимъ по типу къ случайнымъ преступникамъ, но и для упроченія большей закономѣрности въ дѣятельности самаго суда присяжныхъ засѣдателей. Встрѣчаясь, какъ показываютъ и ихъ ходатайства и опытъ судебныхъ дѣятелей, весьма часто со случайными преступниками, присяжные засѣдатели, именно какъ представители житейскаго опыта, зная весь вредъ помѣщенія такихъ преступниковъ въ тюрьму, именно съ точки зрѣнія цѣлесообразной борьбы съ преступностью, и не имѣя возможности избѣгнуть иначе примѣненія тюрьмы не по соображеніямъ излишней гуманности, а именно по соображеніямъ цѣлесообразности, изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее и оправдываютъ такихъ подсудимыхъ. Между тѣмъ, съ введеніемъ условнаго осужденія, представится вполнѣ правильный и соотвѣтственный интересамъ правосудія исходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Едва ли противъ такого рѣшенія могутъ быть предъявлены какія-либо правильныя принципіальныя возраженія. Различеніе въ компетенціи суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей

вопросовъ факта и вопросовъ права, съ ввѣреніемъ разрѣшенія первыхъ присяжнымъ засѣдателямъ и вторыхъ—коронному суду, выдерживается только въ теоріи. А на практикѣ и даже въ дѣйствующемъ законѣ это строгое раздѣленіе вовсе не проводится: достаточно вспомнить, хотя-бы, право присяжныхъ засѣдателей давать осужденному снисхожденіе, право, которому соотвѣтствуетъ обязанность коронаго суда понизить предусмотрѣнное въ законѣ наказаніе на одну степень,—при существованіи этого права вліяніе присяжныхъ засѣдателей на размѣръ наказанія является вполнѣ узаконеннымъ. Присяжные засѣдатели—не судьи только факта: имъ ставится вопросъ не о доказанности преступленія, а о виновности. Своими отвѣтами о наличности тѣхъ или другихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ они даютъ указаніе суду для опредѣленія наказанія. Достаточно далѣе вспомнить примѣняемый въ нашихъ судахъ циркуляръ бывшаго министра юстиціи Муравьева, въ силу коего допускаются ходатайства присяжныхъ засѣдателей предъ Его Императорскимъ Величествомъ о полномъ помилованіи лица, признаннаго ими виновнымъ. Направленіе нашего уголовнаго законодательства послѣдняго времени указываетъ именно на желаніе это фактически установившееся положеніе нормировать закономъ: такъ, въ представленіи Министерства Юстиціи, внесенномъ незадолго до преобразованія нашихъ законодательныхъ учрежденій въ Государственный Совѣтъ, объ измѣненіяхъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства въ видахъ согласованія его съ уголовнымъ уложеніемъ, право присяжныхъ засѣдателей ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о полномъ помилованіи прямо оговорено въ п. 4 ст. 828 уст. уголов. судопр. Несомнѣнно, однако, что присвоеніе такого права идетъ гораздо дальше, чѣмъ право примѣненія условнаго осужденія, которое можетъ быть приравнено, самое большее—къ праву давать снисхожденіе. Не составляетъ присвоеніе этого права расширенія компетенціи и правъ присяжныхъ засѣдателей и въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего, такое примѣненіе допускается только въ тѣхъ предѣлахъ наказанія, которые указаны въ ст. 1 проекта. Далѣе, нѣтъ здѣсь и расширенія компетенціи присяжныхъ засѣдате-

лей въ другихъ отношеніяхъ—въ смыслѣ необходимости ознакомленія ихъ съ грозящимъ подсудимому наказанію. Въ той постановкѣ, какъ это предположено Комиссіей, инициатива самаго предложенія о примѣненіи условнаго осужденія будетъ исходить отъ короннаго суда, который и будетъ разрѣшать предварительно юридическій вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ данное дѣяніе, по размѣрамъ наказанія, подходитъ подъ условія ст. 1 проекта. Но даже если-бы на практикѣ впослѣдствіи и возникъ вопросъ о необходимости и при примѣненіи условнаго осужденія допустить оглашеніе передъ присяжными засѣдателями грозящаго наказанія, то и въ такомъ случаѣ это было бы лишь новымъ подкрѣпленіемъ твердо уже установившагося въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ мнѣнія о необходимости допустить такое оглашеніе вообще. Уже Высочайше утвержденная подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Муравьева Комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части нашла, что „искусственно создаваемая для присяжныхъ по отношенію къ этому вопросу тайна еще ничего не принесла для интересовъ правосудія, кромѣ очевиднаго вреда“ [1]). Соотвѣтственно съ этимъ взглядомъ, въ указанномъ выше представленіи Министерства Юстиціи о согласованіи устава уголовнаго судопроизводства съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ была дана и новая редакція ст. 746 уст. угол. судопр.

Едва ли также слѣдуетъ опасаться какихъ либо процессуальныхъ осложненій отъ такой мѣры. Приговоры суда съ присяжными засѣдателями подлежатъ обжалованію только въ кассаціонномъ порядкѣ; но если допускается только этотъ порядокъ обжалованія по столь важнымъ вопросамъ, какъ вопросъ о правильности признанія виновнымъ въ тяжкомъ преступленіи, о дачѣ снисхожденія,—то почему же здѣсь, по отношенію къ такой скромной мѣрѣ, этого не допустить?

Однимъ изъ главныхъ доводовъ въ пользу предоставленія присяжнымъ засѣдателямъ права примѣнять условное осужденіе, по мнѣнію Комиссіи, является не только сродство,

[1]) Объясн. зап. къ проекту устава угол. судопр., т. III, стр. 259.

но даже тождество тѣхъ началъ, которыя положены въ основу какъ суда присяжныхъ засѣдателей, такъ и института условнаго осужденія: это именно—начало индивидуализаціи наказанія. Это начало вытекло, какъ извѣстно, изъ убѣжденія въ невозможности подъ одну общую, заранѣе установленную въ уголовномъ законѣ, норму подводить въ судѣ все разнообразіе отдѣльныхъ случаевъ, представляемыхъ жизнью. Что для одного случая вполнѣ справедливо, для другого было бы ничѣмъ не оправдываемою жестокостью; такъ часто правда формальная расходится съ правдою матеріальною, жизненною, а въ судѣ уголовномъ должно быть обезпечено прежде всего осуществленіе этой правды—жизненной. Вотъ почему и всѣ наши лучшіе юристы, во главѣ съ нынѣшнимъ министромъ юстиціи И. Г. Щегловитовымъ, при разсмотрѣніи настоящаго законопроекта въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ (засѣданіе 13 ноября 1904 г.) высказались за присвоеніе присяжнымъ засѣдателямъ права высказываться за примѣненіе условнаго осужденія.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, Комиссія признала необходимымъ дополнить законопроектъ особой ст. 16, оговоривъ въ то же время и право коллегіи коронныхъ судей въ судѣ съ присяжными засѣдателями, съ своей стороны примѣнять условное осужденіе, хотя бы присяжные засѣдатели и не выразили такого пожеланія; такое право будетъ опять таки въ полномъ соотвѣтствіи съ правомъ короннаго суда давать снисхожденіе, хотя бы и присяжные засѣдатели такового и не дали.

Руководствуясь всѣми вышеизложенными соображеніями, Комиссія по судебнымъ реформамъ предложила Государственной Думѣ одобрить слѣдующій законопроектъ:

1. По дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, за учиненіе коихъ виновный присужденъ къ денежнымъ пенѣ или взысканію не свыше пятисотъ рублей, къ аресту или къ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости на срокъ не свыше одного года и четырехъ мѣсяцевъ, судъ въ правѣ постановить объ отсрочкѣ наказанія, если признаетъ такую мѣру цѣлесообразною по свойствамъ личности виновнаго и особенностямъ учиненнаго имъ дѣянія.

2. Отсрочка наказанія назначается на три года, если

виновный присужденъ къ аресту или къ денежнымъ пенѣ или взысканію, и на пять лѣтъ, если онъ присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости.

3. Отсрочка наказанія не можетъ быть предоставлена: 1) лицамъ, уже ранѣе присужденнымъ за умышленное преступленіе къ наказанію свыше заключенія въ тюрьмѣ или крѣпости на 1 годъ и 4 мѣсяца; 2) лицамъ уже ранѣе присужденнымъ къ менѣе строгому наказанію за всякаго рода преступное дѣяніе, но за тождественное или однородное со вновь учиненнымъ, хотя бы виновные и были освобождены отъ суда (ст. 771 п. 2 уст. уг. суд.) или исполненіе наказанія было отсрочено, если со времени отбытія наказанія, освобожденія отъ суда, или со дня истеченія отсрочки наказанія прошло не болѣе пяти лѣтъ; 3) лицамъ, учинившимъ преступныя дѣянія по тунеядству или по привычкѣ къ преступной дѣятельности или вслѣдствіе обращенія такой дѣятельности въ промыселъ.

4. Отсрочка наказанія не можетъ быть примѣнена при присужденіи къ денежнымъ пенѣ или взысканію за нарушеніе уставовъ административныхъ или казенныхъ управленій, а также при присужденіи къ симъ наказаніямъ за такія преступныя дѣянія, по коимъ денежныя пени или взысканіе не обращаются въ доходъ государственнаго казначейства или на устройство мѣстъ заключенія (ст. 42 улож. наказ., ст. 27 уст. наказ. и ст. 24 угол. улож.), а получаютъ особое, указанное въ законѣ, назначеніе.

5. Отсрочка наказанія не распространяется на лишеніе правъ: 1) на вступленіе въ государственную или общественную службу; 2) на участіе въ выборахъ и собраніяхъ городскихъ, земскихъ, сословныхъ и въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ; 3) на принятіе званія попечителя и опекуна, а равно 4) на лишеніе тѣхъ спеціальныхъ правъ, о которыхъ упоминается въ отдѣльныхъ статьяхъ особенныхъ частей уложенія о наказаніяхъ и уголовнаго уложенія.

6. Если осужденный будетъ признанъ виновнымъ въ совершеніи, ранѣе истеченія назначенной ему отсрочки, новаго преступнаго дѣянія, то отсроченное наказаніе можетъ быть приведено въ исполненіе. Если же новое пре-

ступное дѣяніе тождественно съ прежнимъ или съ нимъ однородно, или учинено по тунеядству или праздности или по привычкѣ къ преступной дѣятельности или вслѣдствіе обращенія ея въ промыселъ, или, будучи умышленнымъ повлекло присужденіе къ наказанію не ниже заключенія въ тюрьмѣ, то отсроченное наказаніе обязательно приводится въ исполненіе.

При обращеніи отсроченнаго наказанія къ исполненію соблюдаются правила статьи 133 уложенія о наказаніяхъ, по прод. 1902 г., и статей 63 и 66 уголовнаго уложенія, по принадлежности.

7. Если осужденный, ранѣе истеченія назначенной ему отсрочки, будетъ признанъ виновнымъ въ преступномъ дѣяніи, совершенномъ до присужденія къ наказанію, исполненіе котораго отсрочено, то наказаніе это можетъ быть приведено въ исполненіе. Если же вновь обнаруженное дѣяніе учинено по тунеядству или праздности, или по привычкѣ къ преступной дѣятельности или вслѣдствіе обращенія ея въ промыселъ, или, будучи умышленнымъ, повлекло наказаніе свыше заключенія въ тюрьмѣ на одинъ годъ и четыре мѣсяца, то отсроченное наказаніе обязательно приводится въ исполненіе.

При обращеніи отсроченнаго наказанія къ исполненію соблюдаются правила статьи 152 уложенія о наказаніяхъ по прод. 1902 г., статьи 16 устава о наказаніяхъ по прод. 1902 г., и статей 60, 62 и 64 уголовнаго уложенія, по принадлежности.

8. Если однимъ изъ основаній примѣненія отсрочки наказанія послужило добровольно принятое обвиняемымъ обязательство вознаградить потерпѣвшаго за причиненный ему преступнымъ дѣяніемъ вредъ или убытокъ, но обязательство это въ теченіе назначеннаго судомъ срока не выполнено, и таковая просрочка не вызвана обстоятельствами, отъ воли виновнаго независящими, то отсроченное наказаніе можетъ быть обращено къ исполненію, по заявленію потерпѣвшаго, послѣдовавшему до истеченія означенныхъ въ статьѣ 2 сроковъ.

9. Отсроченное наказаніе, не подлежащее исполненію, почитается отбытымъ со дня провозглашенія приговора,

причемъ прекращается лишеніе правъ, означенныхъ въ статьѣ 5. Если же лишеніе правъ было назначено на болѣе краткій срокъ сравнительно съ тѣмъ, на который было отсрочено наказаніе, то дѣйствіе сего праволишенія прекращается съ истеченіемъ опредѣленнаго для него приговоромъ суда срока.

10. Въ приговорахъ, постановляемыхъ по правиламъ статей 1—5, судъ назначаетъ виновному наказаніе, а затѣмъ опредѣляетъ отсрочку такового, съ изложеніемъ основаній, по которымъ допущено примѣненіе означенной мѣры.

11. По вступленіи въ законную силу приговора, коимъ наказаніе отсрочено, осужденный, пребывающій въ мѣстѣ нахожденія суда, постановившаго приговоръ, вызывается въ этотъ судъ, который въ судебномъ засѣданіи дѣлаетъ осужденному соотвѣтствующее предостереженіе, предупреждая его о послѣдствіяхъ, съ коими сопряжено учиненіе новаго преступнаго дѣянія ранѣе истеченія предоставленной ему отсрочки или неисполненіе добровольно принятаго обязательства вознаградить потерпѣвшаго за причиненные ему вредъ или убытокъ (ст. 6 и 8).

Въ случаѣ неявки по вызову суда, безъ законныхъ на то причинъ, къ выслушанію предостереженія, осужденный подвергается, по распоряженію суда, приводу.

12. Если осужденный проживаетъ внѣ мѣста нахожденія суда, постановившаго приговоръ объ отсрочкѣ наказанія, то исполненіе правила предшедшей (11) статьи возлагается на соотвѣтствующій ближайшій, по мѣсту жительства или временнаго нахожденія осужденнаго, судъ.

13. Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ статьей 6, о приведеніи въ исполненіе отсроченнаго наказанія постановляетъ судъ, разсматривающій дѣло о вновь учиненномъ преступномъ дѣяніи, а въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ статьей 7,— судъ, который, по правиламъ устава уголовнаго судопроизводства, долженъ постановить приговоръ по совокупности преступныхъ дѣяній,

14. Опредѣленіе о приведеніи въ исполненіе отсроченнаго наказанія въ случаѣ, предусмотрѣнномъ статьей 8, постановляется судомъ, постановившимъ приговоръ объ отсрочкѣ

наказанія, въ публичномъ засѣданіи, о днѣ котораго извѣщаются осужденный и потерпѣвшій. Состоявшееся опредѣленіе можетъ быть обжаловано въ частномъ порядкѣ.

15. Правила, изложенныя въ статьяхъ 1—14, примѣняются общими судами, въ томъ числѣ и судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и мировыми судебными установленіями, гминными судами, уѣздными членами окружныхъ судовъ, городскими судьями, уѣздными съѣздами и земскими участковыми начальниками.

Ст. 16. Если дѣло разрѣшается судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и наказаніе, угрожающее подсудимому по закону или въ случаѣ дачи снисхожденія, можетъ быть назначено въ предѣлахъ ст. 1, и въ то-же время имѣются и другія, указанныя въ семъ законѣ, условія, при наличности коихъ допускается примѣненіе отсрочки наказанія, то предсѣдатель суда разъяснетъ присяжнымъ засѣдателямъ, что, отвѣчая на вопросъ о виновности подсудимаго и давая или не давая (если этого не требуется) подсудимому снисхожденіе, они могутъ прибавить: и кромѣ сего имѣются основанія для примѣненія къ подсудимому отсрочки наказанія. Такое признаніе присяжныхъ обязательно для суда.

Въ протоколъ засѣданія въ такомъ случаѣ судъ вноситъ, кромѣ обычнаго матеріала, еще и всѣ свѣдѣнія, выяснившіяся на судѣ о личности подсудимаго и его прошломъ.

Съ своей стороны, коронный судъ имѣетъ то же право, въ случаѣ если находитъ основаніе, и безъ упоминанія о семъ въ вердиктѣ присяжныхъ засѣдателей, постановить въ вышеуказанномъ порядкѣ объ отсрочкѣ наказанія.

Ст. 17. Справки о судимости лицъ, коимъ предоставлена отсрочка наказанія, издаются: объ осужденныхъ судебными установленіями — порядкомъ, опредѣляемымъ министромъ юстиціи, а объ осужденныхъ судебно-административными установленіями — порядкомъ, опредѣляемымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи.

Таковъ окончательный проектъ постановки условнаго

осужденія въ Россіи. Нельзя не пожелать ему успѣха и скорѣйшаго обращенія въ дѣйствующій законъ. По широтѣ и вѣрности постановки, онъ не уступаетъ лучшимъ образцамъ заподно - европейскимъ; въ то же время въ немъ приняты въ соображеніе и наши русскія условія.

Реабилитація.

(Возстановленіе утраченныхъ по суду правъ).

Уголовнымъ уложеніемъ 22 марта 1903 г. [1]) вводится въ наше право новый институтъ—возстановленія утраченныхъ по суду правъ, извѣстный въ западно-европейскомъ законодательствѣ подъ названіемъ реабилитаціи.

Институтъ этотъ зародился еще въ римскомъ правѣ, гдѣ онъ носилъ названіе in integrum restitutio; изъ римскаго онъ перешелъ во французское право, а затѣмъ въ бельгійское [2]), итальянское и португальское. Въ послѣднее время, онъ былъ реформированъ во Франціи и Португаліи и введенъ въ Норвегіи и кантонахъ Швейцаріи: Невшателѣ, Аппенцелѣ и Женевѣ [3]).

Введеніе и реформа на новыхъ началахъ института реабилитаціи является лишь одной изъ мѣръ, осуществляемыхъ и частью осуществленныхъ уже преобразовательнымъ движеніемъ въ современныхъ уголовныхъ правѣ и процессѣ европейскихъ государствъ.

Основныя положенія этого преобразовательнаго движенія извѣстны: измѣнился самый взглядъ на преступленіе и нака-

---

[1]) Ст. 33 по ред. 1882 г. и 28 по ред. 1895 г.; нынѣ ст. 31 Высоч. утвержд. 22 марта 1903 г. угол. улож.

[2]) Изъ бельгійскаго права онъ исчезъ со времени закона 26 марта 1833 года (бывшія статьи 619—634 Code de l'instr. pén.).

[3]) Annuaire de législation étrangère, 1881, 1884, 1885; *A. Brasseur*, Théorie et pratique de la Reḥabilitation, p. 126.

заніе. Въ преступленіи не видятъ болѣе грѣха, который долженъ повлечь за собой, какъ логическое послѣдствіе, наказаніе; оставивъ этотъ чисто-церковный взглядъ на общественные вопросы, современныя законодательства смотрятъ на преступленіе, какъ на общественное зло, вредъ, съ которымъ надо бороться. Поэтому-то и вся карательная система подвергается критикѣ съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Оставленъ прежній принципъ остракизма, изверженія преступника изъ общества, лишенія его огня и воды, клейменія, и выставлено новое положеніе о необходимости, наоборотъ, по возможности быстро и неизгладимо, уничтожить разобщеніе, которое создаетъ лишеніе правъ и отбытіе наказанія въ стѣнахъ тюрьмы между преступникомъ и обществомъ, такъ какъ именно эти разобщенные легко становятся врагами общества, преступниками; лишаемые закономъ возможности на равныхъ правахъ съ прочими членами общества зарабатывать себѣ средства къ существованію, они иногда, поневолѣ, переходятъ къ единственному, доступному для нихъ, источнику добыванія средствъ существованія—занятію преступленіемъ, которое въ наше время, подобно всѣмъ другимъ родамъ труда, спеціализировалось и организовалось въ особое ремесло.

Мѣры, принимаемыя современнымъ законодательствомъ съ цѣлью не допустить такого полнаго разобщенія преступника съ обществомъ,—двоякаго рода [1]).

Во-первыхъ, въ виду врожденныхъ, такъ сказать, неисправимыхъ недостатковъ тюремнаго заключенія, развращающаго и разобщающаго, но не исправляющаго заключеннаго преступника, стараются этотъ видъ наказанія, по возможности, замѣнить, достигнуть цѣлей уголовной репрессіи какимъ-либо другимъ путемъ.

Этимъ цѣлямъ отвѣчаютъ (мы не говоримъ о предположеніяхъ) институты условнаго досрочнаго освобожденія, условнаго осужденія и принудительнаго воспитанія.

Ко второму роду мѣръ, предпринимаемыхъ въ цѣляхъ

---

[1]) Actes du Congrès pénit. intern. de S-Pétersbourg, 1890. vol 1, p. 735 et suiv. et autres vol; *Zucker*. Einige Criminalistische Zeit-u. Streitfrage der Gegenwart. Gerichtssaal, B. 44 (1891).

борьбы съ преступленіемъ и скорѣйшаго возвращенія преступниковъ въ ряды здоровыхъ и полезныхъ членовъ общества, должны быть причислены (мы не говоримъ о патронатахъ, пріютахъ и т. д.): сокращеніе, или даже полное устраненіе, всякихъ дополнительныхъ наказаній (Nebenstrafen, peines accessoires) и, главнымъ образомъ, лишенія правъ и надзора полиціи и, затѣмъ, въ тѣхъ законодательствахъ, которыя знаютъ такое лишеніе, — возстановленіе утраченныхъ правъ, реабилитація.

„Бѣда,—говоритъ Брауне [1]), одинъ изъ дѣятелей тюремнаго дѣла въ Германіи,—тому, кто попадетъ въ сѣть этой системы дополнительныхъ наказаній; она затрудняетъ осужденному возвращеніе къ нормальной упорядоченной жизни и именно *внутреннимъ клейменіемъ*, не говоря уже о препятствіяхъ, создаваемыхъ этой системой при поискахъ за честнымъ заработкомъ".

Приблизительно такъ же рѣшительно и столь же горячо высказался въ нашей литературѣ и по поводу именно нашей системы дополнительныхъ наказаній И. Я. Фойницкій еще въ 1874 г., въ предложеніи его первому съѣзду русскихъ юристовъ въ Москвѣ [2]).

Нельзя не замѣтить, что система дополнительныхъ наказаній представляетъ собой наиболѣе типическій остатокъ оставленнаго ученія о грѣховномъ человѣкѣ и прежнихъ пріемовъ, выражавшихся въ клейменіи преступника. Преступленіе наказано, преступникъ отбылъ наказаніе и выпускается на свободу, но преступленіемъ онъ осквернилъ себя, а потому и не можетъ пользоваться тѣми же правами, что и остальные граждане; онъ не клеймится наружно, физически, но и это внутреннее клейменіе (innere Brandmärkung, какъ выразился Брауне) достигаетъ тѣхъ же цѣлей и дѣлаетъ лишеннаго правъ такимъ же паріемъ, какимъ прежде бывалъ клейменый.

---

[1]) Zeitschrift f. die gesam. Strafwissenschaft, 1889, стр. 807 и слѣд. Wider die Polizeiaussicht.

[2]) Необходимость реформы постановленій русскихъ уголовныхъ законовъ по вопросу о лишеніи правъ. Журн. гражд. и угол права, 1874 г, кн. 5.

Возражаютъ, правда, что такое лишеніе правъ необходимо въ видахъ огражденія общества, среди котораго отбывшіе наказаніе будутъ дѣйствовать, но, какъ замѣтилъ проф. вѣнскаго университета Вальбергъ [1]), не дѣло современнаго государства предупреждать нравственный приговоръ членовъ сословія (по поводу лишенія правъ дворянства); только относительно преступленій, безчестный характеръ которыхъ установленъ, можетъ быть сохранена servitus criminis, вообще же сохраненіе того же рабства преступленію, выраженнаго въ лишеніи правъ, и по отбытіи наказанія, слишкомъ сурово и можетъ уничтожить плоды хорошей системы главныхъ наказаній.

Одно изъ существенныхъ возраженій противъ системы дополнительныхъ наказаній то, что осужденный, лишенный извѣстныхъ, перечисленныхъ въ законѣ, правъ, лишается фактически гораздо большаго числа правъ, неразрывно связанныхъ съ положеніемъ полноправнаго гражданина,—во всякомъ случаѣ не можетъ ихъ осуществлять; онъ имѣетъ право, положимъ, быть управляющимъ дѣлами какого либо частнаго лица, но, не имѣя права ходатайствовать въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, онъ не можетъ разсчитывать на полученіе подобнаго мѣста.

Главное же, однако, то, что для всякаго, самаго скромнаго дѣла необходимо довѣріе лицъ, ввѣряющихъ свои интересы, а это довѣріе заранѣе отобрано высшимъ авторитетомъ—судебной властью—у лишеннаго правъ, какъ равно и у отданнаго подъ надзоръ полиціи.

Необходимо, однако, замѣтить, что отъ лишенія правъ отказались очень немногія дѣйствующія законодательства. Даже новѣйшій проектъ швейцарскаго уложенія въ мотивахъ къ общей части высказываетъ [2]), что „уголовное право не можетъ отказаться отъ лишенія виновнаго почетныхъ гражданскихъ правъ (die bürgerliche Ehrenfähigkeit), если онъ заявилъ себя недостойнымъ этихъ почетныхъ правъ. Въ этомъ случаѣ лишеніе правъ является скорѣе не наказаніемъ, а мѣрой полицейскаго предупрежденія, огражденія

[1]) Журн гражд. и угол. права, 1883, кн. 6, стр. 109 и слѣд.

[2]) Motive z. d. Vorentw. eines Schweiz., Strafg. Allg. Theil. Bazel, 1893, p. 68.

общества отъ того, чтобы недостойные не могли участвовать въ выборахъ, быть выбираемыми, отбывать воинскую повинность; по тѣмъ же основаніямъ осужденные лишаются должности и права заниматься извѣстнымъ ремесломъ, родомъ торговли, спеціальнымъ дѣломъ".

Англійское законодательство и португальское (послѣднее, повидимому, лишь при наказаніяхъ исправительныхъ) сохраняютъ [1]) ограниченіе правъ только на время отбытія наказанія въ формѣ заключенія. На основаніи англійскаго закона 33 and 34 Vict. Chap 23, создается понятіе „convict" — лица, состоящаго подъ дѣйствіемъ этого закона, т. е. присужденнаго къ смертной казни, *отбывающаго* наказаніе въ каторжныхъ работахъ, тюремномъ заключеніи съ тяжкими работами, или тюремномъ заключеніи на срокъ болѣе 12 мѣсяцевъ. Такіе конвикты лишаются занимаемыхъ ими въ моментъ осужденія должностей и получаемыхъ пенсій, а равно права занимать какую либо должность, правительственную, общественную, университетскую, корпоративную, быть членомъ парламента и остаются лишенными этого права (должности и пенсіи теряются навсегда), пока не отбудутъ наказанія, или не будутъ помилованы короной, причемъ, однако, помилованіе избавляетъ отъ лишенія должности только въ томъ случаѣ, если послѣдовало не позже, какъ черезъ два мѣсяца послѣ провозглашенія приговора. Пока осужденный находится подъ дѣйствіемъ упомянутаго закона, онъ не можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ; королю, или лицу, имъ уполномоченному, за его печатью, предоставлено назначить администраторовъ къ имуществу конвикта, причемъ, однако, послѣдній, по выходѣ изъ заключенія, можетъ требовать отчета отъ администраторовъ.

Въ Португаліи всѣ лишенія правъ политическихъ и гражданскихъ кончаются ipso facto съ отбытіемъ наказанія (заключенія). Въ швейцарскомъ проектѣ, какъ уже сказано, устанавливается срочное лишеніе правъ политическихъ и

---

[1]) An act to abolish Forfeitures for Treason and Felony and to otherwise amend the law relating thereto (4 t. July 1870). Law Journal 1870 (33 and 34 Vict Chap. 23). Annuaire de législation étrangère, 1885, стр. 425 и слѣд. *Dr Franz v. Liszt*, La législation pénale comparée, 1894.

общественныхъ, а равно права на отбываніе воинской повинности (ст. 29 по исправл. проекту 1894 г.); для рецидивистовъ и присужденныхъ къ цухтгаузу—со времени отбытія ими наказанія; кромѣ того, ст. 30 проекта предоставляетъ судьѣ факультативное право, въ случаѣ если подсудимый выказалъ себя недостойнымъ общественнаго довѣрія и занятія какой-либо должности, лишать его этой должности, а равно и права въ теченіе 5—15 лѣтъ быть избраннымъ на какую-либо должность.

Американское право (Соед. Штатовъ) разнообразно: въ нѣкоторыхъ штатахъ существуетъ лишеніе права быть свидѣтелемъ, права занимать должность; въ другихъ этихъ ограниченій нѣтъ [1]).

Кодексы французскій и бельгійскій устанавливаютъ сложныя и многообразныя системы лишенія правъ, но и болѣе новые кодексы—германскій и итальянскій—знаютъ систему пожизненнаго и срочнаго лишенія правъ.

Еще болѣе сильныя возраженія слышатся въ литературѣ противъ учрежденія полицейскаго надзора надъ лицами, отбывшими наказанія [2]). Въ этомъ отношеніи сходятся и тюрьмовѣды, и юристы, какъ теоретики, такъ и практики. Брауне, слова котораго мы привели выше,—духовникъ тюрьмы въ Герлитцѣ и выражаетъ мнѣніе тюрьмовѣдовъ; Бернеръ приводитъ мнѣнія различныхъ французскихъ судовъ, изложенныя въ Enquête parlementaire (1876 an.), Régime des établissements pénitentiaires; всѣ суды отнеслись къ надзору неблагопріятно, а нѣкоторые прямо требовали его отмѣны, такъ какъ онъ наталкиваетъ, по ихъ мнѣнію, на преступленія. По словамъ самой полиціи, надзоръ есть не что иное, какъ безконечное писаніе (приведено Брауне). Бернеръ передаетъ мнѣніе (письменное) одного изъ участниковъ съѣзда тюрьмовѣдомъ въ Бременѣ, Поккельса, утверждающаго, что надзоръ мѣшаетъ возрожденію преступника; самый главный недостатокъ надзора, по мнѣнію Пок-

---

[1]) The American and Engl. Encycl. Law. IV, p. 725.

[2]) Archiv f. Strafrecht, 1882, S. 199 и слѣд.; Полож. межд. конгресса юристовъ въ Туринѣ въ 1881 г.; *Berner*, Polizeiaussicht, Gerichtssaal, 1881, S. 362 и слѣд.

кельса,—это открытое, оффиціальное его осуществленіе (явка въ полицію, посѣщеніе послѣдней и производимые ею обыски), благодаря которому оглашается пятно прежней судимости поднадзорнаго.

Необходимо замѣтить, что приведенныя указанія относятся главнымъ образомъ къ организаціи надзора полиціи до начала восьмидесятыхъ годовъ, и что въ послѣднее десятилѣтіе въ этой организаціи произведены большинствомъ европейскихъ государствъ существенныя перемѣны.

Не знаютъ совершенно надзора новые кодексы уголовные—голландскій и португальскій. Французскій Code pénal, со времени закона 27 мая 1885 г., тоже болѣе не знаетъ surveillance de la haute police, которая замѣнена (ст. 19 этого закона) для лицъ, отбывшихъ наказаніе, запрещеніемъ жительства въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ на извѣстный срокъ отъ 5—10 лѣтъ (ст. 57, 58 С. р.); надзоръ за условно освобожденными предположено осуществлять чрезъ общества патроната (ст. 6 закона 14 августа 1885 г.).

Надзоръ полиціи по итальянскому кодексу (ст. 28) сводится къ заявленію полиціи объ избранномъ мѣстѣ жительства и праву полиціи воспретить жительство въ опредѣленныхъ мѣстахъ.

Проектъ швейцарскаго уложенія (32) предполагаетъ осуществлять надзоръ надъ лицами, условно освобожденными, чрезъ тѣ же учрежденія, отъ которыхъ будетъ зависѣть и самое условное освобожденіе, при содѣйствіи обществъ патроната.

Но, кромѣ того, проектъ предполагаетъ упорныхъ рецидивистовъ, послѣ отбытія ими наказанія, заключать въ особые интернаты, а равно предоставить суду заключать лицъ, совершившихъ преступленіе по лѣни или праздности, взамѣнъ наказанія, или въ дополненіе къ наказанію, въ рабочій домъ.

Согласно германскому уложенію (ст. 38 и 89), надзоръ полиціи, который можетъ быть назначенъ на срокъ не свыше 5 лѣтъ, выражается въ воспрещеніи жить въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ правѣ полиціи производить въ квартирахъ поднадзорныхъ обыски во всякое время.

Англійская полиція, строго наблюдая за поднадзорными

и располагая широкими правами по заключенію подъ стражу лицъ условно освобожденныхъ въ случаѣ ихъ дурного поведенія, въ то же время пользуется своими обширными знакомствами и связями, а равно и знаніемъ мѣстныхъ условій, для доставленія поднадзорнымъ работы. Такимъ характеромъ дѣятельности полиціи смягчается нѣсколько суровость самого закона [1]). Подъ надзоромъ полиціи состоятъ въ Англіи всѣ условно освобожденные (license granted under the penal Servitude Acts). Судъ также можетъ назначить надзоръ надъ лицомъ, осужденнымъ за преступленіе (crime) на срокъ не свыше 7 лѣтъ; такое лицо, при всякой перемѣнѣ мѣста жительства, обязано явиться въ тюченіе 24 часовъ со времени поселенія въ полицію, а при проживаніи въ одномъ и томъ же мѣстѣ—являться въ полицію ежемѣсячно. У поднадзорныхъ англійская полиція имѣетъ право производить обыски во всякое время и, въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія въ добропорядочности ихъ поведенія, арестовать.

Въ столь же тяжелыхъ формахъ, хотя на срокъ не свыше 3 лѣтъ, осуществляется надзоръ полиціи и въ Австріи, согласно закону 10 мая 1873 г. (§ 9) [2]).

Наше новое уголовное уложеніе въ періодѣ проекта (ст. 22—27), сохраняя институтъ пораженія правъ, производило въ немъ существенныя измѣненія, приближавшія его къ типу этого института въ германскомъ уложеніи (ст. 31—36).

Проектъ прежде всего освобождалъ отъ пораженія права семейственныя и имущественныя (ограниченіе имущественныхъ правъ сохранялось лишь на время отбытія заключенія) [3]); далѣе, изъ личныхъ правъ и преимуществъ пораженіе не распространялось на ученыя степени, а изъ служебныхъ—на выслуженныя пенсіи; затѣмъ, только нѣкоторые виды лишенія правъ предполагалось сдѣлать безсрочными, тогда какъ въ настоящее время лишеніе правъ только безсрочно.

---

[1]) 34 and 35 Vict chap. 112. The Preventiv of crimes Act. Law Journal 1871 (statutes).

[2]) Das Strafgesetz über Verbrechen u. s. w., Manz'sche Gesetz-Ausgabe, 1892, S 440 и слѣд.

[3]) Объясненія, стр. 225 и слѣд.

Угол. улож. 22 марта 1903 г. сравнительно съ проектомъ 1895 г. сдѣлало шагъ назадъ и возстановило утрату правъ семейственныхъ и имущественныхъ въ случаѣ присужденія къ смертной казни, каторгѣ или ссылкѣ на поселеніе (ст. 29 угол. улож.).

По новому уложенію предполагается безсрочнымъ: 1) лишеніе правъ состоянія для лицъ, присужденныхъ къ казни, каторгѣ и ссылкѣ; 2) лишеніе правъ для дворянъ, священнослужителей, монашествующихъ, почетныхъ гражданъ, присужденныхъ къ исправительному дому и тюрьмѣ за извѣстныя, указанныя въ законѣ (ст. 27), преступленія; 3) лишеніе должностей, чиновъ, сана, орденовъ, знаковъ отличія, почетныхъ званій для лицъ, присужденныхъ къ смертной казни, каторгѣ, поселенію, исправительному дому или тюрьмѣ съ лишеніемъ правъ.

Права же, называемыя нынѣшнимъ уложеніемъ „особенными“ и перечисленныя въ п. 1—6 ст. 43 улож. (за исключеніемъ, слѣдовательно, правъ дворянства, почетныхъ титуловъ, чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія) теряются осужденными на основаніи ст. 30 временно, на опредѣленные сроки.

Относительно надзора полиціи (34 и 35) надъ лицами, отбывшими наказаніе, новое уложеніе сохраняетъ, съ незначительными измѣненіями, нынѣ существующую систему (ст. 48, 49, 51 и прим. улож.), сокращая, однако, срокъ обязательнаго пребыванія въ извѣстномъ, избранномъ самимъ поднадзорнымъ или назначенномъ начальствомъ мѣстѣ жительства до полугода и лишая общество права надзора, а, слѣдовательно, и права удаленія и непринятія обратно въ свою среду порочныхъ членовъ общества.

Возстановленіе утраченныхъ по суду правъ предусматривается ст. 31 новаго уложенія, которая читается такъ: „Права, утраченныя на основаніи предшедшей (30) статьи, *за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ коихъ возстановленіе ихъ истеченіемъ какихъ либо сроковъ было бы несогласно съ особыми постановленіями закона*, пріобрѣтаются вновь по прошествіи сроковъ: для приговоренныхъ къ каторгѣ или ссылкѣ на поселеніе—десяти лѣтъ по освобожденіи отъ поселенія, а для приговоренныхъ къ заключенію въ исправи-

тельномъ домѣ—десяти и въ тюрьмѣ—пяти лѣтъ по освобожденіи изъ заключенія.

Означенные сроки, въ случаѣ одобрительнаго поведенія осужденныхъ, могутъ быть, по ихъ просьбамъ, сокращены, если для нихъ истекла уже половина сихъ сроковъ и если они, притомъ, прожили въ послѣднемъ мѣстѣ своего жительства не менѣе двухъ лѣтъ".

Редакція этой статьи измѣнена въ такой мѣрѣ, что даже о введеніи института возстановленія правъ надо догадываться. Редакція 1895 г. прямо придавала судебный характеръ всему институту, указывая прямо, что ходатайства о возстановленіи правъ разрѣшаются окружнымъ судомъ, редакція же 1903 г. такова (послѣдняя часть статьи), что допускаетъ предоставленіе этого права хоть органамъ полиціи.

Но главное, что въ эту статью внесены слова, которыя подчеркнуты мною и которыя, оставляя въ неприкосновенности всѣ разнообразныя, разбросанныя въ разныхъ частяхъ свода законовъ постановленія, самаго архаическаго свойства, не только ограничиваютъ примѣненіе возстановленія утраченныхъ правъ, но ограничиваютъ самую срочность лишенія правъ, вводимую новымъ уложеніемъ и, даже болѣе, вводятъ ограниченіе правъ тамъ, гдѣ этого новое уложеніе не устанавливаетъ, отдавая, такимъ образомъ, преимущество архаическимъ законамъ. Такъ, новое уголовное уложеніе въ ст. 27 и 28 точно опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ тюремное заключеніе ведетъ за собою лишеніе правъ, а на основаніи ст. 31 оказывается, что присужденіе къ тюрьмѣ за всякое преступленіе ведетъ за собою безсрочное лишеніе права участія въ собраніяхъ общественныхъ (самоуправленіе земское и городское), сословныхъ и т. д., такъ какъ того требуютъ соотвѣтственныя положенія объ этихъ собраніяхъ. Такимъ образомъ, „новое а уголовное уложеніе сводитъ на нѣтъ собственныя свои постановленія въ другихъ статьяхъ.

Ссылкой на ст. 30 уложеніе точно выразило, что имъ допускается возстановленіе лишь тѣхъ правъ, которыхъ осужденный былъ лишенъ на время, безъ распространенія института реабилитаціи на утрату правъ сословныхъ, чиновъ

и другихъ спеціальныхъ правъ, о лишеніи коихъ говорится въ другихъ статьяхъ. Самый порядокъ, процессуальную сторону возстановленія правъ, комиссія по составленію новаго уложенія предположила опредѣлить особо, въ будущемъ [1]).

Для выясненія основныхъ началъ и уголовно-политическаго значенія института реабилитаціи представляется интереснымъ остановиться на порядкѣ возстановленія правъ, существующемъ въ государствахъ западно-европейскихъ, а равно и у насъ, въ настоящее время.

Какъ было сказано выше, институтъ реабилитаціи существовалъ уже въ римскомъ правѣ—restitutio in integrum. Въ Дигестахъ, между прочимъ, встрѣчаются слѣдующія выраженія: famoso judicio condemnatus per in integrum restitutus, absolutus, restitutio quam princeps vel senatus indulsit (l. 1 § 10 D. 3,1), restitus in civitatem (l. 56 § 1 D. 35,1). Во французскомъ правѣ этотъ институтъ и даже самое слово „реабилитація" появляется въ ордоннансѣ 1670 г.; въ это время реабилитація имѣетъ своимъ источникомъ милость короля, какъ и помилованіе, и возстановляетъ *bonne fame*, *„renommée"* [2]).

Учредительное собраніе обставило реабилитацію особой помпой; реабилитація, которая допускалась лишь послѣ 10-лѣтняго испытанія, торжественно объявлялась предсѣдателемъ суда, въ присутствіи муниципальнаго совѣта, выразившаго особымъ рѣшеніемъ согласіе на реабилитацію живущаго въ предѣлахъ муниципіи. Эта помпа, это от-

---

[1]) Проектъ процессуальныхъ порядковъ возстановленія правъ включенъ въ Муравьевскій проектъ судебной реформы, не получившій движенія

[2]) Dr. *K. Heimann*. Handlexicon zu d. Qellen des romischen Rechts, 1884 — *Faustin Hélie*. Traité d'instruction criminelle. T. VIII, 1867, chap. II, De la Rehabilitation, p. 579 et suiv.—*Bregeault et Delagarde*. Traité de la Réhabilitation des condamnés, 1886 —*Marcy* Code de procédure pénale de royaume d'Italie, 1881, t. II, p. 334.—*Alfonso Capocelli*. Manuale di procedura penale, 1888 (ст. 224 и сл.).—Journal du droit criminel, Morin et Sorel, 1888, p. 196 et 317, 1889, p. 75.—Journal du ministére publique et du droit criminel, 1890, p. 63 et. 93.—*Brasseur*. Théorie et pratique de la Réhabilitation, 1887.—*Nicolas Alianelli* De la Réhabilitation des condamnés, traduit de l'italien par Sarraute, 1882.

крытое оффиціальное оглашеніе прежней судимости еще до рѣшенія суда, благодаря обсужденію того же ходатайства предварительно въ муниципальномъ совѣтѣ, и другія стѣснительныя условія настолько повліяли на число желающихъ возстановить свои права, что случаи реабилитаціи были крайне рѣдки и ее едва сохранили при введеніи кодекса 1808 года. Но и въ этотъ кодексъ были внесены различныя ограниченія относительно лицъ, могущихъ претендовать на реабилитацію, въ томъ числѣ и требованіе напечатанія просьбы о реабилитаціи въ оффиціальномъ журналѣ, до разрѣшенія ея судомъ; это требованіе было столь же неудобно, какъ и предварительное обсужденіе въ муниципальномъ совѣтѣ,—оно оглашало прежнюю судимость, быть можетъ забытую уже, въ такой моментъ, когда еще было неизвѣстно, увѣнчается ли успѣхомъ ходатайство о реабилитаціи.

Существенныя измѣненія въ постановкѣ института реабилитаціи во Франціи произвели законъ 1842 г., который распространилъ реабилитацію и на присужденныхъ къ исправительнымъ наказаніямъ и уничтожилъ для этихъ послѣднихъ требованіе предварительнаго рѣшенія муниципальнаго совѣта, замѣнивъ это рѣшеніе простымъ свидѣтельствамъ мэра, и законъ 1852 г., который отмѣнилъ опубликованіе просьбы въ правительственной газетѣ. Со времени изданія этихъ законовъ, число реабилитируемыхъ стало быстро возрастать: 1848 г. ихъ было 114, въ 1865г.—256 и 1884 г.—747.

Истинное значеніе реабилитаціи, какъ самостоятельнаго института, въ ряду другихъ видовъ освобожденія отъ наказанія и послѣдствій его (помилованія, амнистіи) указано было впервые, съ особой ясностью, французскимъ государственнымъ совѣтомъ въ его рѣшеніи 8 іюля 1823 г. [1]). Совѣтъ высказалъ, что „помилованіе имѣетъ своимъ источникомъ милосердіе короля, реабилитація — его чувство справедливости, что помилованіе не уничтожаетъ, не изглаживаетъ судебнаго приговора, а лишь прекращаетъ наказаніе, что, наоборотъ, право на реабилитацію, по закону, осужденный пріобрѣтаетъ только по отбытіи наказанія“.

---

[1]) *Faustin Hélie, Traité.*

Фостэнъ Эли такимъ образомъ характеризуетъ реабилитацію. „Реабилитація,—говоритъ онъ [1]),—принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нашихъ учрежденій, которыя преслѣдуютъ цѣль возбудить у человѣка желаніе хорошо себя вести и удержать его отъ дурного приманкой награды. Реабилитація оживляетъ нравственное чувство въ сердцахъ осужденныхъ и возвышаетъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, давая имъ надежду вступить опять въ жизнь всего общества и возвратить себѣ всѣ права гражданина. Такимъ образомъ, общество заинтересовано въ развитіи реабилитаціи, путемъ которой достигается не только возвращеніе въ общество полезныхъ людей, возрожденіе потерянныхъ для него членовъ, но и поддержаніе всѣхъ осужденныхъ во время ихъ долгаго испытанія мыслью о возможности для нихъ возрожденія и предохраненіе ихъ отъ нравственнаго паденія увѣренностью, что они будутъ имѣть возможность возвратить себѣ уваженіе общества. Это—единственный для нихъ путь къ личному благополучію; если бы и онъ былъ закрытъ, то они, по необходимости, составили бы враждебный по отношенію къ обществу лагерь, потому что имъ больше было бы нечего ждать отъ этого общества. Какъ дѣло справедливости, реабилитація должна быть дѣломъ суда: осужденные не имѣютъ права на помилованіе, но они имѣютъ право требовать реабилитаціи, какъ заслуженнаго“.

По мнѣнію Фостена Эли, распространеніе реабилитаціи и на наказанія исправительныя совершенно справедливо. „Недостаточно,—говоритъ онъ,—чтобы реабилитація возстановляла права; необходимо, чтобы она смывала самое пятно судимости въ такой мѣрѣ, чтобы нельзя было наказывать реабилитированнаго, даже въ случаѣ совершенія имъ новаго преступленія, какъ за повтореніе; разумѣется, такое полное освобожденіе отъ послѣдствій судимости нужно не для того, чтобы понизить наказаніе реабилитированному, а именно чтобы дать ему сознаніе полнаго забвенія прошлаго“.

Прекрасныя мысли Фостена Эли, высказанныя имъ въ 1867 году, нашли себѣ полное осуществленіе лишь въ за-

---

[1]) Ibid, p 584.

конѣ 14 августа 1885 года, созданномъ сенаторомъ Беранже и носящемъ общее заглавіе „закона о средствахъ предупредить повтореніе преступленій—условное освобожденіе, патронатство, реабилитація". Этимъ закономъ придано реабилитаціи настоящее ея значеніе, какъ средства борьбы съ преступленіемъ. Докладчикъ, сенаторъ Беранже [1]), произнесъ 22 марта 1884 года въ сенатѣ блестящую рѣчь о значеніи реабилитаціи и указалъ на необходимость предположенныхъ въ законѣ реформъ. Законъ 1884 г. освободилъ только лицъ, отбывшихъ исправительныя наказанія, отъ представленія удостовѣренія муниципальнаго совѣта, выдававшагося послѣднимъ послѣ предварительныхъ совѣщаній и обсужденія ходатайства, замѣнивъ таковое свидѣтельствомъ мэра; для всѣхъ остальныхъ, т. е. отбывшихъ уголовныя наказанія, прежній порядокъ сохранился; между тѣмъ, обсужденіе, до выдачи удостовѣренія, просьбы о реабилитаціи въ муниципальныхъ совѣтахъ сопряжено съ большой оглаской, а подвергающійся такой огласкѣ не можетъ быть даже увѣреннымъ, что въ концѣ концовъ онъ добьется реабилитаціи. „Въ моемъ портфелѣ,—заявилъ Беранже,—лежитъ до 30 просьбъ лицъ, не рѣшающихся, при нынѣшнихъ условіяхъ, рисковать ходатайствомъ о реабилитаціи. У меня есть знакомый, который 18 лѣтъ тому назадъ имѣлъ несчастье растратить часть суммы, ввѣренной ему его теткой (суммы небольшой); онъ былъ въ то время на одной изъ низшихъ должностей въ одномъ изъ провинціальныхъ банковъ; въ теченіе истекшихъ 18 лѣтъ своими трудолюбіемъ, честностью и способностями онъ добился мѣста члена компаніи (associé) въ одномъ изъ крупныхъ банковъ Парижа, онъ всѣми уважаемъ, никто не знаетъ о прежней его судимости и лишь, когда наступаютъ выборы, ему приходится уѣзжать изъ Парижа, чтобы не обнаружить, что онъ не имѣетъ права участвовать въ выборахъ. Вотъ этому лицу пришлось бы обратиться въ муниципальный совѣтъ г. Парижа, въ которомъ онъ проживаетъ давно, огласить никому не извѣстную свою прежнюю судимость, не будучи

[1]) Annales du Sénat. Débats parlamentaires. Session ordinaire, 1884, t. 1, 22 mars 1884, 754 p. et. suiv.

въ то же время увѣреннымъ, что ходатайство его о реабилитаціи будетъ въ концѣ концовъ уважено судомъ. Въ виду такихъ затрудненій и представляется необходимымъ замѣнить свидѣтельство муниципальнаго совѣта свидѣтельствомъ одного мэра, свѣдѣнія котораго о личности каждаго изъ членовъ его муниципіи тѣ же, что и у остальныхъ членовъ муниципальнаго совѣта".

Высказавъ пожеланіе, чтобы реабилитація, которая при прежнихъ процессуальныхъ правилахъ для своего осуществленія требовала около года времени, была достигаема быстро, чтобы правила реабилитаціи были настолько ясны, чтобы у ходатайствующаго о возстановленіи правъ могла быть при извѣстныхъ условіяхъ полная увѣренность въ благопріятномъ разрѣшеніи его ходатайства, Беранже настаивалъ на томъ, чтобы реабилитація не только возстановляла права, но и изглаживала всякій слѣдъ судимости (effacer), чтобы не только въ casier judiciaire вслѣдъ за приговоромъ дѣлалась запись о реабилитаціи, но чтобы и сама запись о судимости уничтожалась [1]).

Главнѣйшія преобразованія, внесенныя закономъ 14 августа 1885 года, слѣдующія. По настояніямъ Беранже, была устранена весьма вредно вліявшая на самую возможность реабилитаціи обязательность даже для лицъ безусловно несостоятельныхъ уплаты судебныхъ издержекъ, подчасъ весьма крупныхъ, и было допущено представленіе удостовѣренія о несостоятельности (insolvabilité); самый институтъ реабилитаціи получилъ характеръ чисто судебный,—окончательное разрѣшеніе ходатайствъ о реабилитаціи предоставлено суду; свидѣтельства о поведеніи отъ муниципальныхъ совѣтовъ замѣнены свидѣтельствами мэровъ; въ случаѣ отказа предоставляется возобновить ходатайство о реабилитаціи не черезъ 5 лѣтъ, какъ прежде, а черезъ 2 года; точно выражено, что реабилитація прекращаетъ всякія послѣдствія судимости; введены заключеніе прокурорскаго надзора и словесныя объясненія просителя передъ судомъ, разрѣшающимъ ходатайство.

---

[1]) По иниціативѣ того же Беранже это и сдѣлано, на извѣстныхъ условіяхъ, закономъ 5 августа 1899 г.

Законъ 1885 года имѣлъ дѣйствительно благотворное вліяніе: число ежегодно реабилитируемыхъ значительно увеличилось.

Въ „Annuaire statistique de la France“ за 1889 г. собраны данныя относительно числа случаевъ реабилитаціи за время съ 1883 по 1888 годъ (законъ вступилъ въ дѣйствіе 14 августа 1885 г.): 1883—707, 1884—747, 1885—1061, 1886—1432, 1887—1518, 1888—1974, причемъ число реабилитируемыхъ, отбывшихъ исправительныя наказанія, растетъ быстрѣе числа реабилитируемыхъ, отбывшихъ уголовныя наказанія.

Французскій законъ 5 августа 1899 г. опредѣлилъ вліяніе реабилитаціи на упоминаніе въ справкахъ о судимости.

Современное положеніе института реабилитаціи въ западно-европейскихъ государствахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. [1]).

Реабилитація прекращаетъ ограниченія въ правахъ, наложенныя по суду. Лишь въ Португаліи, съ введеніемъ уголовнаго кодекса 1884 г., установившаго лишеніе правъ только на время заключенія, реабилитація пріобрѣла особенное значеніе: она является здѣсь возстановленіемъ прежняго состоянія до судимости для лицъ, невинно осужденныхъ [2]).

По французскому праву реабилитація (ст. 620 Code d'instr. crim.) распространяется на присужденныхъ какъ къ наказаніямъ уголовнымъ, такъ и къ наказаніямъ исправительнымъ; и тѣ и другія наказанія, на основаніи Code pénal, ведутъ къ ограниченію въ правахъ; за преступленія (ст. 34 С. р.) можетъ быть назначаема dégradation civique (одновременно съ другимъ наказаніемъ или самостоятельно), которая влечетъ за собой лишеніе правъ, перечисленныхъ въ ст. 43 нашего нынѣшняго улож. (за исключеніемъ лишенія чиновъ, титуловъ, сословныхъ правъ); за проступки,

---

[1]) Полное собраніе законовъ о реабилитаціи во всѣхъ культурныхъ государствахъ сдѣлано Делаки и Полецомъ и издано въ 1905 г. въ качествѣ 3 тетр. 12 тома. „Mittheilungen der Internationalen Kriminalistischen Vereinigung“.

[2]) Реабилитація здѣсь соединена съ ревизіей, съ новымъ разсмотрѣніемъ того же дѣла и является результатомъ ревизіи; весь порядокъ подробнѣе опредѣленъ закономъ 27 февраля 1895 г. (Revue pénitentiaire, 1895, № 6).

судимые въ судахъ исправительной полиціи, судъ можетъ назначить въ опредѣленныхъ, указанныхъ спеціально въ законѣ случаяхъ, на основаніи ст. 42 Code pénal, лишеніе нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ въ ст. 33 С. р. правъ; и то, и другое лишеніе правъ безсрочно; реабилитація не распространяется на contraventions de simple police, не вносимыя въ справки о судимости (caiser judiciaire).

Въ итальянскомъ правѣ (ст. 837 и слѣд. Codice di procedura penale и ст. 100 итал. улож. 1890 г.) указано, что реабилитація отмѣняетъ безсрочное лишеніе правъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 20 улож., или такое же безсрочное лишеніе правъ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ въ этой статьѣ правъ; на основаніи буквальнаго текста статьи, можно заключить [1]), что даже на срочное лишеніе тѣхъ же правъ реабилитація не распространяется. Лишеніе правъ въ итальянскомъ кодексѣ называемое l'interdizione dai publici officii, назначается (п. 6 ст. 11 улож.) лишь за преступленія и заключаетъ въ себѣ приблизительно тѣ же лишенія, что и dégradation civique.

Въ Норвегіи, на основаніи закона 6 августа 1897 г., реабилитація допускается во всѣхъ случаяхъ осужденія за преступленіе или присужденія къ наказаніямъ позорящимъ, въ томъ числѣ и тюрьмѣ.

Женевскій кодексъ уголовнаго судопроизводства (Code d'instruction pénale) 25 октября 1884 г., съ измѣненіями 1890 и 1891 годовъ, допускаетъ (ст. 483) реабилитацію для всѣхъ присужденныхъ къ исправительному дому (reclusion).

Французскій и итальянскій законы допускаютъ на извѣстныхъ условіяхъ реабилитацію и рецидивистовъ, а французскій—и лицъ, совершившихъ преступленіе послѣ реабилитаціи; норвежскій законъ постановляетъ, что реабилитированный въ возрастѣ послѣ 25 лѣтъ, въ случаѣ совершенія послѣ реабилитаціи новаго, позорящаго преступленія, не можетъ быть больше реабилитированъ. Точно также и Бельгійскій законъ 25 апрѣля 1896 г. допускаетъ реабилитацію рецидивистовъ.

---

[1]) Strafgesetzbuch f. d. Konigreich Italien, ubers. u. erlaut. v. Dr. Richard *Stephan*, ст. 20 и 100

Женевскій законъ вовсе не допускаетъ реабилитаціи рецидивистовъ.

Существенное условіе реабилитаціи, составляющее, такъ сказать, корень самого института — это отбытіе наказанія, назначеннаго по суду. Желающій возстановленія правъ долженъ представить доказательства того, что онъ уплатилъ свой долгъ обществу и государству того, искупилъ отбытіемъ наказанія совершенное имъ преступленіе; мало того—что онъ возмѣстилъ судебныя издержки и удовлетворилъ искъ за вредъ и убытки, причиненные имъ. Реабилитація, какъ принятіе обратно въ среду общества, какъ признаніе вновь полноправнымъ гражданиномъ, какъ возстановленіе въ прежнихъ чести и уваженіи, только и возможна, когда за возстановляемымъ не числится долга ни передъ обществомъ ни передъ отдѣльными личностями. Это требованіе положено въ основу института реабилитаціи во всѣхъ странахъ. Къ отбытію наказанія приравнивается французскимъ правомъ помилованіе, избавляющее отъ личнаго наказанія. Съ другой стороны, лицо, избавившееся отъ наказанія за давностью, не можетъ претендовать на реабилитацію. Французскіе юристы осуждаютъ исключеніе, дѣлаемое въ этомъ отношеніи новымъ закономъ для денежныхъ взысканій, назначенныхъ какъ наказаніе: согласно новому закону, освобожденіе отъ этихъ взысканій за давностью не лишаетъ права на реабилитацію.

Относительно уплаты судебныхъ издержекъ новый французскій законъ допускаетъ представленіе доказательствъ несостоятельности; относительно же удовлетворенія иска за вредъ и убытки и этого смягченія не допускается, и необходимо или войти въ соглашеніе съ истцомъ или отбыть взамѣнъ удовлетворенія иска личное задержаніе (contrainte par corps).

Норвежское законодательство въ этомъ отношеніи допускаетъ смягченіе и требуетъ (ст. 2) уплаты, сообразно съ средствами осужденнаго.

Ни одно законодательство не допускаетъ реабилитаціи немедленно вслѣдъ за отбытіемъ наказанія. Необходимо, чтобы отбывшій наказаніе доказалъ, что онъ исправился, пожилъ бы на свободѣ съ соблюденіемъ всѣхъ обязатель-

ныхъ условій для такой жизни. Поэтому законъ указываетъ извѣстный срокъ, въ теченіе коего невозможно представленіе ходатайства о реабилитаціи; въ случаяхъ, когда наказаніе сводится только къ лишенію правъ, срокъ исчисляется со дня произнесенія приговора.

Срокъ назначается французскимъ закономъ 5-лѣтній для лицъ, присужденныхъ къ наказаніямъ уголовнымъ, и трехлѣтній—для лицъ, подвергшихся исправительнымъ наказаніямъ (ст. 260 Code instr. crim); въ Италіи (ст. 837 C. di proc. pen.), въ Женевѣ (ст. 484 C. ins. pen) и Невшателѣ [1]) срокъ опредѣленъ одинъ—5 лѣтъ; въ Норвегіи (ст. 2) 10-лѣтній, а для краткосрочныхъ наказаній не менѣе 3 лѣтъ.

Для рецидивистовъ срокъ этотъ увеличивается: итальянскимъ закономъ (ст. 845) и невшательскимъ онъ удваивается противъ нормальнаго срока, т. е. назначается десятилѣтній; такой же срокъ требуется и французскимъ закономъ (ст. 634) какъ для рецидивистовъ, такъ и для лицъ, совершившихъ преступленіе послѣ реабилитаціи; этотъ срокъ, на основаніи той же статьи французскаго кодекса, сокращается до 6 лѣтъ, если рецидивисты и реабилитированные были присуждены въ послѣдній разъ лишь къ наказанію исправительному.

Въ теченіе вышеописаннаго срока отбывшій наказаніе долженъ, согласно требованіямъ французскаго закона, жить въ одномъ и томъ же округѣ (arrondissement), а послѣдніе два года и въ той же общинѣ; исключеніе (2-я часть ст. 621 C. i. p.) допускается лишь для лицъ, служащихъ на военной службѣ, и лицъ, занятія которыхъ требуютъ передвиженій. Итальянскій законъ требуетъ проживанія на теченіе всѣхъ 5 лѣтъ въ предѣлахъ отечества и послѣднихъ двухъ лѣтъ въ одной общинѣ. Норвежскій законъ, насколько можно заключить изъ смысла статьи 3, предъявляетъ подобное же требованіе.

Порядки подачи и разсмотрѣнія просьбъ о реабилитаціи въ Норвегіи, кантонѣ Женевѣ, Италіи и Франціи, въ особенности въ двухъ послѣднихъ странахъ, имѣютъ большое сходство.

Въ Норвегіи просьба подается прокурору съ присоеди-

---

[1]) *Brasseur*, p. 126.

неніемъ аттестатовъ муниципальныхъ властей тѣхъ мѣстъ, гдѣ проситель проживалъ послѣднія 5 лѣтъ послѣ отбытія наказанія; прокуроръ передаетъ такую просьбу съ своимъ заключеніемъ суду, на окончательное разрѣшеніе. Реабилитація прекращаетъ всѣ ограниченія въ правахъ гражданскихъ и политическихъ, въ томъ числѣ и ограниченія правъ избирательныхъ въ муниципальные совѣты. Въ кантонѣ Женевѣ (ст. 483—492 Code instr. pénal.) просьба подается единственному высшему суду (cour de justice), засѣдающему и съ присяжными, а также составляющему апелляціонную инстанцію для суда полиціи, съ приложеніемъ копіи обвинительнаго приговора, свидѣтельства о хорошемъ поведеніи отъ мэровъ (или ихъ помощниковъ) тѣхъ общинъ, въ которыхъ проживалъ проситель; такія свидѣтельства могутъ быть выдаваемы лишь при оставленіи общины желающимъ получить свидѣтельство. Просьба и приложенія передаются судомъ генеральному прокурору, который возвращаетъ ихъ въ судъ при письменномъ мотивированномъ заключеніи. Судъ, въ составѣ 5 членовъ, разсматриваетъ ходатайство. Если судъ отклонилъ ходатайство, то проситель можетъ его возобновить не раньше, какъ черезъ 2 года; если, наоборотъ, судъ удовлетворилъ ходатайство, то рѣшеніе суда вписывается на страницы подлиннаго обвинительнаго приговора о просителѣ и пропечатывается въ оффиціальномъ листкѣ. Реабилитація прекращаетъ всѣ ограниченія въ правахъ, вытекающія изъ обвинительнаго приговора; въ текстѣ статьи 400 сказано собственно: „met fin à toutes les *incapacités*“— прекращаетъ всѣ ограниченія не пріобрѣтенныхъ правъ, а всѣ ограниченія правоспособности, т. е. права быть избраннымъ и т. д., всѣ ограниченія возможности пріобрѣсти права въ будущемъ, но не возвращаетъ утеряннаго. Судъ, если найдетъ свѣдѣнія по содержанію ходатайства о реабилитаціи неполными, можетъ по предложенію прокурорскаго надзора или по собственному почину потребовать дополненія разслѣдованія.

Всѣ издержки по реабилитаціи падаютъ на просителя.

Въ Италіи (ст. 837—846 Codice di proc. pen.) не выражено точно въ законѣ, кому именно должна подаваться просьба о реабилитаціи, но насколько можно заключить изъ

смысла соотвѣтственныхъ статей устава уголовнаго судопроизводства, таковая подается королевскому прокурору (первая инстанція). Къ просьбѣ должны быть приложены свидѣтельства о хорошемъ поведеніи отъ муниципальныхъ властей тѣхъ мѣстъ въ которыхъ проситель проживалъ; свидѣтельства эти (Questi atestati dovraniro essere *confermati)* свидѣтельствуются мѣстнымъ преторомъ и визируются королевскимъ прокуроромъ. Какъ можно предположить, преторъ своей подписью удостовѣряетъ правильность свидѣтельства по содержанію, а прокуроръ—то, что свидѣтельство удовлетворяетъ требованіямъ закона.

Просьба вмѣстѣ съ свидѣтельствами о поведеніи и копіей приговора, въ силу коего проситель былъ лишенъ правъ, передается въ канцелярію того суда, въ округѣ коего проситель живетъ, откуда поступаетъ въ обвинительную камеру суда. По распоряженію члена-докладчика, просьба сообщается для свѣдѣнія генеральному прокурору, и въ то же время о подачѣ просьбы пропечатывается объявленіе въ правительственныхъ газетахъ какъ того округа, гдѣ засѣдаетъ судъ, въ который поступила просьба о реабилитаціи, такъ и округа того суда, по приговору коего проситель лишенъ правъ.

Черезъ 3 мѣсяца послѣ напечатанія, генеральный прокуроръ предлагаетъ обвинительной камерѣ свое письменное мотивированное заключеніе о степени уважительности ходатайства домогающагося реабилитаціи. Обвинительная камера, по выслушаніи заключенія прокурора, въ отсутствіи просителя, высказывается объ удовлетвореніи или отклоненіи ходатайства. Если камера найдетъ необходимымъ дополненіе разслѣдованія, или исправленіе какой-либо неправильности, то требованіе камеры исполняется, и все ходатайство вносится немедленно же вновь обратно въ камеру.

Если камера выскажется за удовлетвореніе, то прошеніе вмѣстѣ съ приложеніями передается черезъ генеральнаго прокурора министру юстиціи, а послѣднимъ представляется королю. Если король выразитъ согласіе на удовлетвореніе ходатайства, то королевскій декретъ сообщается обоимъ судамъ—и тому, который разсматривалъ ходатайство о реа-

билитиціи, и тому, который осудилъ, причемъ послѣдній вписываетъ декретъ на страницы подлиннаго приговора. Оба суда оглашаютъ въ публичныхъ засѣданіяхъ декретъ, и съ этого дня проситель считается реабилитированнымъ. Если камера выскажется противъ удовлетворенія ходатайства, то заявившій ходатайство можетъ возобновить его черезъ 5 лѣтъ.

Чтобы судить о томъ, какія послѣдствія влечетъ за собой по итальянскимъ законамъ реабилитація, необходимо остановиться на сопоставленіи статей 20 и 100 улож. угол. итал.

Въ статьѣ 20 соединены, такъ сказать, два рода лишеній, предусматриваемые въ другихъ кодексахъ различными статьями: во-первыхъ, лишеніе правъ пріобрѣтенныхъ—должностей и соединенныхъ съ ними преимуществъ, титуловъ, орденовъ, отличій и т. д., и, во-вторыхъ, лишеніе правоспособности—правъ пріобрѣтать, выслуживать эти преимущества. Нѣмецкій переводчикъ итальянскаго уложенія, прокуроръ перваго ландгерихта въ Берлинѣ, докторъ Стефанъ перевелъ первый родъ лишеній „Verlust der Rechte“, а второй—„Verlust der Fähigkeit“, и привелъ эти два вида лишеній въ соотношеніе съ такими же видами, предусмотрѣнными въ § 34 и § 35 германскаго уложенія (Die Aberkennug d. bürgerlichen Ehrenrechte u. die Unfähigkeit zur Bekleidung öffentlicher Aemter).

Статья 100 итал. улож., согласно буквальному ея тексту, возвращаетъ и права пріобрѣтенныя (прекращаетъ die Untersagung) и право на выслугу всѣхъ этихъ преимуществъ (die Fähigkeit),—такъ что докторъ Стефанъ (ст. 19) заключаетъ, что реабилитація возстановляетъ даже утерянныя должности (разумѣется, лишь замѣщаемыя королемъ, а не по выбору).

Въ этомъ отношеніи институтъ реабилитаціи въ Италіи существенно отличается отъ такового же во Франціи, который возстановляетъ лишь второе, т. е. право на выслугу (прекращается incapacité), а не самыя утерянныя права.

Такой характеръ итальянской реабилитаціи объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что въ Италіи реабилитація—не вполнѣ

судебный институтъ, и окончательное дарованіе реабилитаціи зависитъ отъ усмотрѣнія короля. Вѣроятно, поэтому и въ итальянской статистикѣ судебной не всегда имѣется особая графа для реабилитаціи и обозначено иногда лишь число „grazia“ [1])—приблизительно около 3000 съ небольшимъ въ годъ (тутъ всѣ виды помилованія и смягченія участи). Число реабилитацій въ годъ сравнительно ничтожно, но въ общемъ изъ года въ годъ увеличивается: въ 1880 г. ихъ было 85, въ 1885 г.—144 и въ 1892 г.—288 [2]).

Порядокъ французскій, который, очевидно, какъ и весь французскій кодексъ уголовнаго судопроизводства, послужилъ, въ свое время, образцомъ для итальянскаго, преобразованъ въ 1885 г. и представляется въ слѣдующихъ чертахъ (ст. 619—634 Code instr. crim.),

Просьба подается прокурору республики, и въ ней указывается время осужденія и мѣста, въ которыхъ проситель жилъ со времени отбытія наказанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно циркуляру министра юстиціи отъ 17 марта 1853 г. [3]), просителемъ должны быть представлены квитанціи въ уплатѣ судебныхъ издержекъ и удовлетвореніи гражданскаго иска (въ предѣлахъ, выше указанныхъ).

Прокуроръ республики запрашиваетъ мэровъ тѣхъ общинъ, въ предѣлахъ которыхъ проситель жилъ: 1) о времени пребыванія просителя въ общинѣ, 2) о поведеніи его за это время и 3) о средствахъ существованія просителя за то же время; въ отвѣтахъ мэровъ должно быть упомянуто, что они даютъ отзывы, необходимые для разрѣшенія вопроса о реабилитаціи. Кромѣ того, прокуроръ республики запрашиваетъ мировыхъ судей тѣхъ кантоновъ и супрефектовъ тѣхъ округовъ, въ которыхъ проситель проживалъ, о его поведеніи.

Свидѣтельства мэровъ замѣняются для военныхъ аттестатами начальства, а для лицъ, занятія коихъ вызываютъ необходимость въ передвиженіяхъ,—свидѣтельствами о поведеніи отъ ихъ бывшихъ хозяевъ.

---

[1]) Annuario statistico italiano.

[2]) Statistica giudiziaria penale, 1892 ст. CCXXIII.

[3]) *Bregeault*, p. 130.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прокуроръ требуетъ копію приговора, въ силу коего проситель былъ лишенъ правъ и выпись изъ журнала управленія той тюрьмы, въ которой проситель отбывалъ наказаніе, содержащую въ себѣ свѣдѣнія о его поведеніи.

По полученіи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, прокуроръ республики представляетъ просьбу о реабилитаціи, вмѣстѣ со всѣми приложеніями и съ своимъ, по содержанію ходатайства, письменнымъ мотивированнымъ заключеніемъ генеральному прокурору.

Отъ генеральнаго прокурора всѣ эти документы поступаютъ въ судъ, въ округѣ котораго проживаетъ проситель; какъ прокуроръ, такъ и судъ могутъ потребовать дополненій.

Если дополненія не требуется, то черезъ два мѣсяца по поступленіи ходатайства въ судъ обвинительная камера постановляетъ рѣшеніе, по предварительномъ выслушаніи словесныхъ объясненій просителя, или его повѣреннаго и словеснаго заключенія прокурора.

Въ случаѣ отклоненія камерой ходатайства, проситель не можетъ возобновить такового раньше 2-хъ лѣтъ.

Если, наоборотъ, камера разрѣшила ходатайство въ благопріятномъ смыслѣ, то выдержка изъ ея опредѣленія препровождается въ тотъ судъ, который постановилъ приговоръ о проситель, лишившій его правъ, чтобы быть вписанной на страницы обвинительнаго приговора. Затѣмъ дѣлается отмѣтка въ справкахъ о судимости (casier judiciaire), послѣ чего справки о судимости, выдаваемыя сторонамъ, не упоминаютъ уже болѣе о той судимости просителя, за которую онъ былъ реабилитированъ.

Реабилитація прекращаетъ на будущее время всѣ ограниченія правъ—incapacités, которыя падали на просителя въ силу приговора. И французскіе юристы, руководствуясь словами закона „la réhabilitation efface la condamnation et fait cesser *pour l'avenir* toutes les incapacités, qui en resultent“ (ст. 634),—утверждаютъ, что она не возстановляетъ не только утерянныхъ должностей, но и чиновъ, орденовъ и пенсій; она лишь возвращаетъ право на выслугу всего этого въ будущемъ. Она вообще не возвращаетъ утерянныхъ, пріо-

брѣтенныхъ до судимости, правъ, и ея результаты могутъ быть сведены къ двумъ параграфамъ: къ смытію пятна судимости, выражающемуся въ соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ справокъ о судимости, вліяющихъ въ свою очередь и на разрѣшеніе вопроса о повтореніи преступленія, и затѣмъ къ прекращенію всѣхъ incapacités, крайне многообразныхъ, вытекающихъ изъ dégradation civique, а равно назначаемыхъ самостоятельно, не въ цѣломъ, составляющемъ dégradation civique, а въ отдѣльности — при peines corectionelles (наказаніяхъ исправительныхъ).

Какъ видно изъ предыдущаго, порядки реабилитаціи во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ особенности же въ Италіи и Франціи, имѣютъ много общаго. Тѣ же удостовѣренія о поведеніи, выдаваемыя муниципальными совѣтами и отзывы мировыхъ судей или преторовъ, а во Франціи и тюремнаго начальства; тѣ же заключенія прокурорскаго надзора о степени уважительности ходатайства; то же опредѣленіе обвинительной камеры, разрѣшающее ходатайство— во Франціи окончательно, а въ Италіи лишь въ смыслѣ представленія на усмотрѣніе короля; то же публичное объявленіе опредѣленія о реабилитаціи, какъ судебнаго приговора, и вписаніе его на страницы прежняго обвинительнаго приговора. Весь порядокъ представляетъ собой какъ бы повтореніе процесса: съ дознаніемъ и слѣдствіемъ, заключеніемъ прокурорскаго надзора и рѣшеніемъ обвинительной камеры, въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ—уплаты бывшимъ подсудимымъ своего долга государству и частнымъ лицамъ и нравственнаго его исправленія. Это—какъ бы новое опредѣленіе о непреданіи суду, о прекращеніи всякаго судебнаго преслѣдованія, причемъ это судебное опредѣленіе и даетъ, главнымъ образомъ, всему дѣлу реабилитаціи характеръ особаго правового института, а этотъ характеръ судебный и отличаетъ реабилитацію отъ другихъ видовъ помилованія и освобожденія отъ послѣдствій судимости.

И въ странахъ, гдѣ реабилитація не оформилась въ особый правовой институтъ, она все-таки существуетъ, какъ особый видъ проявленія милосердія главы государства, отличный отъ помилованія.

Въ Пруссіи, на основаніи королевскаго указа 30 декабря 1852 г. и циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ 18 іюня 1853 г., ходатайства о реабилитаціи представляются королю министромъ внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ сношеніи съ министромъ юстиціи [1]). Въ Испаніи реабилитація тоже даруется королемъ, хотя проситель долженъ исполнить условія, указанныя въ уставѣ угол. суд.

И въ Россіи, въ настоящее время, ходатайства о возстановленіи утраченныхъ по суду правъ разрѣшаются въ порядкѣ особыхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ министра юстиціи [2]).

Сама жизнь вызываетъ эти ходатайства. Дѣйствительно, сколько лицъ, лишенныхъ правъ, остается въ предѣлахъ Европейской Россіи и сколько возвращается туда же, изъ ссылки: исключенные изъ службы и отрѣшенные отъ должности въ порядкѣ п. 1 и 2 ст. 65 Улож., лишенные нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, отбывшіе арестантское отдѣленіе, или тюрьму, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лица, сосланныя на поселеніе въ Сибирь, имѣютъ право, въ силу всемилостивѣйшихъ манифестовъ возвратиться въ предѣлы Россіи по истеченіи 14 лѣтъ со дня водворенія. Наконецъ и сосланные на каторгу, по переводѣ ихъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, пользуются тѣми же льготами, причемъ, при условіи хорошаго поведенія, сроки перечисленія каторжныхъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, могутъ быть сокращены, по распоряженію мѣстнаго генералъ-губернатора, на $^1/_3$. Возвращеніе въ Россію не возстановляетъ, однако, утраченныхъ правъ,—лишеніе правъ безсрочно.

Такимъ образомъ, всѣ эти люди, выброшенные изъ среды общества, возвращаются въ него обратно. Нельзя упрекнуть наши уголовные законы въ излишней мягкости,—это движеніе назадъ, въ среду нормальнаго общества, замедлить нельзя и нѣтъ основаній. Эти лица возвращаются, чтобы жить такой же жизнью, какъ и всѣ другіе члены общества, зарабатывать себѣ средства къ существованію такимъ же

---

[1]) Strafgesetzbuch f. d. Königr. Italien, uebers. v. Dr. *Stepan*, 1890, S. 59.

[2]) Ст. 5 п. 5 и ст. 19 Правилъ о пор. принес. прош. на Высочайшее имя приносимыхъ, ст. 181 Учр. мин. (т. 1 Свод. зак., изд. 1892 г.).

путемъ, какъ и всѣ,—никакихъ облегченій для нихъ нѣтъ. Между тѣмъ, всѣ они лишены цѣлаго ряда правъ, т. е. въ сущности для нихъ закрыты многіе пути зарабатывать средства къ существованію — пути, открытые для другихъ членовъ общества и, можетъ быть, единственно знакомые лишеннымъ правъ (служба, спеціальныя занятія, профессіональныя и т. д.) Но и этого мало: въ сущности, они лишены гораздо большаго. Среди нормальной жизни Европейской Россіи эти лишенные правъ особенно рѣзко выдѣляются изъ общей среды, будучи лишены и того, со стороны общества, довѣрія, безъ котораго невозможно никакое занятіе. Существуетъ поэтому большая опасность, что непринятые обществомъ, лишенные возможности зарабатывать себѣ честнымъ путемъ средства къ существованію, они вернутся къ преступленію. Такимъ образомъ, представляется весьма важнымъ и полезнымъ, въ интересахъ не столько самихъ лишенныхъ правъ, сколько общества, вернуть имъ права, смыть ихъ судимость, признать ихъ вновь нормальными, мирными гражданами.

При выясненіи и разсмотрѣніи такихъ ходатайствъ въ министерствѣ юстиціи проявляется особая тщательность.

Прежде всего, требуются и за тѣмъ всесторонне разсматриваются подлинныя о просителяхъ дѣла, такимъ образомъ возстановляется вся физіономія преступленія и преступника. Ознакомленіе съ однимъ приговоромъ, въ которомъ—въ особенности, если онъ постановленъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей—не содержится изложенія обстоятельствъ дѣла, недостаточно, разумѣется, для этихъ цѣлей.

Сопоставленіе свѣдѣній, добытыхъ путемъ ознакомленія съ дѣломъ, со свѣдѣніями, доставленными мѣстной администраціей о поведеніи лишеннаго правъ, даетъ основаніе судить о томъ, исправился ли онъ отъ тѣхъ преступныхъ наклонностей, которыя проявлялъ прежде. Какъ часто при этомъ выясняется дѣйствительно полная перемѣна! Вотъ передъ нами проситель, лѣтъ 14 тому назадъ позволившій себѣ въ пьяномъ видѣ богохульствовать,—нынѣ онъ преподаетъ въ церковно-приходской школѣ, и уже было нѣсколько выпусковъ его учениковъ. Вотъ староста, растратившій когда-то общественныя деньги, затѣмъ воз-

вратившій обществу все растраченное сполна и, по отбытіи наказанія, посвятившій себя честному труду; на своемъ надѣльномъ участкѣ онъ поставилъ хозяйство на такую образцовую ногу, что оно служитъ примѣромъ всей округѣ и даетъ ему возможность получать награды на сельско-хозяйственныхъ выставкахъ. Вотъ молодой человѣкъ 23 лѣтъ, въ нетрезвомъ видѣ попытавшійся разыграть роль ревизора акцизнаго вѣдомства, съ цѣлью получить взятку съ торговцевъ, разъѣзжавшій въ надѣтомъ для этой цѣли дворянскомъ мундирѣ по лавкамъ, узнанный тотчасъ же, успѣвшій получить, въ видѣ взятки, въ одной лишь лавкѣ нѣсколько пачекъ табаку и осужденный за мошенничество; спустя двадцать лѣтъ онъ является мирно занимающимся сельскимъ хозяйствомъ въ имѣніи матери, изъ котораго никогда не выѣзжаетъ. Вотъ дьячекъ, похитившій изъ церковной кассы 7 рублей въ то время, когда у него не было даже хлѣба, чтобы накормить четырехъ малолѣтнихъ дѣтей; по отбытіи наказанія онъ многіе годы честно работалъ въ Сибири для доставленія средствъ тѣмъ же дѣтямъ. Всѣ эти лица отбыли назначенное имъ судомъ наказаніе. Прошло 15, 20, иногда и болѣе лѣтъ со времени совершенія ими преступленія. По отбытіи наказанія они боролись съ тяжелыми условіями жизни, созданными для лишенныхъ правъ и, какъ свидѣтельствуютъ мѣстные люди, въ теченіе долгихъ лѣтъ поведенія были хорошаго, не говоря уже о томъ, что за все это время, разумѣется, не судились. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ ихъ исправленіи, въ томъ,—что своевременно смыть съ нихъ пятно судимости. Многіе изъ нихъ, не лишенные правъ, наказанные лѣтъ 20 тому назадъ простымъ тюремнымъ заключеніемъ безъ лишенія правъ, и сами просятъ именно въ этихъ выраженіяхъ: „смыть съ нихъ пятно судимости“, освободить отъ послѣдствій судимости, какъ бы незначительны они ни были, возстановить окончательно ихъ нравственную личность, которую они уже возстановили своимъ поведеніемъ.

При благопріятныхъ условіяхъ, не выдѣляющееся изъ ряда обыкновенныхъ преступленіе, протеченіе продолжительнаго срока со времени совершенія преступленія, благопріятный отзывъ администраціи—такія ходатайства

признавались заслуживающими уваженія и составлялись всеподданнѣйшія записки о возстановленіи просителей въ прежнихъ чести и правахъ, какъ въ тѣхъ немногихъ сравнительно правахъ и преимуществахъ, которыя были поражены присужденіемъ къ простому заключенію въ тюрьмѣ безъ лишенія правъ, такъ и въ тѣхъ важныхъ правахъ, которыхъ лишаетъ судимость за серьезныя преступленія.

Какъ уже сказано выше, наше новое уложеніе предполагаетъ придать реабилитаціи характеръ правового института и все дѣло возстоновленія въ правахъ передать въ вѣдѣніе окружныхъ судовъ.

Для этого представляется нѣсколько основаній.

Прежде всего несомнѣнно, что необходимость избранія такого чрезвычайнаго пути, какъ обращеніе къ Верховной власти съ просьбой, значительно вліяетъ на численность подобныхъ ходатайствъ: ихъ дѣйствительно поступаетъ неизмѣримо меньше, чѣмъ ходатайствъ о помилованіи и и смягченіи участи. Оно и понятно: предметъ просьбъ послѣдняго рода—освобожденіе полное, или частичное, отъ законно назначеннаго и еще не отбытаго наказанія—таковъ, что требуетъ обращенія именно къ власти Верховной, стоящей выше закона и подзаконныхъ учрежденій. Наоборотъ, предметъ ходатайствъ о реабилитаціи настолько скроменъ, что, какъ справедливо замѣчаетъ комиссія по составленію уложенія, „случаи этого рода едва ли могутъ имѣть столь важное значеніе, чтобы каждый разъ восходить на непосредственное усмотрѣніе власти верховной“ [1]).

Далѣе, въ такое чисто судебное, скромное дѣло, какъ возстановленіе утраченныхъ правъ, несомнѣнно желательно ввести и общія, единообразныя для всѣхъ случаевъ, нормы. Наконецъ, важно приблизить это дѣло къ жизни путемъ передачи въ мѣстные окружные суды, обезпечивъ вмѣстѣ съ тѣмъ за нимъ такой передачей судебный порядокъ выясненія истины.

Но если имѣются вѣскія основанія для передачи всего дѣла реабилитаціи въ вѣдѣніе окружныхъ судовъ, въ особенности тѣхъ, въ округѣ которыхъ проситель проживаетъ,

---

[1]) Объясненія, стр. 242.

то, быть можетъ, было бы нежелательно, чтобы съ такой передачей съузился кругъ вліянія реабилитаціи, и она возстановляла бы только права, лишеніе коихъ предусмотрѣно ст. 30 уложенія. Намъ представлялось бы желательнымъ и возможнымъ сохраненіе нынѣшней, такъ сказать, компетенціи реабилитаціи.

Но мало указать на сохраненіе нынѣшней компетенціи реабилитаціи. Если дѣйствительно когда-либо „новое“ уголовное уложеніе задумаютъ вводить въ дѣйствіе, въ чемъ можно крайне сомнѣваться, въ виду его крайнихъ недочетовъ и отсталости,—весь отдѣлъ о лишеніи правъ придется передѣлать заново, согласовавъ съ новыми положеніями всѣ архаическія положенія разнообразныхъ нашихъ законовъ о такъ называемомъ нравственномъ цензѣ.

Надо отказаться отъ лишенія имущественныхъ и семейныхъ правъ и, по возможности, сократить, разнообразныя лишенія правъ, тѣмъ болѣе, что они основываются, вопреки всѣмъ новѣйшимъ законамъ объ уравненіи россійскихъ гражданъ въ правахъ, на началѣ сословномъ.

Всѣ остающіяся лишенія правъ должны подлежать безъ исключенія реабилитаціи, причемъ, конечно, подъ понятіе правъ не должно подводить утерянныхъ должностей, чиновъ, орденовъ и т. п., которые не являются правами, а результатами пользованія правами.

Далѣе, представлялось бы не менѣе желательнымъ сохраненіе нынѣшней практики, при которой удовлетворяются ходатайства и лицъ не лишенныхъ правъ, просящихъ, чтобы „смыли съ нихъ пятно судимости“, признали бы оффиціально, что ихъ преступное прошлое забыто, хотя бы практически это выражалось лишь въ исключеніи изъ справокъ о судимости записи о просителѣ. Нельзя отрицать, что такія ходатайства вполнѣ законны, и что позорное нравственное клеймо, наложенное на преступника въ свое время судебной властью и переживающее въ общественномъ мнѣніи всякія давности, наиболѣе успѣшно можетъ быть снято той же судебной властью—и именно путемъ реабилитаціи. Мы не предлагаемъ, разумѣется, распространять дѣйствіе реабилитаціи на низшія изъ перечисленныхъ въ уложеніи наказаній—арестъ и денежное взысканіе—какъ не позорящія.

Въ то же время мы считали бы полезнымъ, въ видахъ возвращенія полной возможности зарабатывать своимъ трудомъ средства существованія, распространеніе реабилитаціи и на потерю права на профессіональное занятіе—тѣмъ ремесломъ, торговлей и т. д., которыми проситель занимался до судимости—потерю, предусмотрѣнную въ ст. 22 и 28 уложенія. Нельзя отрицать, что и при сохраненіи всѣхъ общегражданскихъ правъ, лицо лишенное судомъ возможности зарабатывать себѣ средства существованія единственно знакомымъ ему родомъ труда, будетъ часто поставлено въ почти полную невозможность жить честнымъ трудомъ, и что сокращеніе путемъ реабилитаціи срока лишенія права на профессіональное занятіе, при условіи, разумѣется, представленія, какъ и въ другихъ случаяхъ реабилитаціи, доказательствъ нравственнаго исправленія, желательно.

Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть сомнѣній, что при правильной постановкѣ институтъ реабилитаціи, хотя и возникшій давно и лишь заново передѣланный, служитъ всѣмъ тѣмъ цѣлямъ, которымъ служатъ и другія новыя мѣры борьбы съ преступностью. Онъ не только внѣшне возстановляетъ лицо, осужденное и отбывшее наказаніе, въ его правахъ,—онъ возрождаетъ его нравственно, такъ какъ возстановленіемъ въ правахъ онъ обязанъ исключительно себѣ, своему поведенію (при постановкѣ въ качествѣ чисто судебнаго института); онъ высоко поднимаетъ въ глазахъ осужденнаго понятіе чести, собственнаго достоинства и ободряетъ и поощряетъ его обѣщаніемъ полнаго забвенія всего прошедшаго, полнымъ уравненіемъ въ правахъ и уваженіи со свѣми другими членами общества.

Мѣры борьбы съ дѣтскою преступностью.

Принудительное воспитаніе.

Если въ отношеніи взрослыхъ мы можемъ лишь говорить о переломѣ, о переходѣ отъ одной системы къ другой, еще далеко не закончившемся, то въ отношеніи малолѣтнихъ этотъ переворотъ завершился почти во всѣхъ культурныхъ странахъ и можно говорить только объ обломкахъ прежней системы. Дѣло борьбы съ преступностью малолѣтнихъ слишкомъ, такъ сказать, жгучее дѣло, не терпящее отлагательствъ. Преступность малолѣтнихъ конечно въ еще большей степени, чѣмъ преступность взрослыхъ,—явленіе патологическое, болѣзненное, недопустимое. Вѣдь еще Христосъ запретилъ ученикамъ не допускать къ нему дѣтей, ибо имъ, дѣтямъ, принадлежитъ Царствіе Божіе. И вотъ этотъ возрастъ, которому, такъ сказать, по природѣ вещей присуща невинность, не избавленъ отъ преступленій. Мало того—преступность дѣтская за послѣднія 50 лѣтъ увеличивается въ ужасающихъ размѣрахъ. Это увеличеніе идетъ быстрѣе не только прироста дѣтскаго населенія и всего, вообще, населенія, но даже неизмѣримо скорѣе одновременно происходящаго увеличенія преступности взрослыхъ. Такое явленіе явилось тѣмъ оселкомъ, на которомъ ярче всего проявлялась полная негодность современной репрессивной системы борьбы съ преступностью. Здѣсь произошелъ пожаръ, который надо было немедленно тушить. Пришлось забыть о традиціяхъ, стать на новыя начала, и эти новыя начала—все тѣ же превенція и опека, осуществляемыя обществомъ. Здѣсь, на этомъ передовомъ дѣтскомъ дѣлѣ—мы можемъ

съ увѣренностью констатировать то направленіе, въ которомъ происходитъ переворотъ въ борьбѣ съ преступностью. И первое рѣшительное и многознаменательное измѣненіе, которое произведено въ этомъ дѣлѣ,—то, что признали необходимымъ отнестись къ преступности дѣтей не формально, а выяснивъ факторы этой преступности, вести борьбу прямо и непосредственно съ факторами и соотвѣтственными средствами.

Конечно, это—громадный шагъ. Но самые размѣры увеличенія дѣтской преступности и, притомъ, именно въ послѣднія 75 лѣтъ истекшаго 19 столѣтія—время пышнаго развитія индустріализма съ его фабричной организаціей—натолкнули всѣхъ людей жизни, которымъ приходилось имѣть дѣло съ юными преступниками, на выясненіе и установленіе причины, фактора дѣтской преступности. Я много цифровыхъ данныхъ о дѣтской преступности приводилъ уже въ главѣ о ростѣ преступности, но я не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь цифръ, приводимыхъ Joly въ одномъ изъ новѣйшихъ его сочиненій „L'enfance coupable", вышедшемъ въ 1904 г. (стр. 5). Сравнивая увеличеніе преступности дѣтской съ такимъ же увеличеніемъ преступности взрослыхъ за время съ 1826 по 1889 г. во Франціи, онъ говоритъ: тогда какъ вообще вся преступность увеличилась на 133%, преступность дѣтей въ возрастѣ до 16 л. увеличилась на 140% и въ возрастѣ отъ 16 до 21 на 247%. Это—личные подсчеты отдѣльнаго ученаго. Но къ австрійскому законопроекту объ уголовной отвѣтственности малолѣтнихъ (1907) присоединены оффиціальныя статистическія данныя, которыя удостовѣряютъ, что въ 1881 г. на 100 осужденныхъ приходилось 17 малолѣтнихъ, а въ 1904 г. — 23. Въ Германіи въ 1882 г. было осуждено 30698 малолѣтнихъ, а въ 1905 — 51232, т. е. въ то время какъ преступность взрослыхъ увеличилась на 15%, преступность малолѣтнихъ увеличилась на 24%. Цифры ужасающія; невольно пришлось ихъ привести въ связь съ переворотомъ, происшедшимъ въ экономическомъ строѣ, такъ какъ ближайшее наблюденіе привело изслѣдователей во всѣхъ культурныхъ странахъ къ убѣжденію, что строй фабрично-капиталистическаго производства, вырывая семьи изъ деревень, лишая ихъ постояннаго мѣста жительства, благодаря

переходу съ фабрики на фабрику, лишая ихъ возможности имѣть сколько-нибудь человѣческое жилье благодаря дороговизнѣ помѣщеній вблизи фабрикъ, отрывая отъ семьи на работу и отца и мать одновременно,—привелъ къ разрушенію семьи, къ заброшенности дѣтей. На этомъ результатѣ сходятся всѣ.

Такъ американецъ Hall въ статьѣ, посвященной положенію юношества среди бѣднаго современнаго населенія [1]), опредѣляетъ это положеніе какъ окруженное полнымъ небреженіемъ. Входя въ объясненіе этого положенія заброшенности, извѣстный проф. Гендерсонъ [2]) отмѣчаетъ, что въ настоящее время выяснено съ полною очевидностью, что семья болѣе не связана съ однимъ опредѣленнымъ мѣстомъ жительства, какъ прежде, и что многообразныя причины, вынуждающія и оправдывающія передвиженіе, привели людей къ тому, что они уклоняются отъ отвѣтственности за положеніе семьи. Въ томъ же сборникѣ Амосъ Бутлеръ [3]) сообщаетъ, что при разслѣдованіи семейнаго положенія дѣтей, помѣщенныхъ въ реформаторіи, обнаружилось, что у 45% общаго числа ихъ первопричиною заброшеннаго положенія является пьянство родителей.

Во Франціи впервые былъ внесенъ законопроектъ о покровительствѣ дѣтямъ Русселемъ, Беранже и Симономъ именно потому, что выяснилось, что дѣтей заброшенныхъ во Франціи насчитывается не менѣе 100.000, и изъ нихъ около 20.000 пополняетъ постоянно составъ преступной арміи [4]). По произведенному Savouré Bonville разслѣдованію, въ одномъ департаментѣ Eure установлена наличность не менѣе 800 заброшенныхъ дѣтей, при чемъ обнаружились самыя безобразныя дѣянія родителей. Французская Assistance Publique, которая главнымъ образомъ печется о заброшенныхъ дѣтяхъ, отмѣчаетъ въ ихъ составѣ больше всего незаконныхъ дѣтей, сиротъ, подкидышей, дѣтей, ко-

---

[1]) Proceedings of the National conference of Charities and Correction, 1904, p 360.

[2]) Ibid., p. 361.

[3]) Ibid., p. 249.

[4]) „Revue penit.“, 1881, p. 311.

торыхъ родители бросили совсѣмъ, или о которыхъ они совсѣмъ не заботятся. Французы опредѣляютъ понятіе заброшенности, какъ положеніе такихъ дѣтей, родители которыхъ по причинамъ, зависящимъ отъ ихъ воли или независящимъ, оставляютъ своихъ дѣтей въ состояніи привычнаго нищенства, бродяжества или проституціи.

Но именно важно установить тѣсную неразрывную связь этой заброшенности съ дѣтской преступностью. На этой связи особенно настаиваетъ тотъ же проф. Гендерсонъ [1]), утверждающій, что классификація на заброшенныхъ и преступныхъ—не болѣе какъ категоріи нашего мышленія, „secondary formations"; такія категоріи можно устанавливать развѣ въ цѣляхъ практическаго разслѣдованія, а въ дѣйствительности все та же группа поставляетъ и заброшенныхъ и преступныхъ. Помимо общихъ тяжелыхъ условій борьбы за существованіе, неблагопріятныхъ условій вообще—экономическихъ и спеціально-жилищныхъ, присоединяется еще „spiritual environment", та нравственная обстановка,—среди которой дѣтямъ приходится жить и расти. Часто,—говоритъ Гендерсонъ,—одна семья причиняетъ вредъ всему обществу своими физически истощенными и плохо воспитанными дѣтьми, которыя пополняютъ ряды заброшенныхъ и преступныхъ.

Слѣдуетъ остановиться ближе на понятіи заброшенности и связи этого явленія съ преступностью. Установленіе этого явленія, нынѣ общепризнаннаго во всѣхъ странахъ, есть несомнѣнно громадный шагъ. Въ самомъ дѣлѣ—это не что иное, какъ признаніе, что преступность есть соціальное явленіе и главнымъ образомъ почти исключительно вызывается соціальными факторами. Здѣсь наиболѣе ясно проявляется причинная и неразрывная связь между современнымъ соціальнымъ и индустріальнымъ строемъ и преступностью. Этотъ строй неумолимо ведетъ къ разрушенію семьи, какъ здоровой экономической, соціальной и нравственной клѣточки. Разрушеніе же этой клѣточки ведетъ столь же неминуемо

---

[1]) Ch. Rich. *Henderson*. Introduction to the study of the dependent, defective and delinquent classes and of their social treatment. 1904. Segond edition. Boston, p. 8.

къ тому, что она не исполняетъ своихъ функцій въ отношеніи подрастающаго поколѣнія; дѣти остаются безъ помощи и надзора и впадаютъ въ состояніе заброшенности, при которомъ совершеніе преступленія—не болѣе какъ эпизодъ, отдѣльное явленіе, не выходящее изъ общаго строя жизни. Но это понятіе заброшенности—не то же ли это самое, что мы выше выставили въ видѣ понятія деклассаціи, утери человѣческихъ, достойныхъ человѣка, условій существованія, сопровождающихся потерею общественной чести и чувства собственнаго достоинства, причемъ и вызывается это явленіе, главнымъ образомъ, отсутствіемъ своевременной поддержки и надзора. Такимъ образомъ, здѣсь, на дѣтской преступности, ярко и несомнѣнно выяснилась самая природа преступленія, какъ соціальнаго явленія, и пришлось конечно признать, что, въ виду тѣсной и неразрывной связи преступности съ заброшенностью, надо, не раздѣляя этихъ явленій, бороться съ этими обоими явленіями и бороться одними и тѣми же средствами. Пришлось совсѣмъ забыть о теоретическомъ понятіи преступленія, какъ продуктѣ злой воли, пришлось признать его за жизненное патологическое явленіе и бороться съ этимъ ненормальнымъ или, во всякомъ случаѣ, болѣзненнымъ, нежелательнымъ явленіемъ, какъ борются съ другими такими же ненормальными соціальными явленіями, т. е.—стараться по возможности устранять тѣ причины, которыя вызываютъ эти нежелательныя явленія, бороться прямо и непосредственно съ факторами этихъ явленій и бороться соотвѣтственными цѣлесообразными средствами. А какое же начало можетъ быть положено въ основу такой системы средствъ? конечно,—ни что иное, какъ выполненіе того, что природа, въ данномъ случаѣ соціальная природа, сама по себѣ не даетъ, т. е. своевременная поддержка и надзоръ. Восполнять надо было недостатокъ опеки семейной. Кому же выпала эта обязанность, какъ не обществу и общественнымъ союзамъ, какъ представляющимъ изъ себя расширенную на общественныхъ началахъ семью? Такимъ образомъ, былъ сдѣланъ и еще одинъ шагъ: не только установлено новое пониманіе преступленія, но совершенъ былъ полный отказъ отъ репрессіи, и если съ заброшенностью взрослыхъ борется только одно

общество и даже, главнымъ образомъ, только общефилантропическія учрежденія, то здѣсь, въ передовомъ „дѣтскомъ дѣлѣ“, уже само государство признало необходимымъ вступить въ борьбу съ заброшенностью.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ переворотъ, происшедшій уже въ дѣлѣ борьбы съ дѣтскою преступностью. Прежде чѣмъ остановиться подробно на вопросѣ, въ чемъ же именно и какъ проявляется дѣятельность общества въ этой борьбѣ, необходимо остановиться хотя бы кратко на условіяхъ, въ какія поставлена эта борьба дѣйствующимъ законодательствомъ, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ указать послѣдовательный рядъ измѣненій, происшедшихъ въ законодательствѣ культурныхъ странъ.

Тѣ легальныя условія, въ которыхъ нынѣ происходитъ борьба на этомъ полѣ, весьма недавняго происхожденія. Конечно, первая мысль о томъ, что къ дѣтямъ нельзя же въ полной мѣрѣ примѣнять всѣхъ тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, которыя примѣняются къ взрослымъ, зародилась давно,—уже въ началѣ XVIII в. мы встрѣчаемся съ „дѣтскою“ тюрьмою св. Михаила въ Римѣ. Конечно, если уже въ XVI столѣтіи съ одной стороны экономическія соображенія, а съ другой стороны смягченіе нравовъ вызвали среди культурныхъ народовъ желаніе образовывать всевозможные Spinnhäuser, Zuchthaüser и т. п., то, конечно, и въ отношеніи дѣтей эта „жалость“ проявлялась сильнѣе. Наконецъ, когда подъ вліяніемъ гуманистовъ и, вообще, большаго просвѣтленія умовъ, стали различать здравыхъ умомъ отъ психически нездоровыхъ и признали, наконецъ, что карать сумасшедшихъ такъ же безсмысленно, какъ карать пѣтуховъ и другихъ животныхъ, которыхъ „карали“ въ средніе вѣка, когда, однимъ словомъ, возникло и зародилось понятіе вмѣняемости и невмѣняемости, тогда, естественно логически пришлось остановиться на вопросѣ о вмѣняемости дѣтей за совершенныя ими дѣянія и признать, что, конечно, одинаковое вмѣненіе невозможно. По иниціативѣ Assemblée constituante въ 1791 г., а за тѣмъ французскаго Code pénal, было создано понятіе о discernement—разумѣніи, и были введены соотвѣтственныя различія въ систему мѣръ репрессивныхъ.

Это новое понятіе—конечно, болѣе чѣмъ неудачное—успѣло просуществовать и до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ кодексахъ, послѣдовавшихъ примѣру французскаго законодательства, оставшагося неизмѣннымъ съ 1810 г. Такъ, въ Германскомъ уголовномъ кодексѣ 1870 г. и послѣ измѣненій, произведенныхъ въ 1876 г. и 1900 г., осталась ст. 56, въ которой говорится, что если малолѣтній въ возрастѣ 12—18 л., совершившій преступное дѣяніе, будетъ признанъ судомъ дѣйствовавшимъ безъ той вдумчивости, зрѣлости мышленія, которыя необходимы для признанія совершившаго преступное дѣяніе вмѣняемымъ, то онъ подлежитъ оправданію, причемъ въ приговорѣ судъ долженъ указать, какъ въ дальнѣйшемъ поступить съ такимъ оправданнымъ—помѣстить ли его въ семью или въ исправительно-воспитательное заведеніе. Трудно сказать, которое изъ требованій закона болѣе неудовлетворительно—французскаго или германскаго. Принципіально, пожалуй, германскій законъ болѣе правъ, находя, что для вмѣненія вообще необходима зрѣлость мышленія, т. е. въ сущности и зрѣлость воли; конечно, недостаточно требованіе французскаго закона о возможности различенія преступнаго отъ непреступнаго. Но германское опредѣленіе дѣтской вмѣняемости еще ярче, такъ сказать, выясняетъ всю несостоятельность предъявленія подобныхъ требованій къ дѣтямъ. Въ самомъ дѣлѣ—возможно ли довольствоваться тѣмъ, что ребенокъ дошелъ до той степени развитія, когда уже начинаютъ различать добро отъ зла, преступное отъ непреступнаго? можно ли не считаться съ тѣмъ, что характеръ у человѣка еще не сложился, что онъ проходитъ еще черезъ влеченія естественныя, сильныя, чисто физическія, къ передвиженіямъ и даже бродяжеству въ раннемъ дѣтствѣ, проходитъ далѣе, позднѣе, черезъ періодъ полового созрѣванія, вызывающій часто и даже большею частью рядъ отклоненій отъ нормальнаго поведенія, наталкивающій нѣкоторыхъ даже на зажигательство? Но уже эта постановка вопроса о дѣтской преступности указываетъ ясно на основаніе, въ силу котораго преступныхъ дѣтей помѣщали въ воспитательныя заведенія. Ихъ признавали прежде всего невмѣняемыми въ той же мѣрѣ, какъ и сумасшедшихъ, но такъ

какъ здѣсь у дѣтей этотъ видъ ненормальности, обусловливавшейся *исключительно*, по мнѣнію законодателя, *возрастомъ*, представлялся преходящимъ, то этихъ дѣтей подвергали тѣмъ мѣрамъ воздѣйствія, которымъ вообще слѣдуетъ подвергать дѣтей, т. е. образованію и воспитанію. Я повторяю: основаніе для всѣхъ этихъ мѣръ было чисто теоретическое—понятіе о *человѣкѣ* вообще, внѣ вліянія условій соціальныхъ, среды и т. д.; здѣсь принималось во вниманіе только вліяніе возраста, какъ принималось во вниманіе вліяніе старческой дряхлости.

И здѣсь мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же, съ чѣмъ встрѣтились уже выше въ отдѣлѣ объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Помѣщеніе преступныхъ дѣтей, въ случаѣ признанія ихъ невмѣняемыми, въ воспитательно-исправительныя колоніи признано было необходимымъ *дополненіемъ* новой пенитенціарной системы,—это было удовлетвореніе просвѣщенныхъ гуманныхъ взглядовъ. Въ качествѣ такого „дополненія", вопросъ не сходилъ съ очереди на всѣхъ международныхъ тюремныхъ конгрессахъ, начиная даже съ перваго франкфуртскаго, какъ я у́же упоминалъ выше, который коснулся вопроса объ особыхъ учрежденіяхъ для дѣтей, какъ дополненія новой пенитенціарной системы, необходимаго въ такой же мѣрѣ, какъ и патронатъ для освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія. Уже на Стокгольмскомъ конгрессѣ 1878 г. проявилось сознаніе—хотя и не вполнѣ ясное—о томъ, въ чемъ именно причина дѣтской преступности, гдѣ факторъ этой преступности.

Такъ, уже здѣсь было высказано убѣжденіе, что дѣленіе дѣтей до 16 л. на дѣйствовавшихъ съ разумѣніемъ и на дѣйствовавшихъ безъ разумѣнія не покоится на сколько нибудь серьезномъ основаніи, и вопросъ о разумѣніи разрѣшается судьями совершенно произвольно [1]). Такъ, уже здѣсь было замѣчено, что ребенокъ, задержанный за нищенство, бродяжество, часто гораздо болѣе развращенъ, чѣмъ совершившій преступленіе. Правда, такой выдающійся въ области пенологіи дѣятель, какъ Шарль Люка, вовсе не

---

[1]) La science penitentiaire au Congrès de Stockholm par Desportes et Lefebure. Paris. 1880, p. 273.

могъ усвоить этихъ новыхъ идей и горячо доказывалъ, что дѣти, которыя совершили преступленіе, безразлично—съ разумѣніемъ или безъ, подлежатъ репрессіи и должны быть строго отдѣлены отъ просто порочныхъ дѣтей [1]).

Но авторы труда о Стокгольмскомъ конгрессѣ отмѣчаютъ, что одна мысль занимала всѣхъ участниковъ конгресса [2]) —а именно, что для того, чтобы сдѣлать превентивное воспитаніе (l'education préventive) достигающимъ цѣли, надо прежде всего возвратить, возстановить, хотя бы искуственно, такимъ воспитанникамъ то, чего именно большинству изъ нихъ не доставало и отсутствіе чего именно и повело ихъ на путь преступленія,—возвратить семью, семейный кровъ.

Уже самое упоминаніе въ вопросѣ, подлежавшемъ разрѣшенію конгресса, рядомъ съ дѣтьми преступными дѣтей нищенствующихъ, бродяжничающихъ и просто порочныхъ, указывало на то, что дѣйствительный предметъ борьбы представляется въ надлежащемъ, не съуженномъ, благодаря теоретическимъ соображеніемъ, объемѣ. Резолюція конгресса [3]) имѣетъ въ виду дѣтей, дѣйствовавшихъ безъ разумѣнія, бродяжничающихъ, нищенствующихъ и порочныхъ и, объединяя ихъ въ общемъ отвѣтѣ, предлагаетъ для всей этой категоріи лицъ воодушевляться не столько идеями наказанія, сколько воспитанія.

Конгрессъ Римскій 1885 г. находилъ уже, что судьѣ долженъ быть предоставленъ просторъ въ выборѣ мѣръ въ отношеніи дѣтей, хотя бы и признанныхъ виновными и дѣйствовавшими съ разумѣніемъ. Слѣдующій Петербургскій конгрессъ уже полагалъ, что самая постановка вопроса о разумѣніи до 16 лѣтъ не имѣетъ сколько-нибудь серьезнаго основанія, и до 16 лѣтъ, по крайней мѣрѣ, не должно быть уголовной отвѣтственности вовсе. Такъ постепенно, по частямъ, разбиралась стройная, повидимому, система борьбы съ дѣтскою преступностью, основанная исключительно на теоретическомъ, отвлеченномъ понятіи „человѣка въ дѣт-

---

[1]) Ibid., p. 271.
[2]) Ibid, p. 281.
[3]) Ibid., p. 299.

скомъ возрастѣ", взятаго внѣ пространства, времени, экономическихъ и соціальныхъ условій, среды, семьи.

Но уже первый конгрессъ патроната въ Антверпенѣ въ 1890 г. поставилъ себѣ въ первой секціи первыми два вопроса, въ которыхъ говорилось уже о нравственно покинутыхъ дѣтяхъ и необходимости *попеченія* надъ ними общества.

Подъ названіемъ нравственно покинутыхъ дѣтей конгрессъ подразумѣвалъ такихъ дѣтей, которыя предоставлены самимъ себѣ и лишены воспитанія—безразлично, произошло ли это по винѣ родителей или по независящимъ отъ родителей причинамъ. Предлагая различныя мѣры для воспитанія такихъ дѣтей и замѣны имъ семейнаго крова, конгрессъ вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣчая на 3-й вопросъ, призналъ, что власти надъ дѣтьми должны быть лишены не только родители, осужденные за преступныя дѣянія, совершенныя противъ дѣтей, но и такіе, которые извѣстны своимъ порочнымъ поведеніемъ, пьянствомъ, дурнымъ обращеніемъ съ дѣтьми или злоупотребленіемъ своей властью надъ ними.

Въ трудахъ Парижскаго конгресса 1895 г. мы встрѣчаемся съ прекрасными докладами Д. А. Дриля и французскаго адвоката Louis Fuld [1]). Здѣсь говорится уже о правѣ и обязанности государства на опеку надъ заброшенными дѣтьми, объ особыхъ судахъ опекунскихъ, носящихъ характеръ административнаго учрежденія и разрѣшающихъ вопросъ о назначеніи опеки надъ дѣтьми, о томъ политико-административномъ направленіи современнаго законодательства, которое уже больше не боится въ интересахъ общихъ ограничивать родительскую власть, когда послѣдняя не исполняетъ своихъ общественныхъ функцій.

Но переворотъ въ дѣлѣ борьбы съ дѣтскою преступностью, который отразился въ только-что приведенныхъ резолюціяхъ конгрессовъ, фактически—въ жизни и, отчасти, и въ законодательствѣ отдѣльныхъ странъ—совершился гораздо раньше. Жизнь, а за нею законодательство, вынуждены были признать, въ виду колоссальной вспышки дѣтской преступности, о которой я говорилъ выше, что считаться и бороться надо не съ однѣми только неизбѣжными „сла-

[1]) Bulletin. Quatr. livraison. Mai. 1895, p. 381 et 487.

бостями“ дѣтскаго возраста, не съ однѣми общечеловѣческими вѣчными страстями, изображенію которыхъ посвятилъ свой геній Шекспиръ, а съ тѣми соціальными и экономическими условіями, въ которыхъ дѣти растутъ. Прежде всего надо считаться съ главнымъ факторомъ дѣтской преступности — разрушеніемъ семьи, и борьба должна состоять въ томъ, что государство, это parens patriae, замѣняетъ собою родительскую власть, и дѣтямъ искусственно, благодаря содѣйствію обществъ и союзовъ, замѣняется родительскій кровъ опекою общества. При этомъ дѣти преступныя и заброшенныя въ одинаковой мѣрѣ привлекаютъ вниманіе законодателя и общества. Пути, по которымъ развивалось законодательство въ этомъ направленіи въ разныхъ странахъ, были не совсѣмъ одинаковы, хотя и весьма аналогичны. Я разсмотрю, съ одной стороны, законодательства германское (отдѣльныхъ государствъ и общеимперское) и французское и, съ другой стороны, законодательства англійское и сѣверо-американскихъ штатовъ. Особенность первой группы законодательствъ—германскаго и французскаго—сосредоточеніе особеннаго вниманія на формальной сторонѣ дѣла, подробная формулировка въ смыслѣ гражданскаго права опеки и установленіе торжественнаго—даже, можетъ быть, слишкомъ торжественнаго—лишенія родителей ихъ родительской власти.

Останавливаясь сначала на германскомъ правѣ, я долженъ отмѣтить, скорѣе въ видѣ исторической справки, что идея о правѣ государства вмѣшиваться въ воспитаніе дѣтей, когда родители оставляютъ своихъ дѣтей на произволъ судьбы, проявляется, хотя скорѣе въ видѣ проблеска, давно уже. Такъ въ Вюртембергскомъ уставѣ о призрѣніи нищихъ 1478 г. было указано: отнимать отъ нищихъ ихъ дѣтей старше 8 лѣтъ и помѣщать ихъ въ услуженіе въ городѣ или въ деревнѣ. То же самое повторялось и въ рядѣ послѣдующихъ законодательныхъ актовъ [1]). Въ болѣе близкое къ намъ время въ Allgemeines Landrecht für die preussische

---

[1]) Dr. *Henrich Reicher*. Die Fürsorge für die verwahrlose Iugend. Erster Theil. Erste Abtheilung, S. 15.

Staaten, введенномъ въ дѣйствіе 1 іюля 1794 г. [1]), мы встрѣчаемся съ §§ 90 и 91 (II, 2), въ которыхъ указано было, что если родители истязаютъ своихъ дѣтей (grausam misshandeln—въ виду обширныхъ предѣловъ дозволенной строгости родительской власти, мѣры исправленія по понятіямъ того времени очевидно не что иное, какъ истязаніе), или подстрекаютъ ихъ къ безнравственнымъ поступкамъ, или отказываютъ имъ въ необходимомъ содержаніи, то опекунскій судъ, по собственной иниціативѣ, долженъ озаботиться судьбой этихъ дѣтей. По разслѣдованіи обстоятельствъ, отъ родителей можетъ быть отнято право воспитанія дѣтей, и это воспитаніе, на счетъ средствъ родителей, поручено другимъ, заслуживающимъ довѣрія лицамъ. Нечего и говорить, что при такой постановкѣ финансовой стороны дѣла, какъ справедливо замѣчаетъ Ашроттъ [2]), законъ остался мертвою буквою, безъ всякаго примѣненія.

Толчокъ въ этомъ дѣлѣ былъ данъ много позднѣе—а именно германскимъ уголовнымъ уложеніемъ 1871 г. Установляя полную невмѣняемость и безотвѣтственность для возраста до 12 лѣтъ, германское уголовное уложеніе (2 ч. ст. 55, не измѣненная въ существѣ, и въ редакціи закона 1 января 1900 г.) постановляетъ, что противъ дѣтей въ возрастѣ до 12 лѣтъ не возбуждается уголовное преслѣдованіе, но по постановленію опекунскаго суда, въ согласіи съ мѣстными законами отдѣльныхъ государствъ, по надлежащемъ установленіи вины, ребенокъ можетъ быть помѣщенъ въ соотвѣтственное воспитательное или исправительное заведеніе.

Такое указаніе общеимперскаго закона вызвало необходимость для мѣстныхъ законодательныхъ учрежденій нормировать это принудительное воспитаніе. И дѣйствительно, начиная съ 1873 г. [3]), послѣдовалъ рядъ мѣстныхъ зако-

---

[1]) Исторія происхожденія этого закона изложена у Hermann Schulze, Das preussische Staatsrecht. 1870, I Band, S. 74.

[2]) Dr. P. Aschrott, Gesetz über die Fürsorgeerziehung der Minderjähriger, vom 2 Iuli 1900. Berlin, 1901, S. 18.

[3]) Сравни Ludwig Schmitz. Die Fürsorgeerziehung der Minderjähriger. 1901, S. 81.

новъ, въ развитіе общеимперскаго закона. Строго придержалось рамокъ, указанныхъ въ законѣ общеимперскомъ, прусское законодательство. Оно ограничилось въ законѣ 13 марта 1878 г. (Preuss. Gesetzessammlung, 1878 г., S. 132), исключительно нормировкой опеки надъ дѣтьми въ возрастѣ 6—12 л., совершившими преступныя дѣянія, хотя самъ законъ и называется закономъ о попеченіи надъ заброшенными дѣтьми. Въ Пруссія, какъ видно уже изъ приведенныхъ выше постановленій земскихъ законовъ прусскихъ, уже въ концѣ 18 стол. существовалъ опекунскій судъ. Опекунскимъ же уставомъ прусскимъ 5 іюля 1875 г. [1]) было вновь нормировано положеніе объ опекунскомъ судѣ и таковыми были признаны участковые судьи, нынѣ Amtsrichter — единоличные судьи. Закономъ 1878 г. вмѣнялось въ обязанность прокурорскому надзору (§ 3) сообщать опекунскому суду о совершенныхъ дѣтьми въ возрастѣ отъ 6—12 л. преступныхъ дѣяніяхъ; опекунскій судъ долженъ выслушать родителей, близкихъ ребенка, представителей общиннаго управленія и сообщаетъ свое постановленіе общинному союзу (Kommunalverband), который долженъ позаботиться о помѣщеніи ребенка въ постороннюю семью или въ воспитательное заведеніе. Расходы по содержанію падаютъ въ половинномъ размѣрѣ на государственную и на общинную кассу. Таковы рамки, указанныя прусскимъ закономъ. Онъ ограничился исключительно дѣтьми, совершившими преступныя дѣянія. Иначе посмотрѣли на дѣло законодательныя учрежденія другихъ германскихъ государствъ. Особенно широко взглянулъ на вопросъ Баденскій законъ 4 мая 1886 г. Составители этого закона совершенно справедливо разсуждали [2]), что въ концѣ концовъ такое ожиданіе, чтобы ребенокъ совершилъ преступленіе, поведетъ къ тому, что особенно безнравственные родители будутъ побуждать дѣтей совершать преступленія, чтобы избавиться отъ нихъ. Поэтому Баденскій законъ въ § 1 предусматривалъ два вида заброшенности дѣтей, которые потомъ

[1]) Ср. подробнѣе Проектъ учрежденія опекунскихъ установленій съ объясненіями. Изд. Госуд. типографіи, 1897, стр. 46.

[2]) Ср. Reicher, loc. cit., S. 29.

стали называться субъективной и объективной заброшенностью; разумѣется, это — далеко не точное названіе, а дѣло, собственно, идетъ, во-первыхъ, о заброшенности дѣтей, которая происходитъ по винѣ родителей, вслѣдствіе ли того, что они злоупотребляютъ своими воспитательными правами, или потому, что они совершенно пренебрегаютъ своими воспитательными обязанностями, или же, во-вторыхъ, о заброшенности дѣтей, которая происходитъ въ сущности безъ вины родителей, а просто или вслѣдствіе ихъ неспособности воспитывать или невозможности воспитывать, причемъ заброшенность достигаетъ такой степени, что принудительное воспитаніе является необходимымъ средствомъ для предупрежденія полнаго нравственнаго паденія ребенка. Здѣсь впервые рядомъ съ преступными дѣтьми поставлены, какъ равно опасныя и равно нуждающіяся въ опекѣ, дѣти заброшенныя, и для нихъ въ равной степени указана необходимость опеки. Эта болѣе широкая постановка объ опекѣ, выходившая за рамки имперскаго закона 1871 г., вскорѣ, однако, оказалась болѣе правильной и отвѣчающей обстоятельствамъ и потребностямъ времени. Въ необходимости болѣе широкихъ мѣръ въ борьбѣ съ дѣтской преступностью убѣдилъ прежде всего колоссальный и поразительно быстрый ростъ этой спеціально преступности, которая за время съ 1882 по 1897 г. увеличилась на 47,3%. Это не могло не доказывать совершенную негодность репрессивной системы, и на эту несостоятельность прямо было указано въ мотивахъ къ прусскому закону 2 іюля 1900 г. Съ другой стороны, несомнѣнно, оказало вліяніе и движеніе въ этомъ направленіи въ сосѣдней Франціи, въ которой 24 іюля 1889 г. послѣ многочисленныхъ проектовъ былъ изданъ, наконецъ, законъ объ опекѣ надъ дѣтьми, подвергающимися крайне дурному обращенію и заброшенными, съ весьма широко разработанною постановкою института лишенія недостойныхъ родителей родительской власти.

Въ Германіи это сознаніе въ необходимости принятія другихъ болѣе широкихъ мѣръ въ борьбѣ съ дѣтской преступностью проявилось прежде всего опять таки въ имперскомъ законодательствѣ и, притомъ, въ области гражданскаго права. Гражданское уложеніе Германской имперіи

1896 г. содержитъ по этому поводу слѣдующія постановленія.

Отецъ обязанъ заботиться о ребенкѣ и его имуществѣ (1627). Для осуществленія этой обязанности онъ располагаетъ родительскою властью. Полное лишеніе отца его родительской власти наступаетъ въ томъ случаѣ, если онъ совершилъ во вредъ ребенку (надъ ребенкомъ) преступленіе или умышленный проступокъ, за которые онъ присужденъ къ наказанію на срокъ не менѣе 6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, въ такихъ случаяхъ наступаетъ дѣйствіе общихъ постановленій объ опекѣ (ст. 1680).

Затѣмъ, ст. 1666 уже спеціально посвящена вопросу о заброшенныхъ дѣтяхъ. Если,—говоритъ законъ,—нравственное или физическое благосостояніе ребенка находится въ опасности, благодаря тому что отецъ злоупотребляетъ своимъ правомъ опеки надъ ребенкомъ, не заботится о ребенкѣ или ведетъ безчестную и безнравственную жизнь, то опекунскій судъ долженъ принять необходимыя мѣры для предотвращенія опасности, опекунскій судъ можетъ помѣстить такого ребенка на воспитаніе въ чужую семью, или въ воспитательное или исправительное заведеніе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда родителей нѣтъ въ живыхъ, или они и при жизни замѣнены опекунами, опекунскій судъ, надзирая за опекунами, налагая на нихъ взысканіе въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій, можетъ, по собственному почину, распорядиться о помѣщеніи ребенка въ семью, въ воспитательное или исправительное заведеніе (ст. 1838).

Общинный сиротскій совѣтъ обязанъ сообщать опекунскому суду о тѣхъ случаяхъ, которые требуютъ его вмѣшательства (ст. 1675).

Такимъ образомъ государство считаетъ себя въ правѣ—а вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ за собою и обязанность—обезпечить чрезъ посредство государственныхъ опекунскихъ, носящихъ судебный характеръ, учрежденій правильное физическое, нравственное и умственное воспитаніе дѣтей его подданныхъ. Это не можетъ быть предоставлено усмотрѣнію родительской власти, ибо требуется общественнымъ интересомъ. При этомъ вопросъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ проявляется заброшенность дѣтей, т. е. выразилась

ли она уже въ совершеніи преступленій или еще только имѣется на лицо одна *опасность* полнаго ихъ нравственнаго паденія,—отступаетъ на задній планъ: заброшенность не допустима, какъ соціальное зло.

Понятно само собою, въ какія новыя условія ставится этимъ законодательнымъ актомъ дѣло борьбы съ дѣтскою преступностью. Государство само и непосредственно выступаетъ на борьбу съ заброшенностью дѣтей, какъ съ источникомъ всей дѣтской преступности и съ разрушеніемъ семьи, какъ факторомъ и этой заброшенности и этой преступности. Оно само выдвигаетъ на первый планъ мѣры превентивныя гражданской опеки, если еще и не взамѣнъ, то, по крайней мѣрѣ, очевидно, преимущественно передъ карательными мѣрами уголовнаго права.

Это новое положеніе, созданное имперскимъ закономъ, опять таки, какъ и послѣ изданія германскаго уголовнаго уложенія 1871 г., вызвало необходимость въ рядѣ сотвѣтственныхъ актовъ мѣстной законодательной власти. Если Бадену пришлось лишь отчатти передѣлать свой передовой законъ 1886 г., то Пруссія обнародовала 2 Іюля 1900 г. совершенно новый законъ.

Кругъ лицъ, подлежащихъ принудительному воспитанію въ Пруссіи, сравнительно съ закономъ 1878 г., вполнѣ придерживавшимся усложенія 1871 г., чрезвычайно расширился и, притомъ, въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, согласно съ уголовнымъ уложеніемъ 1871 г., такому воспитанію подвергались лишь дѣти въ возрастѣ 6—12 л.; теперь согласно съ новымъ гражданскимъ уложеніемъ, этотъ возрастъ продолженъ до 18 л. Во-вторыхъ, по угол. уложенію подлежали принудительному воспитанію лишь дѣти, совершившія уже преступленіе, а по новому закону—всѣ заброшенныя дѣти. Это расширеніе проявилось весьма краснорѣчиво въ цифрахъ, въ первый же годъ примѣненія новаго закона, 1901—1902 г. Какъ свидѣтельствуетъ оффиціальная прусская статистика [1]), въ указанномъ году были подвергнуты принудительному воспитанію 7.787 дѣтей, тогда какъ въ предшествовавшемъ

[1]) Statistik uber die Fürsorgeerziehung Minderjähriger für das Etatsjahr. 1901 (bis 31 März 1902). Berlin, 1903, S. VI.

отчетномъ году всего 1.504. Цифры краснорѣчивѣе всякихъ соображеній указываютъ, до какихъ размѣровъ выросло дѣло. Какъ видно изъ тѣхъ же статистическихъ данныхъ, причины дѣтской заброшенности могутъ быть выражены въ цифрахъ такъ: [1]) 33% по винѣ родителей, 43,9% въ виду объективной заброшенности, т. е. не по винѣ родителей, а въ виду неблагопріятнаго положенія семьи, но въ общемъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, 79% общаго числа семей, изъ которыхъ дѣти поступили, должны быть признаны семьями экономически и нравственно разрушенными (zerrütete). На города съ населеніемъ болѣе 20 тысячъ душъ упадаетъ 50,9%, около 60% общаго числа дѣтей было занято ремеслами. Вотъ что дала первая же систематическая попытка выясненія дѣйствительныхъ факторовъ дѣтской преступности, которая въ свою очередь является главнымъ источникомъ общей преступности. Прибавлять къ этимъ цифрамъ мнѣ нечего, ибо онѣ вполнѣ подтверждаютъ тѣ общіе выводы о главныхъ факторахъ преступности, къ которымъ я пришелъ въ отдѣлѣ о факторахъ преступности.

Въ общихъ чертахъ, порядокъ веденія дѣлъ остался тотъ же, что и въ 1878 г. Центръ—опекунскій судъ, который выслушиваетъ и родителей, и учителей школы и т. д. Онъ приступаетъ къ дѣлу или по собственному почину или по предложенію начальника мѣстной полиціи. Исполнитель—община (Kommunalverband), которой запрещено помѣщать дѣтей въ неспеціальныя, для этого не приспособленныя, воспитательныя заведенія. Расходы распредѣляются между государствомъ и общинами въ размѣрѣ 2 : 1. На государство выпалъ расходъ въ первый годъ въ размѣрѣ 2 милліоновъ марокъ.

Я могу здѣсь мимоходомъ указать, ссылаясь на Рейхера, Шмитца и др., цитированныхъ мною авторовъ, что приблизительно такіе же порядки мы встрѣчаемъ и въ другихъ государствахъ континентальной Европы [2]). Осо-

---

[1]) Ibid., S. IX, XIX.

[2]) Такой же, какъ въ Германіи, порядокъ принудительнаго воспитанія установленъ въ Швеціи по закону 13 Іюня 1902. Ср. Журн. Мин. Юст. 1902, № 10. См. также собраніе главнѣйшихъ законовъ объ отвѣтственности малолѣтнихъ въ Mittheilungen der internationalen

бенно оригинально поставлены опекунскія учрежденія въ Норвегіи по закону 6 іюня 1896 г. [1]). Въ каждой общинѣ (§ 6) образованъ особый опекунскій совѣтъ, состоящій изъ участковаго судьи, духовника общины и 5 выборныхъ отъ общины—въ томъ числѣ изъ 2 женщинъ и 1 врача. Обсужденіе происходитъ при закрытыхъ дверяхъ; выслушиваются родители, разслѣдуется положеніе ребенка. Тотъ же судъ надзираетъ и за выполненіемъ опеки. Нельзя не замѣтить, что такой составъ опекунскаго учрежденія неизмѣримо предпочтительнѣе постановки германской, съ однимъ единоличныхъ судьей, да еще, къ тому же, чрезвычайно обремененнымъ другими дѣлами гражданскими, уголовными и т. д.

Я долженъ оговориться: я не касаюсь пока участія общества въ этомъ дѣлѣ въ Германіи. Прежде я закончу обзоръ постановки юридической, законодательной, а потомъ уже перейду къ роли общества и органамъ общественной дѣятельности, такъ какъ здѣсь, въ организаціи этого общественнаго участія, въ разныхъ государствахъ еще больше общихъ чертъ, чѣмъ въ законодательной постановкѣ.

Переходя къ законодательству Франціи, я не могу не отмѣтить, что въ свое время французское законодательство и въ этой области далеко опередило всѣ другія законодательства. Code penal, обнародованный въ 1810 г., содержитъ статью 66 о разумѣніи, но въ ней же содержится то же, что и въ германскомъ уложеніи 1871 г., а именно, что въ случаѣ признанія ребенка моложе 16 л. дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія, таковой помѣщается въ семью или въ исправительно-воспитательное заведеніе. Для 1810 г. это былъ, конечно, громадный шагъ. Но затѣмъ прошли десятки лѣтъ, и Франція какъ бы забыла о дѣтяхъ. За это

Kreminalistischen Vereinigung. Band 15, Heft 1. 1907 г. Въ 14 томѣ (тетрадь 3), изложены подробно законы голландскіе 1 декабря 1905 г., которые, близко слѣдуя германскому образцу, совершенно отказываются, какъ отъ вполнѣ устарѣлаго, отъ принципа о разумѣніи для дѣтей до 18 лѣтъ.

[1]) Reicher, 1 Th., 3 Aufl., S. 202 f.

время былъ изданъ только законъ 7 Октября 1874 г., каравшій одного изъ родителей, который отпавалъ своихъ дѣтей канатнымъ плясунамъ, лишеніемъ родительской власти. Только ужасающій ростъ дѣтской преступности, выясненный Robin и Joly и ихъ докладами въ Парижской Société generale des prisons, обратилъ вниманіе французскаго общества, и мы встрѣчаемся съ рядомъ проектовъ, пока, наконецъ, законъ Русселя 24 Іюля 1889 г. не поставилъ Францію опять и въ этомъ дѣлѣ въ число передовыхъ странъ.

Я не буду особенно распространяться объ этомъ столь извѣстномъ законѣ и скорѣе укажу его недостатки, признаваемые впрочемъ и самими французами, и объясняемые особенностями французскаго правового строя. Это, во-первыхъ, страна, въ которой patria potestas поставлена такъ же широко почти, какъ въ древнемъ Римѣ, и понятіе гражданина—римское, со всѣми прерогативами и со всѣми формальными условіями установленія этихъ прерогативъ. Это страна, въ которой положеніе легальное незаконныхъ дѣтей было всегда хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было (la recherche de la paternité est interdite), и государству пришлось рано (1811 г.) установить особое развѣтвленіе для enfants assistés той публичной организаціи благотворительности подъ именемъ Assistance publique (болѣе правительственной въ сущности, чѣмъ даже наше Вѣдомство Учрежденій Императрицы Маріи), о которой я скажу ниже.

Отсюда также и то, что когда выяснилось, что общественный интересъ требуетъ вмѣшательства общества въ дѣло воспитанія родителями ихъ дѣтей, то французы признали необходимымъ пойти путемъ торжественнаго лишенія родителей ихъ родительской власти, ибо иначе, повидимому, этотъ міръ семьи не былъ доступенъ ни представителямъ судебной власти, ни, тѣмъ болѣе, общественной иниціативѣ, и первый отдѣлъ закона 24 Іюля 1889 г. носитъ громкое названіе „De la décheance de la puissance paternelle“ и предусматриваетъ лишеніе родительской власти или обязательное, вслѣдствіе осужденія за рядъ преступленій, выразившихся въ допущеніи, содѣйствіи или участіи въ преступленіяхъ или развратѣ ихъ дѣтей или въ преступленіяхъ надъ

ними, или факультативно по усмотрѣнію суда, за рядъ другихъ менѣе важныхъ дѣяній. Рядомъ съ преступленіями родителей, здѣсь указаны и случаи, когда дѣти присуждены къ помѣщенію въ исправительное заведеніе за совершеніе преступленія безъ разумѣнія, и случаи, когда родители своимъ обычнымъ пьянствомъ, безнравственнымъ или непристойнымъ поведеніемъ или дурнымъ обращеніемъ съ дѣтьми, ставятъ въ опасность здоровье, благосостояніе и нравственность дѣтей. Законъ 19 Апрѣля 1898 г. значительно расширилъ группу дѣяній, влекущихъ за собою обязательное лишеніе родительской власти цѣлою группою, дѣяній, съ одной стороны выражающихся въ намѣренномъ оставленіи безъ помощи и аналогичныхъ поступкахъ и, съ другой стороны, предоставленіемъ дѣтей въ распоряженіе бродягъ, канатныхъ плясуновъ и т. д. Но, главное, онъ подробнѣе опредѣлилъ категорію enfants maltraités и назначилъ строгія наказанія за насильственныя дѣйствія родителей надъ дѣтьми. Въ случаяхъ факультативнаго лишенія родительской власти вопросъ рѣшается судомъ первой инстанціи въ распорядительномъ засѣданіи. Нельзя сказать, чтобы порядокъ разсмотрѣнія былъ особенно удовлетворителенъ; правда, столь могущественный во Франціи и столь далекій отъ безпристрастія прокурорскій надзоръ производитъ разслѣдованіе и затѣмъ даетъ заключеніе, но даже семейный совѣтъ выслушивается только по усмотрѣнію суда. Тотъ же судъ назначаетъ и опеку въ обыкновенномъ гражданскомъ порядкѣ; если же это оказывается невозможнымъ, то опека переходитъ къ assistance publique. Въ законѣ 24 Іюля 1889 г. предусмотрѣно добровольное отреченіе отъ власти родительской въ пользу Assistance publique, или правительствомъ признанныхъ частныхъ ассоціацій благотворительныхъ, а равно опредѣленъ порядокъ, въ которомъ эти учрежденія и ассоціаціи получаютъ права родительской власти надъ дѣтьми. Законъ 12 Апрѣля 1906 г. предоставилъ суду право признавать дѣйствовавшими безъ разумѣнія дѣтей не только въ возрастѣ до 16 л., но и въ возрастѣ 16—18 лѣтъ.

Останавливаясь на этой постановкѣ дѣла, нельзя не замѣтить прежде всего, что она черезчуръ торжественна,

что во многихъ случаяхъ лишеніе родительской власти служитъ препятствіемъ, стѣсняетъ суды и не вызывается вовсе необходимостью, ибо вѣдь въ сущности необходимо только временное устраненіе родителей отъ воспитанія дѣтей, а, между тѣмъ, такое торжественное лишеніе родительской власти какъ бы подтверждаетъ, узаконяетъ разрушеніе семьи. Съ другой стороны, въ обоихъ законахъ говорится только о такъ называемой виновной заброшенности, и вовсе не предусматривается возможность, мѣръ противъ *объективной* заброшености—не по винѣ родителей: даются лишь нѣкоторыя гарантіи частной иниціативѣ.

Наконецъ, нельзя не сказать, что все производство о лишеніи родительской власти и назначеніи опеки носитъ чрезчуръ бюрократическій, канцелярскій характеръ.

Если всмотрѣться поближе въ финансовую сторону дѣла и, даже болѣе, въ самое осуществленіе попеченія, то вѣдь оно состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что къ обязанностямъ Service des enfants assistés присоединены обязанности заботиться и о moralement abandonnés. Все управленіе централизовано—на мѣстахъ префекты, conseils generaux, и опекунами являются inspecteurs des enfants assistés. Государство несетъ приблизительно $^1/_5$ расходовъ,—остальное падаетъ на бюджетъ департаментовъ (отсутствіе сколько-нибудь дѣйствительнаго самоуправленія), приплату общинъ, пожертвованія. Въ общемъ, къ 31 дек. 1901 г. [1]) насчитывалось 21.658 moralement abandonnés, получившихъ помощь отъ Assistance publique. Каковы бы ни было недостатки французскаго законодательства, оно въ этой области проявило ту отличительную черту, которая всегда выдѣляла это законодательство изъ ряда другихъ и которая состоитъ въ томъ, что французское законодательство не ограничивается нормировкой данныхъ правоотношеній, но считаетъ необходимымъ провозглашеніе въ самой общей, часто весьма отвлеченной формѣ того общаго принципа, который долженъ быть положенъ въ основу даннаго отдѣла правового строя. Въ данномъ случаѣ, такимъ принципомъ является провозглашеніе идеи о томъ, что воспитаніе дѣтей не есть частное

[1]) Ср. Reicher. Erster Theil. Dritte Abtheilung, S. 60.

дѣло родителей, а извѣстная общественная функція, на нихъ лежащая, что разъ родители не исполняютъ этой функціи, то государство обязано и имѣетъ право вмѣшаться—лишить ихъ родительской власти и, во имя высшаго государственнаго интереса, нормировать это воспитаніе. Провозглашеніе этой идеи, столь громогласное и торжественное, оказало, несомнѣнно, вліяніе на законодательства другихъ европейскихъ государствъ; какъ мы видѣли, такое вліяніе отразилось на германскомъ законодательствѣ, проявилось оно и въ англійскомъ законодательствѣ (законы The Custody of children Act 1891, Prevention of cruetly to children Act 1894 г.). Но, конечно, это вліяніе выразилось не одинаково. Знакомясь съ французскимъ законодательствомъ, а въ особенности съ германскимъ, пошедшимъ въ этомъ направленіи еще дальше, мы можемъ даже совсѣмъ упустить изъ виду роль общества въ этомъ дѣлѣ: государство не только, повидимому, дало законодательную нормировку этого вопроса, но взяло на себя обязанность и самаго выполненія всѣхъ обязанностей и всѣхъ расходовъ, вызываемыхъ новою постановкою дѣла. Обществу и частной иниціативѣ какъ будто бы и дѣлать, собственно, нечего. Конечно, какъ мы увидимъ ниже, это—только кажущееся устраненіе дѣятельности общества и его представителей: дѣйствительное жизненное и живое выполненіе новаго дѣла на самомъ дѣлѣ и здѣсь сосредоточивается въ дѣятельности общества.

Въ законодательствахъ государствъ, населенныхъ англосаксонскою расою, это вліяніе проявилось гораздо менѣе рѣзко. Законодательство этихъ странъ въ такой мѣрѣ связано съ дѣятельностью общества, что уже почти невозможно отдѣлить одно отъ другого, и государство, въ концѣ концовъ, даже слѣдуя французскимъ образцамъ, ограничивается нормировкой дѣятельности общества, обезпеченіемъ гарантій этой дѣятельности общества отъ произвола частныхъ лицъ и обезпеченіемъ помощи со стороны государства этой дѣятельности. Скажу болѣе—общія идеи, общіе принципы, дѣйствительно, въ этомъ законодательствѣ появляются подъ вліяніемъ французскаго законодательства; но практическое осуществленіе, нормировка практическихъ потребностей жизни въ этой области достигается неизмѣримо ранѣе, чѣмъ во Франціи.

Уже въ 1839 г. мы должны отмѣтить на этомъ пути Justice Talfourds Act (2 and. 3 Vict., cap. 54), вызванный возмутившимъ общественное мнѣніе случаемъ судебнаго рѣшенія, въ силу коего ребенокъ былъ отобранъ отъ родной матери, которая вела вполнѣ честную, достойную жизнь, и переданъ отцу, который жилъ съ любовницей. Въ 1863 г. послѣдовалъ Jnfant's Custody Act (36 and 37 Vict., cap. 12), въ которомъ въ значительной степени были заложены начала, развитыя потомъ подъ вліяніемъ французскаго законодательства въ Custody of children Act 1891 (54 Vict, cap. 3). Но дѣло въ томъ, что англійское законодательство пошло совсѣмъ инымъ путемъ. Оно, въ сущности, и до сихъ поръ не знаетъ торжественнаго лишенія родителей ихъ родительской власти и въ этомъ, въ такой общей широкой формѣ, не встрѣчаетъ необходимости, но за то оно обратилось къ другимъ мѣрамъ. Въ англійскомъ обществѣ рано проявилось сознаніе важности позаботиться не только о дѣтяхъ, совершившихъ преступное дѣяніе, но и о дѣтяхъ заброшенныхъ: общество пожелало взять этихъ дѣтей подъ свою опеку, заняться ихъ воспитаніемъ, создало для воспитанія этихъ дѣтей учрежденія, и государству оставалось лишь легализировать существованіе ихъ, опредѣлить свое отношеніе къ нимъ, опредѣлить порядокъ выполненія ими взятой на себя общегосударственной обязанности и, наконецъ, размѣры своего содѣйствія имъ.

Иниціаторомъ этого движенія, если не восходить къ Говарду, является Miss Mary Carpenter, основавшая еще въ 1846 г. Ragged School—школу для оборванцевъ. Въ 1851 г. она напечатала сочиненіе подъ заглавіемъ „Reformatory schools for the children of the perishing and dangerous classes and for juvenile offenders", въ которомъ предложила учрежденіе Free day schools для дѣтей покинутыхъ, Feeding iudustrial Schools для бродяжничающихъ дѣтей и, наконецъ, Reformatory Schools для дѣтей, совершившихъ преступленіе; она указывала на необходимость привлеченія къ участію въ расходахъ по содержанію подобныхъ школъ съ одной стороны государства и съ другой стороны родителей. Послѣдствіемъ этой агитаціи было изданіе въ 1854 г. Reformatory Act, который уполномочивалъ статсъ-секретаря по вну-

треннимъ дѣламъ утверждать уставы Reformatories, вызывавшихся къ жизни частными обществами, съ присвоеніемъ имъ *исключительно* права выполненія принудительнаго воспитанія и съ опредѣленіемъ размѣра денежной помощи этимъ обществамъ со стороны государства. Въ 1857 г. послѣдовалъ первый Industrial Schools Act, присвоившій этимъ школамъ такое же положеніе въ предѣлахъ ихъ компетенціи, какъ и Reformatory Schools; еще за годъ до этого, въ 1856 г. былъ утвержденъ уставъ частнаго общества Reformatory and Refuge Union, которое, собственно, и ведетъ все дѣло реформаторій и индустріальныхъ школъ въ союзѣ съ судомъ, о чемъ я скажу ниже.

Я не буду, конечно, здѣсь вдаваться во всѣ подробности законодательства объ индустріальныхъ школахъ, компетенція которыхъ съ теченіемъ времени измѣнилась, а главное—чрезвычайно расширялась. Скажу лишь, что если формально можно привести нѣкоторыя возраженія противъ основного различія между reformatory schools съ одной стороны и industrial schools съ другой стороны, состоящаго въ томъ, что первыя имѣютъ въ виду перевоспитаніе преступныхъ дѣтей, а вторыя—заброшенныхъ, то фактически, въ дѣйствительности, это такъ. Хотя, дѣйствительно, въ industrial schools по закону могутъ быть помѣщены дѣти до 14 л., совершившія преступленіе, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что законъ Summary Jurisdiction Act 1879 и Iouthful Offenders Act 1901 (1 Edw 7. Ch. 20), расширившій еще болѣе примѣненіе ст. 16 закона 1879 г., о которой я говорилъ подробно въ главѣ о ростѣ преступности, и въ силу которой преступники до 16 л., впервые совершившіе преступленіе, могутъ быть оставляемы совсѣмъ безъ наказанія, значительно фактически сократили эту категорію воспитанниковъ industrial schools. Если же переименовать хотя бы въ общихъ чертахъ категоріи тѣхъ дѣтей, которыя, въ силу разновременно послѣдовавшихъ законовъ, подлежатъ помѣщенію въ industrial schools, то оказывается, что въ эти школы помѣщаются дѣти безпризорныя, оставшіяся безъ крова, бродяжничающія, нищенствующія, дѣти, вращающіяся въ обществѣ проститутокъ и воровъ, дѣти преступныхъ родителей и, наконецъ, дѣти, съ которыми не могли справиться родители,

управленіе домами для бѣдныхъ, школьное начальство и т. д. Болѣе полнаго перечисленія многообразныхъ представителей категоріи дѣтей заброшенныхъ трудно себѣ представить. Правда, помѣщеніе въ industrial schools происходитъ безъ лишенія родителей родительской власти и не по постановленію какого-либо особаго опекунскаго суда, а по постановленію общаго суда (мировыхъ и полицейскихъ судей, постановляющихъ свои опредѣленія въ суммарномъ порядкѣ), но было бы ошибочно думать, что здѣсь постановляются приговоры по уголовнымъ дѣламъ,—здѣсь лишь легализируется дѣятельность Reformatory and Refuge Union и цѣлаго ряда другихъ обществъ, преслѣдующихъ задачи защиты дѣтей. Нельзя не признать, что путь, избранный англійскимъ законодательствомъ, проще и практичнѣе,—онъ все предоставляетъ въ руки общества, ограничиваясь утвержденіемъ уставовъ отдѣльныхъ школъ, установленіемъ извѣстныхъ требованій отъ лицъ, стоящихъ во главѣ школы, требованіемъ отчетовъ, надзоромъ чрезъ особыхъ правительственныхъ инспекторовъ. Государство даетъ субсидіи реформаторіямъ и индустріальнымъ школамъ,—на каждаго содержимаго ребенка въ недѣлю въ реформаторіяхъ 3 р., а въ индустріальныхъ 2 р. 50 к., (въ тѣхъ, которые открыты послѣ 1872 г.,—меньше). Въ общемъ, для Англіи изъ общаго бюджета реформаторій и индустріальныхъ школъ въ 308.257 L. (на 1900 г.) [1]) на государство упадетъ 71.798 L. и на графства и городскія общины 45.275 L. По отчету за 1902 г. [2]) числилось 45 реформаторій съ населеніемъ въ 5.767 и 180 Industrial Schools (Day Indust., Truants и т. д.), съ населеніемъ въ 23.369 чел.

Но, конечно, англійскій государственный строй даетъ прежде всего прекрасную защиту частной иниціативѣ въ этомъ дѣлѣ, благодаря невѣроятно широкимъ полномочіямъ судей, которыхъ сдерживаетъ и направляетъ контроль могущественно развивающагося общественнаго мнѣнія, благодаря затѣмъ и ряду законовъ, хотя и не устанавливающихъ такой

---

[1]) Ср. Reicher, 1 Th. 2, Abt., S. 137.

[2]) Forty Sixth Report for the Jear. 1902 of the Inspector of Reformatory and Industrial Schools, p. 14—6.

публично-правовой постановки всего дѣла, какъ во Франціи и Германіи. Если уже многочисленные законодательные акты, нормирующіе помѣщеніе дѣтей въ реформаторіи и индустріальныя школы, обезпечиваютъ вполнѣ частную инициативу въ возбужденіи вопроса предъ судомъ о помѣщеніи дѣтей въ соотвѣтственное заведеніе на основаніи судебнаго рѣшенія въ указанныхъ закономъ случаяхъ, не лишая при этомъ родителей ихъ родительской власти, но и не придавая никакого значенія согласію родителей на помѣщеніе, то по закону 1891 г. (The Custody of Children Act) частныя лица и учрежденія, которыя взяли на свое попеченіе заброшенныхъ дѣтей, при молчаливомъ согласіи или безразличіи родителей, не могутъ быть, по произволу родителей, устранены отъ продолженія воспитанія: претензіи родителей разсматриваются судомъ, и послѣдній можетъ отказать родителямъ, признавая доказанной ихъ негодность для воспитанія. Законъ Prevention of Cruelty to Children Act 1894 г. поставилъ самимъ широкимъ образомъ понятіе cruelty, какъ нарушенія здоровья не только физическаго, но и нравственнаго дѣтей, давая этимъ гарантіи для дѣятельности могущественнаго англійскаго общества National Society for the Prevention of Cruelty to Children, образовавшагося за пять лѣтъ до изданія этого закона. Я остановлюсь подробно ниже на дѣятельности этого общества.

Но такъ какъ ростъ преступности вообще и дѣтской въ частности увеличивается и въ Англіи, то англичане задумываютъ реформы въ области мѣръ борьбы съ дѣтской преступностью. Одна изъ нихъ намѣчена въ законопроектѣ о предупрежденіи преступленій, внесенномъ въ палаты 8 декабря 1908 г. Первая часть законопроекта ведетъ свое начало отъ Комитета 1894 г. по разслѣдованію тюремнаго дѣла. Констатировавъ сильное развитіе рецидива, Комитетъ находилъ, что въ преступники формируются молодые люди, главнымъ образомъ, въ возрастѣ отъ 16 до 21 г., такъ какъ именно этотъ возрастъ даетъ на 80 преступниковъ болѣе (при разсчетѣ на 100 тысячъ населенія того же возраста), чѣмъ всѣ другіе возрасты; между тѣмъ, несмотря на все совершенство и сравнительную многочисленность англійскихъ исправительныхъ заве-

деній для малолѣтнихъ, въ нихъ принимаются дѣти только до 16 лѣтъ. Поэтому Комитетъ предложилъ повысить возрастъ пріема до 18 лѣтъ и оставленія въ заведеніи до 21 года. При этомъ Комитетъ находилъ, что, такъ какъ реформаторіи и индустріальныя школы фактически отказываются отъ пріема „objectionable", несимпатичныхъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, т. е въ сущности такихъ, на исправленіе коихъ они мало надѣются, и такъ какъ возрастъ 16—21 г.г. несомнѣнно даетъ наибольшее число трудно исправимыхъ, то устройство реформаторскихъ школъ для этого возраста должно взять на себя правительство. Въ существѣ дѣла Комитетъ 1894 г. не предполагалъ создавать особыхъ учрежденій новаго типа для этого возраста, а устроить по типу существующихъ реформаторій правительственныя лишь реформаторіи для несовершеннолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 16 до 21 г. У насъ закономъ 1897 г. возрастъ содержанія малолѣтнихъ въ воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ продолженъ до 18 лѣтъ, а новымъ закономъ 19 апрѣля 1909 г.—до 21 года. У насъ уже Особое совѣщаніе въ средѣ Государственнаго Совѣта для разсмотрѣнія проекта, ставшаго затѣмъ закономъ 2 Іюля 1897 г., тоже отмѣтило, что „необходима правительственная помощь въ особенности для учрежденія пріютовъ, приспособленныхъ къ содержанію болѣе взрослыхъ преступниковъ". Всѣ эти основанія, какъ равно и мысль о выведеніи такихъ несовершеннолѣтнихъ изъ тюремъ и помѣщеніи ихъ, въ виду ихъ болѣе трудной исправимости и возможнаго вреднаго вліянія на болѣе молодыхъ, совершенно несомнѣнны и очень просты.

Законопроектъ не удовлетворился, однако, осуществленіемъ этихъ простыхъ началъ, а пошелъ подъ несомнѣнымъ вліяніемъ строя американскихъ реформаторій гораздо дальше и предлагаетъ образованіе особыхъ учрежденій для пріема въ нихъ несовершеннолѣтнихъ не до 18 л., а до 21 г., и, согласно п. 2 ст. 1, въ случаѣ, если подсудимые имѣютъ на видъ не болѣе 21 г., то и до 23 лѣтъ; а такъ какъ пребываніе въ этихъ новыхъ заведеніяхъ, согласно законопроекту, должно быть не менѣе 1 года и не болѣе 3, то возможно содержаніе въ нихъ и до 26 лѣтъ, Что можно воз-

разить противъ такого увеличенія возраста выводимой изъ тюрьмы молодежи?—Въ принципѣ, конечно, ничего. Это, въ сущности, дальнѣйшая эволюція постепеннаго повышенія возраста молодежи, избавляемой отъ мѣръ репрессивныхъ, какъ мѣръ не только нецѣлесообразныхъ, но и вредныхъ. Но практически слѣдуетъ опасаться большихъ затрудненій. Во-первыхъ, придется, вѣроятно, разбить и эти учрежденія на два типа, соотвѣтственно съ возрастомъ, отъ 16 до 20 лѣтъ и отъ 20 до 26 лѣтъ, какъ совершенно уже не дѣтскихъ. Во-вторыхъ,—и это главное, чего это будетъ стоить? Мысль объ этихъ учрежденіяхъ крайне пропагандируется, и поэтому можно ожидать, что черезъ два—три года здѣсь легко окажется тысячъ 30—40 населенія, и, конечно, какъ это будетъ видно изъ описанія постановки этихъ учрежденій, они будутъ обходиться неизмѣримо дороже, чѣмъ обыкновенныя тюрьмы, и приблизятся по стоимости скорѣе къ американскимъ реформаторіямъ. Если даже это будетъ по силамъ Англіи, то не постигнетъ ли этотъ типъ учрежденій въ другихъ государствахъ такая же участь, какая уже постигла во всѣхъ другихъ культурныхъ странахъ, кромѣ Бельгіи, тюрьмы съ одиночнымъ заключеніемъ и съ правильно поставленнымъ пенитенціарнымъ строемъ, и не придется ли искать корректива въ той системѣ „опеки“, которая подробно описана мною въ работѣ о роли общества въ борьбѣ съ преступностью? Надо, впрочемъ, оговориться, что, согласно ст. 5 законопроекта, предполагается возможность широкаго условнаго досрочнаго освобожденія уже по истеченіи первыхъ 6 мѣсяцевъ, съ постановленіемъ подъ опеку прекрасно поставленныхъ и широко субсидируемыхъ правительствомъ обществъ патроната, въ которыхъ тюремные отчеты справедливо видятъ одинъ изъ краеугольныхъ камней всей системы. Для патроната надъ выпускаемыми образовалась уже особая Borstal Association съ развѣтвленіями. Слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторыя черты американскаго вліянія, въ смыслѣ неопредѣленности и вліянія администраціи на судьбу такихъ преступниковъ. Такъ, прежде всего, сюда помѣщаются въ силу ст. 1 не менѣе, какъ на годъ, хотя бы законное наказаніе было короче. Такъ, далѣе, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено (ст. 3)

право по собственному усмотрѣнію переводить въ такія учрежденія присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ и тюрьмѣ не только до утвержденія настоящаго законопроекта, но и послѣ, хотя, очевидно, суды, осудившіе такихъ преступниковъ послѣ утвержденія закона, не признали возможнымъ помѣстить ихъ въ эти заведенія, имѣя на то возможность. Къ сожалѣнію, законопроектъ не ограничиваясь такимъ „льготнымъ“ произволомъ администраціи, допускаетъ и обратное (ст. 6), т. е. въ, случаѣ, если, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, какой либо молодой преступникъ оказываетъ дурное вліяніе на своихъ товарищей, то министръ внутреннихъ дѣлъ собственною властью можетъ перевести его изъ новаго учрежденія въ общія мѣста заключенія и назначить по своему усмотрѣнію срокъ заключенія. Это—уже совсѣмъ въ духѣ неопредѣленныхъ приговоровъ и американскихъ реформаторій, но не въ духѣ строгой законности англичанъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о новыхъ учрежденіяхъ, строй которыхъ опредѣляется въ общихъ чертахъ лишь въ ст. 4 проекта, а между тѣмъ все время говорится о Borstal Institution, Borstal system, какъ о чемъ-то вполнѣ опредѣленномъ. Дѣйствительно, такія учрежденія фактически уже существуютъ въ силу предписанія и особыхъ правилъ, утвержденныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 24 января 1902 г. въ предѣлахъ предоставленной ему отдѣломъ 25 тюремнаго закона 1877 г. власти; предписанія и правила приведены въ Report of Comissioners of Prisons and the Directors of Convict Prisons за отчетный годъ по 31 марта 1902 г. (стр. 149—153).

Этими правилами и предписаніями устанавливается, въ общихъ чертахъ, слѣдующая система. Избирается мѣстная тюрьма въ Борсталѣ (недалеко отъ Лондона), которая для этой цѣли уже была къ этому времени подготовлена. Тюремные инспектора избираютъ молодыхъ преступниковъ въ возрастѣ 16—21 года, присужденныхъ къ заключенію на срокъ не менѣе года. Выборъ происходитъ послѣ первыхъ двухъ недѣль пребыванія молодого преступника въ тюрьмѣ. По поступленіи въ Борсталь, они зачисляются въ классъ „обыкновенный“; если они ведутъ себя дурно, то перево-

дятся въ классъ „уголовный“; если, наоборотъ, хорошо, то—въ классъ „спеціальный“. Этотъ послѣдній переводъ происходитъ не иначе, какъ по постановленію комитета, состоящаго изъ директора, духовника и врача, и по полученіи воспитанникомъ не менѣе 300 марокъ за прилежаніе въ ремеслахъ и наукахъ, за его поведеніе въ смыслѣ повиновенія и готовности воспріять вліянія исправительныя. За работу тяжелую даются 2 марки въ день, за легкую—1, за поведеніе не болѣе 12 марокъ въ недѣлю, причемъ выслушиваются отзывы учителя, руководителя работъ, воспитателей. За каждыя двѣ марки, заслуженныя на работѣ, дается вознагражденіе въ классахъ обыкновенномъ и спеціальномъ по одному пенни. Классы различаются по одеждѣ; въ пищѣ ризница та, что въ спеціальномъ классѣ за обѣдомъ въ воскресные дни даютъ пуддингъ съ золотистымъ сиропомъ,—что, какъ говорятъ, цѣнится очень высоко. Всѣ имѣютъ свои камеры отдѣльныя (одиночныя); въ комнатахъ воспитанниковъ спеціальнаго класса стоитъ, кромѣ кровати, столикъ и виситъ зеркало, разрѣшается вѣшать фотографіи. Менѣе подготовленные воспитанники обучаются вмѣстѣ, болѣе подготовленные—въ своихъ кельяхъ. День распредѣляется такъ: встаютъ въ 6 часовъ утра, въ 6 час. 20 мин.—завтракъ, въ 6 час. 40 мин.—маршировка и гимнастика, потомъ молитва и чтенія (частыя духовныя поученія); отъ 8—11 час. 30 мин.—занятія, т. е. работа и уроки по наукамъ; потомъ обѣдъ, послѣ обѣда опять маршировка и гимнастика, отъ 1 час. 45 мин.—5 час. 45 мин. опять занятія.

Черезъ полъ-года, въ случаѣ хорошаго поведенія, комитетъ входитъ въ обсужденіе вопроса о возможности условнаго досрочнаго освобожденія; допускается сокращеніе срока наказанія не болѣе, какъ на $^1/_4$. Освобожденные ставятся подъ покровительство особаго общества патроната, Borstal Association, имѣющаго развѣтвленія въ другихъ тюрьмахъ; расходъ этого общества, печатающаго ежегодно свои отчеты, простирается уже теперь свыше 10.000 руб. въ годъ. Обученіе ремесламъ въ учрежденіи довольно разнообразно поставлено: входитъ сюда и садоводство, кромѣ общихъ плотничныхъ, сапожныхъ работъ и т. д.; хорошо оборудованы мастерскія. Ежедневно часъ проводится въ церкви и въ

изученіи религіи., еженедѣльно—лекціи. Ведется особая книга о характерѣ содержащихся.

Такія же заведенія устроены уже въ Дартмурѣ, Манчестерѣ, Бирмингамѣ, Пентонвиллѣ, Вормвудскребѣ.

Признается, что ранѣе года нельзя достичь какихъ либо результатовъ. Большая часть воспитанниковъ судилась за кражи. О результатахъ судить преждевременно, но въ общемъ цифры—не особенно блестящія [1]).

Что касается до Сѣв. Америки и отдѣльныхъ Американскихъ штатовъ, то тутъ область чисто законодательнаго публичнаго вмѣшательства еще меньше, чѣмъ въ Англіи: здѣсь еще шире полномочія судей, которые подобно англійскимъ создаютъ не только прецеденты, но даже идутъ въ направленіи образованія особыхъ судовъ для дѣтей. Американцы, въ сущности, только въ принципѣ признаютъ правильность различенія двухъ категорій дѣтей—преступныхъ и заброшенныхъ: и тѣ и другія подлежатъ принудительному воспитанію, и тѣ и другія весьма часто содержатся въ однихъ и тѣхъ-же воспитательныхъ заведеніяхъ. Этому способствуетъ, хотя бы, и объединеніе въ однихъ и тѣхъ же совѣтахъ завѣдыванія и руководства и тюрьмами и благотворительными учрежденіями—Boards of Charity and Correction. Мало того—во многихъ штатахъ усвоена система штата Мичиганъ, заведенная здѣсь Рандаллемъ,—направленіе всѣхъ дѣтей въ государственныя, т. е. содержимыя на счетъ государства воспитательныя учрежденія, причемъ обѣ категоріи дѣтей объединяются въ понятіи dependent, за исключеніемъ болѣе важныхъ случаевъ, виновники которыхъ направляются въ реформаторіи, образованные на подобіе Эльмиры. При поступленіи дѣлается строгій разборъ дѣйствительной нужды и заброшенности отъ вымысла и вымогательства родителей, занимающихся профессіонально нищенствомъ. Послѣ короткаго пребыванія въ такихъ государственныхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ дѣти размѣщаются въ семьи (out system). Но, конечно, все веденіе этого дѣла далеко отъ бюрократическаго. Тутъ дѣйствуютъ всевозможные voluntary visitors;

---

[1]) *П. И. Люблинскій* посѣтилъ Борсталь и о своихъ впечатлѣніяхъ сообщилъ въ газетѣ „Право“, № 32 за 1908 г.

мы познакомимся далѣе съ voluntary probation officers такихъ же обществъ, борющихся съ „жестокостью“ въ отношеніи дѣтей. Но кромѣ того, какъ свидѣтельствуетъ такой знатокъ дѣла попеченія о заброшенныхъ дѣтяхъ въ Америкѣ какъ Бернрейтеръ [1]), американцы очень строго смотрятъ на обязанности родителей въ отношеніи воспитанія дѣтей, допуская эманципацію малолѣтнихъ отъ родительской власти по ходатайству малолѣтнихъ передъ судомъ; они свободно допускаютъ передачу родительскихъ правъ частнымъ лицамъ и частнымъ союзамъ и строго, черезъ суды, защищаютъ дѣтей отъ жестокостей и небреженія со стороны родителей.

Но какъ всегда Америка, въ дѣлѣ борьбы съ преступностью (системы тюремнаго устройства, условное осужденіе и т. д.), была страною передовою, такъ и въ дѣлѣ борьбы съ преступностью и заброшенностью дѣтей. Въ Америкѣ созданы особые органы общества для борьбы съ преступностью,—о нихъ мы будемъ говорить ниже; но въ Америкѣ образовался за послѣднія 10 лѣтъ и особый судъ для дѣтей, который такъ и называется дѣтскій судъ, „juvenile court“. Для того чтобы въ надлежащемъ свѣтѣ представить идею, положенную въ основу американскаго дѣтскаго суда, надо бросить взглядъ на тѣ законодательныя измѣненія въ Германіи, Франціи, Англіи, о которыхъ мы говорили выше. На что, собственно, указываютъ эти измѣненія, къ чему стремится законодатель и то общественное мнѣніе, которое вдохновляетъ законодателя? И законодатель и общественное мнѣніе, какъ мы видѣли, исходятъ изъ мысли о совершенной негодности примѣняемыхъ нынѣ средствъ въ борьбѣ съ дѣтскою преступностью, о негодности даже всей современной постановки этого дѣла. Мѣры репрессіи, оказавшейся совершенно несостоятельной, стремятся замѣнить мѣрами опеки и принудительнаго воспитанія. Для назначенія этихъ мѣръ стремятся создать и новый судъ, а не судъ уголовный съ его грозными формальными порядками. Въ Германіи дѣла заброшенныхъ дѣтей—поручаютъ опекунскому суду, во Франціи—суду въ распорядительномъ засѣданіи,

---

[1]) Dr. I. M. Baernreither. Jugendfursorge und Strafrecht in den Vereinigten Staaten von Amerika. 1905, S. 232.

засѣдающемъ непублично, въ Англіи—общимъ судамъ, однако дѣйствующимъ въ суммарномъ, сокращенномъ порядкѣ. Но удовлетворительны ли эти попытки создать новый судъ? Конечно, нѣтъ,—въ нихъ можно усмотрѣть только неясное чувство необходимости создать что-то новое. Конечно, такимъ новымъ не можетъ быть опекунскій судъ съ его формальными порядками производства, приближающими его къ обыкновенному гражданскому процессу. Чѣмъ же это лучше, чѣмъ обыкновенный уголовный судъ, чѣмъ лучше Amtsrichter, заваленный дѣлами другого рода, поставленный въ отдаленныя отношенія къ жизни, чѣмъ лучше распорядительное, т. е. чисто канцелярское, засѣданіе суда, назначающее, какъ во Франціи, въ обыкновенномъ же гражданскомъ порядкѣ, обыкновеннаго же опекуна, совершенно какъ таковой назначается для опеки надъ имуществомъ? Мы видимъ здѣсь исканіе чего-то новаго, но это новое найдено именно въ Америкѣ и здѣсь получило чрезвычайно быстрое распространеніе. Дѣтскій судъ былъ учрежденъ прежде всего въ Чикаго въ 1899 г., а къ 1905 г., т. е. черезъ 6 лѣтъ, онъ существовалъ уже въ 17 штатахъ Сѣверной Америки [1]), а по утвержденію Гендерсона [2]) въ 30—40 городахъ Сѣверной Америки; въ 1907 году онъ введенъ уже въ 27 штатахъ [3]).

Какъ утверждаетъ „дѣтскій“ судья въ Индіанополисѣ Стеббсъ [4]), идея дѣтскаго суда занесена изъ Англіи, гдѣ къ ней обратились вслѣдствіе ужаснаго роста дѣтской преступности. Подтвержденія этому утвержденію я нигдѣ не нашелъ. Наоборотъ, въ оффиціальномъ отчетѣ, приготовленномъ для американскаго конгресса, Барроу [5]) сказано, что первый дѣтскій судъ открытъ 1 іюля 1899 г. въ Чикаго.

Не вдаваясь въ подробности организаціи этого суда и не касаясь пока участія въ этомъ судѣ органовъ общественной опеки, такъ какъ, вообще, объ этихъ органахъ во всѣхъ

---

[1]) Baernreither, p. 181.

[2]) Modern Methods, p. 476.

[3]) Люблинскій, Особые суды для юношества. Ж. М. Ю., 1908 г., № 7 и 8.

[4]) Proceedings of Confer. of Charity and Correction. 1904, p. 35.

[5]) International Prison Commission. Childrens court in the United States 59. Congress. 1904, p. X.

странахъ я буду говорить заодно,—я долженъ отмѣтить слѣдующія основныя черты организаціи этого суда. Прежде всего, это—судъ особенный; судья, исполняющій эти обязанности, не имѣетъ никакихъ другихъ обязанностей, ибо и этого дѣла совершенно довольно, и помѣщеніе для этого суда отдѣльное.

Компетенція его самая широкая, но конечно и не вполнѣ еще опредѣленная: ему подлежатъ всѣ дѣла о дѣтяхъ, какъ преступныхъ, такъ и заброшенныхъ, приблизительно до 17 л. Но и на этомъ не ограничивается его компетенція. Какъ сообщаетъ самый выдающійся, пользующійся громадною популярностью въ Америкѣ, дѣтскій судья въ Денверѣ, въ Колорадо, Линдлей въ указанномъ выше оффиціальномъ отчетѣ [1]), тотъ же судъ судитъ и родителей за преступленія и нарушенія обязанностей въ отношеніи дѣтей, выяснившіяся во время засѣданія по дѣламъ о дѣтяхъ, но конечно отдѣльно, въ особомъ засѣданіи. Я полагаю, что этого одного указанія уже достаточно для характеристики этого суда. Это судъ надъ факторомъ преступности—разрушеніемъ семьи и происходящими отъ этого для всего общества бѣдами и опасностями. Конечно, такой судъ,—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи дѣтей—не преслѣдуетъ вовсе цѣлей репрессіи. Репрессія не пригодна въ этомъ дѣлѣ,—это ясно доказано, признано. Необходимо другое,—это сознается и въ Европѣ и, какъ говоритъ Тюшеръ [2]), одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей дѣтской преступности, надо репрессію замѣнить tutelle publique—общественной опекой. Но если въ Европѣ ограничились превозглашеніемъ этой идеи, то въ Америкѣ ее осуществляютъ на дѣлѣ. Какъ говоритъ Гендерсонъ [3]), правосудіе дѣтскаго суда никоимъ образомъ не должно быть правосудіемъ возмездія и репрессіи,—оно должно быть *отеческимъ* и *воспитательнымъ*. Отсюда и порядокъ дѣйствія и разнообразіе средствъ.

Прежде всего, судъ стремится къ *дѣйствительному, не бумажному* выясненію причинъ, которыя вызвали дѣтскую

---

[1]) Ibid., p. 63.

[2]) Paul Tuscher. Criminalité infantile. 1904, p. 32.

[3]) Preceedinqs, p. 366.

заброшенность и преступность и къ соотвѣтственной цѣлесообразной борьбѣ съ этою преступностью.

Для выясненія дѣла суду служатъ органы общества, въ лицѣ probation officers; они все время участвуютъ въ засѣданіи, предварительно произведя подробное разслѣдованіе, здѣсь же присутствуютъ родители, школьное начальство. Какъ говоритъ тотъ же Линдлей въ томъ же оффиціальномъ отчетѣ [1]), при такомъ разслѣдованіи жизненномъ, непосредственномъ выясняется неудовлетворительность дѣятельности въ данномъ случаѣ семьи, школы, а часто и церкви.

Но объектомъ разслѣдованія, главнымъ образомъ и прежде всего, является личность ребенка. Всѣ сходятся въ томъ, что ребенка желательно не вызывать въ обще-уголовный судъ, съ его торжественною, подчасъ театральною обстановкою, которая дѣйствуетъ слишкомъ сильно на впечатлительную дѣтскую натуру, съ одной стороны запугивая, смущая ребенка, а съ другой стороны привлекая къ нему вниманіе всего собранія, даетъ вредную пищу для его фантазіи, выставляя его въ собственныхъ глазахъ достойнымъ такого всеобщаго вниманія, авторомъ незаурядна́го дѣянія, чуть ли не героемъ. Не такъ происходитъ засѣданіе дѣтскаго суда. Передавая свои впечатлѣнія, судья Стеббсъ говоритъ [2]), что если онъ оставался на своемъ высокомъ судейскомъ креслѣ, а ребенокъ на скамьѣ подсудимыхъ, то между ними оставалось громадное разстояніе,—не только, такъ сказать, физическое, но нравственное. Ребенокъ совершенно ускользалъ отъ него, ему не удавалось добиться его откровенности. Когда же ребенокъ садился рядомъ съ нимъ и ласковая рука судьи опускалась на плечо ребенка, то легко завязывалась дружеская бесѣда, въ которой выплывало все наружу—и то, какъ мать посылала красть молоко, и какъ его били и т. д.

Но не для разслѣдованія, не для того, чтобы добиться откровенности, нужна новая постановка суда: она нужна, прежде всего и главнымъ образомъ, *для установленія* того *нравственнаго воздѣйствія* культурной нравственной лич-

[1]) Стр. 53.

[2]) Proceedings, p. 350—353.

ности судьи на заброшеннаго звѣрька, воздѣйствія, которое составляетъ основной принципъ дѣтскаго суда. Здѣсь говорятъ не о репрессіи, а объ исправленіи, при посредствѣ дѣтскаго суда, при посредствѣ главнымъ образомъ личнаго воздѣйствія болѣе сильной умственно и нравственно личности на менѣе устойчивую. Конечно, въ судѣ это воздѣйствіе только начинается, а въ полной мѣрѣ оно осуществляется лишь въ продолжительный періодъ испытанія, подъ руководствомъ опытнаго представителя организованнаго общественнаго надзора и опеки. Но роль судьи не кончается на этомъ,—онъ руководитъ probation officer'омъ, онъ выслушиваетъ его сообщенія, онъ вновь и вновь бесѣдуетъ съ ребенкомъ.

Вотъ картина новаго суда. Конечно, это—судъ новый, это—судъ, который, въ неразрывномъ взаимодѣйствіи и соучастіи съ обществомъ, осуществляетъ опеку надъ слабосильными. Онъ не постановляетъ приговоровъ, онъ занимается руководствомъ опеки и попеченія, мѣръ скорѣе административныхъ, чѣмъ карательныхъ, или даже мѣръ изъ области гражданскаго права. Конечно, это—судъ дѣтскій, судъ для дѣтей, для заброшенныхъ; но понятіе заброшенности, какъ мы уже указывали выше, не можетъ быть ограничено одними дѣтьми. Если же эта новая постановка борьбы съ преступностью, ограниченная пока одними дѣтьми, оказалась правильною, то нельзя ли сдѣлать предположеніе, что то, что на дѣтскомъ дѣлѣ, которое всегда было передовымъ въ общей системѣ мѣръ борьбы съ преступностью, показывая направленіе грядущихъ измѣненій во всей системѣ, оправдалось, оказалось цѣлесообразнымъ,—то не будетъ ли современемъ примѣнено, съ тѣми или другими изъятіями и ограниченіями, и ко всему дѣлу борьбы съ преступностью?

Въ самые послѣдніе годы дѣтскіе суды стали распространяться въ Европѣ, впервые—въ Англіи съ 1905 г. Въ 1908 г. такихъ судовъ насчитывалось уже въ разныхъ городахъ Англіи 56 (ср. Люблинскій, указ. статья). Движеніе въ пользу установленія дѣтскихъ судовъ сильно развивается во Франціи, Германіи и, отчасти, Италіи.

Въ нашихъ петербургскихъ газетахъ было мелькомъ сообщено, что, по иниціативѣ проф. Фойницкаго, Петербург-

ское городское управленіе выдѣляетъ нѣсколько мировыхъ судей города Петербурга спеціально для разрѣшенія дѣтскихъ дѣлъ.

Извѣстно скромное, чтобы не сказать—жалкое, положеніе дѣла борьбы съ дѣтскою преступностью въ Россіи. Оно нормировано сравнительно недавнимъ закономъ 2 Іюня 1897 г.; но онъ и самъ по себѣ и по отсутствію тѣхъ вспомогательныхъ общественныхъ силъ, безъ которыхъ большая часть новыхъ мѣръ не можетъ получить настоящей реализаціи, внесъ въ дѣло мало улучшеній и много безпорядка. Авторовъ въ этомъ законѣ было столько, что никто изъ участвовавшихъ въ составленіи не приписываетъ себѣ чести быть отцомъ этого законопроекта. Вслѣдъ за его изданіемъ потребовался безконечный рядъ разъясненій Правительствующаго Сената.

Въ основныхъ своихъ положеніяхъ онъ стоитъ всецѣло на устарѣвшей доктринѣ французскаго происхожденія о разумѣніи. Такой вопросъ судъ можетъ ставить относительно подсудимыхъ въ возрастѣ отъ 10 до 17 л.,—до 10 лѣтъ считается полная невмѣняемость; послѣ 17 л.—полная вмѣняемость съ ничтожнымъ по сравненію съ взрослыми, имѣющими 21 годъ и болѣе, смягченіемъ наказаній, не устраняющимъ, однако, даже въ отношеніи къ 17-лѣтнимъ примѣненія смертной казни.

Періодъ отъ 10 до 17 л. раздѣляется на два—первый отъ 10 до 14 лѣтъ, а второй отъ 14 до 17 лѣтъ. Во второмъ только смягченіе наказанія и только взамѣнъ тюрьмы допускается отдача въ воспитательно-исправительное заведеніе; наоборотъ, въ первомъ періодѣ отъ 10 до 14 л. такая отдача нормальна, а если соотвѣтственныхъ заведеній нѣтъ,—отдача подъ отвѣтственный надзоръ родителей, но факультативно можетъ быть назначено и содержаніе въ тюрьмѣ въ отдѣленіяхъ для малолѣтнихъ.

Уже, такъ сказать, въ своемъ остовѣ этотъ законъ поражаетъ своею отсталостью, прямо убожествомъ, по сравненію съ другими европейскими законами. Здѣсь только подумали о преступныхъ дѣтяхъ, а другую категорію заброшенныхъ какъ будто и не подозрѣвали, несмотря на всю ея близость къ преступной категоріи, несмотря на невозмож-

ность даже рѣшенія вопроса, которая изъ категорій болѣе опасна. О разстройствѣ семей, о тѣхъ правахъ дѣтей на заботы о физическомъ и нравственномъ ихъ состояніи со стороны родителей, правахъ, которые защищаютъ законы всѣхъ культурныхъ странъ, здѣсь не встрѣчаемъ мы ни слова.

Но даже въ той узкой сферѣ, которую законъ себѣ отмежевалъ, онъ является—по крайней мѣрѣ, пока—вполнѣ мертворожденнымъ. Гдѣ эти особыя отдѣленія для малолѣтнихъ въ тюрьмахъ? прибита ли хоть одна доска для устройства такихъ отдѣленій,—мы не имѣемъ объ этомъ свѣдѣній.

Мѣста принудительнаго воспитанія?—но ихъ до чрезвычайности недостаточно, въ нихъ помѣщается всего во всей Россіи до 1700 дѣтей. Мѣста освобождаются разъ въ нѣсколько лѣтъ, т. е. весь составъ обновляется, вѣроятно, не чаще, чѣмъ разъ въ 5 лѣтъ, а только въ тюрьмы ежегодно поступаетъ болѣе 4000 дѣтей.

Есть еще отдача подъ отвѣтственный надзоръ родителей; но эта мѣра, къ сожалѣнію, нерѣдко примѣняемая судами, конечно представляетъ собою ничто иное какъ безпорядокъ. Если бы у составителей закона была бы въ виду мысль о заброшенномъ дѣтствѣ, о разстроенныхъ семьяхъ, оставляющихъ дѣтей безъ призора и доводящихъ ихъ такимъ путемъ до преступленія, то едвали бы они предложили какъ мѣру борьбы съ дѣтской преступностью—отдачу въ эти самыя семьи, да еще подъ отвѣтственный надзоръ; это примѣненіе какого то гомеопатическаго принципа similia similibus curantur. Вѣдь не надо забывать, что за этими семьями, въ свою очередь, нѣтъ никакого надзора и что дѣлается съ дѣтьми отданными подъ „отвѣтственный" надзоръ извѣстно столько же, сколько о ссыльныхъ, которыхъ до 1900 г. перевозили изъ одной губерніи въ другую и выпускали на произволъ судьбы. Это, конечно,—не система, а безпорядокъ.

Нельзя не отмѣтить и нѣкоторыя процессуальныя мѣры закона 2 іюня 1897 г. Такъ, подслѣдственный арестъ преступныя дѣти отбываютъ въ воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ (если есть мѣсто,—а его нѣтъ), а не въ тюрьмѣ; въ засѣданіе суда приглашаются и выслушиваются роди-

тели обвиняемыхъ. Сдѣлана попытка создать и особый органъ дѣтскаго суда—въ лицѣ распорядительныхъ засѣданій окружныхъ судовъ, т. е. засѣданій не публичныхъ (и мировому судьѣ предоставляется разбирать дѣло при закрытыхъ дверяхъ). Едва-ли это органъ подходящій. Правда, здѣсь нѣтъ вредной для дѣтей публичности, которая зарождаетъ въ нихъ мысль о важности совершеннаго ими, но за то это—засѣданія безъ установленнаго въ законѣ порядка разсмотрѣнія. Такія засѣданія отбываются окружными судами, заваленными дѣлами, второпяхъ, кое какъ; тутъ не можетъ быть мѣста ни вдумчивому изученію преступника ни, еще менѣе, руководству мѣрами его возрожденія, какъ въ дѣтскомъ судѣ. Это опять—мысль несомнѣнно мертворожденная.

Извѣстный шагъ въ дѣлѣ борьбы съ дѣтскою преступностью было сдѣланъ внесеніемъ въ Государственную Думу перваго призыва законопроекта объ изданіи положенія о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ.

Законопроектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ комиссіей по судебнымъ реформамъ 3-й Государственной Думы, одобренъ Думой и Государственнымъ Совѣтомъ и получилъ Высочайшее утвержденіе 19 апрѣля 1909 г.

Необходимо остановиться на соображеніяхъ доклада комиссіи [1]), такъ какъ въ немъ содержатся подробныя данныя о дѣйствительномъ положеніи нашихъ учрежденій принудительнаго воспитанія. Вотъ эти соображенія.

Мысль о необходимости замѣны для малолѣтнихъ въ возрастѣ 10—17 лѣтъ общихъ наказаній обращеніемъ ихъ въ особыя воспитательно-исправительныя заведенія зародилась у насъ одновременно съ выработкой судебныхъ уставовъ 1864 г. и въ связи съ изданіемъ особаго устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, разсматривавшагося въ Государственномъ Совѣтѣ вслѣдъ за проектомъ устава уголовнаго судопроизводства и удостоеннаго Высочайшаго утвержденія 20 ноября 1864 г., вмѣстѣ съ судебными уставами.

Въ статьѣ 6 этого устава, въ изданіи 1864 г. было ска-

[1]) Докладъ написанъ мною по порученію докладчика.

зано: „Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ учреждены исправительные пріюты, несовершеннолѣтніе отъ десяти до семнадцати лѣтъ могутъ, взамѣнъ заключенія въ тюрьмы, быть обращаемы въ эти пріюты на срокъ, опредѣляемый мировымъ судьею, но съ тѣмъ, чтобы не оставлять ихъ тамъ по достиженіи восемнадцатилѣтняго возраста". Въ объясненіяхъ подъ этою статьею въ изданіи Государственной Канцеляріи (1867 г.) сказано, что „это правило заключаетъ въ себѣ лишь первый вызовъ къ учрежденію означенныхъ заведеній, вызовъ, который, должно надѣяться, не останется безъ послѣдствій. Дальнѣйшее развитіе, т. е. опредѣленіе самыхъ основаній устройства предполагаемыхъ учрежденій и тѣхъ условій, на которыхъ могутъ быть отдаваемы въ нихъ дѣти по суду, должно быть предметомъ особаго закона". Такой законъ и былъ изданъ 5 декабря 1866 г. (ст. 153—167 нынѣ дѣйствующаго устава о содержащихся подъ стражей), а надежды, что вызовъ не останется безъ послѣдствій, оправдались на дѣлѣ до извѣстной степени, ибо въ настоящее время числится такихъ воспитательно-исправительныхъ заведеній 53.

Такимъ образомъ, изданіе правилъ 1866 г. предшествовало самому образованію подобныхъ заведеній и, въ силу только одного этого, правила не могли, очевидно, нормировать всесторонне всего уклада этихъ, тогда еще не существовавшихъ, заведеній. За истекшія 40 лѣтъ возникло 53 заведенія, имѣющія каждое свой особый уставъ: представители этихъ учрежденій съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія собираются въ періодическіе съѣзды, на которыхъ обсуждаются не только нужды отдѣльныхъ заведеній, но и вопросы, требующіе законодательной нормировки. Настоящій законопроектъ является, главнымъ образомъ, выраженіемъ пожеланій этихъ съѣздовъ относительно законодательной нормировки положенія о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ. Отсюда ясно, что, въ основныхъ чертахъ своихъ, этотъ законопроектъ представляется и вполнѣ своевременною и прочно обоснованною мѣрою.

Но въ немъ заключаются и предположенія другого рода, касающіяся матеріальнаго положенія этихъ заведеній. Эта сторона дѣла сосредоточила на себѣ особое вниманіе Комис-

сіи. Дѣйствительно, неудовлетворительная постановка матеріальной стороны дѣла прежде всего отозвалась и на числѣ этихъ заведеній. Конечно, по сравненію съ тѣмъ, что было 40 лѣтъ тому назадъ, можно отмѣтить нѣкоторый шагъ впередъ—имѣются 53 заведенія, съ бюджетомъ почти въ 530.000 р. въ годъ, дающія пріютъ всего 1.700 дѣтямъ въ среднемъ. Но для оцѣнки значенія этихъ цифръ достаточно сравнить ихъ съ соотвѣтствующими цифрами въ сосѣдней намъ Пруссіи, въ которой имѣется такихъ заведеній 898, дающихъ пріютъ болѣе 7.000 дѣтей, причемъ только изъ средствъ государственнаго казначейства тратится болѣе 2.000.000 марокъ въ годъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что согласно отчету Главнаго Тюремнаго Управленія за 1904 г., въ то время какъ въ тюрьмахъ разнаго наименованія содержалось въ этомъ году 4174 дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ, въ воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ нашли себѣ помѣщеніе всего 1.712. Это сопоставленіе лучше всего указываетъ, какъ велика нужда и какъ малы средства для ея удовлетворенія. Между тѣмъ послѣдствія, которыя влечетъ за собою неудовлетвореніе такой первостепенной важности нужды, не могутъ не быть крайне вредными.

Малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, вступившіе впервые на преступный путь большею часть потому, что родители или лица, на попеченіи коихъ они состояли, оставили ихъ безъ всякаго нравственнаго воспитанія, а часто и вовсе безъ призора, нуждаются именно въ восполненіи того пробѣла въ ихъ воспитаніи, который допущенъ не по ихъ винѣ, а по винѣ другихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, они представляютъ собою элементы, легко поддающіеся мѣрамъ оздоровленія и, вообще, воспитательнымъ. Между тѣмъ, попадая въ тюрьмы, они, при существующей у насъ системѣ общаго заключенія, въ обществѣ сложившихся преступниковъ окончательно развращаются и подготовляются къ преступной дѣятельности, какъ ремеслу. И такихъ лицъ, какъ показываютъ вышеприведенныя цифры, оказывается свыше 4.000 въ годъ, т. е., другими словами, контингентъ преступниковъ въ Россіи ежегодно увеличивается на такое число лицъ. Но кромѣ этихъ, дошедшихъ уже до совершенія преступленія, лицъ, есть

еще болѣе многочисленная категорія малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, которые представляютъ собою тотъ запасный контингентъ, изъ котораго пополняются ряды дѣтей, совершающихъ преступленія: это—дѣти, оставленныя безъ пріюта, безъ призора, нищенствующія, бродяжничающія и праздношатающіяся. По примѣру другихъ законодательствъ, настоящій законопроектъ предусматриваетъ помѣщеніе въ воспитательно-исправительныя заведенія и этой категоріи малолѣтнихъ (ст. 7 проекта п. 3). При постатейномъ обсужденіи проекта, комиссія остановилась и на этой его части, но при этомъ не могла не замѣтить, что лица упомянутой категоріи, хотя и представляютъ весьма большую опасность для государства, только въ исключительныхъ случаяхъ найдутъ себѣ помѣщеніе въ исправительныхъ заведеніяхъ, которыхъ мало даже для принятія лицъ, совершившихъ уже преступныя дѣянія.

Приведенныя соображенія указываютъ на полное несоотвѣтствіе наличнаго числа исправительно-воспитательныхъ заведеній съ задачами борьбы съ преступностью, которымъ они призваны служить. Останавливаясь на вопросѣ о причинахъ такого несоотвѣтствія, комиссія приняла во вниманіе, что, какъ усматривается изъ послѣдняго отчета Главнаго Тюремнаго Управленія, за 1904 г. (Разд. XIV, стр. 10—22), учрежденіе и содержаніе исправительно-воспитательныхъ заведеній почти всецѣло отнесено на средства городовъ, земствъ и на частную благотворительность, ибо изъ общаго дохода за отчетный годъ въ 530.592 р. 52 к. собственно на пособіе отъ казны могутъ быть отнесены только п.п. 1 и 4 ст. 2 (особыя пособія отъ казны и пособія отъ казны на продовольствіе и одежду), по коимъ значится въ поступленіи 18.389 р. 30 к. и 44.889 р. 82 к., а всего 62.279 р. 32 к. Кромѣ того, согласно ст. 155 уст. о сод. подъ стражей, въ пользу этихъ заведеній отчисляется, по распоряженію губернскихъ земскихъ собраній, не свыше 10% изъ ежегоднаго поступленія отъ денежныхъ взысканій, налагаемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей (ст. 27 уст. о наказ.). Между тѣмъ даже сами заведенія, главнымъ образомъ трудами своихъ воспитанниковъ, доставили на свое содержаніе въ отчетномъ году 116.788 р.

Такое положеніе, конечно, не можетъ быть признано нормальнымъ. Въ видахъ болѣе правильной постановки этого важнаго государственнаго дѣла, въ проектѣ предполагается (ст. 13 и 15) удвоить отпускаемую нынѣ сумму на продовольствіе и одежду (нынѣ 44 889 р. 82 к.) и разрѣшить земскимъ собраніямъ отпускать изъ капитала на устройство мѣстъ заключеній не 10%, какъ нынѣ, а до 20%. Такимъ образомъ будетъ достигнуто увеличеніе средствъ на учрежденіе и содержаніе исправительныхъ заведеній, въ общемъ итогѣ приблизительно на 100.000 р. Однако, и при осуществленіи этого предположенія едва ли можно надѣяться на сколько нибудь существенное измѣненіе нынѣшняго положенія, въ смыслѣ столь необходимаго увеличенія числа исправительныхъ заведеній. Предположенная къ новому отпуску сумма дастъ лишь возможность упрочить существованіе нынѣ дѣйствующихъ заведеній, изъ числа которыхъ многія находятся въ крайне бѣдственномъ положеніи, а три (Кавказское, Орловское и Вологодское), по удостовѣренію Министерства Юстиціи, близки къ закрытію, за недостаточностью средствъ.

Войдя въ обсужденіе вопроса о возможныхъ способахъ выхода изъ этого тяжелаго положенія въ будущемъ, комиссія остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ. Во-первыхъ, что касается до участія казны въ этомъ чисто государственномъ дѣлѣ, то нынѣшніе размѣры этого участія—даже и въ видоизмѣненномъ по проекту видѣ—не могутъ быть признаны отвѣчающими значенію означеннаго дѣла. Уже 12 лѣтъ тому назадъ Особымъ Совѣщаніемъ, образованнымъ въ средѣ Государственнаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ Статсъ Секретаря Стояновскаго, для разсмотрѣнія проекта, ставшаго затѣмъ закономъ 2 іюня 1897 г., о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ, было высказано между прочимъ слѣдующее: „столь явное несоотвѣтствіе числа исправительныхъ пріютовъ съ обнаружившеюся въ нихъ потребностью несомнѣнно указываетъ на невозможность, въ дѣлѣ дальнѣйшаго ихъ развитія, ограничиваться одной лишь частною или общественною благотворительностью. Необходима правительственная помощь, въ особенности для учрежденія пріютовъ, приспособленныхъ

къ содержанію болѣе взрослыхъ преступниковъ, такъ какъ подобныхъ заведеній у насъ нѣтъ".

Казалось бы, нынѣшнее положеніе этого дѣла еще болѣе убѣждаетъ въ необходимости безотлагательно приступить къ разработкѣ вопроса о широкомъ участіи со стороны государственнаго казначейства въ помощи такимъ пріютамъ. Не слѣдуетъ забывать, что такія затраты возвратятся, несомнѣнно, съ прибылью, ибо не только сократятся расходы на содержаніе преступниковъ въ тюрьмахъ, но съ уменьшеніемъ числа преступныхъ элементовъ въ странѣ значительно сократятся тѣ громадные и въ дѣйствительности никогда не возмѣщаемые убытки, которые причиняются преступленіями противъ имущества.

Далѣе, комиссія остановилась и на вопросѣ о привлеченіи монастырей къ этому дѣлу. Въ этомъ отношеніи, уже задолго до закона 2 іюня 1897 г. (нынѣ ст. 138[1] Улож. Наказ. по прод. 1902 г.), въ ст. 138 того же Уложенія (изд. 1885 г.) была указана возможность присужденія малолѣтнихъ преступниковъ взамѣнъ содержанія въ тюрьмѣ или воспитательно исправительномъ заведеніи къ заключенію въ монастырѣ ихъ вѣроисповѣданія. Въ дѣйствительности, однако, эта мѣра получила весьма малое осуществленіе, и только двумя монастырями Кубанской области устроены пріюты для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Мало того—въ ряду тѣхъ общественныхъ учрежденій, которыя приходятъ на помощь существующимъ нынѣ воспитательно-исправительнымъ заведеніямъ, не встрѣчаются ни монастыри—даже самые богатые—ни церковь. Между тѣмъ несомнѣнно, что дѣло перевоспитанія заблудшихъ дѣтей является дѣломъ чисто христіанскимъ. Поэтому, если даже признать, что строй этихъ заведеній не всегда можетъ быть согласованъ вполнѣ съ внутреннимъ строемъ и бытомъ монастырей, то, во всякомъ случаѣ, привлеченіе хотя бы наиболѣе состоятельныхъ монастырей къ участію въ матеріальныхъ жертвахъ являлось бы справедливымъ. Едва ли можно опасаться также, что Святѣйшій Синодъ, не отказывающій нѣкоторымъ изъ наиболѣе полезныхъ нашихъ благотворительныхъ учрежденій (Попеч. о слѣпыхъ, Обществу защиты женщинъ и т. д.) въ разрѣшеніи всероссійскаго, хотя бы

однодневнаго, церковнаго сбора, отказалъ бы въ этомъ, въ случаѣ надлежащаго сношенія, воспитательно-исправительнымъ заведеніямъ.

Всѣ эти мѣры, конечно, нуждаются въ предварительной разработкѣ и такую надлежитъ, по мнѣнію Комиссіи, предоставить министру юстиціи.

Переходя отъ сихъ общихъ сужденій къ постатейному обсужденію законопроекта, Комиссія остановилась на ст. 7 Положенія, въ коей, въ числѣ помѣщаемыхъ въ исправительно-воспитательныя заведенія несовершеннолѣтнихъ, указаны и отдаваемые по распоряженію правительственныхъ учрежденій, а также комитетовъ, правленій или совѣтовъ обществъ, завѣдывающихъ воспитательно-исправительными заведеніями, нищенствующіе, бродяги, праздношатающіеся и безпріютно-безпризорные вообще (п. 3). При сопоставленіи этой статьи со статьею 27 того-же Положенія оказывается, что такіе несовершеннолѣтніе, помѣщенные въ воспитательно-исправительное заведеніе, содержатся въ нихъ до исправленія. Изложенныя въ этихъ статьяхъ предположенія вызвали въ средѣ Комиссіи сомнѣнія въ ихъ правильности. Въ сущности, въ нихъ дѣлается попытка стать на тотъ путь, по которому уже давно пошли законодательства другихъ странъ, а именно на путь примѣненія принудительнаго воспитанія не только къ дѣтямъ преступнымъ, но и къ дѣтямъ, называемымъ въ иностранной литературѣ и законодательствѣ нравственно заброшенными (moralemet abandonnés). Таковы прусскіе законы 13 марта 1878 г. и 2 іюня 1900 г., французскіе законы 24 іюля 1889 г. и 19 апрѣля 1898 г. и т. д. Основная мысль этихъ законовъ навѣяна печальными данными статистики преступленій, свидѣтельствующей о непомѣрно быстромъ ростѣ дѣтской преступности и о томъ, что ряды преступниковъ-дѣтей главнымъ образомъ пополняются изъ класса нравственно-заброшенныхъ, оставленныхъ безъ призора и нравственнаго руководства дѣтей, коихъ насчитывалось, напримѣръ, во Франціи ко времени изданія закона 1889 г. 100.000. Несомнѣнно, что соотвѣтственная законодательная нормировка этого вопроса и у насъ необходима. Отчасти это предположено уже, хотя и въ совершенно зачаточной формѣ, въ ст. 27 проекта опекунскаго устава.

Однако, разработку такого закона по поводу настоящаго законопроекта Комиссія признаетъ несвоевременнымъ, тѣмъ болѣе, что въ существующихъ исправительно-воспитательныхъ заведеніяхъ нѣтъ достаточно мѣстъ даже и для болѣе важной категоріи—преступныхъ дѣтей. Поэтому Комиссія предпочитаетъ въ настоящее время ограничиться лишь указаніемъ министру юстиціи на желательность скорѣйшей законодательной нормировки этого вопроса у насъ. Но и оставаясь въ предѣлахъ главнаго предмета настоящаго законопроекта, Комиссія находитъ, что подвергать принудительному воспитанію дѣтей и заключать ихъ для этого въ соотвѣтственныя заведенія до достиженія 18-лѣтняго возраста, а въ нѣкоторыхъ случахъ до совершеннолѣтія, въ силу никѣмъ не провѣренныхъ безконтрольныхъ распоряженій общей администраціи или администраціи заведеній, представляется совершенно недопустимымъ нарушеніемъ общегражданскихъ правъ какъ самихъ дѣтей, такъ и ихъ родителей. Такое постановленіе стояло бы въ полномъ противорѣчіи съ началами находящагося нынѣ на разсмотрѣніи Государственной Думы законопроекта о неприкосновенности личности. Едва ли также оправданіемъ такого положенія могли бы служить постановленія ст. 19 прилож. къ ст. 152 устава о паспортахъ (изд. 1903 г.), въ силу коего дѣти-бродяги, не достигшія 17-лѣтняго возраста, передаются въ безконтрольное вѣдѣніе учрежденій общественнаго призрѣнія до достиженія ими означеннаго возраста.

Признавая, однако, что при условіи надлежащаго контроля принудительное помѣщеніе заброшенныхъ дѣтей въ исправительно-воспитательныя заведенія хотя въ настоящее время и не можетъ имѣть широкаго примѣненія въ виду ограниченнаго числа такихъ заведеній, но въ будущемъ можетъ принести существенную пользу, Комиссія находитъ возможнымъ одобрить предположенія проекта о помѣщеніи заброшенныхъ дѣтей въ исправительно-воспитательныя заведенія, поставивъ примѣненіе этой мѣры подъ контроль судебной власти. Въ этомъ смыслѣ Комиссія признаетъ необходимымъ дополнить статью 7 проекта.

Въ законѣ эта гарантія законности содержанія заброшенныхъ дѣтей — нищенствующихъ, бродяжествующихъ и,

вообще, безпріютныхъ и безпризорныхъ—вылилась въ примѣчаніе къ ст. 7 положенія, въ которомъ сказано, что комитеты, правленія или совѣты обществъ, завѣдывающихъ воспитательно-исправительными заведеніями, въ случаяхъ принятія въ означенныя заведенія такихъ дѣтей, сообщаютъ о такихъ своихъ постановленіяхъ въ трехдневный срокъ мѣстному мировому или городскому судьѣ, либо земскому начальнику, по принадлежности, для установленія правильности задержанія.

Такимъ образомъ, законность содержанія обезпечена,—но много ли такихъ дѣтей попадетъ въ эти заведенія? Вѣдь конечно всегда и совершенно законно будутъ отдавать преимущество преступнымъ дѣтямъ. Конечно, надо надѣяться, что, благодаря усиленной субсидіи отъ казны, число заведеній увеличится, но не ранѣе какъ лѣтъ черезъ 10 можно разсчитывать, что хоть преступныя дѣти, если ихъ число не особенно увеличится къ тому времени, не будутъ попадать у насъ въ тюрьмы. Заброшенныя же дѣти будутъ попрежнему являться главнымъ первоисточникомъ преступности въ странѣ.

Такимъ образомъ, дѣла въ этомъ отношеніи еще чрезвычайно много—и въ смыслѣ филантропическихъ заботъ о заброшенныхъ дѣтяхъ, о чемъ ниже, и въ смыслѣ законодательства. Надо оградить права тѣхъ, которые бы желали позаботиться о заброшенныхъ дѣтяхъ противъ родителей, желающихъ ихъ эксплоатировать въ нищенствѣ и другихъ подобныхъ промыслахъ, надо подойти къ только что изложенному общеевропейскому законодательству, уже остановившемуся на извѣстныхъ общихъ началахъ; на второмъ съѣздѣ русской группы криминалистовъ уже выяснена была ярко чувствуемая немногими существующими у насъ обществами защиты дѣтей потребность въ такихъ ограждающихъ ихъ права законахъ. Несомнѣнно, однако, что все же новое положеніе о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ—шагъ гораздо болѣе реальный, чѣмъ законъ 2 Іюня 1897 г. о борьбѣ съ дѣтскою преступностью. Но, конечно, возлагать слишкомъ большія надежды на новый законъ даже въ финансовомъ отношеніи нѣтъ основаній. Правда, ст. 12—17 обезпечиваютъ извѣстныя субсидіи на постройку и обзаве-

деніе подобныхъ учрежденій, на прокормленіе и одѣваніе, но все же всѣ эти субсидіи далеко не будутъ покрывать расходовъ на постановку педагогически-воспитательной стороны,—а она и теперь поставлена наименѣе удовлетворительно и нуждается настоятельно въ улучшеніи, въ поднятіи уровня педагогическаго персонала; вѣдь у насъ нѣтъ никакихъ подготовительныхъ кадровъ или спеціальныхъ заведеній, которыя подготовляли бы къ такой дѣятельности, какъ въ Германіи (Innere Mission въ Rauhe haus близь Гамбурга и т. д.).

Затѣмъ, это все-таки не болѣе какъ положеніе о воспитательныхъ заведеніяхъ. Изъ другихъ статей (если не вдаваться въ подробности) заслуживаетъ упоминанія; ст. 25, по силѣ коей помѣщеные въ воспитательно-исправительное заведеніе содержатся *до исправленія*, но не долѣе достиженія ими восемнадцатилѣтняго возраста, а имѣвшіе при помѣщеніи болѣе пятнадцати лѣтъ отъ роду—до достиженія совершеннолѣтія. Такъ неуклонно всѣ законодательства идутъ по пути удлиненія дѣтскаго возраста. Предусматривается возможность (ст. 26) отдачи, по постановленіямъ совѣта, пробывшихъ въ заведеніи не менѣе года въ обученіе мастерамъ, подъ наблюденіемъ совѣтовъ. Если освобожденный до 18-лѣтняго возраста, или въ надлежащихъ случаяхъ до совершеннолѣтія, будетъ замѣченъ въ дурномъ поведеніи на свободѣ, то онъ подлежитъ возвращенію въ заведеніе (ст. 27). Но органовъ наблюденія, а равно и патронатствъ надъ такими освобождаемыми, не образуется и такимъ образомъ надлежащихъ гарантій дѣйствительнаго возвращенія въ нормальную жизнь не создается.

Въ концѣ концовъ, слѣдуетъ отмѣтить, что принципъ срочной кары здѣсь совершенно замѣняется принципомъ педагогическимъ воспитанія, хотя бы и принудительнаго, не ограниченнаго срокомъ. Это—заведенія педагогическія, хотя и принудительнаго воспитанія, и потому въ силу примѣчанія къ ст. 34: „примѣненіе тѣлесныхъ наказаній и заключеніе въ темномъ карцерѣ не допускается“—ибо, какъ показалъ опытъ, и въ этихъ заведеніяхъ, какъ и въ другихъ педагогическихъ, примѣненіе тѣлесныхъ наказаній разрушаетъ нравственный строй заведеній.

Неопредѣленные приговоры, сохраненіе, принудительное воспитаніе для взрослыхъ — реформаторіи.

Какъ уже было отмѣчено неоднократно выше, область борьбы съ преступностью переживаетъ переходное время Твердо укоренилось убѣжденіе въ совершенной негодности господствующей системы репрессіи для борьбы съ преступностью. Это убѣжденіе раздѣляется и законодателемъ, и судьею, и тюрьмовѣдомъ, и значительною частью ученыхъ новаго направленія. Такова исходная точка, объясняющая всевозможнаго рода исканія новыхъ мѣръ. Исканія эти привели уже къ ряду новыхъ мѣръ, которыя описаны выше и которыя вполнѣ оправдались въ примѣненіи. Но эти мѣры, все же, не охватываютъ всѣхъ видовъ преступниковъ: изъ тюрьмы выведены дѣти, съ продолженіемъ дѣтскаго возраста до совершеннолѣтія и, какъ крайность, и далѣе, выведены случайные преступники, пьяницы, бродяги и нищіе, приняты мѣры къ сокращенію пребыванія въ тюрьмахъ, сколько нибудь подающихъ надежды на исправленіе и т. д. И все же, остаются преступники, совершившіе и въ первый разъ не легкое, а сразу же тяжелое преступленіе, остаются обратившіе занятіе преступленіемъ въ промыселъ, упорные рецидивисты. Что съ ними дѣлать? И вотъ мы видимъ, что на почвѣ тѣхъ же здоровыхъ и оказавшихся цѣлесообразными для нѣкоторыхъ категорій преступниковъ мѣръ и положенныхъ въ основу этихъ мѣръ новыхъ началъ, зарождаются новыя теченія, я бы сказалъ—болѣзненныя, смѣшивающія эти начала воедино и желающія примѣнить эти начала къ категоріямъ преступниковъ, для которыхъ эти начала не годятся. Это можетъ быть понятно, какъ понятно нетерпѣніе

и нежеланіе подождать результатовъ примѣненія уже введенныхъ мѣръ. Но если это и понятно, то, тѣмъ не менѣе, нельзя не сказать, что въ этихъ предположеніяхъ сказывается какая то безнадежность, безплодность, неосуществимость въ жизни. Мало того—допускаемое въ этихъ предположеніяхъ смѣшеніе началъ затемняетъ истинное значеніе каждаго изъ началъ, положенныхъ въ основу уже введенныхъ новыхъ мѣръ.

Такъ, отъ условнаго досрочнаго освобожденія берется мысль о перенесеніи полномочія въ рѣшеніи вопроса о срокѣ заключенія съ суда на тюремную администрацію, и эта мысль, это начало, поставленное въ институтѣ условнаго досрочнаго освобожденія совершенно опредѣленно самимъ закономъ, съ точнымъ обозначеніемъ времени, которое можетъ быть сокращено изъ срока заключенія, здѣсь выливается въ совершенно неопредѣленные приговоры, т. е. такіе, въ которыхъ судья только бы назначалъ родъ наказанія, а срокъ заключенія, хотя бы и пожизненнаго, всецѣло бы зависѣлъ отъ начальства мѣста заключенія. Но что еще удивительнѣе—такъ это то, что исходя изъ мысли, будто такимъ неопредѣленнымъ по сроку заключеніемъ можно человѣка исправить, сюда же присоединяютъ начало педагогически-воспитательное, положенное въ основу борьбы съ дѣтскою преступностью.

Здѣсь—рядъ недоразумѣній и смѣшеній, столь мало провѣренныхъ, что надо точно и ясно выяснить основныя ошибки, чтобы, такъ сказать, не скомпрометировать все новое движеніе.

Вопросъ о неопредѣленныхъ приговорахъ вызвалъ цѣлую литературу (Ашроттъ, Листъ, Вахъ, Цуккеръ, Ламмашъ, Тардъ, Готье и т. д.), но слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что идея совершенной неопредѣленности приговора нигдѣ пока себѣ точнаго выраженія въ законодательствѣ не нашла; однако же, къ сожалѣнію, она, несомнѣнно, начинаетъ оказывать вліяніе вредное, затемняющее умы самыхъ выдающихся спеціалистовъ дѣла борьбы съ преступностью, какъ это видно изъ новаго англійскаго законопроекта, къ которому я перейду вслѣдъ за этимъ. Я повторяю: нигдѣ эта идея въ полной мѣрѣ себѣ осуществленія пока не нашла; вездѣ, если не судъ, то законъ опредѣляетъ точно границы

такого „неопредѣленнаго“ содержанія. Но затѣмъ здѣсь рядъ смѣшеній. Не точно ставятъ вопросъ,—для кого предназначаются эти мѣры. Въ самомъ дѣлѣ—мы указали выше двѣ категоріи преступниковъ, для которыхъ пока не нашли соотвѣтственныхъ мѣръ: категорію преступниковъ взрослыхъ, совершившихъ, однако же, и въ первый разъ не легкое преступленіе, за которое они могли бы подпасть условному осужденію, а тяжкое, и другую категорію, обратившихъ занятіе преступленіемъ въ промыселъ, т. е., если не біологически, не прирожденно, то соціально неисправимыхъ. Что общаго между этими двумя категоріями? Конечно—ничего.

Возьмемъ вторую категорію; это—элементы безнадежные, элементы, которые образовались подъ вліяніемъ факторовъ преступности, съ которыми не боролись цѣлесообразно и своевременно. Несомнѣнно, что даже въ будущемъ, по несовершенству человѣческихъ силъ, такіе элементы, хотя и въ значительно меньшемъ размѣрѣ, будутъ появляться. Какія же цѣли можно поставить въ отношеніи этихъ элементовъ, желая оградить отъ нихъ общество?—конечно, только тѣ, которыя Штооссъ такъ удачно назвалъ въ своемъ проектѣ швейцарскаго уложенія — сохраненіемъ. Для нихъ нужны тюремныя богадѣльни: это—лица совершенно выбитыя изъ колеи физически, умственно, нравственно и соціально; это —лица, которыя не могутъ больше жить на свободѣ; они отвыкли отъ мысли, что на свободѣ можно заниматься чѣмъ либо кромѣ преступленія, что надо заниматься самому мыслью о завтрашнемъ пропитаніи, что о пропитаніи не подумаетъ тюремное начальство. Въ отношеніи къ нимъ нельзя побѣдить предубѣжденіе общества и предоставить имъ заработокъ. Въ отношеніи къ нимъ можно задаваться мыслью объ исправленіи и устраивать особо дорого стоющія учрежденія, въ родѣ американскихъ реформаторій, но вѣдь нельзя же безцѣльно тратить народныя деньги на соціальные отбросы, когда этихъ денегъ не стаетъ на обезпеченіе культурныхъ условій здоровымъ членамъ общества. Или, можетъ быть, можно исходить изъ неменѣе неосновательной мысли, что срочное заключеніе (большею частью многолѣтнее) не исправило, а вотъ безсрочное неопредѣлен-

ное исправить? Вѣдь это, конечно, ни на чемъ не основанное соображеніе. Никакіе неопредѣленные приговоры не помогутъ: здѣсь нужно простое безсрочное сохраненіе и если таковое будетъ примѣняться, не иначе какъ на основаніи вердикта присяжныхъ засѣдателей, какъ это установлено норвежскимъ уложеніемъ, да еще съ присоединеніемъ всѣхъ надлежащихъ данныхъ о личности (свѣдѣній тюремнаго начальства, справокъ о судимости и свѣдѣній изъ дѣлъ и т. д.), то такое сохраненіе будетъ самой цѣлесообразной мѣрой, которая можетъ быть поставлена наименѣе жестоко для сохраняемыхъ, т. е., конечно, безъ одиночнаго заключенія, безъ особыхъ тяжкихъ работъ, съ возможнымъ обезпеченіемъ пребыванія на свѣжемъ воздухѣ, на всякихъ огородныхъ работахъ и т. д. Это—неизлѣчимые калѣки преступленія. И такъ оно и ставится и швейцарскимъ проектомъ и норвежскимъ уложеніемъ. Сохраненіе назначается на 15 л норвежскимъ уложеніемъ, 20 л. швейцарскимъ, и лишь въ особенныхъ случаяхъ допускается условное досрочное освобожденіе. Никакихъ иллюзій, никакого колебанія ради этихъ иллюзій основъ правосудія.

Вторая категорія—лица, совершившія впервые, но тяжкое преступленіе; но вѣдь это несомнѣнно для будущаго, когда къ условному осужденію привыкнетъ больше глазъ, присмотрится общество, когда больше укоренится взглядъ Беккаріа, что совершившагося никакія силы не сдѣлаютъ не бывшимъ—кліенты условнаго осужденія. Это—тѣ же случайные преступники; въ нихъ велика категорія преступниковъ по страсти, людей, для которыхъ жизнь создала невѣроятно трудную, непосильную для нихъ задачу, которые разрѣшили ее путемъ преступленія, но которые въ будущемъ для общества не опасны. Можетъ ли быть опасна для общества женщина, которую выдали замужъ противъ воли, которая, будучи неграмотной, бѣдной крестьянкой, не находила и не могла найти какого-нибудь нормальнаго исхода изъ своего положенія, для которой именно въ виду подневольнаго выхода замужъ особенно тяжелы были половыя отношенія съ мужемъ и которая послѣ таковыхъ, когда мужъ заснулъ рядомъ съ ней, притянула тутъ же висѣвшіе

гужи и затянула петлю на шеѣ мужа? Это вѣдь—справка изъ подлиннаго, недавняго судебнаго дѣла.

А дальнѣйшее распространеніе системы probation officers?

Но вотъ возникаетъ мысль о принудительномъ воспитаніи для взрослыхъ и осуществляется въ американскихъ реформаторіяхъ. Прежде всего, и здѣсь полной неопредѣленности нѣтъ. Судъ, дѣйствительно, назначаетъ только родъ наказанія, но начальство реформаторіи не можетъ держать дальше максимума, указаннаго въ законѣ за данное преступленіе, срока заключенія.

Движеніе въ пользу реформаторій одно время было очень сильно.

Первая реформаторія была основана въ 1876 г. въ Нью-Іоркѣ правительствомъ по мысли Броквея, близъ города, въ Эльмирѣ; слѣдующей была реформаторія Конкордія въ Массачузетсѣ, затѣмъ открыты были реформаторіи въ Миннесотѣ, Пенсильваніи, Иллинойсѣ, Канзасѣ, Огіо, Индіаннѣ.

Всѣ свѣдѣнія о реформаторіяхъ въ видѣ докладовъ и подробныхъ фактическихъ данныхъ, представленныхъ самими американцами, можно найти въ трудахъ Брюссельскаго международнаго тюремнаго конгресса 1900 г. (томъ III и отдѣльные бюллетени), который занялся этимъ вопросомъ и высказался отрицательно по вопросу о возможности рекомендовать эту систему.

Въ эльмирскую реформаторію принимаютъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 16—30 лѣтъ, совершившихъ важное преступленіе; все населеніе реформаторіи раздѣляется на 3 класса; принимаютъ въ средній; за дурное переводятъ въ низшій, за хорошее—въ высшій и затѣмъ условно освобождаютъ. Здѣсь все примѣнено: и обязательное обученіе грамотѣ и наукамъ, и конференціи, и самыя разнообразныя ремесленныя занятія,—ихъ до чрезвычайности много, такъ что удивляешься, сколько надо имѣть преподавателей; здѣсь же усиленныя занятія гимнастикой и военной маршировкой; не гнушаются и тѣлесныхъ наказаній, а въ то же время есть даже клубъ и чуть ли не зеркальныя окна съ видомъ на Эльмирскую долину. Результаты, для достиженія которыхъ, однако, требуется не менѣе года пребыванія, по увѣреніямъ Броквея, поразительные: болѣе 83% удачныхъ.

Оказалось, однако же, при ближайшемъ ознакомленіи, что реформаторія могла слѣдить за своими воспитанниками только первые полъ-года по освобожденіи; что дѣлалось съ ними дальше—неизвѣстно.

Содержаніе каждаго воспитанника обходится въ 300 руб. въ годъ; надо думать что и это еще не всѣ расходы, судя по числу наличныхъ силъ преподавателей, надзирателей и т. д. По поводу общаго положенія заключенныхъ,—тѣхъ тепличныхъ, дорого стоющихъ, условій, которыя созданы въ Эльмирѣ, сказалъ, мнѣ кажется, рѣшающе жестокое слово Теллокъ, извѣстный англійскій тюрьмовѣдъ, приведя въ своихъ „Penological principles“ письмо одного изъ заключенныхъ въ Эльмирѣ къ роднымъ; заключенный описываетъ въ немъ, какъ онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ изъ роскошныхъ оконъ Эльмиры на долину, на которой въ дождь пахари обрабатывали землю. Въ 1908 г. Броквея, по свидѣтельству Бернрейтера, пришлось удалить за произволъ и растраты.

Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, рекомендовать устройство такихъ реформаторій на народныя деньги, когда даже неизмѣримо менѣе дорогое одиночное заключеніе оказалось въ матеріальномъ отношеніи не по силамъ такимъ богатымъ народамъ, какъ французы и нѣмцы? Справедливо ли тратить такія деньги на оздоровленіе вредныхъ элементовъ? Не есть ли это—болѣзненныя потуги найти на почвѣ лишенія свободы новые пути для исправленія, когда всѣ новыя мѣры говорятъ совершенно разумно, *что надо исправлять и руководить на волѣ, ибо тамъ человѣкъ оказался неумѣющимъ жить, а не отучать отъ воли.* И вѣдь всѣ эти новыя мѣры не только не требуютъ новыхъ расходовъ, но, наоборотъ, вызываютъ громадное сокращеніе расходовъ, сокращая число тюремныхъ сидѣльцевъ; конечно, я имѣю въ виду условное осужденіе, условное досрочное освобожденіе, патронатъ взамѣнъ наказанія. Принудительное воспитаніе дѣтей стоитъ гораздо дешевле, и мы вѣдь здѣсь стоимъ на безспорной почвѣ восполненія дѣтямъ того, что нужно въ дѣтскомъ возрастѣ.

Послѣ Брюссельскаго конгресса движеніе въ пользу реформаторій затихло, но вотъ во внесенномъ въ 1908 г. въ

англійскій парламентъ законопроектъ о предупрежденіи преступленій это движеніе дало новый ростокъ.

Законопроектъ посвященъ содержанію привычныхъ преступниковъ. Привычными преступниками законопроектъ считаетъ такихъ, которые не менѣе трехъ разъ были осуждены за болѣе важныя преступленія и которые послѣ такой судимости, совершивъ четвертое преступленіе, признаны присяжными засѣдателями привычными преступниками. Судъ съ ними поступаетъ такъ: назначивъ имъ срокъ каторжныхъ работъ, назначаетъ, кромѣ того, особое предварительное или превентивное заключеніе на срокъ не менѣе 5 и не болѣе 10 лѣтъ. Въ теченіе этого предварительнаго заключенія заключенный можетъ быть освобожденъ условно во всякое время по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ (ст. 12 п. 2), Во всякомъ случаѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ каждые три года долженъ входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, не заслуживаетъ ли содержимый условнаго освобожденія.

Въ этихъ основныхъ чертахъ—какъ назвать иначе эту мѣру, какъ не неопредѣленнымъ приговоромъ? Реггль Брайсъ въ своемъ докладѣ Брюсельскому тюремному конгресу 1900 г., высказавшемуся вообще противъ системы неопредѣленныхъ приговоровъ, доказывалъ, что американская система неопредѣленныхъ приговоровъ нарушаетъ наиболѣе священные принципы англійскаго уголовнаго права [1])—и право усмотрѣнія судьи и право помилованія монарха. Но вѣдь настоящій законопроектъ несомнѣнно, по чисто формальнымъ признакамъ четвертой судимости, совершенно стѣсняетъ судей и отдаетъ подсудимаго на полный произволъ администраціи, которая можетъ его освободить и немедленно и черезъ 10 лѣтъ. Гарантіи личной свободы, несомнѣнно, нарушены не меньше даже, чѣмъ въ Америкѣ, ибо вѣдь и тамъ администрація не можетъ держать безконечно, а не болѣе максимальнаго срока наказанія, назначеннаго въ законѣ за данное преступленіе. Но означенный законопроектъ уступаетъ въ этой части и норвежскому дѣйствующему съ 1902 г. уголовному уложенію (§ 65) и проекту швейцарскаго уложенія

[1]) Бюлетень vol. II, p. 282.

(ст. 29 ред. 1903 г.), которые, во-первыхъ, даютъ болѣе опредѣленную редакцію при опредѣленіи прежнихъ преступленій, называя прямо тягчайшія, и, во вторыхъ, не стѣсняютъ судъ именно четвертой судимостью: привычность можетъ быть обнаружена и ранѣе и позже. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обоихъ законахъ—и швейцарскомъ и норвежскомъ—болѣе открыто проведено начало простого „сохраненія“ привычныхъ преступниковъ; въ англійскомъ же проектѣ это неясно и, повидимому, допущено то нежелательное и опасное въ финансовомъ отношеніи смѣшеніе, о которомъ я говорилъ выше, ибо въ п. 3. ст. 11 проекта говорится, что лица, отбывающія (превентивное) предварительное заключеніе, должны быть подвергнуты такимъ дисциплинарнымъ и исправительнымъ воздѣйствіямъ, быть заняты такими работами, чтобы наилучшимъ образомъ сдѣлать ихъ способными и расположенными повести честную трудовую жизнь по освобожденіи. А такъ какъ ихъ будутъ содержать въ особыхъ помѣщеніяхъ, то остается предположить, что ихъ будутъ подвергать особо усовершенствованному, дорого стоющему, исправительному режиму реформаторій,—и это явно безнадежные элементы! Вообще, эта часть законопроекта какъ-бы недодѣлана и не пошла дальше предположеній Комитета 1894 г., который полагалъ (стр. 31 Report) карать привычныхъ преступниковъ не за отдѣльныя преступленія, а за злостную настойчивость (wilfull persistence), и думалъ, что продолжительность заключенія будетъ достаточнымъ устрашающимъ элементомъ. Это, конечно,—неправильный выводъ: беря за исходную точку недовѣріе къ тюрьмѣ, признавая, что она не устрашаетъ, нельзя надѣяться на то, что нѣсколько болѣе продолжительное заключеніе устрашитъ настолько, чтобы довести до исправленія. Напрасныя попытки, напрасныя надежды, а главное — напрасные расходы тамъ, гдѣ на исправленіе надѣяться нечего, и надо, выдѣливъ дѣйствительно неисправимыхъ, не на основаніи формальныхъ признаковъ, а на основаніи внутренняго убѣжденія суда присяжныхъ засѣдателей, назначить въ законѣ и болѣе долгіе сроки ихъ „сохраненія“, какъ это сдѣлали норвежское уложеніе (15 л.) и проектъ швейцарскаго уложенія (20 л.).

Роль общества въ примѣненіи новыхъ мѣръ борьбы съ преступностью.

Главная роль общества въ борьбѣ съ преступностью—въ области превентивныхъ мѣръ, о которыхъ говорится въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Въ этомъ отдѣлѣ разсматриваются мѣры по отношенію къ личности, уже дошедшей до совершенія преступленія; здѣсь уже дѣло идетъ не о предупрежденіи, а о возрожденіи павшей личности при посредствѣ опеки общества.

Опека—понятіе и очень широкое и очень древнее. Въ немъ содержатся два элемента: съ одной стороны, элементы попеченія объ интересахъ опекаемаго, моментъ помощи, благотворительности, а съ другой стороны, элементъ зависимости опекаемаго отъ опекающаго, моментъ извѣстнаго воздѣйствія личнаго со стороны послѣдняго на перваго. Опека въ разныхъ видахъ на почвѣ, главнымъ образомъ, экономической существовала во всѣ времена, то принимая болѣе грубыя и даже суровыя, подчасъ жестокія, формы рабства или крѣпостничества, то болѣе мягкія формы кліентелы и т. д. Въ средніе вѣка мы можемъ отмѣтить церковный и монастырскій патронатъ надъ всѣми обездоленными, больными, увѣчными, прибѣгавшими подъ защиту церкви. Опеку знаетъ давно и гражданское право, какъ институтъ попеченія и восполненія силъ лицъ недѣеспособныхъ—умалишенныхъ, расточителей, малолѣтнихъ, въ области, главнымъ образомъ, права распоряженія имуществомъ опекаемыхъ.

Но идея опеки общества надъ преступниками, надъ лицами павшими или находящимся въ такомъ положеніи заброшенности (деградаціи, деклассаціи), при которомъ со-

вершеніе преступленія можетъ стать естественнымъ, обыденнымъ явленіемъ—это идея новая и, притомъ, новая во всѣхъ отношеніяхъ, и по лицамъ опекаемаго и опекуна, и по содержанію, по правамъ, обязанностямъ и задачамъ. Я даже затруднился бы, какъ это дѣлаетъ проф. Гурляндъ [1]), усматривать какую либо генетическую связь между опекой и патронатомъ прежнихъ временъ и современными.

Современная идея опеки надъ преступниками зародилась не ранѣе конца 18-го в., да и то далеко не въ томъ смыслѣ, какъ она понимается нынѣ; она находится именно въ тѣсной связи съ окончательной перемѣной во взглядахъ культурнаго общества на цѣли наказанія, на средства борьбы съ преступностью.

Впервые эта перемѣна произошла въ XVI вѣкѣ, когда съ одной стороны проявилось болѣе гуманное отношеніе къ преступнику, а съ другой стороны, въ виду чрезвычайнаго усиленія бродяжества и мелкихъ кражъ (усиленія, вызваннаго войнами, освобожденіемъ крестьянъ и т. д.), оказалось невозможнымъ по прежнему казнить безъ числа и безъ мѣры. Движеніе это, какъ извѣстно, не дало, однако, прочныхъ результатовъ и черезъ два столѣтія Говардъ констатировалъ полное неустройство европейскихъ тюремъ и полное отсутствіе какой-либо разумной, цѣлесообразной дѣятельности государства въ борьбѣ съ преступностью.

Въ выставленныхъ имъ требованіяхъ мы видимъ оба теченія, которыя проявились впервые въ XVI стол.,—болѣе гуманнаго отношенія къ преступнику и сознанія необходимости выставить новыя цѣли для наказанія

По мнѣнію Говарда, надо оставить политику простой ссылки или заключенія въ тюрьму безъ обезпеченія въ такомъ заключеніи извѣстныхъ постоянныхъ занятій для арестантовъ. Такими мѣрами достигается, какъ онъ говоритъ, одинъ захватъ преступника, одно лишеніе его свободы.

Но что же нужно больше? чего еще требуетъ жизнь? Въ этомъ-то и корень всѣхъ перемѣнъ, что жизнь стала требовать другого. Не въ одномъ смягченіи нравовъ, отвра-

---

[1]) Временникъ Демидовскаго Юридическаго лицея 1897 г., книги 72, 73, 74: Идея патроната, какъ идея внутренняго управленія.

щеніи къ средневѣковымъ жестокостямъ, выразилась перемѣна въ жизненныхъ требованіяхъ. Эта жизнь поставила дѣло борьбы съ преступниками, и помимо гуманитарныхъ ученій Беккаріа, Говарда и другихъ, въ совершенно новыя условія. Если гуманисты учили, что мстить жестоко и безцѣльно, потому что дѣяніе, какъ говоритъ Беккаріа, не сдѣлаешь не бывшимъ, потому что не тяжестью наказанія, а его неизбѣжностью можно удержать отъ совершенія преступленія, то жизнь, дѣлая невозможной ссылку просто по неимѣнію у большинства государствъ соотвѣтственныхъ мѣстъ для ссылки, въ самой сильной степени вліяла на постановку дѣла. Если принципомъ карательной системы прошлыхъ вѣковъ было выбрасываніе преступника изъ рядовъ нормальнаго общества разъ навсегда, путемъ ли лишенія его жизни, искалѣченія и высылки, то при новыхъ условіяхъ — нравственной невозможности истребленія и искалѣченія и физической невозможности высылки—приходилось подумать о возвращеніи преступниковъ, по отбытіи наказанія, въ ряды нормальнаго общества. Цѣли истребленія были замѣнены цѣлями обезвреженія, исправленія и затѣмъ, какъ необходимое дополненіе для полнаго осуществленія вновь намѣченныхъ цѣлей, оказанія отбывшему наказаніе содѣйствія къ дѣйствительному возвращенію въ ряды нормальнаго общества. Это содѣйствіе было названо патронатомъ, и здѣсь впервые общество было призвано къ участію въ борьбѣ съ преступностью, наряду съ репрессіей, которая, разумѣется, всецѣло осталась въ рукахъ правительства.

Но это выступленіе общества въ новой роли было очень скромнымъ. Новыя задачи репрессіи не выбрасыванія и даже не столько устрашенія, сколько исправленія, привлекли къ себѣ вниманіе лучшихъ умовъ. Въ Америкѣ возникли новыя системы тюремнаго устройства и, что важнѣе, тюремнаго режима. Этимъ новымъ мѣрамъ придавали громадное значеніе, на нихъ возлагали огромныя надежды.

Европа пожелала слѣдовать примѣру Америки и уже въ 1846 г. во Франкфурнѣ на Майнѣ, по иниціативѣ тюремнаго врача Варентрапа, Миттермайера, Деметца и др., собрался первый международный конгрессъ „тюремной реформы“. Хотя

въ пунктахъ 21 и 22 программы конгресса и предположено было обсудить вопросъ о патронатѣ надъ освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія взрослыми и мололѣтними и объ исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ, но, въ сущности, изъ отчета о засѣданіяхъ не видно, чтобы эти вопросы подвергались бы обсужденію. Состоялось только единогласное постановленіе въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, которое гласитъ, что реформа уголовнаго законодательства, введеніе законодательнымъ путемъ инспекціи и наблюдательныхъ за тюрьмами комитетовъ и образованіе попеченія (Obsorge) надъ освобожденными преступниками должны быть признаны необходимымъ *дополненіемъ* пенитенціарной системы [1]).

Этотъ характеръ *дополненія*, хотя и необходимаго, патронатъ и на дѣлѣ и въ мысляхъ главнѣйшихъ пенитенціарныхъ дѣятелей сохранялъ долгое время, не сходя, однако, съ программъ всѣхъ послѣдующихъ международныхъ тюремныхъ конгрессовъ.

Такъ, на послѣдовавшемъ въ слѣдующемъ году за первымъ конгрессомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ [2]) былъ поднятъ тотъ же вопросъ, что и на франкфуртскомъ конгрессѣ, о патронатѣ и измѣненіи уголовнаго законодательства и также, въ сущности, остался и вовсе не выясненнымъ и не разрѣшеннымъ.

Конгрессу въ Лондонѣ въ 1872 г. предшествовалъ, какъ извѣстно, чисто американскій конгрессъ въ Цинцинати. Хотя лондонскій конгрессъ, благодаря большому числу оффиціальныхъ представителей, впервые появившихся на немъ, принявшій тотъ пиршественно-оффиціальный характеръ, который носятъ эти конгрессы въ послѣдующее время, и повторилъ въ сущности резолюціи конгресса въ Цинцинатти, но постановленія о патронатѣ послѣдняго все-таки ярче. Здѣсь уже прямо было сказано [3]), что напрасны всѣ старанія по исправленію преступниковъ въ мѣстахъ заключенія, если при выходѣ изъ тюрьмы онъ будетъ встрѣчать общество

---

[1]) Verhandlungen der ersten Versammlung für Gefängnissreform zusammengetreten in September 1846, in Frankfurt am Main, 1847, p. 273, n. 8.

[2]) Debats du Congr. pénit. de Bruxelles de 1847, sessions 20—28 Sept.

[3]) *Wines*. The state of prisons etc. 1880, p. 53.

во всеоружіи противъ него, и не будетъ никого, чтобы ему помочь въ пріисканіи честнаго заработка.

Стокгольмскій конгрессъ 1878 г., посвятивъ много времени обсужденію принципіальнаго вопроса о необходимости патроната, не пошелъ дальше предшествующихъ, и авторы сочиненія о Стокгольмскомъ конгрессѣ F. Desportes и Leon Lefebure [1]) отмѣчаютъ, что постановленія Стокгольмскаго конгресса „блестяще“ (?) подтвердили постановленія всѣхъ предыдущихъ конгрессовъ, начиная съ 1846 г., смотрѣвшихъ на патронатъ, какъ на *необходимое дополненіе* дѣйствительно исправительной тюремной системы.

Патронатомъ занимались послѣдующіе конгрессы, значеніе которыхъ, а главное широта взглядовъ, все уменьшались.

Въ трудахъ Петербургскаго конгресса 1890 г. мы находимъ [2]) доклады Вуазена и Фойницкаго о необходимости установленія извѣстной связи между дѣятельностью патроната и полиціи, о возможномъ устраненіи вмѣшательства полиціи. Обсуждались вопросы о международномъ единеніи обществъ патроната и т. д. Но, повторяю, вѣра въ возможность установленія такого тюремнаго режима, который дѣйствительно исправлялъ бы преступниковъ, по крайней мѣрѣ среди членовъ тюремныхъ конгрессовъ, въ составѣ которыхъ все меньше оказывалось ученыхъ, и въ которыхъ все больше устанавливалась оффиціальная ложь, доходившая до того, что государства, въ которыхъ, напримѣръ, трудомъ была занята $^1/_5$ арестантовъ, показывали весь составъ занятыми, —не ослабѣвала, и взглядъ на патронатъ, какъ на *дополненіе* пенитенціарной системы, по прежнему господствовалъ.

Только мало по малу, когда все больше и больше стали убѣждаться въ томъ, что дѣйствительно совершеннаго тюремнаго режима установить нельзя, и что даже и самый совершенный тюремный режимъ приводитъ не къ исправленію преступниковъ, а или къ ихъ развращенію или, въ самомъ лучшемъ случаѣ, къ полному отученію отъ той реальной, практической жизни, для которой они и безъ того

---

[1]) La science pénitentiare au congrès de Stockholm. 1880, p. 217.

[2]) Bulletins de la Commiss. pénit. Intern., 1889, Livre III et IV.

были негодны,—только тогда стало выясняться дѣйствительное значеніе патроната. Я не буду повторять здѣсь того, что мной уже было сказано выше въ подтвержденіе несостоятельности тюремнаго заключенія какъ мѣры исправительной, но отмѣчу лишь, что именно лишь по мѣрѣ того, какъ выяснились совершенно отрицательные результаты тюремнаго режима, обнаружилось, что тюрьма не только не содѣйствуетъ патронату въ его основной задачѣ по водворенію лицъ, совершившихъ преступленіе, вновь въ ряды нормальной жизни, но, наоборотъ, крайне затрудняетъ, и если патронатъ и достигаетъ нѣкоторыхъ результатовъ, то именно—*несмотря* на вредное, предыдущее вліяніе тюрьмы, на клеймо тюремнаго сидѣльца, которое является крайне трудно преодолимымъ препятствіемъ при пріемѣ бывшаго преступника на честный заработокъ. Но и при всемъ томъ патронаты все болѣе и болѣе рѣшительно вынуждены отказываться отъ рецидивистовъ, такъ какъ ихъ положительно невозможно помѣстить.

Только съ этого времени, когда въ обществѣ проявилось сознаніе, что патронатъ вовсе не *дополненіе* пенитенціарной системы, *а самостоятельное средство въ борьбѣ съ преступностью*, что это—именно дѣло общества на ряду съ дѣятельностью правительства, выражающейся пока исключительно въ репрессіи, только съ тѣхъ поръ и началось быстрое развитіе обществъ патроната и въ смыслѣ ихъ числа и въ смыслѣ разнообразія ихъ дѣятельности и рѣшительное измѣненіе въ отношеніяхъ къ обществамъ патроната администраціи и суда. А это все случилось, въ сущности, въ послѣднія десятилѣтія XIX в. А между тѣмъ первыя общества патроната возникли давно—ровно за 100 лѣтъ до того. О времени возникновенія первыхъ обществъ патроната можно привести слѣдующія даты: въ Фильдельфіи—1776 г., въ Даніи—1797 г., въ Англіи—1816 г., во Франціи—1819 г., въ Германіи—1826 г. (въ Берлинѣ[1]). Одно число обществъ патроната въ Европѣ указываетъ уже съ несомнѣнностью на громадное развитіе этого дѣла; я буду цитировать только общества, посвящающія свои силы по-

[1]) Ср. Ernst *Rosenfeld.* Die Geschichte des Berliner Vereins zur Besserung der Strafgefangenen. 1827—1900.

печенію объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія, не касаясь обществъ, преслѣдующихъ родственныя цѣли борьбы съ бродяжествомъ, съ заброшенностью и преступностью дѣтей.

И такихъ обществъ въ Пруссіи насчитывалось въ 1898 г., по свѣдѣніямъ Фукса [1]), 231, въ Баваріи—144, въ Баденѣ—60 и т. д. И здѣсь примѣнено начало объединенія въ провинціальные союзы, а затѣмъ и въ народные—государственные. Но особенно это начало объединенія способствовало развитію обществъ патронатства во Франціи, Бельгіи, Даніи и т. д. Въ Бельгіи Federation des societés belges de patronage возникла въ 1889, во Франціи Union des societés de patronage en France образовалась въ 1893 г.; такія же единенія имѣются въ Швейцаріи, Голландіи и др. странахъ, и всюду результаты оказались блестящіе. Такъ, во Франціи ко времени образованія Union въ 1893 г. было всего 51 общество, черезъ 7 лѣтъ, въ 1900 г., уже насчитывалось 101 общество, которыя патронировались болѣе чѣмъ 20 тысячами лицъ и получили только отъ правительства субсидіи около 140 тысячъ франковъ [2]). Понятна роль такихъ единеній: ихъ ближайшая и главнѣйшая задача—поддерживать ту частную иниціативу, которая составляетъ главную пружину всего дѣла и которая тѣмъ не менѣе выступаетъ очень нерѣшительно въ началѣ. Не слѣдуетъ забывать, что дѣло очень скромное—непосредственное устройство (пріисканіе мѣстъ, надзоръ и т. д.) бывшихъ преступниковъ, что для успѣшности дѣла къ нему необходимо привлечь самыя разнообразныя силы общества; здѣсь нужны не выдающіеся умы, не люди съ выдающимся общественнымъ положеніемъ, а люди простые, близкіе и той средѣ, изъ которой вышли бывшіе преступники и куда ихъ опять надо водворить. Но, несомнѣнно, дѣло патроната такое же social work, какъ и современныя начинанія въ области благотворительности, столь же демократическое, въ такой же степени нуждающееся въ содѣйствіи массы добровольныхъ дѣятелей.

---

[1]) A. Fuchs. Die Gefangenenschutzthätigkeit und die Verbrechensprophylaxe.

[2]) Revue pénit., 1900, p. 939.

Въ Бельгіи [1]) образовалась даже особая Commissiou royale des patronages изъ самыхъ извѣстныхъ юристовъ и тюрьмовѣдовъ, которая какъ бы является академіею патроната по всѣмъ вопросамъ общимъ, законодательнымъ и т. д.

Но и этимъ дѣло не ограничилось, и съ 1890 г. собираются международные конгрессы патроната; первые три собирались въ Антверпенѣ, четвертый въ Льежѣ [2]). Цѣль этихъ конгрессовъ уже очень широкая — подготовлять разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые имѣютъ отношеніе къ борьбѣ съ преступностью (не только взрослыхъ, но и дѣтей) при помощи *различныхъ видовъ* патроната.

Виды эти, дѣйствительно, весьма разнообразны; прежде чѣмъ перейти къ установленію двухъ главныхъ видовъ, я не могу не упомянуть, хотя бы вкратцѣ, что ближайшая помощь патроната выражается, прежде всего, въ пріисканіи мѣста вышущеному—честнаго и постояннаго занятія у него ли на родинѣ, въ другомъ ли мѣстѣ его отечества или даже на чужбинѣ (этому послѣднему и служатъ всевозможные междукантональные союзы Швейцаріи и другіе международные союзы). Какъ средства для этой ближайшей цѣли—оказаніе временнаго пріюта, выдача пособій платьемъ, обувью, инструментами, денежными пособіями на проѣздъ, на содержаніе семьи и т. д.

Въ какихъ размѣрахъ оказывается эта помощь—лучше всего показываетъ примѣръ англійскихъ патронатовъ, дѣйствующихъ прекрасно. Въ Англіи всего съ 1900 г. было 56 мѣстныхъ тюремъ и 5 каторжныхъ, а обществъ патроната болѣе чѣмъ вдвое, но [3]), согласно циркуляру главнаго тюремнаго инспектора 12 октября 1897 г., при каждой тюрьмѣ только одно общество было оффиціально признано, а другія оказываютъ содѣйствіе признанному. И вотъ въ теченіе 1898 г., какъ свидѣтельствуетъ Report. Commis. Pris. 1899, была оказана помощь 32.038 лицамъ: изъ нихъ 1747

---

[1]) Ср. Revue pénit., 1896, p. 1386.

[2]) Постановленія, приведены у Малинина, вып. II, стр. 109.

[3]) Ср. ссылки на англійскіе blue-book въ моей работѣ о патронатѣ, стр. 9 и 10.

возвращены на прежнее мѣсто работы, 2720 опредѣлены на новое мѣсто работы, 2060 переданы друзьямъ и т. д.

Все это, въ сущности, можетъ быть названо простой благотворительностью, пусть будетъ—даже современной филантропіей, по отношенію къ извѣстному роду лицъ. Но какъ я уже сказалъ выше, патронатъ есть одинъ изъ видовъ опеки, а въ опекѣ заключается два элемента: съ одной стороны, элементъ благотворительности, о которомъ я только что говорилъ, а съ другой элементъ зависимости опекаемаго отъ опекуна, воздѣйствія послѣдняго на перваго. И этотъ элементъ, несомнѣнно, широко представленъ въ патронатѣ. Уже въ силу необходимости, патронатъ не можетъ ограничиваться этою матеріальною стороною дѣла, ибо главная его задача — возвращеніе бывшихъ преступниковъ въ ряды честныхъ труженниковъ—требуетъ для своего разрѣшенія возможности побѣдить естественное, существующее въ обществѣ, предубѣжденіе противъ лица, во-первыхъ, совершившаго преступленіе, а во-вторыхъ, побывавшаго въ тюрьмѣ. Для того чтобы побѣдить это предубѣжденіе обществу, патроната приходится брать на себя ручательство передъ тѣми, которые принимаютъ его кліентовъ на работу, что они будутъ вести себя честно. Но возможно ли такое ручательство, прежде всего, безъ подробнаго ознакомленія съ личностью опекаемаго, а потомъ, въ большинствѣ случаевъ, и безъ извѣстнаго воздѣйствія на него, безъ извѣстнаго руководства его и въ стѣнахъ тюрьмы и, въ особенности, первое время послѣ освобожденія. И ни одно сколько нибудь правильно и успѣшно дѣйствующее общество патроната не можетъ, разумѣется, отказаться отъ этихъ функцій. Такимъ образомъ, на патронатѣ и лежатъ двѣ обязанности: рядомъ съ обязанностью, такъ сказать, матеріальнаго возстановленія совершившаго преступленіе въ рядахъ честныхъ труженниковъ, обязанность нравственнаго, духовнаго его возстановленія въ число этихъ честныхъ людей. Но теперь мы и понимаемъ, почему патронатъ является не дополненіемъ къ той репрессивной системѣ, которая не облегчаетъ, а затрудняетъ его дѣло, а самостоятельною и новою мѣрою борьбы съ преступностью, въ видѣ опеки общества надъ павшимъ нравственно его членомъ.

И если мы вдумаемся внимательно въ эту дѣятельность общества, то найдемъ, что тутъ ея характеръ тотъ же, какой имѣетъ эта дѣятельность въ дѣлѣ удержанія здоровыхъ членовъ общества отъ преступленія и въ дѣлѣ поддержанія падающихъ матеріально и нравственно членовъ (филантропіи). И здѣсь и тамъ общество стремится поддержать человѣческое достоинство отдѣльной личности, старается возбудить въ личности желаніе собственными усиліями поддержать это достоинство, оказывая ему при этомъ помощь и матеріальную, давая ему возможность поддержать свое достоинство. И здѣсь и тамъ у общества, главнымъ образомъ, то же средство воздѣйствія—психологическое принужденіе, принужденіе угрозой будущаго матеріальнаго и нравственнаго полнаго паденія. Конечно, постановка дѣла, когда идетъ вопросъ уже о павшихъ, труднѣе: психологическое принужденіе дѣйствуетъ слабѣе, чѣмъ на лицъ близкихъ къ паденію и еще слабѣе, разумѣется, чѣмъ на лицъ здоровыхъ экономически и нравственно. Съ одной стороны, самое совершеніе преступленія указываетъ, что уже человѣкъ въ большинствѣ случаевъ или совсѣмъ упалъ нравственно, или же является жертвою особо несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Если онъ дошелъ до полнаго паденія, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ утеряна и честь и чувство чести и собственнаго достоинства. И угроза потерей этихъ благъ уже можетъ дѣйствовать весьма слабо,—ему терять нечего, и онъ дошелъ до такого состоянія, при которомъ честью не дорожатъ. Слѣдовательно, обществу приходится возстановлять не только честь, но и самое значеніе этого блага въ глазахъ бывшаго преступника; конечно, улучшеніе матеріальнаго благосостоянія, возвращеніе надежды жить по-человѣчески, до извѣстной степени, можетъ содѣйствовать тому, что человѣкъ вновь станетъ придавать извѣстную цѣну чести и собственному достоинству, но, конечно, этого одного вполнѣ недостаточно. Несомнѣнно, человѣкъ нуждается въ руководительствѣ и совѣтѣ, а, слѣдовательно, и надзорѣ—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ свободной жизни послѣ освобожденія изъ тюрьмы, пока на него не перестанутъ смотрѣть какъ на выпущенника, преступника, пока общество не возстановитъ ему своего довѣрія и его общественной

чести. Понятно, поэтому, что обществу приходится дѣятельнѣе, чѣмъ въ другихъ родахъ своей дѣятельности, проявлять свой надзоръ, свое вмѣшательство и воздѣйствіе, ставить своего кліента—временно, по крайней мѣрѣ—въ положеніе опекаемаго. Отсюда вытекаетъ рядъ положеній, характеризующихъ проявленіе дѣятельности общества и его опеки.

Въ самомъ дѣлѣ—пока не выяснилась вполнѣ роль общества въ борьбѣ съ преступностью, пока ей придавали исключительно благотворительный характеръ, дѣятельность общества проявлялась въ скромной формѣ патроната надъ заключенными, который выражался въ снабженіи провизіей арестантовъ въ тюрьмѣ, пріисканіи имъ мѣстъ и заработка по выходѣ, т. е., скорѣе, въ чисто матеріальной помощи. Но когда, если не въ наукѣ, то въ самомъ обществѣ и среди правителей и законодателей всѣхъ культурныхъ странъ скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, составилось убѣжденіе въ негодности репрессіи въ борьбѣ съ преступностью, то были созданы новыя мѣры съ преступностью—и осуществленіе этихъ мѣръ сразу же было передано въ вѣдѣніе общества.

Остановимся прежде всего на условномъ досрочномъ освобожденіи, какъ одной изъ самыхъ раннихъ новыхъ мѣръ.

Условное досрочное освобожденіе требуетъ возрожденія личности и чести преступника, а способствовать этому—и даже до извѣстной, возможной степени обезпечить—можетъ, очевидно, только то общество, которое такъ многообразно, такъ успѣшно работаетъ въ дѣлѣ поддержанія чести здоровыхъ и близкихъ къ паденію членовъ общества. И это такъ и происходитъ. Если мы обратимся къ указанному сочиненію проф. Піонтковскаго, то оказывается [1]), что въ Англіи, Швейцарскихъ кантонахъ Ааргау, Люцернъ, Цугѣ, во Франціи, Мексикѣ надзоръ и попеченіе за условно освобожденными ввѣряется не органамъ полиціи, а обществамъ патроната. Кромѣ того, изъ сопоставленія ст. 38, 45 и 46 уголовнаго кодекса кантона Невшатель (12 февр. 1891 г.) явствуетъ, мнѣ кажется, съ несомнѣнностью, что и здѣсь над-

[1]) Наз. соч., стр. 7, 22, 28, 32, 38, 59, 107.

зоръ и попеченіе за условно освобожденными ввѣряется обществамъ патроната.

Далѣе, фактически во Фрейбургѣ (въ Баденѣ) [1]) общества патроната замѣнили собою надзоръ полиціи надъ условно освобожденными и поставленными подъ надзоръ полиціи съ прекраснымъ успѣхомъ. Я не сомнѣваюсь, что фактически этотъ надзоръ въ большинствѣ государствъ, которыя ввели условное освобожденіе, и нынѣ осуществляется обществами патроната, а не полиціей. За это высказываются и научные авторитеты и законодательные проекты. Научные авторитеты видятъ вполнѣ основательно въ полицейскомъ надзорѣ— по крайней мѣрѣ, въ той грубой формѣ, въ которой онъ проявляется во всѣхъ, даже самыхъ культурныхъ, государствахъ— не помощь, а препятствіе къ возрожденію и реклассированію бывшаго преступника. Эту точку зрѣнія защищаетъ, напримѣръ, Герзе въ своемъ основательномъ трудѣ, посвященномъ патронату [2]). Правда, имѣется ученіе Карла Фура, создавшаго цѣлую теорію опеки надъ преступниками при помощи полицейскаго надзора [3]), но не слѣдуетъ забывать, что всѣ соображенія Фура основаны на англійскихъ порядкахъ; между тѣмъ, въ Англіи надзоръ полиціи осуществляется, по свидѣтельству самого же Фура, (надъ отбывшими наказаніе), въ такихъ формахъ, что этотъ надзоръ совершенно теряетъ свой характеръ и всѣ неблагопріятныя особенности, столь сильно присущія ему въ другихъ странахъ. Въ Англіи, помимо особенно удачно подобраннаго состава чиновъ, полиція старается всѣми силами избѣжать всякаго оглашенія судимости находящихся подъ ея надзоромъ лицъ. Фактически она является не болѣе какъ хорошо дисциплинированнымъ *агентомъ обществъ патроната*, и даже тѣ чины полиціи, на которыхъ возложено осуществленіе функцій надзора, не носятъ форменной одежды.

Въ пользу замѣны полицейскаго надзора надъ условно освобожденными высказалось единогласно и такое авторитет-

---

1) Revue pénit., 1891, p. 987.

2) Schriften des deutschen Vereins f. Armenpflege und Wohlthätigkeit. 1892, 17 Heft. Herse. Die Fürsorge fur entlassene Sträflinge.

3) Dr. Karl Fuhr. Strafrechtspflege und Socialpolitik, 1892, S. 110.

ное собраніе, какъ первый международный конгрессъ патроната въ Антверпенѣ, состоявшійся въ 1890 г. (ср. II секція, третій вопросъ).

Въ пользу такой же замѣны говоритъ и проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія, столь чутко относящійся ко всѣмъ современнымъ жизненнымъ теченіямъ.

Общества патроната, широко понимая свои истинныя задачи, дѣйствительно стремятся къ возрожденію ввѣренныхъ ихъ опекѣ, устраняя всѣ препятствія на этомъ пути. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, берутъ на себя обязанности и расходы, сопряженные съ ходатайствомъ о реабилитированіи своихъ кліентовъ [1]).

Понимая, въ какое положеніе попадаетъ человѣкъ со времени привлеченія его къ суду, хотя бы потомъ онъ и былъ оправданъ, общества патроната распространяютъ свое покровительство и попеченіе и на оправданныхъ судебными приговорами [2]) Это—мысль несомнѣнно глубокая. Привлеченіе къ суду, за исключеніемъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ дѣйствительной судебной ошибки, указываетъ большею частью на то, что человѣкъ находился въ положеніи, внушающемъ подозрѣніе, что положеніе его шаткое, и онъ на границѣ преступленія.

Патронатъ — хотя и не вездѣ — простираетъ свое покровительство и попеченіе и на условно осужденныхъ. Какъ и положеніе привлеченныхъ и оправданныхъ, ихъ положеніе должно быть признано шаткимъ, непрочнымъ,—они сами находятся, очевидно, въ крайней опасности. Законъ и судъ, осуждая ихъ, условно выражаютъ надежду, что они еще не окончательно пали, что если они и деклассировались экономически и нравственно, то эта деклассація не пустила еще глубокихъ корней; если потеряна честь, то не утрачено окончательно чувство чести, сознаніе цѣнности этого блага. Институтъ условнаго осужденія взываетъ къ этому чувству, надѣясь, что это чувство и психологическое принужденіе путемъ угрозы потерять эту честь окончательно за-

---

[1]) Ср. Revue pénit., 1881, p. 455.

[2]) Ср. напр, L'oeuvre du patronage des prevenus acquittés de la Seine. Revue pénit., 1890, p. 16.

ставитъ и поможетъ имъ возродиться. Конечно, это—уже заблудившіеся путники и, конечно, они въ большинствѣ случаевъ нуждаются въ помощи; но такъ какъ они не подверглись позорящему наказанію, то ихъ реклассація легче,—отъ нихъ не отказываются часто и бывшіе хозяева и бывшіе друзья. Но разумѣется, что помощь, а часто и руководство, опека патронатовъ весьма умѣстны. На родинѣ условнаго осужденія, въ Сѣв. Америкѣ они прямо ставятся подъ надзоръ probation officers—учрежденія, о которомъ я буду говорить ниже, какъ имѣющемъ особое громадное значеніе. Но и въ Англіи, по свидѣтельству Ашротта [1]), самое ходатайство объ отсрочкѣ наказанія — условнаго осужденія — возбуждается филантропическими обществами, принимающими, однако, при этомъ на себя передъ судомъ обязательство надзора за условно-осужденнымъ.

Согласно ст. 400 и 401 Невшательскаго угол. улож., условно—осужденные подчиняются тому же надзору и попеченію обществъ патроната, какъ и условно освобожденные. На 4 конгрессѣ германскихъ обществъ патроната, происходившемъ въ 1898 г. подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго тюрьмовѣда Фукса, было высказано пожеланіе о введеніи въ Германіи условнаго осужденія въ качествѣ судебнаго института, но съ тѣмъ чтобы условно осужденные ввѣрялись опекѣ обществъ патроната [2]).

Я думаю, что уже и изъ того, что приведено до сихъ поръ, можно придти къ несомнѣнному заключенію, что патронатъ, выступивъ въ скромной роли необходимаго *дополненія* къ карательной системѣ, постепенно расширялъ область своего вліянія и дѣятельности и въ случаяхъ попеченія надъ условно освобожденными, условно осужденными, оправданными, проявилъ дѣйствительную свою природу, какъ органа опеки общества надъ членами деклассированными, дошедшими до полнаго, если не окончательнаго, паденія, до состоянія заброшенности, о которомъ пока говорятъ только въ отношеніи дѣтей. И вотъ здѣсь наступило время указать

---

[1]) Dr. P. *Aschrott.* Strafen und Gefängnisswesen in England. Eine Ergänzung, 1896, S. 31.

[2]) Revue pénit., 1899, p. 615.

на основное раздѣленіе патроната на отдѣльные виды. Начавъ съ опеки надъ наказанными, патронатъ, какъ я только что говорилъ, развился въ самостоятельный органъ опеки общества надъ преступными и заброшенными элементами; по силѣ неизбѣжнаго, послѣдовательнаго развитія онъ долженъ былъ окончательно освободиться отъ характера дополнительной мѣры, исправляющей грѣхи карательной системы, и явился мѣрой, замѣняющей кару; однимъ словомъ, появился новый видъ патроната, который французы называютъ le patronage preventif.

Этотъ превентивный патронатъ—я имѣю пока въ виду все *только* взрослыхъ—въ сущности сводится не къ превенціи, а къ замѣнѣ репрессивныхъ мѣръ опекою патроната, которая прямо и непосредственно слѣдуетъ вслѣдъ за рѣшеніемъ суда и въ силу такового. Пока законодатели прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ относительно одной категоріи преступниковъ:—бродягъ и нищихъ.

Въ силу закона 27 ноября 1891 г., въ Бельгіи за бродяжество и профессіональное нищенство можетъ быть назначено заключеніе до 7 л. Но тотъ мировой судья, къ которому приводятъ задержанныхъ бродягъ и нищихъ, убѣдившись, что поступокъ совершенъ впервые, что вообще совершившій подаетъ надежду, при обезпеченіи благопріятныхъ условіяхъ, на исправленіе, можетъ передать задержаннаго безъ всякаго наказанія на попеченіе обществъ патроната [1]).

Приблизительно такой-же порядокъ мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи. Такъ, Бертелеми, давая отчетъ о патронатѣ въ Ліонѣ, отмѣчаетъ, что, вслѣдствіе особаго соглашенія общества патроната съ прокуратурою, бродяги и нищіе въ Ліонѣ вмѣсто суда передаются полиціей непосредственно обществамъ патроната [2]).

Къ такому же приблизительно пріему, какъ удостовѣряетъ Гендерсонъ, прибѣгаютъ и въ Массачузетсѣ, гдѣ бродягъ и нищихъ приводятъ въ судъ и здѣсь отпускаютъ на испытаніе подъ надзоръ и руководство probation officers.

---

[1]) Ср. подробнѣе L. Rivière, Bull. de la Commiss. pénitent internat. 3 livre, Avril 1895, p. 178.

[1]) Revue pénit., 1891, p. 322.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Батарди, что предупредительный патронатъ представляется лучшимъ и наиболѣе обезпечивающимъ успѣхъ, ибо онъ устраняетъ то клеймо, которое накладывается на преступника при прохожденіи черезъ какой-либо видъ репрессивнаго учрежденія.

Я сказалъ уже выше, что въ отношеніи взрослыхъ превентивный патронатъ примѣняется только къ выше указанной категоріи преступниковъ. Но я оговариваюсь, насколько мнѣ извѣстно. А жизнь идетъ столь быстрыми шагами впередъ, что поручиться за то, что не только въ близкомъ будущемъ, но уже и въ настоящемъ, не прибѣгаютъ въ какомъ-либо изъ передовыхъ государствъ къ тому же порядку и по другимъ преступленіямъ, совершенно невозможно. Но важно, что сдѣланъ первый шагъ, который въ связи съ другими, прежде указанными, выясняетъ громадное значеніе патроната, какъ опеки, въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ.

Какъ справедливо указалъ знаменитый бельгійскій юристъ Леженъ, открывая третій международный конгрессъ патроната въ Антверпенѣ (1898 г.), идея патроната 40 лѣтъ тому назадъ была совсѣмъ неизвѣстна, а теперь она занимаетъ умы всѣхъ, которые интересуются вопросомъ объ улучшеніи положенія человѣчества. Въ вѣкъ замѣчательныхъ открытій это,—несомнѣнно, по словамъ Лежена, замѣчательное нравственное открытіе.

Такое громадное значеніе пріобрѣлъ патронатъ, конечно, не какъ *дополненіе* къ вымирающей репрессивной системѣ, а какъ новая мѣра, построенная на новыхъ, болѣе правильныхъ, началахъ. Эта мѣра, какъ говоритъ г. Миролюбовъ, потому и имѣетъ значеніе, что она отвѣчаетъ болѣе вѣрному современному взгляду на преступленіе и борется не съ преступленіями какъ явленіями, а непосредственно съ факторами этихъ явленій [1]).

Способомъ осуществленія задачъ патроната является *опека* надъ натурами неприспособившимися, или недостаточно приспособившимися, союза общественныхъ силъ, организованныхъ и приспособленныхъ. И эта опека кромѣ

[1]) Журн. Мин. Юст., 1905, № 2: Тюремный патронатъ.

всѣхъ тѣхъ проявленій попеченія и заботъ, о которыхъ я говорилъ выше, выражается, какъ и слѣдовало ожидать отъ опеки, въ воздѣйствіи непосредственномъ болѣе уравновѣшенныхъ, нравственныхъ, личностей на пошатнувшіяся или расшатанныя натуры. Это личное воздѣйствіе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ отдѣлѣ филантропіи, еще болѣе нужно здѣсь, но для этого у обществъ патроната должны быть органы. Такими органами являются наиболѣе дѣятельные члены обществъ патроната; при весьма малыхъ, нерѣдко, денежныхъ средствахъ, эти общества умѣютъ объединять большое число дѣятелей, принадлежащихъ къ самымъ разнобразнымъ классамъ общества. Эти члены посѣщаютъ въ тюрьмѣ заключенныхъ и знакомятся съ ними до освобожденія, знакомятся съ семьями заключенныхъ, посѣщаютъ освобожденныхъ и руководятъ ими. Но руководство въ жизни гораздо сложнѣе, чѣмъ въ тюремной клѣткѣ, требуетъ много времени, а съ другой стороны и извѣстныхъ правъ на сторонѣ руководящаго, поэтому понятно указаніе проф Бертелеми, что какъ слабому растенію нужна подпорка, такъ ослабѣвшему экономически и нравственно человѣку руководитель-опекунъ [1]). Въ томъ же смыслѣ высказываются и нѣмецкіе юристы—Миттермайеръ, Герзе и др., требуя для выходящихъ изъ тюрьмы не только малолѣтнихъ, но и взрослыхъ, назначенія опекуна. Такіе опекуны, по свидѣтельству Герзе [2]), существуютъ уже въ Невшателѣ, Баденѣ, Гессенъ-Дармштадтѣ, Вюртембергѣ. Въ обязанности такого опекуна входятъ и совѣтъ и надзоръ и своевременное принятіе мѣръ; это, конечно, особенно важно по отношенію къ тѣмъ, которымъ недостаетъ твердости характера, энергіи, самостоятельности. Разумѣется, подобные опекуны сами стоятъ подъ надзоромъ и руководствомъ обществъ патроната. Такимъ образомъ осуществляется опека общества надъ своими ослабѣвшими экономически и нравственно и дошедшими до паденія членами. Эта опека есть, конечно, совершенно новый институтъ, она возвѣщаетъ и указываетъ даже уже на совершающійся переломъ, переворотъ

[1]) Revue pénit., 1893, p. 344.
[2]) Наз. соч., стр. 126.

въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, выражающійся въ переходѣ отъ репрессіи и возмездія, осуществляемыхъ органами правительства, къ превенціи и опекѣ, выполняемымъ обществомъ, общественными союзами и ихъ органами.

Патронатъ въ Россіи крайне мало развитъ. Всего у насъ имѣется 18 обществъ патроната, а мѣстъ заключенія (каторжныя тюрьмы, исправительныя арестантскія отдѣленія, губернскія и уѣздныя тюрьмы) 769, тогда какъ, не говоря уже объ Англіи и Бельгіи, въ большинствѣ культурныхъ государствъ имѣется общество патроната почти при всякой тюрьмѣ [1]).

Печальна и исторія нашего патроната. Въ 1819 г. у насъ возникло, по примѣру другихъ европейскихъ государствъ, попечительное о тюрьмахъ общество, отвѣчавшее по своимъ задачамъ первому періоду въ исторіи патроната, т. е. бывшее чисто благотворительно-нравственнаго характера. Тѣмъ не менѣе, оно занялось и нѣкоторыми задачами патроната; во всѣхъ почти губернскихъ городахъ дѣти арестантовъ, содержащіяся при родителяхъ до 14 лѣтъ только потому, что ихъ некуда дѣвать, были размѣщены въ особыхъ пріютахъ или при богадѣльняхъ. Петербургскій комитетъ открылъ пріютъ для призрѣнія освобожденныхъ и оправданныхъ всякаго званія, просуществовавшій 10 лѣтъ. Были и другія начинанія. Но общество по своимъ широкимъ задачамъ, имѣвшее, притомъ, право вмѣшиваться въ управленіе и внутренній строй тюрьмы, слишкомъ не соотвѣтствовало глубоко бюрократическому строю того времени, и 7 ноября 1851 г. обществу былъ данъ новый дѣйствующій и донынѣ уставъ, коимъ оно было превращено въ простое бюрократическое учрежденіе, пополняемое членами по назначенію, по представленіямъ губернаторовъ; въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, въ губернскіе и уѣздные комитеты введены различныя должностныя лица, и безъ того крайне обремененныя своими служебными занятіями. Дѣло было убито, и патронатъ

---

[1]) Подробныя данныя о положеніи патроната заграницей и у насъ содержатся въ докладѣ моемъ 3 съѣзду русскихъ криминалистовъ въ Москвѣ въ 1901 г. См. собраніе моихъ изслѣдованій, стр. 605—632.

нашъ постигла та же участь, которая постигла патронатъ въ Бельгіи въ 1835 г., когда его вздумали превратить въ правительственное учрежденіе: и тутъ и тамъ патронатъ умеръ и сталъ существовать только на бумагѣ. Патронатъ—дѣло слишкомъ общественное, слишкомъ живое, требующее слишкомъ большой индивидуализаціи, чтобы функціи его могли исполняться бюрократическими учрежденіями, дѣйствующими медленно и по шаблонамъ. Но въ Бельгіи этотъ бюрократическій патронатъ былъ упраздненъ, и съ 1888 г., со времени введенія новыхъ мѣръ борьбы съ преступностью, быстро сталъ развиваться новый патронатъ, чисто частно-общественный. А у насъ все осталось по прежнему: все мѣсто занято существующими номинально, на бумагѣ, учрежденіями, никогда даже не собирающимися. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ (представленіе министра юстиціи), изъ числа 81 тюремнаго комитета (губернскіе города) и 522 тюремныхъ отдѣленій (уѣздные города) занимаются патронатомъ не болѣе 12 комитетовъ и 12 отдѣленій, удѣляя на это дѣло всѣ вмѣстѣ 1500 рублей въ годъ. Risibile dictu.

Нѣкоторое движеніе вопросу о патронатѣ было дано третьимъ съѣздомъ криминалистовъ въ Москвѣ въ 1901 г.

Съѣзду были представлены мною два доклада: 1) о развитіи и должной постановкѣ патроната въ Россіи и 2) объ удаленіи невинныхъ дѣтей изъ тюремъ.

Къ первому докладу были присоединены проектъ нормальнаго устава обществъ патроната и проектъ устава главнаго общества патроната.

Изданіе нормальнаго устава патроната являлось необходимымъ для облегченія частной иниціативѣ образованія такихъ обществъ. Дѣло это—очень скромное, и мѣстнымъ скромнымъ дѣятелямъ, которые сочувствуютъ дѣлу (а такіе, какъ я убѣдился на практикѣ, имѣются почти во всякомъ уѣздномъ городѣ), совершенно не по силамъ разрабатывать свои уставы патроната съ одной стороны, для чего все-таки необходимы нѣкоторыя теоретическія познанія, и съ другой стороны—проводить ихъ черезъ всѣ административныя инстанціи вплоть до министровъ. Не надо забывать, что въ то время еще не было новаго закона объ обществахъ; но, во всякомъ случаѣ, и первая часть представляла затрудненіе

Это первое мое требованіе было принято съѣздомъ единогласно, и затѣмъ, на основаніи моего проекта и проекта проф. В. В. Миклашевскаго, съ нѣкоторыми измѣненіями, проектъ нормальнаго устава патроната въ томъ же 1901 году былъ представленъ министру юстиціи съ ходатайствомъ объ утвержденіи.

Въ 1908 г. Комиссія по судебнымъ реформамъ третьей Государственной Думы, разсматривая законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи, представила Думѣ въ своемъ докладѣ о необходимости поручить министру юстиціи разработать и утвердить нормальный уставъ патроната до времени утвержденія закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Это порученіе было министромъ исполнено, и 10 сентября 1908 г. имъ утвержденъ, а затѣмъ распубликованъ, нормальный уставъ общества покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія (патроната).

Въ силу ст. 53 этого устава, общества патроната открываются общимъ явочнымъ порядкомъ (ст. 20 — 29 прилож. къ ст. 118 уст. о пред. и пресѣч. преступл. по прод. 1906 г.): когда съ этою цѣлью соединятся въ губернскомъ городѣ не менѣе тридцати лицъ, имѣющихъ право быть членами такихъ обществъ, и соберутъ не менѣе ста рублей наличными деньгами, а въ уѣздномъ городѣ—не менѣе двадцати лицъ, при сборѣ не менѣе пятидесяти рублей. Не имѣютъ права быть членами общества въ силу ст. 14 лишь несовершеннолѣтніе, учащіеся, состоящіе подъ гласнымъ надзоромъ полиціи и осужденные или состоящіе подъ слѣдствіемъ за преступленія, за которыя въ законѣ назначено наказаніе не менѣе тюремнаго заключенія съ лишеніемъ правъ. Избранные обществомъ, въ числѣ не болѣе 5, члены, съ разрѣшенія губернатора, допускаются къ посѣщенію тюрьмы, для предварительнаго ознакомленія съ заключенными и подготовленія ихъ для жизни на свободѣ (ст. 39). Въ кругъ дѣятельности общества входятъ всѣ мѣры попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія условно или безусловно и ихъ семействахъ, въ томъ числѣ и ходатайства предъ подлежащими властями о разрѣшеніи освобожденнымъ льготъ въ отношеніи избранія и перемѣны мѣста жительства, объ исключеніи изъ видовъ на жительство отмѣтокъ

о судимости и о разрѣшеніи слѣдовать на мѣсто назначенія по проходному свидѣтельству, а не по этапу (ст. 5 и 6). Выраженіе ст. 3, что означенныя лица поступаютъ подъ покровительство общества, при сопоставленіи съ соотвѣтственной статьей закона объ условномъ досрочномъ освобожденіи (ст. 15), въ коей сказано, что условно досрочно освобождаемые поставляются подъ *наблюденіе* обществъ патроната на весь срокъ испытанія, не оставляетъ сомнѣній въ важной роли обществъ патроната въ дѣлѣ возрожденія нашихъ преступниковъ.

Второе мое положеніе на съѣздѣ криминалистовъ 1901 г. объ образованіи главнаго общества патроната исходило изъ мысли о необходимости создать силу, поощряющую, помогающую отдѣльной частной иниціативѣ въ провинціи и деньгами совѣтомъ. Это, конечно, должно было быть тоже чисто частнымъ обществомъ, которое, однако, могло бы служить центромъ объединенія для возникающихъ отдѣльныхъ обществъ. Такое общество, по примѣру другихъ европейскихъ обществъ, могло бы получать и субсидію отъ правительства.

И это положеніе было встрѣчено сочувственно съѣздомъ, но въ послѣднюю минуту, по предложенію лицъ, не сочувствовавшихъ, было поставлено на голосованіе, въ видѣ поправки, предположеніе образовать не самостоятельное общество, а какой-то комитетъ при комитетѣ русской группы союза криминалистовъ. Конечно, это было соединеніе двухъ разнаго типа единеній—ученаго, теоретическаго и практическаго. Ничего изъ этого не вышло—ни комитета ни главнаго общества патроната нѣтъ до сихъ поръ и дѣлу патроната нанесенъ громадный ущербъ. Наконецъ, третье мое предложеніе (по особому докладу) объ удаленіи невинныхъ дѣтей изъ тюремъ вызывалось именно чисто русской нуждой. Благодаря отсутствію обществъ патроната и, вообще, малому развитію у насъ благотворительности, по приблизительнымъ моимъ подсчетамъ, не менѣе 3000 дѣтей содержались въ тюрьмахъ только потому, что съ заключеніемъ ихъ родителей въ тюрьму, ихъ некуда было помѣстить. И такія дѣти содержались и содержатся въ тюрьмахъ до 14 л. Это, конечно, ничто иное, какъ содержаніе на государственный счетъ разсадника преступности: вѣдь заключеніе

у насъ общее—совмѣстное съ взрослыми. Такихъ дѣтей — по крайней мѣрѣ, на время содержанія родителей въ тюрьмѣ, надо помѣщать въ общіе или спеціальные благотворительные пріюты, конечно внѣ тюрьмы. Съѣздъ отнесся къ этому предложенію сочувственно, а представитель Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи разослалъ мой докладъ въ провинціальныя учрежденія и общества Вѣдомства, изъ которыхъ болѣе 100 въ разныхъ городахъ выразили согласіе на принятіе такихъ дѣтей на время содержанія родителей въ тюрьмѣ.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что между министромъ юстиціи и Попечительствомъ о Трудовой помощи состоялось соглашеніе о принятіи освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія въ дома трудолюбія, а дѣтей арестантовъ на время содержанія родителей—въ Ольгинскіе пріюты Попечительства.

Такова—въ общихъ чертахъ, дѣятельность патроната, а слѣдовательно—и общества вообще по реализаціи новыхъ мѣръ борьбы съ преступностью въ отношеніи ко взрослымъ.

Для того чтобы выяснить, какъ въ дѣйствительности, а не по закону только, поставлена въ культурныхъ государствахъ борьба съ дѣтскою преступностью, надо тоже очертить роль общества въ этомъ дѣлѣ, ибо не только въ Америкѣ, но и въ другихъ странахъ, дѣятельность общества и его органовъ и является *краеугольнымъ камнемъ* всей новой постановки дѣла: безъ ознакомленія съ этою дѣятельностью общества даже невполнѣ понятна и самая постановка. Законодательныя постановленія сами по себѣ есть не болѣе, какъ архитектурный планъ, контуръ, содержаніе котораго всецѣло наполняется дѣятельностью общества. И это, въ сущности, совершенно понятно, если не упускать изъ виду основного принципа новыхъ мѣръ борьбы съ дѣтскою преступностью—личнаго воздѣйствія и руководства опекаемаго. Конечно, всякое выполненіе такихъ обязанностей органами администраціи будетъ только чисто формальное, въ видѣ общихъ административныхъ мѣръ,—иначе пришлось бы содержать невѣроятную армію чиновниковъ. Такимъ образомъ, требованія совершенно необходимой индивидуализаціи и дешевизна (въ Сѣв. Американскихъ Штатахъ производили вычисленія сберегаемыхъ такимъ путемъ суммъ, и онѣ оказались громадными) говорятъ въ пользу участія общества. Но разнообразіе силъ,

соціальныхъ положеній дѣятелей и выборъ мѣръ имѣютъ не меньшее значеніе. И, наконецъ, прежде всего, это лишь одно изъ проявленій общей дѣятельности общества. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ, повидимому, это менѣе сознается, какъ въ Германіи, и тутъ выработались тѣ же органы.

Въ Пруссіи, какъ я указалъ выше, исполнителемъ рѣшенія опекунскаго суда является Kommunalverband; онъ рѣшаетъ, слѣдуетъ ли ребенка помѣстить въ воспитательное заведеніе, и тогда начальство этого заведенія является уже естественнымъ опекуномъ ребенка на время его пребыванія въ заведеніи, или слѣдуетъ его помѣстить въ чужую семью—то, что англичане называютъ boarding out.

Что касается до воспитательныхъ заведеній для заброшенныхъ дѣтей, то, по вычисленіямъ Рейхера [1]), таковыхъ въ Германіи 898; приблизительно около $^3/_4$ этихъ заведеній содержится на частныя средства конфессіональныхъ и неконфессіональныхъ союзовъ [2]). Это одно уже показываетъ, какую роль играютъ въ этомъ дѣлѣ частная иниціатива и общество—все вѣдь выполненіе опеки и воспитанія лежитъ на школьномъ начальствѣ этихъ заведеній.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда ребенокъ помѣщается въ семью, мѣстнымъ органомъ, исполняющимъ рѣшеніе опекунскаго суда (исполнителями являются въ разныхъ германскихъ государствахъ разные органы) избирается или, правильнѣе сказать, приглашается, для каждаго ребенка особый опекунъ, попечитель, Fürsorger. [3]). Институтъ Fürsorger'овъ въ сущности получилъ начало въ Баденѣ, но затѣмъ нужды самого дѣла, вызвавшія образованіе подобныхъ же органовъ во всѣхъ государствахъ Европы и Америки, пошедшихъ по новому пути, побудили и всѣ другія германскія государства учредить такихъ же Fürsorger'овъ. Должность попечителя —*почетная*, отправляемая безвозмездно; на эту должность приглашаются преимущественно настоятели мѣстныхъ церквей, учителя, члены всякихъ воспитательныхъ союзовъ и т. д. Необходимымъ условіемъ ставится, чтобы попечитель жилъ

---

[1]) Reicher. 1 Th., 1 Abt., S. 175.

[2]) Ср. Reicher, тамъ же, S. 132. Preuss. Statistik. Fürsorge. Minderjähriger, p., XXII.

[3]) Ср. Aschrott, p. 267; Reicher, p. 87 и т. д

по близости отъ той семьи, въ которую помѣщенъ ребенокъ. Обязанности попечителя сводятся не только къ возможно частымъ посѣщеніямъ семьи, въ которую помѣщенъ ребенокъ, но къ надзору и руководству всею жизнью ребенка, его физическимъ, нравственнымъ и умственнымъ воспитаніемъ, къ обращенію вниманія органа, исполняющаго рѣшенія опекунскаго суда, на необходимость поставить ребенка въ другія условія, если въ томъ представляется надобность. И какъ показываютъ данныя хотя бы прусской статистики, для этого высоко-плодотворнаго дѣла нашлись тысячи дѣятелей; конечно, они являются ничѣмъ инымъ, какъ органами общества, представителями общественной дѣятельности въ борьбѣ съ преступностью. Я мимоходомъ долженъ въ заключеніе упомянуть, что когда въ 1892 г. германскій юристъ Аппеліусъ [1]), по порученію нѣмецкой группы международнаго союза криминалистовъ, представилъ свои соображенія о томъ, какъ надо организовать на мѣстахъ попеченіе о преступныхъ и заброшенныхъ дѣтяхъ и предложилъ разбить всю страну на безчисленный рядъ участковъ (приблизительно система гор. Эльберфельда) и поставить во главѣ этихъ участковъ лицъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, которыя безвозмездно, конечно, руководили бы воспитаніемъ и подыскивали подходящія семьи для помѣщенія въ нихъ подобныхъ дѣтей, то предположенія Аппеліуса казались черезчуръ грандіозными, едва-ли осуществимыми. Но жизнь и сознаніе дѣйствительныхъ потребностей дѣла борьбы съ преступностью развиваются такъ быстро, что предположенія Аппеліуса могутъ считаться почти въ полной мѣрѣ осуществленными, за исключеніемъ развѣ его мысли объ учрежденіи особыхъ Erziehungsämter, которыя бы руководили попечителями. Ввѣреніе этого дѣла Kommunalverbände, конечно, экономнѣе; насколько это удобно и правильно—покажетъ опытъ.

Въ сосѣдней съ Германіей Франціи вся постановка дѣла попеченія о заброшенныхъ и преступныхъ дѣтяхъ какъ будто вовсе не оставляетъ мѣста для частной иниціативы. Но, конечно, это только кажется. Французы пошли другимъ

[1]) Dr. H. Appelius. Die Behandlung jugendlicher Verbrecher und verwahlosten Kinder. 1892.

путемъ, но, однако, только пока,—ибо есть основаніе предполагать, что и у нихъ установится порядокъ, схожій съ порядками германскими.

Въ 1890 г. [1]) Адольфъ Гильо, судебный слѣдователь и членъ института, основалъ въ Парижѣ Le comité de defense des enfants traduits en justice. Задачей комитета (ст. 1 и 2 устава) было поставлено содѣйствіе улучшенію карательныхъ постановленій, касающихся дѣтей, организація практической, при участіи членовъ адвокатуры и содѣйствіи правительственныхъ властей, защиты арестованныхъ дѣтей, борьба противъ системы наказанія краткосрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Съ 1903 г. образовался особый sous-comité, члены котораго посѣщаютъ семьи арестованныхъ дѣтей, выясняютъ положеніе ребенка, причины, вызвавшія совершеніе имъ преступленія, и затѣмъ являются на судѣ не защитниками, а сотрудниками судьи. Много весьма благопріятныхъ и желательныхъ измѣненій въ процессѣ и веденіи дѣлъ о малолѣтнихъ преступникахъ введено благодаря дѣятельности комитета и его отдѣленій. Избѣгается предварительный арестъ до суда, дѣти помѣщаются въ семьи или особые asyles, содержимые комитетомъ; судебное слѣдствіе выясняетъ вполнѣ личность молодого преступника и его соціальную обстановку. При такихъ условіяхъ вопросъ о discernement является пустой формальностью. Конечно, заботы не прекращаются и послѣ; наоборотъ, весьма часто ребенокъ ввѣряется судомъ представителю комитета, который устраиваетъ судьбу ребенка или въ одномъ изъ воспитательныхъ учрежденій самого комитета, или передаетъ на попеченіе тѣхъ многочисленныхъ французскихъ обществъ, спеціально преслѣдующихъ задачи попеченія о заброшенныхъ дѣтяхъ, о которыхъ я скажу ниже. Такіе же comités de defense обняли цѣлою сѣтью въ настоящее время всю Францію. Совершенно аналогичную организацію и подъ тѣмъ же названіемъ мы встрѣчаемъ въ Бельгіи. Здѣсь тоже установилась постоянная совмѣстная дѣятельность суда и общества на пользу общаго дѣла и съ возможнымъ устраненіемъ репрессіи; разслѣдованія адвокатуры даже прямо

[1]) Ср. подробнѣе Paul Tuscher, l. c, p. 47.

сообщаются прокурорскому надзору для сотвѣтственнаго направленія дѣла, и на судѣ членъ комитета защиты является истиннымъ сотрудникомъ—collaborateur судьи, предлагающимъ тѣ мѣры, которыя желательно въ данномъ случаѣ принять для защиты ребенка. Нельзя также не отмѣтить, что патронатство теперь очень развито, и общества патроната, принимающія на свое попеченіе дѣтей, помѣщенныхъ въ écoles de bienfaisance, пользуются почти оффиціальнымъ положеніемъ. Но конечно, такая организація опеки во Франціи все же, если не считать дѣятельности почти правительственнаго учрежденія Assistance publique, не вполнѣ достаточна. Поэтому во Франціи возникаютъ предположенія объ извѣстной организаціи дѣла общественной опеки. Такъ, въ 1896 г. societé generale des prisons [1]) обсуждала предположенія объ устройствѣ особаго выборнаго отъ общины совѣта при мировомъ судьѣ, который способствовалъ бы или образованію conseils de famille или, въ случаѣ невозможности образованія такого совѣта семейнаго, замѣнялъ таковой. На обязанности мера при такихъ условіяхъ лежало-бы при составленіи списка дѣтей школьнаго возраста отмѣчать тѣхъ дѣтей, которыя являются заброшенными, и сообщать о нихъ совѣту. Дальнѣйшихъ послѣдствій пока обсужденіе этихъ предположеній не имѣло.

Если обратиться отъ этихъ—скорѣе—начинаній въ области образованія органовъ общественной опеки надъ заброшенными дѣтьми къ вполнѣ развившимся и проявляющимъ блестящую плодотворную дѣятельность въ этой области органамъ общественной опеки въ Америкѣ въ лицѣ такъ называемыхъ probation officers, то надо замѣтить, что собственно законодательныя постановленія, въ силу коихъ образованы эти органы, даютъ лишь абрисъ, болѣе чѣмъ смутное представленіе о значеніи этого института. Если мы остановимся хотя бы на законахъ Массачузетса (1878 г. гл. 198 § 1; 1881 г. гл. 118; 1880 г. гл. 129, 221; 1881 г. гл. 34, 118) и подобныхъ же законахъ другихъ штатовъ, Новой Зеландіи и др. [2]), то мы

---

[1]) Revue pénit., 1896, p. 765.

[2]) Ср. Сводъ иностранныхъ законовъ объ условномъ осужденіи, изд. Госуд. Канцел., 1900.

можемъ себѣ составить представленіе о probation officer, какъ о полицейскомъ чиновникѣ, назначаемомъ губернаторомъ или городскимъ управленіемъ, получающемъ жалованье, не носящемъ, правда, служебнаго одѣянія, разслѣдующемъ условія совершенія и личность отдѣльныхъ преступниковъ и докладывающемъ объ этомъ суду. Вотъ и все. Допуская даже, что это—чиновникъ даже болѣе развитой, чѣмъ чины полиціи англійской, стоящей на высотѣ своего дѣла, мы. однако, не составимъ себѣ вѣрнаго представленія о томъ, чѣмъ въ дѣйствительности представляется probation officer. Прежде всего, понятіе о probation officer, какъ объ административномъ, а тѣмъ болѣе полицейскомъ чиновникѣ, весьма далеко отъ дѣйствительности. Probation officers теперь назначаются судомъ и остаются въ этой должности during the pleasure of the court. Такимъ образомъ, достигнуто освобожденіе этихъ лицъ отъ вліянія перемѣны господствующихъ партій на составъ администраціи; они являются судебными дѣятелями, остающимися на своихъ должностяхъ пожизненно. Но и этого мало. Самый характеръ и обширность этого дѣла, если оно въ дѣйствительности должно быть выполнено во всемъ объемѣ и для всѣхъ „случаевъ“, указываетъ на совершенную невозможность ограничиться платными чиновниками. Такъ, для новыхъ дѣтскихъ судовъ положено имѣть по два платныхъ probation officers на каждыя 100 тысячъ населенія. Очевидно, эти лица совершенно не въ состояніи были бы исполнить своего дѣла; поэтому допускаются закономъ volunteer probation officers, которыхъ въ одномъ Индіанополисѣ, какъ сообщаетъ мѣстный судья Стеббсъ, на статью котораго я уже ссылался, состоитъ 200. Они имѣютъ всѣ права и обязанности probation officer, но не получаютъ содержанія. Они же являются дѣйствительными органами общественной опеки. Обязанности probation officer очень многообразны и обнимаютъ всѣ стадіи процесса. До суда онъ разслѣдуетъ семейное положеніе ребенка, его репутацію, общее поведеніе внѣ даннаго случая, привычки, знакомства, отзывы школьнаго начальства о немъ. На судѣ онъ является и докладчикомъ судьи и тѣмъ collaborateur, которымъ является членъ comité de defense; онъ предлагаетъ судьѣ тѣ или другія мѣры, которыя по обстоятельствамъ дѣла представляются

наиболѣе цѣлесообразными. Послѣ рѣшенія суда онъ наблюдаетъ и руководитъ отпущеннымъ на испытаніе, какъ настоящій опекунъ, духовный отецъ, заботясь о всѣхъ потребностяхъ опекаемаго, докладываетъ о ходѣ испытанія судьѣ, является по нѣсколько разъ, иногда вмѣстѣ съ опекаемымъ, къ судьѣ. Не надо забывать, что система Probation примѣняется въ Америкѣ не къ малолѣтнимъ только, а и ко взрослымъ. А при такихъ условіяхъ будутъ понятны слова Бернрейтера, знатока американскаго строя, въ которыхъ онъ даетъ общую оцѣнку испытательной системы [1]). „Здѣсь идетъ дѣло,—говоритъ Бернрейтеръ,—вовсе не о какомъ-либо только новомъ процессуальномъ институтѣ, а о совершенно новомъ взглядѣ на отношенія общества къ тѣмъ отдѣльнымъ личностямъ, которыя поставили себя въ противорѣчіе съ нравственнымъ и соціальнымъ строемъ. Въ этомъ новомъ институтѣ проявилось сознаніе до сихъ поръ не признававшейся обязанности, долга общества въ отношеніи къ своимъ заброшеннымъ и преступнымъ членамъ. Это—попытка въ тѣхъ случаяхъ, когда, вообще, есть надежда на успѣхъ, замѣнить наказаніе дополнительнымъ воспитаніемъ и нравственнымъ обновленіемъ. Центръ тяжести всего института—въ испытательномъ срокѣ, въ томъ, какое впечатлѣніе на обвиняемаго произвелъ разборъ дѣла въ судѣ, въ томъ, какое вліяніе будетъ въ состояніи оказать на обвиняемаго то лицо, попеченію котораго онъ ввѣряется". Цѣль—бороться съ преступностью и преступными наклонностями, и когда эта цѣль достигнута,—отказъ отъ наказанія. Probation officers объединяются въ мѣстныхъ Boards of charity and correctiom, но кромѣ того существуетъ особый союзъ этихъ дѣятелей, который устанавливаетъ и намѣчаетъ общія начала дѣятельности. Мы поймемъ теперь, почему дѣтскій судья Тетхиль назвалъ probation officers тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ держится сводъ всего судебнаго зданія. Среди probation officers мы встрѣчаемъ женщинъ, представителей религіозныхъ обществъ. Закономъ 21 августа 1907 г. (7. Edw. 7. Chap. 17) институтъ probation officers приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ Америкѣ, введенъ въ Англіи.

[1]) Наз. соч., стр. 123.

но пока только платныхъ,—о почетныхъ не говорится. Въ каждомъ округѣ малыхъ сессій самими мировыми судьями назначается нѣсколько наблюдательныхъ чиновниковъ, обязанности которыхъ состоятъ, такимъ образомъ, въ надзорѣ за поведеніемъ лицъ въ возрастѣ до 16 лѣтъ, коимъ наказаніе отсрочено. Текстъ закона напечатанъ въ журн. Мин. Юст., 1909 г., февраль. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что при широкой постановкѣ англійскихъ и американскихъ судовъ, судьи прямо и непосредственно входятъ въ сношенія и приглашаютъ къ участію общество. Такъ, англійскіе судьи назначаютъ для каждаго даннаго ребенка воспитательное заведеніе не иначе, какъ по совѣщаніи съ представителями Reformatory and Refuge Union. Такъ, далѣе, французскіе судьи, при выполненіи требованій законовъ 1889 и 1898 г.г. встрѣчаютъ содѣйствіе въ такихъ могущественныхъ, быстро развившихся союзахъ, какъ Union française pour le sauvetage de l'enfance (1888 г.), Société générale de protection de l'enfanance abandonnée ou coupable, Société de patronage des orphelins. Всѣ эти общества, засѣдая въ Парижѣ, имѣютъ многочисленныя отдѣленія въ провинціи.

Во главѣ подобныхъ обществъ - великановъ, какъ одно изъ старѣйшихъ, должно быть поставлено возникшее въ 1856 г. Reformatory and Refuge Union въ Лондонѣ. Общество это, собственно, въ настоящее время объединилось съ цѣлымъ рядомъ другихъ родственныхъ обществъ въ одно громадное общество, носящее названіе The National association of certified reformatories and industrial schools. Болѣе 1.000 обществъ въ разныхъ пунктахъ Англіи входятъ въ его составъ. Въ обществѣ—8 комитетовъ центральныхъ; перечисленіе компетенціи этихъ комитетовъ лучше всего дастъ надлежащее представленіе о громадности того дѣла, которое ведетъ это общество. Комитеты по порядку завѣдываютъ: первый—помощью дѣтямъ, второй—реформаторіями и индустріальными школами (бывшая Reformatory and refuge Union), третій—эмиграціей, четвертый—патронатомъ надъ освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія, пятый—женскими миссіями, т. е. заботится о женщинахъ, освобожденныхъ изъ тюремъ и падшихъ, шестой—комитетъ пособій и пенсій

служащимъ въ обществѣ центральномъ и объединеныхъ, седьмой—отчетность, изданія, восьмой—убѣжища для пьяницъ. Конечно, громадный бюджетъ—свыше 1 милліона рублей. Девизъ общества: побѣждай добромъ. Прежній девизъ Reformatory and Refuge Union: разыскивать и спасать то, что потеряно. Общество издаетъ свой журналъ „Seeking and Saving". Въ моемъ распоряженіи имѣется этотъ журналъ за 1904 г. Здѣсь наряду съ подробнымъ обсужденіемъ вопроса о веденіи той или другой отрасли громаднаго дѣла этого общества, со статьями о дѣтскомъ судѣ въ Америкѣ, мы находимъ и статьи популяристическаго содержанія, въ которыхъ передаются, такъ сказать, отдѣльные случаи спасенія.

Если остановиться только на первомъ отдѣлѣ общества, который является, такъ сказать, самостоятельнымъ обществомъ, Children aid Society, то этотъ отдѣлъ имѣетъ своихъ Boy's Beadles, которые заняты задержаніемъ дѣтей бродяжничающихъ и нищенствующихъ на улицахъ, имѣя на то равное съ чинами полиціи право. Это общество имѣетъ своихъ rescue officers, которые сопровождаютъ дѣтей въ судъ, когда послѣднія привлекаются туда, и исполняютъ отчасти обязанности членовъ comités de defense. Наконецъ, общество имѣетъ своего solicitor'a, возбуждающаго преслѣдованіе противъ нарушителей интересовъ дѣтства.

Не менѣе интересна организація и порядокъ дѣйствій и другого англійскаго общества The National Society for the Prevention of Cruelty to Children. Общество это, собственно, образовалось въ 1882 г., но получило хартію въ 1895 г., черезъ годъ послѣ изданія Prevention of cruelty to Children Act 1894, о которомъ я говорилъ выше. Не слѣдуетъ забывать, что понятіе cruelty въ англійскомъ законѣ понимается широко: это—не только жестокость или грубое обращеніе, это—всякое дѣйствіе или вліяніе, могущія представить опасность для здоровья физическаго или нравственнаго дѣтей. Ужъ изъ этого одного видно, какъ широкъ кругъ дѣятельности общества. И дѣйствительно—общество имѣетъ рядъ отдѣленій по всей Великобританіи (Англіи, Шотландіи, Ирландіи) съ правильнымъ раздѣленіемъ страны на участки: съ населеніемъ, въ городахъ—въ 100 т. человѣкъ и внѣ городовъ—въ 80 т. Всѣ жалобы и заявленія провѣряются особыми,

состоящими на жалованьи, инспекторами, которые производятъ разслѣдованія о заброшенныхъ дѣтяхъ. Они имѣютъ всѣ права полицейскихъ офицеровъ, а въ обществѣ называются Childern's Men. Такихъ офицеровъ, по отчету за 1903—1904 г., имѣющемуся у меня, числилось 201.

Интересныя данныя о порядкѣ и результатахъ дѣятельности этого общества сообщаетъ Рейхеръ [1]). Благодаря своимъ обширнымъ свѣдѣніямъ, общество своевременно узнаетъ о заброшенности ребенка. Узнавъ объ этомъ, однако, оно не возбуждаетъ немедленно преслѣдованія, а посылаетъ сначала предупрежденіе warning, адресованное на имя родителей, въ которомъ прямо говорится: „ваше поведеніе въ отношеніи вашего ребенка было предметомъ разслѣдованія нашего общества, и мы вамъ дѣлаемъ предостереженіе, чтобы предупредить дальнѣйшія преслѣдованія съ нашей стороны". Если предостереженіе не оказываетъ должнаго вліянія, то возбуждается преслѣдованіе. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ предостереженіе достигаетъ цѣли. Такъ, какъ видно изъ отчета 1903—1904 г., было произведено за годъ 37.490 разслѣдованій, въ 30.035 оказалось достаточно предостереженія и только въ 2.748 было возбуждено преслѣдованіе. Общество и до суда изъемлетъ дѣтей, находящихся въ опасности, и помѣщаетъ ихъ въ place of safety.

Въ Америкѣ столь же многочисленныя Childern's Aid Societies, societies for the prevention of cruelty to children и т. д. Въ имѣющемся у меня Gerry's Manuel of the New-York society for the Prevention of Cruelty to children за 1901 г. (стр. 8) приведена слѣдующая статья изъ уголовнаго кодекса штата Нью-Іорка (1668): Офицеры и агенты всѣхъ законнымъ образомъ инкорпорированныхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣли предупрежденія жестокости въ отношеніи дѣтей и животныхъ, объявляются симъ peace officers въ смыслѣ ст. 154 уст. угол. процесса. Судья прямо можетъ поручить опеку надъ дѣтьми такой корпораціи, и всѣ власти должны оказывать содѣйствіе агентамъ общества при взятіи ребенка и т. д.

Я, конечно, не предполагаю давать сколько-нибудь исчер-

[1]) I B., 2 Abt., S. 160.

пывающій перечень подобнымъ обществамъ; мнѣ важно лишь указать, какія права чисто судебныя по объявленію предостереженій, преслѣдованію, возбужденію и веденію дѣлъ въ судѣ, по исполненію рѣшеній суда, присвоиваются подобнымъ обществамъ въ Англіи и Америкѣ.

Павелъ Нуррисонъ въ своемъ сочиненіи „L'association contre le crime" (1901) приводитъ рядъ примѣровъ изъ англійскаго общественнаго строя, характеризующихъ особыя права и функціи обществъ, защищающихъ женщинъ, дѣтей, преслѣдующихъ нищенство и общественный развратъ. Общества эти, столь же развитыя, какъ англійскія, встрѣчаются и во Франціи: L'union française pour le sauvetage de l'enfance, Patronage familial и т. д. Но этимъ обществамъ не достаетъ тѣхъ правъ, которыми располагаютъ англійскія и американскія. Во Франціи все еще въ полной цѣлости монополія обвиненія за прокурорскимъ надзоромъ, даже по частноуголовнымъ дѣламъ. Поэтому вполнѣ правъ Павелъ Нурриссонъ, когда онъ въ только что указанномъ сочиненіи и въ вышедшемъ гораздо ранѣе въ 1894 г. „De la participation des particuliers dans la lutte contre le crime"—подробно доказываетъ весь вредъ для дѣла борьбы съ преступностью, происходящій отъ присвоеннаго французской прокуратурѣ исключительнаго права обвиненія. Это отражается даже на количествѣ возбуждаемыхъ преслѣдованій; прокуратура не въ состояніи справиться съ дѣломъ во всемъ объемѣ, она находится въ полномъ подчиненіи министровъ и политическихъ партій, и съ точки зрѣнія интересовъ данной господствующей политической партіи многое оставляется безъ преслѣдованія. Взгляды Нурриссона встрѣтили полное сочувствіе парижскаго Societé générale des prisons [1]), но пока устои французскаго судебнаго строя остаются нетронутыми. А между тѣмъ, общее движеніе въ развитіи судебнаго строя идетъ именно въ томъ направленіи, которое указываетъ Нурриссонъ. Даже въ такихъ странахъ, какъ Германія и Австрія, гдѣ частная инициатива и огражденіе ея закономъ далеко не такъ развиты, какъ здѣсь, мы встрѣчаемся съ Nebenkläger и съ Subsidiär Kläger рядомъ съ оффиціаль-

[1]) Revue pénit., 1896, p. 660.

нымъ обвинителемъ. Даже въ Россіи частный обвинитель имѣетъ видную роль въ большой группѣ дѣлъ частноуголовныхъ и публичныхъ дѣлъ въ мировой юстиціи.

Останавливаясь на положеніи дѣла борьбы съ дѣтскою преступностью въ Россіи, я долженъ отмѣтить, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, что у насъ можно развѣ видѣть только предположенія, но даже не начинанія лучшаго будущаго. Если вѣрить даннымъ русской статистики, то и у насъ дѣтская преступность растетъ быстро [1]).

Положеніе заброшенныхъ дѣтей и у насъ обсуждалось на 2 съѣздѣ русской группы международнаго союза криминалистовъ, происходившемъ въ 1900 г., и рѣшено было идти по тому же пути, который избранъ уже иностраннымъ законодательствомъ.

Въ докладѣ этому съѣзду покойнаго Обнинскаго [2]) сдѣланы указанія на существующія и въ дѣйствующемъ законѣ ограниченія родительской власти: когда родители лишаются всѣхъ правъ состоянія, они лишаются и родительской власти; когда они осуждены за умышленное развращеніе нравственности дѣтей, а также за намѣренное потворство таковому (ст. 1588 ул. о нак.), то они лишаются права надзора за воспитаніемъ дѣтей.

Я могу далѣе указать, что ст. 26 проекта опекунскаго устава, пока (?) безнадежно сданнаго въ архивъ, предполагаетъ предоставить опекунскимъ учрежденіямъ право, подобно прусскому ландрехту (зачѣмъ торопиться?), *за счетъ родителей* отдавать заброшенныхъ дѣтей на воспитаніе.

А пока два (насколько мнѣ извѣстно) общества защиты дѣтей въ Петербургѣ и Одессѣ страдаютъ отъ отсутствія всякой легальной защиты въ борьбѣ съ произволомъ родителей.

---

[1]) Тарновскій. Журн. Мин. Юст., 1899, кн. 9.

[2]) Журн. Мин. Юст., 1900, кн. I, стр. 296.

Б. Мѣры превентивныя.

Общая характеристика этихъ мѣръ.

Уже всѣ новыя мѣры борьбы съ преступностью, описанію которыхъ былъ, главнымъ образомъ, посвященъ предыдущій отдѣлъ, несомнѣнно, только номинально могутъ быть названы репрессивными. Онѣ всѣ уже сообразуются съ требованіемъ peccetur, а не quia peccatum; всѣ онѣ имѣютъ въ виду будущее, а не прошедшее; всѣ онѣ скорѣе превентивныя, чѣмъ репрессивныя,—на это указываетъ и первенствующее участіе общества въ реализаціи ихъ. Но вѣдь это первенствующее значеніе мѣръ предупрежденія въ борьбѣ съ преступностью на новыхъ началахъ вытекаетъ непосредственно и логически изъ всего ученія о факторахъ преступности. Разъ преступленіе—не произведеніе злой воли, случайной силы, являющейся какъ deus ex machina, разъ это явленіе соціальное, то отъ него отнимается такъ сказать, катастрофическій характеръ: оно подготовляется постепенно и, слѣдовательно, и бороться съ нимъ лучше всего своевременно, предотвращая его наступленіе. Отсюда понятно и первенствующее значеніе мѣръ превентивныхъ.

Но именно въ этомъ отдѣлѣ превентивныхъ мѣръ наиболѣе сказывается еще молодость нашей науки. Отдѣлъ этотъ въ наукѣ сравнительно еще не великъ; выводовъ мало, и, какъ это ни странно, отдѣлъ малъ, именно главнымъ образомъ благодаря тому, что сама область мѣръ предупрежденія такъ велика. Въ самомъ дѣлѣ—когда дѣло идетъ о возрожденіи человѣка, уже дошедшаго до преступленія, то, такъ сказать, всѣ мѣры спеціализируются, сообразуясь съ

фактомъ совершенія преступленія: это—мѣры спеціальныя для спеціальнаго же вида людей—преступниковъ, для спеціальнаго рода явленій.

Но когда дѣло идетъ о предупрежденіи преступности, то вѣдь тутъ выдвигается на первый планъ все разнообразіе факторовъ преступности, все разнообразіе человѣческой дѣятельности, которая въ своихъ отдѣльныхъ отрасляхъ переплетается, преслѣдуя въ каждой отрасли одновременно не одну, а много цѣлей; здѣсь уже нѣтъ той спеціализаціи, которая такъ облегчаетъ опредѣленіе границъ того, что подлежитъ изученію.

Здѣсь приходится уже изучать не спеціальныя мѣры, не дѣятельность цѣлыхъ союзовъ, направленныхъ на борьбу съ преступностью,—здѣсь надо уже выдѣлять элементы сложной дѣятельности, стороны и оттѣнки тѣхъ или другихъ мѣръ. И тѣмъ не менѣе, поле изслѣдованія несомнѣнно чрезвычайно велико, а все, что на немъ происходитъ, гораздо важнѣе и дѣйствительнѣе для борьбы съ преступностью, чѣмъ всѣ тѣ спеціальныя мѣры борьбы съ преступностью, которыя описаны выше. Это ясно уже хотя бы изъ того, что всѣ мѣры или элементы, которые изучаются, имѣютъ въ виду воздѣйствіе и вліяніе не на небольшое сравнительно число лицъ, какъ мѣры спеціальныя, а на весь соціальный организмъ, на весь данный народъ; онѣ направлены, притомъ, прямо—противъ всѣхъ факторовъ преступности. Если эти мѣры, какъ равно и вообще громадная дѣятельность общества, еще почти что не обслѣдованы, то потому еще и, можетъ быть, главнымъ образомъ потому, что вообще превенціи въ борьбѣ съ преступностью не придавали никакого значенія, и только теперь оказалось, что это —самая главная сила. И несмотря на всю широту этихъ задачъ, несмотря на то, что всѣ превентивныя мѣры, какъ сказано только что, имѣютъ въ виду вліять на весь народъ,—выполненіе ихъ не только въ большей мѣрѣ, чѣмъ мѣръ спеціальныхъ, но почти всецѣло лежитъ на обществѣ. Главное, если не единственное, исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ такъ называемое соціальное законодательство. Конечно, эта область законодательства имѣетъ болѣе непосредственное отношеніе къ борьбѣ съ преступ-

ностью, чѣмъ всѣ другія области законодательства; соціальное законодательство оказываетъ громадное вліяніе на главнѣйшій факторъ современной преступности — соціальныя условія. Но, какъ уже было говорено въ отдѣлѣ о факторахъ преступности, было бы крупнѣйшей ошибкой считать, что только оно и есть единственная дѣйствительная превентивная мѣра въ борьбѣ съ преступностью. Такъ разсуждать значило бы, во-первыхъ, забывать о значеніи и вліяніи всѣхъ другихъ факторовъ преступности, изъ которыхъ многіе будутъ продолжать дѣйствовать при самомъ идеальномъ соціальномъ строѣ и, во-вторыхъ, преувеличивать значеніе тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыя вообще производятся и, въ особенности, значеніе того вліянія, которое можетъ оказать законодательство на измѣненіе соціальнаго строя. Послѣдній самъ по себѣ—слишкомъ сложное соціальное явленіе, эволюціонирующее по своимъ законамъ, и человѣку дана возможность только нѣсколько врываться въ эту эволюцію, ускоряя или задерживая наступленіе тѣхъ или другихъ явленій въ области соціальнаго строя. Поэтому, конечно, соціальное законодательство не можетъ быть ни единственной ни главнѣйшей мѣрой борьбы съ преступностью, и человѣчество все въ совокупности, а не отдѣльные мыслители, инстинктивно это поняло и само направило свою многообразную дѣятельность на борьбу съ патологическими явленіями въ соціальномъ строѣ. На это затрачивается такъ много и такой сознательной дѣятельности современнымъ обществомъ, что не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что эта чисто реальная, жизненная дѣятельность не затрачивается напрасно. Здѣсь нѣтъ мѣста увлеченію теоріей, какъ бы она ни была красива. Мы сказали: „современнымъ обществомъ“,—но что такое общество и почему именно оно выполняетъ эти функціи?

Характеристика современнаго союзнаго движенія и значенія этого движенія для борьбы съ преступностью.

Понятіе общества очень широкое. Когда мы говоримъ объ общественномъ мнѣніи, то мы имѣемъ въ виду взгляды, раздѣляемые большею частью *индивидовъ* даннаго народа или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе развитыхъ его представителей. Но когда мы говоримъ объ общественномъ мнѣніи, мы можемъ удовлетвориться такимъ приблизительнымъ опредѣленіемъ общества, какъ массы людей, хотя бы и не организованной. Но когда вопросъ идетъ уже не объ одномъ мнѣніи, а объ активной дѣятельности, то, конечно, понятіе массы, большинства, совокупности индивидовъ недостаточно. Масса дѣйствовать систематически не можетъ; совокупность индивидовъ, связанныхъ между собою хотя бы и общностью взглядовъ, не можетъ предъявлять требованій на передачу ей организованнымъ правительствомъ выполненія общеполезныхъ функцій. Но въ томъ то и дѣло, что развитіе общества и усиленіе значенія „общества“ въ выполненіи общегосударственныхъ функцій и задачъ сопровождается все большею организаціею неопредѣленной и безформенной общественной массы, какъ совокупности индивидсвъ. Духъ единенія, какъ мы уже неоднократно отмѣчали, вызываетъ союзное движеніе. Образуются громадныя отдѣльныя общества для преслѣдованія общественныхъ, лежащихъ внѣ интересовъ отдѣльныхъ членовъ, цѣлей; эти общества мало по малу систематически организуются, выростаютъ въ громадные комплексы организованныхъ силъ съ цѣлою системою правильно дѣйствующихъ органовъ. Мы имѣемъ дѣло съ союзами и союзнымъ

движеніемъ — этою самою могущественною силою нашего времени. Дѣйствительно, это—движеніе нашего времени.

Весь средневѣковой корпоративный строй погибъ. Слѣдовало и возможно было измѣнить формы устарѣвшія, обновить строй, но не губить сущности, основной идеи соединенія слабыхъ, взаимопомощи въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи.

Но исторія выдвинула новыя силы и новыя ученія. Быстро усилившаяся государственная власть не желала терпѣть рядомъ съ собою никакой группировки, которая хотя бы и въ самомъ маломъ размѣрѣ представляла извѣстную соціальную силу, исполняла извѣстныя общественныя функціи: все должно было перейти къ этому всемогущему и будто бы единственно благотворному союзу—государству Теорія идеализировала это движеніе. Рядомъ съ государствомъ допускалась только отдѣльная изолированная личность. Въ государствѣ видѣли не организованную народную личность, а нѣчто, внѣ народа стоящее. Всѣ ученія раціоналистовъ, начиная съ Гоббса, всѣ предвѣстники и подготовители революціи, начиная съ Руссо,—всѣ направили свои удары на корпораціи, какъ средостѣніе между государствомъ и личностью.

И это ученіе сказалось,—оно проникло въ умы лицъ, наиболѣе близко стоявшихъ къ корпораціямъ, еще уцѣлѣвшимъ ко времени великой революціи. 44 наказа средняго сословія (cahiers du tiers etat) требовали уничтоженія корпораціи и только 16 стояли за сохраненіе ихъ [1]). Поэтому понятно и assemblée legislative 12 августа 1792 г. постановила, что государство дѣйствительно свободное не должно терпѣть въ своей средѣ никакихъ корпорацій, ни даже тѣхъ, которыя посвятили свои труды распространенію образованія и благотворительности. Всѣ корпораціи были закрыты [2]).

„Принципъ свободы, такимъ образомъ,—говоритъ проф. Яроцкій [3]),—восторжествовалъ вполнѣ; прежнія гарантіи

---

[1]) G. Fagnietz. L'association professionelle dans les temps modernes. Seances, et travaux de l'Academie des sciences morales et politiques. 1904.

[2]) H. Taine. Les origines de la France contemporaine. La Revolution. T. I, p. 224.

[3]) Страхованіе рабочихъ, т. I, стр. 383.

и обезпеченіе были уничтожены. Свободная конкуренція предоставила отдѣльнымъ единицамъ изъ среды рабочаго класса возможность не только улучшить свое положеніе, но даже переходить въ ряды нанимателей своихъ прежнихъ сотоварищей".

Подобное возвышеніе нѣкоторыхъ лицъ, меньшинства, конечно, только и могло происходить насчетъ того большинства лицъ, которыя изъ разряда мелкихъ, но болѣе или менѣе самостоятельныхъ, хозяевъ тѣмъ самымъ превращались въ наемныхъ рабочихъ. „Безъ взаимной поддержки,—говоритъ тотъ же авторъ (стр. 381),—и товарищеской организаціи личность человѣка и, въ особенности, живущаго исключительно своимъ трудомъ, слишкомъ слаба для веденія борьбы за свое существованіе".

Останавливаясь на томъ же переходѣ отъ средневѣковыхъ стѣсненій къ полной свободѣ, но въ то же время и къ полному предоставленію личности на произволъ судьбы, Губертъ Вальеру [1]) замѣчаетъ: „эта независимость, которая сначала приводила въ восхищеніе нашихъ отцовъ, скоро стала для нихъ настоящимъ бременемъ, въ особенности въ вопросахъ труда, и они поспѣшили назвать эту независимость при такихъ условіяхъ ея настоящимъ именемъ—*„одиночество"*.

Скоро человѣчество вынуждено было остановиться на вопросѣ: правильно ли поступили, разрушая совершенно всѣ существовавшія въ средніе вѣка корпораціи? Если въ прежнія времена,—говоритъ В. Кулеманнъ [2]),—когда отношенія между гражданами были неизмѣримо проще и ихъ легче было знать, существовали группировки, которыя каждому отдѣльному лицу обезпечивали опредѣленное мѣсто въ хозяйственной жизни, то можетъ ли потребность въ подобныхъ группировкахъ быть меньше въ наше время, когда тѣ же самыя отношенія стали настолько сложнѣе и запутаннѣе? Это едва-ли мыслимо. Если въ нашемъ столѣтіи разрушили тѣ формы единенія, которыя были унаслѣдованы отъ прош-

---

[1]) P. Hubert Valleroux. Les associations cooperatives en France et à l'etranger, 1884, p. VI.

[2]) W. *Kulemann.* Die Gewerkschaftsbewegung. Darstellung gewerkschaftlichen Organisation der Arbeiter und der Arbeitgeber aller Länder. 1900, S. VII.

лыхъ временъ, то это было справедливо, потому что эти формы болѣе не отвѣчали своей цѣли, но не потому, чтобы *та цѣль, которая вызвала ихъ къ существованію, потеряла значеніе.* Уничтожая цѣликомъ, а не преобразуя, существовавшія группировки, создали пробѣлъ; настоятельная, глубокая потребность заполнить этотъ пробѣлъ и является причиною современнаго союзнаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ—что изъ прежняго было несовмѣстимо съ новымъ, прежде всего—экономическимъ строемъ, основаннымъ на крупномъ капиталистическомъ фабричномъ производствѣ? Несовмѣстимы были выполнявшіяся прежними цехами и союзами функціи производства, недопустимо было болѣе вмѣшательство этихъ союзовъ въ самый процессъ производства и сбыта. Впрочемъ, и тутъ—въ особенности въ послѣдней области сбыта—кое-какія функціи, можетъ быть, и могли бы быть сохранены. Но вѣдь у средневѣковыхъ группировокъ, кромѣ, такъ сказать, функцій по нормировкѣ производства, былъ и рядъ другихъ, имѣвшихъ цѣлью именно не допустить одиночество личности, поддержать ее матеріально и нравственно, наблюсти за ея поведеніемъ.

Эти функціи въ прямое и, во всякомъ случаѣ, непосредственное столкновеніе съ новымъ экономическимъ строемъ не могли придти, а между тѣмъ съ уничтоженіемъ группировокъ указанныя функціи ни къ кому не перешли.

Понятна поэтому потребность и культурныхъ народовъ новаго времени и наклонность ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ образованію новыхъ группировокъ и единеній и на новыхъ, конечно, началахъ.

Формы и виды союзовъ чрезвычайно разнообразны. Число союзовъ растетъ съ невѣроятною быстротою; послѣдніе охватываютъ большую часть народовъ во всѣхъ государствахъ. Лучшей характеристикой могутъ служить цифры оффиціальнаго англійскаго отчета за 1898 г. (Blue Books, Reports), о Friendly Societies, industrial and proffessional societes, trade unions и *только* зарегистрированныхъ, что далеко не передаетъ дѣйствительнаго положенія, (напримѣръ, trade-unions чуть ли не въ три раза меньше показано въ отчетѣ, чѣмъ исчисляютъ частные изслѣдователи). Отчетъ указываетъ на

существованіе въ Англіи 48.342 обществъ [1]) съ 24.189.867 членами; капиталы этихъ обществъ въ совокупности доходятъ до суммы 322.146.422 L. Особенно интересна, разумѣется, цифра, опредѣляющая число членовъ.

Наиболѣе распространенными являются союзы, такъ сказать, являющіеся въ извѣстной степени, по характеру преслѣдуемыхъ ими цѣлей, преемниками средневѣковыхъ корпорацій, гильдій, цеховъ, братствъ. Въ этомъ отношеніи, прежде всего, слѣдуетъ остановиться на союзахъ взаимомощи и на такъ называемыхъ рабочихъ союзахъ (trade-unions).

Союзы взаимопомощи — эти истинные наслѣдники не только средневѣковыхъ братствъ, но еще римскихъ collegia tenuiorum—существуютъ во всѣхъ государствахъ. Во Франціи они носятъ названіе sociétés de secours mutuels, въ Англіи—Friendly Societies и д. т.

Уже въ 1852 г. по даннымъ, приводимымъ гр. Оссонвиль [2]), во Франціи числилось 2.655 Sociétés de secours mutuel, въ которыхъ было 318.256 член.; общества эти располагали капиталомъ около 12 милліоновъ франковъ. Съ тѣхъ поръ эти общества непрерывно расли, и въ 1902 г. Ростанъ [3]) уже опредѣляетъ число этихъ обществъ въ 15.000, а число членовъ—въ 2.750.000.

Въ Англіи, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ Blue Books Report за 1898 г., числилось 28.757 Friendly Societies; капиталъ этихъ обществъ равнялся 9.012.972 г. Но если причислить къ нимъ родственныя по характеру и цѣли общества Working Klubs и образованныя самими же союзами взаимопомощи Medical and Benevolent societies (послѣднихъ всего 163), то число членовъ опредѣлится въ 11.424.810, а Funds—въ 37.917.702. Friendly Societies Act 1896 г. опредѣляетъ цѣли, преслѣдуемыя этими союзами такъ: помощь обѣднѣвшимъ и поддержаніе членовъ союза и ихъ женъ, вдовъ, отцовъ, братьевъ, сестеръ, на время болѣзни, неспособности къ ра-

---

[1]) Считая въ числѣ ихъ provident societies, building societies, cooperative societies, trade unions and saving banks.

[2]) Misères et remedes, etudes sociales. 1892.

[3]) Eugène Rostand. L'action sociale par l'initative privée. I—III, 1901.

ботѣ, вдовства, сиротства, а также платежи на случай рожденія, смерти, пособіе на похороны. Henderson [1]) опредѣляетъ эти общества какъ союзы взаимнаго страхованія отъ разоренія, деклассаціи, благодаря болѣзни, смерти или другого несчастья, считаетъ, что они осуществляютъ задачи превентивной филантропіи, что ихъ будущее громадно,—они, вѣроятно, устранятъ необходимость въ особыхъ пенсіяхъ на старость. Къ тѣмъ же обществамъ должны быть причислены основанныя здѣсь на союзныхъ началахъ 2.425 Building Societies.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, по даннымъ, приводимымъ Rosland, числилось близкихъ по цѣлямъ къ союзамъ взаимопомощи, Building and loan societies—6.100 съ капиталомъ въ 3.220.000.000 франковъ.

Кромѣ того, опять-таки наиболѣе близко подходящія къ указаннымъ по цѣли, имѣются кооперативныя общества потребительскія (съѣстныхъ припасовъ); ихъ числилось въ Англіи 1.442 съ 202.000 членовъ и доходомъ ежегодныхъ въ 130 милліоновъ франковъ. Во Франціи такихъ же cooperatives de consom-mation насчитывалось 1.089.

Въ Германіи кооперативныхъ товариществъ, по вычисленіямъ Ростана—9.417, съ капиталомъ болѣе 2 милліардовъ марокъ.

Въ Бельгіи еще въ 1898 г. было всего 1.128 Societés cooperatives различныхъ видовъ, а въ 1903 г. ихъ насчитывалось уже 2.001 [2]). Общества взаимопомощи растутъ также крайне быстро; такъ, еще въ 1894 г. насчитывалось всего 646 такихъ обществъ, а къ концу 1902 г. ихъ было 6.239, считая въ числѣ ихъ и 37 союзовъ этихъ обществъ [3]).

Въ Россіи, по приблизительнымъ подсчетамъ г. Сапелкина [4]), потребительныхъ обществъ 1168; по моимъ вычисленіямъ, обществъ взаимопомощи разныхъ видовъ—приблизительно 1058, ссудо-сберегательныхъ товариществъ — 477 и т. д.

Но какъ, какими основными причинами объясняется

---

[1]) *Henderson*, Modern Methods of Charity. 1904, p. 223.

[2]) A. *Vermeersch*. Manuel Social. La legislation et les oeuvres en Belgique 1904, p. 641.

[3]) Ibid., p. 648.

[4]) Потребительныя и сельско-хозяйственныя общества Россіи.

этотъ громадный ростъ союзнаго движенія и само это движеніе?

„Союзный строй,—говорилъ еще въ 1869 г. Лоренцъ Штейнъ [1]),—стоитъ еще на первыхъ ступеняхъ своего развитія; ему предназначено въ бу́дущемъ, и онъ въ состояніи дѣйствительно занять такое мѣсто въ общественной и частной жизни, о важности и значеніи котораго мы даже не въ состояніи въ настоящее время составить себѣ приблизительнаго представленія".

Штейнъ, какъ извѣстно, исходитъ изъ высокаго представленія о личности; онъ всецѣло стоитъ на томъ понятіи о личности, о человѣкѣ-гражданинѣ, которое создано было мыслителями XVIII столѣтія и французской революціей. Каждая личность, каждый человѣкъ—совершенно безотносительно къ его происхожденію, къ той классовой группировкѣ по состоянію, образованію, семьѣ, къ которой онъ принадлежитъ—имѣетъ одинаковое съ другими личностями право на развитіе заложенныхъ въ немъ природою силъ, на полное и наиболѣе, притомъ, совершенное развитіе этихъ силъ; ограничиваясь только этими внутренними силами, каждая личность имѣетъ право ставить себѣ самыя высокія цѣли къ жизни и стремиться къ ихъ достиженію. Но вотъ тутъ-то именно, когда эти права личности оговорены, и оказывается, что каждая личность въ одиночку не въ состояніи обезпечить себѣ благопріятныя условія развитія своихъ внутреннихъ силъ, и тѣмъ менѣе достигнуть намѣченыхъ цѣлей—даже не высокихъ. Только при дружномъ содѣйствіи многихъ личностей указанныя условія обезпечиваются для каждой изъ отдѣльныхъ личностей. Въ обществѣ и единеніи съ другими, личность находитъ необходимое восполненіе своихъ силъ. Нѣкоторыя единенія даны, такъ сказать, самою природою, помимо воли личности; она вынуждена участвовать въ нихъ и подчиняться ихъ требованіямъ. Таковы единенія государственныя и организаціи самоуправленія для завѣдыванія мѣстными дѣлами. И тѣ и другія единенія ограничены территоріально и на-

[1]) L. *v. Stein.* Die vollziehende Gewalt., 3 Theil: Das System des Vereinswesens und des Vereinsrechts, 2 Aufl. 1869.

ціонально и имѣютъ своею задачею обезпеченіе, главнымъ образомъ, тѣхъ общихъ условій общежитія, которыя въ равной степени необходимы для всѣхъ личностей, безъ всякаго принятія во вниманіе ихъ индивидуальныхъ потребностей. Другое дѣло союзы: это—область свободнаго самоопредѣленія, тутъ не получается, а создается единеніе по собственной волѣ. Союзы могутъ быть разные, но ихъ объединяетъ именно свобода, а главное—положеніе личности, именно ея самоопредѣленіе и возможность такового. Въ союзѣ душа—это цѣль, одухотворяющая, объединяющая, создающая и средства и жизнь союза. Но для превращенія въ самостоятельно существующее цѣлое, достойное преслѣдуемой цѣли, необходима организація. Здѣсь нѣтъ, какъ въ государствѣ, подданныхъ—здѣсь есть члены. Союзы—единенія свободныхъ, равноправныхъ и правоспособныхъ личностей, выражающихъ свою волю въ общемъ собраніи союза. Только воля всѣхъ членовъ—законъ союза. Исполнительная власть отдѣлена отъ законодательной и подчинена послѣдней; отсюда въ союзахъ осуществляется въ дѣйствительности правомѣрное, законосообразное, административное право, и въ этомъ и зиждется секретъ успѣха союзовъ. Только съ момента раздѣленія административной и законодательной власти можно говорить о союзахъ въ культурномъ смыслѣ этого слова. Мало того—именно благодаря своей организаціи, союзы пріобрѣтаютъ громадное этическое значеніе и оказываютъ сильное вліяніе на государственный строй и самоуправленіе. Государственный строй почти всегда складывается подъ вліяніемъ неравенства, господства одной части населенія надъ другой, и это господство въ концѣ концовъ получаетъ защиту въ правѣ. Наоборотъ, въ союзахъ самое основаніе членства предполагаетъ равенство, равное участіе членовъ и это начало борется съ началомъ неравенства, проведеннымъ въ государственномъ строѣ; если въ союзѣ проявляется неравенство, группа членовъ господствующая, то союзъ погибаетъ. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, какое опредѣленіе Лоренцъ Штейнъ даетъ союзу (Verein). „Verein"—это высшая форма единенія. Всѣ единенія въ прежнее время объединяли лишь людей одного состава, одной касты, одного

призванія; и теперь имѣются общества, въ отличіе отъ союзовъ, которыя преслѣдуютъ чисто личныя, промышленныя цѣли своихъ членовъ, гдѣ голоса распредѣляются по числу принадлежащихъ акцій, гдѣ возможно неравенство. Союзы, наоборотъ, тѣмъ и отличаются, что преслѣдуемыя ими цѣли лежатъ внѣ непосредственно личныхъ интересовъ членовъ и могутъ быть имъ полезны лишь настолько же, насколько и всему остальному населенію.

Отличительная черта союзнаго строя—та, что онъ можетъ ставить себѣ всѣ цѣли, которыя можетъ только преслѣдовать человѣчество. Онъ охватываетъ всю жизнь человѣка. По самой идеѣ, по самому принципу союзной организаціи, ни одна цѣль, ни одна задача, не можетъ быть признана слишкомъ высокой для него (ср. 105). Разница между союзомъ и государствомъ лишь та, что государство можетъ преслѣдовать всѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ человѣчество одновременно, а каждый союзъ въ отдѣльности можетъ стремиться лишь къ какой-нибудь одной опредѣленной цѣли. Но за то за союзомъ имѣются и громадныя преимущества передъ государствомъ: по самому характеру своей дѣятельности, выражающейся въ общихъ для всѣхъ подданныхъ одинаковыхъ нормахъ, государство можетъ требовать только одного и того же напряженія силъ, однѣхъ и тѣхъ же услугъ. Конечно, размѣръ этихъ обязательныхъ и подневольныхъ услугъ не можетъ ни въ какой степени сравниваться съ тѣмъ добровольнымъ служеніемъ идеѣ, принципу, избранной цѣли, съ которымъ мы встрѣчаемся въ союзѣ. Здѣсь напрягаются и примѣняются всѣ силы, всѣ дарованія личности и, притомъ, именно въ той сферѣ, въ той отрасли дѣятельности, къ которой у нея имѣются способности. Результаты получаются совершенно иные. Разумѣется, для такого примѣненія силъ личности должны существовать гарантіи свободы личности, долженъ существовать свободный политическій строй.

Цѣли, преслѣдуемыя союзами,—самыя разнообразныя: духовныя, умственныя, образовательныя, хозяйственныя. Но кромѣ того есть союзы, которые преслѣдуютъ цѣль соціальнаго уравненія. Во всѣ періоды исторіи мы встрѣчаемся съ классами богатыхъ, обезпеченныхъ и бѣдныхъ. Эти раз-

личія, эти классы, можетъ быть, неизбѣжны; но важно, чтобы была возможность для отдѣльной личности свободнаго перехода изъ класса въ классъ, а съ другой стороны важно, чтобы направлена была союзная дѣятельность на сглаженіе слишкомъ рѣзкихъ крайностей, диссонансовъ. И вотъ на удовлетвореніе этихъ потребностей и направленна дѣятельность союзовъ, такъ какъ государство обезпечиваетъ только равную всѣмъ правовую защиту. Штейнъ различаетъ три вида такихъ союзовъ: союзы помощи неимущимъ, далѣе союзы, имѣющіе въ виду сгладить классовую рознь, и, наконецъ, союзы взаимопомощи, для борьбы за высоту рабочей платы и т. п., Friendly societies и т. д.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, ученіе Лоренца Штейна по данному вопросу. Нельзя у него отнять той стройной широты и красоты, которою отличаются всѣ вообще научныя построенія Штейна. Я не собираюсь jurare in verba magistri, но остановлюсь на слѣдующихъ положеніяхъ, которыя, по-моему, вытекаютъ какъ изъ этого ученія, такъ и, вообще, изъ сравненія основныхъ чертъ средневѣковаго союзнаго строя съ современнымъ.

Главное отличіе современнаго союзнаго строя—именно широта организаціи. Каждый союзъ объединяетъ въ себѣ не людей только одной профессіи, а всѣхъ, всякихъ профессій, всякихъ общественныхъ положеній лицъ, разъ они интересуются тѣмъ дѣломъ, надъ которымъ работаетъ союзъ. За то современный союзъ и не поглощаетъ такъ всецѣло личности, какъ средневѣковый: онъ вызываетъ необходимость посвященія этому дѣлу только части силъ личности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не налагаетъ и тѣхъ, часто весьма стѣснительныхъ, ограниченій и регламентированія, которыя влекла за собою принадлежность къ средневѣковому союзу.

Эта широта организаціи даетъ возможность расширенія и задачъ и цѣлей преслѣдуемыхъ, расширеніе горизонта, не ограничивая его интересами корпоративными.

Но слѣдуетъ именно отмѣтить, что эта широкая постановка и стала только возможной, благодаря уничтоженію средневѣковаго политическаго строя, благодаря тому, что великой революціей и философами, подготовившими это движеніе, было создано понятіе *человѣческой личности* какъ

таковой, безотносительно къ ея классовому и общественному положенію, причемъ этой личности были гарантированы широкія политическія и гражданскія права.

Но это объединеніе всѣхъ корпоративныхъ, классовыхъ, сословныхъ личностей въ одну общечеловѣческую личность дало возможность образоваться и тѣмъ научнымъ теченіямъ и—даже больше—тѣмъ народнымъ взглядамъ, которые говорятъ объ общечеловѣческихъ правахъ, общечеловѣческихъ потребностяхъ, о братствѣ и равенствѣ личностей, объ общности интересовъ всего человѣчества, или—какъ говорили Геллертъ, Клопштокъ, Гердеръ — о гуманизмѣ. Это сознаніе общности человѣческихъ интересовъ, или, какъ теперь говорятъ, *солидарности* этихъ интересовъ и является тою крупною громадною силою, которая вызываетъ — сознательно или безсознательно для отдѣльныхъ, участвующихъ въ движеніи личностей то колоссальное союзное движеніе и развитіе союзовъ, при которомъ мы присутствуемъ.

Если понятіе гуманизма сводилось главнымъ образомъ къ пробужденію, къ оживленію застывшаго, даже въ лонѣ христіанской церкви, чувства любви и состраданія къ ближнему, то новое движеніе въ пользу солидярности основывается на вполнѣ продуманныхъ соображеніяхъ и указываетъ на зрѣлость народнаго сознанія въ культурныхъ государствахъ. Оно, въ сущности, исходитъ изъ двухъ положеній: изъ сознанія въ полномъ безсиліи личности достигнуть развитія своихъ силъ и удовлетворенія своихъ потребностей безъ содѣйствія другихъ такихъ же личностей. Даже такой поклонникъ государственнаго единенія, какъ единственной будто бы силы, способной обезпечить дѣйствительное удовлетвореніе всѣхъ человѣческихъ потребностей, какъ Рудольфъ Іерингъ (Zweck im Recht, B. 1, 3 Aufl., S. 88),—и тотъ признавалъ, что „общество есть въ сущности строй жизни для другихъ и при посредствѣ другихъ,—а такъ какъ отдѣльная личность, поскольку она имѣетъ какія либо качества, пріобрѣла ихъ благодаря другимъ,—то и общество или общеніе съ другими (Gesellschaft) является единственно возможной формой жизни и въ личныхъ интересахъ личности и, такимъ образомъ, въ дѣйстви-

тельности, просто единственною формою человѣческой жизни вообще".

Но и кромѣ недостаточности человѣческихъ силъ—основанія, можетъ быть, черезчуръ эгоистичнаго—есть еще другое основаніе современнаго чувства солидарности: это чувство неуплаченнаго долга, сознаніе, что все, чѣмъ мы пользуемся и чѣмъ мы являемся въ культурномъ обществѣ, всѣмъ этимъ мы обязаны не только современникамъ, но и всѣмъ предыдущимъ поколѣніямъ. Правильно говорилъ Léon Bourgeois на конгрессѣ соціальнаго воспитанія въ Парижѣ въ 1900 г. [1]): „человѣкъ рождается должникомъ общества. Эта идея, которая была еле намѣчена въ древности, развилась въ наше время до степени несомнѣнной истины: человѣкъ, принимая пищу, примѣняя какое нибудь орудіе, читая книжку, выражая какую нибудь мысль, во всѣхъ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ позаимствованію изъ общаго соціальнаго фонда, изъ плодовъ труда, накопленныхъ другими. Такимъ образомъ, становится почти совершенно невозможнымъ опредѣлить, какая въ дѣйствительности доля труда, создавшаго данное произведеніе, принадлежитъ въ дѣйствительности тому лицу, которое называетъ это произведеніе своимъ. Началу эгоизма, крайностямъ индивидуализма, ученію, что весь прогрессъ, все развитіе человѣчества проходитъ въ борьбѣ за существованіе и ею вызывается, ибо вызываетъ наибольшее напряженіе силъ каждой личности въ отдѣльности, это новое ученіе противополагаетъ соображенія о чрезвычайномъ, страшномъ вредѣ, губительномъ для культуры и прогресса, происходящемъ отъ ничѣмъ неограниченной борьбы за сушествованіе. Указываютъ, что въ этой борьбѣ погибаютъ далеко не слабѣйшія только личности, а, наоборотъ, наиболѣе совѣстливыя, наиболѣе нравственныя, тѣ именно, которыя въ дѣйствительности только и могутъ нести свѣточъ настоящаго благотворнаго для всѣхъ прогресса, не въ духѣ толпы. Обращаютъ вниманіе, наконецъ, что современный строй такъ сложился, что наслѣдственныя классовыя преимущества собственника и капиталиста такъ велики, что борьба дѣйствитель-

[1]) Leon Bourgeois, Solidarité Quatrième, edition, 1904, p. 176.

ная, свободная, на равныхъ условіяхъ совершенно невозможна, и что, такимъ образомъ, подрывается самый принципъ ученія индивидуалистическаго о свободной конкурренціи, самая значительная сила всего современнаго прогресса—энергія личности. Для борьбы съ этимъ строемъ и, въ особенности съ его пагубными послѣдствіями слабѣйшія личности вынуждены объединяться въ союзы". Но это еще—все-таки эгоистическое основаніе объединенія. Выше было уже указано, что общество дошло до сознанія въ существованіи неоплаченнаго долга современнымъ и предыдущимъ поколѣніямъ, который лежитъ на каждой отдѣльной личности, принадлежащей къ современнымъ культурнымъ народамъ. Но и этого еще мало. Болѣе внимательное ознакомленіе съ условіями современнаго строя выяснило не только ученымъ и спеціалистамъ, но и народнымъ массамъ, что благополучіе отдѣльной личности вполнѣ зависитъ отъ благополучія другихъ личностей, принадлежащихъ къ тому же народу. Я могу начать съ самаго нагляднаго примѣра. Теперь и богатые и обезпеченные совершенно понимаютъ, что для того чтобы оградить себя, не говорю уже—отъ вспышекъ эпидемическихъ заболѣваній, но просто отъ заразительныхъ инфекціонныхъ болѣзней, надо идти и тратить средства на борьбу съ очагомъ этихъ болѣзней, съ тѣми нездоровыми гигіеническими условіями, въ которыхъ живетъ бѣднота, оградиться отъ соприкосновенія съ которой при современномъ строѣ, при современной скученности населенія, совершенно невозможно. Ну, а если постепенно то же сознаніе проникаетъ дальше, охватываетъ болѣе широкія сферы жизни, если начинаютъ понимать, что для устраненія опаснаго для жизни и имущества антагонизма между богатыми и бѣдными надо направлять усилія и дѣлать затраты на устраненіе слишкомъ рѣзкихъ диссонансовъ, на обезпеченіе, по крайней мѣрѣ, самыхъ первоначальныхъ, достойныхъ человѣка, условій существованія бѣдному сосѣду; если то же сознаніе зависимости послѣ того, что убѣдились въ негодности репрессіи, какъ средства борьбы съ преступностью, начинаетъ вызывать убѣжденіе, что преступленія приносятъ совершенно непоправимый, невознаградимый вредъ, и что происходятъ они главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, отъ

того, что своевременно не была подана помощь падающему, лишившемуся, благодаря современнымъ условіямъ соціальнаго и экономическаго строя, возможности жить просто соотвѣтственно достоинству человѣка:—не проникнутся ли люди, при такихъ условіяхъ, сознаніемъ, что помимо уже всякихъ гуманистическихъ, альтруистическихъ побужденій необходимо въ собственныхъ интересахъ, въ видахъ обезопасенія себя отъ невознаградимыхъ вредныхъ послѣдствій преступленія, приходить на помощь? То же сознаніе можетъ привести къ убѣжденію въ необходимости умственнаго и нравственнаго просвѣтленія массы, съ жизнью которой неразрывно и многообразно сплетается жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка какъ бы онъ ни былъ независимъ, богатъ и т. д. Поэтому намъ становится понятнымъ, что уже въ 1900 г. въ Парижѣ былъ собранъ конгрессъ соціальнаго воспитанія. Задача этого соціальнаго воспитанія, какъ говорилъ Леонъ Буржуа [1]), вселить въ каждомъ человѣкѣ убѣжденіе, что онъ—членъ общаго со всѣми людьми, по крайней мѣрѣ того же народа, товарищества; это воспитаніе должно сдѣлать изъ каждаго изъ насъ существо соціальное, привить намъ привычку вести себя соціально, т. е. платить какъ можно добросовѣстнѣе нашъ долгъ обществу и окружающимъ, при всякомъ актѣ нашей дѣятельности, при всякомъ обмѣнѣ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, произведеній нашего ума на чужія. Это воспитаніе должно вкоренить въ насъ убѣжденіе, что на всѣхъ насъ лежитъ одинаковая отвѣтственность за все происходящее въ нашей средѣ, въ средѣ нашего общества, нашего народа; мы должны, въ концѣ концовъ, усвоить себѣ эти общія начала, выливающіяся въ соціальную совѣсть, и съ точки зрѣнія этой соціальной совѣсти оцѣнивать отдѣльныя наши дѣйствія". Да, эти идеи надо распространять чѣмъ больше, тѣмъ лучше, но онѣ и безъ того существуютъ въ народныхъ массахъ. Какъ говоритъ Крапоткинъ: „не на любви и не на симпатіи построено человѣческое общество. Нѣтъ, оно построено на убѣжденіи—будь это даже на степени только инстинктивнаго убѣжденія—въ существованіи солидарности среди

[1]) Н. с., стр. 182.

людей. Это—можетъ быть—несознательное даже признаніе той силы, которая получается каждымъ, благодаря примѣненію взаимопомощи, зависимости счастья одного отъ счастья другихъ [1]).

Это-то чувство солидарности, зависимость другъ отъ друга, важность взаимопомощи, обязанность *въ собственныхъ интересахъ* бороться съ бѣдами, несчастіями и пороками, поражающими другихъ, и вызываетъ стремленіе къ борьбѣ соединенными силами, къ образованію союзовъ.

Но почему же—именно союзовъ? почему же человѣчество не считаетъ достаточной дѣятельность самого крупнаго единенія—государства? Надо замѣтить, что вѣра въ спасительность, во всемогущество государства и государственнаго вмѣшательства и въ наше время, когда отвернулись уже отъ теоріи laissez faire, laissez passer, или, какъ говорятъ англичане, hands of, сильно поколеблена. Да, несомнѣнно, государство не должно ограничиваться однимъ обезпеченіемъ внѣшней безопасности,—оно уже и теперь вмѣшивается и будетъ еще больше вмѣшиваться въ будущемъ и въ соціальныя и экономическія отношенія, будетъ вводить новыя общія нормы. Но и предѣлы нормировки и вмѣшательства, несомнѣнно, должны существовать. Въ какой бы мѣрѣ наше время ни стремилось къ осуществленію соціальной реформы, оно не дойдетъ до коммунизма, ни до просвѣщеннаго абсолютизма: идеи мыслителей 18 столѣтія, разсѣянныя по лицу всего культурнаго міра великой французской революціей, вошли въ плоть и кровь каждаго культурнаго человѣка. Среди этихъ идей, идея личности, свобода ея внутренняго міра, свобода ея дѣятельности—одна изъ самыхъ коренныхъ и ее едвали выкинутъ когда либо; а одно изъ самыхъ ближайшихъ проявленій свободной личности—объединеніе для достиженія извѣстныхъ цѣлей.

Въ этомъ отношеніи, я не могу не привести словъ проф. Ларнода, сказанныхъ имъ въ Société Générale des prisons по

---

[1]) P. Kropotkin. Mutual aid as factor of evolution. 1902, p. XIII Сравни также, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія экономической: Проф. *И. Озеровъ*. Изъ жизни труда. Развитіе общечеловѣческой солидарности, 1904.

поводу доклада Нуриссона о роли обществъ въ преслѣдованіи преступленій [1]).

„Союзъ,—говорилъ Ларнодъ,—уподобляютъ отдѣльной личности, не желая, однако, давать этому союзу тѣхъ же правъ, которыя даются отдѣльной личности, и не принимая вовсе во вниманіе, что союзъ можетъ имѣть и пользоваться правами, которыя не присвоены отдѣльной личности. Права союза, не преслѣдующаго матеріальныхъ цѣлей, вовсе не исчерпываются совокупностью правъ всѣхъ его членовъ, точно такъ-же, какъ и государство имѣетъ права и обязанности другія, а не тѣ только, которыя принадлежатъ его подданнымъ. Союзъ надо уподоблять не отдѣльной личности, а скорѣе государству, съ которымъ у союза имѣются очевидные признаки сходства. Союзы надо перенести съ почвы гражданскаго права на почву государственнаго права, и только тогда станетъ ясною та громадная роль, которую призваны играть союзы.

Союзъ—это помощникъ одновременно и государству и отдѣльной личности. Надо же признать, что жизнь предъявляетъ такія требованія, что отдѣльная личность вынуждена отказаться отъ преслѣдованія цѣлей первостепенной важности только потому, что послѣднія не представляютъ для нее непосредственнаго интереса. Чтобы выполнить задачи, для разрѣшенія которыхъ у нея нѣтъ ни охоты ни, можетъ быть, и силъ, а иногда даже и смѣлости,—отдѣльная личность обращается за помощью къ государству. Почему же, при такихъ условіяхъ, не существовать подъ началомъ и надзоромъ государства такимъ единеніямъ, которыя брали бы на себя выполненіе нѣкоторыхъ изъ государственныхъ задачъ и являлись бы, такимъ образомъ, посредниками между государствомъ и отдѣльною личностью".

Гирке называетъ союзы союзниками государства по выполненію общихъ задачъ, Ларнодъ—помощниками; къ такимъ же приблизительно выводамъ приходятъ и Rostand („L'action sociale") и многіе другіе ученые. Въ сущности, взгляды этихъ ученыхъ—не ихъ личные идеалы или пожеланія. Они лишь констатируютъ происходящій въ дѣйствительности колос-

[1]) Revue pénit., 1896, p. 660.

сальный ростъ союзовъ, число которыхъ все увеличивается и которые берутся все за новыя, болѣе возвышенныя, имѣющія прямо государственное значеніе, цѣли.

Гербертъ Спенсеръ въ своемъ сочиненіи о юстиціи [1]) высказываетъ, согласно съ общими своими взглядами на исторію развитія государства, которое переходитъ отъ военнаго къ индустріальному строю, что пока граждане не имѣютъ ни средствъ, ни опытности, ни характера, для осуществленія всѣхъ необходимыхъ задачъ,—разрѣшеніе этихъ задачъ всецѣло беретъ на себя государство. Съ переходомъ къ индустріальному строю образуются многочисленные добровольные союзы гражданъ для выполненія этихъ задачъ, цѣлый рядъ функцій переходитъ отъ государства къ этимъ союзамъ. Этотъ прогрессъ перехода не только не завершился, но мы не знаемъ его конца и предѣловъ. Съ ростомъ и развитіемъ вызывается необходимость большей спеціализаціи и большая годность одной части общества для выполненія соотвѣтственныхъ функцій, а, слѣдовательно, и процессъ перехода этихъ функцій отъ одной государственной власти, дѣйствующей единообразно, къ разнообразнымъ и многочисленнымъ союзамъ долженъ быть признанъ усовершенствованіемъ, движеніемъ впередъ.

Поэтому опредѣлять теперь, какъ далеко пойдетъ это движеніе и, тѣмъ болѣе, какъ распредѣлятся роли по выполненію даже прямо обще-государственныхъ задачъ между союзами, съ одной стороны, и органами государственнаго и земскаго управленія, съ другой стороны, невозможно. Трудно и было бы неправильно рѣшительно заявлять, что такія то задачи никогда не перейдутъ ни въ какой части въ вѣдѣніе союзовъ. Въ частности—именно въ области борьбы съ преступностью, какъ мы видѣли выше, мы присутствуемъ при переходѣ значительной части всего дѣла отъ государства въ вѣдѣніе союзовъ. Въ области, наиболѣе близкой къ дѣлу борьбы съ преступностью,—филантропіи тоже слѣдуетъ отмѣтить, во-первыхъ, введеніе стройной, вполнѣ отвѣчающей важному государственному значенію этого дѣла, организаціи, во-вторыхъ, новую постановку задачъ, подле-

[1]) H. Spencer. Principles of Ethics. 1892, II т. Justice, гл. XXVII.

жащихъ преслѣдованію *опять* таки въ чисто обще-государственномъ смыслѣ и, наконецъ, болѣе опредѣленное разграниченіе сферъ вѣдѣнія союзовъ и государства.

Въ качествѣ признака для такого разграниченія сферъ вѣдѣнія между союзами и государствомъ, можно указать на требованія индивидуализаціи; тамъ, гдѣ осуществленіе этихъ требованій совершенно необходимо для успѣха дѣла, тамъ государственные органы, по самому характеру своей дѣятельности не имѣющіе возможности удовлетворять этимъ требованіямъ, очевидно всецѣло уступаютъ все дѣло союзамъ. Есть, впрочемъ, и другой признакъ разграниченія сферъ вѣдѣнія, на который можно указать. Государство, несомнѣнно, какъ самое крупное единеніе, располагающее наибольшими матеріальными средствами, какъ единеніе, если не вѣчное, то, во всякомъ случаѣ, болѣе долговѣчное, чѣмъ всякое отдѣльное сравнительно немногочисленное единеніе людей, которое легко можетъ на время, по крайней мѣрѣ, распасться, должно брать на себя всѣ крупнѣйшія затраты, которыя могутъ оправдаться черезъ десятки лѣтъ, всѣ—скажу—безнадежныя, но необходимыя, затраты; ему доступно также все, что вполнѣ остановилось, обратилось въ рутину.

Но если, дѣйствительно, ростъ союзовъ представляетъ несомнѣнный фактъ, то какое онъ значеніе имѣетъ для дѣла борьбы съ преступностью?

Въ сущности, на этотъ вопросъ уже почти готовъ отвѣтъ въ данныхъ и соображеніяхъ, только что изложенныхъ выше.

Въ самомъ дѣлѣ—какая главная основная цѣль или, лучше сказать, основное общее начало всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ всѣми наличными союзами или, по крайней мѣрѣ, подавляющимъ большинствомъ ихъ?—поддержаніе матеріальнаго и нравственнаго положенія, поддержаніе силъ отдѣльной личности, недостаточныхъ для достиженія всѣхъ существенно необходимыхъ этой личности цѣлей; иначе говоря—борьба съ *одиночествомъ личности*, т. е. борьба съ тѣмъ соціальнымъ явленіемъ, которое, поскольку современныя недостаточныя данныя соціологіи позволяютъ дѣлать выводы, является главнымъ факторомъ преступности, по крайней мѣрѣ всей современной преступности. Это, несомнѣнно,—фактъ, имѣющій громаднѣй-

шее, первенствующее значеніе. Лишь въ самые послѣдніе годы отставшая, благодаря догматической школѣ, отъ жизни наука открыла значеніе превенціи въ борьбѣ съ преступностью, открыла, что надо бороться главнымъ образомъ, съ одиночествомъ отдѣльной личности своевременными, предупредительными мѣрами. А культурное человѣчество, организуя союзы, уже давно приступило къ этимъ мѣрамъ, быть можетъ болѣе инстиктивно, чѣмъ сознательно, и преслѣдуя въ своихъ союзахъ самыя разнообразныя цѣли, въ то же время и главнымъ образомъ борется уже именно съ главнымъ зломъ современной жизни. Понятно, что у сотенъ тысячъ союзовъ, объединяющихъ такъ или иначе почти все культурное человѣчество, неизмѣримо, безъ всякаго сравненія, больше силъ, чѣмъ у спеціальныхъ, немногочисленныхъ органовъ борьбы съ преступностью. Вотъ поэтому одному уже превенція должна имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣ спеціальныя мѣры борьбы съ преступностью, не говоря уже о мѣрахъ репрессивныхъ. А кромѣ того, превенція имѣетъ еще одно громадное преимущество—своевременность выступленія на борьбу, обезпечивающую, конечно, и большія надежды на успѣхъ. При такихъ условіяхъ новой наукѣ, не закрывающей глазъ на жизнь, надо торопиться съ изученіемъ этой дѣятельности общества, этой важнѣйшей отрасли борьбы съ преступностью. Наукѣ надо даже очень торопиться, ибо новыя спеціальныя мѣры борьбы съ преступностью основаны на началѣ психологическаго принужденія, а это начало психологическаго принужденія заимствовано тѣми практическими дѣятелями, которые, собственно, внушили эти мѣры законодателю и создали ихъ на практикѣ прежде всякаго закона, именно изъ дѣятельности общества.

Но наука только что приступаетъ къ этому изученію, и моя работа о роли общества въ борьбѣ съ преступностью является однимъ изъ первыхъ трудовъ въ этой области. Понятны отсутствіе матеріаловъ, невозможность въ краткомъ курсѣ дать и общую характеристику союзной дѣятельности и описаніе отдѣльныхъ видовъ и элементовъ этой дѣятельности, которые уже и теперь, казалось-бы, подлежатъ изслѣдованію.

Поэтому здѣсь, въ цѣляхъ общаго представленія о превентивной дѣятельности общественныхъ союзовъ, могутъ скорѣе быть намѣчены категоріи союзовъ, подлежащихъ изученію, чѣмъ дана полная ихъ характеристика. Категоріи эти слѣдующія.

Во-первыхъ, союзы, объединяющіе вполнѣ здоровыя экономически и нравственно личности. Союзы эти, поддерживая личность, содѣйствуя ей въ достиженіи разнообразныхъ ихъ личныхъ цѣлей, въ то же время создаютъ понятіе корпоративной чести, чести извѣстнаго призванія, чести и достоинства личности, ея соціальнаго значенія. Въ видахъ поддержанія этого понятія чести, союзы эти осуществляютъ нравственный иадзоръ надъ своими сочленами, оказываютъ на нихъ извѣстное психологическое принужденіе угрозой исключенія изъ своей среды, которое влечетъ за собою потерю чести и соціальнаго положенія. Они пользуются надъ своими членами дисциплинарною властью, имѣютъ свои суды.

Во-вторыхъ, союзы тоже экономически и нравственно здоровыхъ личностей, которые преслѣдуютъ цѣли, лежащія внѣ интересовъ членовъ даннаго союза и, притомъ, именно матеріальную и нравственную помощь личностямъ, которыя вслѣдствіе той или другой причины близки къ паденію, обѣднѣли экономически и нравственно. Оказывая помощь, эти союзы стремятся, главнымъ образомъ, возстановить нравственную личность вспомоществуемыхъ, поставить ихъ на собственныя ноги, возсоздать въ нихъ ослабѣвшее чувство чести и собственнаго достоинства (филантропическіе союзы).

Наконецъ, мы отмѣчаемъ третій видъ союзовъ, на которыхъ мы останавливались уже выше, описывая участіе общества въ реализаціи спеціальныхъ мѣръ борьбы съ преступностью. Эти союзы посвящаютъ свои силы возрожденію заброшенныхъ, дошедшихъ до полнаго паденія экономическаго и нравственнаго, до утери не только чести и собственнаго достоинства, но даже до совершенія преступленія, до деклассаціи, до утраты самаго пониманія значенія личнаго достоинства. Оказывая помощь этимъ лицамъ, этого вида союзы еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ предыдущіе, не до-

вольствуются уже общими мѣрами, тѣмъ общимъ психологическимъ принужденіемъ, которымъ единственно ограничиваются въ союзѣ здоровыхъ личностей; здѣсь прибѣгаютъ къ личному непосредственному воздѣйствію и руководству каждаго изъ павшихъ однимъ изъ членовъ союза, создавая временно отношеніе опекуна и опекаемаго. Только такимъ продолжительнымъ, непосредственнымъ воздѣйствіемъ достигается возстановленіе въ душѣ опекаемаго значенія цѣнности утерянныхъ чести и собственнаго достоинства, а по возстановленіи этого главнаго стимула нормальнаго и нравственнаго образа дѣйствій уже достигается и полное возрожденіе—реклассированіе личности.

Союзы экономически и нравственно здоровыхъ личностей, ограждающіе честь и нравственное достоинство своихъ сочленовъ.

Итакъ, остановимся на дѣятельности союзовъ первой категоріи, наиболѣе превентивныхъ, ибо они, между прочимъ, въ числѣ другихъ, болѣе матеріальныхъ, цѣлей, заботятся о сохраненіи и поддержаніи чести и понятія чести, а равно огражденіи отъ впаденія въ одиночество людей еще экономически и нравственно вполнѣ здоровыхъ (въ смыслѣ діагноза относительно преступности).

Какое значеніе эти союзы имѣютъ въ общемъ дѣлѣ борьбы съ преступностью, въ чемъ и какъ проявляется ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи?

Этотъ вопросъ непосредственно въ литературѣ не разрабатывался, но имѣется сравнительно мало извѣстное изслѣдованіе покойнаго талантливаго цивилиста Вальтера Нотнагеля, посвященное весьма близкому вопросу—карательной власти единеній, образовавшихся на почвѣ соціальныхъ интересовъ [1]). Изслѣдованіе Нотнагеля, несомнѣнно, заслуживаетъ особаго вниманія по вѣрности и глубинѣ проводимыхъ въ немъ взглядовъ; оно проливаетъ яркій свѣтъ на совсѣмъ еще мало обращавшую на себя вниманіе сторону дѣятельности союзовъ, а между тѣмъ, какъ показываютъ примѣры, приводимые самимъ Нотнагелемъ, и другіе изъ современной союзной жизни, именно эта сторона дѣятельности союзовъ быстро развивается и обѣщаетъ дать въ ближайшемъ будущемъ, по мѣрѣ развитія союзовъ, по мѣрѣ

---

[1]) Dr. Walther Nothnagel. Execution durch sociale Interessengruppen. 1899.

большаго ознакомленія съ этимъ вопросомъ общества, громадные результаты въ области превенціи преступленій.

Что заставляетъ прежде всего отдѣльную личность вступать въ союзъ?—большею частью, скорѣе эгоистическій мотивъ: желаніе упрочить свое положеніе, обезпечить достиженіе тѣхъ цѣлей, которымъ она посвятила свою дѣятельность, если не всю жизнь. Такія цѣли чрезвычайно разнообразны. Такъ же разнообразны, однако, и союзы, и можно сказать, что нѣтъ цѣли въ жизни, для прочнаго обезпеченія и достиженія которой не существовалъ бы особый союзъ. Можно подраздѣлить союзы на союзы, преслѣдующіе достиженіе исключительно матеріальныхъ выгодъ, и на союзы, посвящающіе свои силы правильной постановкѣ какой-нибудь отрасли человѣческой дѣятельности, которая можетъ составить для отдѣльнаго лица призваніе всей жизни—то, что нѣмцы называютъ Beruf. Но въ сущности, разницы большой нѣтъ, ибо несомнѣнно, что съ выполненіемъ призванія тѣсно связано и матеріальное обезпеченіе лица, посвятившаго себя данному призванію. Но нужно во всякомъ случаѣ, во всей полнотѣ выяснить значеніе принадлежности къ союзу для каждаго отдѣльнаго лица. Для лица, занимающагося политикой, — принадлежность къ политическому клубу, для спортсмена — принадлежность къ клубу спортсменовъ, для лицъ, занимающихся торговыми оборотами,— принадлежность къ соотвѣтственнымъ акціонернымъ компаніямъ и промышленнымъ товариществамъ, для врача—принадлежность къ авторитетному медицинскому обществу, для рабочаго — принадлежность къ рабочему союзу, является первостепенно важнымъ. Въ сущности, всѣ его интересы матеріальные и нравственные связаны съ принадлежностью къ обществу. Въ самомъ дѣлѣ—не говоря уже о тѣсной связи между матеріальнымъ обезпеченіемъ и соціальнымъ положеніемъ,—во всякомъ случаѣ, въ большинствѣ случаевъ, все соціальное положеніе человѣка зависитъ отъ принадлежности къ такому обществу. Для рабочаго, члена рабочаго союза, главный нервъ его жизни — рабочая плата—всецѣло зависитъ отъ союза и нормируется для него благопріятно, пока онъ принадлежитъ къ такому обществу. Въ такой же зависимости отъ того же союза стоитъ еще много другихъ

важнѣйшихъ матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ рабочаго—въ смыслѣ помощи въ разныхъ бѣдствіяхъ, въ смыслѣ участія въ политикѣ, въ смыслѣ удовлетворенія его умственныхъ потребностей, развлеченія для его семьи и т. д. Возьмемъ другую крайность — спортсмена: и для него съ клубомъ спортсменовъ связаны важные интересы его жизни; здѣсь въ обществѣ онъ получаетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія по интересующему его спеціальному дѣлу, такъ какъ здѣсь эти свѣдѣнія собираются; здѣсь устанавливаются новые обычаи и правила, которыми необходимо руководствоваться всякому занимающемуся дѣломъ; здѣсь подготовляются всякія сдѣлки, происходятъ соглашенія по пріобрѣтенію необходимыхъ приспособленій, обмѣну или облегченію и устройству даннаго спорта и т. д. Такимъ образомъ, мы уже находимся передъ двумя безспорными положеніями. Во всякомъ спеціальномъ дѣлѣ имѣется союзъ, обезпечивающій достиженіе данной спеціальной цѣли; и чѣмъ болѣе дѣло развивается, тѣмъ болѣе правильное веденіе его становится возможнымъ лишь соединенными силами. Далѣе, для отдѣльной личности поэтому чрезвычайно важна принадлежность къ союзу,—съ этою принадлежностью связаны всѣ ея матеріальные и моральные интересы. Поэтому побуждаетъ личность вступать въ союзъ чисто эгоистическій мотивъ лучшаго удовлетворенія своихъ интересовъ.

Но на этомъ и кончается дѣйствіе чисто эгоистическихъ мотивовъ. Вступленіе въ союзъ есть оффиціальная, такъ сказать, приписка къ извѣстному дѣлу, къ извѣстной отрасли человѣческой дѣятельности, удовлетворяющей извѣстнымъ народнымъ, общественнымъ потребностямъ. Но, какъ говорилъ еще Іерингъ, избраніе какого-нибудь соціальнаго положенія есть вмѣстѣ съ тѣмъ принятіе на себя извѣстныхъ обязанностей передъ обществомъ. Это, въ сущности, повтореніе или возрожденіе того же средневѣкового принципа—чести даннаго ремесла, какъ извѣстной общественной функціи. О поддержаніи этой чести заботится общество; у него не можетъ быть, даже если мы возьмемъ чисто экономическое общество, преслѣдующее чисто матеріальныя цѣли, уже чисто эгоистическихъ, исключительно своекорыстныхъ побужденій, которыя могли бы его натолкнуть на дѣйствія без-

нравственныя, роняющія честь даннаго дѣла. Я не говорю, разумѣется,—могутъ быть исключенія; но вѣдь такія общества и союзы въ сущности довольно скоро и погибаютъ. Но уже то одно, что честь дѣла должна поддерживаться союзомъ, личностью абстрактною, стоящею выше низменныхъ побужденій, даетъ этому союзу громадный вѣсъ, общественное, соціальное положеніе. Понятно поэтому, что личность отдѣльная, вынуждаемая къ вступленію въ союзъ чисто личными, даже эгоистическими побужденіями, соображеніемъ о своемъ безсиліи, о невозможности достигнуть удовлетворенія своихъ жизненныхъ интересовъ безъ содѣйствія общества, вступивъ въ союзъ, становится въ громадную зависимость отъ этого союза; оторваться отъ него ей невозможно, ибо съ принадлежностью къ этому обществу связано ея матеріальное, ея соціальное положеніе, ея личная честь; она—или участникъ общей чести или ничто. Но такъ обстоитъ дѣло, если говорить о выходѣ мирномъ; навлеченіе же на себя нерасположенія такого союза со всѣми его послѣдствіями является для личности въ значительной степени матеріальной и нравственной смертью. Отъ того, что нѣкоторые союзы преслѣдуютъ цѣли, ничего общаго съ матеріальными интересами не имѣющія, не измѣняется суть дѣла: вѣдь и для личностей, участвующихъ и работающихъ въ такихъ союзахъ, тѣ высшія отвлеченныя цѣли, которыя преслѣдуются союзомъ, составляютъ весь смыслъ ихъ жизни и авторитетъ,—соціальное положеніе и соціальная честь такихъ союзовъ не меньше, чѣмъ союзовъ экономическихъ.

Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній станетъ понятнымъ, съ какими требованіями союзъ можетъ обращаться къ своимъ членамъ и та степень давленія и вліянія, которое онъ можетъ на нихъ оказывать.

Что касается до требованій, то, разумѣется, эти требованія не вполнѣ тождественны въ разныхъ союзахъ. Если въ союзахъ, преслѣдующихъ матеріальные интересы, гдѣ идетъ дѣло о пріобрѣтеніи правъ, при наименьшихъ затратахъ, требованія не столь высоки, то въ союзахъ, обезпечивающихъ успѣшное выполненіе извѣстнаго призванія, почетное положеніе въ данномъ дѣлѣ и соотвѣтственное званію положеніе въ союзѣ достигается лишь при наивысшемъ напря-

женіи силъ и особо безупречномъ выполненіи профессіональныхъ обязанностей.

Но и въ тѣхъ и въ другихъ союзахъ требуется не только соблюденіе уставовъ, но и вполнѣ добросовѣстное отношеніе и къ дѣлу и къ тѣмъ, кому дѣло служитъ; мало того—требуется и общее, внѣ спеціально даннаго дѣла, добропорядочное нравственное поведеніе, чтобы личная честь была ничѣмъ не запятнана. Такимъ образомъ, требованія союза къ членамъ сводятся къ требованію извѣстныхъ дѣйствій и извѣстнаго поведенія. Несомнѣнно, что всѣ эти требованія въ той или другой мѣрѣ проникнуты этическими началами; несомнѣнно также, что выполненіе этихъ требованій уже въ достаточной мѣрѣ удостовѣряетъ, что членъ союза есть вмѣстѣ съ тѣмъ и здоровый членъ общества.

Но какимъ образомъ союзы достигаютъ того, что требованія ихъ исполняются—по внутреннему ли убѣжденію членовъ, добровольно, или хотя и не согласно съ внутренними побужденіями, но такъ, что это остается въ тайникахъ души и ни въ чемъ во внѣ не проявляется?

Эта власть союза, такъ сказать, ограждается карательными мѣрами; самой высшей изъ этихъ мѣръ является исключеніе изъ общества. Слѣдуетъ ясно и во всей широтѣ имѣть въ виду объемъ тѣхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собой для члена такое исключеніе. Мы выше видѣли, какъ тѣсно сплетаются важнѣйшіе жизненные интересы матеріальные, моральные, самое соціальное положеніе, честь вступившаго въ союзъ, съ жизнью въ союзѣ, принадлежностью къ послѣднему. Поэтому исключеніе изъ союза влечетъ за собою не только ущербъ матеріальнымъ интересамъ, но часто прямое разореніе потерею кредита; въ виду громаднаго нравственнаго авторитета союза исключеніе является опозореніемъ, объявленіемъ недостойнымъ, безчестнымъ.

Но на пути къ этой послѣдней мѣрѣ, есть рядъ другихъ и, прежде всего, *психологическое* принужденіе, угроза этою чрезвычайною мѣрою; подъ давленіемъ этой угрозы, несомнѣнно, можетъ быть, за немногими исключеніями, достигнуто удовлетвореніе всѣхъ необходимыхъ требованій.

Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что государство и су-

дебная власть ограничиваются исполненіемъ только уголовной кары, а всѣ соціальныя послѣдствія наступаютъ уже по распоряженіямъ союзовъ, по ихъ усмотрѣнію. Такова власть союзовъ. Союзъ имѣетъ, очевидно, полную возможность держать человѣка въ рукахъ, держать его всецѣло; никакая уголовная кара, если бы къ ней не присоединялись соціальныя послѣдствія (а это опять таки дѣло союзовъ), не поражаетъ такъ сильно все существо, главнѣйшіе нервы существованія. Но до кары не доходятъ, и психологическое принужденіе, незамѣтное, не дающее даже возможности предполагать, что требованія союза исполняются недобровольно, оказываетъ громадное, за весьма рѣдкими исключеніями, неотразимое вліяніе. Вопросъ о значеніи психологическаго принужденія помимо примѣненія его союзами весьма важный; кары уголовныя, репрессія, отказавшаяся даже отъ системы устрашенія, такого психологическаго принужденія, какъ показалъ многовѣковой опытъ, оказывать не могутъ. Онѣ слишкомъ формальны, внѣшни; онѣ слишкомъ часто грозятъ за дѣянія, ничего безнравственнаго не представляющія, а иногда даже за дѣянія прямо геройскія, какъ въ случаѣ преступленій политическихъ; наконецъ, онѣ слишкомъ однородны, мало индивидуальны. Онѣ не проникаютъ поэтому во внутренній міръ человѣка и, прежде всего, не задѣваютъ того чувства чести, уваженія человѣка къ себѣ, уваженія, основаннаго на уваженіи другихъ къ нему, которое, все таки, есть главный рычагъ всякаго психологическаго принужденія. Его задѣваетъ лишь общественное мнѣніе и правосудіе,—но и то только тогда, когда оно является выразителемъ общественнаго мнѣнія, т. е. отправляется самимъ обществомъ, въ лицѣ его свободныхъ дѣйствительныхъ представителей—присяжныхъ засѣдателей; мѣры же респрессивныя, примѣняемыя потомъ на основаніи вердикта присяжныхъ, которые въ большинствѣ случаевъ этимъ мѣрамъ, какъ мѣрамъ архаическимъ, никуда негоднымъ, не сочувствуютъ, никакого вліянія, кромѣ совершенно противоположнаго тому, которое желаютъ достигнуть,—не достигаютъ, Но союзы именно тоже являются законными, несомнѣнными представителями общественнаго мнѣнія, наиболѣе организованными,—и въ этомъ ихъ сила.

Я думаю, что уже эти общія разсужденія не оставляютъ сомнѣній въ громадномъ значеніи и роли союзовъ вообще, во всѣхъ ихъ разнообразныхъ видахъ, въ дѣлѣ не только своевременнаго предупрежденія преступленія, но и самаго начала того матеріальнаго и нравственнаго паденія, которое ведетъ къ деклассаціи. Союзы, несомнѣнно,—самые сильные охранители общественнаго строя, наиболѣе дѣйствительно удерживающіе личность въ рядахъ нормальнаго общества.

Собственно, что касается до образа дѣйствій союзовъ при выполненіи ими указанныхъ выше общественныхъ функцій, то таковой, разумѣется, легче выяснить и установить при изученіи отдѣльныхъ видовъ союзовъ.

Наиболѣе распространеннымъ и, въ то же время общимъ, не имѣющимъ характера профессіональнаго, видомъ союзовъ являются такъ называемые клубы. Клубные уставы наиболѣе разработаны въ Англіи. Въ этой странѣ клубы крайне распространены: такъ, г. Озеровъ [1]) насчитываетъ около 4.000 клубовъ рабочихъ съ составомъ болѣе чѣмъ въ 2.000.000 членовъ. Объ уставахъ англійскихъ клубовъ имѣется спеціальное изслѣдованіе Вертхеймера, къ сожалѣнію весьма краткое и чисто казуистическаго характера [2]); о нихъ же говоритъ и Нотнагель.

Во главѣ англійскихъ клубовъ стоитъ выборный комитетъ, который слѣдитъ за поведеніемъ членовъ. Если комитетъ найдетъ, что въ поведеніи и дѣйствіи члена въ самомъ клубѣ или внѣ онаго заключается что-либо противное характеру или интересамъ клуба, то комитетъ предлагаетъ члену выйти изъ состава клуба; если же послѣдній добровольно не подчиняется такому распоряженію, то вопросъ объ исключеніи обсуждается въ общемъ собраніи членовъ клуба. Но кромѣ того, для исключаемаго члена есть еще одна гарантія его правъ — обращеніе въ общіе суды. Англійскіе суды разрѣшаютъ много такихъ дѣлъ, причемъ въ своихъ рѣшеніяхъ принимаютъ во вниманіе не

---

[1]) Проф. И. Озеровъ. Изъ жизни труда. Рабочіе клубы въ Англіи, 2 ч. 1904 г., стр. 211.

[2]) Wertheimer's Law relating to clubs. 1889.

только уставъ клуба, не только останавливаются на вопросѣ о томъ, можно ли признать, что разрѣшившіе дѣло объ исключеніи поступили bona fide, но еще находятъ возможнымъ оцѣнивать и данное дѣяніе и даже самые уставы даннаго клуба съ точки зрѣнія natural justice, какъ дѣлали римскіе судьи, расширявшіе такимъ образомъ слишкомъ строгія и узкія рамки древняго римскаго гражданскаго права. Въ случаѣ отмѣны судомъ рѣшенія общаго собранія клуба, членъ вновь водворяется въ составъ клуба. Къ сожалѣнію, въ указанномъ сочиненіи не содержится болѣе подробныхъ данныхъ, какія дѣянія именно признаются на практикѣ противорѣчащими характеру и интересамъ клуба; но не можетъ быть сомнѣнія, что порядочность поведенія, какъ въ самомъ клубѣ, такъ и внѣ его и, вообще, этическія требованія поставлены твердо и неуклонно. что совершенная невыясненность вопроса о контролѣ надъ дѣйствіями союзовъ и объ установленіи гарантій правъ личности, хотя бы приблизительно столь же прочныхъ, какъ въ общихъ судахъ, наглядно указываетъ, въ какой мѣрѣ еще не выяснена роль союзовъ, какъ союзниковъ государственной власти и суда въ борьбѣ за поддержаніе нравственнаго строя и, въ концѣ концовъ за предупрежденіе впаденія здоровыхъ членовъ общества въ преступленія.

Въ профессіональныхъ союзахъ мы встрѣчаемся съ вполнѣ разработанными не только кодексами, предусматривающими дѣйствія, несовмѣстимыя со званіемъ члена общества, но даже съ особенными судами.

Такъ, не говоря о подробно разработанныхъ дисциплинарныхъ правилахъ адвокатскихъ корпорацій и даже судахъ чести адвокатовъ, которые, въ сущности, почти принадлежала къ судебной организаціи, не могутъ считаться частными союзами,—мы встрѣчаемся съ такими же дисциплинарными уставами и судами чести и въ корпораціяхъ врачей, въ Австріи и Пруссіи. Я остановлюсь для характеристики тѣхъ требованій, которыя предъявляются союзами къ своимъ членамъ, и того психологическаго давленія, которое ими оказывается на членовъ, на тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявляетъ Вѣнская камера врачей своимъ членамъ. Въ поясненіе слова „камера“ надо замѣтить, что и

въ Австріи и въ Пруссіи съ 1885 г. [1]) по закону врачи каждой провинціи объединяются въ особую корпорацію (камеру), вполнѣ свободно самоуправляющуюся и имѣющую даже свои суды чести.

Нотнагель приводитъ слѣдующія требованія вѣнской корпораціи врачей. Корпорація признала несовмѣстными съ достоинствомъ врача:

1) объявленіе о себѣ въ газетахъ въ тонѣ рекламы,

2) обнародованіе въ газетахъ полученныхъ за лѣченіе благодарственныхъ писемъ или даже невоспрепятствованіе такому обнародованію,

3) публичное въ печатныхъ органахъ выдаваніе за свои извѣстныхъ въ медицинѣ и другимъ врачамъ способовъ врачеванія или лѣкарствъ,

4) имѣніе наемныхъ агентовъ для привлеченія кліентовъ,

5) привлеченіе вниманія публики вывѣсками, носящими характеръ вывѣсокъ въ торговыхъ заведеніяхъ,

6) обращеніе врача къ подобнымъ же средствамъ для привлеченія вниманія публики къ лѣчебному заведенію, состоящему подъ его наблюденіемъ.

Я думаю, что одно перечисленіе приведенныхъ выше требованій доказываетъ съ несомнѣнностью, въ какой мѣрѣ союзы стоятъ на защитѣ чести данной спеціальности, соблюденія этическихъ началъ при выполненіи обязанностей по избранной спеціальности.

Для оцѣнки важности въ дѣлѣ борьбы съ преступностью подобной дѣятельности союзовъ, направленной на прочное установленіе и сохраненіе въ каждомъ дѣлѣ лицами, ими занимающимися, этическихъ началъ, достаточно остановиться на одномъ, весьма несложномъ соображеніи. Въ какой области скорѣе всего можно опасаться совершенія преступленія даннымъ лицомъ, какъ не въ той, которая ему наиболѣе близко знакома, въ которой ему извѣстны всѣ ходы и выходы? не есть ли поэтому удержаніе именно въ этой области лицъ, трудящихся въ ней, въ предѣлахъ нравственныхъ требованій, наиболѣе вѣрное средство удержанія ихъ вообще отъ преступленія?

---

[1]) Archives d'anthropologie criminelle, 15 Novembre 1903, p. 741.

Выполненіе перечисленныхъ выше требованій ограждается даже особыми судами чести. Аналогическая организація самоуправленія австрійскихъ и прусскихъ врачей, объединеніе ихъ по провинціямъ въ особыя выборныя камеры съ совѣтами во главѣ даютъ мнѣ основаніе предполагать, что устройство суда чести врачей аналогично въ Австріи и Пруссіи, гдѣ организація подобныхъ судовъ установлена закономъ 25 ноября 1899 г. Конечно, это—суды не уголовные, а дисциплинарные, такіе же, какъ суды чести австрійскихъ (1873) и германскихъ адвокатовъ (1878) [1]). Но едва-ли правильно было бы считать, что компетенція этихъ судовъ такъ далека отъ компетенціи уголовныхъ судовъ, не говоря о томъ, что вообще разграниченіе дисциплинарныхъ проступковъ отъ уголовныхъ не зиждется ни на какомъ серьезномъ принципіальномъ началѣ.

Въ самомъ дѣлѣ—мы видѣли, что въ числѣ проступковъ, подлежащихъ вѣдѣнію суда чести вѣнскихъ врачей, значатся и такіе, какъ публичное въ печатныхъ органахъ выдаваніе за свои извѣстныхъ въ медицинѣ и другимъ врачамъ способовъ врачеванія, или лѣкарствъ, или имѣніе наемныхъ агентовъ (что они должны говорить?) для привлеченія кліентовъ.

Не представляютъ ли подобные проступки легкихъ видовъ обмана и мошенничества въ области избранной профессіи, не являются ли они вообще началомъ преступной дѣятельности и не важно ли потому, чтобы вся тяжесть силы общественнаго мнѣнія корпораціи пресѣкла съ самаго начала преступныя поползновенія? Несомнѣнно поэтому, что значеніе подобныхъ судовъ, при такихъ условіяхъ, въ дѣлѣ борьбы съ преступностью громадно.

Суды чести прусскіе организованы такъ. Они состоятъ (§ 7) изъ предсѣдателя совѣта (камеры) врачей данной провинціи, трехъ лицъ, выбранныхъ тѣмъ же совѣтомъ изъ своего состава, и члена мѣстнаго суда, тоже выбраннаго совѣтомъ. Законъ не даетъ перечисленія проступковъ, подвѣдомственныхъ этому суду, какъ это сдѣлано въ австрій-

---

[1]) *Grotefend.* Gesetzgeburngsmaterial 1899, стр. 545. См. статью объ этихъ судахъ въ Archives d'anthropologie criminelle 1903, 15 Novembre.

скомъ законѣ, но за то имѣется весьма многознаменательнаго значенія § 3, который говоритъ: „врачъ обязанъ исполнять свои профессіональныя обязанности добросовѣстно и своимъ поведеніемъ, какъ при исполненіи своихъ профессіональныхъ обазанностей, такъ и внѣ такового, поддерживать честь профессіи".

Взысканія, налагаемыя судомъ чести: предостереженіе, выговоръ, денежное взысканіе до 3.000 марокъ, ограниченіе срочное пассивнаго и активнаго права выборовъ въ совѣтъ врачей.

Весь порядокъ процессуальный вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ современнаго процесса, съ допросомъ свидѣтелей въ присутствіи сторонъ, преніями и т. д.

На рѣшеніе провинціальнаго суда чести возможна жалоба въ центральный врачебный судъ чести, тоже образуемый на основаніи выборнаго начала.

Важно также остановиться еще на нѣкоторыхъ видахъ союзовъ и выяснить тѣ элементы ихъ дѣятельности, которые имѣютъ значеніе для борьбы съ преступностью.

Такъ, я отмѣчу громадное количество союзовъ трезвости; въ Сѣв. Америк. Штатахъ (Rostand) около 8.000 такихъ обществъ и, кромѣ того, особый орденъ добрыхъ храмовниковъ, насчитывающій 650.000 членовъ. Такія же общества на религіозной и на внѣконфессіональной почвѣ считаются тысячами во всѣхъ государствахъ.

Кромѣ спеціальныхъ обществъ трезвости, мы встрѣчаемъ и другіе союзы, преслѣдующіе ту же цѣль въ числѣ другихъ цѣлей. Такъ, въ Англіи существуютъ рабочіе ордена [1]), которые заботятся не только объ искорененіи пьянства среди своихъ членовъ, но и о воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей членовъ, пріученіи ихъ къ бережливости и т. д.; нерѣдко эти ордена вызываютъ къ жизни и спеціально посвященныя интересамъ дѣтства общества (juvenilé societies).

Нравственное вліяніе обществъ трезвости и подобныхъ орденовъ рабочихъ не подлежитъ, казалось-бы, особому доказыванію. Но необходимо подробнѣе остановиться на той роли, въ смыслѣ поддержанія общественной нравственности,

[1]) Ср Яроцкій, н. с., т. I, стр. 220.

а равно и удержанія отъ преступленія, которую играютъ всѣ выше отмѣченные союзы взаимопомощи, рабочіе, всякія ссудосберегательныя и потребительныя товарищества.

Всѣ они вѣдь, повидимому, преслѣдуютъ совершенно практическія, чисто матеріальныя цѣли. Однако, даже и въ этихъ предѣлахъ не слѣдуетъ забывать того громаднаго значенія, которое имѣютъ эти союзы по устраненію той матеріальной почвы для преступленія, о которой я говорилъ выше въ отдѣлѣ о факторахъ преступности; благодаря имъ, достигается обезпеченіе достаточной постоянной рабочей платы, обезпеченіе помощи во всѣхъ случаяхъ матеріальнаго ослабленія, наконецъ возможность выгоднаго сбереженія, хоть и небольшихъ средствъ. Все это является, разумѣется, важной силой, противодѣйствующей развитію пауперизма, одиночества, деклассаціи.

Какъ справедливо замѣчаетъ Брентано [2]), цѣль trade-unions—не столько повышеніе заработной платы, сколько обезпеченіе постоянства этой платы и, такимъ образомъ, обезпеченіе того, что англичане называютъ standard of life. Это очень важное понятіе въ переводѣ на русскій языкъ—разумѣется, свободномъ—обозначаетъ человѣческія условія существованія, условія существованія, отвѣчающія общественному положенію даннаго человѣка (слѣдовательно, размѣръ благосостоянія вполнѣ относительный) и, притомъ, постоянныя, безъ колебанія. Если человѣкъ не имѣетъ возможности жить по-человѣчески, прилично, не хуже другихъ, занимающихъ такое же положеніе, фабричнаго рабочаго, напримѣръ; если онъ не въ состояніи имѣть отдѣльной комнаты для семьи, не посылать дѣтей нищенствовать, имѣть каждый день горячую пищу, не ходить въ лохмотьяхъ. Если этого нѣтъ и становится стыдно передъ себѣ подобными, теряется честь общественная, то необходимое, пусть даже на первый взглядъ—внѣшнее уваженіе, въ которомъ однако содержится и много далеко не внѣшняго, то начинается деклассація. Ибо лишеніе такого уваженія есть вмѣстѣ съ тѣмъ укоръ образу жизни, поведенію, неспособности или

---

[2]) Н. с, т. II, стр. 132.

неумѣнію жить. Несомнѣнно, потеря Standard of life—есть начало деклассаціи.

Но, повторяю, помимо этихъ матеріальныхъ, благотворныхъ послѣдствій союзной дѣятельности есть и громадныя послѣдствія моральныя и, притомъ, оказывающія прямое вліяніе на преступность.

Громадное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, отмѣчаемый Геркнеромъ [1]), что ростъ trade-unions влечетъ за собою уменьшеніе забастовокъ. Такъ, за время съ 1892 г. по 1900 г. число членовъ этихъ союзовъ въ Англіи увеличилось съ 1.502.358 до 1.905.116 человѣкъ, а число пропущенныхъ по случаю забастовокъ рабочихъ дней уменьшилось съ 17.381.936 до 3.152.694 въ годъ. Я думаю, что едва-ли надобно пояснять, въ какой мѣрѣ всякая забастовка не только пагубна для матеріальнаго положенія рабочаго, но сколько она влечетъ за собою споровъ, столкновеній, насилій и даже тяжкихъ преступленій.

Для достиженія этихъ цѣлей trade-unions располагаютъ особыми boards of conciliation, а если соглашеніе не удается,—boards of arbitration. Но, повторяю, кромѣ чисто боевыхъ, матеріальныхъ цѣлей, даже trade-unions преслѣдуютъ рядъ другихъ: они тратятъ большія деньги въ видѣ пособій на похороны, на леченіе, пенсіи инвалидамъ труда, сиротамъ, пособій въ несчастныхъ случаяхъ, въ случаяхъ выселенія и т. д.

То-же самое мы встрѣчаемъ и въ другихъ корпораціяхъ, какъ напримѣръ германскіе рабочіе союзы, сберегательныя кассы германскія, датскія и т. д. Всѣ они тратятъ большія деньги на общеполезныя цѣли: на содержаніе библіотекъ, устройство чтеній, даже прямо классовъ и цѣлыхъ школъ. Въ этихъ тратахъ сходятся всѣ кооперативныя товарищества.

Но и на этомъ не ограничиваются. Какъ говоритъ Брентано, англійскіе рабочіе союзы стремятся къ повышенію нравственнаго настроенія, „тона“, своихъ членовъ. Они съ большимъ разборомъ принимаютъ въ свой составъ, и если вступающій дурно ведетъ себя, то ему предлагаютъ прежде

[1]) Die Arbeiterfrage. 1902.

измѣнить образъ жизни,—въ противномъ случаѣ онъ принятъ не будетъ. Далѣе, пособіе отъ общества не выдается тому, кто потерялъ работу вслѣдствіе пьянства, лѣности. Если членъ общества совершилъ растрату, укрывательство, то онъ исключается изъ общества, и имя его отмѣчается. За пьянство на собраніяхъ и за другія нарушенія статутовъ взысканія, за путешествующими надзоръ.

Въ Германіи въ силу Gewerbenovellen 1883 и 1885 г. возстановлены корпораціи для мелкой промышленности *въ цѣляхъ*, какъ говоритъ Von Schulze-Gaevernitz [1]), *развитія чувства солидарности, профессіональной чести*, правильнаго образованія и обученія учениковъ, устраненія разногласій съ хозяевами.

Но кромѣ того, важнымъ обстоятельствомъ является то, что большинство указанныхъ выше разнаго рода обществъ въ отдѣльности очень не велики по составу, въ особенности всѣ общества взаимопомощи, societés de secours mutuels, Friendly societies. При такихъ условіяхъ, громадный нравственный надзоръ членовъ другъ за другомъ, штрафы, исключенія [2]) за самыя малѣйшія нарушенія требованіи нравственности.

Наконецъ, самый духъ сотрудничества, кооперації дѣйствуетъ благотворно. Кооперація,—говоритъ Ростанъ [3]),—это самопомощь, единеніе соціальныхъ силъ, дѣятельность братская, но, въ то же время, личная, дисциплина подъ руководствомъ избранныхъ начальниковъ.

Однимъ словомъ, всѣ эти общества являются группировками, въ которыхъ царствуетъ нравственный, здоровый порядокъ. Они пользуются довѣріемъ, уваженіемъ и со стороны не принадлежащихъ къ обществу. У нихъ есть нравственная честь, и принадлежность къ такимъ обществамъ уже доставляетъ честь, отдѣльной личности. Въ ней создается стимулъ беречь эту честь, незапятнанную репутацію, уваженіе членовъ того же общества, уваженіе постороннихъ.

А что же можетъ быть признано болѣе важнымъ стимуломъ, воздерживающимъ отъ совершенія преступленій,

[1]) Zum socialen Frieden. 1896, S. 114.

[2]) Ср. Яроцкій, т. I, стр. 406.

[3]) Н. с., стр. 65.

какъ имѣніе общественной чести и вполнѣ естественное желаніе её сохранить.

Я думаю, что и приведенныхъ въ этой главѣ данныхъ и соображеній достаточно для выясненія важности той роли, которую играютъ союзы въ удержаніи здоровыхъ членовъ общества отъ тѣхъ непорядочныхъ, безнравственныхъ дѣяній, которыя влекутъ за собою утрату добраго имени, чести, деклассацію и выводятъ виновнаго изъ рядовъ нормальнаго общества, оставляя передъ нимъ открытымъ только одинъ торный путь—преступленія.

Не могу опять-таки и въ этомъ мѣстѣ не подчеркнуть того, что говорилъ въ отдѣлѣ о факторахъ преступности о значеніи охраненія чести. Охраненіе чести, добраго имени, уваженія другихъ и основаннаго на этомъ уваженіи соотвѣтственнаго достоинства—есть важнѣйшая превентивная мѣра. При сохраненіи чести, всякія временныя потрясенія матеріальнаго экономическаго положенія едва-ли могутъ привести къ преступленію. Человѣкъ, сохранившій честь, сознающій цѣну этой чести, дойдетъ, если не до геройства—что также, однако, наблюдается далеко не такъ рѣдко, какъ кажется—то, во всякомъ случаѣ, до полнаго напряженія и истощенія своихъ силъ, исчерпаетъ всѣ честные пути, устоитъ передъ продолжительными неудачами. Не слѣдуетъ забывать, что, сохраняя честь, человѣкъ остается въ рядахъ нормальнаго общества, а при такихъ условіяхъ и возстановленіе своего экономическаго положенія, хотя бы въ нѣкоторой степени, для него, въ концѣ концовъ, возможно. Теперь, я думаю, вполнѣ ясно, что тюрьма, заключая и объединяя вновь посаженнаго съ самыми негодными элементами народа и, такимъ образомъ, налагая на него клеймо тюремнаго сидѣльца и лишая его тѣмъ самымъ его чести, лишаетъ его возможности оставаться въ рядахъ нормальнаго общества, сойти съ преступнаго пути, на который онъ вступилъ случайно, можетъ быть—потому, что въ немъ не было достаточно геройства и, такимъ образомъ, дѣйствуетъ какъ разъ въ направленіи противоположномъ тому, которое требуется интересами дѣла. Другое дѣло, если внѣшнія условія современнаго строя превращаютъ человѣка въ паупера, нищета котораго безъисходна и непоправима. Тутъ совершается

обратный путь. Какая честь, когда нечего ѣсть, — говоритъ русская пословица: хроническая безъисходная нищета ставитъ человѣка въ такія несовмѣстимыя съ человѣческимъ достоинствомъ условія существованія, при которыхъ, какъ мы видѣли (см. факт. о прест.), теряется и честь, и собственное достоинство.

Но для всѣхъ остальныхъ, не попавшихъ въ ряды пауперовъ, сохраненіе чести есть первое и важнѣйшее условіе для того, чтобы остаться въ рядахъ нормальнаго общества, не совершить преступленія. Если, какъ показываетъ статистика, среди людей, не принадлежащихъ къ разряду пауперовъ, совершается сравнительно весьма мало преступленій, то именно потому, что здѣсь сохраняется невредимымъ чувство чести и сама честь, а пауперизмъ неизбѣжно ведетъ къ утратѣ таковыхъ.

Все, что поддерживаетъ чувство чести, охраняетъ отъ утраты ея, служитъ прежде всего и больше всего дѣлу превенціи преступленій. И вотъ, какъ показали приведенныя данныя и соображенія, союзы, служа весьма успѣшно дѣлу охраненія чести, являются громадной, первостепенной силой въ дѣлѣ удержанія здоровыхъ, не доведенныхъ до пауперизма, членовъ общества отъ впаденія въ преступленіе. Но вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ дѣятельности сплетены неразрывно матеріальные интересы и цѣли съ нематеріальными; они, несомнѣнно, являются и лучшимъ союзникомъ одинокой личности для огражденія, предохраненія ея отъ впаденія въ пауперизмъ.

И вотъ поэтому ростъ союзовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ надеждъ на возможность задержанія того прискорбнаго явленія, которое мы констатировали во введеніи—именно, что число преступленій увеличивается быстрѣе, чѣмъ населеніе.

Союзъ—это первый, самый важный стражъ, поставленный жизнью, въ дѣлѣ превенціи; его дѣятельность наиболѣе благотворна, наиболѣе можетъ разсчитывать на успѣхъ.

Но существуетъ рядъ единеній неоформленныхъ, которыя мы, все-таки, можемъ признавать за единенія, ибо въ нихъ есть общій духъ, свое общественное мнѣніе, съ которымъ каждому члену такого единенія приходится считаться, ибо оно, это единеніе, и существующее въ

немъ общественное мнѣніе создаютъ данному лицу репутацію, общественную честь. Удержаніе этой репутаціи, этой чести для сколько-нибудь морально въ конецъ не испорченнаго человѣка является весьма интереснымъ, является тѣмъ психологическимъ давленіемъ, которое удерживаетъ его отъ многаго. Такихъ единеній, резумѣется, весьма много.

Всякое практическое дѣло или, лучше сказать, всякое вообще дѣло, у котораго продолжительное время работаетъ группа людей, вызываетъ образованіе такого неоформленнаго единенія. Въ немъ вырабатываются взгляды на нравственное и безнравственное въ томъ родѣ дѣятельности, которому они посвящаютъ свои труды, складывается взглядъ на сотоварищей по работѣ; ими ведется для этихъ сотоварищей, говоря языкомъ бюрократическимъ, второй (первый ведется начальствомъ) неписанный послужной списокъ, и не дорожить записями въ этомъ спискѣ довольно трудно. Правда, такія неоформленныя единенія большею частью не имѣютъ права каждаго союза исключить изъ своей среды негоднаго члена, но и до этого доходитъ дѣло въ крайнихъ случаяхъ, а во всякомъ случаѣ, и безъ этой крайней мѣры, нельзя отрицать за такими единеніями фактически осуществляемаго ими болѣе или менѣе сильнаго психологическаго принужденія—давленія, которое несомнѣнно, хоть и незамѣтно, оказываетъ важное превентивное вліяніе тѣмъ болѣе, что эти неписанные послужные списки неуклонно, безъ препроводительной бумаги, слѣдуютъ за лицомъ, о которомъ они ведутся, и къ его новому мѣсту службы, занятія и т. д.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, роль общества и его единеній по удержанію здоровыхъ членовъ его если не непосредственно отъ впаденія въ преступленіе, то отъ той утери чести, добраго имени, которая ведетъ къ деклассаціи и преступленію.

Союзы нравственно и экономически здоровыхъ личностей, приходящіе на помощь лицамъ съ пошатнувшимся экономически и нравственно положеніемъ (филантропическіе).

Въ предыдущей главѣ мы имѣли дѣло съ личностями здоровыми экономически и нравственно. И для нихъ, однако, существуетъ возможность впаденія въ преступленіе—правда, какъ исключеніе, какъ рѣдкое исключеніе; если-бы мы позволили себѣ медицинское сравненіе,—и имъ можетъ угрожать какой-нибудь острый бурный процессъ, но въ *большинствѣ* случаевъ и только. Мѣры превентивныя, принимаемыя союзами, вполнѣ естественное желаніе сохранить свое *хорошее* положеніе въ соціальномъ строѣ, въ достаточной степени обезпечиваютъ удержаніе ихъ отъ совершенія преступныхъ дѣяній. Теперь мы вступаемъ уже въ міръ лицъ, экономическое положеніе которыхъ расшатано какимъ-либо острымъ, а весьма часто и хроническимъ процессомъ. Но мы видѣли уже выше, въ главѣ о факторахъ преступности, какъ тѣсно связывается нездоровье нравственное съ нездоровьемъ экономическимъ въ случаяхъ остраго заболѣванія, а въ особенности хроническаго, при которомъ теряется возможность сохраненія тѣхъ условій существованія, которыя необходимы для поддержанія человѣческаго достоинства, чести и уваженія другихъ себѣ подобныхъ, того-же круга лицъ. Поэтому понятно, что результаты мѣръ превентивныхъ здѣсь не могутъ быть такъ-же хороши, какъ относительно лицъ вполнѣ здоровыхъ. Напрасно, разумѣется, было бы однако раздѣлять пессимистическіе взгляды на филантропію, говорить: lasciate ogni speranza и т. п. Дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ. Филантропіи предстоитъ, несомнѣнно, какъ увидимъ ниже,

блестящее будущее, заря котораго уже ярко освѣщаетъ настоящее. Я лишь имѣю въ виду чрезмѣрное увлеченіе надеждами на результаты этого рода соціальной дѣятельности. Какъ бы эта дѣятельность прекрасно ни развилась, не слѣдуетъ забывать, что задачи, преслѣдуемыя ею, весьма обширны и трудны, и что по самому характеру того зла, той бѣды, съ которыми ей приходится бороться, даже при частичномъ осуществленіи идеаловъ соціальной реформы—а на достиженіе этихъ идеаловъ даже частичное пока, несомнѣнно, можно разсчитывать развѣ въ неопредѣленномъ будущемъ—ей не удастся все-таки достигнуть тѣхъ-же результатовъ, какихъ достигаетъ превентивная дѣятельность общества по удержанію вполнѣ здоровыхъ экономически и нравственно членовъ общества отъ впаденія въ преступленіе. Здѣсь задача неизмѣримо труднѣе. Несомнѣнно, что эта задача вовсе не разрѣшается водвореніемъ одного правового строя. Это понятно уже потому одному, что водвореніе правового строя ни въ какой мѣрѣ не оправдало надеждъ на одновременное, такъ сказать, естественное, по формулѣ „laissez faire laissez passer", разрѣшеніе или хотя-бы ослабленіе значенія задачъ соціальныхъ и настоятельности ихъ разрѣшенія. Современный соціальный строй, какъ мы видѣли въ главѣ о факторахъ преступности, и безъ всякой индивидуальной вины создаетъ пауперовъ, т. е. хронически нищихъ, безнадежно на всю жизнь бѣдныхъ людей, лишенныхъ самыхъ первоначальныхъ необходимыхъ условій человѣческаго существованія. Есть, далѣе, весьма много лицъ и по своей винѣ впавшихъ въ нищету и неразрывно связанныя съ нею болѣзни, невѣжество, невозможность дать сколько-нибудь удовлетворительное воспитаніе физическое и нравственное дѣтямъ и т. д. Разумѣется, одно водвореніе правового строя, одно уравненіе такихъ лицъ передъ закономъ съ людьми обезпеченными и даже дарованіе имъ политическихъ правъ нисколько не улучшатъ ихъ положеніе. Всегда и во всѣ времена, поэтому, для любви было мѣсто рядомъ съ справедливостью. Какъ говоритъ Ратцингеръ [1]), простого исполненія того, что предписываетъ законъ,

[1]) Geschichte der Kirchlichen Armenpflege. 1884, предисловіе.

формальной справедливости, недостаточно для того, чтобы обезпечить здоровье общественнаго организма,—нужно еще вмѣшательство любви. Если законъ и справедливость,—говоритъ тотъ-же авторъ [1]), ограничиваютъ область правомочій личности и ограждаютъ ея свободу, то любовь способствуетъ выполненію закона солидарности, единенія человѣчества; она нормируетъ отношенія отдѣльныхъ личностей къ цѣлому, ко всему обществу. Можно, разумѣется, и теоретически и практически отрицать всякое значеніе за любовью, считать, что справедливости совершенно достаточно, какъ это часто и дѣлается въ наше время; но тогда непризнанный и непринятый законъ солидарности мститъ, и то, что не дали добровольно, добывается силою. Конечно, эта альтруистическая общественная дѣятельность, такъ-же какъ и водвореніе правового строя, не разрѣшаетъ и не разрѣшитъ вопроса о соціальномъ неравенствѣ, но она въ значительной мѣрѣ смягчитъ, ослабитъ вредныя пагубныя послѣдствія современнаго капиталистическаго строя и раздѣленія труда, доводящихъ личность до одиночества, до деградаціи и деклассаціи.

Для того чтобы признать, что достиженіе этихъ результатовъ возможно, надо остановиться ближе на характерѣ той альтруистической дѣятельности, которая посвящаетъ себя этому дѣлу. Я намѣренно для обозначенія этой дѣятельности озаглавилъ настоящій отдѣлъ: „*союзы филантропическіе*“. Да, эта дѣятельность именно филантропія, а не благотворительность, являющаяся синонимомъ подачи милостыни. Характеръ дѣятельности и задачи, преслѣдуемыя филантропіею, совсѣмъ иныя, чѣмъ благотворительности. Переворотъ въ этой дѣятельности совершенъ былъ главнымъ образомъ еще благодаря Лютеру, и съ тѣхъ поръ новое направленіе шло быстрыми шагами впередъ, а со времени водворенія въ политическомъ строѣ новыхъ демократическихъ началъ, филантропія перестроилась на новыхъ основаніяхъ. Лютеръ направилъ свою критику на двѣ слабыя стороны современной ему благотворительности. Прежде всего, въ

[1]) Ibid., S. 557.

связи со всѣмъ своимъ религіознымъ ученіемъ, онъ жестоко порицалъ непроизводительныя траты собранныхъ путемъ пожертвованій суммъ на совершенно излишнія украшенія храмовъ и на другія подобныя же затраты, которыя объяснялись вовсе не религіознымъ чувствомъ, а пустымъ тщеславіемъ духовенства и взаимнымъ соревнованіемъ представителей его между собою въ этомъ направленіи. Съ другой стороны, Лютеръ совершенно справедливо возставалъ и противъ полной безсистемности этой благотворительности, удовлетворявшейся раздачей милостыни первому попавшемуся просящему, благодаря чему въ колоссальныхъ размѣрахъ развивалось нищенство, какъ промыселъ. Для того чтобы получить милостыню, надо было только разжалобить, представить передъ глазами благотворителя свое ужасное невыносимое положеніе, дѣйствительное или мнимое. Правда, за то, безъ этого, т. е. безъ того, чтобы просящій находился въ такомъ дѣйствительномъ или мнимомъ отчаянномъ положеніи, онъ ни на какую помощь разсчитывать не могъ. Въ своей знаменитой проповѣди противъ ростовщичества (1519 г.) Лютеръ, бичуя современные схоластическіе взгляды на благотворительность, упрекалъ современныхъ ему представителей церкви въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, милостыню надо подавать только тогда, когда просящій находится уже въ крайней нуждѣ, т. е. тогда, когда онъ буквально умираетъ съ голода, замерзаетъ отъ холода, погибаетъ отъ бѣдности *или вынужденъ скрываться благодаря совершенному преступленію*. Но соотвѣтствуютъ ли даже,—говоритъ Лютеръ,—подобныя воззрѣнія евангельскому требованію: дѣлай ближнему твоему то, чтобы ты хотѣлъ, чтобы онъ дѣлалъ для тебя [1])?

При такихъ условіяхъ все сводилось къ удовлетворенію чисто индивидуальнаго, произвольнаго чувства жалости—не больше. Понятно поэтому, что такая дѣятельность общественной, соціальной пользы приносить не могла. Она страдала тремя недостатками: въ основаніе ея были положены не какія-либо широкія общія начала, а чисто капризное

---

[1]) Сравни по этому поводу Ulhorn, Christliche Liebesthätigkeit, S. 529.

индивидуальное начало; въ ней не было ни какой системы, а равно и никакихъ прочно и широко поставленныхъ задачъ и, наконецъ, по самому времени своего осуществленія, она выступала слишкомъ поздно, чтобы принести какую нибудь дѣйствительную пользу.

Уже въ ближайшее къ Лютеру время, подъ вліяніемъ его проповѣдей, были сдѣланы шаги къ устраненію этого недостатка. Діаконы лютеранской церкви разслѣдовали нужду обращавшихся за помощью и оказывали эту помощь своевременно, такъ что она дѣйствительно являлась мѣрою, предупреждающею наступленіе непоправимой бѣды.

Такимъ образомъ, благодаря ученію Лютера, благотворительной дѣятельности придана была извѣстная система, и она получила *превентивный* характеръ.

Послѣ Лютера, благодаря ряду мыслителей и умственныхъ теченій, были положены въ основаніе благотворительности новыя начала. Личное, чисто произвольное чувство жалости къ данному опредѣленному лицу, которое руководило и вызывало благотворительность средневѣковую, было замѣнено любовью къ человѣчеству вообще. Эта перемѣна вызвана теоріями естественнаго права, изучавшаго человѣка вообще, внѣ времени и пространства, скорѣе—идею человѣка, и создавшаго тѣмъ самымъ понятіе правъ человѣка, какъ такового, внѣ его сословнаго, экономическаго, положенія, и равенства правъ всѣхъ людей. На почвѣ этого ученія гуманисты (Геллертъ, Клопстокъ, Гердеръ въ своихъ проповѣдяхъ) проповѣдывали необходимость и обязательность заботиться о человѣчествѣ вообще (die Menschheit — новое понятіе), о его развитіи и удовлетвореніи его интересовъ; это человѣчество идеализировали, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и чрезвычайно высоко ставили отношенія отдѣльнаго человѣка къ другимъ, возводили гуманизмъ или, какъ теперь говорятъ, альтруизмъ въ нравственную обязанность каждаго.

Въ наше время это ученіе преобразилось въ теорію солидарности, о которой я говорилъ выше. Ученіе о солидарности, если можно такъ выразиться, гораздо трезвѣе, чѣмъ гуманизмъ: оно основано не на возвышенныхъ и благородныхъ чувствахъ, а на спокойномъ и просто добросовѣстномъ

разсчетѣ, на сознаніи необходимости уплаты долга обществу за всѣ культурныя условія, въ которыхъ живешь, на идеѣ,—какъ говоритъ Оссонвиль [1]),—антисептической, т. е. на убѣжденіи, что не слѣдуетъ въ собственныхъ интересахъ допускать заболѣванія физическаго и нравственнаго, а въ особенности полнаго паденія, сотоварищей по единенію общественному и народному, ибо всякое общество есть организмъ и гангрена одной части организма неизбѣжно распространяется на другія части. И вотъ, когда въ основу благотворительной дѣятельности кладется ученіе о солидарности, то и самое благотвореніе не является болѣе удовлетвореніемъ индивидуальнаго чувства, а выполненіемъ долга, общественной обязанности и, если угодно, общественной повинности. Но рядомъ съ идеею солидарности, въ основу современной филантропіи положена и другая идея—кооперації, сотрудничества и, притомъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ отношеніи оказала громадное вліяніе демократизація всѣхъ современныхъ политическихъ учрежденій, всего современнаго общественнаго строя. Какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ современныхъ американскихъ писателей по вопросамъ благотворительности Макъ-Линъ [2]), развѣ кооперація не есть въ дѣйствительности самая сущность, основная идея, духъ современной демократіи? И этотъ духъ демократизаціи и кооперації оказалъ громадное вліяніе на постановку современной филантропіи. Прежняя благотворительность была удѣломъ богатыхъ людей, пріятнымъ отдохновеніемъ отъ слишкомъ праздной жизни. Къ участію въ новой филантропической дѣятельности, преслѣдующей и новыя задачи, къ опредѣленію которыхъ я сейчасъ перейду, призываются всѣ члены общества, безъ различія богатыхъ и бѣдныхъ, высоко и низко поставленныхъ, ибо именно и задачи таковы, что затраты денежныя вовсе не играютъ первенствующей роли, не говоря уже о томъ, что при демократической постановкѣ, при привлеченіи къ участію въ расходахъ массы людей, средства, очевидно, собираются го-

---

[1]) Le Comte d'Haussonville. Assistance publique et bienfaisance privee. 1900.

[2]) Proceedings of Thirty First National Conference of charity and correction. 1904. F. M. Lean. Ideals and Methods of Cooperations. p. 201.

раздо большія, чѣмъ тѣ, которыя жертвовались единичными богатыми личностями. Макъ-Линъ приводитъ въ примѣръ помощь, оказанную плотникомъ, бывшимъ въ это время безъ работы и имѣвшимъ поэтому возможность посвятить свое время возвращенію къ разумной жизни путемъ уговоровъ человѣка, предававшагося кутежамъ и оставлявшаго семью безъ средствъ.

Такимъ образомъ, вотъ въ чемъ произошла эволюція въ основахъ благотворительности. Въ основу этой дѣятельности, взамѣнъ чисто личнаго, случайнаго чувства жалости, на почвѣ котораго очевидно не могло быть воздвигнуто что-либо прочное, имѣющее общественное значеніе, были положены сначала общеобязательныя для всякаго разумнаго и нравственнаго существа чувства гуманности; затѣмъ чувства вообще были если не устранены совсѣмъ изъ этой области, то отодвинуты на задній планъ, и ихъ замѣнили соображенія объ обязанностяхъ, долгѣ въ отношеніи общества и, наконецъ, въ основу филантропической дѣятельности, какъ и всякой другой современной соціальной дѣятельности, были положены начала демократической кооперації, того сотрудничества, на которомъ основана вся современная цивилизація, весь современный прогрессъ и которыя управляютъ современною жизнью почти такъ же планомѣрно, какъ и законы природы. Вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ измѣненіемъ, къ участію въ новой или заново поставленной дѣятельности были призваны, естественно, всѣ безъ исключенія члены общества, не исключая почти и тѣхъ, которые сами нуждаются въ помощи. На работу стали, или по крайней мѣрѣ становятся (въ зависимости отъ степени развитія дѣла въ странѣ) громадныя личныя силы. Необходимость привлеченія такихъ силъ объясняется и громадностью и высотою тѣхъ задачъ, которыя преслѣдуются новою филантропіею, какъ дѣятельностью соціальною. Американскіе и англійскіе филантропы такъ и называютъ новое дѣло: „social work“. Задачи эти состоятъ въ томъ, чтобы бороться съ деградаціей, деклассаціей отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ группъ. Въ этомъ опредѣленіи сходятся писатели всѣхъ странъ.

Англичанинъ Loch, секретарь совѣта общества органи-

зованной благотворительности въ Англіи [1]), говоритъ по этому поводу слѣдующее.

Филантропія, которая не помогаетъ встать на ноги,—зло. Благотворительность должна оставить прежніе методы благодѣянія, а должна сдѣлаться союзникомъ, товарищемъ, какъ въ дѣлѣ сбереженій... Тотъ, которому оказываютъ помощь, долженъ быть предоставленъ какъ можно скорѣе своимъ собственнымъ силамъ. Благотворительности слѣдуетъ смотрѣть на бѣдныхъ, не какъ на получателей подарковъ, но какъ на мужчинъ и женщинъ, условія существованія, соціальное положеніе (standard of life) которыхъ должны быть подняты, улучшены. Опять, какъ сказалъ тотъ же Лохъ на конгрессѣ благотворительности 1909 г. въ Парижѣ [2]), конечная цѣль филантропіи—обезпеченіе полной независимости личности и ея семьи, ихъ соціальное здоровье.

Такъ же смотрятъ на задачи филантропіи и американцы. Джорджъ Браккеттъ, открывая въ 1902 г. 31 американскій національный конгрессъ благотворительности и пенитенціарныхъ учрежденій (charity and correction) [3]), заявилъ: „Принципъ современной филантропіи тотъ, что мы должны стремиться къ работѣ не *для* нуждающихся, а къ работѣ *вмѣстѣ* съ ними“.

Но, заботясь о соціальномъ здоровьѣ, новая филантропія не ограничивается помощью отдѣльнымъ личностямъ и ихъ семьямъ, а распространяетъ свою благотворительность на цѣлые участки, какъ говорятъ американцы, сосѣдства (neigborhouds), которые оказываются ниже уровня благосостоянія и гражданственности, котораго достигли сосѣднія мѣстности. Какъ доказывала на томъ же упомянутомъ выше конгрессѣ г-жа Адамсъ [4]), дѣятели филантропіи выяснили, что бываетъ много случаевъ, когда подающія наилучшія надежды дѣти погибаютъ нравственно, благодаря дурному вліянію окружающей ихъ среды. Мало того—по тому же

---

[1]) The annual Charity organization register and digest. 1904. Introduction p. XVIII.

[2]) Expos. Univ de 1900. Recueil des travaux du Congr. Intern d'assistance et de bienfaisance privée, t. I, p. 218.

[3]) Proceedings, p. 3.

[4]) Proceedings, p. 456.

наклонному пути идутъ цѣлыя семьи, которыя не находятъ въ себѣ достаточно силы воли, чтобы оказать противодѣйствіе внѣшнимъ дурнымъ вліяніямъ. Эти факты убѣдили американскихъ дѣятелей филантропіи въ необходимости не ограничиваться помощью отдѣльнымъ личностямъ или даже семьямъ, но устраивать особыя комиссіи для изученія положенія и условій подобныхъ матеріально и нравственно опустившихся мѣстностей и возможнаго выведенія ихъ изъ этого положенія.

Такъ же широко и высоко смотрятъ на задачи современной филантропіи и на континентѣ Европы. На конгрессѣ благотворительности 1900 г. въ докладѣ, посвященномъ трудовой помощи, французъ Henri Defert [1]) доказывалъ, что современная филантропія и, въ особенности, трудовая помощь, прилагая стараніе къ возвышенію нравственности вспомоществуемыхъ, стремится къ соціальной ихъ реклассаціи.

Соотечественникъ Defert, знаменитый авторъ французскихъ законовъ о заброшенныхъ нравственно дѣтяхъ, Теофиль Руссель еще въ 1885 г. [2]), по поводу одного изъ первыхъ конгрессовъ организованной благотворительности въ Филадельфіи, замѣтилъ, что современная филантропія ведетъ открытую войну съ пороками отдѣльныхъ личностей и съ тѣми пагубными соціальныии условіями, которыя ставятъ человѣка уже съ дѣтства въ положеніе деклассированнаго, стоящаго ниже уровня человѣческаго существованія, *а изъ такихъ-то лицъ* и комплектуется армія преступниковъ, приносящая столько бѣдъ и вынуждающая у общества столько траты силъ и денегъ.

Совершенно такъ же смотрятъ на задачи современной филантропіи и въ Германіи. Здѣсь создали особый терминъ для это дѣятельности: „sociale Wohlfahrtspflege“—въ отличіе отъ обыкновенной благотворительности „Wohlthätigkeit“. (Liebesthätigkeit и т. д.). Авторъ выдающагося сочиненія, посвященнаго этому роду новой соціальной дѣятельности, Аль-

---

1) Recueil des travaux, t. VI, p. 6.

2) Revue penit. 1885, p. 122.

брехтъ [3]) говоритъ, что въ послѣднее время въ Германіи, съ тѣхъ поръ какъ стали яснѣе представлять себѣ все значеніе новаго соціальнаго законодательства, проявляется вполнѣ опредѣленное стремленіе отнять у учрежденій, дѣятельность которыхъ посвящена поднятію уровня экономическаго благосостоянія неимущихъ, характеръ чисто благотворительныхъ учрежденій. Стараются уничтожить именно это раздаваніе милостыни, которое принижаетъ человѣка въ глазахъ его окружающихъ, тогда какъ, наоборотъ, своевременное обезпеченіе возможности собственными силами создать себѣ воспособленіе на случай нужды поднимаетъ нравственный уровень всѣхъ неимущихъ классовъ.

Такимъ образомъ, задача современной филантропіи, какъ она понимается во всѣхъ культурныхъ странахъ, сводится къ тому, чтобы не допустить до окончательнаго паденія, до полной деклассаціи, деградаціи, потери человѣческихъ условій существованія и человѣческаго достоинства тѣхъ, которые по собственной винѣ или, еще чаще, въ виду пагубныхъ послѣдствій современнаго соціальнаго строя, близки къ такому полному паденію. Притомъ, такъ какъ стремятся достигнуть прочныхъ, дѣйствительныхъ результатовъ, стремятся честно, безъ самообмана и безъ излишней чувствительности достигнуть намѣченной цѣли, то стараются прежде всего поднять самодѣятельность самихъ падающихъ экономически и нравственно. Такова задача; но прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшей характеристикѣ новой соціальной дѣятельности, ея способовъ дѣйствія, ея средствъ, тѣхъ результатовъ, которыхъ она уже достигла и т. д., быть можетъ не лишне остановиться и устранить одно сомнѣніе, которое, можетъ-быть, возникнетъ у лицъ, впервые знакомящихся съ новою филантропіею и ея задачами. Намъ могутъ сказать: задачи-то можетъ быть и прекрасныя, но неразрѣшимыя тѣми путями, по которымъ только и можетъ двигаться филантропія. Вѣдь, въ сущности, скажутъ намъ, вы защищаете возможность разрѣшенія соціальнаго вопроса путемъ филантропической дѣятельности, а это вѣдь—ни что

[3]) Prof. Dr. A. Albrecht, Handbuch der socialen Wohlfahrtspflege in Deutschland. 1902. S. 9.

иное, какъ повтореніе того уже болѣе или менѣе оставленнаго ученія, которое надѣялось путемъ кооперації и развитія союзнаго движенія устранить необходимость коренного и непосредственнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса.

Если бы, дѣйствительно, такое сомнѣніе было заявлено, то я смѣю утверждать, что оно основано было бы на полномъ недоразумѣніи. Дѣятельность филантропическая, разумѣется, не устранитъ вовсе необходимости разрѣшенія соціальнаго вопроса, но она вовсе и не является тормазомъ для такого разрѣшенія: наоборотъ, она можетъ служить только подмогой, ибо, во-первыхъ, благодаря ей выясняются болѣе отчетливо дѣйствительныя, неустранимыя путемъ союзной дѣятельности, причины зла, а также и обнаружатся, быть можетъ, или будутъ хотя бы самымъ первоначальнымъ образомъ намѣчены, тѣ пути, по которымъ возможно приближеніе къ разрѣшенію соціальнаго вопроса. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что привлеченіе къ новой соціальной дѣятельности массъ, всѣхъ слоевъ общества, можетъ только явиться проводникомъ соціальныхъ идей, проводникомъ сознанія, что необходимо и что возможно сдѣлать для улучшенія положенія неимущихъ, для устраненія или смягченія пауперизма. Отрицать полезность такой дѣятельности могутъ только тѣ, которые убѣждены, что соціальную реформу можно произвести силой, чуть ли не однимъ законодательнымъ актомъ. Но я думаю, что только весьма немногіе пылкіе политическіе мыслители вѣрятъ въ возможность подобнаго внезапнаго переворота. Большинство же признаетъ, что, конечно, направленіе экономической и соціальной эволюціи, при которой мы присутствуемъ (постепенное ограниченіе „абсолютныхъ“ правъ частной собственности въ интересахъ общественныхъ, постепенное поглощеніе мелкихъ капиталовъ все болѣе и болѣе крупными, совсѣмъ въ согласіи съ предсказаніями Маркса и др.), приближаетъ насъ, хотя и очень медленно, къ осуществленію въ той или другой мѣрѣ соціальнаго идеала. А если это такъ, то, во-первыхъ, филантропія съ новыми задачами можетъ только способствовать выясненію, въ чемъ можетъ быть оказано со стороны общества и государственной власти содѣйствіе въ ускореніи того эволюціоннаго движенія, при которомъ мы

присутствуемъ, и, во-вторыхъ, эта филантропическая дѣятельность будетъ смягчать, по мѣрѣ своего развитія, все болѣе и болѣе пагубныя послѣдствія того соціальнаго строя, конецъ котораго и, притомъ, полный конецъ современному человѣчеству, а можетъ быть и многимъ поколѣніямъ будущимъ едва-ли придется увидать. Но намъ скажутъ: а все-таки вы сами признаете, что это—не болѣе какъ палліативъ по сравненію съ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса. Ну, да, конечно, палліативъ—въ томъ смыслѣ, что онъ не вырываетъ зла съ корнемъ, но я впрочемъ думаю, что, даже и по разрѣшеніи соціальнаго вопроса въ той или другой мѣрѣ, все таки всегда будетъ категорія людей, которые, не вслѣдствіе соціальныхъ недостатковъ, а по собственной винѣ, будутъ близки къ экономическому и нравственному паденію. Но далѣе: что, собственно, значитъ слово „палліативъ“? Не раздѣляетъ ли въ этомъ отношеніи новая филантропическая дѣятельность участи и всякой другой человѣческой дѣятельности, которая вѣдь также является палліативомъ? И борьба со всѣми природными бѣдствіями, наводненіями, пожарами, неурожаями, занесеніемъ эпидемій и борьба съ болѣзнями физическими и борьба съ преступностью, съ проституціею, даже въ области педагогіи борьба съ неподдающимся перевоспитанію наклонностями невинныхъ еще дѣтей,—не есть ли все это палліативы въ томъ смыслѣ, что полнаго устраненія зла ими не достигается? Но развѣ возможно только довольствоваться полнымъ устраненіемъ зла, а при невозможности ничего не дѣлать? Не довольствуется ли человѣчество во всѣхъ отрасляхъ своей дѣятельности относительнымъ результатомъ, т. е. уменьшеніемъ зла, смягченіемъ переживаемыхъ и неизбѣжныхъ бѣдъ внѣшнихъ и столь же неизбѣжныхъ золъ соціальныхъ (вспомнимъ хотя бы проституцію, столь же древнюю какъ бракъ)? Во всякомъ случаѣ, если новая филантропія—и палліативъ въ томъ же смыслѣ, какъ и всякая другая человѣческая дѣятельность, то она, во всякомъ случаѣ, не безполезна и не вредна, какъ прежняя благотворительность съ сопровождавшею ее неразборчивою подачею милостыни, только способствовавшей росту нищенства. За продуктивность новой филантропіи ручается самый характеръ этой новой дѣятельности, тѣ спо-

собы, къ которымъ она прибѣгаетъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Прежде всего, она требуетъ подробнаго и всесторонняго разслѣдованія каждаго отдѣльнаго случая и выясненія причинъ бѣдности; затѣмъ приступаютъ къ тому, что, по типическому выраженію Гендерсона [1]), называется поднимать падающаго, обѣднѣвшаго экономически и нравственно человѣка на ноги, но именно на его собственныя ноги, а не на общественные костыли,—въ этомъ именно и особенность новыхъ пріемовъ. Для такого поднятія, кромѣ необходимой, но именно лишь строго необходимой, матеріальной помощи, слѣдуетъ, по мнѣнію Лока, прибѣгать ко всѣмъ возможнымъ въ данномъ случаѣ средствамъ: производить давленія страхомъ грозящей полной деклассаціи, возбужденіемъ чувства стыда, обращеніемъ къ вниманію родственниковъ и близкихъ и т. д.

Уже изъ этихъ двухъ положеній видно, къ чему должна привести подобная дѣятельность. Прежде всего, подробное и всестороннее разслѣдованіе должно привести къ устраненію всѣхъ случаевъ притворной бѣдности. Но новая филантропія не ограничивается такимъ устраненіемъ отъ помощи обманщиковъ и ремесленниковъ нищенства,—она считаетъ своею обязанностью преслѣдовать ихъ судебнымъ порядкомъ и добиваться строжайшихъ наказаній, видя въ такомъ ремеслѣ громадное соціальное зло. Затѣмъ помощь въ новомъ смыслѣ слова дѣйствительно нуждающимся въ таковой далеко не ограничивается однимъ матеріальнымъ пособіемъ, хотя бы болѣе или менѣе организованнымъ. По справедливому замѣчанію Улльгорна [2]), въ благотворительности нравственныя задачи выше матеріальныхъ. Но также понятно, что для осуществленія этихъ задачъ требуется громадная индивидуализація, совершенно не осуществимая для органовъ государства, и громадное приложеніе и напряженіе личныхъ физическихъ и духовныхъ силъ новыхъ филантроповъ. А такъ какъ „случаевъ“, требующихъ помощи, чрезвычайно много, то отсюда понятно, какія громадныя личныя силы

---

[1]) Modern Methods of Charity. 1904, p. 35.

[2]) Christliche Liebesthätigkeit. S. 784.

необходимы для этой новой соціальной дѣятельности. Наконецъ, также понято, что для обезпеченія успѣха, для того, чтобы хотя бы обманщикъ, обнаруженный однимъ дѣятелемъ, не вызывалъ напрасной траты времени со стороны другого, для того чтобы соединенными силами оказывать извѣстнаго рода помощь, нужно объединеніе, система, планомѣрность, нужна, однимъ словомъ, организація этихъ частныхъ многочисленныхъ силъ добровольцевъ новой дѣятельности. Такая организація уже осуществлена, и лучшими представителями этой организаціи являются англійскія и американскія общества организованной благотворительности (Charity organisation), не говоря о громадныхъ соціальныхъ корпораціяхъ въ родѣ Innere Mission въ Германіи, Арміи Спасенія въ Англіи и другихъ странахъ, которыя тоже вполнѣ идутъ по путямъ новой филантропіи. Что-же касается до Charity organisation, то онѣ представляютъ собою осуществленіе того-же принципа, который привелъ къ объединенію обществъ патроната въ различныхъ государствахъ, въ особые національные союзы; и цѣли и результаты такого объединенія были такіе-же, т. е. дѣло въ стройности и систематичности выиграло весьма много, а число союзовъ отдѣльныхъ, входящихъ на правахъ членовъ, стало выростать съ чрезвычайной быстротою.

Charity Organisation Societies возникли впервые въ Англіи, въ Лондонѣ, въ 1869 г. [1]) по иниціативѣ Гошена, который тогда самъ стоялъ во главѣ Poor Low Board, т. е. высшаго управленія всѣми благотворительными учрежденіями, содержимыми на средства, получаемыя отъ налога въ пользу бѣдныхъ. Задачею вновь образовавшагося союза была организація и обезпеченіе сотрудничества между частными благотворительными учрежденіями и органами оффиціальной англійской благотворительности (Poor Law officers). Самое названіе общества, впослѣдствіи замѣненное краткимъ Charity Organisation, лучше всего указываетъ на намѣчавшіяся уже въ то время цѣли: оно было названо Лондонскимъ обществомъ для организаціи благотворительной помощи и преслѣдованія нищенства. Эта послѣдняя цѣль даже нѣко-

[1]) Henderson, Methods, p. 225.

торое время ставилась лицами, незнакомыми съ дѣятельностью этого и другихъ подобныхъ обществъ, на первый планъ, такъ что обществамъ приписывались явно репрессивныя цѣли; между тѣмъ послѣднія главнымъ образомъ, если не всецѣло, выпадаютъ на долю Poor Law Board и органовъ, подчиненныхъ ему. Въ настоящее время, по вычисленіямъ The annual register and digest за 1904 г., насчитывается, кромѣ 39 отдѣленій Лондонскаго общества, еще 110 обществъ организованной благотворительности въ самой Англіи, не считая ея колоній, гдѣ они также весьма распространены. Лондонское общество, служащее образцомъ для другихъ, имѣетъ во главѣ совѣтъ, состоящій, кромѣ предсѣдателя и вице-предсѣдателя, изъ представителей по выбору отъ отдѣленій. Въ свою очередь отдѣленія, кромѣ постояннаго состава комитета, привлекаютъ большое число добровольцевъ, которые оказываютъ комитетамъ содѣйствіе въ разслѣдованіи и въ раздачѣ пособій.

Изъ Англіи идея общества организованной благотворительности была заимствована Сѣверо-Американскими Штатами, и первое такое общество возникло въ 1877 г. въ Буффало. По словамъ Келлога [1]), собственно окончательно получила гражданство въ Америкѣ мысль объ организаціи благотворительности на конференціи американскаго общества American Social Science Association въ Чикаго въ 1879 г.; здѣсь было положено начало и объединенію этихъ обществъ. Въ 1892 г., по вычисленіямъ Келлога, такихъ обществъ въ Сѣв. Америкѣ было 92, а къ 1904 г. Henderson [2]) насчитываетъ ихъ уже 143.

Уже этотъ чрезвычайно быстрый ростъ числа этихъ обществъ свидѣтельствуетъ о важности и плодотворности того дѣла, которому они посвящаютъ свои силы. Прежде всего, для общей характеристики слѣдуетъ замѣтить, что хотя и имѣются нѣкоторыя небольшія исключенія,—въ общемъ эти общества совершенно устраняются отъ непосредственнаго оказанія помощи. Мало того,—по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, тѣ общества, которыя занимаются и дѣломъ

---

[1]) *B. Kellog.* History of Charity organisation in the United States 1893.

[2]) Назв. соч., p. 439.

непосредственной помощи, дѣлаютъ это въ ущербъ своей дѣйствительной задачѣ и съ опасностью вступить въ конкуренцію съ другими обществами, оказывающими непосредственную помощь, испортить съ ними отношенія и потерять, благодаря этому, свое руководящее положеніе.

Между тѣмъ, задачи обществъ организованной благотворительности, какъ показываетъ и самое ихъ названіе, сводятся, главнымъ образомъ, къ организаціи благотворительности, къ объединенію и направленію дѣятельности всѣхъ отдѣльныхъ благотворительныхъ обществъ, возникающихъ для преслѣдованія каждое своей лично симпатичной членамъ общества цѣли и дѣйствующихъ не только самостоятельно, но большею частью вразбродъ, а иногда и враждебно въ отношеніи другъ друга. Для такой организаціи нужно прежде всего разслѣдованіе, точное выясненіе каждаго отдѣльнаго случая и регистрація выясненнаго, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о томъ, какая помощь, въ концѣ концовъ, была оказана. Какъ говоритъ Гендерсонъ [1]), такое разслѣдованіе должно выяснить причины несчастія, постигшаго данное лицо, или семью, родъ помощи, которую слѣдовало бы оказать, и, наконецъ, обманъ, если, дѣйствительно, бѣдствіе вымышленно. Всѣ эти свѣдѣнія регистрируются; какъ говоритъ Амосъ Вернеръ [2]), въ Нью-Іоркѣ, благодаря обществамъ организованной благотворительности, зарегистрировано около 170.000 лицъ.

Эти свѣдѣнія сообщаются по требованію отдѣльныхъ благотворительныхъ обществъ; съ своей стороны, общества организованной благотворительности, зная точно, какую цѣль какое общество преслѣдуетъ, направляютъ, по разслѣдованіи, нуждающагося въ соотвѣтственное общество. Такимъ образомъ, достигается то сотрудничество, кооперація благотворительныхъ обществъ и благотворительныхъ дѣятелей, которая составляетъ одну изъ главныхъ задачъ Charity organisation, разумная организація благотворительности. Но этимъ, разумѣется, далеко не исчерпывается дѣятельность этихъ

---

[1]) H. c, p. 227.

[2]) Amos G. Warner, American Charity, Study in Philantropy and economics.

обществъ. Я не говорю уже о томъ, что многія изъ нихъ держатъ спеціальныхъ агентовъ для обнаруженія, какъ говоритъ Вернеръ, обманщиковъ, преслѣдованія ихъ передъ судомъ и недопущенія, такимъ образомъ, не невольной бездѣятельности и лѣни.

Кромѣ такихъ агентовъ, главные агенты этихъ обществъ—это такъ называемые Friendly visitors, дружескіе посѣтители. Это они производятъ разслѣдованія, они входятъ въ домъ и семью нуждающагося. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, это—такъ называемые добровольцы, люди, безъ всякаго вознагражденія посвящающіе часть, а иногда и все свободное время этому важному благородному дѣлу. И тутъ именно, на дѣятельности этихъ лицъ, можно убѣдиться, во-первыхъ, въ какой мѣрѣ матеріальная помощь не играетъ главной роли въ новой филантропіи и, во-вторыхъ, въ какой мѣрѣ характеръ новой дѣятельности требуетъ личнаго, самоотверженнаго, участія тружениковъ въ этой области. Вернеръ говоритъ: „не милостыня нужна, а другъ", а Гендерсонъ констатируетъ, что такіе дружескіе посѣтители становятся друзьями нуждающейся семьи,—они усмиряютъ и примиряютъ семейные раздоры, добиваются возвращенія дѣтей, бѣгающихъ по улицамъ, домой, посылаютъ ихъ въ школы, находятъ работу для здоровыхъ членовъ семьи, а, главное, стараются поднять духъ и нравственную энергію той семьи, которая попала въ бѣду, близка къ полной деградаціи.

Но для того, чтобы именно все дѣло велось правильно, необходимо руководство, необходимо установленіе общихъ руководящихъ принциповъ. Разслѣдованіе причинъ, которыя приводятъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыя группы населенія къ деградаціи физической и нравственной,—дѣло, конечно, весьма сложное, требующее опыта, знанія, руководства, и, притомъ, руководства во имя ясно сознаваемыхъ принциповъ. И это-то руководство, въ истинно государственномъ, соціальномъ, духѣ, и осуществляютъ Charity Organisation. Такимъ образомъ, понятно, что всѣ изслѣдователи, изучавшіе дѣятельность этихъ обществъ, характеризуютъ таковую двумя словами: созидательная и предупредительная. И здѣсь именно созидается, организуется на широкихъ, глубоко задуманныхъ началахъ *превенція, пре-*

дупрежденіе полной деградаціи, полнаго разоренія физическаго и нравственнаго, когда помощь уже или вовсе или мало полезна. Но для этого оставлена вовсе прежняя система подачекъ милостыни во всѣхъ отношеніяхъ, и основной принципъ новой филантропіи, осуществляемый Charity Organisation—путемъ привлеченія возможно большихъ общественныхъ силъ и организаціи ихъ по твердо установленнымъ, глубоко продуманнымъ принципамъ, добиваться своевременно, до полнаго паденія личности, того, чтобы, эта личность какъ можно скорѣе собственными силами или, по крайней мѣрѣ, собственными нравственными силами возстановила себѣ достойныя человѣка условія существованія матеріальныя и моральныя, свою честь и достоинство человѣка. Есть спеціальныя сочиненія, которыя въ самомъ заглавіи опредѣляютъ характеръ новой филантропіи. Такъ, Іосифъ Ли (Ioseph Lee, Vice-President of the Massachusets Civic League) назвалъ свое изслѣдованіе, вышедшее въ свѣтъ въ 1902 г. „Constructive und Preventive Philanthropy". Опредѣляя задачи новой филантропіи, онъ говоритъ (стр. 7), что если прежде мотивомъ благотворительности было желаніе одного класса населенія дѣлать добро другому классу, то теперь къ этой дѣятельности, по самимъ принципамъ ея, привлечены всѣ, и задачами ея является помощь не отдѣльнымъ даже группамъ, а переустройство на лучшихъ началахъ всего общественнаго строя. Но если даже допустить нѣкоторое увлеченіе со стороны Ли и опредѣленно указать на задачу новой филантропіи, какъ на своевременное предупрежденіе физической и нравственной деградаціи близкихъ къ паденію отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ группъ населенія, то и при такомъ пониманіи станетъ совершенно ясно не только то, что существуетъ связь новой филантропіи съ борьбой съ преступностью, но даже и то, что эта вновь организованная на высокихъ принципахъ дѣятельность для борьбы съ деклассаціей есть именно настоящая борьба съ главнѣйшимъ факторомъ преступности, а слѣдовательно—и съ самою преступностью. Да это такъ и сознается всѣми дѣятелями. Наиболѣе изъ всѣхъ современныхъ журналовъ, посвященныхъ пенитенціарной наукѣ, вѣрно отражающій современныя движенія—Revue pénitentiaire посвящаетъ большое вниманіе

и удѣляетъ новой филантропіи много мѣста на своихъ страницахъ. Здѣсь встрѣчаются такія выраженія: „среди благотворительныхъ учрежденій Руана *наиболѣе пенитенціарными* являются такія-то [1]). Основатель Парижскаго Office central des institutions charitables, преслѣдующаго задачи Charity Organisation, Леонъ Лефебюръ [2]) видитъ въ новой филантропіи прямую превенцію преступленій. Развѣ,—говоритъ онъ,—могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что предоставленіе работы безработнымъ, обезпеченіе пріюта лишеннымъ временно крова, заботы о помѣщеніи заброшенныхъ дѣтей въ воспитательныя учрежденія, возвращеніе на родину неимущихъ, дошедшихъ до деклассаціи, есть ни что иное, какъ устраненіе корня зла, той соціальной категоріи лицъ, которая, по преимуществу, комплектуетъ преступный классъ людей [3])?“

Я не могу не обратить вниманія на то, въ какой мѣрѣ новая филантропія въ цѣломъ рядѣ случаевъ уже въ настоящее время замѣнила репрессію, причемъ прямо судъ передаетъ осужденныхъ въ вѣдѣніе благотворительныхъ учрежденій; для малолѣтнихъ этотъ процессъ уже почти окончательно повсюду завершился, для бродягъ (Бельгія), нищихъ и т. д. вводится въ послѣднее время.

Американцы всегда были особенно чутки къ пенитенціарнымъ вопросамъ. Достаточно вспомнить, что всѣ европейскія тюремныя системы—американскаго происхожденія, условное осужденіе—новая мѣра борьбы, примѣняемая теперь во всей Европѣ, за исключеніемъ Россіи, къ сотнямъ тысячъ людей, получена изъ той же Америки. И вотъ, въ Америкѣ быстро распространилась система объединенія завѣдыванія благотворительными и тюремными учрежденіями въ особыхъ State Boards of Charity aud Correction. Делегаты этихъ управленій собираются ежегодно въ особый національный конгрессъ благотворительности и исправленія (Charity and Correction) и, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ о 31-мъ конгрессѣ, собиравшемся въ 1904 г. въ Портландѣ, Boards of Charity and Correction существуютъ въ 29-ти

[1]) Revue pénit 1891, p. 981.

[2]) Такія же организаціи имѣются и въ другихъ мѣстахъ Франціи кромѣ Парижа, ср., Rev. pénit. 1892, p. 648.

[3]) Revue pénit. 1891, p. 133.

Штатахъ [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ управленій имѣютъ своею задачею только завѣдываніе правительственными тюремными и благотворительными учрежденіями, но большинство, главнымъ образомъ, исполняютъ функціи контроля и объединенія частныхъ благотворительныхъ учрежденій съ правительственными тюремными и благотворительными учрежденіями въ общемъ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Какъ прекрасно доказывается тѣмъ же отчетомъ, новыя управленія съумѣли объединить лучшія умственныя силы страны: члены управленія назначаются правительствомъ изъ лучшихъ общественныхъ дѣятелей, но кромѣ того, вокругъ такихъ управленій группируется громадное число добровольцевъ, въ лицѣ Friendly visitors, probation officers и т. д. И безъ этого, конечно, дѣятельность этихъ управленій была бы не такъ успѣшна, не представлялись бы такіе великолѣпные доклады конгрессамъ, все дѣло не было бы такъ проникнуто насквозь энергіею, жизнью. А вѣдь дѣло громадное—борьба съ главнымъ факторомъ преступности, деклассаціей отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ группъ населенія. На это дѣло, по вычисленіямъ Вернера, Гендерсона и другихъ, тратится ежегодно только частною благотворительностью около 100 милліоновъ долларовъ, приблизительно такія же суммы расходуютъ и другіе народы. Но эти траты совершенно недостаточны были бы для дѣла, если бы при той постановкѣ новой филантропіи, которая требуетъ такъ много затратъ личныхъ силъ дѣятелей, а слѣдовательно и громаднаго числа этихъ дѣятелей, всѣ бы они оплачивались. Однѣмъ заботамъ о заброшенныхъ дѣтяхъ посвящаетъ свои труды въ Америкѣ, по вычисленіямъ Вернера, болѣе 6.000 лицъ безплатно. Но новыхъ родовъ дѣятельности, благодаря новой филантропіи, возникло весьма много: здѣсь кромѣ тѣхъ friendly visitors, о которыхъ мы говорили, нужно упомянуть о probation officer, новый органъ, осуществляющій надзоръ за испытуемыми, такъ сказать подозрительными по преступному заболѣванію, соціальные секретари, подающіе юридическую помощь и, вообще, всякіе руководители

[1]) Proceedings of the National Conference of Charities and Correction of the thirtyfirst annual session. 1904

благотворительныхъ учрежденій. Но все-таки самымъ типичнымъ образчикомъ новой филантропической дѣятельности является учрежденіе такъ называемыхъ séttlements. Я не нахожу другого слова для передачи этого понятія, какъ русское слово „выселокъ“: это именно выселки культурнаго міра среди мѣстностей и группъ населенія, не столько отставшихъ отъ общаго уровня культурнаго данной страны, сколько именно, благодаря современному соціальному строю, близкихъ къ полному паденію физическому, матеріальному и нравственному, къ полной деградаціи и деклассаціи. Собственно, первая мысль принадлежала ученику Пюзи (Pusey) Лаудеру, который избралъ въ Лондонѣ кварталъ, въ которомъ исключительно почти помѣщаются кабаки и публичные дома; здѣсь онъ открывалъ школы, какъ духовное лицо совершалъ богослуженіе, устраивалъ религіозныя процессіи. Въ своей дѣятельности онъ нашелъ большое число добровольцевъ помощниковъ и достигъ прекрасныхъ результатовъ въ смыслѣ нравственнаго оздоровленія данной мѣстности [1]).

Благотворительность имѣетъ въ виду устранить, или хотя бы смягчить ту или другую бѣду, постигшую данное лицо. Всѣхъ бѣдъ слишкомъ много, и потому благотворительность поневолѣ сосредоточивается на тягчайшихъ видахъ несчастій. Важно при этомъ вспомнить, кто тѣ лица, которыя постигнуты такою чрезвычайною бѣдою и нуждаются въ помощи благотворителей. Это—лица, которыя и при нормальномъ ходѣ вещей едва могутъ справляться съ жизненными потребностями, удовлетворять хотя бы въ нѣкоторой степени тѣ нужды въ жилищѣ, пищѣ, одѣяніи, не говоря уже объ образованіи и тѣмъ менѣе развлеченіи, удовлетвореніе которыхъ однако совершенно необходимо,—иначе нѣтъ человѣческихъ условій существованія. Когда на такихъ лицъ обрушивается бѣда, въ видѣ ли тяжкой болѣзни одного изъ членовъ семьи или лишенія временнаго или постояннаго заработка, то и то небольшое, относительное, равновѣсіе въ области насущныхъ потребностей и средствъ ихъ удовлетворенія, то относительное равновѣсіе между

[1]) Ср. Dr. Gerhart von Schulze-Gaevernitz. Zum socialen Frieden. 1890.

запросами, если не счастья, то относительнаго душевнаго покоя, и возможностью обезпечить удовлетвореніе ихъ, въ такой чрезвычайной мѣрѣ нарушается, что они по истинѣ могутъ быть признаны поставленными въ ненормальное положеніе, неестественное, не переносимое, для перенесенія котораго нужно геройство.

Конечно, геройство—достойное удивленія качество души человѣческой, но можно ли его требовать вообще, а тѣмъ болѣе подъ угрозою уголовной кары? Въ такихъ потрясенныхъ бѣдою лицахъ мы, несомнѣнно, должны видѣть, говоря языкомъ современныхъ уголовныхъ кодексовъ, лицъ, находящихся въ состояніи крайней необходимости, которымъ совершаемыя ими дѣянія не могутъ быть вмѣнены въ вину. И вотъ филантропія, помѣщая калѣку, тяжко больного, въ больницу, прокармливая оставшуюся временно безъ работника семью, содѣйствуетъ несомнѣнно болѣе, чѣмъ всякія непримѣнимыя даже въ данномъ случаѣ репрессивныя мѣры, дѣлу уменьшенія числа преступленій, хотя бы только противъ имущества.

Но остановимся еще на одномъ случаѣ. Что можетъ быть банальнѣе, общераспространеннѣе, чѣмъ пріюты для дѣтей—самые обыкновенные пріюты, не только далекіе отъ цѣлей перевоспитанія и исправленія дурныхъ наклонностей, но даже и въ смыслѣ образовательномъ задающіеся весьма невысокими цѣлями—просто, однимъ словомъ, пріюты, которымъ можетъ быть дано названіе питательныхъ? Повидимому, ужъ эти-то пріюты крайне далеки отъ дѣла борьбы съ преступностью. А между тѣмъ, какъ показываетъ жизнь, они стоятъ въ самой непосредственной тѣсной связи съ этимъ дѣломъ и, притомъ, такъ сказать, по причинѣ совершенно неожиданной—вовсе не потому только, что они устраняютъ бродяжество подобныхъ дѣтей и дальнѣйшее ихъ развращеніе на этомъ пути. Нѣтъ, значеніе того обстоятельства, что такихъ пріютовъ въ Россіи слишкомъ мало, обнаружилось на весьма прискорбномъ обстоятельствѣ. Когда родителей сажаютъ въ тюрьму, а дѣтей буквально некуда дѣть за отсутствіемъ близкихъ и друзей—а преступленіе какъ извѣстно отталкиваетъ и близкихъ—приходится и дѣтей и, притомъ, въ возрастѣ до 14 л. сажать въ тѣ-же тюрьмы

только чтобы не оставить ихъ на улицѣ какъ котятъ, которыхъ бросаютъ за излишкомъ въ воду. Что изъ этого происходитъ, въ особенности при существующей у насъ системѣ общаго заключенія, понятно безъ всякихъ разъясненій; происходитъ на средства государственнаго казначейства обученіе этихъ дѣтей преступному ремеслу, возникаетъ своего рода преступная академія, содержимая на государственный счетъ. Тутъ уже дѣло не въ жалости къ этимъ невиннымъ дѣтямъ, несчастье которыхъ состоитъ въ томъ, что у нихъ родители преступники, а въ невозможности сознательнаго культивированія, выращиванія, будущихъ преступниковъ,—что, однако, неизбѣжно должно послѣдовать, разъ такія дѣти помѣщены намѣренно въ обществѣ преступниковъ, ничѣмъ не занятыхъ, проводящихъ время въ разговорахъ и хвастовствѣ своими „дѣлами“.

Такое явленіе встрѣчается еще, кромѣ Россіи, въ Италіи. Въ другихъ странахъ, на-ряду съ заботами обществъ патроната о семьяхъ преступниковъ, дѣйствуютъ обыкновенно питательные пріюты, и самаго вопроса о помѣщеніи безпріютныхъ дѣтей лицъ заключаемыхъ въ тюрьмы въ такой, по крайней мѣрѣ, острой формѣ какъ у насъ — до 3000 дѣтей совершенно невинныхъ, по приблизительному разсчету, содержится въ русскихъ тюрьмахъ—не возникаетъ.

Я бы хотѣлъ что-нибудь сказать, хотя бы для системы, о положеніи русской благотворительности. Но—я думаю—само собою понятно, что если общественная иниціатива въ Россіи въ значительной степени, во всѣхъ родахъ дѣятельности, отстала отъ культурнаго міра, то, конечно, напрасно было-бы ожидать встрѣтить какія-либо упрочившіяся начинанія въ томъ направленіи, которое привело уже къ блестящимъ результатамъ въ другихъ странахъ.

Я сдѣлаю сравненіе даже не съ другими народами, а съ нашими прибалтійскими губерніями. Въ одной лишь Лифляндской губерніи приходится 52 благотворительныхъ общества на каждые 100 тысячъ населенія, въ Эстляндіи ихъ 26, Курляндіи — 20, Петербургской губреніи — 17, Московской—14, а во всѣхъ остальныхъ не больше 7.

Но все же и въ такомъ отсталомъ, недостаточно развитомъ, видѣ русская благотворительность всетаки, конечно,

БИБЛІОТЕКА

въ цѣломъ—уже хотя бы въ виду громадности пространства и населенія нашего отечества—выражается въ относительно крупныхъ цифрахъ. По послѣднимъ даннымъ недавно изданнаго Вѣдомствомъ Императрицы Маріи Сборника Свѣдѣній о русской благотворительности, приблизительно насчитывается 4762 благотворительныхъ общества и 6278 заведеній благотворительныхъ; въ этотъ подсчетъ вошли какъ органы публичнаго призрѣнія, такъ и частныя общества. Слѣдуетъ, конечно, имѣть въ виду, что эти цифры въ значительной степени другъ друга покрываютъ, такъ какъ весьма мало заведеній, которыя не состояли бы въ завѣдываніи какого-либо общества. Изъ числа этихъ обществъ только около 60% отвѣтили на запросы о томъ, владѣютъ ли они капиталами. Отвѣтившія располагаютъ капиталомъ въ суммѣ 260.443.728 р; 25% такихъ обществъ указали, что они владѣютъ собственною недвижимостью, оцѣниваемою въ 139.325.826 р.

Общій годовой доходъ этихъ обществъ и заведеній опять таки не всѣхъ, а значительной части, пожелавшихъ сообщить свѣдѣнія, около 60.479.696 р., а общій годовой расходъ около 50.561.592 р., при чемъ на правительство упадаетъ не болѣе $^1/_4$ расходовъ, остальное все—на частную благотворительность.

Въ составѣ расходовъ благотворительныхъ учрежденій слѣдуетъ отмѣтить суммы въ размѣрѣ 6.582.313 р., т. е. почти $^1/_7$ всего бюджета на оказаніе помощи внѣ заведеній. Несомнѣнно, это самый неблагодарный способъ вспомоществованія, если, въ особенности, принять во вниманіе форму, въ которую выливается, главнымъ образомъ, эта помощь—денежную, а между тѣмъ изъ общаго числа 4762 обществъ 1182 оказываютъ помощь исключительно деньгами. Если же принять во вниманіе, что у насъ нѣтъ справочныхъ бюро и обыкновенно разслѣдованій производить не принято, то такая помощь должна быть признана неразборчивою подачею милостыни, порождающею лишь нищенство.

Вотъ тѣ общія цифры, чрезвычайно приблизительныя, чрезвычайно неточныя, которыя только и имѣются у насъ въ распоряженіи. Болѣе подробныя свѣдѣнія о русской благотворительности содержатся въ *моихъ* работахъ: „Объеди-

неніе и взаимодѣйствіе общественной и частной благотворительности" 1907 г. и въ статьѣ, помѣщенной въ „Трудовой помощи" за мартъ 1909 г.: „Всероссійскій союзъ учрежденій, обществъ и дѣятелей по общественному и частному призрѣнію". Этотъ всероссійскій союзъ, возникшій только въ 1909 г., имѣетъ цѣлью выяснить положеніе русской благотворительности и объединить ея дѣятелей и съ этою цѣлью созываетъ въ январѣ 1910 г. первый съѣздъ русскихъ дѣятелей по благотворительности.

Я не останавливаюсь здѣсь на отдѣльныхъ видахъ благотворительности даже изъ наиболѣе пенитенціарныхъ. Въ самомъ дѣлѣ — какъ не назвать таковыми всѣ учрежденія трудовой помощи, которыя, съ одной стороны, именно имѣютъ въ виду борьбу съ тѣмъ зломъ постоянной безработицы, которая является произведеніемъ современнаго экономическаго и соціальнаго строя, а съ другой—избрали способъ оказанія помощи этимъ безработнымъ, не принижающій личнаго достоинства и чести этихъ послѣднихъ, двухъ благъ, охраненіе которыхъ столь важно въ борьбѣ съ преступностью.

Есть много союзовъ, изъ которыхъ каждый, какъ, напримѣръ Innere Mission, представляетъ самъ по себѣ громадный комплексъ десятковъ тысячъ союзовъ и которые именно имѣютъ въ виду борьбу съ нравственнымъ и матеріальнымъ одиночествомъ личности.

Филантропія на новыхъ началахъ—такое громадное „соціальное" дѣло, что она даетъ содержаніе новой наукѣ, которая преподается уже во многихъ университетахъ Запада и будетъ преподаваться въ ближайшемъ будущемъ въ Психоневрологическомъ Институтѣ въ Петербургѣ. Есть много союзовъ нравственно и экономически здоровыхъ личностей, которые заняты хотя и не филантропіей, но тоже чисто соціальнымъ дѣломъ—какъ союзы поднятія уровня нравственности въ современномъ человѣчествѣ.

Всѣ эти союзы имѣютъ, несомнѣнно, ближайшее отношеніе къ борьбѣ съ преступностью путемъ превенціи, но въ предѣлахъ учебника описаніе ихъ дѣятельности не можетъ быть дано.

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
55	7 снизу	нужды	труды
62	7 снизу	гармонію,	запятая не нужна
88	14 сверху	которые	которыя
166	4 сверху	наступающее развивающееся вызывающееся	наступаетъ развивается вызывается
397	4 снизу	о борьбѣ	въ борьбѣ
440	5 сверху	peccetur	ne peccetur

